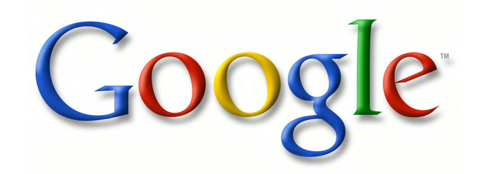

СОВРЕМЕННИКЪ

XIII. 1

1849

СОВРЕМЕННИКЪ

XIII,1

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

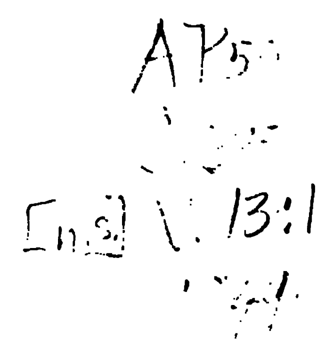
ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1849

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

I.

ЖЮЛИ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Бываютъ комнаты, особенно кабинеты и спальни, разсматривая которыя, чувствуешь такое же удовольствіе, какъ при взглядѣ на красивый пейзажъ, портретъ хорошаго мастера или женскую головку работы Лауренса. Правду сказать, такихъ комнатъ бываетъ мало. Иной богачъ или изуродуетъ свое помѣщеніе безвкуснымъ великолѣпіемъ, или сдѣлаетъ его похожимъ на магазинъ. Чаще всего онъ довѣряетъ отдѣлку своихъ комнатъ чужому человѣку: въ такомъ случаѣ иногда является вкусъ, но вкусъ этотъ, чуждый личности хозяина, несогласный съ его убѣжденіями и взглядомъ на вещи, производитъ такое непріятное впечатлѣніе, какъ портретъ хорошей работы, въ которомъ недостаетъ сходства.

Много надобно пожить, подумать и перечувствовать, чтобъ понять важность домашней жизни на характеръ и судьбу человѣка, умѣть заниматься вещами повидимому мелочными и распредѣлить эти вещи такъ, чтобы получать отъ нихъ возможно-

большую сумму наслажденій. Многіе эпикурейцы не знаютъ другихъ удовольствій, кромѣ гастрономіи да женщинъ, и такимъ образомъ ставятъ себя въ тѣсный кругъ, за предѣлами котораго виднѣются одна скука и неопрятность. Они живутъ безвкусно, хотя и богато. У однихъ женщинъ есть постоянное, врожденное чувство изящнаго, которое по временамъ пробивается даже въ самомъ неразвитомъ, непослѣдовательномъ разсудкѣ, и къ которому большинство мужчинъ остается равнодушнымъ.

Итакъ, меня извинятъ, если я скажу, что во всемъ Петербургѣ не было спальни изящнѣе и красивѣе той, въ которой начинается теперешній мой грустный разсказъ. Дѣло происходило въ тысяча восемьсотъ *** году, осенью, въ пятомъ часу утра. Синеватый разсвѣтъ пробивался въ окна, не закрытыя еще гардинами, и, смѣшиваясь съ свѣтомъ лампы подъ фарфоровымъ колпакомъ, рѣзалъ глаза. Шлепанье калошъ еще слышалось кой-гдѣ по тротуару, возы начинали стучать по мостовой, и дворники уже рубили дрова, стуча топорами безъ милосердія. Въ хорошенькой комнатѣ все было тихо; хозяева, казалось, еще не ложились спать; постель, скрытая въ отдаленномъ углубленіи стѣны, была не смята; кромѣ лампы, въ комнатѣ горѣло еще нѣсколько свѣчей, и блескъ ихъ весело дробился на кучѣ изящныхъ, блестящихъ вещицъ, даже съ излишнимъ изобиліемъ раскиданныхъ по разнымъ столикамъ, уголкамъ и этажеркамъ.

Около одного изъ этихъ столовъ, на маленькой бархатной кушеткѣ, лежала молодая женщина лѣтъ осьмнадцати. Въ комнатѣ преобладалъ голубой цвѣтъ, стало быть и кушетка обита была темно-голубымъ бархатомъ. Голубой цвѣтъ имѣетъ особенную способность молодить все, къ чему ни прикасается, а потому хорошенькая женщина, лежа на своей кушеткѣ, казалась совершеннымъ дитятей. Вся поза ея согласовалась съ этимъ впечатлѣніемъ: маленькая ея ножка кончикомъ упиралась въ ручку близь-стоявшаго кресла и то отталкивала это кресло, то подвигала его ближе къ дивану. Глаза хозяйки были закрыты, но она не спала, поминутно перемѣняла положеніе, кусала губы и закидывала назадъ длинные локоны, которые безпрестанно щекотали ее по лицу.

Она была очень хороша собою; ее можно было бы назвать красавицей, еслибъ это слово не напоминало собою чего-то особенно правильнаго и величественнаго. Видно было, что хозяйка

была еще очень молода, не сложилась вполнѣ. Какая-то бойкость и смѣлость проглядывали въ каждомъ ея нетерпѣливомъ движеніи и по временамъ дѣлали ее похожею на хорошенькаго мальчика. Но отличительною красотою ея лица было выраженіе какой-то спокойной беззаботности, веселой лѣности, которыя во всей силѣ проявлялись на немъ, несмотря на то, что въ настоящую минуту наша героиня была чѣмъ-то сильно встревожена.

Пробило пять часовъ. Кто проводилъ безсонныя ночи, тотъ знаетъ, какъ тяжело слушать бой часовъ въ эту пору. Сознаніе душевной тревоги, невозможности заснуть, сильнѣе мучитъ тогда человѣка. Молодая хозяйка привскочила на своемъ диванѣ, стиснула зубки и отбросила назадъ волосы, которые и безъ того уже образовали назади ея головы какую-то очень милую, но нигдѣ невиданную прическу.

— Это нестерпимо, сквозь зубы сказала она: — на второй годъ!... скверные игроки!... какъ же я его отдѣлаю! Опять эта записка... — Она сняла со стола какое-то маленькое письмо и съ досадою кинула его на коверъ.

Она продолжала сердиться и вдругъ улыбнулась. — Хорошо, еслибъ его совсѣмъ обыграли, сказала она довольно громко и снова улеглась на диванъ, обхвативъ маленькую подушку. Правая рука ея осталась приподнятою кверху, и молочная ея бѣлизна рѣзко отдѣлилась отъ голубого бархата.

Въ комнату тихо вошелъ молодой человѣкъ и, не снимая шляпы, пошелъ къ сторонѣ кушетки, медленно ступая по бѣлому ковру. Въ этой медленности видно было столько же лѣности, сколько и заботливости. Вся фигура молодого человѣка согласовалась съ его походкою.

Онъ былъ очень высокъ, но держался нѣсколько согнувшись, животомъ впередъ, что можетъ быть почитается у иныхъ очень неловкимъ, но на самомъ дѣлѣ довольно красиво. Грудь его была лѣниво вогнута, а голова, напротивъ того, довольно смѣло закидывалась кверху. Сюртукъ его былъ очень широкъ, а жилетъ застегнутъ только на одну пуговицу. Лѣтъ ему казалось около двадцати осьми; лицо его не имѣло ничего особенно привлекательнаго, кромѣ продолговатыхъ, темныхъ, очень выразительныхъ глазъ.

Онъ тихо подошелъ къ женѣ, которая успѣла уже заснуть, нагнулся надъ нею и сказалъ: какая душка. — Вслѣдъ за тѣмъ

шляпа упала съ его головы, и молодой человѣкъ остался въ нерѣшимости, поднимать ли шляпу, цаловать ли жену, или сѣсть на стулъ и отдохнуть. Кончилось тѣмъ, что онъ сѣлъ на кресло, а ноги протянулъ на другое, оставивъ жену лежать на диванѣ, а шляпу — подъ диваномъ. Но хорошенькая хозяйка успѣла уже проснуться, уцѣпиться рукою за кресло и съ строгимъ видомъ притянуть къ себѣ безпутнаго сожителя.

— А, Mr. Жоржъ! куда это васъ носило? и тебѣ не стыдно, чудовище ты... кричала она въ полномъ восторгѣ, что можетъ досыта распекать своего мужа. — Гдѣ былъ? гдѣ?

— Соврать развѣ?

— Правду, истинную правду говори!

— Въ карты игралъ.

Въ карты! онъ это говоритъ такъ просто! въ банкъ, въ карты!... и выигралъ?

— Вонъ сколько! и мужъ бросилъ на столъ пачку ассигнацій.

— Вы всѣ разбойники!... безстыдники! А верховую лошадь купишь?

— Да! чтобъ ты завтражь кого-нибудь задавила на улицѣ?

— Чтожь я за безумная такая?...

— Есть немножко... ну да куплю, полно сердиться. — Онъ вынулъ изъ кармана маленькую сигарку и осматривался, гдѣ бы достать огня. Лампа была недалеко, но тянуться къ ней было трудно.

— Жюли, а Жюли!... Юлинька!...

— Ну, что̀ тебѣ надо?

— Зажги сигарку у лампы.

Жюли зажгла сигарку, прыгнула на другой конецъ кушетки и стала преспокойно сама курить въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обманутаго въ своей надеждѣ мужа.

— Это удивительно! говорилъ Жоржъ, вынимая новую сигарку и все-таки не рѣшаясь встать съ кресла: — куритъ, водку пьетъ, скачетъ верхомъ! а что̀ хуже всего, лѣнива... лѣнивѣе...

— Меня, подсказала Жюли, нарочно отодвигая лампу подальше.

— Просто чертенокъ, продолжалъ мужъ, принимаясь сосать незажженную сигару и за тѣмъ погрузился въ молчаніе.

— Жюли, а Жюли! сказалъ онъ опять минуты черезъ двѣ.

— Что̀ еще?

— Да спусти же хоть сторы, или позвони погромче.

— А у тебя рукъ нѣту? отвѣчала Юлинька, потягиваясь на диванѣ, забрасывая руки подъ голову и пуская вверхъ тоненькія струйки дыма.

— Да пусти же, такая несносная.... видишь, какой свѣтъ, глаза совсѣмъ заболѣли....

— Да чтожь ты тутъ наконецъ усѣлся? Продержалъ меня до утра, да еще самъ ничего не говоритъ! Ступай-ка, ступай спать, не нести же тебя въ постель.

— Постой еще, сказалъ Жоржъ, потянувшись въ креслѣ. — Завтра будешь спать до самого обѣда, а теперь потолкуемъ.... Кто разсказалъ тебѣ, что я сегодня въ карты игралъ?

Жюли снова переѣхала съ одного конца кушетки на другой.

— Ай, какая я глупая! быстро залепетала она: — я сижу... забыла, что мнѣ надобно страшно тебя ругать, обо многомъ допроситься.... Я ночью получила записку: тамъ всѣ твои дѣла, всѣ продѣлки выписаны.

— Это отъ кого?

— Отъ Станиславскаго. Ужо будетъ тебѣ.

— Что? къ тебѣ пишетъ записки эта бестія?

— Вовсе не бестія, не смѣй браниться, я его очень люблю. Бери же, читай.

Она подала мужу записочку, на которую такъ сердилась за полчаса передъ этимъ. Мужъ ея уже не съ лѣностью, а съ жадностью схватилъ этотъ лоскутокъ душистой бумаги.

«Дружескія отношенія мои съ вами и вашимъ семействомъ будутъ мнѣ извиненіемъ — читалъ онъ по-французски: — я долженъ увѣдомить васъ объ одномъ важномъ обстоятельствѣ. Съ недавней поры M-r Ланицкій вновь обратился къ старымъ привычкамъ и часто бываетъ у повѣреннаго моего Кайзерштейна, гдѣ по ночамъ идетъ адская игра. Мнѣ кажется, бой не равенъ, потому-что Кайзерштейнъ милліонеръ. Будьте скромны и подумайте, какъ исправить это дѣло. Завтра я заѣду къ вамъ потолковать о вашихъ домашнихъ. Старики все еще сердятся.»

— А! вспыльчиво вскрикнулъ Ланицкій, вскакивая съ кресла: — вижу я, чего хочется этому старичишкѣ.

— Чтожь ты изъ пустяковъ сердишься?...

шляпа упала съ его головы, и молодой человѣкъ остался въ нерѣшимости, поднимать ли шляпу, цаловать ли жену, или сѣсть на стулъ и отдохнуть. Кончилось тѣмъ, что онъ сѣлъ на кресло, а ноги протянулъ на другое, оставивъ жену лежать на диванѣ, а шляпу—подъ диваномъ. Но хорошенькая хозяйка успѣла уже проснуться, уцѣпиться рукою за кресло и съ строгимъ видомъ притянуть къ себѣ безпутнаго сожителя.

— А, Mr. Жоржъ! куда это васъ носило? и тебѣ не стыдно, чудовище ты... кричала она въ полномъ восторгѣ, что можетъ досыта распекать своего мужа. — Гдѣ былъ? гдѣ?

— Соврать развѣ?

— Правду, истинную правду говори!

— Въ карты игралъ.

Въ карты! онъ это говоритъ такъ просто! въ банкъ, въ карты!... и выигралъ?

— Вонъ сколько! и мужъ бросилъ на столъ пачку ассигнацій.

— Вы всѣ разбойники!... безстыдники! А верховую лошадь купишь?

— Да! чтобъ ты завтражь кого-нибудь задавила на улицѣ?

— Чтòжь я за безумная такая?...

— Есть немножко... ну да куплю, полно сердиться. — Онъ вынулъ изъ кармана маленькую сигарку и осматривался, гдѣ бы достать огня. Лампа была недалеко, но тянуться къ ней было трудно.

— Жюли, а Жюли!... Юлинька!...

— Ну, чтó тебѣ надо?

— Зажги сигарку у лампы.

Жюли зажгла сигарку, прыгнула на другой конецъ кушетки и стала преспокойно сама курить въ нѣсколькихъ шагахъ отъ обманутаго въ своей надеждѣ мужа.

— Это удивительно! говорилъ Жоржъ, вынимая новую сигарку и все-таки не рѣшаясь встать съ кресла:—куритъ, водку пьетъ, скачетъ верхомъ! а чтò хуже всего, лѣнива... лѣнивѣе...

— Меня, подсказала Жюли, нарочно отодвигая лампу подальше.

— Просто чертенокъ, продолжалъ мужъ, принимаясь сосать незажженную сигару и за тѣмъ погрузился въ молчаніе.

— Жюли, а Жюли! сказалъ онъ опять минуты черезъ двѣ.

— Чтó еще?

— Да спусти же хоть сторы, или позвони погромче.

— А у тебя рукъ нѣту? отвѣчала Юлинька, потягиваясь на диванѣ, забрасывая руки подъ голову и пуская вверхъ тоненькія струйки дыма.

— Да пусти же, :кая несносная.... видишь, какой свѣтъ, глаза совсѣмъ заболѣли....

— Да чтóжь ты тутъ наконецъ усѣлся? Продержалъ меня до утра, да еще самъ ничего не говоритъ! Ступай-ка, ступай спать, не нести же тебя въ постель.

— Постой еще, сказалъ Жоржъ, потянувшись въ креслѣ.— Завтра будешь спать до самого обѣда, а теперь потолкуемъ.... Кто разсказалъ тебѣ, что я сегодня въ карты игралъ?

Жюли снова переѣхала съ одного конца кушетки на другой.

— Ай, какая я глупая! быстро залепетала она: — я сижу... забыла, что мнѣ надобно страшно тебя ругать, обо многомъ допроситься.... Я ночью получила записку: тамъ всѣ твои дѣла, всѣ продѣлки выписаны.

— Это отъ кого?

— Отъ Станиславскаго. Ужо будетъ тебѣ.

— Чтò? къ тебѣ пишетъ записки эта бестія?

— Вовсе не бестія, не смѣй браниться, я его очень люблю. Бери же, читай.

Она подала мужу записочку, на которую такъ сердилась за полчаса передъ этимъ. Мужъ ея уже не съ лѣностью, а съ жадностью схватилъ этотъ лоскутокъ душистой бумаги.

«Дружескія отношенія мои съ вами и вашимъ семействомъ будутъ мнѣ извиненіемъ — читалъ онъ по-французски: — я долженъ увѣдомить васъ объ одномъ важномъ обстоятельствѣ. Съ недавней поры M-r Ланицкій вновь обратился къ старымъ привычкамъ и часто бываетъ у повѣреннаго моего Кайзерштейна, гдѣ по ночамъ идетъ адская игра. Мнѣ кажется, бой не равенъ, потому-что Кайзерштейнъ милліонеръ. Будьте скромны и подумайте, какъ исправить это дѣло. Завтра я заѣду къ вамъ потолковать о вашихъ домашнихъ. Старики все еще сердятся.»

— А! вспыльчиво вскрикнулъ Ланицкій, вскакивая съ кресла: — вижу я, чего хочется этому старичишкѣ.

— Чтóжь ты изъ пустяковъ сердишься?...

— То, что здѣсь не деньги, не игра, не дружба, а злая сплетня. Вредъ ея понимаю я одинъ. Хорошо, что ты мнѣ ее показала. Графъ въ тебя влюбленъ. Я это давно подозрѣваю.

— Экая важность!

— Этотъ старикъ десяти молодыхъ стоитъ. И что онъ за посредникъ въ твоихъ семейныхъ дѣлахъ? Я опасаюсь тутъ и сплетенъ и гнусностей.... И Кайзерштейнъ въ тебя влюбленъ.

— Фуй! этотъ жидъ!

— Этому жиду многіе въ поясъ кланяются. Все это недаромъ.

— Еще кто ужь не влюбленъ ли?

— Тамъ, гдѣ я сейчасъ былъ, запальчиво продолжалъ Ланицкій: — двадцать человѣкъ въ тебя влюблены. Я имъ бѣльмо на глазу.... а! они хотятъ войны, они ведутъ крестовый походъ на мою Жюли,—чтожь, не мнѣ отступаться!

И измученный душевной тревогою, Жоржъ снова сѣлъ въ кресло, вытянулъ ноги и успокоился.

— Видишь ли, медленно продолжалъ онъ, не выпуская изо рта сигарки и улыбаясь Жюли, которая со страхомъ глядѣла на него: — это не ревнивая выходка, я стѣснять тебя не хочу, и увѣренъ, что нашей любви хватитъ еще не на одинъ годъ.... Только ты вѣдь страшно хороша.... это бы еще ничего, да въ тебѣ много *шику*, отъ котораго съ ума сходятъ старики и истасканная молодежь.... выходя за меня, ты насмѣялась въ глаза тому кружку, въ которомъ родилась.... поэтому во мнѣ они видятъ личнаго врага, а къ тебѣ имѣютъ повидимому состраданіе, хотя на самомъ дѣлѣ имъ не того хочется.

Юлинька заботливо встала съ своего мѣста, спустила всѣ сторы, дала мужу огня и усѣлась около него.

— Всякой разъ, продолжалъ Ланицкій, снова положивъ ноги на сосѣднее кресло: — всякой разъ, когда ты являешься на балъ, закованная въ брильянты, когда ты катаешься по Невскому, когда тебя восхваляютъ и сочиняютъ про тебя небывалыя исторіи, — у этихъ людей сердце кровью обливается.... Они тебя любятъ, а между тѣмъ имъ бы хотѣлось разсорить тебя со мною, затоптать насъ въ грязь, а потомъ ужь завоевывать твое сердце.... Да ну съ ними совсѣмъ.... пора спать наконецъ!

Жюли заботливо выслушала эту рѣчь, и когда онъ кончилъ, она сѣла къ мужу на колѣни, прижалась прелестнымъ личикомъ къ его груди и обняла его обѣими руками.

— Жоржъ, ангелъ мой, повторяла она, усиливаясь придать звонкому своему голоску умоляющее выраженіе: — сдѣлай мнѣ дружбу, одну просьбу только.

— Чтó такое? спросилъ Ланицкій, испугавшись такого припадка нѣжности.

— Не играй никогда въ карты.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ испугомъ и хотѣлъ чтó-то сказать. Но Жюли была неодолима въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она и плакала и смѣялась, цаловала мужа и закидывала ему лицо своими волосами, тяжело вздыхала и принималась раскуривать сигарку, которая начинала гаснуть,—прижималась къ Жоржу всѣмъ тѣломъ и теребила всю его лѣнивую натуру. Можно было съ ума сойти, глядя на нее въ это время, слушая ея голосъ, который то звенѣлъ какъ колокольчикъ, то гаснулъ и переходилъ въ раздражительный шопотъ.... Точно, въ Жюли была бездна шику.

То, чтó она наговорила мужу въ эти двѣ минуты, умѣстится развѣ на листѣ печатномъ.

— Ты сама не знаешь, чтó просишь, вымолвилъ онъ съ усиліемъ: — говорю тебѣ, и думать нельзя.

Сцена возобновилась съ полнымъ чистосердечіемъ, но и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ.

— Да, говорила Юлинька, опуская рѣсницы и принимая сантиментальный видъ: — карты лучше чѣмъ жена.... тамъ и борьба и неизвѣстность.... и вражда.... Тебѣ не хочется отступаться.... ты самъ лѣзешь въ ихъ руки.... Чтò же, карты лучше жены.

И послѣ этой нѣжной выходки, она снова пустилась теребить своего мужа, стала колѣнями на его колѣни и начала увѣрять, что она у ногъ его, а что онъ жестокосердое чудовище.

Ланицкій былъ счастливъ какъ сумасшедшій, но какое-то мучительное чувство не давало ему вполнѣ насладиться этою сценою. Наконецъ онъ топнулъ ногой и сказалъ: «видно, придется отправить на вѣтеръ всѣ секреты... садись же да слушай, въ чемъ дѣло.

Жюли весело усѣлась на старомъ мѣстѣ и торопила мужа насчетъ таинственнаго секрета.

— Выходя за меня за-мужъ, началъ Ланицкій, стискивая обѣ ея руки въ одной изъ своихъ: — выходя за-мужъ за меня, ты поступила очень благородно и умно.... въ особенности я тобою доволенъ. Отецъ не далъ тебѣ наслѣдства; но деньги для тебя «ненужная посуда», и когда я сказалъ, что у насъ есть сто тысячъ, ты была вполнѣ увѣрена, что за эти деньги можно купить полъ-Петербурга. Исторія въ томъ, что сто тысячъ прожили мы на первый годъ, а теперь живемъ ужь на благопріобрѣтенные капиталы....

— Очень надо было мотать... беззаботно замѣтила Юлинька.

— Очень надо, и будемъ мотать, рѣзко отвѣчалъ Ланицкій: — для насъ съ тобою не должно быть середины. Чѣмъ могъ отплатить я тебѣ за благородную твою рѣшимость, за богатство, знатность, отъ которыхъ ты для меня отказалась? Я могъ нанять тебѣ квартиру въ Коломнѣ, ходить поутру въ должность, тебя посылать на рынокъ и браниться за каждую копейку, да съ усталости спать послѣ обѣда.... Въ наше время смѣются надъ пастушескою жизнью, надъ шалашами и природою, хотя мужья дарятъ жонамъ такую жалкую жизнь, такую середину, которая понесноснѣе и шалашей и розановъ. Идея совершеннаго отчужденія отъ свѣта не будетъ никогда пошла, а грязная жизнь, полная нужды и лишеній, будетъ во вѣки вѣковъ жалка.

Какое право однако имѣлъ я отрывать тебя отъ свѣта, который для тебя и полезенъ и вошелъ въ привычку. Удалиться въ Аркадію всегда будетъ время, а у насъ было еще сто тысячъ.

Я продумалъ всю ночь и на утро твоего согласія далъ себѣ страшную клятву не допустить въ твоей жизни перемѣны къ худшему.... пока хоть копейка останется въ моемъ карманѣ, покуда хоть искра энергіи будетъ цѣла въ моей душѣ. И я счастливъ до сихъ поръ.... Я вижу, что ты довольна, что все передъ тобой гнется и падаетъ, что первыя красавицы завидуютъ тебѣ, что старые волокиты чешутъ себѣ... затылокъ до крови... Характеръ у меня есть, — система моей игры превосходна, только требуется холодности... а на-слово меня обыгрывать не станутъ.

Самою рѣзкою и прекрасною чертою характера жены Ланицкаго была откровенность и горячность, съ которыми поддавалась она каждому впечатлѣнію. Всякая другая жена, радуясь такой любви мужа, скрыла бы свое удовольствіе, начала бы горько размышлять о шаткости ихъ положенія въ свѣтѣ, о возможности скоро остаться безъ копейки, но Жюли до этого было мало дѣла. Услышавъ, что мужъ ея играетъ не изъ жадности, что онъ любитъ ее больше всего на свѣтѣ и всѣмъ для нея рискуетъ, она почувствовала припадокъ того беззаботнаго восторга, съ которымъ влюбленная молодежь, очертя голову, лѣзетъ на горе и на радость, съ увѣренностью, что всякое горе изтупится, не поколебавъ ея любви и беззаботности. Жюли бросилась къ мужу на шею, ласкала его, уговаривала его играть сколько угодно, не заботиться ни о чемъ, говорила, что она сама готова выучиться игрѣ и пуститься картежничать. Потомъ она воображала, что деньги всѣ проиграны, строила веселые планы отъѣзда въ деревню, жизни на воздухѣ, — жизни беззаботной и счастливой.

Ланицкій не ожидалъ такого успѣха своей рѣчи; онъ былъ доволенъ, но тяжелое раздумье поминутно смущало его восторгъ. О себѣ онъ былъ мнѣнія очень высокаго, Жюли ставилъ выше всѣхъ извѣстныхъ ему женщинъ; но женщины занимали въ его умѣ такое невыгодное мѣсто, что мало было толку въ такомъ возвышеніи. Онъ не довѣрялъ спокойствію жены: ея смѣлость, ея беззаботность принималъ онъ за ребячество скорѣе, чѣмъ за проявленіе страстной, юношеской благородной натуры. Несмотря на свою лѣность, на жизнь, полную горя и приключеній, несмотря на любовь, которая наградила его всѣмъ, чѣмъ только можетъ быть награжденъ человѣкъ, - несмотря на все это, Ланицкій былъ человѣкомъ положительнымъ, со всѣми достоинствами и недостатками положительнаго человѣка. Онъ страстно любилъ Юлиньку, съ удовольствіемъ слушалъ ея немного восторженные планы, но всегда почиталъ эти планы плодомъ горячаго ея воображенія. Онъ зналъ всю цѣну матеріяльнаго ея благосостоянія, очень дѣльно цѣнилъ удобства жизни, но въ этомъ благосостояніи, въ удобствахъ этихъ видѣлъ онъ болѣе, нежели слѣдуетъ въ нихъ видѣть. Однимъ словомъ, человѣкъ этотъ былъ и благороденъ и уменъ при счастіи, въ другую же пору нельзя было за него поручиться, а Ланиц-

кій будто самъ зналъ это, и боялся останавливаться на подобныхъ мысляхъ.

— Ну, полно же, вѣтренница, сказалъ онъ женѣ, искусно скрывая безсознательное чувство неудовольствія: — вотъ то-то вы женскій народъ, ни въ чемъ у васъ нѣтъ мѣры: то подавай вамъ брильянтовъ да разныя фуро.... то вдругъ ничего не надо, кромѣ любви да пѣнія соловьевъ....

— Очень ясно, отвѣчала Жюли, внимательно взглянувъ въ глаза мужу: — по моему, коли есть, такъ подавай, а нѣтъ, и такъ обойдемся.

— Лучше бы было, продолжалъ Ланицкій: — допроситься намъ самихъ себя, способны ли мы къ перемѣнѣ жизни, не убьетъ ли насъ бѣдность, сладимъ ли....

— Ахъ, Боже мой, да почемужь я знаю! Ужь теперь не время допрашиваться, да и не за чѣмъ. Въ мои лѣта все легко переносится.... да и ты не китайскій же императоръ.

— Конечно, не китайскій императоръ.... а больше я о себѣ ничего не могу сказать. Всю жизнь я жилъ какъ птица, не думая ни о чемъ. Бѣдность, правда, иногда подходила, и я ее переносилъ не совсѣмъ тягостно.

— Ну, чегожь тебѣ больше? Ты одинъ бѣденъ, что́ ли? Чѣмъ же другіе хуже тебя? Что́ за пренебреженіе такое?

Съ каждымъ словомъ Юлиньки, Ланицкій инстинктивно сознавалъ превосходство этого ребенка надъ его мужскою довольно истасканною натурою, и очень ясно, что такое сознаніе пробуждало въ немъ невольную досаду и наклонность къ педантизму. Рѣчи его были по прежнему ласковы, но по всей вѣроятности не очень согласовались съ чувствами его молодой супруги.

— Другъ мой, говорилъ онъ, принимая болѣе прямое и почти натянутое положеніе тѣла: — я вижу очень ясно, что я виноватъ, сильно виноватъ передъ тобою. Ты отдалась мнѣ со всею смѣлостію, со всею благородною беззаботностью, которыя въ тебѣ такъ очаровательны.... мое дѣло было бы объяснить тебѣ, чѣмъ ты рискуешь, что́ можетъ еще ждать тебя впереди....

Юлинька съ большимъ вниманіемъ слушала эти слова, закрывая по временамъ глаза и будто соображая смыслъ ихъ;

наконецъ она положила голову на самую спинку кресла, съ какимъ-то усиліемъ подняла рѣсницы и молча глядѣла на мужа.

— Пока везетъ счастье, говорилъ тотъ: — будемъ жить по прежнему, но не мѣшаетъ намъ иногда и теперь подумывать о будущемъ, понемногу готовиться къ предстоящей перемѣнѣ.... о средствахъ, какъ бы, когда понадобится, исчезнуть изъ Петербурга, не возбудивъ насмѣшекъ и сожалѣнія. Я человѣкъ положительный, не безъ способностей, и потому съумѣю пробить себѣ дорогу, а ты, мое дитя, еще такъ неопытна, головонька твоя такъ пылка....

Тихое дыханіе Жюли становилось ровнѣе и ровнѣе; вѣки ея опускались болѣе и болѣе, и когда Ланицкій посмотрѣлъ на жену внимательнѣе, ему легко было догадаться, что усталая вѣтренница сладко заснула подъ его ласковую нотацію.

Ланицкому стало страшно-совѣстно: усыпить жену своимъ разговоромъ — вещь не очень лестная, но чувство досады только на минуту вспыхнуло въ немъ и снова остыло. Онъ понялъ, что немногія женщины были бы въ состояніи заснуть сладко и спокойно въ эту минуту, — понялъ, что много благородства и твердости заключается въ этой шаловливой беззаботности, и что есть на свѣтѣ привилегированныя существа, въ которыхъ всякая страсть и самая любовь высказываются безъ усилій и страданій, легко и весело, а тѣмъ не менѣе самымъ свѣтлымъ образомъ. Ему сдѣлалось вдругъ легко и спокойно, ему захотѣлось разцѣловать свою вѣтренницу Юлиньку, но онъ удержался, чтобъ не помѣшать ея сну, тихо вышелъ изъ комнаты, и, встрѣтивъ горничную, послалъ ее къ своей госпожѣ.

— Тьфу, проклятая квартира? вскричалъ онъ, только-что отворивши дверь своего кабинета и взглянувши кверху.

Точно, надъ головою Ланицкаго происходили должно быть удивительныя вещи. Громъ, трескъ, шарканье ногъ и отголоски нелѣпаго пѣнія слышны были изъ квартиры, расположенной надъ помѣщеніемъ Ланицкаго. Казалось, тамъ происходила бѣготня и танцы, танцующіе же были обуты въ желѣзные сапоги, а вмѣсто дамъ отплясывали со стульями, потому-что время-отъ-времени какіе-то увѣсистые матеріялы падали на полъ, сопровождаемые смѣхомъ и свирѣпыми завываніями. То нѣсколько хриплыхъ голосовъ хоромъ пѣли разныя извѣстныя аріи, то они умолкали и какой-нибудь одинокій голосъ пѣлъ цѣлый хоръ

изъ той же оперы, а послѣ этихъ оригинальныхъ арій и morceau d'ensemble поднимались возня и танцы, отъ которыхъ потолокъ потрясался и мелкіе куски штукатурки падали на столы и на полъ.

Съ непріятнымъ чувствомъ прислушивался Ланицкій къ этому странному шуму. Бѣготня затихла, но говоръ множества голосовъ не утихалъ, и посреди утренней тишины нѣкоторыя слова стали выдаваться яснѣе и разборчивѣй. Григорій Александрычъ стиснулъ зубы, съ досадою повернулся на стулѣ и началъ раздѣваться, стараясь не обращать вниманія на шумъ, продолжавшійся надъ его головою. Но досада не сошла съ лица его, напрасно старался онъ себя разувѣрить, одно имя слышалось ему среди нелѣпаго говора, имя это повторялось безпрестанно, съ разными интонаціями, и то было имя его жены.

— Сходи на верхъ, сказалъ онъ, потерявши терпѣніе, своему камердинеру: — и скажи господину Кайзерштейну, что изъ моего кабинета слышно каждое ихъ слово.

Лакей вышелъ, и нѣсколько минутъ, пока не замолкъ шумъ, Ланицкій сидѣлъ нахмуривъ брови, съ досадой вслушиваясь въ нелѣпыя восклицанія пирующихъ сосѣдей.

ГЛАВА II.

Надъ квартирой Ланицкаго занималъ обширное помѣщеніе нѣкто Кайзерштейнъ, недавно поселившійся въ Россіи и уже говорившій по-русски какъ на своемъ родномъ языкѣ. Впрочемъ никто не зналъ, какой былъ родной его языкъ; Юлинька Ланицкая непремѣнно хотѣла, чтобъ то былъ жидовскій, хотя господинъ Кайзерштейнъ нисколько не походилъ на еврея.

Онъ былъ очень богатъ, жилъ роскошно и любилъ угощать у себя лучшую часть тогдашней городской молодежи. Въ тотъ вечеръ, когда начинается нашъ разсказъ, Кайзерштейнъ задавалъ у себя великолѣпный вечеръ съ прибавленіемъ разныхъ комерческихъ, а отчасти и азартныхъ игръ. Этому вечеру хозяинъ, любившій хвастаться тѣмъ, что̀ вовсе не стоитъ хвастовства, давалъ названіе крокфордскаго вечера. Съ уходомъ Ланицкаго и нѣкоторыхъ другихъ любителей, перестали играть, и многочисленная бесѣда сѣла за ужинъ! Со второго блюда, къ удо-

вольствію гостепріимнаго хозяина, весь порядокъ исчезъ. Кто изъ собесѣдниковъ оставался за столомъ, кто бродилъ кучками по комнатамъ, не забывая перенести вино на маленькіе столики, кто уже пересталъ пить и оказывалъ явное намѣреніе затѣять какой-нибудь характерный танецъ. Русскіе обнимались и увѣряли себя во взаимной дружбѣ; нѣмцы, подъ вліяніемъ горячихъ напитковъ, придирались къ каждому слову и угрюмо глядѣли вокругъ себя; кто былъ помоложе, тѣ чокались и выпивали свои стаканы, взаимно скрестивши руки какимъ-то страннымъ образомъ; — всѣ же говорили, пѣли, шумѣли, находили себя чрезвычайно остроумными; но голосъ каждаго былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: никто не слушалъ и не думалъ слушать своего сосѣда.

Бездна свѣчей горѣла по стѣнамъ и на столѣ, цвѣтовъ было множество, и цвѣты эти были расположены со вкусомъ; всѣ рюмки и стаканы были изъ разноцвѣтнаго хрусталю, что было и красиво и оригинально. Много было серебряныхъ вазъ, кубковъ и ковшей; самая комната убрана была въ какомъ-то феодальномъ вкусѣ: стѣны ея обвѣшаны были стариннымъ оружіемъ, а на возвышеніи два манкена въ рыцарскомъ оружіи стояли около пузатыхъ часовъ съ раззолоченымъ цыферблятомъ, украшенія которыхъ представляли гербъ хозяина. Самый даже зловонный дымъ, отъ всевозможныхъ табаковъ, который стлался и клубами ходилъ по комнатѣ, былъ тутъ на своемъ мѣстѣ: сквозь него какъ-то рѣзче выглядывали красныя фигуры пирующихъ, подробности ихъ прозаическаго костюма скрадывались въ туманѣ, который не переставалъ волноваться между этими фигурами; и когда туманъ этотъ на минуту разчищался, блескъ свѣчей съ новою силою игралъ на хрусталѣ и на серебряной посудѣ, вся сцена теряла свой угрюмый, средневѣковой колоритъ и принимала какое-то свѣтлое, буйное, беззаботное значеніе и напоминала о чемъ-то размашистомъ, безшабашномъ, о какихъ-то идеальныхъ пирахъ, которые существуютъ только въ однихъ мечтахъ юношества, не успѣвшаго еще сорваться со школьной скамейки, да въ стихотвореніяхъ, гдѣ воспѣвается пѣнистая влага и забавы шумной молодости.

Стоило только разъ взглянуть на эту оргію и тотчасъ же уйти съ смутнымъ и пріятнымъ щекотаніемъ воображенія, съ

мыслью, что молодежь умѣетъ веселиться. Но не должно было пристально вглядываться въ эти лица, не слѣдовало вслушиваться въ рѣчи, чуждыя всякаго остроумія, всякой мысли, всякой веселости, чтобъ не проникало въ душу новое ощущеніе, тягостное и унылое.... Для чего сошлись сюда эти истасканные люди съ нахально-самодовольными взглядами, скликнутые изъ разныхъ кружковъ, чуждыхъ и почти враждебныхъ другъ другу? какая общая мысль ихъ связывала? во имя какой радости каждый изъ этихъ господъ, можетъ быть съ усиліемъ, рѣшился вливать въ себя болѣе вина, нежели сколько могло помѣщаться въ его разстроенномъ желудкѣ? и самое это вино, произвело ли оно какое-нибудь дѣйствіе на пирующихъ? мысли ихъ расширились ли отъ разгула? явилось ли хоть сколько-нибудь остроумія въ этой кучѣ вялыхъ мозговымъ системъ? что значили эти лобызанія, объятія и увѣренія въ вѣчной дружбѣ! сдѣлались ли хоть на сотую часть острѣе эти вѣчные разсказы о лошадяхъ, о женщинахъ и о другихъ очень прозаическихъ, очень скучныхъ предметахъ? изъ чего весь этотъ шумъ, зачѣмъ сыпались эти рѣчи?...

Между кучею пирующихъ были видны два-три человѣка, съ печатью смѣлой и откровенной веселости на лицахъ, которые пѣли и смѣялись оттого, что имъ было весело вездѣ, и безъ вина, и безъ этого шумнаго собранія.

. . . .

Хозяинъ, человѣкъ бывалый, очень хорошо видѣлъ, что гости на хорошей дорогѣ, веселятся по-своему и вовсе не нуждаются въ его заботливости и оживленіи разговора. Онъ сидѣлъ на концѣ комнаты, за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла бутылка съ венгерскимъ, и съ чуть замѣтною, довольно дерзкою улыбкою глядѣлъ на кучки, которыя прохаживались по залѣ, иногда садясь около него и закидывая ему нѣсколько словъ.

Кайзерштейнъ, какъ бо̀льшая часть богатыхъ и очень дѣятельныхъ людей, на видъ не имѣлъ никакого возраста. Невозможно было, даже приблизительно, опредѣлить его лѣта, однако же скорѣе онъ былъ молодъ, нежели старъ. Члены его были очень пропорціональны, невысокій станъ совершенно прямъ, въ лицѣ его преобладало выраженіе хитрости, съ которымъ, несмотря на всѣ усилія, совладать было трудно. Губы его были

такъ тонки, что весь ротъ казался одною чертою, чуть проведенною на лицѣ. Онъ былъ страшно блѣденъ, и этотъ мертвый цвѣтъ лица былъ бы почти отвратителенъ, еслибъ значительный загаръ, на вѣчныя времена пріобрѣтенный въ какой-то очень южной землѣ, не придавалъ цвѣту лица его часть желтизны. Кромѣ этого недостатка, Кайзерштейнъ былъ довольно красивъ собою, одѣвался чисто и безъ претензій. Только шарфъ его былъ заколотъ слишкомъ огромнымъ брильянтомъ, что, какъ извѣстно, почитается не совсѣмъ приличнымъ. Однако мысль о дорогой цѣнѣ этого камня, вмѣстѣ съ простотой всего костюма, заставляли всѣхъ скоро свыкаться съ этимъ дерзостнымъ нарушеніемъ правила мужскихъ модъ.

Ужинъ давно уже кончился, но попойка продолжалась. Часть гостей, за которыми, въ родѣ Немезиды, гонялась каждый вечеръ мысль о томъ, что нельзя долго засиживаться, имѣя постоянныя утреннія занятія, — разошлась по домамъ; но оставшаяся публика шумѣла и стучала каждый за десятерыхъ. Кайзерштейнъ долго вслушивался въ ихъ разговоры и рѣшительно ничего не понималъ. Всякой говорилъ свое....

. . . .

— Этотъ самый жеребецъ, говорилъ одинъ: — проданъ былъ два года тому, отъ....

— Онъ его прямо за шиворотъ, а молодцы прибѣжали со стульями.... разсказывалъ другой исторію какого-то похожденія.

— Юлинька Ланицкая совершенный ангелъ, нѣжно говорилъ ему какой-то толстый господинъ, у котораго глаза отъ избытка чувства будто вовсе сбѣжали съ лица.

— Я вамъ на это скажу, вопіялъ новый, должно быть буйный собесѣдникъ, ухвативъ толстаго господина за пуговицу: — съ этихъ поръ тамъ стулья къ полу привинчены, а бутылки тотчасъ же уносятъ!...

— Безъ нея весь балетъ гроша не стоитъ!

— Десять процентовъ въ мѣсяцъ! и денегъ не найдешь въ этомъ скверномъ городѣ!

— Зато и втерся, что хорошо танцуетъ....

— Pauvre soldat, je revois la France....

. . . .

— Кто съ Ланицкаго выиграетъ? Чтóжь, что самъ не мечетъ? зато....

— А Юлинька-то? вѣдь вотъ подъ нами.... канальство!

. . . .

— Видите, сказалъ Кайзерштейнъ, безволосому господину въ очкахъ, который сидѣлъ возлѣ него: — и намъ бояться этого народа! Вонъ ужь у нихъ начинается idea fixa.

— А солонъ вамъ Ланицкій, господа! тутъ же забросилъ онъ въ кучу болтающихъ собесѣдниковъ. Кайзерштейнъ выбралъ предметъ, который равно интересовалъ всѣхъ и каждаго. Разомъ затихли разсказы о томъ, кого на чьи балы не пускаютъ, какой жеребецъ купленъ былъ за огромную цѣну, исторіи о театральныхъ похожденіяхъ, феодальныя воспоминанія о фехтованіи стульями на подозрительныхъ танцовальныхъ собраніяхъ, и вся куча окружила хозяина. Только и говорили, что объ Ланицкомъ и его женѣ, однако смысла такъ же трудно было добраться здѣсь, какъ и въ прежнемъ разговорѣ.

— Оттого, что Ланицкій.... ловко играетъ, говорилъ уже не молодой господинъ, напившійся совершенно.

— Еще бы любить Ланицкаго, справедливо замѣтилъ другой: — онъ всѣхъ лошадей перекупаетъ.

— Ланицкій черезчуръ счастливъ, сказалъ третій, тономъ, съ которымъ вѣроятно древній афинянинъ объявлялъ, какъ онъ ненавидитъ Аристида за его великую честность: — Ланицкій не беретъ векселей, подавай ему чистыя!...

— А жена его безпутная женщина.... просто наглый мальчишка.

Множество голосовъ изъявили неудовольствіе за такой неблагонамѣренный отзывъ объ Юлинькѣ. Господинъ, такъ рѣзко о ней отозвавшійся, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ отошелъ въ сторону. Но зоркій глазъ Кайзерштейна и язвительная улыбка проводили молодого человѣка до дверей комнаты.

— Видите, замѣтилъ онъ, глядя въ ту сторону: — совралъ да и навострилъ лыжи. Ему хочется, чтобъ его подозрѣвали, — нечего грѣха таить, господа, всѣ мы равно съ носами, всѣ мы несчастные селадоны....

Шумъ поднялся снова ужасный, но едва заговорилъ Кайзерштейнъ, молчаніе понемногу опять водворилось.

— Всѣ ваши мѣры, господа, продолжалъ онъ полусерьёзно, полунасмѣшливо: — рѣшительно никуда не годятся. Выдумали вы безъ пути гоняться за ребенкомъ, за женщиною, которая и знать васъ не хочетъ, а виситъ себѣ на шеѣ у своего мужа....

— Это не вѣчно. Это еще не извѣстно. Это еще до поры и до времени, заговорило нѣсколько голосовъ.

— И она очень права, продолжалъ хозяинъ холодно: — потому-что Ланицкій и уменъ и красивъ собой. А главное, nota bene, онъ богатъ и знакомъ со всѣми. Что̀ вы сдѣлаете въ этомъ положеніи? Его знаютъ теперь въ свѣтѣ; поднимитесь-ка на какую-нибудь смѣлую продѣлку, все пойдетъ противъ васъ и вы влѣзете въ бѣду. А обыкновенныя средства всѣ испытаны: сколько разъ смѣялась ваша Жюли вамъ же въ лицо? Мы всѣ писать не мастера, и въ вашемъ городѣ любовныя записочки мало употребляются, а поищи-ка у ней въ спальнѣ, я думаю, тамъ сотня нѣжныхъ признаній на тонкой бумагѣ, — есть что̀ читать ей по утрамъ съ мужемъ....

Нѣкоторые изъ слушателей, устрашась потока горестныхъ истинъ, срывавшихся съ языка у Кайзерштейна, разошлись въ разныя стороны, но бо̀льшая часть компаніи усѣлась около него, по временамъ вступая въ разговоръ и со вниманіемъ слушая его рѣчи, въ которыхъ болѣе и болѣе начинала проглядывать злая иронія.

— Повѣрьте мнѣ, продолжалъ хозяинъ: — бросимте это шатанье за хорошенькой женщиной: оно намъ и не къ лицу, да и не согласно съ здѣшними нравами. Мы сами заперли себя въ тѣсный кругъ и дали причину этому гордецу Ланицкому безнаказанно смѣяться намъ подъ носъ. Въ Петербургѣ плохое житье игрокамъ и отвергнутымъ любовникамъ. Сообразите: что̀ остается сдѣлать тѣмъ изъ васъ, кто поупрямѣе. Затронуть Ланицкаго и вызвать его на дуэль? послѣдствія дуэли вамъ извѣстны. Увезти жену его: что̀ вы тутъ выиграете кромѣ гвалту, не говоря ужь о трудностяхъ... Повѣрьте мнѣ, господа, оставьте въ покоѣ Юлиньку Ланицкую.

— Чудное краснорѣчіе! замѣтилъ одинъ господинъ, съ простодушной физіономіей: — кто не видитъ, что Кайзерштейнъ проповѣдуетъ въ свою пользу!

— Хитеръ Кайзерштейнъ! ловокъ старый плутъ! кричали въ одинъ голосъ нецеремонные посѣтители.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сказалъ хозяинъ, слегка выпрямившись и приподнявъ голову: — я дѣйствую, потому-что мнѣ нравится Ланицкая, и дѣйствую своимъ путемъ. Мнѣ вовсе не хочется столкнуться съ вами тогда, когда дѣло будетъ на половину кончено и дорога расчищена. Мой планъ простъ, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе увлекаясь, а можетъ быть и представляя увлеченіе: — пока Ланицкій богатъ и всѣ его знаютъ, добраться до его жены невозможно. Неужели вы думаете, что мнѣ весело играть въ карты съ человѣкомъ, котораго я терпѣть не могу, который въ добавокъ общипываетъ меня какъ пѣтуха, при каждой таліи? А денегъ у меня своихъ довольно. Когда же нибудь нарвется онъ, игра усилится, и мы столкнемся хорошенько. У него нѣтъ большихъ капиталовъ. А тогда посмотрю я, то ли запоетъ эта птичка, къ которой боятся подступиться изъ-за того, что на ней брильянтовъ такая пропасть? Съ нея глазъ не сводятъ, на нее любуются какъ на дорогую игрушку. Какова будетъ эта игрушка, когда на нее некому будетъ любоваться, когда сотни глазъ перестанутъ глядѣть за каждымъ ея движеніемъ! Женщина въ богатой каретѣ и женщина въ тѣсной комнаткѣ, это разница и разница.... впрочемъ, съ вами разболтаешься больше, чѣмъ бы слѣдовало.

Видя, что Кайзерштейнъ не намѣренъ болѣе высказываться, кружокъ разошелся по комнатѣ, и возлѣ блѣднаго картежника остался одинъ его прежній безволосый сосѣдъ, который все время не говорилъ ни слова, презрительно поглядывая на собесѣдниковъ и съ недовольнымъ видомъ слушая разглагольствованія своего хозяина.

— Экая вздорная ватага! сказалъ онъ, съ усмѣшкою поглядывая въ слѣдъ удаляющейся публикѣ и лѣниво взявшись за шляпу.

— Да сидите, сказалъ хозяинъ: — экой вы хилой! останьтесь еще, не умрете же отъ этого.

— Прощайте, я засидѣлся и знаю, что буду боленъ на утро. Отъ однихъ этихъ рѣчей тошно сдѣлается.

— Пусть себѣ трубятъ, пусть себѣ трезвонятъ, хладнокровно замѣтилъ Кайзерштейнъ: — они, что лягавыя собаки, грызться не грызутся, а поднять дичь съ мѣста годятся. Только мы съ вами опытные охотники: знаемъ, кого послать искать и гдѣ самимъ дѣйствовать.

— Я не понимаю васъ и не одобряю вашихъ словъ, почти съ сердцемъ замѣтилъ тотъ: — на эту дичь вмѣстѣ не охотятся.

— Не расходитесь со мной, въ накладѣ не будете.

-- Вы хотите быть общимъ пріятелемъ? вы думаете, что я уступлю вамъ?

— И не уступайте.

— Вы надѣетесь провести меня.

— Нисколько. Волочитесь въ покоѣ: я не стану на вашу дорогу.

— О чудное самоотверженіе! о трогательная рѣшимость! о торжество дружбы! отвѣчалъ пріятель Кайзерштейна, съ какою-то болѣзненною раздражительностію, которая какъ-то особенно шла къ его блѣдному,. но умному и выразительному лицу: — какъ я не кинусь въ ваши объятія? Чтó, это вы такъ по добротѣ или съ преданности къ моимъ высокимъ достоинствамъ!...

— Послушайте, сказалъ Кайзерштейнъ, взявши за руку сердитаго господина: — взгляните на меня хорошенько. Похожъ я на влюбленнаго человѣка? Мнѣ сорокъ пять лѣтъ. Подумайте о моемъ теперешнемъ разговорѣ: еслибъ я имѣлъ виды на ваше сокровище, сталъ ли бы я говорить эти милыя вещи, которыя завтра же пойдутъ гулять по городу, съ приличными прибавленіями дойдутъ до ушей madame Julie, которая закуситъ губки и станетъ отзываться обо мнѣ какъ о чудовищѣ? Прекрасная политика съ избалованной женщиной, которая и безъ того меня терпѣть не можетъ и вездѣ надо мной подсмѣивается! Или я такъ хорошъ собой, что смѣло могу бѣсить хорошенькую женщину?

— Вы знаете, что этимъ и я не могу похвастаться.

— Вы не знаете себѣ цѣны. Вы вполнѣ способны глубоко затронуть женщину. Вы богаты, вы больны и раздражительны, вы слабы, страшно слабы и прихотливы; а повѣрьте, что въ наше время эти качества высоко цѣнятся свѣтскими женщинами. Женщина любитъ ухаживать каждую минуту за тѣмъ, кого она любитъ.... Впрочемъ, къ дѣлу.... Вы молоды, а я не въ тѣхъ лѣтахъ, чтобъ гоняться, высунувъ языкъ, за ребенкомъ. изъ-за того только, что у него въ глазахъ знатоки находятъ какой-то продолговатый арабскій типъ, и что ротъ у него очень маленькій. Я могу найти десять женщинъ, у которыхъ не бу-

детъ этихъ достоинствъ, а все остальное будетъ лучше чѣмъ у вашей Юлиньки. Мнѣ будетъ очень пріятно, если ее отобьютъ у мужа; я ли это сдѣлаю, другой ли, мнѣ это рѣшительно все равно.

— Въ такомъ случаѣ я совершенно не понимаю ни вашей ненависти къ Ланицкому, ни усилій вредить ему, замѣтилъ господинъ въ очкахъ, не поддаваясь на откровенность хозяина.

Кайзерштейнъ всталъ со своего мѣста, взялъ его подъ руку, и они усѣлись снова, въ дальнемъ уголку комнаты, сзади часовъ и между нѣсколькими померанцовыми деревьми. Гости уже расходились, и ему хотѣлось избавиться отъ прощальныхъ привѣтствій.

— Видите ли, началъ Кайзерштейнъ, съ такимъ одушевленіемъ, что два красныя пятна выступили на его физіономіи: — тому много лѣтъ, Ланицкій, — этотъ ли, или другой, къ нему близкій, до этого вамъ мало дѣла, - нанесъ мнѣ публичное оскорбленіе. По милости этого человѣка, пять лѣтъ я страдалъ посреди нищеты и общей ненависти, а въ эти пять лѣтъ я былъ молодъ, хотѣлъ наслаждаться, и зналъ эту науку, потому-что до того былъ богатъ, и все потерялъ чрезъ одного честнаго сорванца, явившагося заступникомъ угнетенной невинности. Я не очень мстителенъ, но случай поставилъ меня въ возможность взять свое и выместить, на комъ слѣдуетъ, много тяжкихъ минутъ, много лѣтъ прошлаго горя.... Больше вамъ не надобно знать.... а мнѣ вредно разсказывать о такихъ происшествіяхъ.

Господинъ въ очкахъ поправилъ рукой свои рѣдкіе волосы и дружелюбнѣе началъ глядѣть на хозяина.

— И планъ вашъ, о которомъ говорили вы здѣсь, точно существуетъ? вы не отступитесь отъ него? спросилъ онъ.

— Еще бы отступиться! пока я живъ и пока я не расчитаюсь съ Ланицкимъ, я не перестану итти по этой дорогѣ.

— Вы не такъ богаты, чтобъ долго тянуть сильную игру.

— Однако я и не бѣденъ. Дурно одно только, что я не имѣю наличныхъ денегъ; сбывать акціи и векселя дѣло трудное и мѣшкотно. Я бы хотѣлъ считать на васъ, еслибъ вы откровенно вошли со мною въ сношеніе.

— И можете считать, только съ однимъ условіемъ. Первая часть операцій — для васъ; вторая — исключительно для меня.... вы только будете знать результаты.

— Мало этого, я берусь помогать вамъ, когда и вы приступите къ дѣлу.

— Не надо, не надо: въ любовныхъ дѣлахъ двое портятъ.

— Вы все еще не довѣряете мнѣ?

— Довѣряю, пока дѣло идетъ о деньгахъ Ланицкаго, — насчетъ ея не довѣряю. И повѣрьте мнѣ, вамъ же лучше. Я не перенесу ни малѣйшаго подозрѣнія: если увижу, что вы мнѣ мѣшаете, или мнѣ, или вамъ будетъ худо...

— О, да вамъ хоть бы въ Испанію! вы человѣкъ со страстями!

— Напротивъ, безъ всякихъ страстей, отвѣчалъ господинъ въ очкахъ, и въ голосѣ его слышалось какое-то невыносимо грустное дрожаніе: — и оттого-то я съ такимъ хладнокровнымъ сумасшествіемъ гоняюсь за тѣмъ предметомъ, который вывелъ меня изъ проклятаго моего состоянія. Безъ всякихъ страстей, и потому-то я такъ равнодушно ставлю и себя, и честь свою на карту.... Женщина эта для меня все равно, что остатокъ моей жизни, оттого-то я и люблю ее и готовъ на все, чтобъ....

Безволосый господинъ въ очкахъ былъ и страшенъ и красивъ въ эту минуту. Это былъ человѣкъ, котораго погубило рано доставшееся богатство: обыкновенно люди истощаются и дряхлѣютъ отъ избытка наслажденій, и даже по лицамъ такихъ людей видно, что въ свое время были они счастливы; но дряхлый юноша, о которомъ идетъ рѣчь, не зналъ ровно никакихъ наслажденій. Въ тѣ лѣта, когда мальчишекъ еще сѣкутъ розгами, очутился онъ обладателемъ богатыхъ имѣній, каменныхъ домовъ и кучи денегъ, — и имѣлъ несчастіе на-слово повѣрить своимъ пріятелямъ, что надобно жить и веселиться. Пріятели точно жили и веселились, но бѣдный Вальховскій, въ десять лѣтъ постарѣвшій тридцатью годами, не видѣлъ ни жизни, ни веселья. Все пришло не своевременно, оттого и самъ онъ глядѣлъ какимъ-то недавно построеннымъ домомъ, уже начавшимъ разрушаться. Не имѣла смысла худоба его лица, ровно ничего не значили его морщины, никакого воспоминанія не носилъ онъ въ оплѣшивѣвшей головѣ. А онъ былъ уменъ: лобъ его былъ высокъ, разрѣзъ рта полонъ благородства, и голосъ его одаренъ былъ какою-то замѣчательной проницательностью. Оттого последнія слова были и страшны и жалки въ одно и тоже время, самъ Кайзерштейнъ выслушалъ ихъ съ чувствомъ, какъ госпо-

динъ, занятый серьёзными дѣлами, слушаетъ чтеніе замѣчательной литературной статейки, и, ставши съ своего мѣста, повелъ своего гостя вдоль по совершенно опустѣвшимъ комнатамъ.

— Взявши порядочную роль въ жизненной комедіи, говорилъ хозяинъ: — надо беречься увлеченія и дѣйствовать хладнокровно. Мы съ вами затѣяли предпріятіе, требующее соображеній тонкихъ и терпѣнія дьявольскаго. Всякая торопливость испортитъ дѣло. На первый разъ наши дѣйствія будутъ такія.....

Долго еще ходили они взадъ и впередъ по комнатамъ, посреди слѣдовъ кончившагося пира, которые глядѣли еще грустнѣе, нежели самая оргія. Разговоръ ихъ былъ длиненъ и для насъ незанимателенъ. Наконецъ Вальховскій началъ зѣвать и, взявши шляпу, распростился съ хозяиномъ. Съ полчаса еще послѣ него Кайзерштейнъ бродилъ по тому же направленію, по временамъ мрачно задумываясь, чаще награждая себя довольною улыбкою. Вспомнивши наконецъ, что пора спать, онъ повернулъ-было вонъ изъ залы, но въ это время дверь отворилась, какой-то немолодой, но ловкій и красиво одѣтый человѣкъ почти вбѣжалъ въ залу и стукнулъ его рукою по плечу.

— Неужли еще твои гости не разъѣхались? спросилъ онъ Кайзерштейна, развалясь на диванѣ.

— Недавно ушелъ послѣдній, сказалъ Кайзерштейнъ, сѣвши на диванъ и тоже протянувъ ноги. — А ваше сіятельство опять по ночамъ стали гулять, какъ вижу.

— По ночамъ! это у тебя ночь? сказалъ новоприбывшій гость, отдергивая стору.

Осеннее солнце прямо блеснуло въ комнату.

— Спустите, спустите, закричалъ Кайзерштейнъ, зажмуривая глаза. — А этотъ Вальховскій преполезный человѣкъ.

— Ну, а тотъ, опять выигралъ?

— Не стоитъ говорить!

— Ну, я вижу, съ тобой не разговоришься, ступай себѣ въ постель.

— Постойте, есть еще какія-то дѣла по вашимъ имѣніямъ.

— Ну ихъ.... да правда, ты спишь днемъ, а ночью придумываешь крючки. Веди же меня къ бумагамъ.

— Вы-то ночью спите, а днемъ ничего не придумаете.... есть еще дѣла, которыя васъ больше будутъ занимать....

— Не двинулось ли наше предпріятіе?

— Ваше? вы въ немъ такъ много участвуете!

— Разсказывай же скорѣе.

И они пошли въ кабинетъ.

— Видите ли, о Вальховскомъ.... сказалъ Кайзерштейнъ

И дверь залы затворилась за собесѣдниками.

ГЛАВА III.

На другой день послѣ описаннаго нами разговора, Ланицкій и Юлинька встали удивительно поздно, веселые и беззаботные, какъ птицы небесныя, совершенно забывши, о чемъ толковали наканунѣ. Жюли была не-прочь просидѣть цѣлый день съ глазу на глазъ со своимъ мужемъ, но Григорій Александрычъ, недавно съ такимъ краснорѣчіемъ проповѣдывавшій о необходимости аккуратности и можетъ быть совершенной перемѣны образа жизни, сдѣлалъ открытіе, что у него очень много денегъ, которыя могутъ залежаться безъ всякой пользы. Вслѣдствіе такого важнаго обстоятельства, положено было потаскаться по магазинамъ, накупить вещей и нарядовъ, рѣшительно ненужныхъ, къ обѣду пригласить нѣсколько старыхъ пріятелей, пообѣдать хорошенько, а вечеромъ ѣхать въ театръ, оттуда на балъ, оттуда, если останется времени, завернуть въ маскарадъ. Велѣно было тотчасъ же подавать экипажъ. Жюли чрезвычайно любила лошадей, и потому у Ланицкаго лошади были едва ли не первыя во всемъ городѣ. Пока жена одѣвалась, Григорію Александрычу доложили о графѣ Станиславскомъ. Имя это напомнило ему вчерашнюю записку, онъ приказалъ просить и, нетерпѣливо желая разъяснить эту досадную исторію, тотчасъ же вышелъ въ гостиную.

Знатный господинъ, о которомъ идетъ дѣло, пользовался въ городѣ репутаціею довольно двусмысленною; одни прославляли его добродѣтельнѣйшимъ изъ смертныхъ, другіе называли его старымъ развратникомъ. Для Ланицкаго впрочемъ не существовало сомнѣній на этотъ счетъ: самъ онъ еще недавно жилъ очень шибко и буйно, и не разъ въ своихъ похожденіяхъ и на холостыхъ пирахъ встрѣчался съ этимъ

старикомъ, который былъ болѣе чѣмъ молодъ духомъ, и образомъ своей жизни напоминалъ почти баснословныя времена регенства и вельможъ двора Людовика XV. Такихъ людей, къ удовольствію публики, давно уже не водится въ Россіи; но въ то время, когда происходила наша исторія, остатки этихъ рыцарей доживали свой вѣкъ, не чуждый скандалезныхъ похожденій и исторій, неприличныхъ въ тихомъ и регулярномъ обществѣ девятнадцатаго вѣка. Ланицкій зналъ все это хорошо, зналъ отчасти и то, что графъ былъ человѣкъ опасный по своей вѣчной праздности, большому богатству и необыкновенному упорству въ своихъ страстяхъ. Человѣкъ этотъ никогда не отступался отъ того, что́ ему хотѣлось получить, а потому, несмотря на старость, списокъ его любовныхъ похожденій былъ бы очень длиненъ, если бы кто-нибудь вздумалъ его составить.

Ланицкій уже засталъ своего гостя въ гостиной. То былъ человѣкъ невысокаго роста, стройный и плотный, съ красноватымъ лицомъ, съ усами, искусно подкрашенными и ловко приподнятыми кверху. Ему было за пятьдесятъ лѣтъ, но, благодаря хорошему парику и щеголеватой, хотя чрезвычайно простой одеждѣ, трудно было дать ему болѣе тридцати пяти лѣтъ. Между тѣмъ графъ далеко не былъ во всей формѣ; еслибъ онъ захотѣлъ, онъ могъ бы показаться еще моложе, манеры его могли бы быть еще изящнѣе. Казалось, онъ начиналъ дряхлѣть и добровольно признавать себя старикомъ. Эта патріархальность не могла не поразить Григорія Александрыча, тѣмъ болѣе, что уже очень давно городская хроника не доводила до его ушей ни малѣйшей исторіи, въ которой старый Ловеласъ разъигрывалъ бы хоть самую незначительную роль.

— Я очень радъ видѣть васъ, Юрій Борисычъ, началъ Ланицкій, тотчасъ же послѣ первыхъ привѣтствій. — Мнѣ надо поговорить съ вами объ одномъ щекотливомъ дѣлѣ....

— Говорите, говорите, съ дружескою готовностью перебилъ графъ: — такія дѣла надо рѣшать тотчасъ же.

— Это и мое правило. Вчера вы писали женѣ записку, которая ее перетревожила, а меня навела на дурныя мысли. Я долженъ предупредить васъ: у насъ съ женой корреспонденція общая....

— Еслибъ я не зналъ этого, живо возразилъ графъ: — сталъ ли бы я писать? Сплетни и доносы не мое дѣло. Вотъ всѣ обстоятельства: вчера Кайзерштейнъ, съ обычнымъ своимъ безстыдствомъ, трубилъ вездѣ, что ночью будетъ у него Crockford's party. Въ числѣ игроковъ первымъ называлъ онъ васъ. Услыхавши объ этомъ, я искалъ васъ на вечерѣ у моей сестры, но мнѣ сказали, что вы уже уѣхали. Тогда я написалъ записочку къ Юліи Александровнѣ, думая, что она васъ увидитъ раньше моего. Писать же собственно къ вамъ, значило бы совѣтывать, а этого я боюсь пуще смерти. Съ вами я не такъ близокъ, жену же вашу знаю съ самого рожденія, — служилъ съ ея отцомъ и теперь считаюсь его другомъ. Можетъ быть выдумка моя неловка, намѣреніе все-таки было доброе.

Ланицкій былъ довѣрчивъ, не столько отъ доброты сердца, сколько по лѣности. Ему непріятно было имѣть враговъ и браниться съ людьми, которыхъ онъ давно зналъ. Оправданіе графа показалось ему совершенно основательнымъ, и, увѣренный въ его благонамѣренности, онъ совершенно забылъ минутное свое неудовольствіе.

— Повѣрьте мнѣ, говорилъ Станиславскій: — пока согласіе еще не остыло, бросьте вы этихъ людей, изъ которыхъ каждый волоска вашего не стоитъ. У меня сердце ворочается, когда я слышу, что васъ называютъ игрокомъ. Ваши способности, прежняя ваша служба извѣстны всѣмъ и каждому. Вы знаете пропасть языковъ, вы ни въ комъ не нуждаетесь. Употребите же все это въ дѣло, и всякой смѣло предскажетъ вамъ блестящую дорогу....

— Знаю я эту дорогу.... сказалъ Ланицкій, слегка потянувшись.

Въ это время Жюли вошла въ комнату, свѣженькая и миленькая, одѣтая съ удивительнымъ вкусомъ. Не зная модъ тогдашняго времени, я долженъ постоянно отказывать себѣ въ удовольствіи описывать наряды Юлиньки. Она весело поболтала съ старымъ своимъ пріятелемъ и усѣлась около мужа. Прежній разговоръ продолжался.

— Я вамъ не совѣтую ничего, продолжалъ Станиславскій:— Боже меня сохрани отъ такихъ старинныхъ мѣръ; я весь къ вашимъ услугамъ: указать ли вамъ мѣсто, достать ли его, перемѣнить ли двадцать мѣстъ, устроить ли новое для васъ: скажи-

те только, и я возьмусь съ радостью. Я давно знаю и уважаю васъ, хотя, прибавилъ старикъ со вздохомъ и легкой улыбкою: — прежняя моя жизнь не могла доставить мнѣ вашего уваженія....

Послѣдняя выходка графа изумила Ланицкаго и въ особенности обрадовала Юлиньку. Она расположена была къ старику и всѣми мѣрами берегла его, зная дружбу его съ ея родителями, которые открыто не ладили съ Григоріемъ Александрычемъ. Съ помощью Станиславскаго Жюли надѣялась снова сблизиться съ гордыми стариками, которыхъ любила съ безсознательностію дитяти, хотя они были очень не правы передъ ней. Ей было чрезвычайно пріятно слушать, какъ старый графъ презрительно отзывался о своихъ прежнихъ подвигахъ. Жюли знала, что мужъ ея до сватьбы велъ жизнь не очень тихую, но она не сердилась на это и снисходительно слушала его рѣдкіе разсказы о старомъ времени, — тогда-какъ разсказы о дѣяніяхъ стараго Ловеласа возбуждали въ ней тягостное ощущеніе. Было ли то смутное предчувствіе бѣды со стороны графа, или просто движеніе правильно развитой души, которая возмущалась каждою аномаліей и нарушеніемъ гармоніи..... Жюли такъ мало думала о самой себѣ, что не могла дать себѣ отчета въ причинѣ такого тягостнаго ощущенія.

— Такъ-то, заключилъ графъ свою рѣчь, пожимая руку Ланицкаго: — принимайтесь-ка за дѣло, полноте картежничать....

— Да намъ нельзя не играть, перебила рѣчь его Юлинька: — у насъ....

Вѣтренница вѣрно выболтала бы всѣ свои семейные секреты, еслибъ Ланицкій не ударилъ ее слегка по рукѣ, которую она держала на ручкѣ его кресла.

— Видите, *намъ* нельзя не играть, сказалъ Григорій Александрычъ, смѣясь и передразнивая Юлиньку: — потому-что еще верховая лошадь не куплена. Я очень благодаренъ вамъ, Юрій Борисычъ, и подумаю обо всемъ этомъ.... послѣ когда-нибудь. Я не игрокъ въ душѣ, потому-что игра меня изнуряетъ. Не знаю какъ другіе, а я ненавижу моихъ партнеровъ, въ то время, когда играю. Это еще лучшая доля, потому-что хладнокровно обирать другъ друга.... это ужь будетъ ни на что не похоже.

— Вы правы, потому-что большая игра, какъ борьба, пред-олагаетъ въ играющихъ часть вражды и ненависти другъ къ ругу. Близкіе люди не играютъ между собой. И еще вы пото-у правы, что рѣдко между игроками попадаются люди благо-одные. Примѣръ вамъ Кайзерштейнъ.

— Признаюсь, я терпѣть не могу этого человѣка.

— И я тоже, сказала Жюли.

Графъ улыбнулся.

— Ктожь его любитъ? сказалъ онъ. — Необходимость, имѣ-ія мои за-границею, которыхъ мнѣ некуда сбыть, связали меня ъ этимъ пройдохою. Онъ богаче меня и грабитъ меня безъ ми-осердія. Онъ ловко лжетъ, лжетъ съ особеннымъ дилетан-измомъ, а потому его слушаютъ и вездѣ принимаютъ. Во всѣхъ тношеніяхъ это вредный человѣкъ.

— Сколько лѣтъ Кайзерштейну? спросилъ Ланицкій, кото-ый передъ тѣмъ сидѣлъ, слегка задумавшись.

— Кто его знаетъ. Почему это васъ интересуетъ? спросилъ рафъ, любопытно вглядываясь въ Григорія Александрыча.

— Видите, отвѣчалъ тотъ: — по времени не выходитъ, а ежду тѣмъ я эту фигуру видѣлъ тринадцать лѣтъ тому назадъ ъ Саксоніи, въ ***енѣ, на водахъ, въ игорномъ домѣ. Мнѣ ыло пятнадцать лѣтъ, а этотъ господинъ былъ тотъ же, со-ершенно тотъ же на лицо.... какъ и теперь.

— Жоржъ, Жоржъ! съ удивленіемъ замѣтила Юлинька: — ятнадцати лѣтъ отъ роду ты ужь былъ въ игорномъ домѣ?

— Diable, сказалъ Станиславскій: — c'était furieusement pre-oce!

— Утѣшьтесь, утѣшьтесь, отвѣчалъ Ланицкій: — то было е для игры, хоть этотъ день вѣчно буду я помнить. Это цѣлая сторія, — не очень занимательная.

— Говорите, сказалъ Юрій Борисычъ.

— Да разсказывай же, кричала Юлинька. — Мы будемъ лушать и не станемъ мѣшать. Онъ очень мило разсказываетъ, рибавила она съ улыбкой, обращаясь къ гостю.

— Merci, сказалъ Ланицкій.

— Вамъ очень хорошо извѣстно, что отецъ мой былъ игрокъ, акихъ, — это я говорю отъ чистаго сердца, — къ чести наше-о времени, не водится болѣе. Человѣкъ онъ былъ честный и лагородный, но преданный своей страсти съ такою силою, что

одинъ іюльскій вечеръ, маленькая наша компанія увели- нѣсколькими пріѣзжими французами и одной дамой, то- Парижа. Веселость мигомъ явилась страшная: заѣхавши далеко за городъ, мы вышли изъ экипажей, смѣялись, и ушли пѣшкомъ столько, что, сами того не замѣчая, въ мѣстахъ совершенно незнакомыхъ, между горами, енькаго селенія. Ночь уже наступила и, противъ вся- анія, сдѣлалось очень темно. Французы рѣшились очевать въ деревнѣ, чтобъ не сломить шеи, возвраща- рамъ; англичане сначала-было согласились сдѣлать то- какъ мы послѣ узнали, испугавшись отсутствія комфор- али прочь и сбились съ дороги. Мать моя одна никакъ алась провести ночь далеко отъ мужа. Мы простились со коляска наша повернула къ **ену. Стемнѣло совершен- долго ѣхали шагомъ, по крутой и узкой дорогѣ, и нѣ- о часовъ прошло прежде, нежели мы подъѣхали къ го- мъ воротамъ.

шади были совершенно измучены, экипажъ довольно тя- въѣзжая на крутую гору, гдѣ начинался форштадтъ, по- ъ зазѣвался, и коляска наша начала пятиться книзу, собою лошадей. А внизу была рѣка и мостъ, черезъ ко- мы только-что переѣхали. Положеніе наше было неза- , лошади, совершая свой роковой ходъ, запутались въ кахъ и начали биться. Насъ все тянуло назадъ; остава- но — броситься въ сторону, что̀ и было исполнено, при оляска опрокинулась, мать моя сильно ушиблась, а еще перепугалась.

гда мы дотащились до дому, у ней открылся жаръ и Дома не было никого. Я послалъ единственнаго лакея, й былъ на лицо, за ближайшимъ докторомъ, а самъ по- ь искать отца по городу. Черезъ двѣ улицы отъ нашего стоялъ домъ, ярко освѣщенный, хотя на улицахъ разсвѣ- ршенно. Я зналъ, что отецъ тамъ, потому-что часто по мъ мы подвозили его къ этому подъѣзду. Я взбѣжалъ на ю лѣстницу, прошелъ нѣсколько пустыхъ, блестящихъ ъ и, встрѣтивши какихъ-то людей, попросилъ ихъ вы- Ланицкаго. При этомъ имени они тотчасъ же отворили и показали мнѣ слѣдующую комнату, наполненную на- ь.

«Я былъ весь въ пыли, въ блузѣ, съ длинными волосами и въ маленькой фуражкѣ. Присутствующіе, принявъ меня за мальчика изъ чьей-нибудь прислуги, пропустили меня впередъ.

— Ты былъ хорошенькій мальчикъ, Жоржъ? перебила его Юлинька.

— Прошу покорно! замѣтилъ Ланицкій, отбросивши ея руку и снова ее поймавши: — это она такъ слушаетъ! и на самомъ интересномъ мѣстѣ разсказа!

«То, чтó я увидѣлъ тамъ, навело на меня такой страхъ и изумленіе, что я простоялъ нѣсколько минутъ не двигаясь съ мѣста. Комната убрана была съ бѣшеною роскошью. У противоположной стѣны стояло нѣсколько столовъ съ какими-то кружками, цыфрами, колесцами и ручками по бокамъ. Столы эти были пусты, кромѣ одного, около котораго полукружіемъ стояло нѣсколько десятковъ блѣднаго угрюмаго народу. На столѣ лежала груда зотота и билетовъ, кучи золота лежали и на пустыхъ столахъ. Прямо противъ меня, съ колодою картъ въ рукѣ, сидѣлъ господинъ, похожій какъ двѣ капли воды на мертвеца, или, иначе, на общаго пріятеля нашего Кайзерштейна...

— А! сказалъ графъ: — не можетъ быть впрочемъ... Въ тринадцать лѣтъ люди мѣняются.

— Навѣрное онъ, сказала Жюли, вѣрная своей антипатіи: — ужь конечно онъ, ça ne meurt pas, это вѣчный жидъ.

Всѣ засмѣялись.

— Кайзерштейнъ говорилъ мнѣ, замѣтилъ Ланицкій: — что ни онъ, ни семейство его не были никогда въ Саксоніи. Я продолжаю.

«Возлѣ стола стоялъ мой отецъ, спокойный, холодный, какъ всегда, съ лицомъ болѣе противъ обыкновенія нахмуреннымъ, держалъ за руку молодого человѣка лѣтъ тридцати, въ которомъ узналъ я одного путешественника, часто бывавшаго у насъ въ домѣ, и котораго мы всѣ очень любили. Этотъ господинъ былъ чѣмъ-то сильно встревоженъ. Но трудно передать вамъ злобу и негодованіе, съ которыми банкометъ и лица, стоявшія около него, смотрѣли на моего отца. Они будто готовы были броситься на него, и я увѣренъ, что случилось бы что-нибудь очень плохое, еслибъ остальная часть комнаты не занята была посторонними посѣтителями, которые съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за ходомъ игры.

— Я гляжу на ваши руки, спокойно сказалъ отецъ по-французски, обращаясь къ господину съ картами. — Va banque. Съ этимъ словомъ онъ бросилъ на столъ одну карту и вскрылъ ее.

«Я стоялъ какъ вкопанный, безсознательно увлекаясь общимъ любопытствомъ. Чудное дѣйствіе производила на меня эта богатая комната, наполненная истощенными и усталыми лицами, — блескъ свѣчей, который дробился на кучахъ разсыпанныхъ червонцевъ, - разсвѣтъ, врывавшійся въ широкія окна, и болѣе всего, холодная, грозная фигура моего отца, на котораго человѣкъ двадцать кидали изступленные взгляды, а остальные смотрѣли со страхомъ и недоумѣніемъ.

«Смѣшанный ропотъ пронесся между присутствующими, банкометъ бросилъ колоду и едва усидѣлъ на стулѣ. Все золото и всѣ билеты загребены были въ кучу и положены передъ отцомъ. Банкъ былъ сорванъ. Отецъ передалъ деньги молодому человѣку и строго заговорилъ съ господиномъ похожимъ на Кайзерштейна.

— Изъ-за людей вамъ подобныхъ, сказалъ онъ ему: — на насъ всѣхъ смотрятъ какъ на разбойниковъ. Чего ждете вы? Банкъ вашъ кончился, вонъ отсюда! — И взявши со стола карты, онъ бросилъ ихъ въ лицо своему противнику.

«Блѣдный господинъ съ товарищами хотѣлъ кинуться впередъ, но присутствующіе не пропустили ихъ и вытолкали всѣхъ въ другую комнату. Пользуясь общимъ передвиженіемъ, я подошелъ къ отцу и объявилъ о происшествіи съ матерью.

«Отецъ поблѣднѣлъ, увидѣвши меня, но, услыхавши, въ чемъ дѣло, тотчасъ же вышелъ на улицу. Молодой его пріятель догналъ насъ, бросился къ нему на шею, жалъ ему руки и хотѣлъ отдать ему всѣ деньги. «Я вашъ должникъ до конца жизни», говорилъ онъ по-русски.

«Отецъ остановился на минуту, не взялъ денегъ и пожалъ ему руку. «Помните этотъ вечеръ — сказалъ онъ ему — и не идите по моей дорогѣ.» Видя, что я усталъ совершенно, онъ взялъ меня подъ руку и почти донесъ до дому. Докторъ встрѣтилъ насъ радостною вѣстью: болѣзнь матери была незначительна. Черезъ день мы выѣхали изъ ***ена, и съ тѣхъ поръ не видалъ я ни блѣднаго банкомета, ни молодого путешественника, котораго, какъ можно было догадываться, отецъ выручилъ изъ довольно грустнаго положенія. Никогда не слыхалъ я отъ отца ни

малѣйшей подробности объ этомъ происшествіи, и еслибъ я былъ помоложе, вся эта исторія показалась бы мнѣ страннымъ сномъ. Но воображеніе мое было развито не по лѣтамъ: противъ воли моей, эта ночь, страшныя фигуры игроковъ, груды золота и слова моего отца мерещились мнѣ безпрестанно, и, чуть ли не вслѣдствіе этого обстоятельства, родственное вліяніе пробудилось во мнѣ съ непонятною силою и сдѣлало меня игрокомъ, правда, не совсѣмъ усерднымъ.

— Ай, какъ мы заболтались, сказалъ графъ, взглянувши на часы и вставая со стула. — Васъ я тоже задержалъ, и лошади ваши вѣрно застоялись. Надо сказать правду, Юлія Александровна, на вашихъ лошадокъ нельзя налюбоваться.

Хозяева и гость, совершенно довольные другъ другомъ, распрощались, но передъ уходомъ графа Юлинька съ маленькой робостью подошла къ нему.

— Вы хотѣли говорить со мною... о папà... сказала она съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Лучше въ другой разъ, отвѣчалъ гость, принимая немного грустный видъ. — Я не знаю, чтò сдѣлалось съ вашими стариками; я не ожидалъ отъ нихъ такого упрямства.

— Въ другой разъ, въ другой разъ! быстро перебилъ Ланицкій, видимо нелюбившій толковъ объ юлинькиномъ семействѣ: — не смущайте насъ сегодня. Надобно лучше веселиться... а тѣ.. посердятся, да и перестанутъ же когда-нибудь.

ГЛАВА IV.

Неусыпными стараніями Кайзерштейна и нѣкоторыхъ записныхъ любителей, картежная игра, до того времени почти забытая въ городѣ, вспыхнула съ значительною силою. Стали поговаривать о нѣсколькихъ юныхъ надеждахъ благородныхъ семействъ, ощипанныхъ до-чиста, о какой-то новой манерѣ игры, услѣдить за которою не было никакой возможности. Дѣло въ томъ, что Кайзерштейнъ съ пріятелями обращали самыя невинныя игры въ игры вредныя, и передъ глазами благонамѣренныхъ хозяевъ, которые не потерпѣли бы въ своихъ домахъ такого занятія, обыгрывали другъ друга, или держа пари на

фигуры, или пуская выигрышъ на семь или на пятнадцать кушей, въ продолженіи слѣдующей партіи. Только подъ утро, заперши́сь въ кабинетахъ у людей, извѣстныхъ своею терпимостью, они оставляли притворство, метали, понтировали, выигрывали и отписывали, слѣдуя въ точности правиламъ немногосложной игры, которая существуетъ у всѣхъ народовъ, и по всей вѣроятности будетъ существовать во всей своей почтенной простотѣ, пока родъ людской будетъ имѣть деньги въ карманѣ.

Къ чести Ланицкаго, должно сказать, что онъ не принималъ дѣятельнаго участія въ учрежденіи подобныхъ компаній и рѣшительно отказывался прикрывать комерческою игрою количество выигрыша или проигрыша. Самъ онъ никогда не металъ, никогда не игралъ иначе, какъ на чистыя деньги, чтобъ не надѣлать неоплатныхъ долговъ или не подвергнуть конечному раззоренію какого-нибудь горячаго господина. Все это было очень похвально, если можно назвать похвальными дѣйствія человѣка, который идетъ по дурной дорогѣ, съ отвращеніемъ смотритъ на дѣйствія людей, идущихъ по той же дорогѣ, и не имѣетъ ни столько порока, чтобъ подражать имъ, ни столько твердости, чтобъ оставить ихъ вовсе.

Мало тѣго, страдательное участіе, которое принималъ Ланицкій въ йгрѣ, дѣлало много вреда и подавало дурной примѣръ. Онъ былъ человѣкъ молодой, съ блестящими способностями; его домашнему счастію всѣ завидовали и удивлялись; его почитали очень богатымъ. Понятно, что присутствіе такого человѣка въ ватагѣ истасканныхъ, праздныхъ людей двусмысленнаго поведенія было не очень назидательно для юношества, одареннаго замѣчательною и не совсѣмъ разумною страстью къ подражанію. Кромѣ этого, манера игры Ланицкаго была необыкновенно быстра, ловка и эффектна. Онъ расчитывалъ свои ставки такъ, что если бы восемь картъ, восемь удвоенныхъ кушей, проиграны были имъ къ ряду, онъ бы остался безъ копейки. Но восемь проигрышей къ ряду, изъ которыхъ каждый превышаетъ вдвое предъидущій,— вещь весьма рѣдкая. Это соображеніе лежало въ основаніи системы, которой держался Ланицкій, и которую разнообразилъ онъ безпрестанно. Когда онъ подходилъ къ столу, игра становилась занимательною даже для простыхъ зрителей, принимала интересъ и какое-то смѣлое значеніе. Банкъ начиналъ потрясаться въ самомъ основа-

ніи, ставки его оживляли ходъ игры и похожи были на пушечные выстрѣлы посреди утомительной ружейной перестрѣлки. Если прибавить къ этому, что онъ былъ постоянно спокоенъ и холоденъ, никогда не садился во время игры и, кончивши свое дѣло, тотчасъ же уходилъ изъ собранія, то легко будетъ представить, почему примѣръ его былъ опасенъ. Въ своей квартирѣ не позволялъ онъ дѣлать никакихъ картежныхъ засѣданій и вообще неохотно встрѣчался съ своими противниками.

Такимъ образомъ, въ какой-нибудь мѣсяцъ или два времени, фонды Григорія Александрыча поднялись замѣчательнымъ образомъ, и не разъ уже говорилъ онъ Юлинькѣ, что собирается бросить свою безпутную жизнь и дать ей торжественное обѣщаніе не брать картъ въ руки. Пробовалъ онъ составлять себѣ партіи и играть по вечерамъ въ комерческую игру, но средство это, хотя и выгодное въ денежномъ отношеніи, не согласно было ни съ его характеромъ, ни съ образомъ жизни. Собственно игры онъ не любилъ: давно прошло для него то время, когда онъ, въ толпѣ игроковъ, воображалъ себя полководцемъ, съ любовью слѣдилъ за ходомъ своей компаніи и придумывалъ искусные планы; въ настоящее время игра для него была не цѣлью, а средствомъ, тяжелымъ и противнымъ средствомъ. Съ такими мыслями могъ ли закабалить онъ себя на ежедневное сидѣнье по вечерамъ, на возню съ тринадцатью картами, съ перспективою скуки и гемороя? Могъ ли онъ, влюбленный мужъ, оставлять свою Жюли на такую большую часть дня? Побывши съ Кайзерштейномъ и другими несносными господами одинъ часъ, много полтора, онъ весело отправлялся домой, гналъ лошадей во всю дорогу и могъ уже все остальное время до-сыта любоваться Юлинькой. Куда ни глядѣлъ Ланицкій, все ему казалось, что ужь сама судьба поставила его на эту дорогу, а за этимъ главнымъ оправданіемъ слѣдовали десятки менѣе важныхъ.

Беззаботный и спокойный характеръ Жюли какъ нельзя лучше прилаживался къ этимъ обстоятельствамъ. Она мало думала о томъ, что̀ такое игра, хотя знала очень хорошо, что въ какой-нибудь прекрасный вечеръ мужъ могъ воротиться домой, проигравши все состояніе. На этотъ случай она была совершенно готова. Трудно было найти женщину, у которой голова и сердце были бы счастливѣе устроены. Юлинька вполнѣ признавала себя счастливою, и всѣ бѣды, о которыхъ съ ужасомъ

помышляетъ прекрасная половина рода человѣческаго. только скользили по ея душѣ, не нарушая ея оживленнаго спокойствія.

А въ горѣ не было недостатка, еслибъ ей пришло на мысль взглянуть на свое положеніе глазами женщины, поддавшейся всѣмъ свѣтскимъ условіямъ. Въ свѣтѣ ее принимали уже не такъ, какъ въ то время, когда она была дѣвушкой, когда даже старухи ластились къ ней, въ надеждѣ составить блестящую партію своимъ сынкамъ или родственникамъ. Теперь уже многія дамы сухо ей кланялись, а иныя совѣтовали своимъ дочерямъ и сестрамъ меньше водиться съ Юлинькой. Молодежь оставила свои вздохи и сладкую угодливость; въ замѣнъ того, кучи признаній, страстныхъ объясненій, нѣжныхъ записокъ сыпались на Жюли отвсюду. И все это было такъ разнохарактерно, такъ назойливо, подчасъ даже такъ нагло! Несносная толпа окружала Юлиньку на балахъ; въ маскарадѣ ее узнавали по ножкѣ, по маленькому, дѣтскому недостатку въ ея произношеніи, и нѣкоторые селадоны, расхаживая съ нею и уважая ее инкогнито, осмѣливались передавать ей пошлую клевету на ея мужа. Одно время число ея обожателей возрасло до такой степени, что бѣдная Юлинька, совсѣмъ перетрусившись и улыбаясь сквозь слезы, обратилась къ мужу за спасительнымъ совѣтомъ. Григорій Александрычъ принялъ дѣло весьма хладнокровно; онъ раздѣлилъ поклонниковъ на три части, изъ которыхъ первую предалъ совершенному посмѣянію, позволивши Юлинькѣ потѣшаться надъ ними и бѣсить ихъ сколько душѣ ея было угодно. Другихъ надо было отвадить строгостью, и цѣлый часъ онъ смѣялся и училъ Юлиньку передъ большимъ зеркаломъ принимать разныя суровыя позы и кидать взгляды, холодные, насмѣшливые и строгіе. Занятіе это продолжалось такъ долго, что Юлинька замѣтила явное намѣреніе мужа не учить ее, а любоваться ею какъ можно болѣе. Съ третьими Лавицкій обошелся чрезвычайно благоразумно: началъ звать ихъ къ себѣ обѣдать, сидѣть вечеромъ, и, по возможности, по одиначкѣ. Нѣжнымъ господамъ нетрудно было убѣдиться въ семейномъ счастьи своего противника, а убѣдившись, пришлось отложить атаки на это счастіе до неопредѣленнаго времени.

Но едва прекратились дѣйствія обожателей, свѣтъ оказалъ свое новое расположеніе къ М-me Лавицкой, состроивъ на нее гибель совершенно безсмысленныхъ и противорѣчащихъ сплетней.

Исторія ея замужства снова выступила на сцену, манеры Юлиньки найдены были наглыми и тривіальными, и названіе сумасшедшаго мальчишки утвердилось за нею. Домашняя жизнь ея не укрылась отъ зоркаго глаза блюстителей чистоты нравовъ, и каждый мѣсяцъ снисходительныя души давали ей новаго любовника. Перебравши нѣсколькихъ плясуновъ, пріѣзжихъ иностранцевъ, графа Станиславскаго, Кайзерштейна, хранители юлинькиной нравственности хотѣли опять уже обратиться къ тѣмъ же самымъ лицамъ, чтó было бы неловко; но случай выручилъ ихъ изъ затрудненія: они нашли возможность наградить Юлиньку постояннымъ любовникомъ, имѣвшимъ даже согласіе мужа. Счастливецъ этотъ былъ Вальховскій, съ которымъ познакомились мы на вечерѣ у Кайзерштейна.

Вальховскій, точно, былъ влюбленъ въ Юлиньку; онъ часто бывалъ у Ланицкаго, съ которымъ былъ знакомъ съ дѣтскаго возраста, — и бывалъ у него иногда въ недѣлю разъ, иногда въ недѣлю пять разъ, обѣдалъ у него и просиживалъ до ночи, если Григорій Александрычъ бывалъ свободенъ. Часто и наединѣ онъ бесѣдовалъ съ Юлинькой, которая обходилась съ нимъ, какъ съ старымъ пріятелемъ, и, подстрекаемая холодными его манерами, по вѣтренности своей, позволяла себѣ очень часто не на шутку кокетничать съ пріятелемъ своего мужа. Ея любящая и ласковая душа изыскивала всѣ средства, чтобъ сколько-нибудь оживить сосредоточенную и апатическую натуру Вальховскаго. Но все это еще не могло оправдать городскихъ сплетней. Еслибъ Вальховскій имѣлъ успѣхъ, то нечего было бы ему рѣшаться на такіе отчаянные и преступные замыслы, часть которыхъ узнали мы изъ бесѣды его съ Кайзерштейномъ.

Вальховскій былъ человѣкъ странный; кодексъ его нравственныхъ правилъ былъ оригиналенъ, хотя отличался замѣчательною логическою послѣдовательностію. Несмотря на безалаберную молодость, онъ ни разу въ своей жизни не заводилъ связей, которымъ свѣтъ даетъ благозвучное названіе интриги. Возмутить спокойствіе дѣвушки, нарушить порядокъ супружеской жизни онъ постоянно почиталъ за великое преступленіе. Людей, хваставшихся подобными успѣхами, онъ ненавидѣлъ и презиралъ. Какова бы ни была жена, каковъ бы ни былъ мужъ, малѣйшее покушеніе на ихъ согласіе заслуживало строжайшаго наказанія. Не мудрено понять, какимъ образомъ это благород-

ное, пуританское уваженіе къ общественнымъ законамъ обратилось во зло нашему Вальховскому. Можетъ быть въ этомъ гордомъ и театральномъ удаленіи отъ женщинъ, связанныхъ со свѣтомъ, заключалась частичка эгоизма. Женщины были очень расположены къ Вальховскому, смирно переносили его капризы и раздражительность, какъ послѣдствія его болѣзненной натуры, и постоянно ласкали его, выказывали ему свое участіе. Будь Вальховскій не такъ слабъ, не такъ гордъ и страненъ, онъ не имѣлъ бы большого успѣха въ обществѣ.

Привязавшись всею душою къ Юлинькѣ, онъ долго боролся со своей страстью, пока была возможность бороться. Убѣдившись, что не пересилить себя, онъ понялъ, что передъ нимъ только двѣ дороги: погибнуть, потому-что жить безъ Жюли онъ не могъ, или отдаться своей страсти, которую въ зародышѣ своемъ почиталъ онъ за преступленіе. А давши себѣ волю, онъ тѣмъ же логическимъ порядкомъ дошелъ до сознанія, что всѣ средства хороши для достиженія цѣли, и что рѣшившись на зло, нечего отступать, потому-что зло, во всѣхъ видахъ, постоянно одинаково. Несчастна ли замужняя женщина, влюблена ли она въ мужа, мужъ ея врагъ ли его, первый ли его другъ, благороденъ онъ или жестокъ, Вальховскому все равно; потому-что преступленіе вездѣ преступленіе. Вальховскій былъ Сенъ-Жюстъ свѣтской жизни.

— Что̀ ты себѣ ни толкуй, говорилъ ему Ланицкій: — всѣ эти разглагольствованія о̀дна дрянь и чепуха. Ты поди лечись, у тебя печенка болитъ, завалы и меланхолія. Спать надо меньше.

Ланицкій лежалъ на диванѣ въ юлинькиной комнатѣ и курилъ сигару, жена его сидѣла на креслѣ, которое Григорій Александрычъ повернулъ такъ, что со своего мѣста могъ видѣть ее всю; Вальховскій сидѣлъ насупротивъ, очень близко къ Жюли. Уже смеркалось, но огня не подавали, потому-что каминъ бросалъ веселый красный свѣтъ на всю комнату.

— Слышите, замѣтила Жюли: — на той недѣлѣ было раздраженіе нервовъ, третьягодня недѣятельность мозговой системы, сегодня завалы и меланхолія. Хорошо, что онъ не докторъ.

— Такъ бы я и сталъ у него лечиться! прибавилъ Вальховскій.

— Что̀жь ты налепетала? отвѣчалъ Ланицкій, который не могъ смотрѣть на своего пріятеля иначе, какъ на больного: —

все есть, и завалы и разстройство. Я бы тебя заставилъ такъ безпутно пожить, какъ онъ жилъ прежде, посмотрѣлъ бы я на тебя....

Всѣ засмѣялись.

— Видите, что моя правда, прибавилъ Григорій Александрычъ.

— Неправда, сказалъ Вальховскій.

— Неправда, тоже сказала Жюли. — Иныхъ людей такая судьба, что про нихъ пустяки разсказываютъ. Мы давно знаемъ Вальховскаго. Мы знаемъ, что онъ живетъ тихо, хоть чудитъ иногда. Никогда про него не сочиняли исторій, всѣ его любятъ, — часто, когда собирались у него задорные пріятели, онъ угощалъ ихъ ужиномъ, а самъ уходилъ спать....

— Да ты посмотри, безъ церемоніи говорилъ Ланицкій: — на кого онъ похожъ? Страшно плѣшивъ и очки носитъ, — а ему лѣтъ-то мало. Мы вмѣстѣ учились, мы однихъ лѣтъ. Онъ боленъ, я всегда скажу.

— Боленъ я, Юлія Александровна? спросилъ Вальховскій.

— Я вамъ говорила, что нѣтъ. Вы жили очень грустно... вы никого не любили и васъ любили мало. Вамъ все хочется какого-то страшнаго счастія, котораго на свѣтѣ не водится, а потомъ, потомъ....

— Чтò же потомъ?

— Вы завистливы, сказала Юлинька.

— Это удивительно, сказалъ Вальховскій. — Откуда взяли вы, въ осьмнадцать лѣтъ отъ роду, такую странную инстинктивную проницательность?

— Вотъ видите, говорила Жюли, улыбаясь и въ полномъ удовольствіи: — на то я женщина. Правда моя?...

— Совершенная правда: я страшно завистливъ....

— Да какому же чорту ты завидуешь? спросилъ Ланицкій.

— Лучше будетъ такъ: кому я не завидую? Въ дѣтскихъ лѣтахъ я былъ безтолковымъ, необузданнымъ мечтателемъ, и это обстоятельство отравило мнѣ всю дѣйствительность. Теперь я признаю ея права: да легче ли мнѣ отъ этого? Я не могу жить какъ другіе; за чтó же другіе счастливы по своему? Я имъ завидую, завидую какому-нибудь забулдыгѣ, который, выпивши немного шампанскаго, ложится спать съ убѣжденіемъ, что день не прошелъ даромъ. Я завидую франту, если только онъ дове-

ленъ собой, хотя бы онъ самъ къ себѣ писалъ любовныя записочки. Я завидую ученому дураку, который сидитъ за безполезнѣйшими умозрѣніями, завидую....

Но больше всего я завидую людямъ, счастливымъ въ любви. Смѣются надъ неравными браками, — эти браки меня мучатъ, когда я о нихъ слышу. Когда старость сходится съ молодостью, богатство съ бѣдностью, значитъ съ какой-нибудь стороны есть страсть. Стало быть будетъ мѣсяцъ, можетъ быть годъ полнаго счастія; пусть за нимъ слѣдуетъ и горе и бѣда, — я завидую все-таки. Но если я вижу молодыхъ супруговъ или любовниковъ, которые не наглядятся другъ на друга, влюблены другъ въ друга безъ памяти, я готовъ лопнуть и желаю провалиться сквозь землю....

— Ахъ ты плѣшивый черепъ преступленія, сказалъ Ланицкій: — стало быть ты и меня.... этакъ....

Ланицкій смѣялся, и ему было весело, но Юлинькѣ было тяжело, потому-что она, какъ женщина, сердцемъ вникала въ смыслъ рѣчей бѣднаго своего пріятеля.

— Я берусь васъ вылечить, сказала она, перебивая своего мужа: — вамъ надо жениться, я сыщу вамъ славную невѣсту.

— Я не понимаю васъ, отвѣчалъ Вальховскій. — Первое ваше замѣчаніе показало мнѣ тонкую, истинно женскую сторону вашего ума, теперь вы, извините меня, отпустили мнѣ общую фразу. Женить всѣхъ и каждаго, пріискивать невѣстъ, это постоянная страсть замужнихъ женщинъ.

— Вотъ мужчины! сказала Жюли, слегка вспыхнувъ. — Вы дорожите общимъ голосомъ, а голосъ всѣхъ замужнихъ женщинъ называете общею фразою. Я же не колдунъ, изъ-за чего, да и откуда стану я говорить вамъ все новыя истины? Вамъ надо влюбиться и жениться, завтра же я начну искать невѣсту....

— Спроситесь же напередъ съ моимъ вкусомъ.

— Не надо, не надо, шумѣла Жюли: — вы сами не знаете, чего хотите; положитесь на меня. Я не имѣю никого въ виду, а пріискать такую невѣсту, какъ я хочу, дѣло трудное. Вамъ богатства не надобно?

— Обойдемся своимъ. Продолжайте описаніе, а я буду поправлять.

— Надобно, чтобъ жена занимала васъ каждую минуту. По уму такой дѣвушки пріискать невозможно. Пусть же она будетъ

маленькая, веселая, добрая, шалунья, на которую бы вамъ чисто хотѣлось любоваться.

— Истинно такъ, сказали Вальховскій и Ланицкій.

— Потомъ, она будетъ немножко лѣнива, чтобъ ей въ голову не пришло управлять вашими имѣніями и залѣзть въ какія-нибудь важныя предпріятія.

— Изъ зависти, на нее будутъ сплетничать. Она должна имѣть столько твердости и беззаботности, чтобъ не принимать ничего къ сердцу.

Ланицкій безпокойно взглянулъ на Юлиньку: слова эти показались ему намекомъ на ея собственное положеніе въ обществѣ. Но задней мысли рѣшительно никакой не было, взглядъ ея былъ такъ же свѣтелъ, улыбка такъ же откровенна. Дитя, она безсознательно продолжала рисовать свой портретъ.

— Нечего замѣчать, сказалъ Вальховскій. — Вы проникли въ мою душу.

— Она будетъ хорошенькая. Вы очень прихотливы, вамъ въ особенности должна понравиться, до безумія, одна какая-нибудь часть ея лица....

Вальховскій вспомнилъ, какъ Каизерштеинъ говорилъ ему о продолговатыхъ глазкахъ Юлиньки и маленькомъ ея ротикѣ.

— Сперва надо будетъ вамъ самимъ смотрѣть. Если вы замѣтите дѣвушку съ такимъ личикомъ, скажите мнѣ, я разговорюсь съ нею.... нельзя же мнѣ одной все дѣлать.

— Очень, очень хорошо, замѣтилъ Ланицкій. — Если ты такая мастерица на эти дѣла, прінщи и мнѣ такую же дѣвушку. Тогда у меня будетъ двѣ Юлиньки. Замѣтьте эту скромность: всѣ женщины должны быть на насъ похожи.

Вѣтренница спохватилась немножко и потомъ начала доказывать, что она совсѣмъ не такая. Этотъ разговоръ разгорячалъ Вальховскаго, кровь его болѣзненно волновалась, онъ не могъ отвести глазъ отъ рѣзвой Юлиньки, которая продолжала кокетничать и казалась еще милѣе отъ сознанія собственной своей привлекательности. Но это было только начало, ему предстояли еще новыя искушенія.

— Такъ слушайтесь же меня, Mr. Вальховскій, говорила Юлинька: — полноте тосковать и сидѣть повѣся носъ, надо надѣяться и веселиться. У меня есть убѣжденіе, что я могу васъ выручить.... ждите же своей невѣсты.

— А до тѣхъ поръ я съ ума сойду, отвѣчалъ Вальховскій, не скрывая своей внутренней тоски.

— Вонъ ему не терпится ужь, замѣтилъ Ланицкій.

— Да полно тебѣ, Жоржъ! ему все смѣшно! Я не заставлю васъ долго ждать, а до тѣхъ поръ пожалуйста не скучайте, волочитесь.

— За кѣмъ?

— Волочитесь за мной, улыбаясь сказала Юлинька.

Я терпѣть не могу отступленій, но теперь не могу не спросить благосклонныхъ читателей, случалось ли имъ слышать когда-нибудь отъ любимой женщины слова, которыя женщины рѣдко говорятъ вслухъ, слова въ родѣ этихъ: «онъ былъ въ меня влюбленъ,» «ты волочишься за мною»? Какъ сладко отзываются въ вашемъ сердцѣ, на какія мысли наводятъ насъ эти бойкія, немножко смѣлыя, милыя и рѣзкія выраженія! какъ сближаетъ насъ эта откровенность, иногда безсознательная! Это чувство не поддается описанію, но кто его не знаетъ и не понимаетъ, тотъ, да позволено будетъ сказать ему словами Данта:

D'amor non averà mai inteletto.

— Волочитесь за мною, повторила Жюли, улыбаясь и глядя въ глаза Вальховскому: — вамъ не будетъ скучно.

— Какія же права дастъ мнѣ это волокитство? дерзко спросилъ тотъ.

— Вы будете кататься съ нами поутру, обѣдать у насъ, провожать меня вездѣ, въ маскарадъ.

— Будешь въ накладѣ, сказалъ Ланицкій. — За ней ходитъ тьма дураковъ, и ты соскучишься. А у подъѣзда безконечная болтовня съ закутанными подругами.

— Чтó дальше, Юлія Александровна?

— Можете называть меня не Юліей Александровной, а Жюли.

— Даже Zulietta, прибавилъ Ланицкій, передразнивая Юлиньку, которая нѣкоторыя буквы выговаривала такъ, какъ ихъ произносятъ крошечныя дѣти.

— Нѣтъ, Zulietta нельзя: это будетъ ужь насмѣшка.

— Вовсе не насмѣшка: въ Венеціи и старый и малый, всѣ такъ говорятъ: La zovene signora Zulia, la zentile Zulietta.

— Все это превосходно, сказалъ Вальховскій : — какія же будутъ еще мои права? Вы мнѣ дадите цаловать вашу руку?

— Можно, сказала Жюли, серьёзно надувъ губки, будто обдумывая важность этого права.

— Ну, Ланицкій, что ты на это скажешь? спросилъ снова Вальховскій.

— Мнѣ-то что за дѣло, отвѣчалъ Ланицкій, повертывая сигару, которая неровно курилась. — Съ вами не сладишь, я даю женѣ карт-бланшъ.

— А, ты даешь карт-бланшъ, вымолвила Юлинька, лукаво взглянувъ на мужа и протянувъ лѣвую руку Вальховскому. — Тотъ понялъ это движеніе и съ жаромъ поцаловалъ маленькую руку, хотя самому было не до шутокъ.

— Ай! ай! вскрикнули Ланицкій и Юлинька.

— Ахъ, ты, порочная душа! смѣясь сказалъ Григорій Александрычъ.

— Ай, какъ вы больно цалуетесь! сказала Юлинька, посматривая на свою руку, по нѣжной кожѣ которой выступили два красныя пятнышка.

— Смотри же, старый сатиръ, и ты, вертушка, продолжалъ Ланицкій : — чтобъ поддержать славу петербургскихъ мужей, я разъиграю съ вами исторію въ родѣ Франчески де Римини.... Ахъ, Создатель мой! бьетъ восемь часовъ. Вѣчно валяешься тутъ, точишь лясы и опоздаешь въ театръ. Два битыхъ часа переливаемъ мы изъ пустого въ порожнее!

Григорію Александрычу подали записку. «Скажи, что не буду», сказалъ онъ лакею, прочитавши ее. — Опять зовутъ играть; къ чорту всѣ игры! знать ихъ не хочу. Ѣдешь ты съ нами въ театръ?

— Ѣду, отвѣчалъ Вальховскій : — и ты ѣдешь?

— Еще бы, васъ оставить однихъ, итальянскіе любовники! Ты чего ждешь, быстроглазая? поправь свои фуро, да и сейчасъ же къ намъ.

Юлинька убѣжала въ спальню.

Хозяинъ и гость молчали нѣсколько времени. Невинное кокетство и дружеское участіе Юлиньки нанесли послѣдній ударъ сердцу Вальховскаго. Онъ сидѣлъ какъ пьяный, устремивъ глаза на одну точку, и нравственное его состояніе вполнѣ соотвѣтствовало этому положенію. Къ одной точкѣ рвалась его душа,

дорога была ясна и заранѣе обдумана, все исчезало по сторонамъ, и на концѣ прямой линіи видѣлось одно преступленіе, котораго избѣжать не было человѣческой возможности.

— Хотѣлось бы мнѣ наплевать на всю эту шайку, говорилъ Григорій Александрычъ, бросивъ отъ себя полученную имъ записку: — и чегожь лучше? Теперь я почти могу спокойно ожидать, чтобъ юлинькины старики отправились на тотъ свѣтъ и она получила бы свою часть. Не лишатъ же они ее наслѣдства.

— А, ты все про свою игру.

— Одно только, мнѣ хотѣлось бы въ послѣдній разъ проучить этихъ господъ, которые играютъ противъ меня съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ.... Завтра, я знаю, у нихъ общее собраніе.

— Ну, чтòжь, поѣзжай, замѣтилъ Вальховскій.

— Я явлюсь со всѣми капиталами, чтобъ сильнѣе играть. Есть ли у тебя свободныя деньги!

— Есть довольно, бери сколько хочешь.

— Это пустяки: сколько хочешь. Если брать, такъ столько, чтобъ на случай несчастія мои вещи тебя обезпечивали. Впрочемъ едва ли я адресуюсь къ тебѣ.

— Безъ церемоніи, я буду снисходительнымъ кредиторомъ.

— Безъ снисхожденія; ты очень хорошо знаешь, что я не займу копейки лишней противъ моихъ средствъ. Я это говорю на всякой случай. Вонъ, идетъ наша Франческа; а какая она хорошенькая! Кончено, не ѣду ни завтра, ни сегодня въъ эту глупую компанію.

ГЛАВА V.

— Żulietta mia, говорилъ Лавицкій на другое утро: — чтó это съ тобой сдѣлалось, чтó это ты такъ нахмурилась? Ай, какая грозная красота! не знаю съ чѣмъ и сравнить тебя.... Просто, подойти страшно.

— Тебѣ бы только все смѣяться, говорила Юлинька, тяжело вздыхая: — на моемъ мѣстѣ ты еще хуже нахмурился бы. Юрій Борисычъ былъ въ имѣніи у отца и привезъ письма....

— Этотъ Станиславскій на то рожденъ, чтобъ тебя безпокоить. Я въ состояніи просить, чтобъ ему запретили ѣздить по нашей улицѣ. Гдѣ же письма?

— Нечего ихъ читать, сказала Юлинька: — это нехорошія письма.

— О, да мы съ душкомъ, умѣемъ сердиться. Впрочемъ родители твои тебя любятъ, и за это я ими доволенъ. Погоди, все устроится.

— Кто можетъ передавать имъ всѣ эти сплетни! Всему, что обо мнѣ болтаютъ въ городѣ, они почти вѣрятъ. Мало того, они думаютъ, что ты вездѣ разсказываешь о томъ, будто они несправедливо поступили со мною, будто бы ты говорилъ, что кто молодъ, тотъ чего-нибудь да дождется послѣ стариковъ...

— Суди сама, — въ состояніи ли я говорить это? Вчера въ шутку, я сказалъ что-то подобное...

— Еще бы мнѣ это про тебя думать! Отецъ проситъ передать тебѣ, что въ его власти и будущее.

— А, сказалъ хладнокровно Ланицкій: — лишить наслѣдства. Тебя-то за что? Не огорчайся, дитя мое.

— Видитъ Богъ, сказала Жюли, грустно опустивъ голову: — я не думаю объ этомъ. Но кому надобно сплетничать и ссорить меня съ родителями?

— Рѣшительно не понимаю. Станиславскій развѣ?

— Зачѣмъ ему? да и не въ томъ дѣло. Зачѣмъ же они вѣрятъ, отчего сами они не пріѣдутъ расспросить меня, узнать о нашей жизни?... Голосъ Юлиньки дрожалъ, грусть и небольшое, но справедливое негодованіе боролись въ ея душѣ.

Ланицкому было страшно тяжело видѣть, какъ дѣйствовало на чистую душу его Юлиньки поведеніе людей, которыхъ привыкла она любить съ дѣтскаго возраста. Онъ рѣшился на мѣру страшно тяжелую для людей съ его характеромъ: чтобъ отдалить отъ Жюли всякую мысль о несправедливости родителей, онъ принялъ всю вину на себя.

— Послушай, дитя, сказалъ онъ: — они во всемъ правы. Ты знаешь, что жизнь, которую я велъ до нашего брака, была немного странна, во многомъ даже непохвальна: нельзя же довѣриться мнѣ съ перваго разу. Я увѣренъ, они только наблюдаютъ за тобой.... а къ теперешней нашей жизни трудно придраться....

— Да откуда же знать имъ нашу жизнь, если они сами отъ насъ удаляются, а вѣрятъ людямъ, которые на насъ злятся и завидуютъ.... Они знаютъ, что ты небогатъ: отчего они не помогаютъ тебѣ?

— Смотри пожалуй, говорилъ Ланицкій улыбаясь, потому-что зналъ беззаботность Юлиньки: — смотри пожалуй, какое корыстолюбіе. И въ этомъ они правы: я могъ проиграть деньги.

— Ахъ, душенька, Жоржъ, продолжала Юлинька, сердясь и улыбаясь въ одно и тоже время. — Мнѣ такъ пріятно тебя слушать, только ты говоришь противъ себя. Ты играешь черезъ силу, ты вообразилъ, что мнѣ нужны брильянты и богатство... Еслибъ тебя поддержать теперь, ты бы бросилъ все и сдѣлался порядочнымъ....

— Хорошъ комплиментъ! сказалъ Ланицкій, смѣясь, чтобъ прекратить тяжелый разговоръ.

— Послушайся меня, другъ мой, говорила Юлинька, ласкаясь къ нему: — бросимъ этихъ людей, которые на насъ сплетничаютъ и вредятъ намъ.... уѣдемъ отсюда. Ты можешь купить себѣ маленькое имѣніе съ домикомъ, съ садомъ.... мы будемъ такъ жить, какъ еще никто въ мірѣ не жилъ.... лишь бы не оставаться здѣсь.

— Рѣшительно не понимаю, сказалъ Ланицкій, глядя женѣ въ лицо: — откуда у тебя взялись такія безпокойства и охота думать о томъ, что̀ будетъ впередъ. Давно ли ты была такая вѣтренница? давно ли мы съ тобой смѣялись и весело приготовлялись горевать, если понадобится....

— Да теперь ты изъ-за меня горюешь, простодушно сказала Юлинька.

Ланицкому оставалось только разцаловать Жюли, утѣшить ее и тотчасъ же принять всѣ мѣры къ исполненію ея желанія. Онъ исполнилъ все это, кромѣ послѣдняго пункта. Григорій Александрычъ, какъ бо̀льшая часть людей безъ значительныхъ, а главное — постоянныхъ денежныхъ средствъ, питалъ безпредѣльное и довольно безтолковое уваженіе къ роскоши. Онъ былъ замѣчательно уменъ, а безъ этого сказанный недостатокъ могъ бы принять размѣры, достойные посмѣянія. Есть въ свѣтѣ много людей, которые, имѣя средства жить въ чистой квартирѣ, будутъ жить грязно, потому-что, по ихъ мнѣнію, жить

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

жали въ свое собраніе.... и вотъ по какому случаю Григорій Александрычъ, вмѣсто того, чтобъ остаться дома или развлечь чѣмъ-нибудь свою жену, которая была такъ огорчена поутру, — при наступленіи ночи, поѣхалъ въ то самое собраніе, куда еще вчерашній день хотѣлъ никогда носа не показывать.

Впрочемъ онъ долго боролся: оскорбленная гордость и желаніе мщенія не превозмогли бы, еслибъ не подоспѣло еще одно обстоятельство. Ланицкому хотѣлось выиграть, и много выиграть: тѣмъ ли, другимъ ли путемъ, ему надобно было обезпечить себя на нѣсколько лѣтъ впередъ. Давно ужь финансы его не были въ такомъ порядкѣ, какъ въ настоящее время; еще одинъ большой выигрышъ, и онъ могъ успокоить Юлиньку и на долгое время не нуждаться въ ея родителяхъ. Думая такимъ образомъ, онъ дошелъ до того, что началъ почитать себя какимъ-то орудіемъ судьбы, посланнымъ на то, чтобы обуздать Кайзерштейна и прочихъ беззаконниковъ.... впрочемъ тутъ онъ самъ засмѣялся и не могъ не подивиться, какъ ловокъ человѣкъ на всевозможныя оправданія и примиренія съ самимъ собою, когда доходитъ дѣло до исполненія своихъ прихотей.

Было поздно, когда уѣхалъ Ланицкій изъ дому. Въ эту ночь любители игры были на вечерѣ у одного богатаго, гостепріимнаго и очень слабодушнаго господина, и послѣ ужина, отбросивъ лишнія церемоніи, часть компаніи усѣлась за зеленый столъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ. Игра тянулась довольно долго, посторонніе гости разъѣхались, самъ хозяинъ уже начиналъ дремать и досадовать на засидѣвшихся картежниковъ, когда Ланицкій вошелъ въ комнату. Въ эту ночь онъ былъ особенно хорошъ собою и веселъ, игралъ смѣло и съ сумасшедшимъ счастіемъ. Не успѣлъ онъ четверти часа постоять у стола, какъ господинъ, занимавшійся метаньемъ, лишился всего выигрыша, своихъ денегъ и сошелъ съ мѣста.

— Браво, Григорій Александрычъ! говорилъ хозяинъ смѣясь: — такъ имъ и надо, беззаконникамъ.

Игра сдѣлалась живѣе, метать началъ Кайзерштейнъ. Прежнее счастье продолжало везти Ланицкому, игра его была такъ смѣла, такъ ловко расчитана, что и хозяинъ и нѣсколько постороннихъ зрителей увлеклись ходомъ игры и совершенно забыли про позднюю пору. На Ланицкаго нашли минуты того

страннаго, увлекательнаго очарованія, которое иногда испытываютъ люди предпріимчивые и черезчуръ смѣлые, рискуя своимъ состояніемъ и вообще тѣмъ, чѣмъ не позволяется рисковать въ свѣтѣ. Но таковъ характеръ русскаго человѣка: все смѣлое, все энергическое увлекаетъ его; бросаясь въ опасность, онъ самъ чувствуетъ наслажденіе, а потому и отваженъ. Оттого такъ и пріятно ему слово «авось», что, говоря его, онъ самъ себя увеселяетъ. Эта высокая, ярко освѣщенная комната, толпа людей, изъ которыхъ иные слѣдили за его игрою съ участіемъ, другіе съ негодованіемъ, напомнили Ланицкому первое картежное воспоминаніе его дѣтства, о которомъ разсказывалъ онъ въ третьей главѣ этой исторіи. Для довершенія сходства, Кайзерштейнъ смотрѣлъ на него, изрѣдка поднимая глаза отъ разложенныхъ картъ, — съ угрюмымъ и жолчнымъ выраженіемъ. Впрочемъ было отъ чего сердиться: ему приходилось куда-какъ круто. Ставки Ланицкаго не давали ему отдыха, чуть сбрасывалъ онъ съ плечь одну карту, другая, перегнутая по всѣмъ уголкамъ или по серединѣ, пробиралась впередъ, — не было покоя усталому игроку, касса его трещала, такъ-что онъ нѣсколько разъ ее увеличивалъ и наконецъ выложилъ всѣ свои деньги. Присутствующіе ахнули, никогда еще игра не принимала такого широкаго размѣра. Ланицкій самъ усталъ, но все еще не садился; онъ былъ постоянно спокоенъ и холоденъ, но душѣ его было весело. Одолѣвая Кайзерштейна, онъ зналъ, что пощипываетъ и другихъ нерасположенныхъ къ нему людей. Ему было весело быть спокойнымъ, перевышать головою людей, которые въ самомъ порокѣ не умѣли вести себя, а своими блѣдными лицами, враждебными и тревожными взглядами выражали свое безпокойное участіе. Сама игра уже становилась скучна и тяжела; но по временамъ образъ Юлиньки носился передъ его глазами во всей своей прелести; сердце, измученное томительною борьбою за деньги, такъ сладко начинало биться при мысли о хорошенькой женѣ, которая ждала его дома и не ложилась спать, ожидая его прибытія. Онъ почти увѣрялъ себя, что играетъ единственно для Юлиньки, и снова сдѣлался спокоенъ.

Всѣ удивлялись его умѣнью владѣть собою; но рядомъ съ нимъ сидѣлъ человѣкъ, который въ это время игралъ въ другую игру, передъ которой всѣ азартныя игры ничего не значили. Это былъ Вальховскій, который изрѣдка ставилъ какую-нибудь ни-

чтожную карту и смотрѣлъ на всѣхъ, прищуря глаза. При входѣ въ комнату, Григорій Александрычъ пожалъ руку Вальховскому и смѣясь сказалъ ему: «тебѣ-то здѣсь чего хочется?» При этихъ словахъ какое-то тягостное чувство пробѣжало по лицу его плѣшиваго пріятеля, а за тѣмъ Вальховскій сдѣлался на весь вечеръ совершенно спокоенъ и неподвиженъ.

А между тѣмъ, если бы кому слѣдовало удивляться за умѣнье владѣть собою, то скорѣе Вальховскому, чѣмъ Григорью Александрычу. Ланицкій, правда, рисковалъ всѣмъ состояніемъ, Вальховскій рисковалъ своимъ планомъ. Отвертись Ланицкій отъ батереи, которую противъ него выставили, тогда прощай надежда добраться до Юлиньки, прощай надежда всей жизни. Къ чему вела попытка на преступленіе, позорный договоръ съ Кайзерштейномъ противъ человѣка, который не заслуживалъ такого коварства?

Вальховскій любилъ Григорья Александрыча, много разъ они оказывали другъ другу важныя услуги, въ его домѣ привыкъ онъ проводить столько пріятныхъ часовъ, — а теперь хорошимъ путемъ доказывалъ онъ ему свою дружбу! Но одна пагубная страсть ослѣпляла Вальховскаго, онъ шелъ по своему пути, тяжко страдая, и шелъ, не отступаясь ни на минуту.

Юлинька снова представилась воображенію Ланицкаго, какъ свѣтлый геній посреди сцены жадности и порока. Онъ почти стыдился себя; ему страшно захотѣлось домой; въ нетерпѣніи увеличилъ онъ всѣ ставки. Кайзерштейну пришлось еще круче, банкъ его началъ окончательно разваливаться. Ланицкій пересталъ превозмогать свою усталость и усѣлся въ кресло. Это было знакомъ борьбы короткой и безпощадной, потому-что онъ любилъ обыкновенно играть не садясь. Счастіе не оставило его, вопреки игрецкому суевѣрію: черезъ полчаса банкъ былъ сорванъ до-чиста, со всѣми выигрышами отъ другихъ особъ.

Всѣ присутствующіе будто проснулись отъ тяжелаго сна. Цыфра выигрыша была очень велика. Ланицкому стало нѣсколько совѣстно, и раздражительная натура его была слишкомъ измучена, чтобъ хорошенько порадоваться.

— Я вамъ отвѣчаю на столько же, холодно сказалъ Кайзерштейнъ.

— Благодарю васъ, вѣжливо отвѣчалъ Григорій Александрычъ. Вы знаете мое правило: я не играю на-слово.

ругъ сказалъ онъ, видя, что Ланицкій прощает-
ри бросилъ на столъ ломбардный билетъ.
было неприлично. Ланицкій бросилъ взглядъ на
желчь подступила къ его горлу. Ѣдко-насмѣшли-
показалась на его лицѣ.
ивы, ваше сіятельство, рѣзко сказалъ онъ,
по новому игроку.
адержалъ этого взгляда и сталъ приводить раз-
ичины.
е, замѣтилъ Ланицкій съ злою ироніей. Ктожъ
на пріятельскій вечеръ съ цѣлымъ ломбардомъ

вѣка поняли другъ друга. Ланицкій сталъ яснѣе
атъ эти предложенія услугъ, эта возня съ роди-
и, эти сплетни и записочки. Закусивъ губы,
гу изъ колоды; ему хотѣлось, хоть въ чемъ-ни-
корѣе, столкнуться съ этимъ человѣкомъ.
тоже внимательно слѣдилъ за графомъ и Кай-

те? спросилъ Кайзерштейнъ.
отвѣчалъ графъ съ невиннымъ видомъ: — да я
й стороны отъ моей.
ъ взялъ колоду и началъ метать. Но пора оста-
изъ которыхъ ровно ничего не вынесешь, кро-
ощущеній.

ГЛАВА VI.

досаду и неудовольствіе лѣниваго автора, ему
вести мѣсто своего разсказа изъ самой оживлен-
въ одинъ изъ глухихъ и отдаленнѣйшихъ пе-
оулковъ, — изъ высокихъ домовъ съ красивы-
тѣсные деревянные домики и въ бѣдно убран-

ь города, о которой мы будемъ теперь говорить,
достоинствъ, въ сравненіи съ другими отдален-
ией столицы. По близости ея не было ни боль-

шой дороги, ни заставы, — стало быть на улицахъ, спокойно поросшихъ травою по краямъ, не красовались ряды харчевень, не было замѣтно безпрерывнаго прилива и отлива озабоченнаго населенія. Не было фабрикъ съ небѣлеными стѣнами и безобразными трубами, не было затѣйливыхъ домиковъ съ претензіями на названіе дачъ, куда любитъ съѣзжаться лѣтомъ голь перекатная, одаренная прихотливыми жонами, которымъ кажется вреденъ городской воздухъ, — и съѣзжаться затѣмъ, чтобъ къ своей нерадостной жизни прибавить еще ревматизмъ съ вѣчною простудою.

Въ описываемой нами части города жили все люди тихіе и безъ претензій: никто почти не ѣздилъ къ нимъ въ гости изъ другихъ, болѣе богатыхъ частей, такъ-что они сами составляли будто особенный городокъ съ края столицы. Одна часть этихъ жителей съ ранняго утра уходила по своимъ дѣламъ, возвращалась усталая и почти не показывалась на улицы; зато другая часть народонаселенія и знать не хотѣла, что̀ дѣлалось въ центральныхъ улицахъ города, жила тихо и спокойно, безъ всякой заботы о томъ, что есть на свѣтѣ Невскій проспектъ, Лѣтній садъ, театры и всякаго рода присутственныя мѣста.

Толстыя березы и липы росли позади низенькихъ домовъ, сбоку ихъ, а иногда и спереди; пѣтухи кричали и дрались на улицахъ, не боясь экипажной ѣзды; а часу въ одинадцатомъ вечера и ходьба по немощенымъ улицамъ прекращалась. Можно бы было принять эту часть города за большое село, еслибъ спекуляторы не настроили въ ней десятка жолтыхъ домовъ похожихъ на фонари: такъ щедры были строители на окна, а скупы на простѣнки. Расчетъ былъ довольно вѣрный, потому-что хозяева надѣялись, что городъ современемъ раздвинется и дома получатъ бо̀льшую цѣнность.

Эти высокіе каменные дома портили весь видъ, и деревянные ихъ сосѣди, казалось, косо на нихъ поглядывали. Дома имѣютъ свое выраженіе, какъ и лица людскія; поэтому надо отдать справедливость нашему уголку: его деревянныя строенія смотрѣли радушно и какъ-то особенно благонравно. Были и между ними два-три дома въ одинъ этажъ, длинные, покосившіеся, сѣрые, съ половиною заколоченныхъ оконъ, что̀ придавало имъ угрюмую физіономію. Въ такихъ домахъ, должно быть, когда нибудь происходили исторіи, если не страшныя, то по-крайней-

мѣрѣ мрачныя и унылыя. Въ нихъ жили по большой части угрюмые, одинокіе старики, не вылѣзавшіе изъ халатовъ, не любившіе ни гостей, ни болтовни о старомъ времени, ни прогулокъ по проспекту въ вечернюю пору.

Зато иные домики, хотя постарѣвшіе, хотя съ маленькими окнами, весело и бойко выглядывали изъ-за зеленыхъ деревьевъ и, казалось, вызывали на бой злое время съ его сокрушающимъ вліяніемъ. Пріятно было глядѣть на ихъ патріархальную наружность, еще пріятнѣе было, проходя вечеромъ, бросить нескромный и любопытный взглядъ, сквозь освѣщенное окошко, въ чистенькую, низенькую комнату, и подглядѣть тамъ старика, разливающаго чай, да русую хорошенькую головку, нагнувшуюся надъ шитьемъ....

Одинъ изъ такихъ домовъ поддерживался съ большимъ тщаніемъ и даже нѣкоторою роскошью. Старый, запущенный садъ охватывалъ его съ трехъ сторонъ, — фасадъ же его былъ почти закрытъ деревьями, росшими спереди, въ красивомъ палисадникѣ. Хозяинъ, одинокій чиновникъ, жилъ самъ на концѣ сада въ маленькомъ флигелѣ, раздѣливъ домъ на двѣ квартиры. Одна изъ нихъ стояла пустая, — въ другой жилъ молодой человѣкъ, нѣмецъ по фамиліи, по всему остальному чисто русскій, нѣкто Иванъ Иванычъ Армгольдъ. Велъ онъ жизнь одинокую и сидячую, сосѣди называли его докторомъ, хотя онъ еще только собирался держать экзаменъ на эту ученую степень.

Родители Армгольда были люди съ состояніемъ; отецъ его занималъ значительное мѣсто въ одной изъ губерній, имѣлъ деньги, но сыну не посылалъ ни копейки, за то, что молодой человѣкъ, не спросясь его совѣта, оставилъ службу, затѣмъ чтобъ удобнѣе слѣдить курсъ медицинскихъ наукъ. Какія обстоятельства заставили Армгольда выбрать эту трудную дорогу, остается совершенно неизвѣстнымъ; достовѣрно только то, что со времени прекращенія родительскихъ субсидій, Иванъ Иванычъ сталъ жить тихо и бѣдно, хотя обширныя его познанія, большое знакомство, ловкій и оригинальный его умъ, а въ особенности красота, могли доставить ему большую практику, преимущественно между женщинами.

Армгольдъ, по справедливости, могъ назваться рѣшительнымъ красавцемъ. Казалось бы, съ перваго разу, ему не за что было давать такого названія. Черты лица его были неправиль-

ны, нѣсколько угрюмы и вовсе не миловидны, но въ нихъ замѣтно было присутствіе энергической, сосредоточенной мысли. Понятія о мужской красотѣ перемѣнчивы и сбивчивы; красавецъ прошлаго столѣтія могъ бы намъ показаться уродомъ, но Армгольда никто и никогда не нашелъ бы дурнымъ. Волосы его имѣли превосходный пепельный оттѣнокъ, глаза его и вся верхняя часть лица были постоянно спокойны, какъ у самаго хладнокровнаго философа; зато нижняя часть его лица сохраняла смѣлую и тревожную подвижность юности.

Слѣды упорной умственной дѣятельности замѣтны были въ его необыкновенномъ дарѣ слова, въ его страшныхъ познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ тяжелымъ трудомъ, потому-что Армгольдъ, какъ самъ сознавался, не былъ одаренъ страстью къ наукѣ, которая смягчаетъ трудъ, превращаетъ его въ удовольствіе, и едва ли не одна изъ всѣхъ страстей способна украшать жизненную дѣятельность. Квартира молодого медика первоначально состояла изъ трехъ комнатъ, но прихотливый жилецъ уговорилъ хозяина сломать всѣ перегородки, такъ-что помѣщеніе по величинѣ своей годилось хотябъ и для танцовальной залы; по-крайней-мѣрѣ можно утвердительно сказать, что девять-десятыхъ петербургскихъ танцоровъ всю жизнь свою отплясываетъ въ клѣточкахъ, несравненно болѣе тѣсныхъ. По уборкѣ комнаты легко можно было замѣтить неустановившееся положеніе армгольдевыхъ доходовъ, а такъ же и взглядовъ его на удобства жизни. Суровое и бѣдное убранство и жосткая мебель, груды книгъ безъ переплета и посреди ихъ дорогіе физическіе и медицинскія апараты, – все это придавало комнатѣ видъ очень оригинальный и угрюмый. Правда, это отсутствіе комфорта отзывалось чѣмъ-то отчасти театральнымъ и напоминало собою мрачные кабинеты алхимиковъ и угрюмыхъ средневѣковыхъ философовъ; но эту маленькую изысканность можно было простить двадцатичетырехлѣтнему медику, котораго обширныя познанія доставили ему извѣстность въ ученомъ мірѣ, и доставили ее въ тѣ лѣта, когда другіе еще учатся и только мечтаютъ о славѣ. На пустой стѣнѣ противъ письменнаго стола висѣлъ портретъ во весь ростъ дѣвочки лѣтъ двѣнадцати, изумительной красоты. Фигура прекраснаго дитяти рѣзко выдвигалась изъ стариннаго, сѣраго фона картины, который напоминалъ собою сумракъ только-что занимающагося осенняго утра, или, скорѣе, тотъ полумракъ, въ кото-

ромъ видятся намъ сонныя грезы. Чей это былъ портретъ, Армгольдъ никому не разсказывалъ, да и мы изъ настоящей исторіи ничего не узнаемъ объ этомъ предметѣ.

Былъ часъ двѣнадцатый утра; на улицѣ противъ домика, гдѣ помѣщался нашъ докторъ, стояли неизсякаемыя лужи грязи, хотя дѣло подходило къ маю мѣсяцу. Впрочемъ грязь не въ состояніи была испортить чудеснаго весенняго дня. Птицы весело щебетали на голыхъ деревьяхъ, которыя высоко подымались изъ черной земли, чуть-чуть подернутой свѣжею зеленью. Воздухъ былъ еще холоденъ, хотя свѣжъ и пріятенъ; у Армгольда открыты были всѣ окна, и самъ онъ сидѣлъ передъ окномъ, сложа руки. Много книгъ лежало вокругъ него; иныя были и развернуты; только онъ ничего не читалъ, а глядѣлъ въ садъ, котораго дорожки не совсѣмъ еще высохли.

По саду расхаживалъ высокій, плотный старикъ съ плѣшивою головою, на которую надѣвать картузъ призналъ онъ совершенно излишнимъ. Заботливо подходилъ онъ къ каждому кусту и дереву, внимательно поглядывая, не повредила ли зима слабымъ растеніямъ, не посохли ли сучья у липъ, вѣчныхъ страдалицъ отъ петербургскаго климата, и удостовѣрялся въ здоровьѣ этихъ деревьевъ, постукивая по нимъ своею суковатою палкою. Судя по его заботливости, можно было принять плѣшиваго господина за хозяина сада, но садъ былъ не его, и тѣмъ замѣчательнѣе была его нѣжная, отеческая заботливость о растеніяхъ, только-что перенесшихъ осьмимѣсячную зиму.

Проходя подъ армгольдовымъ окошкомъ, старикъ забросилъ ему нѣсколько словъ.

— Полно тебѣ ломать голову, сказалъ онъ: — иди въ садъ лучше.

И онъ остановился, ожидая отвѣта.

— Не надоѣстъ же тебѣ ходить цѣлый день, отвѣчалъ докторъ, улыбаясь и не двигаясь съ мѣста. — Войди же ко мнѣ, а гулять отправимся вечеромъ.

Старикъ вошелъ въ комнату и, прикативши къ окну кресло, усѣлся напротивъ Армгольда. Впрочемъ намъ совѣстно назвать новое лицо старикомъ. То былъ человѣкъ лѣтъ сорока осьми, желѣзнаго сложенія, бодраго и спокойнаго вида, съ тонкими и нѣжными чертами лица, съ беззаботнымъ, но безжалостно проницательнымъ взглядомъ. Одѣтъ онъ былъ въ шаршавый

сюртукъ, мѣстами выпачканный масляною краскою. На лицѣ его было много морщинъ, и морщинъ преждевременныхъ; только онѣ нисколько не вредили общему его выраженію. Морщины эти были какія-то неподвижныя; онѣ не съуживались, не расширялись, и люди, давно знавшіе плѣшиваго господина, говорили, что въ десять послѣднихъ лѣтъ его лицо не пріобрѣло ни одной лишней складки, кромѣ тѣхъ, которыя уже на немъ находились. Остатки волосъ его были черны какъ смоль и были очень длинны. Вообще, вся эта фигура глядѣла чѣмъ-то не-русскимъ.

Странно было глядѣть на обоихъ собесѣдниковъ вмѣстѣ, и обращеніе ихъ между собою, а еще страннѣе было бы подслушать ихъ рѣчи. Армгольду было только-что двадцать четыре года, гостю его далеко за сорокъ, а между тѣмъ по ихъ виду и разговору можно было обоихъ принять за товарищей, за людей одного возраста. Старикъ будто помолодѣлъ въ обществѣ доктора, Армгольдъ же и безъ того казался старѣе своихъ лѣтъ. При входѣ пріятеля, лицо его сдѣлалось серьёзнѣе и задумчивѣе, а лицо старика оживилось, и легкая, чуть замѣтная усмѣшка показалась на его тонкихъ губахъ. Постоянно насмѣшливое выраженіе его лица сдѣлалось еще замѣтнѣе отъ этой саркастической улыбки, но насмѣшливость эта была изъ тѣхъ, на которыя нельзя сердиться. То не была насмѣшливость задорная, жолчная, которую накидываютъ на себя иногда и молодые люди, вслѣдствіе огорченій, до которыхъ никому на свѣтѣ нѣтъ дѣла. Это была насмѣшливость ровная, постоянная и тихая, которая пріобрѣтается тяжелымъ и многостороннимъ опытомъ жизни и выказывается поневолѣ и безхитростно, безъ претензіи поражать и исправлять то, чтó достойно посмѣянія на свѣтѣ.

— Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, началъ старикъ: — позволяется задумываться только стихотворцу, которому заказано стихотвореніе про увядшую любовь и коварство рода человѣческаго. Доктору слѣдуетъ понимать, чтò такое весна, и не пропускать такого хорошаго дня, повѣсивши голову и сидя подъ окномъ.

— Дѣло въ томъ, отвѣчалъ Армгольдъ: — что есть о чемъ подумать.

— Если хандра пришла, продолжалъ гость: — пойдемъ вмѣстѣ на ту сторону. Одинъ итальянецъ только-что привезъ въ городъ

десятокъ картинъ, будто нарочно для меня, потому-что больше никто къ нему не ходитъ... Нашелъ куда воэить картины!

— Нельзя, нельзя, говорилъ докторъ: — я долженъ здѣсь сидѣть и ждать.

— Стало быть что-нибудь случилось?

— Видишь, какой любопытный! Такъ я и примусь разсказывать...

— А какъ себѣ хочешь, хладнокровно замѣтилъ плѣшивый посѣтитель.

— Еслибъ еще не было такъ длинно... цѣлая исторія...

— То есть тебѣ страхъ какъ хочется разсказать. Изволь, я слушаю.

— Конечно, хочется разсказать. Не всѣ же такіе скрытные, какъ твоя милость. Ты обо мнѣ знаешь все, а самъ никогда ничего не скажешь. Я не вижу никакого проку скрывать прошлое или настоящее, — разумѣется отъ порядочнаго человѣка. А твой образъ жизни ни дать ни взять картины твоей работы. Всѣ ихъ хвалятъ, удивляются твоему таланту, а между тѣмъ никто ихъ не видитъ.

— Вотъ оно, захотѣлъ меня съ собой сравнивать. Моя жизнь, мои потребности, мое прошлое горе не сложны; а теперь вы далеко ушли: чтобъ понимать ваши огорченія, нужно перечитать курсы какихъ-нибудь философскихъ наукъ

— Ну, полно, полно, улыбаясь, возразилъ Армгольдъ: — избавь меня отъ твоихъ умозрѣній. Я самъ знаю, что совѣтоваться съ тобою полезно: недалеко отъ меня то время, когда явился я къ тебѣ несчастнымъ мальчишкой, съ разбитымъ сердцемъ и сумасшедшей головою. И хвала твоей философіи, Германнъ...

— Къ дѣлу, къ дѣлу, говорилъ художникъ, закуривая трубку: — по этимъ нѣжнымъ изліяніямъ нетрудно догадаться, что случилось что-нибудь очень задорное.

— Такъ слушай же, сказалъ Армгольдъ: — вчера я влюбился.

Художникъ безсовѣстно захохоталъ, поглядѣвши въ глаза доктору, и такая веселость показывала не слишкомъ выгодныя понятія о нѣжности армгольдовой души.

— Я говорилъ, замѣтилъ онъ, продолжая смѣяться: — что наши медики, наперекоръ всему, любятъ смотрѣть въ заоблачныя страны; а тутъ еще и апрѣль мѣсяцъ подвернулся!

— Вчера я лежалъ здѣсь, читалъ какую-то дрянь, и въ это время услышалъ въ пустой квартирѣ, рядомъ, шелестъ женскаго платья. Память у меня страшная: по походкѣ узналъ я Ладицкую, которую видѣлъ только ребенкомъ, да и то пять или шесть разъ. Скоро прибѣжалъ въ-попыхахъ и хозяинъ; какъ слѣдуетъ вѣжливому человѣку, онъ началъ разсыпаться въ любезностяхъ и говорить, что готовъ поставить вверхъ дномъ весь домъ свой и передѣлать квартиру какъ только будетъ угодно. Однако передѣлывать было нечего. Дверь была плохо притворена: я слышалъ голосъ ея, слышалъ, какъ она бѣгала по лѣстницѣ въ мезонинъ, восхищалась веселенькими комнатами и хотѣла переѣхать на слѣдующій день.

— То есть сегодня? спросилъ Германнъ.

— Конечно сегодня. Оттого-то я и сижу. Хозяинъ захотѣлъ-было пороскошничать, просилъ нѣсколько дней на передѣлку квартиры, упомянулъ что-то о драпри и портьеркахъ. «У насъ не будетъ драпри», тихо сказала она съ маленькимъ вздохомъ. У отца ея, между прочимъ, сотни тысячъ годового дохода, только за-мужъ она вышла противъ его воли.

Ея слова повернули во мнѣ всю внутренность, только молчаніе было недолгое. Она снова залепетала, порхнула въ садъ, побѣжала въ тоненькихъ башмакахъ по мокрымъ дорожкамъ, перелѣзала черезъ кусты и объявила, что садъ весь ей принадлежитъ, что лѣтомъ она будетъ въ немъ и жить и обѣдать... Хочешь видѣть ея слѣды на дорожкѣ? засмѣявшись, перебилъ себя Аригольдъ.

— Полно храбриться, сказалъ Германнъ, который слушалъ съ большимъ вниманіемъ: — смотри, чтобъ и впрямь не пришлось глазѣть на эти слѣдки. Кто не хочетъ влюбляться въ женщину, влюбляется въ характеръ.

Разсказъ продолжался.

— За тѣмъ я вышелъ въ садъ, встрѣтился съ маленькой гостьей и поклонился ей. Она тотчасъ меня узнала, порадовалась сосѣдству, перебрала старыхъ знакомыхъ и обѣщала представить меня мужу. «Ему хочется скорѣе уѣхать изъ города — сказала она между прочимъ: — по мнѣ, можно и здѣсь пожить, пока не соскучимся.» Я проводилъ ее до коляски и полюбовался на чудесныхъ лошадей, остатокъ прежняго великолѣпія. Она

И Ланицкій съ женою вышли на переднюю дорожку. Германнъ съ молодымъ докторомъ притаились въ уголку и стали подглядывать изъ окна, въ родѣ того, какъ иногда избалованная прислуга подсматриваетъ въ двери, если къ хозяевамъ пріѣхали съ визитомъ молодые, на третій день послѣ своей свадьбы.

Ланицкіе точно похожи были на только-что обвѣнчавшихся супруговъ. Даже Армгольдъ, за минуту передъ тѣмъ страшно нападавшій на проигравшагося мужа, смягчился и съ явнымъ удовольствіемъ глядѣлъ на гуляющую пару. Ни тѣни заботы или неудовольствія не видно было на ихъ лицахъ. Юлинька опиралась на руку своего мужа, о чемъ-то весело съ нимъ болтала и по временамъ опускалась всѣмъ тѣломъ, такъ-что почти висѣла на его рукѣ. Григорій Александрычъ былъ одѣтъ просто, щеголевато и, по обыкновенію своему, на-распашку. Не было слышно, о чемъ они говорили, но они много смѣялись. Германнъ былъ сначала пораженъ, потомъ предался полному удовольствію. И Ланицкій и Юлинька нравились ему до безконечности: онъ даже не зналъ, кому изъ нихъ отдать преимущество.

— Молодость, молодость! говорилъ онъ съ такимъ увлеченіемъ, къ которому казался почти неспособнымъ. — Какъ она краситъ все, до чего только прикоснется! и какъ мила, какъ извинительна беззаботность, если корень ея опять-таки въ молодости! Будь они старѣе десятью годами, въ ихъ поведеніи мы не видѣли бы ничего интереснаго; а теперь они милы, сами того не зная. Въ какой-нибудь годъ они разбросали деньги, которыхъ вѣроятно было бы довольно для многихъ семействъ, прогуляли свою независимость, свое положеніе въ обществѣ, а теперь еще подсмѣиваются; и нельзя осуждать ихъ... Молодость, молодость!

— Еслибъ у насъ родился сынъ, говорилъ Ланицкій, поровнявшись съ окнами Армгольда: — онъ бы годился въ нравственную повѣсть.

— Это почему? спрашивала Юлинька.

— Какъ сынъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей, сказалъ Григорій Александрычъ, и они повернули въ другую сторону.

— Ему-то можно бы и не говорить этого, снова замѣтилъ Армгольдъ.

— Тѣмъ болѣе, что эти слова отзываются сарказмомъ, прибавилъ художникъ.

Еще нѣсколько времени наши пріятели поглядѣли на хорошенькую парочку, а потомъ, задумавшись оба, вышли изъ дому и пошли гулять по улицамъ. Казалось, Германнъ болѣе своего молодого пріятеля занятъ былъ Юлинькой и ея мужемъ. Разставаясь съ Армгольдомъ, онъ взялъ съ него обѣщаніе познакомить его съ своими сосѣдями при первомъ удобномъ случаѣ.

ГЛАВА VII.

Дѣла Григорья Александрыча шли хуже и хуже. Маленькое имѣніе, на которое онъ расчитывалъ, было перекуплено у него на аукціонѣ за ужасную цѣну; люди, которымъ онъ оставался должнымъ и платилъ исправно, продали его векселя въ третія руки, такъ-что послѣдній его капиталъ, оставшійся отъ продажи вещей, почти весь пошелъ на уплату. Мѣсто, обѣщанное ему заграницею, отдано было другому; работы никакой въ виду не было; отовсюду являлись новыя претензіи и придирки; нужда начинала тѣснить его.

Въ свѣтѣ про него и про Жюли ходили нелѣпыя сплетни; лица, которыхъ онъ едва зналъ, безпрестанно являлись къ нему будто бы съ предложеніемъ услугъ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ поглядѣть что-нибудь, а можетъ быть и того хуже. Старый графъ, бывшій женихъ Юлиньки, заѣзжалъ къ ней, выбравъ время когда она была одна, и, пользуясь «дружескими сношеніями съ ея семействомъ», совершенно запугалъ и разсердилъ бѣдную Жюли. Онъ горько раскаявался въ томъ, что непростительная въ его лѣта вѣтренность заставила его принять участіе въ игрѣ, кончившейся такъ несчастливо. Онъ полагалъ тогда, что Григорій Александрычъ страшный богачъ, и что нѣсколько тысячъ для него ничего не значатъ, а въ доказательство просилъ считать игру за ничто и принять назадъ всѣ деньги. Разумѣется, такое предложеніе не могло быть принято. Старый другъ семейства вызывался употребить весь свой кредитъ, чтобъ помочь Ланицкому, хотѣлъ сейчасъ же писать къ

родителямъ Жюли, которые были въ своемъ имѣніи подъ Петербургомъ, и настоятельно требовать отъ нихъ, чтобъ они помогли своей дочери. На это Юлинька чистосердечно отвѣчала, что она всѣмъ довольна, изумляется его заботливости и благодаритъ за нее, но что ей нечего желать, сидя въ такомъ веселомъ покойномъ уголку. Старикъ уѣхалъ, все-таки выхлопотавъ позволеніе продолжать свои визиты.

Всѣ эти обстоятельства показывали Ланицкому, что онъ попалъ въ какой-то заколдованный кругъ, что весь этотъ рядъ неудачъ и странныхъ посѣщеній показываетъ существованіе враждебнаго замысла, продолженіе крестоваго похода на его семейное счастіе. Григорій Александрычъ понималъ зависть, которую возбуждала въ обществѣ его сумасшедшая роскошь, его хорошенькая жена; онъ зналъ, что игру вела съ нимъ цѣлая компанія, но долго не могъ допустить возможности, чтобъ эта же компанія, въ настоящую пору, вела противъ него свои подкопы. Онъ зналъ, что Юлинька была по вкусу его благопріятелямъ, но эти притѣсненія и происки развѣ могли хотя на сколько-нибудь придвинуть ихъ къ ея сердцу? И наконецъ, женщина не капиталъ: ее трудно раздѣлить между нѣсколькими лицами.

И наконецъ самое упорство преслѣдованія, самая хитрость заранѣе обдуманныхъ интригъ долго казались ему дѣломъ несбыточнымъ, достойнымъ скорѣе романа, чѣмъ дѣйствительной жизни. Ланицкій былъ подозрителенъ, пока былъ еще богатъ; при перемѣнѣ жизни, передъ новыми заботами нѣкогда было быть подозрительнымъ, а кромѣ того ему не хотѣлось прибавлять себѣ новыхъ хлопотъ и мѣшать своему счастію.

Съ тоской и тревогой въ душѣ, измученный тягостью неисполненной клятвы, переѣхалъ онъ въ новое свое жилище, и тамъ только довелось ему испытать такіе часы наслажденія, какіе только можетъ вынести сердце человѣческое. Тысячи новыхъ прелестей открылъ онъ въ своей Жюли: перемѣна жизни раскрыла въ ней столько твердости, столько благородной беззаботности, столько граціозной веселости. Она не усилила любви своей къ мужу, потому-что больше любить и не могла и не умѣла, но она безсознательно пріобрѣла способность сводить его съ ума каждый часъ и каждую минуту. Вѣчно веселая, вѣчно свѣтлая душою, она вела себя какъ самый беззабот-

ный мальчикъ передъ горемъ, передъ нуждою, передъ тѣснотою и безпокойствомъ. Она рѣшительно не понимала, почему бѣдность почитается унизительною, для чего надобно безпрестанно думать, какъ бы сколачивать копейку и поскорѣе вырваться изъ этой бѣдности. Потому она была плохая хозяйка: если не было денегъ, она смирно сидѣла дома, довольствовалась самымъ тощимъ столомъ и все-таки была весела какъ птичка; чуть заводились деньги, она теребила мужа, ѣздила съ нимъ за городъ, не отказывала себѣ ни въ чемъ, и успокоивалась, только промотавши ихъ. Такія поѣздки были тягостны для Ланицкаго, потому-что тутъ онъ сталкивался съ свидѣтелями прежней его жизни, — а его зналъ весь городъ, — Жюли весело встрѣчалась съ старыми подругами, разсказывала имъ про свою жизнь, про свое хозяйство, ѣздила иногда къ нимъ и звала ихъ къ себѣ. Замѣтивши, что издержки часто разстроиваютъ ея мужа, она просила его не давать ей денегъ въ руки и старалась больше сидѣть дома. Ланицкій рѣдко былъ свободенъ, но онъ началъ пренебрегать дѣлами, бросилъ заботы о перемѣнѣ своей участи, для того только, чтобъ какъ можно чаще сидѣть возлѣ своей Юлиньки, на которую онъ рѣшительно не могъ насмотрѣться. Онъ кинулъ всякую дѣятельность и весь отдался страсти, которая жгла его.

Будь Ланицкій слабымъ и вялымъ человѣкомъ, такое положеніе тянулось бы долго, можетъ быть цѣлую жизнь. Но страстная, энергическая натура его, предоставленная себѣ самой, какъ горячая лошадь, дорвавшаяся до чистаго поля, не могла привести къ добру. Охолодѣть къ Юлинькѣ онъ не могъ; ему оставались два только пути: любовь его должна была обратиться въ сумасшествіе или прорваться за тѣ предѣлы, гдѣ страсть принимаетъ ходъ чудовищный и неправильный, гдѣ мученіе становится наслажденіемъ и нити душевныхъ ощущеній перепутываются чуднымъ и неестественнымъ образомъ.

Здѣсь слѣдуетъ предъувѣдомить читателя, что̀ на этомъ мѣстѣ внѣшній интересъ разсказа, на нѣкоторое время, совершенно уничтожится; на мѣсто его выступитъ занимательность болѣе важная, хотя можетъ быть и менѣе доступная, занимательность психологическая. Въ продолженіи нѣсколькихъ главъ, событія умалятся, сдѣлаются однообразными; многія изъ нихъ примутъ почти микроскопическіе размѣры; но если силы автора соотвѣт-

ствуютъ избранному имъ предмету, люди, любившіе женщинъ и привыкшіе анализировать свои ощущенія, найдутъ о чемъ подумать, перечитывая эти событія, повидимому маловажныя.

Нѣсколько недѣль жили уже Ланицкіе на своей новой, маленькой и бѣдной квартирѣ, нѣсколько недѣль Григорій Александрычъ ни на одинъ часъ не разставался со своей Юлинькой, наконецъ обстоятельство весьма простое — недостатокъ денегъ, заставило его противъ воли ѣхать въ болѣе населенную часть города. Оставивши жену въ постели, Ланицкій объѣздилъ трехъ или четырехъ пріятелей, которые всѣ были ему должны, и всѣхъ ихъ засталъ дома. Молодые люди вертѣлись какъ бѣсы, наговорили Ланицкому кучу дружескихъ увѣреній, признали свой долгъ священнымъ, назначили ему самый короткій срокъ. Нѣкоторые даже хотѣли черезъ часъ достать денегъ, такъ-что казалось, будто одно только присутствіе кредитора мѣшало имъ тотчасъ же получить огромнѣйшія суммы. Ланицкій былъ слишкомъ гордъ, чтобы настаивать; кромѣ того, увѣренія пріятелей почти возбудили въ немъ довѣренность, такъ-что не раньше какъ уже на порогѣ своей квартиры догадался онъ, какіе подлецы были эти товарищи, стукнулъ себя рукой по лбу, и мрачный, угрюмый прошелъ въ комнату, которая исправляла должность и гостиной, и столовой, и его собственнаго кабинета.

Комната эта показалась ему плоха до неимовѣрности. А между тѣмъ онъ былъ неправъ; она была довольно велика, свѣтла, убрана просто, безо всякихъ воспоминаній прежняго богатства, что́, какъ извѣстно, даже хуже бѣдности. Большая дверь отворена была въ запущенный садъ, за дверью слѣдовалъ родъ широкаго крыльца съ полусгнившими ступеньками, а за крыльцомъ росло много старыхъ высокихъ деревьевъ съ свѣсившимися вѣтками, уже покрытыми свѣжею, нѣжною, еще незапыленною зеленью. Другія деревья подходили къ окнамъ, и весь садикъ былъ такъ густъ, что заборовъ видно не было, и пространство его изъ оконъ казалось почти необозримымъ. День былъ тихій, жаркій, — такой день, когда пѣтухи орутъ до изступленія, и пѣшеходы лѣниво пробираются по стѣнкамъ, чтобъ хоть на сколько-нибудь спрятаться отъ лучей солнца.

Юлинька сидѣла за работой въ своей комнатѣ, которая кромѣ того служила и общею спальнею. По походкѣ своего мужа,

по шуму отъ шляпы, брошенной въ уголъ и покатившейся по полу, Жюли догадалась, что Григорій Александрычъ былъ не въ-духѣ. Но она твердо знала, что развеселить его было нетрудно, тѣмъ болѣе, что у ней было новое средство къ тому, на которое она сильно надѣялась. Надобно сказать, что Юлинькѣ давно уже было непріятно носить свои дорогіе утренніе капоты и платья, которые при настоящемъ положеніи составляли тягостный контрастъ съ бытомъ молодыхъ супруговъ. Тонкій и правильно развитый вкусъ Юлиньки угадалъ это обстоятельство съ перваго дня, и она тотчасъ же приняла должныя мѣры. Паша, любимая ея горничная и единственная прислужница въ настоящее время, по ея приказанію, достала самой простенькой матеріи красиваго узора съ голубыми цвѣтками по бѣлому полю, и обѣ онѣ съ ревностью принялись за дѣло, пригласивъ на помощь, по своей неопытности въ хозяйственныхъ дѣлахъ, какую-то подстегу Сидоровну, таскавшуюся изъ домика въ домикъ съ разными товарами, а можетъ быть и для другихъ дѣлъ. Достовѣрно то, что старуха со второго дня начала передавать Юлинькѣ какія-то свои секретныя порученія, за что изгнана была со срамомъ. Жюли пришлось работать почти одной, потому-что избалованная Паша мало знала толку въ платьѣ; тѣмъ не менѣе утреннее платьице было готово и было чрезвычайно мило. Маленькая кокетка,—я передаю это какъ великій секретъ,— даже груди вырѣзала больше, чѣмъ бы слѣдовало. Въ тотъ день, когда Ланицкій воротился домой мрачный и грустный, она только-что надѣла это платье. Могъ ли какой-нибудь мужъ устоять въ своей суровости при подобномъ случаѣ?

Когда Юлинька, отворивши дверь, съ смиренной и немножко лукавой улыбкой выбѣжала къ мужу, вышло совсѣмъ не то, чего она ожидала. Григорій Александрычъ, занятый своими мыслями, совершенно не замѣтилъ милаго ея наряда, поцаловалъ ее, по привычкѣ сказалъ ей: «Bonjour Julie», и пошелъ ходить по комнатѣ. Сердце Юлиньки томительно сжалось. Разсѣянность Ланицкаго была минутная: при второмъ взглядѣ на жену, онъ какъ нельзя лучше примѣтилъ перемѣну ея костюма, примѣтилъ, какъ она была мила, примѣтилъ, что она огорчилась его невнимательностію, и примѣтивши все это, продолжалъ молчать и только чаще прежняго поглядывать на Юлиньку. Ея нерѣшительность, легонькая грусть, безсознатель-

ное безпокойство дѣлали ее еще милѣе прежняго. Отчего онъ молчалъ, отчего онъ не утѣшилъ ее тотчасъ же, высказавши безъ хитрости то, чтò чувствовалъ?... А причины внѣшней, причины хоть сколько-нибудь уважительной, не было никакой, за это смѣло можно ручаться.

— Не случилось ли чего съ тобой, Жоржъ? заботливо спросила Юлинька, взявши мужа подъ руку.

— Рѣшительно ничего, другъ мой, отвѣчалъ Ланицкій, отъ души желая успокоить ее: — по-крайней-мѣрѣ ничего важнаго.....

— Если ничего, сказала Юлинька: — то не смѣшно ли этакъ хмуриться?

— Это все отъ самолюбія. Я убѣдился сегодня, что въ тридцать лѣтъ я буду такой же дуракъ, какъ въ двадцать, что ни разу въ жизни не довелось мнѣ сдѣлать умнаго дѣла....

Можно ли было такъ говорить, такъ безсовѣстно лгать человѣку женатому, влюбленному, два года счастливому до безумія? и можно ли было говорить это передъ своею хорошенькою, умненькою женою? Слова эти какъ-то безсознательно, противъ воли срывались съ языка у Ланицкаго. Онъ не вѣрилъ имъ, жалѣлъ о нихъ, да Юлинькѣ было не легче. Она опустила головку. При этомъ движеніи, будто вѣтеръ разнесъ все странное состояніе души Григорья Александрыча, онъ прижалъ губы свои къ юлинькиному плечику и сказалъ только два слова:

— Zulietta mia.

Жюли тотчасъ же развеселилась, звонко засмѣялась, порхнула отъ мужа, потомъ взяла его снова за руку и потащила за собой въ садъ. Прогулки ихъ по саду постоянно отличались особенною безтолковостью: Юлинька бѣгала взадъ и впередъ по аллеямъ и по травѣ, Ланицкій, хоть былъ лѣнивъ даже и ходить, тоже начиналъ бѣгать какъ мальчикъ, а за тѣмъ, измучившись въ нѣсколько минутъ, и мужъ и жена садились гдѣ-нибудь на травѣ; тутъ приходилъ къ нимъ новый пріятель ихъ Армгольдъ, а за тѣмъ начиналась отчаянная болтовня. На этотъ разъ Ланицкій такъ отличился въ бѣгу, что хоть бы сейчасъ на олимпійскія игры. Въ концѣ первой аллеи, употребивши всѣ усилія, онъ поймалъ Юлиньку, которая была ловка и увертлива

ак птичка, и которую догнать было не совсѣмъ легко. Это силіе окончательно разсѣяло Ланицкаго, хотя послѣ него онъ два могъ переводить духъ. Не выпуская маленькой шалуньи, нъ прошелъ съ нею нѣсколько шаговъ въ сторону и усѣлся въ ѣни, гдѣ замысловатый хозяинъ вздумалъ-было устроить полуарскую затѣю—въ родѣ горки съ бесѣдкою. Но бесѣдки не было поставлено, горка осѣлась и обвалилась, такъ-что скорѣе походила на стѣнку, обросшую деревомъ. Спиной къ этой стѣнкѣ сѣлись Ланицкій съ Юлинькой.

— Ну, признайся, Жоржъ, болтала Жюли: — отчего ты ришелъ такъ надувшись? Вѣрно денегъ не достаетъ?

— Какъ же тутъ не надуться! замѣтилъ Ланицкій: — ты ама знаешь, деньги вещь очень почтенная.

— У тебя вѣрно всегда было много денегъ? снова спросила Олинька.

— Ну, этимъ я не могу похвастать. Мой карманъ всегда ылъ какъ дырявое рѣшето. И даже, кажется, безъ игры, безъ собеннаго мотовства, столько разъ приходилось круто....

— И всегда ты такъ надувался, коли денегъ не было?

— Какое всегда! Другія лѣта, другое время. Я помню даже, то мнѣ всегда становилось особенно смѣшно, когда у меня не ыло ни копейки. Откуда являлось это чувство, я вовсе не понимаю. «Ну, что-то будетъ теперь?» думалъ я. И все какъ-то егко и весело устроивалось.

— Будемъ и теперь ждать, сказала Юлинька: — какъ-нибудь а устроится.

— Да, теперь.... говорилъ Ланицкій, не зная, что отвѣать....

— Что же теперь? продолжала Юлинька съ маленькой нетерпѣливостью. — Вольно же тебѣ теперь думать, что теперь ругое время. И ты, какъ другіе, Богъ знаетъ изъ-за чего, держишь въ головѣ, что женщина стѣсняетъ, должна стѣснять ужчину, что гдѣ жена, тамъ должны быть непремѣнно заботы и хлопоты....

— Откуда ты все это выкопала, дитя мое? говорилъ Ланицкій, ближе и ближе подвигаясь къ Юлинькѣ.

— Послушай, Жоржъ, продолжала она: — еслибъ я не носила этого длиннаго платья, еслибъ я была мальчикъ, твой мень-

шой братъ, и мы жили бы вмѣстѣ, — признайся, хоть ты и говоришь про свои лѣта, — ты бы и теперь немного думалъ о своихъ денежныхъ хлопотахъ?

— Какъ ты добра, Zulietta mia, сказалъ Ланицкій, отъ избытка восторга стиснувъ изо всей силы ея тоненькую талію.

— Ай! вскрикнула Юлинька. Стѣнка мѣшала рукамъ Ланицкаго ловко обнять ея талію, и кромѣ того, ихъ пожатіе было черезчуръ сильно.

— Какъ ты мнѣ больно сдѣлалъ! продолжала она, съ трудомъ переводя духъ.

Ланицкій и не думалъ извиняться, онъ внимательно глядѣлъ на Юлиньку, и казалось, жадно слѣдилъ, какъ исчезало на ея личикѣ выраженіе боли.

— Ты совсѣмъ медвѣдь, говорила она, кусая губы, чтобы не засмѣяться: — тебѣ ничего дѣльнаго говорить нельзя.

— Душенька, Жюли, у меня есть одна просьба

— Чтó такое еще.

— Сиди смирно, я тебѣ еще разъ такъ же больно сдѣлаю.

— Видано ли такого сумасшедшаго! это тебѣ зачѣмъ?

— Сдѣлай одолженіе, я не знаю самъ, отчего мнѣ этого хочется....

— Поди прочь, я слышать ничего не хочу.... чѣмъ бы просить извиненія....

— Для меня.... если только меня любишь....

— Убирайся, убирайся, знать ничего не хочу.

— О чемъ у васъ такіе горячіе споры? спросилъ Аргольдъ, выходя изъ аллеи и подвигаясь ближе къ супругамъ. Ланицкому было немного совѣстно, что докторъ поймалъ его среди такого страннаго разговора. Жюли было совсѣмъ не совѣстно. Аргольдъ съ первыхъ дней пріобрѣлъ полное ея расположеніе, и точно, онъ былъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ никто не бываетъ холоденъ. Многіе ихъ любятъ, но большинство ихъ ненавидитъ. Женщины интересуются ими какъ вообще людьми, которые независимы и рѣзки по своимъ мыслямъ, любятъ цѣлый день читать всякую дичь и очень мало думаютъ о прекрасной половинѣ рода человѣческаго. Кокетничая съ такимъ человѣкомъ, каждая женщина, сама въ томъ не сознаваясь, ду-

маетъ такъ: постой-ка, философъ, то ли будешь ты говорить, когда поближе меня узнаешь.

Армгольдъ усѣлся на травѣ противъ Ланицкаго и Юлиньки, зажегъ сигарку и снова освѣдомился о причинахъ спора.

— Рѣшайте вопросъ и глядите на него съ самой отвлеченной точки зрѣнія, сказалъ Ланицкій, смѣясь: — я нечаянно и неловко дотронулся до жены, и она вскрикнула. Теперь я хочу снова повторить это дѣйствіе, отчасти затѣмъ, чтобъ пріучить ее къ боли и нечаянности, и затѣмъ....

— Затѣмъ, чтобъ поглядѣть мнѣ въ лицо, когда я вскрикну. Слыханы ли такія дѣла! рѣшите, Иванъ Иванычъ.

— Постойте, сказалъ Армгольдъ, слегка задумавшись: — по мнѣ, предметъ спора не ничтожный. Анализировать его нѣкогда, а я вамъ скажу результатъ моихъ умозрѣній. Юлія Александровна, не соглашайтесь ни за что въ свѣтѣ, а вы, Ланицкій оставьте ваше требованіе.

— Какъ бы не такъ, сказалъ Григорій Александрычъ, смѣясь и протягивая потихоньку обѣ руки къ юлинькиной таліи.

— Ай! опять вскрикнула Юлинька. На этотъ разъ Ланицкій извинился и назвалъ себя сумасшедшимъ.

Армгольдъ съ недовольнымъ видомъ покачалъ головою.

— Теперь объясните мнѣ, сказалъ онъ Ланицкому: — и тоже взглянувъ на предметъ глубже, зачѣмъ вы это сдѣлали, и неужели при этомъ вы испытывали пріятное впечатлѣніе?

— Разумѣется, отвѣчалъ Григорій Александрычъ: — тутъ было чувство, хотя дурное, но основательное. Скажите, какъ докторъ, чувствовали вы удовольствіе, видя слѣдъ небольшого страданія на лицѣ хорошенькой женщины?

— Рѣшительно никогда: женщины не для страданія созданы.

— Браво, браво, докторъ! шумѣла Жюли.

— Вы не знаете толку въ любовныхъ дѣлахъ, докторъ, шутя замѣтилъ Ланицкій.

— И знать не хочу, рѣзко отвѣчалъ Армгольдъ: — если это называется толкомъ. Та любовь неестественна, которая требуетъ страданій для своей поддержки. Тутъ уже начинается не страсть, а любовная схоластика, которая не имѣетъ исхода и за которую приниматься грѣшно и страшно. На днѣ человѣческой

души есть чувства, которыхъ не слѣдуетъ затрогивать.... иначе тамъ поднимется такая чепуха, что своихъ не узнаешь... Кстати о чепухѣ, знаете ли, что съ вашего пріѣзда мнѣ рѣшительно житья нѣтъ на моей квартирѣ?

— Неужели отъ насъ? заботливо спросила Жюли: — если мы и шумимъ, то больше въ саду....

— Вы не мѣшаете, сказалъ Армгольдъ, слегка поклонившись:—а надоѣдаютъ охотники до моей квартиры. Вчера хозяинъ говорилъ мнѣ, что недавно два военные господина хотѣли нанять ее, такъ-какъ мой срокъ кончается. Сегодня захожу къ нему: у него новый господинъ уже во фракѣ, торгуетъ мою же квартиру и набиваетъ цѣну. Я переѣзжать не охотникъ, особенно въ шумную часть города, потому я внесъ надбавленныя деньги и удержалъ помѣщеніе за собою. Любитель все еще мялся; тогда я просто спросилъ его, отчего ему хочется именно меня согнать съ мѣста, когда вѣрно по близости есть пустые дома. Это доказательство его спутало, и такъ-какъ онъ былъ не очень рѣчистъ, то и отступился.

— Это скверно, сказалъ Ланицкій: — не помните вы рожи этого господина?

— Это скверно, повторила Юлинька: — о нихъ говорила мнѣ Александра Ивановна....

— Какая Александра Ивановна? съ удивленіемъ спросилъ Армгольдъ.

Болтунья спохватилась.

— Этого нельзя вамъ сказать, сказала она покраснѣвши.

— Извините меня, сказалъ докторъ: — назвавши это имя, вамъ слѣдовало бы обозначить, что̀ это за женщина. Я могу догадываться о томъ, чего и не было.

— Видите, сказала Юлинька, чувствуя, что нечего дѣлать и надо разсказывать: — ситецъ этотъ (она показала на платье) принесла мнѣ одна здѣшняя старушка. Мы съ Пашей плохо шьемъ, и она вызвалась намъ помогать. Только на другой день она стала говорить мнѣ такія странныя вещи, что я разсердилась и велѣла ей на глаза ко мнѣ не казаться....

— Такъ эта-то Александра Ивановна? спросилъ докторъ, кусая губы, чтобъ не разсмѣяться.

— Эта самая. Сперва она показалась мнѣ такою бѣдною и доброй старушкой....

— О! она почтенная женщина! сказалъ Армгольдъ, не въсилахъ удержаться отъ смѣху.

За тѣмъ молодой медикъ объяснилъ, какого рода персона была эта старуха, слава которой гремѣла по всѣмъ отдаленнымъ частямъ города.

— Ахъ, ты, вѣтренница! ахъ, ты, сумасшедшая! говорилъ Ланицкій, держась за бока отъ смѣху: — смотри ты, какую штуку она сострапала! Тото я гляжу, онѣ отъ меня прячутся и что-то шьютъ.... хороша помѣщица!... Да теперь на улицахъ тебѣ не дадутъ проходу....

— Не могужь я знать всего вашего города, оправдывалась Юлинька, краснѣя и сама смѣясь. Это приключеніе развеселило всѣхъ и значительно сблизило хозяевъ съ своимъ сосѣдомъ. Ланицкій пригласилъ Армгольда обѣдать и всѣ вмѣстѣ встали съ травы.

— Бѣды большой еще нѣтъ, говорилъ Григорій Александрычъ, идя къ дому: — коли хватились за такую женщину, значитъ сами дураки.

ГЛАВА VIII.

Съ этого дня, Армгольдъ окончательно сблизился съ Ланицкимъ, особенно съ Юлинькой. И – странное дѣло! – чѣмъ ближе узнавалъ онъ ее, тѣмъ сердце его становилось покойнѣе, образъ жизни принялъ всегдашнюю свою регулярность, ночныя шатанья по улицамъ кончились, и пріятель его, старый художникъ, съ удовольствіемъ видѣлъ, что молодой докторъ переставалъ задумываться и говорить пустяки, какъ въ первое время знакомства съ хорошенькой сосѣдкой. Почти всякой вечеръ, въ саду, Армгольдъ дружески болталъ съ нею и ея мужемъ, совѣтовался съ Юлинькой насчетъ измѣненій въ ихъ квартирѣ и нѣсколько разъ оказывалъ ей разнаго рода услуги. Такъ одинъ разъ, увидѣвши изъ окна, что извѣстная Александра Ивановна продолжала бродить по сосѣдству, Армгольдъ вышелъ къ ней и ска-

валъ ей небольшое, но очень энергическое увѣщаніе, такъ-старушка, не дожидаясь конца, исчезла и болѣе не показывал Почти такимъ же образомъ поступилъ онъ съ однимъ юнош который, подъ-вечеръ, безъ вѣдома хозяина, забрался въ садъ. Юноша довольно стремительно вылетѣлъ изъ калитки ратно на улицу, такъ-что можно было подозрѣвать Армгол въ мѣрахъ болѣе строгихъ, нежели простое увѣщаніе; но не было, огласки никакой, а главное—Ланицкій ничего не зн объ этихъ посѣщеніяхъ. Все это Юлинька видѣла и вполнѣ о нила.

Юлинька, если можно такъ выразиться, никогда не бі дѣвушкой; шестнадцати лѣтъ вышла она за Ланицкаго и так образомъ прямо изъ дѣтей попала въ замужнія женщины. (не была дитятей по уму и по душѣ, но привычки ея и ман сохраняли очаровательную и неподдѣльную грацію дѣтск возраста. Такимъ образомъ сохранила она способность горяч быстро привязываться къ людямъ, которые и ласкали и ока вали ей свое участіе. Она отъ всей души полюбила Армголь на вторую недѣлю знакомства стала уже называть его свої философомъ, своимъ добрымъ докторомъ, своимъ милымъ со домъ. Она сажала вмѣстѣ съ нимъ цвѣты, заставляла его р сказывать себѣ разныя занимательныя исторіи, и сама повѣр ему нѣсколько маленькихъ своихъ секретовъ. Она нѣскол разъ говорила, что Армгольду слѣдовало бы родиться жени ной, и мнѣніе это имѣло свое основаніе, какъ ни казалось смі нымъ. Армгольдъ былъ воспитанъ матерью и часть дѣтства п велъ въ обществѣ женщинъ; только одни событія его молодо сдѣлали его сердце твердымъ и холоднымъ, его умъ рѣзким жосткимъ. Онъ былъ вполнѣ способенъ быть другомъ хо шенькой женщины: часто заглядывая въ собственную са душу, онъ былъ силенъ въ пониманіи душевныхъ движеній, умъ его, изощренный безжалостнымъ анализомъ, на полусл понималъ женскую рѣчь. Кромѣ того, волею или неволею, характерѣ Армгольда было много рыцарскаго; этому-то насл дію германскихъ предковъ и должно приписать его обращен съ Юлинькой, обращеніе безукоризненно-благородное, замѣч тельное по отсутствію всякой хитрости, всякой задней мысл

Надобно отдать справедливость и беззаботной Жюли. Бе всякой хитрости, безсознательно достигала она до того, до че

самая опытная женщина не всегда достигаетъ. Отдѣлаться отъ влюбленнаго человѣка, обративъ его въ самаго преданнаго, самаго безкорыстнаго друга — трудъ тяжелый, почти невозможный; а довѣрчивость и откровенность Юлиньки въ короткое время привели ее къ этому результату, о которомъ, по вѣтренности своей, она и не думала. Армгольдъ сталъ принимать горячее участіе во всемъ, что̀ касалось до Юлиньки; къ мужу ея началъ чувствовать онъ замѣчательную привязанность, хотя, надобно сказать правду, поведеніе Григорія Александрыча въ послѣднее время не совсѣмъ оправдывало эту привязанность.

Тѣмъ страннѣе было Армгольду видѣть, въ продолженіи последней недѣли, выраженіе небольшой тревоги и грусти на всегда спокойномъ и улыбающемся лицѣ Юлиньки. Нѣсколько разъ, и при мужѣ и безъ мужа, допрашивалъ онъ ее о причинахъ такого чувства, несогласнаго съ ея характеромъ, и всякой разъ Жюли совершенно не знала, что̀ отвѣчать. Она была не виновата, дѣло было не въ скрытности; она сама не понимала, что̀ дѣлалось съ нею и вокругъ нея.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смѣшного приключенія съ Александрой Ивановной, подъ вечеръ, Ланицкій сидѣлъ на диванѣ въ одномъ изъ уголковъ своей комнаты и безпрестанно поглядывалъ на Юлиньку, которая, немножко грустная, немножко безпокойная, сидѣла у окна за работой, по временамъ вздыхая и опуская головку. Они молчали оба — вещь странная и небывалая — и молчали уже нѣсколько часовъ. Юлинька не была виновата: въ продолженіи этого времени, нѣсколько разъ начинала она болтать, но Григорій Александрычъ не поддерживалъ разговора. Два раза спрашивала она его, о чемъ онъ безпокоится, одинъ разъ, улыбаясь, даже спросила: «не разлюбилъ ли онъ своей Юлиньки»; Ланицкій отвѣчалъ ей то холодно, то съ какою-то странною насмѣшливостью; въ третій разъ онъ ее обнялъ съ изступленной горячностью, поцаловалъ такъ, что ея губамъ долго потомъ было горячо, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ и опять пересталъ разговаривать. Юлинька рѣшила, что мужъ капризничаетъ, и уже не хотѣла его затрогивать. А между тѣмъ солнце собиралось садиться, наступалъ вечеръ, тихій и теплый, листья на деревьяхъ приняли золотой отблескъ, подъ вліяніемъ косвенныхъ лучей краснаго солнца. Сидѣть въ комнатѣ становилось скучно, особенно для Жюли, которая при-

квартиры, эти знакомыя рожи, которыя часто бродятъ по нашей улицѣ, смущаютъ меня такъ....

— Оставь ихъ: походятъ да и уйдутъ. Да и почему ты знаешь, что они для меня здѣсь ходятъ?

— Это простодушіе мнѣ нравится.... ты можетъ быть и того не знаешь, что ты очень хорошенькая?

— Очень знаю, да не я же одна хорошенькая....

— Это очень мило сказано, только я не покойнѣе....

— Жоржъ, душенька, ласково сказала Жюли: — оставь этотъ насмѣшливый тонъ. Если я тебя чѣмъ-нибудь огорчила, скажи мнѣ просто, тогда я пойму. Такой разговоръ для меня теменъ.

— Впрочемъ, продолжалъ Ланицкій: — подобныя преслѣдованія иногда доставляютъ удовольствіе. Скажу откровенно, еслибъ я былъ женщиной, такое благосклонное вниманіе было бы мнѣ лестно и пріятно....

Онъ остановился, Юлинька глядѣла на него неподвижными глазами, и на темно-голубыхъ, длинненькихъ ея глазкахъ выступили слезы. Съ безумною страстью, въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, глядѣлъ Ланицкій на эти глаза. Юлинька не любила плакать, и эти слезы были почти первыя, которыя довелось увидѣть ея мужу. Онъ быстро опомнился, съ изъявленіемъ горячаго раскаянія отеръ онъ эти слезы, поцаловалъ юлинькины глазки, которые не для слезъ были созданы, и далъ ей торжественное обѣщаніе никогда не говорить и не думать такихъ неприличныхъ вещей. Но Юлинька такъ мило тосковала, такъ мило плакала, сердилась и такъ мило мирилась и снова принималась за веселую болтовню, что тутъ же онъ рѣшился нарушить свое обѣщаніе и тотчасъ же снова помучить бѣднаго ребенка.

Однако пришлось ему отложить свое похвальное намѣреніе до другого, болѣе удобнаго времени. Въ садъ вошелъ Армгольдъ съ своимъ пріятелемъ и, подойдя къ молодымъ супругамъ, отрекомендовалъ его, какъ своего родственника и извѣстнаго своимъ талантомъ художника.

— Ахъ, m-r Германнъ, сказала ему Юлинька: — я не знаю, какъ и благодарить васъ за ваши цвѣты.... Мы съ Иваномъ Иванычемъ тотчасъ же посадили ихъ. Вотъ тутъ, подъ самыми окнами. Только они не хотятъ цвѣсти.

Германъ поглядѣлъ на низенькіе кусточки и улыбнулся.

— Подождите хоть будущаго мѣсяца, сказалъ онъ.

— Видите, замѣтилъ Армгольдъ, тоже засмѣявшись: — Юлія Александровна забыла, что садовые цвѣты не цвѣтутъ въ эту пору.

— Ахъ, Боже мой! говорила Юлинька, вспомнивъ, что въ ея распоряженіи нѣтъ оранжереи.

— Какъ вамъ нравится эта невинность? спросилъ Ланицкій, но къ чести его надо сказать, ему тотчасъ же сдѣлалось совѣстно своей колкой выходки. Юлинька никогда не представлялась невинностью и не была ею, въ обидномъ значеніи этого слова. Но дитяти, воспитанному посреди богатства, которому въ декабрѣ еще мѣсяцѣ всякой день носили букеты всевозможныхъ цвѣтовъ, позволялось не знать хорошенько, въ которомъ мѣсяцѣ слѣдуетъ цвѣсти тюльпанамъ и гіацинтамъ.

Армгольдъ быстро сообразилъ, что́ могло значить это нападеніе, и съ грустью посмотрѣлъ на Жюли. Къ счастію, заболтавшись съ Германномъ, она не разслушала словъ Григорія Александрыча. Докторъ пересилилъ свое волненіе и продолжалъ поддерживать разговоръ, который скоро сдѣлался и веселъ и быстръ. Германнъ много странствовалъ на своемъ вѣку; они съ Ланицкимъ стали вспоминать о разныхъ городахъ, спорить о политикѣ, о которой и въ старое время любили спорить. Однако художникъ ни разу не припоминалъ, что прежде видѣлся съ нимъ, а Григорій Александрычъ, который зналъ въ разныхъ краяхъ человѣкъ десять Германновъ, полагалъ, что видитъ одинадцатаго Германна въ первый разъ. Армгольдъ наблюдалъ за Юлинькой, и, надо сказать, онъ боялся за то, какимъ образомъ молоденькая и свѣтская женщина будетъ принимать участіе въ разговорѣ, который поминутно становился серьёзнѣе и занимательнѣе.

Но Жюли и тутъ была прежнею и милою Юлинькою: нисколько не скрываясь, она безъ церемоніи требовала, чтобъ ей растолковали тѣ выраженія, которыхъ она не понимала, слушала со вниманіемъ и нерѣдко примѣшивала къ разговору какую-нибудь выходку, иногда забавную и простодушную, иногда совершенно оригинальную и дѣльную, въ которой какъ нельзя лучше высказывался ея умъ, отъ природы гибкій, игривый и

смѣтливый. Юлинька была воспитана на золотыя деньги, воспитана совершенно безтолково: все, что она знала, почер нуто было изъ собственныхъ безсознательныхъ наблюденій разговоровъ съ мужемъ. Ланицкій былъ уменъ, но не любі дидактическихъ разговоровъ, и потому не сдѣлалъ всего, ч можно было сдѣлать съ здравымъ и съ свѣтлымъ разсудко Юлиньки. Часто онъ подсмѣивался надъ ея любопытными ра спросами и въ настоящій вечеръ продолжалъ дѣлать тоже, х тя шутки его были гораздо ѣдче, гораздо злѣе, нежели въ пре нюю пору. Но здѣсь у Жюли былъ сильный заступникъ. Ар гольдъ ловко отбивалъ отъ нея всѣ нападки Ланицкаго, бе устали, съ замѣчательнымъ талантомъ объяснялъ ей все то, ч хотѣлось ей знать, выставлялъ на видъ каждое ея замѣчаніе тѣшилъ Юлиньку своимъ одобреніемъ.

Скоро всѣ четверо пошли пить чай въ комнаты, и тутъ ра говоръ сдѣлался еще занимательнѣе, еще доступнѣе для Жюл Армгольду надоѣло слушать разглагольствованія Германна Ланицкаго, которые съ восторгомъ вспоминали о красотахъ ч жой природы, объ исполинскихъ горахъ Швейцаріи и о голу бомъ итальянскомъ небѣ. Молодой докторъ кинулъ въ разго воръ мысль, которая отзывалась отчасти парадоксомъ: онъ ск залъ, что нѣтъ такой бѣдной страны, нѣтъ такой непривѣтли вой природы, которая не заслуживала бы страстнаго обожані на-ряду съ природой самой роскошной и разнообразной.

— Говорите, говорите свое, замѣтилъ Ланицкій, поглядыва изъ крайняго окна на широкое и пустое поле, по которо въ линіяхъ стояло нѣсколько старыхъ и некрасивыхъ домиков — по мнѣ и жизнь и люди и природа дѣлятся на три разряда блестящій, жалкій и несносный, потомъ жалкій и несносны потомъ просто несносный.

Юлинька грустно задумалась, выслушавъ эту жолчную и д вольно нелѣпую тираду. Ланицкій зналъ, что подобныя выхо ки ее огорчаютъ.

— Ваши слова, замѣтилъ Германнъ, взглянувъ съ участіем на Юлиньку и съ досадой на ея мужа: — ваши слова напоми наютъ мнѣ одинъ неглупый анекдотъ. Гдѣ-то, при выходѣ из театра, была давка. Какой-то господинъ, до крайности толсты и жирный, кряхтѣлъ, пыхтѣлъ и толкался, бранился и помину

тно жаловался на тѣсноту, до того, что разсердилъ своихъ сосѣдей, которые смирно стояли и ждали очереди вытти. Наконецъ одинъ молодой человѣкъ, слушая эти возгласы, вышелъ изъ терпѣнія. — «Вамъ ли жаловаться, сказалъ онъ толстяку: — подумайте только, если бы мы всѣ здѣсь по толщинѣ равнялись съ вами, давка была бы вчетверо несноснѣе.» Извините за мораль, но эта мораль не совсѣмъ старая.

Ланицкій выслушалъ эту нотацію такъ скромно, какъ нельзя было отъ него ожидать. Съ перваго свиданія, между имъ и Германномъ завязалась какая-то странная симпатія. Но только-что получивъ урокъ отъ художника, Григорій Александрычъ снова началъ отпускать сердитыя выходки.

Армгольдъ охотно предалъ жизнь и людей собственной участи, но за природу заступился со всею горячностью поклонника Шеллинга и натуральной философіи. Рѣчь его отзывалась тѣмъ жаркимъ, безпредѣльнымъ пантеизмомъ, которому съ такою страстью предаются люди первой молодости, распростившіеся съ старыми убѣжденіями, и для которыхъ рано сдѣлались чужды люди съ ихъ интересами. Подъ вліяніемъ его увлекательнаго краснорѣчія, тысячи картинъ задумчивой и строгой сѣверной природы выступили передъ глазами слушателей. Армгольдъ бросилъ общія описанія и обратился къ анализу: его понятія ярко обнаружились, когда онъ сталъ говорить о наслажденіяхъ, которыя доставляютъ человѣку страстныя наблюденія надъ самыми мелкими проявленіями жизни растительной и жизни неорганической. Юлинька слушала его, боясь проронить хотя одно слово; тысячи новыхъ мыслей, воспоминаній дѣтства, неопредѣленныхъ стремленій боролись въ ея душѣ. Садикъ ея сдѣлался ей милѣе прежняго; она вспомнила, какъ еще дитятей съ непонятной радостью валялась она по мягкой травѣ и съ такимъ же непонятнымъ страхомъ прислушивалась, какъ шептались верхушки старыхъ липъ, высоко, надъ ея кудрявою головою.

— Я сама замѣчала, говорила она въ отвѣтъ на одно изъ замѣчаній Армгольда: — и маленькая всегда сердилась, когда садовники или гости безъ разбора вязали букеты. Цвѣты похожи на людей. На одномъ кусту есть розы красавицы, есть и пребезобразныя. Я всегда отбираю себѣ букетъ изъ двухъ или трехъ. Есть деревья очень красивыя, есть и уродливыя....

— Браво, браво, Юлія Александровна, съ неподдѣльнымъ восторгомъ говорилъ Армгольдъ : — это самое истинное, самое простое пониманіе природы.

— Поди разбери, что они городятъ, смѣясь говорилъ Ланицкій.

Удививши Армгольда тонкимъ и граціознымъ замѣчаніемъ насчетъ особенностей въ физіономіи растеній, Юлинька, спустя одну минуту, совершенно не поняла какой-то неважной мысли молодого медика и непремѣнно требовала истолкованія. Германнъ и Ланицкій, соскучившись слушать ихъ толки о травахъ и цвѣтахъ, перестали принимать участіе въ ихъ разговорѣ и завели свой. Германнъ освѣдомился съ заботливостью, которую только могло допустить недавнее ихъ знакомство, о настоящихъ занятіяхъ Григорія Александрыча и планахъ его на будущее время. Ланицкій, не понимая самъ отчего, сдѣлался необыкновенно откровененъ съ старымъ художникомъ, котораго участіе и умный разговоръ пришлись ему совершенно по душѣ. Казалось, они были десять лѣтъ знакомы. Германнъ совѣтовалъ Григорію Александрычу какое-нибудь ученое мѣсто внутри Россіи, обѣщалъ въ самомъ скоромъ времени указать это мѣсто и средства получить его. Какое-то горячее, безпокойное желаніе услужить Ланицкому замѣтно было въ каждомъ словѣ суроваго и непривѣтливаго художника.

Чтобъ не мѣшать ихъ разговору, Юлинька повела Армгольда снова гулять по саду. Стемнѣло совершенно, какъ только можетъ темнѣть въ концѣ мая мѣсяца; свѣтлая роса лежала на мягкой и еще свѣтлой травѣ, и птички, разсѣвшіяся по гнѣздамъ, съ шумомъ вылетали между вѣтвей, съ приближеніемъ гуляющихъ. Была ночь, до крайности располагающая къ любовному настроенію духа; но Армгольдъ и Юлинька до такой степени подружились въ этотъ вечеръ, что о любви думать имъ вовсе не хотѣлось.

Жюли побѣгала немного по узкимъ дорожкамъ и замѣтила, что ей теперь скучно бѣгать одной.

— А Григорій Александрычъ? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, сказала Юлинька, слегка вздохнувши. — Я напрасно его затрогиваю, онъ будто нарочно ходитъ одинъ да скучаетъ.

— Странно, замѣтилъ Армгольдъ: — и вы тоже скучаете, а что̀ еще хуже: грустите.

— Что̀ же съ этимъ дѣлать. Я сама не понимаю, что̀ съ нами случилось.

— Скажите мнѣ правду, какъ доктору. Ланицкій иногда любитъ васъ посердить и помучить?

— Ахъ, говорила Юлинька: — прежде съ нимъ этого не было. Ему скучно со мной.

— Это неправда, сказалъ Армгольдъ: — онъ безъ васъ жить не можетъ. Только съ нимъ случилась болѣзнь, которую я и назвать не умѣю.

— Болѣзнь! съ испугомъ вскричала Жюли.

— Не пугайтесь: эта страсть мучить себя и другихъ можетъ быть названа болѣзнью людей энергическихъ; отъ нея не умираютъ. Но всему есть предѣлы. Эта страсть можетъ развиться въ страшныхъ размѣрахъ, если ее такъ оставить.

— Боже мой, что́ же мнѣ дѣлать? грустно спрашивала Юлинька.

— Старайтесь, чтобъ онъ не давалъ себѣ воли. Не тоскуйте и не сердитесь при немъ: этимъ вы раздражаете его безумную прихоть. Будьте постоянно веселы, хотя черезъ силу... даже назло, на-перекоръ мужу, старайтесь быть веселою, какъ всегда.

— Да это значитъ его мучить! пусть ужь лучше....

— Сохрани васъ Богъ, замѣтилъ Армгольдъ: — сами не поддавайтесь ни за что. Преданность эта дѣлаетъ вамъ честь, только она опасна. Помните же: постоянно, каждую минуту будьте веселы и спокойны.

Въ это время изъ поперечной аллеи вышли Ланицкій съ Германномъ. Григорій Александрычъ не утерпѣлъ, увидѣвши, что жена его ушла одна съ докторомъ. Онъ не былъ ревнивъ, но въ эти минуты онъ страшно мучился. Хотѣлось ли ему самого себя мучить, хотѣлось ли ему заставить себя ревновать, подозрѣвалъ ли онъ что-нибудь, — кто возмется ясно разобрать движенія сердца, котораго дѣятельность, устремленная на дурную дорогу, была несообразна ни съ какими правилами, ни съ какими законами?

Онъ былъ мраченъ все остальное время, и когда художникъ съ Армгольдомъ ушли отъ него, онъ ни одного слова не промолвилъ съ Юлинькой, которая, помня докторскія наставленія,

[illegible]

[illegible] -то больше, [illegible]

[illegible] бдение. Юлинька [illegible]

[illegible] ѣла около сердца, [illegible]

[illegible] на глаза. Съ [illegible]

[illegible] веселымъ, [illegible]

[illegible] и надъ нимъ подсмѣивались [illegible]

[illegible] тою совѣта. Она [illegible]

[illegible] что сидѣть и горе [illegible]

[illegible] Но Юлинька была [illegible]

[illegible] Не давать [illegible]

[illegible]

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IX.

о еще нѣсколько недѣль. Въ головѣ Ланицкаго нача-
одить такія запутанныя и странныя хитросплетенія,
орыми всѣ романы Дюма и Поля Феваля, слитые во-
азались бы совершенствомъ простоты и ясности.
изнь и безпрестанное сидѣнье съ глазу на глазъ со
въ высшей степени развили вредное настроеніе его
рое въ одно и тоже время было для него источни-
и наслажденій, болѣзненныхъ, странныхъ, но
ѣе упоительныхъ наслажденій. Онъ уже привыкъ
ную Юлиньку, съ адскимъ искусствомъ огорчалъ ее,
ей собраться съ духомъ, не допуская ее до гнѣва и
ныхъ объясненій, умѣлъ сбивать ее съ толку, раская-
воихъ продѣлкахъ, прося у ней прощенія, и черезъ
принимаясь за старое. Эти ласки, за которыми слѣ-
вое горе, были такъ порывисты, такъ необузданны;
акъ жарко высказывалась страсть, принявшая чудо-
правленіе, что Юлинька начинала въ одно время бо-
призовъ своего мужа и припадковъ его бѣшеной нѣж-
ное дитя не знало, за что взяться, чѣмъ перемѣнить
ое положеніе. Юлинька боялась быть веселою, чтобъ
дить Григорія Александрыча, боялась грустить, чтобъ
строить, боялась рѣзвиться, чтобъ не возбудить въ
асшедшей нѣжности, которой не шутя боялась. Она не
итать съ Армгольдомъ, замѣтивъ, что мужъ досадовалъ
дружбу, не смѣла бѣгать по саду, боялась уходить изъ
ялась, при мужѣ, надѣть свое милое вырѣзное платьи-
ысячу разъ собиралась она побраниться съ мужемъ на-
но что было съ нимъ дѣлать? онъ постоянно охотно
ю вину на себя, и всѣ объясненія клонились только къ
потѣхѣ для капризной натуры.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА IX.

шло еще нѣсколько недѣль. Въ головѣ Ланицкаго начаисходить такія запутанныя и странныя хитросплетенія, которыми всѣ романы Дюма и Поля Феваля, слитые во- показались бы совершенствомъ простоты и ясности. жизнь и безпрестанное сидѣнье съ глазу на глазъ со женой въ высшей степени развили вредное настроеніе его которое въ одно и тоже время было для него источни- мухи и наслажденій, болѣзненныхъ, странныхъ, но е менѣе упоительныхъ наслажденій. Онъ уже привыкъ бѣдную Юлиньку, съ адскимъ искусствомъ огорчалъ ее, вая ей собраться съ духомъ, не допуская ее до гнѣва и льныхъ объясненій, умѣлъ сбивать ее съ толку, раская- ъ своихъ продѣлкахъ, прося у ней прощенія, и черезъ ова принимаясь за старое. Эти ласки, за которыми слѣ- новое горе, были такъ порывисты, такъ необузданны; ь такъ жарко высказывалась страсть, принявшая чудо- направленіе, что Юлинька начинала въ одно время бо- капризовъ своего мужа и припадковъ его бѣшеной нѣж- Бѣдное дитя не знало, за что взяться, чѣмъ перемѣнить рькое положеніе. Юлинька боялась быть веселою, чтобъ ердить Григорія Александрыча, боялась грустить, чтобъ разстроить, боялась рѣзвиться, чтобъ не возбудить въ умасшедшей нѣжности, которой не шутя боялась. Она не болтать съ Армгольдомъ, замѣтивъ, что мужъ досадовалъ дружбу, [illegible] бѣгать по саду, боялась уходить изъ [illegible] надѣть свое милое вырѣзное платьи- ъ она побраниться съ мужемъ на- [illegible] дѣлать? онъ постоянно охотно ченія клонились только къ

Самое странное было то, что Ланицкій самъ не понималъ того, что̀ онъ дѣлалъ. Еслибъ ему кто-нибудь сказалъ: не правда ли, пріятно мучить милаго ребенка, въ котораго мы влюблены? — Григорій Александрычъ съ ужасомъ отшатнулся бы отъ такого человѣка. А онъ дѣлалъ тоже самое, прикрываясь, обманывая самъ себя безтолковѣйшими извиненіями. Еслибъ была причина ревновать Юлиньку, быть ею недовольнымъ, поведеніе ея мужа было бы еще понятнымъ; но причины не было никакой, рѣшительно никакой, и Ланицкій зналъ это, какъ нельзя лучше.

Къ кому было ее ревновать? Ланицкій зналъ какъ дважды-два, что еслибъ Юлинька разлюбила его, она первая бы разсказала ему все, поплакала бы и у него же спросила бы, что̀ ей дѣлать? Ея чистая и благородная душа не могла бы унизиться до хитрости и обмана.... И зная все это, Ланицкій подозрѣвалъ ее, зная всю нелѣпость своего подозрѣнія. Онъ зналъ, что прежніе юлинькины обожатели не отступились отъ своихъ плановъ, — и что̀ же? — Юлинькѣ же приходилось платиться за неотвязчивость этихъ обожателей. Въ этомъ отношеніи голова Ланицкаго походила на галеву философію: противорѣчіе сталкивалось съ противорѣчіемъ, только не было спасительныхъ выводовъ, которые бы примиряли этотъ антагонизмъ....

Домашняя жизнь Юлиньки была выше всякой похвалы. Спокойная передъ нуждою, рѣзвая и веселая посреди горя, эта осьмнадцатилѣтняя женщина не только самое себя держала бодро, но была въ состояніи придать духу самому убитому человѣку, водворить веселость и спокойствіе въ самомъ несогласномъ семействѣ. Ланицкій все это понималъ и каждую минуту любовался ею, а вмѣстѣ съ тѣмъ негодовалъ на ея спокойствіе и всегдашнюю рѣзвость.

— Что̀ значитъ эта беззаботность? думалъ онъ повременамъ: — не философія же это. Стало быть тутъ всему причиною ребячество, вѣтренность. Эта бѣдная жизнь ей кажется театральнымъ представленіемъ, сценой изъ жалкаго романа, за которой неминуемо послѣдуетъ награда твердости и добродѣтели.... Умные люди боятся нужды и бѣдности, стало быть есть на то причины, — отчего же этотъ ребенокъ рѣзвится и посмѣивается надъ несчастіемъ? Дѣтство, романическое воспитаніе!...

Было еще одно умозаключеніе, еще болѣе непозволительное: Юлинька знаетъ, что десять обожателей наблюдаютъ за нею. Она кокетничаетъ передъ ними, она знаетъ, что они смотрятъ на ея поведеніе и сходятъ съ ума. Отчего она спокойна, отчего она не оскорбляется ихъ предпріятіями? Женщинамъ пріятно, когда за ними неотступно гоняются; а она развѣ не женщина? Если за ней ухаживали и ухаживаютъ, — стало быть она или словомъ, или взглядомъ позволила такое поведеніе. Нетрудно переносить бѣдность, если знаешь, что всякую минуту можно отъ нея избавиться. А почему знать: не забралась ли ей въ голову мысль избавиться отъ бѣдности?

— И наконецъ, думалъ Григорій Александрычъ: — она хочетъ быть веселою, чтобъ не заставить меня подумать о томъ, что я проигралъ все свое состояніе. Каждая ея ласка развѣ не говоритъ мнѣ: «Ты меня втянулъ въ нужду, но я не упрекаю тебя». Трогательное, но совершенно нестерпимое вниманіе! я не привыкъ краснѣть передъ женщиной и не нуждаюсь ни въ чьей снисходительности.

Вотъ сотая доля тѣхъ умозрѣній, которыми отчасти оправдывалъ себя преступный и недостойный своего счастія мужъ. Вполнѣ же оправдать себя онъ не могъ; находили и на него томительныя минуты душевной тревоги, близкой къ раскаянію. Но прекратить свое безчеловѣчное поведеніе онъ не могъ; въ основѣ его дѣйствій кромѣ любви находился еще великій двигатель, съ которымъ трудно бороться человѣку. Я говорю про самолюбіе. Казалось бы, что́ тутъ было дѣлать самолюбію? но это казалось только съ перваго взгляда. Для человѣка, который въ любви видитъ не одно вѣчное нѣжничанье и удовлетвореніе страсти, — открывается цѣлый нравственный міръ въ отношеніяхъ его къ любимой женщинѣ. Для многихъ тутъ и начинается борьба, занимательная и трудная, борьба за первенство; тутъ рѣшается вопросъ: кто кѣмъ управлять будетъ? И чѣмъ болѣе влюбленъ мужчина, тѣмъ скорѣе доходитъ онъ до сознанія, что есть великое упоительное блаженство въ безграничномъ обладаніи душою женщины, хотябъ это обладаніе близко было къ тиранству, хотя бы, для завоеванія его, нужно было нанести много ранъ существу, которое дорого и любимо....

И тутъ-то выходитъ на сцену самолюбіе. Ему есть гдѣ развернуться, какъ бы ни былъ чудовищенъ его объемъ. Поработить себѣ женщину, со всѣми ея мыслями, съ ея умомъ, съ ея сердцемъ, которое болѣзненно рвется, усиливаясь не поддаться гордому завоевателю, — властвовать надъ ея помышленіями, держать въ своемъ распоряженіи всѣ нити ея душевныхъ ощущеній, располагать по своей прихоти ея радостями и страданіями, — вотъ властолюбіе, которое (по-крайней-мѣрѣ для меня) и понятнѣе и привлекательнѣе всякаго другого властолюбія. Понятно, до какой степени вредно можетъ проявляться это настроеніе духа въ натурахъ гордыхъ и эгоистическихъ, которыя на словахъ любятъ уважать чужія права, а на дѣлѣ хотятъ все согнуть и склонить передъ собою. Еслибъ Юлинька была въ состояніи этимъ аналитическимъ путемъ дойти до причины поведенія Ланицкаго, она разсердилась бы, собрала всѣ свои силы и пошла бы во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на-перекоръ мужу. Но она любила его и была слишкомъ неопытна и беззаботна, она думала ласками и полумѣрами дойти до чего-нибудь. Такимъ образомъ, не понимая сама, что̀ дѣлаетъ, она сдѣлала мужу много уступокъ, и по временамъ, не жалуясь и не сердясь, позволяла себя мучить. Но завладѣть собою вполнѣ, превратить себя въ игрушку она не могла позволить никому въ свѣтѣ. Ея задорное сердце слишкомъ любило свою независимость, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сближалась минута неизбѣжнаго столкновенія.

Старикъ Станиславскій продолжалъ быть злымъ геніемъ молодыхъ супруговъ. Казалось бы послѣ того, что̀ происходило между имъ и Ланицкимъ, старому донъ Хуану слѣдовало бы хотя на нѣкоторое время избѣгать встрѣчи съ мужемъ Юлиньки и отложить, хотя на время, исполненіе своихъ плановъ, но Юрій Борисычъ былъ слишкомъ упрямъ, да кромѣ того, безпрестанно наблюдая за Юлинькой со времени переѣзда ея на новую квартиру, онъ до того влюбился въ беззаботную Жюли, что рѣшительно не спалъ ночей, похудѣлъ и постарѣлъ, къ великому своему огорченію. У него было одно средство часто видѣть Юлиньку, и средство очень простое: онъ былъ близокъ съ ея родителями и, ѣздивши часто въ ихъ имѣніе, до того вкрался въ довѣренность почтенныхъ стариковъ, что во всѣхъ сношеніяхъ ихъ съ дочерью сдѣлался постояннымъ посредникомъ.

Придерживаясь этого исходнаго пункта, графъ ловко вертѣлся во всѣ стороны, безъ церемоніи бывалъ у Юлиньки, выбирая время, когда она сидѣла одна, пробовалъ даже слегка, полушутя, говорить ей любезности, но на этомъ пути однакоему немного было удачи.

Замѣтивъ эти дѣйствія, Ланицкій рѣшился безъ шуму и огласки отдѣлаться отъ стараго волокиты. Онъ имѣлъ по этому поводу маленькій разговоръ съ Юлинькой и, не упустивши случая посердить ее и кольнуть нѣсколько разъ, потребовалъ отъ нея очень серьёзно, чтобъ она попросила графа прекратить свои посѣщенія, а сама не имѣла бы никакихъ сношеній съ человѣкомъ, который такъ ясно и такъ нагло обнаруживалъ свои дурные замыслы. Юлинька чувствовала, что въ этомъ дѣлѣ мужъ правъ, и обѣщалась исполнить его требованіе, не подумавши о томъ, въ состояніи ли она его выполнить.

Юлинька была до крайности добра и снисходительна: она была въ состояніи скорѣе всякой день видѣться со злѣйшимъ своимъ врагомъ, спокойно ожидать результата его злыхъ умысловъ; но у ней не могло хватить духа заранѣе предупредить его планы. Излишняя довѣрчивость — чисто русскій недостатокъ — развита была въ ней въ сильной степени. Приготовляясь къ рѣшительному объясненію со старикомъ, она вдругъ задавала себѣ вопросъ: А что, если онъ точно добрый человѣкъ? А задавши себѣ такой вопросъ, она тотчасъ же приходила къ заключенію, что графъ старикъ добрѣйшій и искренно преданный ихъ семейству, что если она ему и нравится, то виноватъ не онъ, — и что огорчая его, она огорчитъ и своихъ родителей. Такова была ужь натура Юлиньки: нѣсколько разъ ея снисходительность и ласковая беззаботность ставили ее въ затруднительное положеніе; много юношей, увлекшись ея живымъ и симпатичнымъ характеромъ, почти убѣждались, что пріобрѣли ея сердце, рѣшались на восторженныя признанія и отъѣзжали безъ успѣха, огорчивши Жюли и злясь на нее непомѣрно.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, визиты графа не прекращались; чуть уходилъ Григорій Александрычъ, Станиславскій являлся бесѣдовать съ Юлинькой, а Ланицкій, воротясь домой, узнавалъ о посѣщеніи человѣка, котораго онъ терпѣть

6

бо̀льшу
других
образо
виднѣ
но, х
денно
даже
къ к

...овѣстно подозрѣвать свою жену, съ намѣреніемъ ...оль стѣны, укорачивая шагъ, и сталъ прислуши-...

...нѣтъ, говорила Юлинька, возвышая голосъ нѣ-...обыкновеннаго, и въ голосѣ ея была слышна нѣ-...чивость: — пусть папа пріѣдетъ самъ, пусть онъ ...вами мнѣ неслѣдъ говорить объ этомъ.

...ександровна, продолжалъ свою рѣчь старикъ: — ...ми себя, рѣшитесь на что-нибудь. Вѣрьте мнѣ, я ...астію, въ этомъ свѣтѣ. Свѣтъ терзаетъ васъ и бу-...чить, потому-что вы молоды, хороши.... чудно хо-...емъ несчастія....

...несчастіе, гдѣ несчастіе? съ досадой спрашивала ...я бы смѣялась надъ этимъ плачевнымъ тономъ, ...не было досадно....

...пугайтесь этого предложенія. Я устрою такъ, что ...ександрычь съѣдется съ вами за-границей....

...чего не знаю, говорила Жюли: — мнѣ и здѣсь хо-...

...кій вошелъ въ комнаты. Еще одно странное явленіе ...въ его душѣ. Онъ былъ раздраженъ, и конечно стои-...иться на старика, который, прикрываясь участіемъ, ...лъ въ свою пользу вліяніе на юлинькиныхъ родите-...ь ясно, что онъ предлагалъ ей что-то очень непріятное. ...ранно было то, что Григорій Александрычъ разсердился ...графа. Казалось, онъ вовсе забылъ, что Станиславскій ...стъ на свѣтѣ. Въ груди его кипѣло негодованіе на ...; за что? этого авторъ не можетъ знать, а еслибъ и ...о не хочетъ изслѣдовать, не желая на самого себя наве-...ыя умозаключенія любопытныхъ читателей, всегда го-...по вымышленнымъ лицамъ судить о лицахъ дѣйстви-...ущеcтвующихъ.

...онившись Станиславскому, онъ сѣлъ противъ Юлиньки ...а нее внимательно поглядывать. Старый Ловеласъ былъ ...ливъ, да кромѣ того, онъ съ Ланицкимъ очень хорошо ...о они враги, что церемониться въ своихъ планахъ нече-...ому, мѣняясь привѣтствіями, они очень похожи были на ...которые осыпаютъ другъ друга любезностями, думая

не могъ, а узнавши, дулся на Юлиньку, обижалъ и огорчалъ ее, на сколько хватало охоты и умѣнья.

Однако Жюли не падала духомъ; когда же она начинала скучать, являлись Армгольдъ съ Германномъ и развлекали ее. Докторъ увѣрялъ Юлиньку, что Григорій Александрычъ немного боленъ, что хандра скоро кончится. Такъ тянулись недѣли и мѣсяцы. Благодаря своему счастливому характеру, Юлинька часто испытывала минуты безотчетнаго и безпричиннаго веселья, которыя такъ часто случаются въ жизни молодыхъ людей, если ихъ умъ и организмъ не разстроены несвоевременнымъ опытомъ. Въ одинъ изъ такихъ часовъ она написала письмо къ своей матери,— письмо милое, веселое и откровенное, гдѣ прекрасная душа ея видна была какъ въ зеркалѣ. По обыкновенію, она открыто описывала свой новый образъ жизни, свои занятія и надежды и называла себя совершенно счастливою женщиною. Это письмо произвело страшную тревогу между стариками, сбитыми съ толку хитрыми доносами Станиславскаго. Родители не могли понять, какимъ образомъ Юлинька, только-что сдѣлавшись предметомъ городскихъ сплетней, поселившись въ какомъ-то глухомъ уголку со своимъ промотавшимся сожителемъ, можетъ шутить, смѣяться и увѣрять, что она всѣмъ довольна. Всѣ выраженія письма были растолкованы въ этомъ родѣ, и Станиславскій получилъ рѣшительное предписаніе перетолковать съ Юлинькой и предложить ей все, что необходимо для того, чтобъ не допустить ее впасть въ отчаяніе и сдѣлаться окончательно погибшей женщиной. Мать ея сама хотѣла пріѣхать въ столицу, но ловкій посредникъ отстранилъ это намѣреніе и вызвался все устроить самъ, и устроить къ общему удовольствію.

Въ одно утро, Григорій Александрычъ, подходя къ дому, замѣтилъ на концѣ улицы коляску Станиславскаго, которая стояла у ихъ подъѣзда. Зло его взяло: карманъ его былъ пустъ, жить было нечѣмъ; явились кой-какіе долги; вслѣдствіе того Ланицкій этотъ день чувствовалъ себя особенно сердитымъ. Онъ рѣшился тотчасъ же объясниться съ старымъ пріятелемъ юлинькинаго семейства и навсегда отдѣлаться отъ его посѣщеній. Поровнявшись съ домомъ, замѣтилъ онъ, что окна были отворены, а голоса Станиславскаго и Юлиньки были явственно слышны. Ланицкій во многомъ перемѣнился къ худшему: ему

было уже не совѣстно подозрѣвать свою жену, съ намѣреніемъ онъ пошелъ вдоль стѣны, укорачивая шагъ, и сталъ прислушиваться.

— Ни да, ни нѣтъ, говорила Юлинька, возвышая голосъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, и въ голосѣ ея была слышна нѣкоторая запальчивость: — пусть папа пріѣдетъ самъ, пусть онъ напишетъ; съ вами мнѣ неслѣдъ говорить объ этомъ.

— Юлія Александровна, продолжалъ свою рѣчь старикъ: — защищайте сами себя, рѣшитесь на что-нибудь. Вѣрьте мнѣ, я живу, по несчастію, въ этомъ свѣтѣ. Свѣтъ терзаетъ васъ и будетъ васъ мучить, потому-что вы молоды, хороши.... чудно хороши въ вашемъ несчастіи....

— Какое несчастіе, гдѣ несчастіе? съ досадой спрашивала Юлинька: — я бы смѣялась надъ этимъ плачевнымъ тономъ, еслибъ мнѣ не было досадно....

— Вы не пугайтесь этого предложенія. Я устрою такъ, что Григорій Александрычь съѣдется съ вами за-границей....

— Я ничего не знаю, говорила Жюли: — мнѣ и здѣсь хорошо.

Ланицкій вошелъ въ комнаты. Еще одно странное явленіе произошло въ его душѣ. Онъ былъ раздраженъ, и конечно стоило разсердиться на старика, который, прикрываясь участіемъ, употреблялъ въ свою пользу вліяніе на юлинькиныхъ родителей. Очень ясно, что онъ предлагалъ ей что-то очень непріятное. Только странно было то, что Григорій Александрычъ разсердился не на графа. Казалось, онъ вовсе забылъ, что Станиславскій существуетъ на свѣтѣ. Въ груди его кипѣло негодованіе на Юлиньку; за что? этого авторъ не можетъ знать, а еслибъ и зналъ, то не хочетъ изслѣдовать, не желая на самого себя навести разныя умозаключенія любопытныхъ читателей, всегда готовыхъ по вымышленнымъ лицамъ судить о лицахъ дѣйствительно существующихъ.

Поклонившись Станиславскому, онъ сѣлъ противъ Юлиньки и сталъ на нее внимательно поглядывать. Старый Ловеласъ былъ не конфузливъ, да кромѣ того, онъ съ Ланицкимъ очень хорошо знали, что они враги, что церемониться въ своихъ планахъ нечего, и потому, мѣняясь привѣтствіями, они очень похожи были на людей, которые осыпаютъ другъ друга любезностями, думая

про себя: какъ бы ты меня отколотилъ, еслибъ можно было назавтра забыть, что сегодня сдѣлалось между нами.

— Видите, Григорій Александрычъ, вѣжливо началъ старый баринъ, обращаясь къ Ланицкому: — мнѣ сдѣлали довольно странное порученіе: предложить Юліи Александровнѣ ѣхать па воды вмѣстѣ со всѣмъ ея семействомъ. Прогулка довольно пріятная, особенно, если вы поѣдете....

— Вы очень знаете. что я не могу ѣхать, сказалъ Ланицкій, вѣжливо нагнувъ голову, будто думая о чемъ-то другомъ.

— Въ такомъ случаѣ, говорилъ Станиславскій, снова обращаясь къ Юлинькѣ: — вамъ и отвѣтъ слѣдуетъ.

Юлинька была обрадована приходомъ мужа. Въ первый разъ приходилось ей открыто итти противъ воли любимыхъ родителей, потому-что они требовали настоятельно, чтобъ она уѣхала къ нимъ, оставивши городъ, гдѣ случилась исторія съ ея мужемъ, гдѣ страдаетъ ея доброе имя. О Ланицкомъ въ ихъ приказаніи помину не было. Старики отдали ему свою дочь, не въ-силахъ будучи противиться ея склонности; но съ той минуты, какъ человѣкъ, выбранный ею, опозорилъ себя и подарилъ своей женѣ нищету и горе, они почитали себя вправѣ умолчать о немъ. Станиславскій былъ виноватъ и въ этомъ, потому-что описывалъ поведеніе Григорія Александрыча самыми черными красками.

Какъ бы то ни было, Юлинька видѣла, что нельзя исполнить желаніе родителей. Для ея любящаго сердца мужъ былъ всѣмъ, и для него, согласно христіанскому закону, оставила она все, что любила прежде. Но у ней не было духу самой вымолвить слово отказа: передъ ней были нелюбимые родители, а старый и холодный посредникъ. Она не могла высказать передъ нимъ все, что чувствовала. Юлинька знала, что Григорій Александрычъ читаетъ въ ея душѣ, и ей хотѣлось, чтобъ онъ вступился за нее, выручилъ ее, давши ей право опереться на себя, поставить одну любовь противъ другой. На вопросъ Станиславскаго, Юлинька ласково улыбнулась и лукаво взглянула на Ланицкаго.

— Пусть мужъ отвѣчаетъ, тихо сказала она, стараясь встрѣтить его глаза.

Онъ понималъ все, и какъ еще понималъ онъ благородство и истинно женскую нѣжность юлинькиной души! Онъ былъ готовъ ей улыбнуться, сказать дружеское слово, прекратить тяжелый разговоръ.... но что же дѣлать! рядомъ съ добрыми

побужденіями предстоялъ такой превосходный случай помучить бѣднаго ребенка!

— Если хотятъ моего совѣта, холодно и съ разстановкой говорилъ Григорій Александрычъ: — то вотъ какой онъ будетъ. Я проигрался, я бѣденъ, я упалъ духомъ, я золъ и вовсе не въ состояніи составить счастіе молодой женщины. Вслѣдствіе такого безнравственнаго поведенія, жена моя будетъ совершенно права, если поѣдетъ за-границу со своимъ семействомъ. Больше я ничего не знаю.

Въ продолженіи этихъ словъ онъ внимательнѣе прежняго глядѣлъ на Юлиньку, и было чего смотрѣть, потому-что ей приходилось очень горько. Но, будто чувствуя, что мужъ тѣшится ея грустью, Жюли пересилила себя и встала съ своего мѣста. Какъ бы ей слѣдовало вспыхнуть, еслибъ она была поопытнѣе! Но, выслушавъ жолчныя слова мужа, она болѣе горевала о немъ, нежели о себѣ.

— Поблагодарите папеньку, сказала она Станиславскому, и голосъ ея слегка дрожалъ: — я здѣсь останусь и не поѣду никуда безъ мужа.

Бѣдная Юлинька опять ожидала встрѣтить ласковый взглядъ; на благодарный взглядъ она не расчитывала, потому-что на благодарность расчитываютъ только притворно-благородныя души. Но Ланицкій былъ такъ же холоденъ. Жюли была смущена, а еще болѣе огорчена. Извинившись домашними хлопотами, она уныло ушла въ свою комнату, оглянувшись одинъ только разъ, не идетъ ли за нею мужъ ея.

И только-что вышла она изъ комнаты, Григорій Александрычъ разомъ сдѣлался добрѣе, умнѣе и благороднѣе.

— Послушайте, графъ, вѣжливо сказалъ онъ Станиславскому, даже и въ душѣ не сердясь на него: — въ какіе-нибудь два мѣсяца вы десятый разъ передаете Юлинькѣ разныя порученія, которыя ее огорчаютъ. Оставьте это все; пусть она сама пишетъ къ старикамъ; зачѣмъ въ эти дѣла мѣшаться третьему? Вы видите такъ ясно, что изо всего этого не выходитъ ничего, ничего, ровно ничего.

Это повтореніе одного слова и внимательный взглядъ Ланицкаго были очень хорошо поняты. Станиславскій понялъ, что долго сидѣть тутъ нечего, и съ самою изящною вѣжливостью простился съ хозяиномъ, который былъ, если только это воз-

можно, еще вѣжливѣе въ своихъ привѣтствіяхъ. Только когда графъ садился въ коляску, Григорій Александрычъ, будто невзначай, сказалъ ему фразу, окончаніе которой немного намекало на Кайзерштейна.

— Теперь жена будетъ скучать все утро, говорилъ онъ у порога. — Охота вамъ, графъ, передавать эти порученія. Все это ни къ чему не ведетъ. Оставьте въ покоѣ Юлиньку Ланицкую.

ГЛАВА XI.

Когда Станиславскій вышелъ изъ домика, гдѣ жили Ланицкіе, лицо его выражало самое назидательное чувство глубокаго огорченія, душевнаго соболѣзнованія и христіянской надежды на скорое примиреніе съ огорчившими его молодыми супругами. Но чуть усѣлся онъ въ коляску, это трогательное выраженіе исчезло; улыбка показалась на его лицѣ; онъ о чемъ-то съ удовольствіемъ думалъ, расчитывалъ и соображалъ неизвѣстно какія обстоятельства, и благодаря этому развлеченію, совершенно не замѣтилъ, что дорога была довольно длинна.

Коляска проѣхала длинный мостъ, потомъ еще одинъ мостъ, потомъ третій мостъ, легко проскользнула между невысокими, но кудрявыми аллеями и остановилась передъ красивой дачею Станиславскаго. Только тутъ опомнился хитрый господинъ отъ своихъ дипломатическихъ плановъ, выскочилъ вонъ съ легкостью, немного несообразною съ его лѣтами, взбѣжалъ на невысокую, но очень широкую лѣстницу и очутился въ своемъ кабинетѣ. Тамъ уже былъ кто-то.

На низенькомъ турецкомъ диванѣ, положивъ ноги на крайнюю подушку, лежалъ извѣстный намъ Кайзерштейнъ, покуривая очень длинную трубку. Онъ не пошевелился съ своего мѣста и только спросилъ хозяина: — что̀ новаго?

— Много новаго, Гансъ! дружески сказалъ тотъ: — дѣла идутъ чудно хорошо. Я сейчасъ отъ Юлиньки: въ непріятельскомъ лагерѣ междоусобіе.

— Только-то.... сухо замѣтилъ Кайзерштейнъ.

— Ну, а у тебя что̀?

— Пока вы ждете результата отъ непріятельскихъ раздоровъ, союзная армія намѣрена брать крѣпость, о которой вы хлопочете.

— Какая тамъ союзная армія?

— Если не ваша, такъ моя. Яснѣе: сегодня вечеромъ madame Julie Ланицкая будетъ въ полномъ распоряженіи....

— Чьемъ? перебилъ Станиславскій, поблѣднѣвши.

— Вальховскаго, отвѣчалъ его повѣренный, не перемѣняя положенія.

— И ты допускаешь до этого? съ ужасомъ сказалъ графъ.

— Я хлопочу для вашей пользы, а вы удивляетесь.

— Какъ Вальховскаго! продолжалъ хозяинъ, и сердясь и пугаясь въ одно время: — не ты ли взялъ его какъ куклу, какъ необходимое подставное прикрытіе....

— Еслибъ вы ближе знали этого человѣка, вы не называли бы его куклою и необходимымъ прикрытіемъ. Онъ былъ нуженъ именно потому, что горячь, необузданъ, способенъ на рѣшительныя мѣры. Если вы теперь не поймете моего плана, то ужь я не знаю, какъ и говорить съ вами. Я дамъ вамъ адресъ и скажу часъ. По адресу вы найдете дачу Вальховскаго и поспѣете къ сроку, чтобъ заступиться за угнетенную невинность. Ваша дружба съ родителями, ваши лѣта и принятая вами роль заступника превосходны для этого дѣла....

Станиславскій слушалъ съ изумленіемъ и почти почтеніемъ. Точно, равнодушный, спокойный цинизмъ, съ которымъ Кайзерштейнъ передавалъ свои безсовѣстныя соображенія, могъ поразить всякаго. «Ахъ.... чтобъ тебѣ....» могъ только проговорить изумленный Ловеласъ. Кайзерштейнъ слегка улыбнулся и продолжалъ:

— Выручивъ вашу Юлиньку (простите за нецеремонность), вамъ остается дѣйствовать двумя путями. Вы можете воротить ее мужу и настоятельно требовать, чтобъ она ѣхала къ родителямъ; можете—и это самый дѣльный расчетъ — везти ее куда-нибудь подальше и жить, какъ хотите....

Старому волокитѣ не очень понравилось это смѣлое средство къ достиженію своего умысла. Когда Кайзерштейнъ кончилъ, графъ вскочилъ съ своего мѣста и въ страшномъ волненіи забѣгалъ по комнатѣ.

те результата отъ непріятельскихъ раздо-
намѣрена брать крѣпость, о которой вы

оюзная армія?
, такъ моя. Яснѣе: сегодня вечеромъ mada-
будетъ въ полномъ распоряженіи....
илъ Станиславскій, поблѣднѣвши.
, отвѣчалъ его повѣренный, не перемѣняя

аешь до этого? съ ужасомъ сказалъ графъ.
я вашей пользы, а вы удивляетесь.
скаго! продолжалъ хозяинъ, и сердясь и ну-
: — не ты ли взялъ его какъ куклу, какъ
вное прикрытіе....
иже знали этого человѣка, вы не называли
еобходимымъ прикрытіемъ. Онъ былъ ну-
у, что горячь, необузданъ, способенъ на рѣ-
Если вы теперь не поймете моего плана, то
ъ и говорить съ вами. Я дамъ вамъ адресъ и
ресу вы найдете дачу Вальховскаго и поспѣе-
заступиться за угнетенную невинность. Ва-
ителями, ваши лѣта и принятая вами роль за-
дны для этого дѣла....
слушалъ съ изумленіемъ и почти почтеніемъ.
ый, спокойный цинизмъ, съ которымъ Кай-
валъ свои безсовѣстныя соображенія, могъ
«Ахъ.... чтобъ тебѣ....» могъ только прогово-
елась. Кайзерштейнъ слегка улыбнулся и

Юлиньку (прости ... ь).
ать двумя пут ... ть
требовать, ... те-
самый дѣ
ь, как
о
ум

не дошли. Что̀ былъ Ланицкій [illegible]
могли ли вы съ нимъ тягаться? [illegible]
о немъ позабыли, съ его женой [illegible]
ная, самая неслыханная исторія, [illegible]
жители, Богъ знаетъ, какого [illegible]
теперь волочиться за его женой [illegible]
будь плебея....
скій хотѣлъ что-то замѣтить.
те, перебилъ его повѣренный: — [illegible]
спрашиваете: зачѣмъ Вальховскій? [illegible]
ить, что на Вальховскаго падаетъ [illegible]
исторія будетъ имѣть огласку? [illegible]
заступничества. Вырвавши изъ рукъ [illegible]
ьку, вы чисты и свободны въ [illegible]
прибавилъ Кайзерштейнъ, усмѣхаясь: — [illegible]

абылъ, замѣтилъ хозяинъ: — что [illegible]
ѣтитъ меня не очень дружески, [illegible]
ь.
пунктъ опасный; но кто же не [illegible]
малъ. Вальховскій человѣкъ щекотливый, [illegible]
ъ въ своемъ домикѣ, а вы можете [illegible] на-
[illegible] было.
....
ъ, гвалтъ! съ досадою сказалъ [illegible] не
сейчасъ же предъувѣдомлю Ланицкаго [illegible] вилась
не расходились на этотъ вечеръ.... [illegible] ъ, что
будетъ поздно, сказалъ Кайзерштейнъ. [illegible]
Ланицкій уѣхалъ въ Петергофъ [illegible] — неужели
предлагать.
? [illegible] уѣхалъ [illegible] которую къ
[illegible] Ланицкаго, и онъ
[illegible]
[illegible] лись.

[illegible] Жоржемъ!
[illegible] и мы съ вами пособимъ
[illegible] сорванцовъ съ дурными

намѣреніями насчетъ васъ. Ланицкій сегодня имѣлъ съ ним объясненіе и завтра поутру хочетъ проучить одного изъ них:

Юлинька перепугалась, однако собиралась съ мыслями.

— Онъ звалъ меня въ секунданты, продолжалъ Вальховскій — и остался у меня на ночь. Я его не допущу до этого. Хотит ѣхать со мной? вы мнѣ пособите.

Вальховскій зналъ всю довѣрчивость Юлиньки; да и могла л не довѣрять она пріятелю своего мужа, которому сама еще, нѣ сколько мѣсяцовъ назадъ, собиралась пріискать невѣсту, а в ожиданіи позволяла волочиться за собою? Жюли сама вскочи въ коляску; она безпокоилась о мужѣ, но немного радовалас тому, что наконецъ открыла, отчего ея Жоржъ былъ такъ мра ченъ все это время. Лишь бы онъ любилъ ее, а тамъ все можн устроить. Вальховскій усѣлся съ нею, развлекалъ ее всю дорогу своимъ разговоромъ, а лошади скакали и сдѣлали уже порядочный конецъ.

Переѣхавши одинъ изъ рукавовъ Невы, коляска повернул на ***скій островъ. Въ то время острова не были такъ застроен дачами, какъ въ наше время. Густой и часто нарасчищенны лѣсъ росъ на двухъ третяхъ ихъ пространства; въ этомъ лѣс иногда попадались дачи, а вся сторона къ морю была почти н заселена. Туда-то проѣхали Вальховскій съ Юлинькою, и, минс вавъ нѣсколько пустырей, на которыхъ вмѣсто лѣса росъ жид кій кустарникъ, ихъ коляска остановилась передъ небольшим домикомъ, выстроеннымъ изъ круглыхъ бревенъ, на-манер русской избы.

Весь домъ состоялъ изъ трехъ чистыхъ и кокетливо убра ныхъ комнатъ, безъ дверей, а вмѣсто ихъ висѣли бархатны занавѣсы. Ни въ одной изъ комнатъ Ланицкаго не было. Пр слуги тоже никакой. Юлинька остановилась посреди самой бол шой изъ комнатъ, гдѣ горѣло нѣсколько свѣчей, и съ вопроси тельнымъ, но довѣрчивымъ видомъ поглядѣла на Вальховскаг Вальховскій былъ такъ же блѣденъ и худъ, такъ же спокоенъ холоденъ.

Онъ посадилъ Жюли на диванъ и самъ сѣлъ около.

— Я обманулъ васъ, сказалъ онъ: — Ланицкаго здѣсь нѣт и съ нимъ ничего не случилось. Вы въ моей власти, — потому что я влюбленъ въ васъ.

Юлинька, не помня себя отъ ужаса, взглянула на своего бывшаго друга. Нельзя было сомнѣваться: онъ совершенно измѣнился, глаза его стали блестѣть, румянецъ выступилъ на впалыхъ щекахъ.

— И вы тоже.... едва могла проговорить бѣдная Юлинька.

Вся исторія стараго знакомства, прежней дружбы заключалась въ этихъ трогательныхъ трехъ словахъ, которыя какъ кинжаломъ ударили въ сердце Вальховскаго.

— Жюли, сказалъ онъ, пересиливая свое волненіе при этомъ имени, которымъ сама она дала ему право называть себя: — послушайте меня. Сегодня ровно годъ, какъ я увидѣлъ васъ въ первый разъ въ Петергофѣ, гдѣ жили вы съ Ланицкимъ. Въ этотъ годъ я убѣдился въ двухъ вещахъ: что вы меня не можете любить, — что я не могу жить безъ васъ. Васъ никто не найдетъ и не отниметъ отъ меня; я не хочу умирать раньше времени, и умирать изъ-за васъ.

Юлинька на своемъ короткомъ вѣку много слышала любовныхъ признаній, хотя ни одно изъ нихъ не было такъ сжато, такъ страшно и такъ сосредоточенно, а тѣмъ болѣе сказано въ такомъ затруднительномъ положеніи. Она быстро собралась съ мыслями: гордо приподнявъ головку, она окинула глазами всю комнату, спорхнула съ своего мѣста и выбрала тотчасъ же довольно удобный стратегическій пунктъ въ одномъ изъ уголковъ комнаты.

— Это гадко и безчѣстно! сказала она, смѣло глядя Вальховскому въ лицо своими быстрыми глазками, какъ орленокъ, пойманный въ гнѣздѣ, смотритъ на своего похитителя: — я не боюсь васъ, я не люблю васъ.

Она отвела на минуту глаза и взглянула на окна. Не было вокругъ ни жилья, ни слѣду людского. Густыя деревья покачивались со всѣхъ сторонъ и казались еще гуще отъ вечерняго сумрака и отъ набѣжавшихъ тучъ. Все молчало кругомъ, только крупный дождь барабанилъ по стекламъ и по листьямъ близьстоящихъ деревьевъ. Это уединеніе, эта безпомощность испугали Юлиньку, но она не показала ничего и сохранила прежнее свое положеніе.

Вальховскій глядѣлъ на нее и не помнилъ, гдѣ онъ. Можно было въ эту минуту поставить около Юлиньки красавицъ со всего свѣта, перебрать самыя прелестныя изображенія женщинъ,

рѣшительно никакая женщина, никакое произведеніе фантазіи не могли бы приблизиться къ красотѣ и граціи вспыльчиваго ребенка, который, прижавшись спиной къ уголку комнаты, стиснулъ зубки и, отбросивъ назадъ длинные свои волосы, казалось, готовъ былъ встрѣтить всякое покушеніе и смѣло глядѣлъ свѣтлыми, темно-голубыми глазами прямо въ лицо своему преслѣдователю.

Какъ одна лишняя капля заставляетъ выбѣжать воду изъ переполненнаго сосуда, такъ одинъ взглядъ на граціозное оборонительное движеніе Юлиньки сорвалъ рѣшительно всякую узду со страсти, обуявшей Вальховскаго. Почти безъ памяти упалъ онъ на полъ передъ нею, цаловалъ ея маленькія ножки, цаловалъ край юлинькина платья и въ первый разъ въ своей жизни, лежа у ногъ обожаемой женщины, вполнѣ доказалъ, что онъ достоинъ занимать это самое почетное изо всѣхъ мѣстъ на свѣтѣ. Онъ самъ не зналъ, что говорилъ, но говорилъ вещи, которыхъ и посторонній слушатель не могъ бы холодно слышать, не почувствовавъ тяжелой тоски на сердцѣ. Вальховскій описывалъ Юлинькѣ свое грустное дѣтство, свою юность, которая прошла безъ любви, безъ одного свѣтлаго женскаго взгляда. Онъ сказалъ страшныя слова: «я никого не любилъ»; онъ проклиналъ свою судьбу, которая бросила его въ свѣтъ для того, чтобъ вредить Юлинькѣ; называлъ себя червакомъ, заброшеннымъ на стебель только-что распустившагося цвѣтка... а за этими восторженными сравненіями слѣдовало описаніе собственныхъ своихъ страданій, когда, просиживая цѣлые дни у Ланицкаго, онъ былъ свидѣтелемъ юлинькиной жизни, ея ласкъ мужу, изъ которыхъ каждая терзала его душу, и разговаривая съ нею и проклиналъ себя, и любилъ, и завидовалъ... И долго говорилъ онъ въ этомъ родѣ, и долго бѣдная Юлинька слушала эту потрясающую душу, отчаянную исповѣдь.

Можетъ быть иная опытная красавица, на мѣстѣ Юлиньки, воспользовалась бы минутами этихъ горячихъ признаній, чтобъ усовѣстить бывшаго своего друга, чтобъ завести съ нимъ переговоры и ловко вывернуться изъ тяжелаго положенія. Но я сказалъ гдѣ-то, что главною чертою юлинькина характера была горячность, съ которою, забывая и прошлое и будущее, поддавалась она каждому сильному впечатлѣнію. Эта черта, очаровательная и истинно женская, могла

быть гибельною во многихъ случаяхъ. Признанія Вальховскаго зажгли жгучее состраданіе въ ея душѣ. Она поддалась этому состраданію съ вѣтренностью, но какъ часто вѣтренность-то и составляетъ наше минутное самопожертвованіе! Жюли забыла и себя и мужа, она видѣла только своего стараго, несчастнаго друга, и видѣла, что она сама, невинно и безсознательно, была причиною его безвыходнаго несчастія. Она слушала, слушала его жаркія слова... и вдругъ вся ея горячая, вѣтренная, избалмошная и женская натура взяла верхъ и надъ страхомъ и надъ негодованіемъ; она не выдернула руки, которою овладѣлъ Вальховскій, и, закрывши другою рукою свое прелестное лицо, залилась горячими слезами....

Нѣсколько минутъ изумленіе и восторгъ Вальховскаго спасали Юлиньку отъ неминуемой гибели. Увидѣвши эти слезы, эти слѣды великодушнаго состраданія тамъ, гдѣ ожидалъ онъ найти одно упорство и проклятіе, онъ не въ-силахъ былъ сказать ни одного слова. Увозя Юлиньку, онъ не имѣлъ никакого плана насчетъ того, какимъ образомъ переломить ея сопротивленіе; ему хотѣлось прежде всего видѣть ее одну, у себя, далеко отъ мужа, далеко отъ людей. Онъ былъ слишкомъ счастливъ въ эти страшныя минуты, чтобъ думать о дальнѣйшемъ покушеніи. Онъ говорилъ еще нѣсколько времени. Судя по его словамъ, казалось, онъ раскаявался въ своемъ преступленіи, просилъ прощенія у женщины, которую оскорбилъ, самъ не понимая ея величія... Но это были только одни слова: наединѣ съ прекраснымъ дитятей, которое само плакало отъ его горя, могъ ли онъ удерживать себя? И слова его опять сдѣлались жарче и безсвязнѣе; опять начались прежнія порывистыя ласки...

Бѣдная Юлинька не любила Вальховскаго и не любила никого въ свѣтѣ, кромѣ мужа; но въ эти ужасныя минуты она только и видѣла одного человѣка, только и чувствовала, что его страданія. Еслибъ въ эту минуту предложили ей броситься въ воду, съ тѣмъ, чтобъ изцѣлить своего стараго друга, она бы на на минуту не задумалась, и погибла бы безъ страха, съ радостью, съ полной готовностью. Понятна опасность, которой она подвергала сама себя, и если бы перебрать исторію разныхъ женскихъ паденій, можетъ быть сыскалось много изъ нихъ, которыя заслуживали бы не хулу, а страстное обожаніе. Но свѣту не было бы дѣла, изъ-за какой причины погибла женщина: онъ

не сталъ бы соображать, къ какому разряду принадлежитъ организмъ бѣдной Юлиньки: горяча ли была ея голова, до какой степени тяжко потрясалось ея сердце при видѣ страданія подобнаго себѣ человѣка...

— Живъ ли я еще? говорилъ Вальховскій: — вы плачете, вы жалѣете обо мнѣ, обо мнѣ.... а я такимъ преступнымъ путемъ добиваюсь любви вашей! Если есть правосудіе, я долженъ сейчасъ же погибнуть, умереть у ногъ вашихъ, чтобъ мнѣ себя не стыдиться и не называть себя извергомъ.

Еслибъ эта сцена была не такъ быстра, Юлинька одумалась бы и собралась съ мыслями; она бы поняла, что теперь-то, или никогда, слѣдуетъ оттолкнуть прочь Вальховскаго съ его сумасшедшею страстью. Но сердце Юлиньки рвалось къ нему, а не отъ него; она вся обратилась въ одно трогательное состраданіе и позабыла о себѣ. Безумный любовникъ самъ съ ужасомъ питился отъ своего замысла, а оскорбленная женщина забывала все и тосковала о своемъ безумномъ другѣ...

Еще нѣсколько минутъ, и Юлинька бы на-всегда погибла, и Вальховскій положилъ бы на себя пятно, котораго смыть не могъ бы и самою смертію. Уже весь поддавшись влеченію пагубной страсти, онъ обхватилъ Юлиньку своими руками, безъ сопротивленія вывелъ ее изъ прежней оборонительной позиціи и коснулся губами до ея горячей щеки. Въ это время страшный стукъ раздался у крыльца, и чей-то голосъ повелительно закричалъ подъ окнами: «отворите сейчасъ! отворите теперь же!»

Юлинька быстро вырвалась изъ объятій Вальховскаго и остановилась посреди комнаты. «Это мужъ—быстро сказала она — больше некому. Выпустите, спрячьте меня.... я прощаю васъ.... молчите... берегите себя только...»

Дверь могла бы долго продержаться, но Вальховскій не думалъ о сопротивленіи. Нѣжныя, благородныя слова Жюли въ одно мгновеніе переломили всю его страсть. Онъ ужаснулся самъ себя, онъ закрылъ лицо, чтобъ не глядѣть на Юлиньку.

— Спасайтесь! сказалъ онъ въ изступленіи: — спасайтесь отъ меня, я не держу васъ. Я самъ все передамъ Ланицкому. Я рабъ вашъ... я больше не оскорблю васъ.

Онъ взялъ Юлиньку за руку и, приподнявъ фальшивые обои, открылъ узенькій выходъ съ маленькою дверью. Домъ этотъ прежде принадлежалъ какому-то сумасшедшему любителю пѣн-

ныхъ похожденій. Еслибъ старый хозяинъ посмотрѣлъ на эту сцену!...

Вальховскій отперъ дверь, и сырой воздухъ освѣжилъ лицо Юлиньки.

— Прощайте, другъ мой, сказала она: — Богъ самъ за насъ заступился. Берегите себя, все забудется, я не сержусь на васъ...

Хозяинъ съ жаромъ поцаловалъ ея руку.

— Идите по дорожкѣ черезъ лѣсъ, сказалъ онъ: — у рѣки по вечерамъ гуляютъ нѣмцы; тамъ найдете извощика или лодку. Я пошлю туда же лошадей. Богъ да благословитъ васъ, дитя мое. Простите меня. Сердце мое говоритъ, что я еще буду васъ достоинъ.... Я припомню этотъ вечеръ...

Юлинька быстро бросилась къ лѣсу и скрылась между старыми деревьями. Хозяинъ прошелъ черезъ всѣ комнаты, опустилъ обои и отворилъ дверь, у которой стукъ болѣе и болѣе усиливался.

Передъ нимъ стоялъ не Ланицкій, а Станиславскій. Два другіе, незнакомые господина держались поодаль.

— Извините, сказалъ Вальховскій съ лѣнивымъ и изумленнымъ видомъ: — я заставилъ васъ простоять, понадѣявшись на прислугу. Не случилось ли бѣды какой съ вами?

— Я пришелъ, запальчиво вскричалъ Станиславскій: — отнять изъ вашихъ рукъ дочь моего друга и жену близкаго мнѣ человѣка. У васъ Юлія Александровна Ланицкая?

Вальховскій поглядѣлъ ему въ лицо и пожалъ плечами.

— Съ ума вы сошли? — холодно спросилъ онъ. — Впрочемъ я человѣкъ неженатый, идите въ комнаты. Идите и вы, господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ графа. — Надѣюсь, наше знакомство не будетъ продолжительно.

Всѣ вошли.

— Ищите, сказалъ Вальховскій, откинувъ занавѣски у всѣхъ четырехъ дверей и садясь въ кресло.

Не было сомнѣнія: все помѣщеніе было открыто, какъ на ладони, не было нигдѣ потаенныхъ комнатъ, да еслибъ Юлинька и была спрятана, она подала бы голосъ своему заступнику.

— Зовите, зовите громче, насмѣшливо говорилъ хозяинъ.

Положеніе графа было крайне незабавное. Наконецъ Вальховскій сжалился надъ нимъ.

— Послушайте, Юрій Борисычъ, сказалъ онъ, вставая съ мѣста и подходя къ сконфуженному Ловеласу: — теперь ваша роль заступника кончилась. Позвольте же мнѣ взять ее на себя. Кто сказалъ вамъ, что вы можете найти эту даму здѣсь, одну, въ моей дачѣ? Я тоже близокъ къ ея мужу... это бы еще ничего, но за малѣйшее искорбленіе ея чести, я не поберегу ни себя, ни сотни такихъ господъ, какъ вы съ вашими пріятелями.

Разговоръ продолжался нѣсколько времени въ этомъ же тонѣ.

ГЛАВА XII.

Юлинька была мастерица бѣгать: не жалѣя своихъ маленькихъ ножекъ, она не переводя духу пробѣжала съ полверсты по лѣсу и давно уже потеряла изъ виду домикъ Вальховскаго. На ея счастье дождь только-что пересталъ, но тяжелыя тучи все еще продолжали ходить по небу, дорожка была мокра, и крупныя капли падали съ высокихъ деревьевъ прямо на Юлиньку. Лѣсъ былъ расчищенъ, но совершенно пустъ, никакого жилья не видно было впереди, а становилось поздно, навѣрно уже былъ часъ одинадцатый. Юлинька храбро продолжала подвигаться впередъ; наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, она остановилась, вся запыхавшись и приложивши руки къ груди, которая высоко поднималась,— немного оправилась и собралась съ духомъ. Только въ эту минуту она ясно поняла, отъ какой опасности избѣгнула, и радостное чувство подступило къ ея сердцу. Ей было пріятно думать, что самой себѣ обязана была она спасеніемъ, что она не оскорбила Вальховскаго и снова нашла въ немъ добраго друга. Потомъ опять она стала жалѣть о немъ, потомъ со страхомъ подумала о себѣ. Заблудиться она не боялась, но что̀ скажетъ она мужу, воротясь домой, вся мокрая и измученная? Его надо обмануть, для того чтобъ не выдать Вальховскаго; а какъ обмануть? Юлинька во всю свою жизнь никого не обманывала. А сказать правды не было возможности: въ настоящее время Григорій Александрычъ не приметъ этой исторіи шутя.... Положась во всемъ на Божью волю, Юлинька постояла немножко и снова пошла по дорогѣ.

Насилу-то кончился вѣчный этотъ лѣсъ. Тропинка вывела на другую, широкую дорогу, а влѣво отъ этой дороги текла рѣка, должно быть Невка, за рѣкой стояли домики и мелькали огни. Скоро отдѣльныя дачи показались и по эту сторону, изрѣдка стали встрѣчаться запоздалые гуляки, почти всѣ пьяные; нѣкоторые изъ этихъ господъ погнались за Юлинькой, на пути адресуя ей довольно наглыя привѣтствія. Жюли не отвѣчала никому; если же кто преслѣдовалъ ее слишкомъ упорно, она безстрашно бросалась въ сторону отъ дороги, и гуляки, боясь совсѣмъ промокнуть, не рѣшались преслѣдовать интересную странницу по высокой травѣ, смоченной дождемъ и вечернимъ туманомъ. Напрасно усталая Юлинька поглядывала по сторонамъ и внизъ съ довольно отлогаго берега: ни лодки, ни извощика нигдѣ не было видно. Приходилось итти пѣшкомъ, безпрестанно подвергаясь нападеніямъ проходящей молодежи. Зато всякая опасность заблудиться миновалась, дачи пошли чаще и чаще, тучи расходились и становилось свѣтлѣе. Скрѣпя сердце, Жюли продолжала свой путь, хотя колѣни ея подгибались отъ усталости.

Вправо отъ дороги стоялъ ярко освѣщенный, красивый небольшой домъ; подстриженныя деревья раскинуты были по сторонамъ его, а фасадъ его былъ совершенно открытъ. Довольно нестройное пѣніе, смѣхъ и шумныя восклицанія раздавались изъ дому; а такъ-такъ окна были отворены, то они разносились по всему берегу. Юлинькѣ показалось, что нѣкоторые голоса были ей знакомы, и она вспомнила, что по всему городу у ней много всякаго рода знакомыхъ. Ускоривъ шагъ, со страхомъ прошла она мимо этого дома и уже успѣла отойти отъ него шаговъ на сто, какъ услышала за собою шумъ отъ бѣгущихъ людей. Какіе-то три прилично одѣтыхъ господина, безъ шляпъ, гнались за нею изо всей силы.

Чувствуя близость новой бѣды, Жюли испугалась, хотѣла побѣжать, но на счастье ея, силы ея были очень истощены. Попытка къ бѣгству могла бы только увеличить наглость ея преслѣдователей. Передній изъ нихъ поровнялся съ нею, заглянулъ ей въ лицо и остановился съ изумленнымъ видомъ. «Юлія Александровна!» сказалъ онъ, полный радостнаго недоумѣнія. Двое другихъ тотчасъ же подбѣжали и такъ же сдѣлали по изумленному жесту. Бѣдная Юлинька очень хорошо узнала всѣхъ

троихъ : это были молодые люди очень хорошихъ фамилій, которые часто танцовали съ нею на балахъ, а двое изъ нихъ даже волочились за нею, а одинъ изъ нихъ даже рѣшился на страстное признаніе, которое не было принято.

Несмотря на свою усталость, Юлинька не потеряла присутствія духа. Холодно и съ изумленнымъ видомъ поглядѣла она въ лицо господину, назвавшему ее по имени, и, будто не узнавая ни одного изъ нихъ, продолжала итти своею дорогою. Молодые люди перешепнулись между собой, одинъ не повѣрилъ Юлинькѣ, другой пробормоталъ : «чудное сходство», третій увлекъ всѣхъ за собою, сказавши : «она или не она, все-таки хорошо».

Преслѣдованіе продолжалось и сдѣлалось опаснѣе, потому-что Юлинька поровнялась съ какимъ-то старымъ барскимъ садомъ, тянувшимся до самого моста, за полверсты впередъ.

Опустѣвшая дорога тянулась къ мосту : справа былъ пустой садъ, слѣва текла рѣка. Дорогой попался одинъ извощикъ, но нанимать его, значило выдать себя непремѣнно. Нѣжные господа дѣлались смѣлѣе и смѣлѣе, всѣ они предлагали свои услуги Юлинькѣ, только одинъ все еще называлъ ее Юліей Александровной, другой давалъ ей имена душеньки, милочки и сердитой дѣвушки, а третій, немного пьяный, отпускалъ нелѣпыя остроты. Досада волновала задорное сердце Юлиньки; пересиливъ себя, съ умоляющимъ видомъ обратилась она къ своимъ спутникамъ.

— Боже мой! сказала она, и звонкій голосъ ея дрожалъ отъ усталости и негодованія : — я не знаю васъ, я не иду съ вами, оставьте меня.

Это была мѣра до крайности плохая; Юлинька выдала сама себя своимъ немного неправильнымъ произношеніемъ. Съ этого времени молодые люди повели атаку смѣлѣе: мысль, что женщина, за которою они въ прежнее время гонялись, бродитъ теперь одна. ночью, по улицамъ, сорвала съ нихъ всякую узду. Они притворились, будто вѣрятъ Юлинькѣ въ томъ, что она ихъ никогда не видѣла.

— Я не могу жить безъ васъ, говорилъ ей одинъ : — вы мнѣ напоминаете какъ двѣ капли воды одну хорошенькую вѣтренницу, которую бы я не-прочь встрѣтить одну, въ эту пору.

— Мы узнаемъ, гдѣ вы живете, говорилъ другой. — Дама, которая на васъ похожа, живетъ гдѣ-то въ глухомъ переулкѣ...

еслибъ она захотѣла, у ней было бы тридцать великолѣпныхъ комнатъ.

— Отчего же не жить въ пустомъ переулкѣ, замѣтилъ третій: — зато можно по вечерамъ гулять гдѣ вздумается....

Слѣдующія ихъ рѣчи не такъ могутъ быть удобно переданы. Поминутно вздрагивая, совсѣмъ запыхавшись, Юлинька ускоряла шагъ, едва обуздывая свой гнѣвъ. Ей было страшно тяжело, но, слава Богу, мостъ былъ уже близко и народъ виденъ былъ вдали. Видя, что недолго остается тѣшиться, преслѣдователи сдѣлались еще наглѣе, и наконецъ самый высокій изъ нихъ, забѣжавши по дорогѣ впередъ, оборотился передъ Юлинькой и обхватилъ обѣими руками ея гибкую талію.

Этого было слишкомъ много для горячаго ребенка: съ неподражаемою ловкостью, Юлинька мигомъ увернулась отъ дерзкихъ объятій и, въ тоже мгновеніе, приподнявъ руку, собравъ всѣ свои душевныя и тѣлесныя силы, ударила прямо въ лицо наглаго юношу. Должно быть пощечина была сильна, потому-что ошеломленный волокита даже отскочилъ въ сторону и раскрылъ ротъ съ самымъ глупымъ выраженіемъ. Несмотря на ужасъ своего положенія, Жюли вздохнула спокойно; гнѣвъ ея нашелъ средство вылиться наружу, а это было главное.

Но бѣда росла каждую минуту. Слѣдующій за тѣмъ господинъ, не страшась гнѣва и защиты, разставивъ руки, приготовился атаковать Юлиньку, уже былъ отъ нея въ двухъ шагахъ, но тутъ сама судьба должно быть сжалилась надъ замученною женщиной: чья-то огромная рука выдвинулась изъ-за дерева, стоявшаго у самого края дороги, и поразила господина, разставившаго руки, въ самую шею, между плечами. Какъ снопъ, повалился на траву несчастный волокита и на землѣ еще перевернулся два раза.

Съ быстротою молніи, обладатель огромной руки выскочилъ изъ-за своего дерева и очутился лицомъ къ лицу съ предпріимчивымъ любителемъ прекраснаго пола, уже награжденнымъ оплеухой отъ Юлиньки. Въ ту же самую секунду и второй ея преслѣдователь отлетѣлъ шаговъ на пять и упалъ въ грязную канаву. Оставался третій, нетронутый врагъ, но тутъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ возобновился эпизодъ изъ борьбы Гораціевъ съ Куріаціями. Противники были разрознены и утомлены, колоссъ — силенъ и спокоенъ. Третій гонитель Юлиньки былъ пристук-

троихъ : это были молодые люди очень хорошихъ фамилі[...] торые часто танцовали съ нею на балахъ, а двое изъ нихъ [...] волочились за нею, а одинъ изъ нихъ даже рѣшился на ст[...] ное признаніе, которое не было принято.

Несмотря на свою усталость, Юлинька не потеряла при[...] ствія духа. Холодно и съ изумленнымъ видомъ поглядѣла [...] въ лицо господину, назвавшему ее по имени, и, будто не узн[...] ни одного изъ нихъ, продолжала итти своею дорогою. Моло[...] люди перешепнулись между собой, одинъ не повѣрилъ Юл[...] кѣ, другой пробормоталъ : «чудное сходство», третій ув[...] всѣхъ за собою, сказавши : «она или не она, все-таки хоро[...]

Преслѣдованіе продолжалось и сдѣлалось опаснѣе, пото[...] что Юлинька поровнялась съ какимъ-то старымъ барскимъ домъ, тянувшимся до самого моста, за полверсты впередъ.

Опустѣвшая дорога тянулась къ мосту : справа былъ пу[...] садъ, слѣва текла рѣка. Дорогой попался одинъ извощикъ, [...] нанимать его, значило выдать себя непремѣнно. Нѣжные [...] пода дѣлались смѣлѣе и смѣлѣе, всѣ они предлагали свои у[...] ги Юлинькѣ, только одинъ все еще называлъ ее Юліей А[...] сандровной, другой давалъ ей имена душеньки, милочки и [...] дитой дѣвушки, а третій, немного пьяный, отпускалъ нел[...] остроты. Досада волновала задорное сердце Юлиньки; пе[...] ливъ себя, съ умоляющимъ видомъ обратилась она къ св[...] спутникамъ.

— Боже мой! сказала она, и звонкій голосъ ея дрожал[...] усталости и негодованія : — я не знаю васъ, я не иду съ в[...] оставьте меня.

Это была мѣра до крайности плохая; Юлинька выдала [...] себя своимъ немного неправильнымъ произношеніемъ. Съ э[...] времени молодые люди повели атаку смѣлѣе: мысль, [...] женщина, за которою они въ прежнее время гонялись, брод[...] теперь одна, ночью, по улицамъ, сорвала съ нихъ всякую у[...] Они притворились, будто вѣрятъ Юлинькѣ въ томъ, что она [...] никогда не видѣла.

— Я не могу жить безъ васъ, говорилъ ей одинъ: —[...] мнѣ напоминаете какъ двѣ капли воды одну хорошень[...] тренницу, которую бы я не-прочь встрѣтить одну.

— Мы узнаемъ, гдѣ вы живете, говорилъ [...] которая на васъ похожа, живетъ гдѣ-то въ [...]

еслибъ она захотѣла, у ней было бы тридцать великолѣпныхъ комнатъ.

— Отчего же не жить въ пустомъ переулкѣ, замѣтилъ третій: — зато можно по вечерамъ гулять гдѣ вздумается....

Слѣдующія ихъ рѣчи не такъ могутъ быть удобно переданы. Поминутно вздрагивая, совсѣмъ запыхавшись, Юлинька усиливала шагъ, едва обуздывая свой гнѣвъ. Ей было страшно тяжело, но, слава Богу, мостъ былъ уже близко и народъ видѣнъ былъ вдали. Видя, что недолго остается тѣшиться, преслѣдователи сдѣлались еще наглѣе, и наконецъ самый высокій изъ нихъ, забѣжавши по дорогѣ впередъ, оборотился передъ Юлинькой и обхваталъ обѣими руками ея гибкую талію.

Этого было слишкомъ много для горячаго ребенка: съ неподражаемою ловкостью. Юлинька мигомъ увернулась отъ дерзкихъ объятій и, въ тоже мгновеніе, приподнявъ руку, собравъ всѣ свои душевныя и тѣлесныя силы, ударила прямо въ лицо наглаго юношу. Должно быть пощечина была сильна, потому что ошеломленный волокита даже отскочилъ въ сторону и раскрылъ ротъ съ самымъ глупымъ выраженіемъ. Несмотря на [illegible] своего положенія, Жюли [illegible] спокойно; гнѣвъ ея [illegible] средство вылиться наружу, а это было главное.

[illegible]

нутъ по головѣ, незакрытой шляпою, и поверженъ въ прахъ, или, вѣрнѣе, на грязную и мокрую дорогу.

Не теряя времени, ратоборецъ догналъ Юлиньку.

— Юлія Александровна! сказалъ онъ, подбѣгая къ ней.

— Боже мой! еще знакомый! не удержавшись, довольно громко вскрикнула Юлинька. Но при второмъ взглядѣ улыбка показалась на ея лицѣ. — Спасите меня! сказала она радостнымъ голосомъ Передъ нею, въ широкомъ своемъ сюртукѣ и сѣрой шляпѣ, стояла атлетическая и спокойная фигура стараго художника.

Нѣкогда было медлить. Ожесточенные враги подымались съ своихъ мѣстъ, отирали прахъ съ своихъ одеждъ, и сомкнувшись, спѣшили, куда призывало ихъ мщеніе. Германнъ, не теряя ни минуты, приподнялъ Юлиньку отъ земли, посадилъ ее на свою лѣвую руку и быстро сбѣжалъ по зеленому, покатому берегу, къ самой водѣ. Тамъ уже ожидалъ его яликъ съ перевощикомъ, вѣроятно давно имъ нанятый. Старикъ, не выпуская изъ рукъ своей ноши, прыгнулъ въ лодку и тотчасъ же велѣлъ оттолкнуться отъ берега. Рѣзвая Жюли не могла удержаться отъ смѣху, видя, какъ наказанные волокиты подскочили къ берегу, посылая безсильныя проклятія на непрошеннаго заступника. Скоро они исчезли изъ виду, яликъ летѣлъ какъ птица, а на всемъ берегу не было другой лодки, и погоня была невозможна.

Суровый художникъ не могъ сохранить своего хладнокровія, видя, какъ засмѣялась беззаботная вѣтренница, только-что вывернувшись изъ крайне затруднительнаго положенія. Онъ самъ засмѣялся, бережно посадилъ Юлиньку со своихъ колѣнъ на скамейку и заботливо, почти нѣжно, спросилъ ее: «какъ вы сюда попали, другъ мой?»

— Не спрашивайте меня, умоляющимъ голосомъ говорила Жюли: — я не знаю, что̀ и сказать вамъ. Столько бѣдъ, столько горя....

— Дитя мое, сказалъ Германнъ такъ ласково, что Юлинькѣ вдругъ сдѣлалось сладко и спокойно: — скажите мнѣ если не все, то хоть главное. Я васъ люблю какъ отецъ. У васъ вѣрно нѣтъ отца: онъ бы не оставилъ на эту пору дочери. Я васъ не подозрѣваю въ дурномъ; да и кто можетъ подозрѣвать васъ!... Но если васъ оскорбили, если удались тѣ планы, про которые

я стороной слышалъ, не скрывайтесь отъ меня. Я видѣлъ васъ пять или шесть разъ, но кто васъ видѣлъ разъ, тотъ вашъ на-вѣки.... Я съумѣю одинъ подъ землею отыскать того, который завезъ васъ обманомъ въ эту глушь, подвергнулъ васъ нападенію этихъ безнравственныхъ сорванцовъ, которыхъ наше общество называетъ милыми шалунами!

Германнъ былъ раздраженъ, губы его гордо выдвигались впередъ, не потускнѣвшіе еще отъ лѣтъ глаза съ нѣжностью, истинно родительскою, глядѣли на Юлиньку. Трудно было вообразить себѣ что-нибудь прекраснѣе этой сцены, посреди тихой рѣки, между двумя зелеными потемнѣвшими берегами. Нельзя было найти фигуры благороднѣе этого старика. Глаза его горѣли какъ огонь, онъ снялъ шляпу, и длинные его волосы упали ему почти на самыя плечи. Юлинька, вся измученная, ласково глядѣла въ глаза старику и просила его успокоиться.

Она въ короткихъ словахъ разсказала ему почти всю свою исторію, умолчавъ только объ имени Вальховскаго и выставивъ его раскаяніе съ самой блестящей точки. Германнъ и не старался узнать объ имени дерзкаго обманщика; изъ разсказа Жюли онъ сообразилъ, гдѣ должна была находиться дача, куда ее завезли, и подкрѣпилъ свои догадки, хитро выспросивъ о дорогѣ, по которой шла наша Жюли и гдѣ натерпѣлась она столько отъ любителей вечерняго волокитства. Больше ему и не надобно было знать.

— Чтó это вы дрожите? вдругъ спросилъ онъ съ удивленіемъ, потому-что ночь становилась все теплѣе и теплѣе.

Юлинька показала ему на свое платье, все вымоченное снизу, и на свои ножки, на которыхъ были надѣты самые легонькіе башмачки. Продолжая разговоръ, Германнъ сѣлъ на дно лодки и, не обращая вниманія на сопротивленіе Жюли, взялъ въ свои руки обѣ крошечныя ножки. Не было средствъ спорить со старикомъ, — давно уже Юлинька не испытала ничего похожаго на родительскую нѣжность; ей стало казаться, что ея отецъ сидитъ у ея ногъ и отогрѣваетъ эти бѣдныя ножки своими руками. Ей сдѣлалось теплѣе и отраднѣе; она уже отвѣчала на всѣ раз просы Германна, пересказала ему всю жизнь въ дѣвушкахъ, исторію своей любви къ Ланицкому, свою жизнь послѣ брака, не умолчала даже и о томъ, что Григорій Александрычъ, съ тѣхъ поръ какъ переѣхалъ на новое мѣсто, сталъ ее въ одно и

тоже время и какъ-то больше любить и вмѣстѣ съ тѣмъ мучить каждую минуту. Она сказала и о своемъ мученіи насчетъ того, что̀ сказать мужу, воротясь домой.

— Разскажите ему все, сказалъ Германнъ.

– Нельзя, нельзя, говорила Юлинька. — Я сама себѣ поклялась не выдавать бѣднаго его пріятеля. Чѣмъ виноватъ онъ?....

— Такъ не говорите ничего; такихъ женщинъ какъ вы не подозрѣваютъ.

Юлинькѣ и самой казалось тоже: она начала дышать спокойнѣе.

Лодка выѣхала въ Большую Неву и пристала къ берегу. Оттуда переходъ былъ невеликъ до квартиры Ланицкаго. Жюли, послѣ отдыха въ лодкѣ, совершенно ослабѣла, но художникъ не позволилъ ей ѣхать, и, взявши ее подъ-руку, нарочно шелъ шибче, чтобъ уничтожить вліяніе простуды. Уже былъ виденъ и домикъ, гдѣ жила Юлинька, когда художникъ вдругъ спросилъ ее:

— Что̀ это за человѣкъ бродитъ подъ вашими окнами?

— Боже мой! вскричала Жюли, у которой глаза были необыкновенно зорки: — это злой жидъ.

— Какой жидъ? удивившись снова, спросилъ Германнъ.

— Это Кайзерштейнъ, жидъ, игрокъ.... онъ объигралъ Жоржа, онъ вездѣ на меня сплетничалъ, называлъ себя моимъ любовникомъ....

— А, спокойно сказалъ Германнъ: – надо поближе познакомиться съ этимъ господиномъ.

Кайзерштейнъ въ это время отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону. Увидя людей, которые шли къ дому, находящемуся подъ его наблюденіемъ, онъ повернулся и пошелъ на-встрѣчу Германну. Но Юлинька уже дошла до воротъ и, пожавъ руку художнику, проскользнула въ калитку.

Въ эту самую минуту Кайзерштейнъ наткнулся на Германна, и оба они не очень дружески поглядѣли въ лицо другъ другу.

— Что̀ вамъ здѣсь надобно? спросили они оба въ одно и тоже время.

Но голосъ Германна былъ страшенъ необыкновенно; съ той минуты, какъ глаза его упали на блѣдное лицо Кайзерштейна,

непонятная перемѣна явилась во всей фигурѣ спокойнаго старика. Глаза его вспыхнули страшнымъ огнемъ, станъ грозно выпрямился, непонятныя слова сперлись въ его горлѣ.

— Ты опять.... ты! говорилъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва и изумленія: — ты не узнаешь меня?

Кайзерштейнъ внимательно оглядѣлъ его и покачалъ головою.

— Подавай! закричалъ онъ, глядя въ сторону.

Маленькіе дрожки выѣхали изъ-за угла.

— Стоило бы проучить васъ, сказалъ Кайзерштейнъ, спокойно усаживаясь: только вы скорѣй похожи на сумасшедшаго. Имя мое Кайзерштейнъ, а адресъ мой знаютъ по всему городу.

— Я радъ, что ты не узналъ меня, сказалъ Германнъ, удерживая его за руку. — Теперь ступай; скоро мы съ тобой повидаемся.

Опустивъ голову, въ глубокой задумчивости, отправился старый художникъ въ свою одинокую квартиру.

ГЛАВА XIII.

Въ этотъ вечеръ Ланицкій возвратился домой двумя часами раньше прихода Юлиньки, которой странствованія, считая съ длиннымъ переѣздомъ по Невѣ, тянулись слишкомъ до втораго часу ночи. Подходя къ своей квартирѣ, Григорій Александрычъ съ удивленіемъ увидѣлъ Пашу, которая, несмотря на позднюю пору, стояла у калитки и безпрестанно поглядывала во всѣ стороны. Ланицкій былъ до крайности добръ и внимателенъ со своей прислугой: предполагая, что горничную вымапили за ворота какія-нибудь сердечныя дѣла, онъ еще издалека началъ покашливать и стучалъ палкою по камнямъ, чтобъ дать ей время убраться. Къ изумленію его, Паша и не думала уходить и, когда онъ подошелъ къ воротамъ, встрѣтила его безпокойнымъ вопросомъ:

— Не встрѣтили вы Юлію Александровну?

— Давно она вышла? съ испугомъ спросилъ Ланицкій.

— Часовъ съ осьми, безъ салопа, одна-одинехонька.

— Не приходили ли къ дому разные люди? не было ли шуму около?

— Кажется, ничего, говорила Паша, знавшая, въ чемъ дѣло.

— Не переодѣвалась ли Юлинька? не говорила ли, что идетъ куда-нибудь въ гости?

— Ничего не говорила, а пошла въ ситцевомъ платьицѣ и въ мантильи.

Ланицкій, сильно встревоженный, вошелъ въ комнаты и рѣшился ждать. Въ первый разъ въ жизни истинная ревность, ревность не фальшивая, не накинутая на себя вслѣдствіе потребности мучить себя самого, — ревность адская и совершенно естественная, прохватила его до глубины души. Хорошо было старику Герману говорить, что такихъ женщинъ, какъ Юлинька, не подозрѣваютъ: никакая любовь не обходится безъ ревности, и за самою Юлинькою необходимо было слѣдить безъ отдыха, слѣдить съ любовью, безъ шуму, но съ полной заботливостью. Не далѣе какъ послѣднее свиданіе ея съ Вальховскимъ показывало всю необходимость этого наблюденія.

Конечно, Ланицкій не могъ знать этой исторіи, но онъ не могъ не знать горячаго и быстро увлекающагося характера Юлиньки, а потому его смертельная тоска, его опасенія, мучительное безпокойство, съ которымъ сидѣлъ онъ цѣлый часъ въ своей комнатѣ, поджидая запоздалую жену, могутъ быть извинены въ полной мѣрѣ.

Только нельзя было извинить враждебнаго чувства, скрытаго бѣшенства, которое онъ чувствовалъ. Нельзя было извинить того чувства, близкаго въ одно время и къ наслажденію и къ страшной мукѣ, съ которымъ ухватился онъ за мысль, что Юлинька его обманываетъ. Нельзя было извинить плановъ мщенія, которые съ быстротою развертывались въ его головѣ, которыми приготовлялся онъ терзать и безъ того можетъ быть погибшую жену свою. Нельзя было извинить тѣхъ словъ, которыми приготовлялся онъ встрѣтить Жюли, когда она придетъ домой: слова эти были такъ жестоки и оскорбительны, а онъ самъ себѣ повторялъ ихъ, перемѣняя эти выраженія по своему произволу, придумывая, которыя изъ нихъ будутъ ѣдче и мучительнѣе.

Интересно бы было въ это время спросить у Ланицкаго, почему, изо всѣхъ предположеній насчетъ отсутствія Юлиньки,

онъ принялъ только одно — предположеніе объ обманѣ и невѣрности; почему, разомъ отступаясь отъ своихъ снисходительныхъ теорій, строитъ онъ планы варварскаго и безумнаго мщенія, и почему наконецъ, думая объ этихъ планахъ, онъ чувствуетъ мучительное наслажденіе, и часы бѣгутъ скоро, и не замѣчаетъ онъ, какъ ночь подвигается?... Стѣнные часы ударили одинъ разъ, и Ланицкій не могъ дать себѣ отчета, половину ли перваго, часъ ли, или половину второго означалъ этотъ одинокій ударъ. Полтора часа просидѣлъ онъ въ одномъ и томъ же положеніи. Никогда не помнилъ онъ себя такимъ злымъ, такимъ раздраженнымъ, какъ въ эту пору. Онъ не зналъ даже, желать ли юлинькина прихода: онъ былъ почти увѣренъ, что увидѣвши ее, не удержится и сдѣлаетъ какое-нибудь преступное дѣло.

Въ эту самую минуту дверь отворилась, Юлинька вошла въ комнату и ласково поздоровалась съ мужемъ.

— Ай, у меня ногъ совсѣмъ нѣту! сказала она, съ радостью кинулась на диванъ и легла на немъ, подложивъ, по своему обыкновенію, одну руку подъ голову.

Еслибъ въ подобныя минуты позволялось поддразнивать человѣка, это самое непонятное изо всѣхъ животныхъ, хорошо бы было сказать Ланицкому тотчасъ по приходѣ Юлиньки:

— Гдѣ же твои громовые вопросы? что̀ же ты не начинаешь фразъ, которыя придумывалъ съ такимъ увлеченіемъ?

Дѣло въ томъ, что Ланицкій, недавно еще до невѣроятности искусный въ наукѣ мучить свою жену на маленькомъ огнѣ, въ эту минуту скорѣе похожъ былъ на провинившагося примѣрнаго супруга, а не на любовника, раздраженнаго и имѣющаго право быть раздраженнымъ. Онъ подошелъ къ Юлинькѣ, ласково взялъ ея руку и съ робостью, съ непонятнымъ и худо скрытымъ страхомъ спросилъ ее:

— Гдѣ ты была, другъ мой?

— Ахъ, Жоржъ, что̀ со мною дѣлалось.... начала Юлинька.

И только сказавши эти слова, вспомнила, что никакъ нельзя разсказывать всего, что̀ съ нею дѣлалось.

— Я заблудилась на ***скомъ острову; за мной гнались, гнались.... Германнъ меня выручилъ, говорила Жюли, совершенно слѣдуя системѣ крошечныхъ дѣтей, которыя хотятъ утаить самую важную часть истины, разсказывая безполезныя подробности.

Очень коротко было бы спросить:

— А какъ попала ты на ***скій островъ.

Но Ланицкій поддался такому странному слабоумію, что не спросилъ этого. Онъ очень хорошо видѣлъ тревогу Юлиньки, видѣлъ ея мокрое и измятое платьице — и, несмотря на все это, сдѣлалъ ей нелѣпѣйшій вопросъ:

— Ты къ кому-нибудь въ гости ходила?.... на этотъ островъ?...

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Юлинька, совѣстясь выдумывать и не зная, что́ сказать. — Со мной были непріятныя вещи.... я сегодня тебѣ ничего не скажу.... я совсѣмъ замучена. Только не тревожься.... все прошло хорошо.

— Что́ прошло хорошо? стало случилось что-нибудь? спрашивалъ Григорій Александрычъ болѣе твердымъ голосомъ.

— Ну, полно, Жоржъ, пожалѣй меня,... я такъ устала.... я иду спать, говорила Юлинька, вставая съ дивана, улыбаясь и ласкаясь къ Ланицкому.

Григорій Александрычъ холодно встрѣтилъ эти ласки, или, лучше сказать, представилъ, что онъ холодно ихъ встрѣчаетъ. Но онъ не удержалъ жены, Юлинька быстро пробѣжала въ спальню, раздѣлась какъ можно скорѣе и легла въ постель, закрывши глаза, довольная какъ школьникъ, провѣдавшій, что экзаменъ отложенъ до завтра, хотя и завтра ему предстоитъ получить тотъ же неминуемый нуль. Правда, она собралась подумать о томъ, что́ бы сказать мужу завтра, но тутъ ея глаза совершенно сомкнулись, мысли спутались, ей показалось, что комната и постель завертѣлись, что она стала качаться на качеляхъ, и въ ту же минуту усталая Жюли сладко заснула.

Но только-что Юлинька вышла изъ комнаты, Ланицкій обратился къ прежнимъ враждебнымъ помышленіямъ. Онъ проклиналъ самого себя. Какъ не имѣть духа на то, чтобъ подтвердить свои подозрѣнія! спутаться и малодушно смолчать передъ ребенкомъ, который даже и обманывать не умѣетъ съ толкомъ! не выспросить ни одного слова, ждать до завтрашняго дня, провести ночь хуже всякаго каторжника, всякаго преступника!....

Три раза подходилъ онъ къ дверямъ комнаты, гдѣ спала Юлинька, и всякой разъ, съ непонятною, позорною тревогою въ душѣ, отступалъ прочь и пускался ходить изъ одного угла въ

другой. Наконецъ онъ вошелъ въ спальню, но было поздно: Жюли спала крѣпкимъ сномъ.

— Отчего она спитъ такъ крѣпко? подумалъ Ланицкій: — чьи ласки ее такъ измучили?

Самое ужасное было то, что некого было подозрѣвать: когда онъ ревновалъ Юлиньку къ Армгольду, онъ зналъ, что играетъ комедію. Весь этотъ вечеръ, Армгольдъ не выходилъ изъ своего кабинета; Ланицкій это зналъ очень хорошо.

Не знаю, долго ли стоялъ онъ у постели, страшно терзаясь и все-таки не шевелясь, не имѣя духу рѣшиться ни на что и не спуская глазъ съ Юлиньки. Должно быть во снѣ она почувствовала непріятное вліяніе этого взгляда, потому-что тяжело вздохнула, раскрыла глаза и, совсѣмъ удивившись, взглянула на мужа, который, не ложась спать, стоялъ у постели.

— Что́ ты не спишь, душенька? медленно спросила Жюли, стараясь собраться съ мыслями.

— Юлинька, дитя мое, говорилъ Ланицкій умоляющимъ голосомъ: — не мучь меня, скажи, съ кѣмъ ты была этотъ вечеръ, что́ ты дѣлала, отчего ты вернулась поздно?...

И говоря эти слова, онъ готовъ былъ стать на колѣни. Онъ ненавидѣлъ свою слабость, онъ не понималъ, что́ съ нимъ дѣлается.

— Отстань ты.... говорила усталая и заспавшаяся Юлинька: — я ничего не знаю.... тебѣ хочется меня помучить....

Она тихо приподнялась всѣмъ тѣломъ, чтобъ лежать повыше, и, опустивъ голову на подушку, тотчасъ же снова заснула.

Ланицкій опять остался какъ былъ, лицомъ къ лицу со своими терзаніями, съ своимъ безсиліемъ и малодушіемъ.

Точно, положеніе это было невыносимо. Много въ жизни человѣка бываетъ тяжкихъ положеній. Ночь послѣ сильнаго проигрыша, утро передъ дуэлью, слѣдующій день послѣ какой-нибудь отчаянной глупости или неловкости, первыя минуты послѣ тяжкаго оскорбленія.... не приведи Аллахъ никому испытывать такіе пріятные періоды въ жизни! Но то́, что́ дѣлалось съ Ланицкимъ, было во сто разъ хуже. Онъ пробовалъ пересилить себя, хотѣлъ-было разбудить Юлиньку, допытаться истины; напрасно: будто стѣна возвышалась между имъ и беззаботно спящею женою. Въ послѣдній разъ, мысленно отпустивъ страш-

і. Наконецъ [illegible] на сно-
спала [illegible] нераш-
Отчего [illegible] ни раз-
ски ее такъ [illegible] старыя
мое [illegible] онятна;
ъ ревн[illegible] ужа, че-
ъ комедію [illegible] почти два
оего кабинета [illegible] онятное.
знаю, долго [illegible] руки на
таки не шевел[illegible] же чѣмъ-
ая глазъ съ Юлиньки [illegible] рессорив-
неприятное вліяніе [illegible] ь. Сколь-
, раскрыла глаза [illegible] разлюбилъ
, который, не [illegible] молчать и
- Чтó ты не спишь [illegible] рое можно
ясь собраться съ мыслями [illegible] этого пор-
— Юлинька, дитя мое [illegible] ощенія, да-
въ: — не мучь меня, скажи [illegible] умѣю пере-
ы дѣлала, отчего ты вери[illegible] .. Ты знаешь,
говоря эти слова, онъ [illegible] быть твоею
видѣлъ свою слабость, онъ [illegible] тебѣ весело
я.

- Отстань ты.... говорила [illegible] ньки былъ такъ
- я ничего не знаю.... тебѣ [illegible] ыраженіемъ. Не
я тихо приподнялась всѣмъ [illegible] згляда. Въ голо-
опустивъ голову на подушк[illegible] мый худшій изо
[illegible]цкій опять остался какъ [illegible] ть ей прежнія свои
[illegible]шіями, съ своимъ безси[illegible] поддаться ея хи-
[illegible] положеніе это было [illegible] деніемъ, въ минуту
[illegible]ваетъ тяжкихъ [illegible] оразить ее словомъ,
[illegible] ткнуть ея любовь и ея
[illegible] е могла тянуться до-
[illegible] въ. Ланицкій тотчасъ
хотя на минуту поми-
е отвѣчаетъ на ея трога-
сь разомъ избавиться отъ
упрашивать.
ты сердишься, что я тебѣ
рь. Мнѣ надо молчать. и я

[illegible]

[illegible] ... — все это ... [illegible]

[illegible] она пила ... [illegible] къ ней. Никогда онъ ... [illegible], какъ въ это утро. Вм... [illegible] жену, онъ едва кивнулъ голово... [illegible] черезъ столъ. На этотъ разъ Жюли ... [illegible] сердиться на ея скрытность: при... [illegible] ласки и заботливость, разсказа... вчерашнихъ похожденій, кротко перено... ніе Григорія Александрыча и нѣкоторы...

Лавицкій ни о чемъ не распрашив... своихъ глазахъ свое вчерашнее мало... далъ, что Юлинька виновата во все... только подтверждая ... такъ не ластите... отвѣчая на э... нымъ нас... ему бол...

76

души

тамъ

о

житья

—

мы

—

, другъ мой! что съ тобою? кричалъ Ланицкій, тчаяніемъ кинувшись прямо къ ней.

орила ничего и не перемѣняла своего положенія. открыты и совершенно неподвижны; она будто члены ея, особенно вытянутыя руки, вцѣпив- совершенно оцѣпенѣли и потеряли всякую гиб- родъ столбняка: не имѣя въ виду медицинска- приходится назвать положеніе бѣдной Юлиньки ьнымъ, хотя и неграціознымъ словомъ.

лекла на минуту Григорія Александрыча отъ аянія: на-скоро онъ употребилъ всѣ средства, Юлиньку въ чувство, и тотчасъ же убѣдился, ничего не сдѣлать. Нечего и говорить, что ни у жены его не было въ запасѣ никакихъ до- ъ, припасаемыхъ дальновидными хозяйками на , спазмовъ и нервическихъ припадковъ. Онъ въ квартиру къ Армгольду.

дого доктора была отдѣлена только одной стѣ- происходила описанная нами сцена. Стѣна эта, не капитальная, а изъ простыхъ досокъ. Та- мгольдъ, волею или неволею, часто слышалъ ихъ супруговъ и очень хорошо зналъ всѣ под- зни. На эту пору онъ сидѣлъ дома и потому исходило и на этотъ разъ между Юлинькою и слышалъ стукъ отъ покачнувшагося стола и ьчивой Жюли; онъ уже самъ хотѣлъ итти къ ая по странному молчанію послѣ этого сту- ыть случилось что-нибудь особенное. Въ это лександрычъ позвалъ его къ женѣ; Армгольдъ сюртукъ и разспросилъ Ланицкаго о призна- я догадывался о подробностяхъ, и хотя, пол- готовъ былъ тутъ же поколотить человѣка, ко зла своей невинной и милой женѣ.

пли къ больной, Армгольдъ принялся за дѣло обія его, хотя съ нѣкоторымъ трудомъ, произ- линьку отцѣпили отъ кресла, за которое она ожили въ постель. Не прошло четверти часа, а чала исчезать, зубки ея разжались, и руки на- локтей. Докторъ признавалъ необходимость

...мой! что съ тобою!" [illegible] ...лъ
...мъ кинувшись [illegible] ...и
...ничего и не [illegible] ...ни-
...ты и совершенно [illegible]
...я ея, особенно [illegible] ...ому
...ершенно [illegible]
...ъ столбняка: [illegible] ...мату
...одится назвать [illegible] ...ѣ съ
...хмъ, хотя и [illegible]
...екла на минуту Григорі[illegible] ска-
...янія: на-скоро [illegible] и мы
Юлиньку въ чувство, [illegible]
ничего не сдѣлать. [illegible] — вре-
у жены его не было [illegible] время на
..., припасаемыхъ [illegible]
спазмовъ и [illegible] жаромъ
е въ квартиру къ [illegible] былъ зна-
...дого доктора былъ [illegible] въ-самомъ-
происходила описан[illegible] того отда-
не капитальная, [illegible] раздражена,
...рмгольдъ, волею [illegible] мъ приглаше-
...ыхъ супруговъ [illegible]
...изни. На эту пору [illegible] оставить жену.
...оисходило и на [illegible] ную исторію, гдѣ
слышалъ ступ[illegible] ...аго, Кайзерштей-
...ьчивой Жюли; [illegible] рычъ должно быть
...ая по странно[illegible] одержаніе ея было
...ыть случилось [illegible] придать ему энер-
...лександрычъ [illegible] ...ть около Юлиньки,
...ъ сюртукъ и [illegible] олжаютъ шумѣть въ
...и догадывался [illegible] имъ. Видя упрямство
...хотовъ былъ [illegible] средство, съ котораго
[illegible] для своей [illegible]

[illegible] изъ больной [illegible] кричалъ Германнъ Лавиц-
[illegible]
[illegible] отсюда [illegible] казалъ ему докторъ, взявши
[illegible] ...горія Александрыча.
[illegible] увѣщанія точно безполезны.
[illegible] ...ову Лавицкому, накинулъ на

го, сплетаются всѣ нити сердечной интриги, и пока событіе это живо въ нашей памяти, пока при помышленіи о немъ кровь подступаетъ къ сердцу, любовь живетъ и дѣйствуетъ на насъ всею своею силою.

Такое событіе случилось съ Армгольдомъ въ этотъ день. Гнѣвное движеніе, съ которымъ прекрасное дитя отворотилось отъ своего мужа, въ первую минуту сознанія послѣ перенесеннаго оскорбленія, рѣшило судьбу Армгольда. Съ этой минуты не переставалъ онъ думать о Жюли; поминутно представлялась она ему въ этомъ самомъ положеніи, поминутно видѣлись ему ея продолговатые, темно-голубые глаза, съ выраженіемъ вспыльчиваго укора, сквозь который свѣтилось столько любви, столько надежды на примиреніе....

Вечеръ былъ душный, небо красно какъ раскаленное желѣзо. Жители отдаленной части города, не зажигая огня, начинали расходиться по постелямъ. Улицы затихли совершенно, только издали, какъ говоръ далекаго водопада, доносился неумолкающій шумъ экипажей по центральнымъ городскимъ улицамъ. Какая-то женщина, вся запыхавшись, выбѣжала изъ боковой линіи, поглядѣла вокругъ себя и снова пустилась бѣжать прямо на молодого человѣка. Армгольдъ узналъ Пашу и слегка вздрогнулъ.

— Пожалуйте, Иванъ Иванычъ, Бога ради, пожалуйте, кричала она, подбѣгая къ нему. — Барышнѣ хуже.... совсѣмъ плохо....

Оттого ли, что Паша была при Жюли съ дѣтскаго возраста, оттого ли, что миніатюрность и живость ея госпожи дѣлали ее скорѣе похожею на дѣвушку, только добрая горничная никакъ не могла давать ей увѣсистаго названія барыни. Для нея Жюли вѣчно была барышнею; иногда развѣ при посторонних, спохватившись, называла она ее Юліей Александровной.

— Не можетъ быть, сказалъ Армгольдъ, вполнѣ довѣряя послѣднему кровопусканію: — ужь ты, чего добраго, не наварила ли ромашки да разной чертовщины?

— Ей-Богу нѣтъ, отвѣчала Паша.

— Или огорчили ее чѣмъ-нибудь?

— Кажется, ничего, только сами онѣ такія были скучныя. *Проснувшись*, немного поплакали, а потомъ стали тосковать и

метаться во всѣ стороны. Жаръ въ головѣ и рукахъ такой, что и сказать нельзя.

— А Григорій Александрычъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ; какъ уѣхали съ вашимъ пріятелемъ, такъ и не пріѣзжали.

— И тутъ плохо, подумалъ Армгольдъ. — Вѣрно заварили они какую-нибудь исторію.... Бестія Кайзерштейнъ, бестія этотъ графъ....

— Не спрашивала ихъ Юлія Александровна? сказалъ онъ Пашѣ.

— Ни разу не спросили, теперь только во снѣ ихъ поминаютъ.

Армгольдъ нахмурилъ брови и вошелъ въ комнаты.

Онъ ошибся въ своемъ леченіи, употребивъ слишкомъ слабыя средства. Но онъ не былъ виноватъ; познанія его были вѣрны и велики; только для того, чтобъ лечить Жюли, надобно было хорошо знать всю ея прошлую жизнь.

Жюли была дитя избалованное, подверженное, какъ многія женщины нервическаго сложенія, порывамъ самой горячей, хотя и минутной вспыльчивости. Въ дѣтскомъ возрастѣ вспыльчивость эта не могла выказываться, потому-что родители первые исполняли каждую прихоть хорошенькой дѣвочки. Всякой гнѣвъ дѣйствовалъ на него опасно и оканчивался болѣзнію, что еще болѣе побуждало всѣхъ окружающихъ отстранять отъ Юлиньки малѣйшій поводъ къ неудовольствію.

Съ тѣхъ поръ, до настоящаго времени, она разъ только была больна. Родители ея, не соглашаясь на бракъ ея съ Ланицкимъ, раздражили вспыльчивое дитя. Послѣдствіемъ одной живой сцены по этому предмету было сильное воспаленіе, которое чуть-чуть не погубило бѣдной дѣвушки. Тяжелымъ страданіемъ Жюли добыла себѣ мужа, потому-что родители, какъ ни были горды и знатны, но морить дочери не хотѣли. Два года супружества промелькнули для Жюли какъ одинъ день; Ланицкій любилъ ее со всякимъ днемъ сильнѣе и сильнѣе, — могла ли когда-нибудь мелькнуть въ его головѣ мысль разсердить свое обожаемое сокровище?... Но обстоятельства измѣнились, и благородный, нервическій организмъ Жюли, созданный для одной любви, для *одного наслажденія*, для котораго малѣйшая

досада, малѣйшая вражда были жгучимъ ядомъ, — организмъ этотъ снова потрясенъ былъ съ нечеловѣческою жестокостью.

Съ сжатымъ сердцемъ, съ разгоряченною кровью, вошелъ Армгольдъ въ чистенькую спальню, тускло освѣщенную голубою ночною лампадою. Таковы привилегіи докторскаго званія: человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ очутился, одинъ, въ комнатѣ женщины, въ которую былъ влюбленъ до безумія. Но немногіе бы позавидовали его положенію, еслибъ могли видѣть, что́ дѣлалось въ эту минуту въ душѣ молодого человѣка.

Юлинька только-что заснула тяжелымъ, лихорадочнымъ сномъ, скорѣе похожимъ на безпамятство. Она спала, какъ спятъ ребятишки, подложивъ правую руку подъ голову, и рука эта совсѣмъ была закрыта ея длинными шолковыми локонами. Щоки ея были покрыты болѣзненнымъ румянцемъ, маленькій ротикъ полуоткрытъ, длинныя рѣсницы опущены, грудь высоко подымалась. Она была хороша тою чудною, болѣзненною красотою, на которую нельзя смотрѣть равнодушно.

Армгольдъ, какъ докторъ, часто видѣлъ женщинъ въ такихъ положеніяхъ, когда имъ нѐкогда было думать о томъ, что на нихъ смотритъ посторонній мужчина. Въ это тяжелое время у опытныхъ красавицъ не разъ подмѣчалъ онъ тяжелыя, некрасивыя движенія, гримасы, вынужденныя болѣзнью, и съ горестью говаривалъ, что для доктора не существуетъ хорошенькой женщины. Но онъ не зналъ, что есть привилегированныя созданія, которыя одарены отъ природы такимъ обиліемъ граціи, что грація эта безъ усилій, безъ предварительнаго изученія сама высказывается въ каждой жилкѣ, въ каждомъ движеніи такой женщины, не разлучается съ нею въ минуты сильнѣйшихъ страданій, и даже, когда жизнь кончается, кладетъ свою послѣднюю трогательную печать на предсмертную улыбку. Такая грація не пріобрѣтается ни годами, ни успѣхомъ, ни опытностью: зоркій глазъ съумѣетъ отличить ее въ трехлѣтнемъ ребенкѣ, разпознать ее въ женщинѣ, чуждой свѣтскихъ обычаевъ, найти остатки въ шестидесятилѣтней развалинѣ....

Такимъ высшимъ, трогательнѣйшимъ изъ даровъ природы щедро награждена была Юлинька Ланицкая. Ей нѐкогда было кокетничать и обдумывать науку нравиться: напротивъ того, еще ребенкомъ, она любила ѣздить верхомъ, бѣгать и шалить *безъ устали и никогда* не слушалась гувернантокъ съ ихъ вѣч-

нымъ: «mais tenez-vous donc droit, mademoiselle!» Въ свѣтъ выѣзжала она мало, потому-что рано вышла за-мужъ, а за-мужемъ она больше думала, какъ бы повеселиться, нашалить съ мужемъ, проскакать на отличныхъ лошадяхъ по Невскому проспекту, нежели о томъ, какъ бы пріискать средство къ сотнѣ своихъ поклонниковъ прибавить новую тысячу. А между тѣмъ съ каждаго ея движенія, съ каждой позы можно было написать картину, конечно не античную, но въ высшей степени граціозную.

О комъ было думать ей, засыпая своимъ лихорадочнымъ сномъ? лежать ей было и жарко и неловко: усиливающаяся болѣзнь жгла ее и мучила; а между тѣмъ, посмотрѣвши на нее, можно было сойти съ ума. Армгольдъ въ полминуты съ ужасомъ удостовѣрился въ присутствіи новой, опасной болѣзни. Онъ прописалъ сильное лекарство, послалъ Пашу въ аптеку и долго, долго стоялъ у постели бѣдной Юлиньки. Ему хотѣлось умереть у этой постели; страшная буря кипѣла въ его душѣ, и чувства его въ эти минуты нелегко поддались бы перу опытнаго наблюдателя.

Армгольдъ былъ человѣкъ холодный и сосредоточенный; рано разорвалъ онъ всѣ свои связи съ обществомъ, которое ненавидѣлъ можетъ быть не безъ причины, и, полный предубѣжденій къ его условіямъ, къ его страданіямъ, заперся въ своемъ безотрадномъ эгоизмѣ, какъ въ неприступной крѣпости. Онъ былъ жостокъ, жостокъ отъ природы и вслѣдствіе многихъ испытанныхъ огорченій; часто паціенты его, вмѣсто дружескаго участія, наслаждались цѣлой тучею жолчныхъ выходокъ; часто Армгольдъ пользовался неприкосновенностью и вліяніемъ своего званія, чтобъ наговорить жаждущимъ изцѣленія такихъ горькихъ истинъ, которыя могутъ только быть перенесены въ минуту душевнаго разслабленія. Женщины называли его человѣкомъ безъ сердца; простой народъ, которому Армгольдъ пособлялъ радушно и охотно, почиталъ его почти за чернокнижника. Молодой ученый зналъ свое вліяніе надъ всѣмъ, что̀ его окружало, и сознаніе своей холодности и безстрастія еще болѣе усиливало врожденную жосткость его характера.

Тѣмъ ужаснѣе были дѣйствія страсти, на-зло ему ворвавшейся въ цитадели, гдѣ не было ей приготовлено мѣста. Энергическая натура молодого человѣка была и болѣзненно потрясе-

лась; мысли, одна другой страннѣе, одна другой ужаснѣе, тѣснились въ его головѣ и упорно сталкивали одна другую. Болѣзнь бѣдной Юлиньки была сильна и опасна; сначала онъ выискивалъ новыя средства къ одолѣнію ея; потомъ мысли его приняли другое, странное направленіе.

Здѣсь, въ этой душной комнатѣ, съ глазу на глазъ съ обворожительнымъ ребенкомъ, который, посреди безпокойнаго сна, вздыхалъ и метался, — будто желая соблазнить его, безпрестанно раскрывалъ передъ нимъ свою грудь, свои плечи, и безсознательно каждую минуту принималъ тысячи новыхъ, невыразимо граціозныхъ положеній, въ эти страшные, упоительные полчаса Армгольдъ привелъ себѣ на память всю жизнь бѣдной Жюли, припомнилъ ея нѣжную любовь къ мужу, ея веселость передъ горемъ, ея страданія, начавшіяся съ той минуты, когда человѣкъ, выбранный ея сердцемъ, отъ избытка собственной страсти разбилъ и разорвалъ это сердце, привелъ свою обожаемую жену на край погибели.... Чтó ждало ея впереди, чѣмъ могла разъиграться эта чудная психологическая драма? И потокъ новыхъ мыслей прихлынулъ къ головѣ Армгольда; все, чтó думалъ онъ передъ этимъ, было сбито и заброшено въ сторону.

— Не лучше ли умереть тебѣ, бѣдное дитя? думалъ онъ, нагнувшись къ личику Юлиньки: — еслибъ у меня были другія убѣжденія.... я бы уморилъ тебя теперь же, потому-что тогда тебѣ суждено бы было воскреснуть въ небесахъ. Промедли я еще одинъ часъ, тебя не будетъ на свѣтѣ; въ моей власти лишить міръ самой драгоцѣнной игрушки, которая къ намъ когда-либо посылалась. И не промедлить ли? не лучше ли за-разъ кончить съ жизнью, которая сулитъ тебѣ впереди новое горе, новыя жертвы. Я знаю твоего мужа: онъ не перестанетъ тебя мучить, онъ не отступится отъ твоего наслажденія. А я понимаю это наслажденіе, душа человѣческая странна и ужасна. Я вижу, какъ ты страдаешь, и я такъ счастливъ, около сердца моего столько же горячей крови, какъ-будто бы эта ночь была нашею брачною ночью, когда блаженство не имѣетъ границъ....

И онъ отошелъ отъ постели. Жюли раскрыла усталые глаза свои и снова повернулась въ его сторону. Она начинала бредить, но разслушать ея было нельзя.

— Еще не все потеряно, подумалъ Армгольдъ, снова оставясь передъ нею и щупая пульсъ ея маленькой ручки: — витъ Богъ, я бы умѣлъ переломить себя, еслибъ твой мужъ гъ тебѣ дать счастіе. Ты будешь моя. Ты забудешь свою горью любовь. Тѣмъ ли, другимъ путемъ, я столкну его съ моей роги; будь, что будетъ.

Паша вошла въ комнату, отдала Армгольду лекарство и нѣолько разъ, съ горькими слезами, поцаловала ручку у своей рыни. Докторъ показалъ ей мѣсто въ темномъ уголку комты; бѣдная дѣвушка усѣлась на стулъ и тотчасъ же заснула, омленная бѣготней. Армгольдъ отсчиталъ нужное число каль, подмѣшалъ въ рюмку немного воды и сѣлъ около постели.

— Жоржъ, душенька, сказала Жюли съ тихою улыбкою, гда Армгольдъ, держа рюмку въ одной рукѣ, прикоснулся къ й другой, чтобъ заставить ее перемѣнить положеніе: — не трой меня сегодня.... я такъ устала.... я немножко больна....

Боже мой, сколько страсти, сколько заботливости скрыть он страданія заключалось въ этихъ словахъ, безсознательно азанныхъ! На какія жгучія мысли наводило это движеніе, лное граціозной стыдливости! Армгольдъ остановился со свои каплями.... онъ яснѣе и яснѣе видѣлъ, что всѣ мысли линьки проникнуты одною страстью, — что переломить эту бовь не въ-силахъ никакое искусство, никакое терпѣніе.

Жюли продолжала говорить въ бреду, часто прерывая свои ова тяжелыми вздохами, и при каждомъ вздохѣ хваталась за вую сторону груди, гдѣ, по ея словамъ, лежало два горячихъ мня. То обращалась она къ своему мужу, упрашивала его льше скучать и скорѣе ѣхать изъ города, шутила съ нимъ, то мѣла и сердилась на какихъ-то трехъ человѣкъ, которые безстанно бродили около ихъ дома, не давали ей покоя, и въ особности на одного, котораго называла злымъ жидомъ. Армльдъ догадывался, что дѣло идетъ о Кайзерштейнѣ. Жаръ и бредъ новились сильнѣе: много невинныхъ секретовъ, много трогаьныхъ признаній сдѣлано было доктору въ эту чудную ночь. ездѣ, надо всѣмъ была одна мысль, о немъ—о *хорошенькомъ* кѣ. Одинъ только разъ Жюли заговорила объ Армгольдѣ и ъ же открыла свой новый маленькій секретъ. Ей хотѣлось, бъ Армгольдъ перемѣнилъ свою квартиру; просить его объ мъ она не смѣла. Еслибъ эта квартира очистилась, у мужа ея

былъ бы такой большой кабинетъ.... Жоржъ любилъ, чтобъ ему было просторно; оттого онъ и дома мало сидитъ, что комнаты ему кажутся тѣсными....

Армгольдъ поставилъ капли на столикъ, отошелъ немного и сѣлъ въ кресло подлѣ кровати. Вся надежда была потеряна: вездѣ, вездѣ эта несчастная страсть!

— Богъ съ тобой, бѣдная Юлинька, тихо сказалъ онъ: — умирай лучше.

Онъ не ужасался себя самого, онъ не глядѣлъ на себя, какъ на преступника, онъ былъ блѣденъ и мраченъ, но спокоенъ и холоденъ. Кто рѣшитъ, какая причина побудила его къ убійству, потому-что поступокъ его не могъ быть названъ другимъ именемъ? Была ли то страсть, безнадежность которой не подлежала сомнѣнію? заключалась ли тутъ самовластная мысль о томъ, что лучше медицинѣ не дѣйствовать тамъ, гдѣ изцѣленіе повлечетъ за собою тысячи горестей, болѣе ужасныхъ, нежели самая смерть?

Время пособія было давно пропущено. Паша, не подозрѣвая ничего, дремала въ своемъ уголку; часы пробили нѣсколько разъ, и блѣдный разсвѣтъ врывался въ чистенькую спальню, а докторъ все сидѣлъ по-прежнему, нагнувши свою горячую голову и не спуская глазъ съ больной Юлиньки, которая тосковала и металась передъ его глазами, каждую минуту принимая новое положеніе, одно другого трогательнѣе, одно другого прелестнѣе.

Далеко, далеко, на колокольнѣ Петропавловской крѣпости, пробило два часа, и звуки, съ какимъ-то страннымъ стономъ, донеслись до знакомой намъ спальни. Съ послѣднимъ ударомъ дверь отворилась, и Ланицкій, блѣдный, съ неподвижнымъ взглядомъ, вошелъ въ комнату и пришелъ къ постели, на которой мучилась блѣдная Юлинька.

ГЛАВА XV.

Ланицкій и Армгольдъ во многомъ походили другъ на друга. Таже вражда къ обществу, тотъ же рѣзкій умъ, тотъ же безжалостный эгоизмъ, таже энергія, которую некуда было дѣ-

зать. Рѣдко говоря между собою, они знали подноготную другъ друга. Въ натурѣ Ланицкаго было болѣе страсти, въ Армгольдѣ же—упорства и инерціи. Въ довершеніе всего, оба они любили одну женщину, и каждый изъ нихъ любилъ ее по-своему. Странно было свиданіе этихъ людей, которыхъ природа назначила для взаимной дружбы, а обстоятельства вели къ злѣйшей враждѣ. Рѣчи ихъ были тихи и коротки, потому-что одинъ другого разгадывалъ на полусловѣ; глаза ихъ не блестѣли, гнѣва не видно было въ лицѣ, потому-что каждый изъ нихъ зналъ всю безполезность возвышенія голоса и усиленнаго придаванія себѣ свирѣпой физіономіи. Человѣческая физіономія тогда только быстро мѣняется, если мы сами того хотимъ. Въ минуты злѣйшаго изступленія человѣкъ все-таки актеръ.

Ланицкій цаловалъ руки бѣдной Юлиньки, прижался лицомъ къ ея личику; горесть его была близка къ сумасшествію, но выраженіе лица его мало измѣнилось. Жюли не узнала его. Григорій Александрычъ подошелъ къ Армгольду.

— Какая болѣзнь? спросилъ онъ вполголоса.

— Воспаленіе, отвѣчалъ тотъ.

— Ходъ какой?

— Какъ нельзя хуже.

Ланицкій пожалъ руку доктору.

— Все сдѣлано? спросилъ онъ.

— Ничего не сдѣлано, холодно сказалъ Армгольдъ: — я признаю леченіе безполезнымъ.

Ланицкій поглядѣлъ на него какъ на сумасшедшаго и хотѣлъ позвонить.

Никогда Армгольдъ не чувствовалъ такого припадка жгучаго, желчнаго негодованія, какъ въ эту минуту. Врожденная его жестокость вся всплыла наружу, онъ позабылъ и себя и свое преступленіе: онъ видѣлъ только Жюли и человѣка, который сдѣлалъ ее несчастною.

— Постойте, глухо сказалъ докторъ: — и выслушайте меня. Причины этой болѣзни мнѣ извѣстны. Для вашей жены выздоровленіе будетъ хуже смерти, — я пропустилъ время леченія. Въ этомъ сочтемся мы послѣ. Вамъ остается въ послѣдній разъ натѣшить ваше сердце. Глядите же на вашу жену: вамъ еще остается нѣсколько часовъ любимаго вашего наслажденія. Надо

сказать правду и похвалить вкусъ вашъ: этотъ ребенокъ необыкновенно мило страдаетъ.

Каждое слово, каждый намекъ поняты были Ланицкимъ. Ударъ былъ слишкомъ тяжелъ; глаза его помутились.

— Я васъ убью, докторъ, сказалъ онъ.

— Полноте, сказалъ докторъ: — не изъ-за угла же вы меня убьете.

— Изъ-за угла, сказалъ Ланицкій, не зная границъ своему отчаянію: — мнѣ осталось теперь одно только....

Присутствіе духа не совсѣмъ оставило Ланицкаго, онъ схватилъ шляпу, еще разъ взглянулъ на Жюли и бросился къ двери. Онъ хотѣлъ итти искать другого доктора, но Армгольдъ остановилъ его.

— Послушайте, сказалъ онъ, и въ словахъ его слышалось столько правды, что не было средствъ сомнѣваться: — я никогда не лгалъ и теперь даю вамъ мое честное слово, теперь ничего не сдѣлаетъ человѣческая помощь. Оставайтесь здѣсь, и мѣшайте понапрасну посторонняго человѣка въ эту тяжелую исторію.

Слова эти были излишними: Ланицкій дрожалъ всѣмъ тѣломъ и съ трудомъ могъ передвигать ноги. Страшно было слѣдить за взрывомъ его отчаянія; вся гордость, все самолюбіе оставили этого человѣка: какъ ребенокъ, какъ женщина, убитая горемъ, упалъ онъ на колѣни передъ постелью, глухія рыданія вырывались изъ его груди, горячіе глаза свѣтились какъ уголья и не могли плакать. Онъ молчалъ, прильнувши губами къ горячей рукѣ Юлиньки; но когда черезъ нѣсколько минутъ онъ выпрямился и поглядѣлъ вокругъ себя, Армгольдъ вздрогнулъ, и упрекъ на самого себя тяжко отозвался въ его душѣ. Въ эти минуты Ланицкій постарѣлъ десятью годами, лицо его потеряло всякое выраженіе; его волосы, которые постоянно носилъ онъ закинутыми назадъ, будто высохли и, не имѣя силы держаться въ обычномъ положеніи, гладко падали внизъ почти до воротника. Казалось, они чуть держались на его головѣ, будто у человѣка, только-что перенесшаго страшную горячку. Онъ сталъ говорить, и какимъ-то изступленнымъ бредомъ отзывались его слова; въ нихъ жарко высказывалась страсть близкая къ френетическому состоянію, полная странной и дикой поэзіи. Все, что разсказываютъ о страстныхъ порывахъ восточныхъ лю-

ы, объ отчаяніи львицы, у которой отнимаютъ детеныша, — се это могло только дать приблизительное понятіе о судорожыхъ терзаніяхъ Ланицкаго. Отчаяніе его походило на эпилептическій припадокъ, рѣчи его напоминали бредъ во время самой ильнѣйшей горячки. Армгольдъ слушалъ, забывши и себя и все, что его окружало. Собственная его любовь показалась ему вялою ничтожною передъ этими порывами, которымъ онъ первый не овѣрилъ бы, еслибъ не былъ самъ ихъ свидѣтелемъ.

И ясно видѣлъ молодой докторъ, какъ ошибался въ характерѣ Ланицкаго, и съ ужасомъ убѣдился онъ, какъ велико было обственное его преступленіе, когда, увлеченный самовластною мыслью, вздумалъ онъ сыграть роль провидѣнія и дерзко вмѣшаться въ судьбу молодыхъ супруговъ. Онъ захотѣлъ мѣрять Ланицкаго на свой аршинъ и, ужаснувшись страданія бѣдной Жюли, осмѣлился сказать ей: «умирай, бѣдное дитя!» Онъ забылъ, что два года счастія въ-силахъ размягчить самую желѣзную душу, а Ланицкій имѣлъ это счастье. Полчаса, проведенные имъ у постели своей жены, способны были обратить на путь истинный самаго закоренѣлаго изъ злодѣевъ, а Ланицкій не былъ злодѣемъ. Онъ много любилъ и могъ еще любить, и Жюли могла быть счастлива, и прошлое бы забылось... а теперь, по милости умозрѣнія влюбленнаго доктора, все кончено, все пропало, и драма не разыграется далѣе...

Нѣсколько минутъ стояли они другъ противъ друга, больше похожіе на мертвецовъ, чѣмъ на настоящихъ людей. Армгольдъ терялъ менѣе: онъ раньше опомнился. Быстро подошелъ онъ къ стклянкѣ съ лекарствомъ, увеличилъ число капель и вынулъ ланцетъ изъ кармана. Руки его дрожали, но въ глазахъ не было надежды на успѣхъ.

Было поздно: зубки Юлиньки, ровные какъ ниточки мелкаго жемчуга, стиснуты были съ судорожною силою. Разжать ихъ не было возможности. Кровь пустить было тоже нельзя: она не текла, и бѣдная рука напрасно была ранена. Паша побѣжала за піявками, но до аптеки было далеко, а ночь уже кончалась.

Опять прежнее молчаніе. Ланицкій стоялъ какъ убитый; въ какіе-нибудь полчаса онъ замучилъ себя до изнеможенія; онъ не могъ ни говорить, ни мыслить, ни дѣйствовать. Эта апатія ужасала Армгольда: ему хотѣлось хоть сколько-нибудь обратить

мысли его на другой предметъ. Онъ подошелъ ближе къ Ланицкому.

— Въ вашей власти, сказалъ онъ ему: — требовать отъ меня удовлетворенія.

— Не надо, отвѣчалъ Григорій Александрычъ, и въ глазахъ его ясно можно было прочитать мысль о самоубійствѣ.

— Слушайте меня, сказалъ ему Армгольдъ, показывая на Жюли, которая снова начала тосковать и что-то говорить въ безпамятствѣ: — тому четверть часа, я думалъ, что все кончено; теперь я вижу, что не все еще потеряно. Оставьте, продолжалъ онъ, видя, что Ланицкій хочетъ броситься къ женѣ: — лекарства не помогутъ, есть надежда на молодость организма, а такого благороднаго и чистаго организма я никогда не видалъ до этой поры. Кризисъ запоздалъ и только-что начался. Будемте ожидать; только не скрою отъ васъ: вѣроятностей мало.

Новое тягостное молчаніе. Разсвѣло совершенно, и первые лучи солнца прокрались въ комнату по краямъ спущенныхъ сторъ. Не шевелясь, не перемѣняя положенія, сидѣли Армгольдъ съ Ланицкимъ на старыхъ мѣстахъ. Армгольдъ совершенно собрался съ духомъ и довольно спокойно наблюдалъ за всѣми движеніями Юлиньки; но Ланицкій былъ совершенно подавленъ горестью. Долго страдалъ онъ молча; но когда мученія Жюли усилились, когда жаръ и бредъ достигли послѣдней степени, когда она несвязно и съ тяжелыми вздохами начала говорить тоже, что передъ тѣмъ говорила она при Армгольдѣ, стала звать къ себѣ своего мужа и сердиться на него, Ланицкій не выдержалъ, и рыданія, похожія на вопль человѣка, умирающаго насильственною смертью, съ страшною силою вырвались изъ его груди.

Движенія Юлиньки становились слабѣе и слабѣе, мертвая блѣдность смѣнила болѣзненный румянецъ ея лица, съ усиліемъ и тяжкимъ вздохомъ приподнялась она съ подушки, посмотрѣла вокругъ себя, тихо прошептала: «Жоржъ, душенька Жоржъ», и тихо опустилась на старое мѣсто.

Ланицкій не имѣлъ силъ придвинуться къ ней, но по лицу его видно было, что онъ еще не вѣрилъ, что все кончено. Армгольдъ взглянулъ въ лицо Юлинькѣ и остановился, полный недоумѣнія. Она не дышала, но легкая улыбка лежала на ея губахъ, слабая краска выступила на лицѣ...

— Кончено, кончено! вскричалъ Ланицкій отчаяннымъ голосомъ.

Докторъ не позволилъ ему, въ припадкѣ изступленія, обхватить Юлиньку обѣими руками. Армгольдъ задыхался и съ трудомъ могъ говорить. «Тише», шепнулъ онъ, и оба они, чуть дыша, нагнулись къ постели.

Улыбка не слетѣла съ губъ Юлиньки, слабый румянецъ становился замѣтнѣе и замѣтнѣе, и легкая испарина начала показываться около висковъ.

— Нѣтъ больше опасности, твердо сказалъ Армгольдъ. — Не забывайте этой ночи, Григорій Александрычъ. Теперь примемся за медицину.

Онъ спокойно добрался до своей комнаты, но тутъ силы его оставили, ноги его дрожали; взглянувши въ зеркало, которое висѣло напротивъ, онъ вздрогнулъ и отвернулся. Онъ самъ постарѣлъ въ эту ночь нѣсколькими годами.

Весь этотъ день Юлинькѣ становилось лучше и лучше, а на слѣдующее утро не предстояло уже никакой причины думать, что опасность можетъ воротиться.

ГЛАВА XVI.

Ежели человѣкъ съ благородными чувствами, увлеченный страстью или заблужденіемъ, рѣшается на дѣло недостойное, и ежели, тѣмъ или другимъ путемъ, цѣль его достигнута, онъ можетъ на нѣкоторое время, добившись успѣха, позабыть о томъ, что запятналъ себя преступленіемъ.

Но если цѣль все-таки не достигнута, преступленіе не совершилось, или совершено было понапрасну, тогда нѣтъ мѣры тоскѣ и угрызеніямъ этого чаловѣка. Въ одно и тоже время становится онъ и страдальцемъ и грѣшникомъ.

Таково было положеніе молодого доктора въ слѣдующіе дни послѣ кризиса юлинькиной болѣзни. Ни Ланицкій, ни жена его не могли опасаться отъ него новой такой же продѣлки. Богъ не допустилъ Юлиньку до гибели, и передъ людьми Армгольдъ былъ почти правъ. Но въ собственныхъ своихъ глазахъ онъ былъ

злодѣемъ, и, что еще хуже, влюбленнымъ и несчастнымъ злодѣемъ.

Еслибъ Армгольдъ былъ помоложе хоть двумя годами, онъ не перенесъ бы такого положенія и сталъ бы не шутя думать о самоубійствѣ. Но въ настоящее время онъ былъ слишкомъ уменъ и твердъ въ своихъ правилахъ. Видя, что ему нельзя оставаться подлѣ женщины, которая принадлежала другому и не хотѣла никому другому принадлежать, онъ рѣшился на мѣру не столько грѣшную, какъ самоубійство, но тѣмъ не менѣе пагубную для человѣка съ его характеромъ и способностями.

Въ продолженіи цѣлаго года одна важная торговая компанія нѣсколько разъ предлагала Армгольду занять медицинскую должность въ самомъ отдаленнѣйшемъ изъ русскихъ поселеній, въ самомъ холодномъ, дикомъ и безлюдномъ мѣстѣ нашего обширнаго отечества. Одинъ путь въ эти края долженъ былъ занять нѣсколько мѣсяцовъ, десять лѣтъ надобно было пробыть среди кочующихъ дикарей и природы угрюмой и негостепріимной. Какъ ни былъ расположенъ Армгольдъ къ сѣверной природѣ, сомнительно было однакожь, чтобъ онъ нашелъ много хорошаго и интереснаго на берегу замерзшаго моря. Денежныя выгоды были велики, но Армгольдъ, еслибъ захотѣлъ, могъ имѣть деньги и въ столицѣ. Его медицинская карьера начиналась блестящимъ образомъ, нѣкоторыя изъ его физіологическихъ статей высоко цѣнились учеными, практика сама лѣзла къ нему, такъ что онъ не зналъ, какъ и отвертѣться отъ своихъ паціентовъ. Но, несмотря на все это, несмотря на увѣщанія Гарманна, который разъ двадцать выходилъ изъ себя и ругалъ Армгольда, молодой медикъ, въ продолженіи цѣлаго года, разъ двадцать хотѣлъ принять это мѣсто. Немудрено, что послѣ своего послѣдняго приключенія онъ съ новой страстью бросился къ этой мысли. Не откладывая далѣе, онъ рѣшился, не простившись ни съ кѣмъ, завтра же выѣхать изъ Петербурга, остановиться въ ближайшемъ городѣ и уже оттуда писать Герману о присылкѣ своихъ вещей. Сношеніе же съ правителями компаніи было сдѣлано тотчасъ же.

Рѣшившись на это дѣло, Армгольдъ въ послѣдній разъ пошелъ къ Юлинькѣ, въ послѣдній разъ поговорилъ съ нею, прописалъ ей послѣднее лекарство и, ни слова не говоря о своемъ намѣреніи, ушелъ къ себѣ, заперъ всѣ двери и долго сидѣлъ за-

думавшись. Потомъ онъ уложилъ нѣкоторыя вещи, сжегъ кой-какія бумаги и походилъ по комнатѣ. Грустно остановился онъ передъ портретомъ хорошенькой дѣвочки. «Жаль мнѣ тебя бросить, Мери — сказалъ онъ довольно громко — Германъ тебя не оставитъ.» Ему захотѣлось выѣхать поскорѣе и разстаться съ людьми и Петербургомъ.

Армгольдъ былъ одаренъ умомъ смѣлымъ и возвышеннымъ; въ немъ было много твердости, переходившей даже въ жестокость, когда дѣло шло о другихъ людяхъ; но съ самимъ собою онъ былъ слабъ. Это былъ остатокъ женскаго воспитанія, усиленный вліяніемъ его слабаго сложенія. Всякое горе не возбуждало въ немъ противодѣйствія; напротивъ того, его чувства и способности тягостно сжимались подъ вліяніемъ несчастія. Онъ почти никогда не помышлялъ, подобно другимъ смѣлымъ людямъ, бороться съ судьбою и обществомъ: встрѣчая горе и несправедливость, онъ чувствовалъ невыразимую тоску и помышлялъ только о томъ, какъ бы сойти со сцены, не сталкиваться съ людьми, постараться забыть о ихъ существованіи. Еслибъ онъ былъ богатъ, онъ выстроилъ бы себѣ жилище въ глуши и не выходилъ бы оттуда. Въ этой-то чертѣ его характера и надо искать объясненія, почему жилъ онъ одиноко, въ пустомъ закоулкѣ, избѣгалъ практики и при всякой непріятности старался забиться куда-нибудь еще подалѣе...

Единственный его лакей посланъ былъ за лошадьми и еще не возвращался. Докторъ начиналъ терять терпѣніе, когда наконецъ кто-то застучалъ въ дверь. Армгольдъ отворилъ и сдѣлалъ жестъ удивленія и неудовольствія. Германнъ, совершенно измученный, вбѣжалъ въ его комнату, заперъ за собою дверь, и, схвативши молодого человѣка за обѣ руки, посадилъ его подлѣ себя на диванѣ.

— Рене! Шактасъ! американскій пустынникъ! кричалъ онъ, безжалостно смѣясь прямо въ лицо Армгольду: — что́ же ты не выдумалъ застрѣлиться лучше?

— Если ты все тутъ провѣдалъ, холодно замѣтилъ докторъ: — такъ лучшебъ безъ шуму попрощаться со мной, чѣмъ смѣяться безъ толку.

— Въ твои лѣта рѣшаться на этакую глупость!

— Въ мои лѣта, въ мои лѣта! съ досадою произнесъ Армгольдъ: — моя судьба такая, что всѣ забываютъ мои лѣта.

Мужъ зоветъ меня на консультацію, хорошенькая женщина повѣряетъ мнѣ свои тайны, пріятели мои толкуютъ со мной какъ со старымъ подагрикомъ. Мнѣ двадцать три года, — это мое зло и мое несчастіе.

— Гдѣжь твой умъ, гдѣ твои способности?

— Тѣмъ хуже, что есть умъ: что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Какъ? сказалъ Германнъ, твердо и строго глядя въ глаза молодому человѣку: — что̀ тебѣ дѣлать? я скажу тебѣ: твое мѣсто здѣсь, между людьми. Ты можешь страдать или умирать, но не имѣешь права оставлять людей. Ты нуженъ въ обществѣ, и ты знаешь это.

— Я никому не нуженъ. Я человѣкъ безъ убѣжденій и безъ всякихъ достоинствъ.

— Ты безъ убѣжденій, если убѣжденіемъ называется на-скоро схваченная философская система, которая забудется черезъ два года. Твое убѣжденіе: вражда къ пороку и несправедливости. У тебя нѣтъ достоинствъ положительно-добродѣтельнаго человѣка. Но всякой, кто разъ тебя видѣлъ, на-всегда помнитъ и любитъ твои идеи. Прежде чѣмъ ты умрешь, ты долженъ приготовить сто человѣкъ на свое мѣсто.

— Это все пустяки, одни нѣжности и утѣшенія, говорилъ Армгольдъ. — Я не профессоръ и не министръ, у меня нѣтъ мѣста въ обществѣ.

— Ты пренебрегаешь своимъ мѣстомъ, строго продолжалъ Германнъ; — и между тѣмъ на своемъ мѣстѣ. Твое званіе даетъ тебѣ дорогу вездѣ, гдѣ страдаютъ люди, гдѣ нуждаются они въ помощи и въ наказаніи. Ты видишь людей сильныхъ и гордыхъ въ минуты жалкаго разслабленія. Ты можешь говорить имъ правду безнаказанно, и умѣешь это дѣлать, потому-что ты жостокъ, потому-что несправедливость, развратъ и преступленіе, — однимъ словомъ, порокъ не находитъ въ тебѣ жалости, хотя бы онъ страдалъ, мучился и каялся, собираясь давать отчетъ въ прошломъ. Оттого ты долженъ здѣсь оставаться, и останешься, потому-что я первый помогу тебѣ во всемъ и исполню все, что̀ ты хочешь, лишь бы ты не уѣзжалъ отсюда.

Всѣ эти отцовскія увѣщанія нисколько не убѣдили молодого доктора. Германнъ зналъ все, онъ заговорилъ о болѣзни Юлиньки и о положеніи, въ которое чуть было не поставилъ ее Арм-

льдъ. Всѣ утѣшенія и тутъ были истощены, старый художникъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству.

— Ты думаешь, что любовь твоя совершенно безнадежна? сказалъ онъ таинственно. — Знаешь ли, что еслибъ ты захотѣлъ, а женщина, которая сдѣлала тебя несчастнымъ, эта женщина, говорю я, завтра же, если ты захочешь, въ отвѣтъ на твои обовныя изъясненія зальется слезами и сама кинется въ твои бъятія?

Армгольдъ весь вздрогнулъ и внимательно взглянулъ на стака.

— Ты слишкомъ много берешь на себя, холодно отвѣчалъ ъ: — я стоялъ цѣлую ночь у ея постели и знаю, что́ на душѣ этого ребенка.

— Ты не знаешь, что́ было съ Юлинькой четыре дня надъ, вечеромъ, въ пустой дачѣ, на краю ***скаго острова?

— Говори же, говори! нетерпѣливо настаивалъ Армгольдъ.

— Я сокращу исторію. У Ланицкихъ былъ другъ, давно къ имъ близкій, человѣкъ богатый, однако больной и несчастный. тотъ человѣкъ влюбился въ Юлиньку. Ничего не зная, она аздражала его страсть своимъ участіемъ, дружбой и заботлиостью. Онъ дурно отплатилъ ей, потому-что самъ былъ безъ ма. Обманомъ заманилъ онъ ее въ свой домъ и тамъ упалъ пеедъ нею на колѣни, говорилъ самъ не зная что́, плакалъ, аялся, проклиналъ себя и признавался въ любви....

— Боже мой! говорилъ Армгольдъ: — я не зналъ этой исоріи.

— Угадывай теперь, докторъ, что́ сдѣлала твоя паціентка? Іечего и прибавлять, что она никогда не любила этого господиа. Берись за психологію: что́ она сдѣлала?

— Я не знаю, сказалъ Армгольдъ, будто потерявшись.

— Повторяю, онъ былъ ея другомъ, она знала, что сама дѣлала его несчастнымъ, однако она не любила его. Что́ же на сдѣлала?

— Я не знаю, снова отвѣчалъ докторъ.

— Она сперва вспыхнула и рѣшилась погибнуть, если надобо, защищаясь до послѣдней крайности. Но онъ все говорилъ, она по-неволѣ слушала. Понявши все страданіе, весь ужасъ есчастія своего друга, она позабыла себя, она заплакала и не тала защищаться.... случай одинъ спасъ ее....

— Такъ, такъ! это она! это женщина! это Юлинька! вскричалъ Армгольдъ въ порывѣ такого восторга, что Германнъ удержалъ его за руку и указалъ на стѣну, за которой слѣдовала квартира Ланицкаго.

— Ты вѣдь тоже изъ ея друзей? говорилъ художникъ, внимательно наблюдая за своимъ пріятелемъ.—Честью тебя увѣряю, съ тобой тоже быть можетъ. Стоитъ только взять предосторожности....

— Я понимаю тебя, Германнъ! кричалъ Армгольдъ, не помня себя. — Эта женщина такъ высока, такъ недосягаема въ своемъ дѣтскомъ, безсознательномъ величіи, что нѣтъ средствъ любить ее и быть преступникомъ.... Изъ-за нея не позволяется быть несчастнымъ. Кончай однакожь, что же сдѣлалъ тотъ, который хотѣлъ погубить ее?...

— Давай же играть въ вопросы! чтó могъ онъ сдѣлать!

— Умереть за нее.

— Теперь вѣрю, что тебѣ двадцать съ небольшимъ. Твой отвѣтъ не имѣетъ смысла. Какъ умереть? почему умереть, съ какой стати и съ пользою для кого? Онъ сдѣлалъ лучше: онъ посвятилъ свои силы, всѣ свои способности на благо той женщины, которая плакала о немъ въ то время, когда онъ собирался губить ее.

Армгольдъ въ свою очередь засмѣялся тому увлеченію, съ которымъ говорилъ его пріятель. На душѣ его сдѣлалось спокойнѣй и веселѣй, лицо его прояснилось.

— Да ты самъ отпускаешь высокія фразы, надъ которыми сейчасъ смѣялся, сказалъ онъ Германну. — Разскажи же лучше, какимъ образомъ посвящаютъ человѣческія силы и способности на благо женщины, которая не нуждается въ этомъ благѣ?

— Да развѣ эта женщина счастлива? спросилъ Германнъ.— Развѣ она, не привыкши къ нуждѣ, не познакомилась съ нуждою? Да и въ чемъ, какъ не въ нуждѣ и въ мелкихъ огорченіяхъ надо искать причины ужаснаго и неестественнаго поведенія ея мужа, который противъ своей воли губитъ бѣдное дитя? Ты смотришь, что она весело и беззаботно прилаживается къ новому порядку своей жизни? Еще нѣтъ пяти мѣсяцовъ какъ она здѣсь живетъ: чтó будетъ черезъ пять лѣтъ? Чтó будетъ мужъ съ нею дѣлать черезъ пять лѣтъ?

— На этотъ счетъ я покоенъ, сказалъ Армгольдъ. — Я видѣлъ Ланицкаго у ея постели. Онъ не примется за старое.

— Тѣмъ хуже можетъ быть. Ланицкій не изъ тѣхъ людей, которые могутъ ладить съ бѣдностью и праздностью по-неволѣ. Онъ мучилъ Юлиньку все это время. Отдавшись весь своей варварской страсти, онъ не думалъ о своемъ положеніи въ обществѣ, почти не чувствовалъ нужды и бѣдности, не думалъ о томъ, какъ виноватъ передъ женою. Теперь собственное безсиліе и раскаяніе въ прошлыхъ глупостяхъ его погубятъ. Чтобъ спасти Юлиньку, надо спасти его. Объ этомъ думаю я, потому-что имѣю причины желать добра именно Ланицкому,— думаетъ Вальховскій, чтобъ передъ самимъ собою загладить свое преступленіе, — и ты долженъ думать, по той же самой причинѣ.

— Изъ этого всего я мало вижу толку. Вы все можете думать—и не сдѣлать дѣла ни на копейку. Особенно мы съ тобой, отъявленные голяки,—намъ очень пристало интересоваться денежными дѣлами Ланицкаго....

— И на нашу-то именно долю выпало заниматься этими дѣлами. Вальховскій уѣхалъ изъ города, чтобъ обнаружить передъ юлинькинымъ отцомъ съ матерью всю клевету на ихъ дочь, которую онъ раскрылъ, добравшись до нея по горячимъ слѣдамъ. Ланицкій не принимаетъ ни отъ кого пособія: только мы съ тобой можемъ поставить его въ такое положеніе, гдѣ онъ самъ себѣ пособить можетъ.

— Я не подозрѣвалъ въ тебѣ такихъ искусныхъ замысловъ. Не хочу даже и распрашивать, какъ и чѣмъ пособить. Только, благоговѣя къ твоимъ хитрымъ способностямъ, осмѣливаюсь узнать, въ чемъ именно я-то могу тебѣ быть полезнымъ?

— Знакомъ ты съ Кайзерштейномъ?

— Я видѣлъ его раза два, въ чужомъ домѣ....

— Знаешь ты кого-нибудь изъ игроковъ, которые у него бываютъ?

— Знаю трехъ.... четырехъ даже.

— Стало быть вотъ тебѣ и рекомендація. Послѣзавтра вечеромъ Кайзерштейнъ даетъ прощальный вечеръ самымъ близкимъ изъ своихъ товарищей по игрѣ. Будутъ двое или трое горяченькихъ любителей, которыхъ они заманили на-послѣдяхъ. Тебѣ дается два дня. Въ это время тебѣ предстоитъ работа трудная: сблизиться, коротко познакомиться съ Кайзерштейномъ,

ιнымъ комнатамъ, почла за-нужное страдать головною о, спазмами и другими болѣзнями, которыя, Богъ вѣсть по почитаются болѣзнями интересными, болѣзнями, придаю- особенную грацію женскому полу, — въ чемъ да позво- будетъ усомниться. — Молодой докторъ не скупился на и на рецепты, говорилъ очень много и очень мило, оез- но спорилъ, отдѣлалъ за-глаза человѣкъ пятьдесятъ об- ъ знакомыхъ, которыхъ видѣлъ два или три раза во всю ь, безсовѣстно бранилъ медицину, которая присуждаетъ ора видѣть страданіе тамъ, гдѣ другіе видятъ улыбку, домлялся о знакомыхъ и о городскихъ новостяхъ съ любо- ствомъ человѣка, котораго несчастная судьба принудила ь далеко, далеко, между дикарями, въ кругу людей, едва гойныхъ имени человѣческаго. Говорено было о Ланицкомъ Кайзерштейнѣ. Послѣдній изъ этихъ господъ долженъ былъ ъ же день обѣдать у мужа одной изъ армгольдовыхъ па- ъ. Такимъ образомъ десять или двѣнадцать визитовъ ы были не напрасно, и слѣдъ найденъ.

ойтись съ Кайзершейномъ было нетрудно. Почтенный ель приключеній былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи ха. Мѣсто на пароходѣ было взято, всѣ дѣла кончены были получно; онъ увозилъ изъ Петербурга значительный капи- ъ и съ удовольствіемъ вспоминалъ о своихъ успѣхахъ въ на- сѣверной Пальмирѣ. Услышавши, что Ланицкій получилъ ое-то неожиданное наслѣдство, Кайзерштейнъ не изъявилъ досады, ни радости: казалось, онъ совершенно позабылъ и о и о Юлинькѣ.

Дѣло въ томъ, что Кайзерштейнъ вовсе не былъ свирѣпымъ одѣемъ. Все его поведеніе въ столицѣ основано было на тон- йшемъ расчетѣ. Онъ не любилъ Ланицкаго, но и не чувство- лъ къ нему никакой особенной вражды. Онъ былъ не прочь хлопотать о томъ, чтобъ Юлинька досталась Станиславскому, рисковать чѣмъ-нибудь для исполненія этого намѣренія не огло никогда притти ему въ голову. Съ замѣчательною тонко- тью видѣлъ онъ, что свѣтъ, въ который онъ попалъ, явно не- оброжелательствуетъ Ланицкому, котораго и самъ онъ не лю- илъ. Своими словами и дѣйствіями, Кайзерштейнъ тотчасъ дѣлался будто исполнителемъ этой ненависти; преслѣдуя Олиньку, враждуя съ мужемъ, сплетничая на нихъ обоихъ, онъ

оказывалъ безцѣнныя услуги гордому и завистливому кружку, среди котораго приходилось ему тереться. Онъ былъ орудіемъ, отчасти презираемымъ, но объ этомъ онъ мало заботился. Замыслы его не имѣли успѣха, но самъ Кайзерштейнъ былъ доволенъ, какъ нельзя болѣе: отовсюду набралъ онъ денегъ: отъ Ланицкаго, отъ Вальховскаго, отъ Станиславскаго, не говоря уже о десяти или двадцати благородныхъ юношахъ, объигранныхъ между дѣломъ.

Пославши Григорію Александрычу приглашеніе на игорный вечеръ, нашъ молодой докторъ взялъ съ собою всѣ деньги, какія только находились у него подъ руками, и поѣхалъ на квартиру Кайзерштейна. Любители игры давно уже съѣхались на проводы, но Ланицкаго все еще не было. Завязалась игра, а его еще не пріѣзжалъ Григорій Александрычъ. Досадуя на такое замедленіе, Армгольдъ сталъ поближе присматриваться на все собраніе, слушать ихъ рѣчи, и, странное дѣло, ему вдругъ сдѣлалось грустно. На этомъ прощальномъ вечерѣ у человѣка полузнакомаго, человѣка вовсе не привлекательнаго и даже запятнаннаго, Армгольдъ почувствовалъ такое стѣсненіе сердца, какъ-будто бы близкій его другъ собирался отъѣзжать далеко, далеко, и на долгое время.

И точно: какъ-то уныло глядѣли высокія комнаты, изъ которыхъ уже вынесена была бóльшая часть мебели и вещей, прислуга ходила какъ-будто нехотя; все говорило о скоромъ отъѣздѣ, игра не клеилась, гости расположены были къ нѣжнымъ изліяніямъ, безъ всякаго притворства, каждый изъ нихъ высказывалъ, что ему тяжело было разставаться съ этимъ смѣлымъ пройдохою, котораго прибытіе оживило ихъ жизнь. Они припомнили, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Кайзерштейна видна была какая-то печать отваги и смѣлости. Его жизнь на-распашку, его вранье, сопряженное съ какимъ-то дилетантизмомъ вранья, неизвѣстность о прежнихъ его подвигахъ, — все это дѣлало Кайзерштейна любимцемъ праздной и невзыскательной части публики. Уѣзжая на родину, онъ имѣлъ удовольствіе видѣть къ себѣ участіе людей, которыхъ самъ не разъ надувалъ и объигрывалъ. И гости и хозяинъ равно жалѣли другъ друга. Нѣсколько разъ въ своей жизни, Армгольдъ видѣлъ разставанье людей честныхъ и благородныхъ, и не могъ не замѣтить, что такіе люди какъ-то холодно расходятся другъ съ дру-

мъ, и невольное сравненіе пораждало тысячи непріятныхъ ыслей въ его мизантропической головѣ.

Кайзерштейнъ раньше всѣхъ увидѣлъ, что изъ сожалѣній и ужескихъ излiяній шубы не сшить. Начали пить, и скоро ра получила вожделѣнный ходъ. Въ это время вошелъ Ланицй. Его встрѣтили съ какой-то досадой, иные изъ гостей будто узнавали его. Но когда хозяинъ пригласилъ его поставить рточку, ему тотчасъ очистили мѣсто около стола, и десятки обопытныхъ глазъ стали слѣдить за его игрою.

Армгольдъ бывалъ въ игрецкихъ собраніяхъ и находилъ ого интереса въ этихъ вечерахъ, но въ настоящую минуту гъ былъ совершенно увлеченъ, будто бы въ первый разъ въ изни приходилось ему видѣть людей, обдирающихъ другъ руга. Онъ чувствовалъ, что участь Ланицкаго и Юлиньки зависитъ не столько отъ хода игры, сколько отъ манеры игры ригорія Александрыча. Ему страшно хотѣлось, чтобъ Ланицій получилъ омерзѣніе къ картамъ; безъ этого, справедливо ключалъ молодой докторъ, судьба бѣдной Жюли вѣчно будетъ ержаться на волоскѣ.

Но надежды его были потрясены въ самомъ основаніи, кода Ланицкій подошелъ къ карточному столу и помѣнялся нѣсколькими взглядами съ кучкою прежнихъ своихъ соперниковъ. ригорія Александрыча взорвалъ досадный и явно недоброжеательный пріемъ этихъ господъ. Взгляды ихъ ясно говории ему:

— А, ты опять-таки вынырнулъ.

И въ глазахъ ихъ прочелъ онъ новое желаніе снова помѣряться ъ нимъ, снова постараться затоптать его еще глубже, еще дальше тъ свѣта. Часто между отдѣльнымъ человѣкомъ и окружающимъ го обществомъ раждается безпричинная симпатія или антипаія, какъ-будто между двумя отдѣльными лицами. Тоже было и ъ Ланицкимъ. За что его ненавидѣли и желали ему зла? за хоошенькую ли жену, за его ли гордость? или антипатія эта была росто слѣдствіемъ того, что всѣ эти люди понимали, на сколько мужъ Юлиньки, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, стоитъ ыше ихъ? Какъ бы то ни было, Ланицкій не былъ изъ числа юдей, которые на вражду отвѣчаютъ смиреніемъ или унынімъ. Онъ не могъ, какъ пріятель его Армгольдъ, отдаляться тъ тѣхъ, кто его не любилъ; для него было наслажденіемъ

лѣзть на борьбу, подставляя лобъ, если при этомъ видѣлась возможность зацѣпить тѣхъ, которые его не любили. Досада кипѣла въ его душѣ; онъ взялъ колоду картъ, какъ дуэлистъ беретъ шпагу; игра снова явилась ему въ видѣ единственной возможности помѣряться съ своими недоброжелателями.

Онъ поставилъ карту, сѣлъ — и задумался. По обыкновенію, мысль о Юлинькѣ мелькнула въ его головѣ. Онъ вспомнилъ то время, когда, беззаботный и счастливый, онъ игралъ съ этими же самыми лицами, въ этой же комнатѣ и послѣ выигрыша тотчасъ же спѣшилъ къ женѣ, еще болѣе беззаботной еще болѣе веселой и счастливой. Она не понимала, что такое игра; вдвоемъ они весело расчитывали, какъ современемъ проиграются и будутъ жить беззаботными бѣдняками... Съ тѣхъ поръ прошло много времени....

— Ваша карта дана, сказалъ Кайзерштейнъ, съ изумленіемъ глядя на Ланицкаго, который вовсе не глядѣлъ на талію.

Григорій Александрычъ загнулъ уголъ и снова задумался. Въ теченіи пяти, шести абцуговъ цѣлая картина прошлой жизни развернулась передъ нимъ.

Какъ хороша была тогда Юлинька, какъ велика была она съ тѣхъ поръ! Ея живая осьмнадцатилѣтняя натура осталась все таже, не измѣнилась ни на сколько при цѣломъ рядѣ грустныхъ обстоятельствъ, при пяти мѣсяцахъ тяжелой, изнуряющей жизни! какъ сдержала она свои обѣщанія, какъ вѣрна была своему характеру! а онъ, что̀ дѣлалъ онъ съ ней это время? И невольная дрожь пробѣжала по его тѣлу, какой-то голосъ, въ самой глубинѣ его души, говорилъ ему не умолкая:

— Что̀ сдѣлалъ ты съ этимъ ребенкомъ?

Присутствующіе, видя, что Ланицкій рѣшительно не слѣдитъ за ходомъ игры, съ недоумѣніемъ на него поглядывали.

Григорій Александрычъ поставилъ еще карту, хотѣлъ принудить себя быть повнимательнѣе, но это уже было не въ его власти: новыя картины, новыя воспоминанія роились въ его головѣ, какое-то сладкое чувство проникло въ его сердце, обхватило его всего. Казалось, онъ никогда не былъ Ланицкимъ, никогда не видѣлъ Жюли; онъ будто бы прислушивался къ разсказу какихъ-то простыхъ, но увлекательныхъ событій,—событій, исполненныхъ глубокаго смысла.... Женскій образъ, полный чудной прелести, носился передъ его глазами, а онъ будто

бы не зналъ, что то былъ образъ его вѣрной и вѣтреной Юлиньки.

Игра тянулась и дѣлалась очень жива, хотя Ланицкій такъ же вяло ставилъ.

— Здѣсь ужасно скучно, шепнулъ онъ Армгольду: — хотите вмѣстѣ ѣхать?

— Что вы, замѣтилъ докторъ, нетерпѣливо поглядывая по всѣмъ направленіямъ: — сидите еще: вы въ выигрышѣ.

— Да, надо выиграть, подумалъ Ланицкій, но ему было лѣнь играть дѣятельнѣе, карты валились у него изъ рукъ.

А фантасмагорія продолжалась. Ему стали видѣться вещи, которыя видятся только семьнадцатилѣтнимъ и влюбленнымъ юношамъ. Такой свѣжести ощущеній онъ давно не могъ въ себѣ запомнить. Ему стало стыдно и гнусно сидѣть съ картами въ рукахъ, посреди нелюбимыхъ и ничтожныхъ людей, расчитывать выигрышъ и проигрышъ, въ то время, когда Юлинька быть можетъ тоскуетъ и унываетъ духомъ, когда еще не зажили раны ея сердца, котораго онъ не умѣлъ цѣнить до этой поры.

Онъ хотѣлъ встать съ мѣста и скорѣе уѣхать. Былъ самый рѣзкій и энергическій моментъ игры, согнутыя карты понтеровъ валились около него. Кайзерштейнъ выигрывалъ, противники шли на-проломъ, зная, что это въ послѣдній разъ. Ланицкій почувствовалъ,что играетъ вяло, старыя привычки на мгновеніе всплыли наверхъ, Григорій Александрычъ невольно подумалъ: «отецъ мой игралъ получше меня».

Всякой разъ, во время сильной игры, мысль объ отцовскихъ подвигахъ дѣйствовала на Ланицкаго какъ шпоры на благороднаго скакуна. Когда воображеніе его начинало рисовать передъ нимъ этого колоссальнаго, холоднаго и стараго игрока, онъ чувствовалъ въ себѣ новую бодрость. Сцена была удобна для подобныхъ воспоминаній. Воображеніе перенесло Ланицкаго за тридцать лѣтъ назадъ; онъ припомнилъ себѣ исторію, на которую вѣчно наводила его физіономія Кайзерштейна, и съ новою ревностью, съ твердымъ желаніемъ чѣмъ-нибудь кончить, онъ усилилъ свою ставку.

Въ это время, справа, тотчасъ же подлѣ него, чей-то голосъ, рѣзкій, смѣлый и отрывистый, громко произнесъ по-французски:

— Я гляжу на ваши руки. Va banque.

— Кто здѣсь глядитъ на руки? съ удивленіемъ вскричало нѣсколько голосовъ. И они были правы: игра Кайзерштейна была постоянно чиста.

—Va banque, повторила высокая фигура, не спуская глазъ съ Кайзерштейна, который выронилъ карты изъ рукъ и, весь смѣшавшись, не зналъ, чтó говорить и чтó дѣлать.

— Германнъ! неужели вы?... могъ только сказать Ланицкій, съ жадностію вглядываясь въ благородныя черты стараго художника.

Нѣсколько секундъ ошеломленные понтеры со страхомъ глядѣли на эту сцену. Никто изъ нихъ не зналъ Германна. Хладнокровіе незнакомаго господина, ужасъ, который навелъ онъ на неробкаго банкомета, смятеніе Ланицкаго,—все это превышало ихъ опасенія. Иные ожидали страшной исторіи, большая часть думала, что ихъ преданность запрещенной игрѣ возбудила преслѣдованіе со стороны закона.

Кайзерштейнъ торопливо всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ Германну и началъ о чемъ-то говорить съ нимъ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, вся компанія мигомъ разошлась во всѣ стороны. Черезъ минуту остались въ комнатѣ только хозяинъ съ Германномъ и Армгольдъ съ Ланицкимъ.

— Я не виноватъ передъ вами, громко говорилъ Кайзерштейнъ, болѣе и болѣе сбираясь съ мыслями. — Я не отрицаю моего долга, я не хотѣлъ брать вашихъ денегъ, я хотѣлъ воротить ихъ, но вы уже уѣхали изъ Дрездена. Я не зналъ, живете ли вы на свѣтѣ.

Ланицкій съ своей стороны разсказывалъ Армгольду исторію, происходившую, какъ намъ уже извѣстно, между его отцомъ и нашимъ художникомъ.

— Деньги были не мои, говорилъ старикъ Кайзерштейну: — онѣ должны теперь итти сыну господина Ланицкаго.

— Я не беру никакихъ денегъ, говорилъ Григорій Александрычъ.

— Смотрите, сказалъ Германнъ, снова отводя въ сторону бывшаго дрезденскаго банкомета: — если вы сейчасъ же не уговорите Ланицкаго на сдѣлку, исторія будетъ имѣть огласку, и самую непріятную.

Кайзерштейнъ, скрѣпя сердце, подошелъ къ Григорію Александрычу, и они всѣ вчетверомъ принялись за довольно сухія

объясненія. Гости давно уже удирали по домамъ, давши себѣ обѣщаніе долго не брать картъ въ руки.

Такъ кончился послѣдній крокфордскій вечеръ Кайзерштейна.

ГЛАВА XVIII.

Пересказывая послѣднія и многосложныя происшествія, мы совершенно забыли наше больное и милое дитя, нашу хорошенькую героиню.

Юлинька поправлялась чрезвычайно медленно, и такъ-какъ болѣзни случались съ ней рѣдко, то терпѣніемъ она не могла похвастать, частенько капризничала и мучила Армгольда, который ухаживалъ около нея съ истинно отеческою заботливостью. Онъ избѣгалъ употребленія сильныхъ средствъ, потому-что, какъ мы вскорѣ увидимъ, онъ очень хорошо зналъ, что Жюли уже не тѣломъ была больна. Тоска и душевная тревога мучили ее сильнѣе всякой болѣзни.

Съ тѣхъ поръ, какъ опасность миновала, милая его паціентка не имѣла одного часа радостнаго и спокойнаго. Правда, примиреніе ея съ мужемъ было сладко и совершилось благороднымъ образомъ, безъ слезъ и безъ извиненій. Сквозь болѣзненный сонъ, Юлинька замѣтила, какъ Ланицкій плакалъ и сидѣлъ ночь у ея постели, а потому чуть вернулись къ ней первыя силы, она съ усиліемъ придвинулась къ краю кровати и обняла его обѣими, похудѣвшими своими ручками. Они ни слова не промолвили о старомъ. Но только-что Жюли вышла изъ опасности, Ланицкій пересталъ сидѣть около нея, и шесть дней сряду, считая вмѣстѣ съ днями и бóльшую часть ночи, проводилъ Богъ знаетъ гдѣ. Домой заходилъ онъ только на минуту, иногда съ нимъ приходило нѣсколько человѣкъ, которые, притворивъ дверь въ юлинькину комнату, о чемъ-то съ нимъ шептались, сговаривались и спорили. Одинъ разъ она явственно распознала голосъ Вальховскаго. Не зная, что̀ и подумать, совсѣмъ перепугавшись, она хотѣла къ вечеру откровенно переговорить съ Григоріемъ Александрычемъ, но тотъ разными уловками избѣгнулъ всякихъ объясненій. Часто приходилъ сосѣдъ ихъ, старый ху-

доженикъ, но онъ былъ не очень разговорчивъ съ Юлинькой; напротивъ того, съ Ланицкимъ наединѣ пускался онъ въ безконечныя совѣщанія. Жюли очень любила старика, но послѣ исторіи съ Вальховскимъ она боялась лучшихъ своихъ пріятелей; запуганному ея воображенію по ночамъ казалось, что весь городъ гоняется за нею и хочетъ насильно увезти ее отъ мужа. Одному Армгольду она довѣряла вполнѣ и любила его какъ брата, не подозрѣвая того, что онъ разъигралъ-было съ нею самую дурную продѣлку....

Когда опасеніе и тоска врываются въ чистую и беззаботную душу, дѣйствіе ихъ бываетъ тяжко и разрушительно. Жюли получила совершенное убѣжденіе, что мужъ разлюбилъ ее и скучаетъ дома. И что́ ему дѣлать съ нею? отъ болѣзни она похудѣла и вѣрно подурнѣла; лежа цѣлый день на постели, она не можетъ развлечь его, ни порѣзвиться съ нимъ, ни пококетничать, ни даже дать себя помучить немножко. Бѣдное дитя, оно было даже готово на послѣднее средство, чтобъ угодить своему Жоржу! Все кончено: эта бѣдность, нужда и тѣснота опротивѣли Ланицкому, и, мало того, даже заставили его разлюбить свою Юлиньку. И она съ тоской и досадой глядѣла вокругъ себя, ей начинало казаться, что точно, мужчина не можетъ любить и цаловать жену въ тѣсной и жалкой комнаткѣ, гулять съ нею по пустымъ и тихимъ улицамъ; одна только женщина вездѣ можетъ любить такъ же сильно, такъ же безкорыстно и самоотверженно....

Къ тяжелымъ этимъ мыслямъ прибавилось новое горе: она видѣла у мужа какія-то деньги, и разъ онъ что́-то сказалъ объ игрѣ. Когда Жюли припоминала это обстоятельство, дрожь ходила по ея тѣлу. Можно было играть, пока было что̀ проигрывать, и она и мужъ ея довольно холодно простились съ прежнимъ богатствомъ; но теперь къ чему могла вести несчастная игра? Къ долгамъ, къ новому горю, къ разлукѣ можетъ быть... Шестая ночь послѣ ея болѣзни была самая тяжелая, Юлинька не сомкнула глазъ ни на одну минуту.

На-утро встала она грустная и усталая, — Ланицкаго давно уже не было дома. А на-завтра приходился день рожденія Юлиньки, съ завтрашняго дня долженъ былъ начаться двадцатый годъ ея жизни. Нѣтъ возраста милѣе семнадцати лѣтъ для

дѣвушки, девятнадцати—для замужней женщины. Юлинька вспомнила, какъ Ланицкій, въ старое время, цѣлую недѣлю прежде и цѣлую недѣлю послѣ дня ея рожденія, рѣшительно бросалъ всѣ дѣла и не разставался съ ней ни на одну минуту. А теперь онъ, казалось, и забылъ о завтрашнемъ днѣ; прошло время обѣда, наступилъ вечеръ, а бѣдная Жюли все сидѣла одна. Заходилъ одинъ Армгольдъ, да и тотъ только повернулся, побранилъ ее за то, что она не спала ночью, прописалъ ей какіе-то порошки, велѣлъ ихъ принять вечеромъ и тотчасъ же, какъ угорѣлый, вышелъ вонъ изъ комнаты и куда-то уѣхалъ. Юлинька не умѣла скрывать ни горя, ни радости, а потому только-что начало смеркаться и въ пустой ея комнаткѣ сдѣлалось темнѣе и грустнѣе, она закрыла обѣими руками свое личико и начала горько плакать.

Въ это время вошелъ Ланицкій и очень испугался, увидѣвши жену всю въ слезахъ, которыхъ скрыть, несмотря на старанія Юлиньки, было невозможно. Было чего испугаться, и хорошо, что поспѣлъ онъ во-время, потому-что недавній примѣръ показалъ, какимъ образомъ горе дѣйствуетъ на нѣжный и благородный организмъ бѣднаго ребенка. Всѣ черты Григорія Александрыча показывали сильное волненіе, нѣсколько разъ собирался онъ что-то разсказывать и всякой разъ, послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, рѣшался лучше молчать. Казалось, минута была прекрасная для того, чтобъ утѣшить Юлиньку, разрѣшить ея тяжкое сомнѣніе, но Ланицкій, по-прежнему, увертывался ото всѣхъ объясненій. Одни его ласки, такія же горячія, такія же сумасшедшія, какъ и въ старое время, нѣсколько успокоили Жюли. Два часа просидѣлъ онъ у ней на диванѣ, обнявши ее обѣими руками и посматривая въ ея свѣтлые усталые глаза. Онъ давалъ ей кучу ласковыхъ названій, щупалъ ея пульсъ, приглаживалъ ея длинные волосы, болталъ съ нею обо всемъ, кромѣ своего положенія и занятій своихъ въ эти тяжелыя шесть дней.

Наступила ночь, Юлинька часто начала опускать рѣсницы и будто задумываться; ей хотѣлось спать, но сказать это мужу она боялась, чтобъ онъ не узналъ о прошлой ночи, проведенной ею безъ сна. Ланицкій продолжалъ ей что-то разсказывать и держать ее у своей груди, и ей было такъ хорошо и спокойно. Мало-по-малу рѣчь его становилась тише и тише, потомъ онъ

замолчалъ, взглянулъ женѣ въ лицо и удостовѣрился, что она заснула, не имѣя возможности пересилить своей дремоты.

— Иванъ Иванычъ, шопотомъ сказалъ Ланицкій.

Армгольдъ тотчасъ же вышелъ изъ сосѣдней комнаты.

— Да полноте вамъ стучать, торопливо замѣтилъ Ланицкій.

— Надо же знать, крѣпокъ ли сонъ, отвѣчалъ Армгольдъ: — карета пріѣхала.

— Чтó если она проснется дорогой? она совсѣмъ испугается.

— Тогда нечего дѣлать, сюрпризъ не удастся, — впрочемъ отъ моихъ порошковъ очень спится, особенно если наканунѣ была безсонница.

— Бѣдная Жюли, тихо сказалъ Ланицкій.

— Принимайтесь же за дѣло.

Докторъ и Григорій Александрычъ тихо приподняли Юленьку и на цыпочкахъ, шагъ за шагомъ, пронесли ее черезъ всѣ комнаты. У подъѣзда стояла карета, необыкновенно огромная и спокойная. Замѣтивши, что сонъ Юленьки замѣчательно крѣпокъ и тихъ, мужъ съ Армгольдомъ сократили нѣсколько свои предосторожности, безъ большого труда посадили ее въ карету и сами сѣли туда же. Голова Жюли тихо покоилась на груди у Ланицкаго.

Карета ѣхала тихо, тихо, даже шагомъ, когда дѣло дошло до каменной мостовой. Положеніе нашихъ пріятелей было тяжелое: при каждомъ маленькомъ толчкѣ, при каждомъ шумѣ отъ встрѣчнаго экипажа, они вздрагивали и посматривали на Юленьку. Къ счастію, ѣзды по улицамъ было мало, и маленькая паціентка не просыпалась во всю дорогу.

Въ Большой Морской экипажъ началъ ѣхать еще тише.... Медленнѣе и медленнѣе двигалась большая карета и наконецъ почти незамѣтно остановилась у одного большого дома. Сердце Ланицкаго дрогнуло: въ этомъ домѣ была его старая квартира, гдѣ жилъ онъ съ Юленькой постоянно съ самой женитьбы до послѣдней перемѣны въ своемъ образѣ жизни. У подъѣзда стояли Вальховскій и Германнъ; они осторожно отворили дверцы, перешепнулись о чемъ-то съ Ланицкимъ и Армгольдомъ, накинули на голову Юленькѣ легонькій платокъ, чтобъ не потревожить ее перемѣною воздуха, съ безконечными осторожностями вынули ее изъ кареты и тихонько, тихонько понесли вверхъ по широкой лѣстницѣ.

Прежній камердинеръ Ланицкаго поклонился своему старому барину и отворилъ обѣ половинки дверей въ прежнюю его квартиру. Проходя по комнатамъ и поддерживая Юлиньку, Григорій Александрычъ не могъ не посмотрѣть по сторонамъ и не подивиться, глядя на эти комнаты. Вся мебель, всѣ вещи были совершенно тѣже, какъ за пять мѣсяцовъ назадъ, когда онъ здѣсь жилъ съ женою. Ни одной лишней вещи, ни одного пустого мѣста! Онъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Вальховскаго, и тотъ улыбнулся.

Дѣло дошло до спальни: Ланицкій вѣрить не хотѣлъ своимъ глазамъ. Эта комната, убранная имъ самимъ съ неподражаемою почти прихотливостью, возобновлена была совершенно въ томъ же видѣ. Таже голубая мебель и драпри, тѣже тусклыя лампы, таже бездна блестящихъ игрушекъ, дорогихъ деревьевъ, картинъ и статуетокъ. Вотъ и бархатная кушетка, на которой Юлинька часто лежала по вечерамъ, поджидая своего безпутнаго мужа. На кушеткѣ этой положено было много подушекъ. Вальховскій и Германнъ положили туда Юлиньку, Армгольдъ же съ Ланицкимъ были такъ измучены, что едва двигались. Кончивши свое дѣло, всѣ они на цыпочкахъ вышли изъ комнаты, а Паша, которая очутилась тутъ же, погасила свѣчи и зажгла ночную лампадку.

Было поздно, когда проснулась Юлинька, отоспавшись за двѣ ночи. Сперва она очень удивилась тому, что заснула не раздѣвшись, потомъ замѣтила, что рука ея лежитъ на бархатной ручкѣ кушетки. Это ее удивило еще больше: она поглядѣла вокругъ себя, и сердце ея замерло: этотъ блескъ, это богатство не обѣщали ничего добраго, — горькія послѣднія событія давно уже заставили Жюли, воспитанную въ роскоши, съ ужасомъ смотрѣть на всякую роскошь. Гдѣ было богатство, тамъ привыкла она встрѣчать или сплетню, или преступный замыселъ. Дрожа всѣми членами, какъ птичка спорхнула она съ своего мѣста, поглядѣла вокругъ себя, и робкая улыбка показалась на

ея губахъ; поднявъ руки къ глазамъ, она начала осматр
свою комнату. Не было никакого сомнѣнія: это была ея с
спальня: вотъ ея пустая постель, вонъ портретъ Ланиц
вотъ ея портретъ, когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, во
деревья, ея игрушки.... Вотъ и кресло, на которомъ си
Жоржъ, когда она, прижавшись къ нему, упрашивала его
гда не играть въ карты. Да гдѣ же она? теперь ли спитъ
прежде спала и видѣла во снѣ тѣсныя комнатки? да и как
это случилось?

Паша, которая подсматривала изъ-за двери, тотчасъ я
шла въ комнату, вмѣстѣ съ другой дѣвушкой, которую Ю
очень любила и должна была отпустить поневолѣ.

— Докторъ позволилъ вамъ кататься, барышня, сказал
ша: — а кучеръ проситъ узнать, какихъ лошадей пригото
сѣрыхъ или вороныхъ?

— Да что же это, Паша?... спрашивала Юлинька.

Горничная не отвѣчала ничего и, прослезившись отъ
сти, съ особеннымъ усердіемъ начала поднимать сторы.

Двери снова отворились, и цѣлая компанія, подъ пред
тельствомъ Ланицкаго, нарушивъ всякія правила благоприл
вошла въ юлинькину спальню. У Юлиньки сердце забилос
радости, когда она увидѣла своего мужа, который, для дов
нія удовольствія, велъ подъ руку Вальховскаго, совершенн
селаго и довольнаго. Даже волосы у него будто выросл
сравненіи съ прежнимъ. Сбоку ихъ подвигались Армгол
Германнъ. Всѣ они похожи были на четырехъ мужей, на т
день послѣ сватьбы, или, скорѣе, на отцовъ, которые пр
поздравлять со днемъ ангела каждый свое единственное,
балованное, свое милое дитя. Послѣднее сравненіе будетъ
чнѣе, потому-что сама Юлинька въ своемъ измятомъ ситце
платьицѣ, съ заспанными глазенками, съ своей робкой и ра
ной улыбкою, съ своими протянутыми ручками, которыя
лись коснуться до того, что ее окружало, — походила как
капли воды на маленькое дитя, до безумія обожаемое род
и своимъ семействомъ, которое, проснувшись на вербное во
сенье, видитъ вокругъ себя цѣлую гору цвѣтовъ, лаком
игрушекъ, куколъ, нарядовъ, рабочихъ ящиковъ и книжек
картинками.

Налюбовавшись на нее, каждый изъ вошедшихъ подошелъ къ Юлинькѣ, поцаловалъ у ней руку (и Боже мой! какъ долго цаловали они эту крошечную, похудѣвшую ручку!), а вслѣдъ за тѣмъ поздравилъ ее съ днемъ рожденія и пожелалъ Богъ знаетъ чего. Впрочемъ желать было нечего. Нельзя было понять, что́ лепетала имъ Юлинька, и о чемъ она ихъ спрашивала.

— Да гдѣ же мы? спросила она, когда подошелъ къ ней Ланицкій и сталъ цаловать ея руки. — Вѣдь мы живемъ въ пятнадцатой линіи... на маломъ проспектѣ...

— Это тебѣ приснилось, Zulietta, говорилъ Ланицкій, не помня себя отъ радости.

— И честью нашею ручаемся вамъ, милое дитя мое, сказалъ Германнъ, не вытерпѣвъ и овладѣвши другой рукою Юлиньки: — такихъ сновъ вамъ не будетъ никогда, никогда больше сниться.

Совершенно непонятно, что́ сдѣлалось съ Германномъ, этимъ суровымъ и насмѣшливымъ художникомъ. Всѣ морщины его разгладились, онъ сдѣлался веселъ и любезенъ, не отходилъ отъ Юлиньки, казалось, позабылъ, что ей только-что минуло девятнадцать лѣтъ, называлъ ее не иначе, какъ своимъ крошечнымъ, своимъ милымъ дитятей, любовался на ея глаза, на ея ножки и чуть не умеръ со смѣху, увидѣвши на столѣ ея уморительно маленькую перчатку.

Но Боже мой! еще страннѣе, еще непонятнѣе было поведеніе Вальховскаго. Онъ былъ веселъ какъ ребенокъ, называлъ себя старымъ сатиромъ, разсказывалъ такіе нелѣпые анекдоты, отпускалъ такія отчаянно пошлыя остроты, что вся компанія держалась за бока отъ смѣху и отъ удовольствія. Одинъ Армгольдъ по временамъ дѣлался мраченъ и изрѣдка глядѣлъ на Вальховскаго, будто говоря ему: «погоди, другъ любезный! то ли запоемъ мы завтра, проснувшись одни въ своихъ пустыхъ и унылыхъ комнатахъ?»

Я впрочемъ не раздѣляю угрюмыхъ предчувствій Армгольда. Жюли была слишкомъ мила, чтобъ другіе могли быть изъ-за нея несчастливы. Любовь ихъ кажется мнѣ минутнымъ заблужденіемъ. Есть такія граціозныя дѣти, что влюбляться въ нихъ не позволяется. Ихъ только хочется покачать на рукахъ, расцаловать до-сыта, потомъ поставить на полъ и сказать: иди, къ кому сама выберешь.

Нѣсколько минутъ продолжалась радостная болтовня, въ продолженіи которой никто не понималъ другъ друга, и надо отдать справедливость и Юлинькѣ и ея обожателямъ, то, чтó наговорили они всѣ въ эти нѣсколько минутъ, отзывалось совершенной безтолковщиной. Напрасно усердная Паша показывала и доставала изъ шкаповъ разные утренніе капоты: всѣ кавалеры совершенно не думали о томъ, что надо дать хозяйкѣ время переодѣваться, а Юлинька вовсе забыла, что платье ея было совсѣмъ измято и волосы не убраны. Наконецъ каждый увидѣлъ, что рѣшительно нельзя усидѣть на мѣстахъ: они взяли съ собой Юлиньку и пошли всѣ вмѣстѣ черезъ рядъ знакомыхъ ей комнатъ, въ угловую каминную, гдѣ хозяева любили по вечерамъ сидѣть съ пріятелями, и гдѣ Юлинька давала Вальховскому позволеніе волочиться за собою. Въ этой комнатѣ мысли какъ будто прояснились, и Жюли начала яснѣе понимать причины, по которымъ положеніе ея такъ внезапно перемѣнилось. Германъ первый разсказалъ несвязную исторію о томъ, какую услугу отецъ Ланицкаго оказалъ ему за тринадцать лѣтъ назадъ, и какимъ образомъ случай помогъ ему отплатить тѣмъ же сыну своего благодѣтеля. Онъ объяснилъ другую причину своей заботливости: когда-то онъ былъ женатъ и лишился почти въ одно время и жены и дочери. Черты Юлиньки напоминали ему послѣднюю, и такимъ-то образомъ, помогая Ланицкому, онъ гораздо больше думалъ о его милой женѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Вальховскій сообщилъ послѣдствія сцены, послѣдовавшей за его послѣднимъ страннымъ свиданіемъ съ Юлинькою, гдѣ она явилась такою истинною героинею. Убѣдившись въ коварныхъ замыслахъ Станиславскаго и Кайверштейна, онъ тотчасъ же пошелъ къ Ланицкому и разсказалъ ему все, снабдилъ его деньгами и совѣтами, а самъ отправился въ имѣніе родителей Юлиньки (сказалъ ли я, что онъ былъ близокъ съ ея семействомъ?) и тамъ раскрылъ передъ ними страшную драму, въ которую, по милости ихъ гордости, чуть было не запутали злые люди ихъ бѣдную дочь.

Письма Станиславскаго были перечитаны снова, и цѣлая батарея черной клеветы выведена на свѣтъ Божій. Старики перепугались, горько каялись въ поведеніи своемъ касательно Ланицкаго, осыпали Вальховскаго благословеніями и рѣшились, немедля ни мало, ѣхать сами къ своей дочери....

Все это перелано было не такъ красно и не такъ понятно, но Юлинька поняла все, и опять начала улыбаться и плакать, плакать можетъ быть въ четвертый или пятый разъ въ своей жизни. Слезы эти были радостныя, тѣмъ не менѣе онѣ произвели великую тревогу. Всѣ собесѣдники столпились около Юлиньки, каждый говорилъ ей свое ласковое слово, каждый досказывалъ свою исторію, каждый готовъ былъ въ эту минуту отдать полъ-жизни своей, чтобъ заставить хозяйку лишній разъ улыбнуться, и всѣ снова пошли городить чепуху страшную. Это участіе еще болѣе растрогало Юлиньку, и она сама уже стала болтать больше всѣхъ, и рѣчи ея были еще несвязнѣе.

— Я въ васъ всѣхъ влюблена.... лепетала она, не зная,.что́ и говорить отъ радости. Милый ребенокъ радовался не за себя: ему было почти все равно, жить ли въ избушкѣ, или въ роскошныхъ комнатахъ, — онъ радовался за своего мужа, который, отбросивъ всякую гордость и супружескій этикетъ, сидѣлъ сзади нея и, нагнувшись къ ея плечу, плакалъ, какъ мальчикъ.

Тутъ кончается исторія Юлиньки Ланицкой. Смѣю сказать, что такой безсовѣстно-счастливой развязки надо поискать да поискать въ какой угодно литературѣ. Одному только Диккенсу отдамъ я пальму первенства за его «Сверчка», гдѣ величайшій злодѣй, подъ конецъ повѣсти, разомъ исправляется....

Много разъ читательницы дѣлали мнѣ строгій выговоръ за то, что повѣсти мои нестерпимо дурно кончаются. Я это самъ замѣчалъ, потому-что имѣю слабость привязываться къ моимъ героямъ, особенно же къ героинямъ. Крошечная Полинька, грустная Вѣра Николаевна, вспыльчивая Лёля, сантиментальная фрейлейнъ Вильгельмина и даже Костя (его тоже приходится причислить къ героинямъ) по многимъ причинамъ весьма близки къ моему сердцу. Мнѣ очень совѣстно, что по милости моей фантазіи на эти маленькія головки обрушилась такая буря бѣдъ и горестныхъ приключеній, при чемъ иныя изъ нихъ даже и погибли. Но погубить Юлиньку я рѣшительно не въ-силахъ. Въ головѣ моей уже было составлено грустное и болѣе близкое къ дѣйствительности окончаніе ея приключеній; но Богъ съ ней съ дѣйствительностью, — прочь начатыя главы! Юлинька должна быть совершенно счастлива. Если и читатели согласятся, что губить мою Жюли было бы слишкомъ жестоко, я не стану жалѣть о грустномъ окончаніи.

Я не стану даже доискиваться, какъ жили потомъ Григорій Александрычъ съ женою. Вѣрно, Юлинька была счастлива. А все-таки порою кажется мнѣ, что человѣкъ, испытавшій, что̀ значитъ мучить любимую женщину, рано или поздно свернется на старую дорогу.... да лучше будетъ не думать объ этомъ.

А. ДРУЖИНИНЪ.

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

ПОДГОРОДНЫЙ ДИКАРЬ.

Солнце едва взошло и озолотило предметы, какъ уже на высокую гору, въ окрестностяхъ Петербурга, взбиралась небольшая компанія молодыхъ людей. Впереди шелъ румяный мужчина, лѣтъ сорока слишкомъ, но свѣжѣе всѣхъ остальныхъ. Лицо у него было доброе и привлекательное; онъ бодро взбирался на гору, поощряя своихъ товарищей, которые слѣдовали за нимъ будто по принужденію.

— За тобою не поспѣешь, Тульчиновъ! замѣтилъ одинъ юноша съ изломанными манерами и одѣтый очень вычурно для прогулки по горамъ. Его лакированные башмаки скользили по травѣ, а шолковые пестрые чулки были смочены росою.

— Вы лѣнивы, господа, сказалъ Тульчиновъ, и, сдѣлавъ послѣдній шагъ, очутился на горѣ. — Уфъ, какъ хорошо здѣсь! вырвалось у него невольно, когда онъ оглядѣлся кругомъ.

— Вотъ вамъ награда, господа, за вашъ сонъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ отставшимъ товарищамъ.

Свѣжій и тихій утренній вѣтерокъ пахнулъ ему въ лицо, и, будто привѣтствуя утро, онъ снялъ фуражку и съ минуту любовался картиной природы. Подъ его ногами былъ крутой берегъ; небольшая рѣка шумно текла, крутясь и пѣнясь около острыхъ камней, торчавшихъ изъ воды. Противоположный берегъ, испещренный обрывами, угловато-торчавшими камнями, глубокими впадинами, поднимался высокою стѣною, почти скрывая горизонтъ. Ни травы, ни другой зелени не было на верхушкѣ его; известь какъ снѣгъ покрывала его на большое пространство. Только одна тощая сосна, всѣ корни которой были на виду, какъ скелетъ торчала на обрывѣ.

Зато на горѣ, гдѣ стоялъ Тульчиновъ, все было покрыто свѣжей зеленью и цвѣтами. Вдали виднѣлся лѣсъ въ утреннемъ туманѣ, который, покидая землю, будто нехотя, медленно поднимался къ небу, оросивъ при прощаніи изобильными слезами каждую травку. Вся зелень была влажна и на листьяхъ висѣли капли росы, сверкавшія какъ брильянты и готовыя упасть при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Казалось, вся растительность плакала о скоро промчавшейся ночи, какъ плачетъ красавица, проводившая своего возлюбленнаго: слезы, отуманившія ея глаза, придаютъ ей еще больше прелести. Цвѣты, защищаемые туманомъ отъ лучей солнца, лѣниво расправляли свои сложившіеся листочки и долго хранили капли влаги. Величаво поднималось солнце изъ тумана, разсыпая свои горячіе лучи всюду, и наконецъ, почувствовавъ его могущество, цвѣты обернули свои головки къ его лучамъ, какъ бы прося солнце высушить ихъ слезы. Птицы радостно пѣли, перелетали съ дерева на дерево, прыгали съ сучка на сучокъ и перекликались, съ жадностью прикладывая свои носики къ листьямъ деревъ.

Городскому жителю рѣдко случается видѣть природу, особенно встрѣчать утро среди лѣсовъ. А когда и случается ему засидѣться въ гостяхъ за картами до разсвѣта, такъ, возвращаясь домой, онъ страшно зѣваетъ, глаза его сжимаются, голова тяжела, и прекрасное утро, напротивъ, сердитъ его, потому-что яркіе лучи солнца рѣжутъ ему глаза. Онъ спѣшитъ домой и радуется, что непроницаемыя занавѣски защищаютъ его отъ докучливаго солнца.

И Тульчиновъ и присоединившіеся къ нему товарищи съ минуту молчали, пораженные картиной чудеснаго утра. Они съ жадностью впивали влажный воздухъ.

— Какъ хотите, господа, а я посижу здѣсь, сказалъ наконецъ Тульчиновъ.

И снявъ съ себя непромокаемое пальто, онъ бросилъ его на траву, легъ лицомъ къ небу и, прищуривая глаза, съ наслажденіемъ глядѣлъ на облака. Остальная компанія послѣдовала его примѣру. Только юноша въ лакированныхъ башмакахъ не находилъ себѣ мѣста, потому-что его туалетъ былъ слишкомъ изященъ и легокъ, чтобъ лечь на траву.

— Какъ мы всѣ глупы, господа, началъ Тульчиновъ, глядя въ небо: — живемъ въ душномъ городѣ, вѣчно въ комнатахъ!

— Нельзя ли меня исключить, перебилъ съ досадой юноша въ лакированныхъ башмакахъ, съ ужасомъ ощупывая свой полусюртукъ свѣтлаго цвѣта, который запачкался травой и былъ сыръ.

— Почему тебя исключить? ты тоже городской житель, сказалъ Тульчиновъ.

— Потому, что я желаю остаться имъ на-всегда и не сожалѣю, что встаю такъ поздно.

Юноша сорвалъ полевой цвѣтокъ, вдѣлъ его въ петлю своего сюртука и началъ любоваться имъ.

Тульчиновъ привсталъ; казалось, онъ хотѣлъ спорить, но увидавъ, что все вниманіе его противника поглощено эффектомъ бутоньерки, легъ по прежнему и сказалъ:

— Мы во многомъ виноваты; наши физическія болѣзни всѣ отъ насъ же происходятъ, а за тѣмъ и душевныя.

— Давно ли вы сдѣлали это открытіе? замѣтилъ молодой мужчина, худой и блѣдный.

— Сейчасъ, весело отвѣчалъ Тульчиновъ. — Я въ городѣ часто бываю сердитъ; мнѣ то не нравится, другое; поѣду за городъ—и все забываю: природа меня миритъ съ людьми, съ ихъ низостями, съ ихъ....

— Мнѣ кажется, природа васъ озлобляетъ, потому-что я въ первый разъ слышу отъ васъ, что люди низки? перебилъ его худой и блѣдный молодой человѣкъ и закашлялся очень подозрительно.

— Повѣрьте мнѣ, я люблю людей и готовъ пожертвовать для ихъ блага своею жизнью.

— Можетъ быть вамъ жизнь надоѣла. Мы всегда то отдаемъ другимъ, что̀ намъ не нравится или никуда не годится.

— Совсѣмъ нѣтъ! возразилъ Тульчиновъ.

Но блѣдный молодой человѣкъ съ жаромъ перебилъ его, продолжая начатую мысль:

— Почему, если вы имѣете нужду, вамъ прежде всего предлагаютъ дружбу, сожалѣніе, а не деньги?

— Не горячись; я знаю очень хорошо людей, понимаю ихъ эгоизмъ, но я, я очень люблю жизнь въ эту минуту.

И Тульчиновъ съ наслажденіемъ осмотрѣлся кругомъ.

— Надо умѣть пользоваться ею, а жизнь очень хороша, прибавилъ онъ.

— Да, она хороша, но не для всѣхъ. Напримѣръ, завтра, вмѣсто этой травы, я увижу зеленое сукно, вмѣсто этого лѣса-кучу перьевъ, вмѣсто воды — чернила! Теперь я взобрался по мягкой травѣ на гору; завтра я долженъ буду взойти въ четвертый этажъ, чтобъ просидѣть въ душной комнатѣ нѣсколько часовъ. Нѣтъ, я не такъ скоро мирюсь съ жизнью и прощаю ей.

Молодой человѣкъ покончилъ рѣчь сильнымъ кашлемъ, и, отъ волненія, на его блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ выступилъ багровый румянецъ.

Нѣсколько голосовъ возстали противъ него, а нѣкоторые за него.

— Вотъ откуда вытекаютъ наши страданія: изъ злопамятности! Я такъ все простилъ и все забылъ, сказалъ торжественно Тульчиновъ.

— Очень понятно; сравните меня съ собою: кто повѣритъ, что вы гораздо старше меня?

— Что̀жь! вы больны, а я здоровъ, ваши страданія васъ состарили прежде времени.

— Вѣдь и вы страдали? язвительно спросилъ блѣдный молодой человѣкъ.

— Да, но я ихъ вынесъ, вы слабѣе меня, вы....

— Нѣтъ-съ, извините, тутъ есть другая причина. Вы страдали изъ прихоти!

Всѣ засмѣялись, особенно заливался юноша въ лакированныхъ башмакахъ, какъ-будто отмщая Тульчинову за утреннюю прогулку, которую онъ устроилъ.

— Какъ, изъ прихоти? спросилъ удивленный Тульчиновъ.

— А вотъ какъ: вы страдали лежа на диванѣ и куря дорогую сигару, а я страдалъ умирая съ голоду и холоду. Вы, господа, имѣете объ этомъ чувствѣ, которое называютъ страданіемъ, очень пріятное понятіе.

И блѣдный молодой человѣкъ обвелъ насмѣшливымъ взглядомъ всю компанію и продолжалъ:

— Вамъ ѣсть хочется? у васъ аппетитъ? вы радуетесь, потому-что васъ ожидаютъ тонко приготовленныя блюда. Я же, я до сихъ поръ безъ страха не могу чувствовать голодъ; мнѣ все кажется, вотъ я опять перечувствую униженіе, злобу на свое безсиліе, какъ въ былое время, когда надъ головой моей пируютъ гости, а я, я думаю гдѣ взять обѣдъ... Вы живете съ людьми по вашему вкусу, а я жилъ съ тѣми, съ кѣмъ столкнетъ необходимость. Вы не знали отказа своимъ прихотямъ? а я разучился ихъ имѣть. Ну, а остальныя чувства я дѣлю поровну.

— Какія же, какія? спросило нѣсколько голосовъ разомъ.

— Обманутая любовь, дружба!

Тульчиновъ задумался и глубокомысленно сказалъ:

— Да! человѣкъ не можетъ существовать безъ пищи.

— Слѣдовательно, намъ пора итти удить рыбу, ато мы останемся безъ обѣда, сказалъ юноша въ лакированныхъ башмакахъ, радостно засмѣявшись своей остротѣ и вскочивши на ноги. — Господа, впередъ.... Marchons....

И онъ промурлыкалъ что-то на-распѣвъ по-французски.

Всѣ поднялись; одинъ только блѣдный молодой человѣкъ продолжалъ сидѣть, погруженный въ задумчивость.

— Чтó же ты? спросилъ Тульчиновъ.

— Идите, я здѣсь посижу, отвѣчалъ онъ.

— Ну какъ хочешь.

И Тульчиновъ поспѣшилъ догнать своихъ товарищей.

Оставшись одинъ, молодой человѣкъ долго кашлялъ; у него показалась горломъ кровь. Онъ скорчилъ отчаянную гримасу и презрительно улыбнулся вслѣдъ весело-удалявшейся компаніи. Съ часъ просидѣлъ онъ на одномъ мѣстѣ, устремивъ глаза на кончики своихъ сапоговъ. Его не занимали ни птицы, распѣ-

вавшія и летавшія вокругъ его головы, ни стрекоза, скакавшая и трелившая, ни травы, ни цвѣты; все жило и цвѣло вокругъ него, но онъ думалъ о смерти!

Вдали послышался рожокъ. Тощее стадо, уныло побрякивая колокольчиками, съ мычаньемъ взобралось на гору и медленно подвигалось впередъ, пощипывая траву. Рожокъ смолкъ; позади стада показался пастухъ, мальчикъ лѣтъ семи. Длинные, бѣлые, прямые волосы закрывали его миніатюрное лицо съ бѣлыми бровями и рѣсницами. Костюмъ его вызвалъ улыбку у молодого человѣка. На пастухѣ, сверхъ толстой рубашки, красовался шотландской матеріи жилетъ съ человѣка такихъ размѣровъ, что пройма руки приходилась мальчику по колѣно, а карманы болтались почти у ногъ, босыхъ и грязныхъ. Позади его шла бѣловатаго цвѣта небольшая собака, столько же худая, какъ и ребенокъ. Пастухъ рвалъ цвѣты, хлопалъ бичомъ и чтó-то мурлыкалъ себѣ подъ носъ. При видѣ человѣка, онъ выронилъ цвѣты и, вытаращивъ на него глаза, остолбенѣлъ. Понемногу радостная улыбка озарила его лицо, сѣрые глаза оживились; захлопавъ бѣлыми рѣсницами, онъ кинулся бѣжать и спрятался за небольшой кустъ. Собака начала-было лаять на молодого человѣка, но пастухъ прикрикнулъ на нее.

Молодой человѣкъ поманилъ мальчика къ себѣ; пастухъ радостно кинулся изъ своей засады

— Ты пастухъ? спросилъ его ласково молодой человѣкъ.

Мальчикъ заигралъ на рожкѣ, вдали откликнулось ему мычаніе коровы.

— Ты русскій или чухонецъ?

Мальчикъ закивалъ головой.

— Куда ты идешь?

Мальчикъ заболталъ по-чухонски, но увидѣвъ, что его не понимаютъ, покраснѣлъ, остановился на половинѣ своей рѣчи и указалъ на лѣсъ.

— Пойдемъ вмѣстѣ, вставая сказалъ молодой человѣкъ и подалъ ему руку. Мальчикъ весело запрыгалъ.

Молодой человѣкъ привелъ его къ рѣкѣ, гдѣ вся компанія, сохраняя глубокое молчаніе, сидѣла съ удочками въ рукахъ, устремивъ жадные глаза на свои поплавки. Увидѣвъ пастуха, Тульчиновъ спросилъ:

— Откуда ты привелъ такого шута?

— Вотъ ребенокъ, который одинъ-одинехонекъ по цѣлымъ днямъ остается въ лѣсахъ и поляхъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Посмотрите, посмотрите!

Мальчикъ обнаруживалъ признаки живѣйшей радости: онъ осторожно забѣгалъ ко всѣмъ, заглядывалъ ласково каждому въ лицо, любовался удочками. Осмотрѣвъ съ любопытствомъ и радостнымъ удивленіемъ присутствующихъ, онъ вдругъ исчезъ.

— Твой дикарь убѣжалъ, замѣтилъ Тульчиновъ.

— Да, вѣрно вспомнилъ свою обязанность, печально сказалъ молодой человѣкъ. Я не понимаю, какъ такой малютка можетъ справиться со стадомъ? какъ онъ въ рѣку не упадетъ? какъ онъ не боится оставаться одинъ въ лѣсу? Я помню, разъ въ дѣтствѣ я чуть не умеръ со страху, когда долженъ былъ пройти двѣ темныя комнаты.

— А все оттого, что у него нѣтъ ни матушекъ, ни нянюшекъ, которыя бы пугали его нелѣпыми разсказами о домовыхъ и нечистой силѣ.

Въ то время мальчикъ воротился. Онъ такъ бѣжалъ, что запыхался и раскраснѣлся; лицо его сіяло торжествомъ. Въ рукахъ его былъ листъ папоротника, на которомъ ползали и крутились червяки. Онъ на минуту пріостановился, поглядѣлъ на всѣхъ, какъ будто выбирая, кому принесть свою жертву, и жребій палъ на доброе лицо Тульчинова. Тронутый такой любезностью дикаря, Тульчиновъ погладилъ его по головѣ. Признаки полнѣйшаго счастья появились въ лицѣ и движеніяхъ чухонца: онъ смѣялся, подпрыгивалъ, и естественная любовь человѣка къ человѣку живо выразилась въ дикомъ ребенкѣ. Пастухъ занялъ всѣхъ и много смѣшилъ. Вдругъ вдали послышался лай собаки. То былъ видно условный знакъ между дикаремъ и собакой, извѣщавшій объ опасности. Чухонецъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и кинулся бѣжать. Скоро дикіе звуки его рожка раздались въ лѣсу.

Потолковавъ о немъ, компанія снова погрузилась въ глубокое молчаніе...

Къ вечеру вся компанія сидѣла на лужайкѣ, невдалекѣ отъ трактира. Разговоръ вертѣлся около десятифунтовой щуки, вытащенной Тульчиновымъ. Пили чай по-англійски, то есть съ мясомъ и сыромъ. Половой, въ розовой рубашкѣ, въ чистомъ передникѣ, съ жирно-намазанными волосами, кокетливо прислу-

живалъ, умильно улыбаясь и господамъ и тарелкамъ. Вдали показалось стадо, мычавшее на разные голоса; послышались слабые рожокъ.

— Вотъ и нашъ дикарь отправляется домой, замѣтилъ Тульчиновъ, услышавъ рожокъ.

— Послушай, любезный, продолжалъ онъ, обращаясь къ половому:—чей мальчикъ у васъ въ пастухахъ? здѣшній, что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Есть родные у него?

— Никакъ нѣтъ-съ: сирота, нашинскіе мужики его на лѣто нанимаютъ.

— А какая плата? спросилъ блѣдный молодой человѣкъ.

— Извѣстно-съ какая-съ, отвѣчалъ лаконически половой, пріятно улыбаясь.

— То есть кусокъ черстваго хлѣба? а? язвительно замѣтилъ раздражительный молодой человѣкъ.

— Извѣстно-съ, что слѣдуетъ ему ѣсть: вѣдь онъ-съ чухна, ихъ тутъ много таскается, ихняя деревня недалеко отъ нашенской.

— Какъ же попалъ къ вамъ мальчикъ? спросилъ Тульчиновъ.

— Года-съ три тому назадъ-съ, пришла нищая чухна, съ ребенкомъ на рукахъ, наниматься въ работницы. Лѣто пожила изъ хлѣба, и на зиму просится — знать ѣсть было нечего въ своей сторонѣ, да никто не взялъ.... Ну, сами посудите, слѣдъ ли мужику держать всѣхъ нищихъ, да еще чухну, — хотя нашенскіе мужики нельзя сказать, чтобъ бѣдны были: у иного тысячъ до тридцати есть капиталу, съ гордостью заключилъ половой.

— Отчего же такія развалившіяся избушки у нихъ у всѣхъ! замѣтилъ Тульчиновъ.

Половой съ сожалѣніемъ улыбнулся.

— Да начто-съ мужику-съ избу чинить? не въ избѣ-съ дѣло, лишь бы деньги были.

— Ну, а что же сдѣлалось съ нищей? прервалъ молодой человѣкъ.

— Вотъ она-съ все и пробавлялась милостинкой около нашихъ мѣстъ, да вдругъ, Богъ ее знаетъ, отчего, стала чахнуть-чахнуть и умерла, отвѣчалъ половой съ тою улыбкой, кото-

рую многіе лакеи разнаго рода въ разговорѣ съ господами считаютъ долгомъ сохранять на своемъ лицѣ, даже разсказывая о смерти своихъ родителей, жонъ и дѣтей. — Ребенка оставила, продолжалъ половой: — тоже такого хилаго. Мы, признаться, думали, что и онъ не переживетъ, да чухнѣ чтò дѣлается!

Половой улыбнулся.

— Кто же его взялъ къ себѣ?

— Да никто-съ: кому онъ былъ нуженъ-съ?

— Кто же его кормилъ?

— Никто-съ. Кто же станетъ его кормить-съ, отвѣчалъ половой, улыбаясь добродушію барина.

— Какъ же онъ остался живъ?

— А ужь такъ-съ; чухна, извѣстно, живуча-съ; мать свою звалъ все; потомъ его научили пашенскія бабы просить на дорогѣ милостыню: онъ только всего и знаетъ по-русски, а ужь который годъ живетъ у насъ. Лѣтомъ иной разъ дня три пропадаетъ; думаютъ, вѣрно съ голоду умеръ — нѣтъ-съ, смотришь, вернется, да еще и грибовъ принесетъ или ягодъ!

Половой засмѣялся и показалъ рядъ гнилыхъ зубовъ.

— Ну, лѣтомъ онъ пастухомъ, а зимой? спросилъ Тульчиновъ.

— Милостыню проситъ, да, признаться сказать, мало проѣзжающихъ зимой-то, торговля очень дурна-съ, только свои мужики придутъ чайку выпить.

— Ну, такъ какъ же онъ?

— Да такъ-съ, гдѣ-съ дровъ натаскаетъ, гдѣ въ лѣсъ за прутьями поѣдетъ, — вотъ его и кормятъ за это; ну, извѣстно случается, что и не поѣстъ иной день, весело прибавилъ половой.

Тульчиновъ переглянулся съ блѣднымъ молодымъ человѣкомъ, который нетерпѣливо вертѣлся и кусалъ губы.

— Позови его сюда, сказалъ Тульчиновъ, увидавъ пастуха, который, провожая стадо, издали любовался своими знакомыми.

— Вотъ охота съ пастухомъ толковать! сердито замѣтилъ юноша въ лакированныхъ башмакахъ; но было уже поздно: половой нагналъ пастуха. Мальчикъ въ одну секунду очутился у стола и радостно смотрѣлъ всѣмъ въ лицо.

— Ты усталъ? спросилъ Тульчиновъ.

Чухонецъ закачалъ головой.

— Онъ только понимаетъ, а не умѣетъ по-нашенски, а вотъ я-съ такъ знаю по ихнему, съ гордостью замѣтилъ половой.

Мальчика спросили, что̀ онъ дѣлалъ въ лѣсу, — онъ весело запѣлъ какую-то чухонскую пѣсню. Юноша въ лакированныхъ башмакахъ зажалъ уши, потомъ замахалъ руками и закричалъ:

— Довольно, довольно!

Мальчикъ замолчалъ, робко улыбнулся, и, нагнувшись, вытащилъ изъ кармана своего огромнаго жилета засаленную колоду картъ. Онъ подошелъ къ Тульчинову и началъ ее показывать ему.

Половой разсказалъ, что жилетъ и карты подарили мальчику въ прошломъ году какіе-то господа, англичане, встрѣтившись съ нимъ въ лѣсу.

Мальчика спросили, что̀ онъ дѣлаетъ съ картами.—онъ сдалъ по нѣскольку картъ и бойко заболталъ по-чухонски.

Никто ничего не понялъ. Половой грозно прикрикнулъ по-чухонски, прибавивъ по-руски: «Глупый народъ-съ, чухна-съ» и мальчикъ поспѣшно собралъ свои карты и спряталъ въ карманъ жилета. Ему дали кусокъ ветчины, хлѣба и сахару. Долго онъ вертѣлъ все это въ рукахъ, то нюхалъ ветчину, то полизывалъ сахаръ. Вдругъ онъ положилъ сахаръ на ветчину и попробовалъ раздавить, и потомъ съ наслажденіемъ сталъ ѣсть ветчину съ сахаромъ. Хохотъ послѣдовалъ за выходкой мальчика, одинъ Тульчиновъ съ сожалѣніемъ качалъ головой.

— Жаль бѣднаго! замѣтилъ онъ. Гадкій [illegible]

— Да и къ чему имѣть вкусъ, когда нужно глотать черствой хлѣбъ? сказалъ раздражительный молодой человѣкъ.

Мальчикъ между тѣмъ [illegible] что даже забылъ [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— Возьми себѣ и купи лапти.

Нога у мальчика была въ крови: видно онъ ушибъ ее, какъ бѣгалъ за цвѣтами. Но онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на свою рану и закивалъ головой, улыбаясь сквозь слезы.

Половой съ жадностью глядѣлъ на деньги, данныя Тульчиновымъ пастуху, и, сердито толкнувъ мальчика въ спину, пробормоталъ что-то по-чухонски. Мальчикъ покраснѣлъ и кинулся-было обнять Тульчинова, но сконфузился, потупилъ голову и тяжело дышалъ. Половой съ презрѣніемъ замѣтилъ, что чухна глупый народъ, даже и поблагодарить не умѣетъ!

Долго провожалъ глазами мальчикъ удалявшуюся коляску и все кивалъ головой, хотя никто на него не оглядывался. Потомъ онъ радостно взвѣсилъ на ладони два четвертака. Въ его сѣрыхъ глазахъ столько было счастья, что онъ задыхался отъ него. Собака вертѣлась около и все старалась заглянуть ему въ глаза. Наконецъ онъ показалъ ей деньги и что-то сказалъ ей. Будто раздѣляя радость своего хозяина, она завиляла хвостомъ и стала ласкаться къ нему. Мальчикъ спряталъ деньги, въ избыткѣ счастья обнялъ свою собаку, и тихо посмѣиваясь и лепеча что-то началъ валяться съ ней по травѣ.

ГЛАВА II.

ХАЛАТНИКЪ.

Была глубокая осень. Тульчинову случилось охотиться въ тѣхъ же мѣстахъ. День былъ мрачный; рѣзкій, холодный вѣтеръ съ меленькимъ дождемъ пробиралъ до костей; подъ ногами хрустѣли сухіе сучья. Полуобнаженныя деревья тоскливо качались, издавая жалобные стоны. Въ воздухѣ, вмѣсто рѣзвыхъ птицъ, кружились сорванныя вѣтромъ жолтыя листья и дрожа падали на сырую землю. Въ лѣсу въ такую пору бываетъ необыкновенно грустно. Все кругомъ мертво, только вѣтеръ стонетъ, будто самъ тоскуя о своемъ раздольѣ. Охота шла неудачно, да и увядающая природа непріятно дѣйствовала на Тульчинова. Въ самомъ уныломъ расположеніи духа вышелъ онъ изъ лѣсу и увидѣлъ стадо, собравшееся въ кучу: тощія животныя жались другъ къ другу и жалобно мычали. Тульчиновъ

Чухонецъ закачалъ головой.

— Онъ только понимаетъ, а не умѣетъ по-нашенски, а вотъ я-съ такъ знаю по ихнему, съ гордостью замѣтилъ половой.

Мальчика спросили, чтó онъ дѣлалъ въ лѣсу, — онъ весело запѣлъ какую-то чухонскую пѣсню. Юноша въ лакированныхъ башмакахъ зажалъ уши, потомъ замахалъ руками и закричалъ:

— Довольно, довольно!

Мальчикъ замолчалъ, робко улыбнулся, и, нагнувшись, вытащилъ изъ кармана своего огромнаго жилета засаленную колоду картъ. Онъ подошелъ къ Тульчинову и началъ ее показывать ему.

Половой разсказалъ, что жилетъ и карты подарили мальчику въ прошломъ году какіе-то господа, англичане, встрѣтившись съ нимъ въ лѣсу.

Мальчика спросили, чтó онъ дѣлаетъ съ картами,—онъ сдалъ по нѣскольку картъ и бойко заболталъ по-чухонски.

Никто ничего не понялъ. Половой грозно прикрикнулъ по-чухонски, прибавивъ по-руски: «Глупый народъ-съ, чухна-съ!» и мальчикъ поспѣшно собралъ свои карты и спряталъ въ карманъ жилета. Ему дали кусокъ ветчины, хлѣба и сахару. Долго онъ вертѣлъ все это въ рукахъ, то нюхалъ ветчину, то робко лизалъ сахаръ. Вдругъ онъ положилъ сахаръ на ветчину, попробовалъ раздавить, и потомъ съ наслажденіемъ сталъ ѣсть ветчину съ сахаромъ. Хохотъ послѣдовалъ за выдумкой мальчика, одинъ Тульчиновъ съ сожалѣніемъ качалъ головой.

— Жаль бѣднаго! замѣтилъ онъ. Голодъ лишилъ его вкуса!

— Да и къ чему имѣть вкусъ, когда нужно глодать черствый хлѣбъ? сказалъ раздражительный молодой человѣкъ.

Мальчикъ между тѣмъ лакомился съ такимъ наслажденіемъ, что даже забылъ подѣлиться съ своей собакой. Потомъ онъ поблагодарилъ каждаго особо своими выразительными глазами, сіявшими радостью, и убѣжалъ.

Подали экипажи; пріятели усѣлись и хотѣли ѣхать, какъ вдругъ, весь запыхавшись, явился мальчикъ, съ огромнымъ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ. Онъ одѣлилъ всѣхъ и даже поднесъ-было букетъ половому, но тотъ грубо оттолкнулъ его.

Тульчиновъ далъ мальчику два четвертака. Чухонецъ весь задрожалъ, оторопѣлъ и вопросительно глядѣлъ на всѣхъ.

— Возьми себѣ и купи лапти.

Нога у мальчика была въ крови: видно онъ ушибъ ее, какъ ѣгалъ за цвѣтами. Но онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на свою ану и закивалъ головой, улыбаясь сквозь слезы.

Половой съ жадностью глядѣлъ на деньги, данныя Тульчиноымъ пастуху, и, сердито толкнувъ мальчика въ спину, проборmoалъ что-то по-чухонски. Мальчикъ покраснѣлъ и кинулся-было бнять Тульчинова, но сконфузился, потупилъ голову и тяжело ышалъ. Половой съ презрѣніемъ замѣтилъ, что чухна глупый аролъ, даже и поблагодарить не умѣетъ!

Долго провожалъ глазами мальчикъ удалявшуюся коляску и се кивалъ головой, хотя никто на него не оглядывался. Потомъ нъ радостно взвѣсилъ на ладони два четвертака. Въ его сѣыхъ глазахъ столько было счастья, что онъ задыхался отъ его. Собака вертѣлась около и все старалась заглянуть ему въ лаза. Наконецъ онъ показалъ ей деньги и что-то сказалъ ей. ;удто раздѣляя радость своего хозяина, она завиляла хвостомъ стала ласкаться къ нему. Мальчикъ спряталъ деньги, въ изыткѣ счастья обнялъ свою собаку, и тихо посмѣиваясь и леча что-то началъ валяться съ ней по травѣ.

ГЛАВА II.

ХАЛАТНИКЪ.

Была глубокая осень. Тульчинову случилось охотиться въ ѣхъ же мѣстахъ. День былъ мрачный; рѣзкій, холодный вѣеръ съ меленькимъ дождемъ пробиралъ до костей; подъ ногами рустѣли сухіе сучья. Полуобнаженныя деревья тоскливо качаись, издавая жалобные стоны. Въ воздухѣ, вмѣсто рѣзвыхъ тицъ, кружились сорванныя вѣтромъ жолтыя листья и дрожа адали на сырую землю. Въ лѣсу въ такую пору бываетъ небыкновенно грустно. Все кругомъ мертво, только вѣтеръ стоетъ, будто самъ тоскуя о своемъ раздольѣ. Охота шла неудано, да и увядающая природа непріятно дѣйствовала на Тульинова. Въ самомъ унылой расположеніи духа вышелъ онъ зъ лѣсу и увидѣлъ стадо, собравшееся въ кучу: тощія животыя жались другъ къ другу и жалобно мычали. Тульчиновъ

вспомнилъ своего лѣтняго знакомца — пастуха. Съ воемъ
долетѣло до его слуха что-то въ родѣ дѣтскаго плача. (
рѣвшись, онъ замѣтилъ вдали шалашъ изъ прутьевъ и п
къ нему. Шалашъ походилъ на клѣтку: листья отвал
сучья посохли, вѣтеръ свободно дулъ въ широкія скважин
глянувъ въ одну изъ нихъ, Тульчиновъ ужаснулся: на мок
полу-сгнившихъ листьяхъ лежалъ скорчившись пастухъ,
ясь отогрѣть свои босыя ноги и руки. Онъ дрожалъ по
крой и дырявой рогожей, тихо и уныло напѣвая чухонск
сню, и пѣнье его скорѣе походило на страдальческіе стон
пастуху жалась вымокшая собака, тоже вся дрожа отъ х
закинувъ голову кверху, она тихонько выла, подтягива
ему хозяину. Шорохъ за шалашомъ заставилъ ее вздро
она чутко осмотрѣлась и съ лаемъ кинулась вонъ. В
двухъ собакъ посреди лѣсовъ и болотъ не очень была у
тельна: они оскалили зубы и, враждебно глядя другъ на
ворчали. Тульчиновъ окликнулъ свою собаку, и на голо
пастухъ робко выглянулъ изъ шалаша.

Рубашка и шотландскій жилетъ его превратились по
лохмотья; губы его были сини, въ глазахъ его блистали с
онъ хотѣлъ улыбнуться, но не могъ, и началъ прыгать
грѣвъ свои члены, онъ весело раскланялся, и радость ег
неописанная, когда онъ узналъ Тульчинова.

— Иди за мной! сказалъ ему охотникъ, тронутый бѣд
нымъ положеніемъ ребенка.

Пастухъ внимательно поглядѣлъ на небо, тяжело взд
и покачалъ головой.

Тульчиновъ, какъ могъ, растолковалъ ему, что хочетъ
его съ собою. Пастухъ долго думалъ, наконецъ вдругъ ки
въ шалашъ и черезъ минуту вернулся въ странномъ наряд
ленькая голова его, съ бѣлыми намокшими волосами, пр
была въ отверстіе длинной рогожи, которая волочилась п
лѣ. Онъ заигралъ въ рожокъ; печальное эхо пронеслось по
собака кинулась къ лежавшему стаду и, поднявъ его своим
емъ, погнала впередъ. Пастухъ хлопалъ бичемъ и весело
прыгивалъ.

Черезъ часъ изъ деревни выѣхала коляска: на запя
сидѣлъ пастухъ въ рогожѣ, и чухонскими криками обо
свою собаку, бѣжавшую за экипажемъ.

Мальчика вымылы, пріодѣли, назвали Карлушей, и черезъ нѣсколько дней управляющій Тульчинова отвелъ его въ ученье къ басонщику. Карлуша всему удивлялся, всего дичился; въ лѣсу онъ любилъ людей, а въ городѣ онъ сталъ ихъ бояться. Въ первый день пребыванія у басонщика, товарищи больно побили его, разумѣется безъ всякой причины: такъ, познакомиться съ новичкомъ и измѣрять его силы... Какъ на новичка, на Карлушу возложили должность дворника, судомойки, кухарки, прачки, однимъ словомъ, взвалили на него всю работу, какая была въ домѣ. Злая и тощая чухонка кухарка бранила Карлушу съ утра до ночи, несмотря на то, что онъ былъ ея землякъ. Карлушу остригли подъ гребенку, отчего лицо его стало казаться еще меньше, надѣли на него съ большого мальчика старый разорванный нанковый халатъ и толстые панталоны, которые внизу были обтрепаны такъ, что нитки грубаго зеленаго сукна висѣли какъ бахрама около босыхъ ногъ мальчика. Веревка, вмѣсто пояса, довершала его нарядъ. Платье же, подаренное ему Тульчиновымъ, поступило въ распоряженіе кухарки и хозяина, которые сочли выгоднѣйшимъ продать его.

Хозяинъ Карлуши былъ мрачный нѣмецъ; проживъ двадцать лѣтъ въ Россіи, онъ зналъ по-русски только нѣсколько энергическихъ, сильныхъ словъ, которыми щедро награждалъ лѣнивыхъ учениковъ. Его мрачный видъ и зловредный дымъ сигары, которую онъ не выпускалъ изо рта, наводили ужасъ на Карлушу. Сначала мальчика не допускали въ мастерскую, но онъ работалъ съ утра до ночи, вставалъ ранѣе всѣхъ и ложился позже всѣхъ. Онъ и его товарищи спали въ темной маленькой комнатѣ въ родѣ чулана, возлѣ кухни, кто на сундукѣ, кто на полу, не раздѣваясь. Удушливый кашель кухарки, ея ворчанье и шопотъ рано будили Карлушу. Проворочавшись ночь въ душной каморкѣ, онъ съ разсвѣтомъ шатаясь выходилъ изъ нея и опрометью сбѣгалъ по темной, грязной и узкой лѣстницѣ, чтобъ *натаскать* дровъ, пока всѣ спятъ. Захвативъ охапку, онъ задыхаясь взбирался въ четвертый этажъ; отъ страху быть пойманнымъ, спотыкался, полѣно за полѣномъ быстро катилось внизъ; Карлуша, выбившись изъ силъ, садился на грязныя и сырыя ступени мрачной лѣстницы и, закрывъ лицо исцарапанными руками, горько плакалъ. Поплакавъ до-сыта, онъ собиралъ силы и карабкался выше съ своей ношей. Въ кухнѣ его встрѣчала кухарка бранью,

что мало принесъ дровъ, и посылала принесть еще. Онъ такъ же таскалъ чистую и грязную воду; иногда руки его такъ ослабѣвали, что все валилось изъ нихъ, и тогда....

Въ семь часовъ утра Петербургъ спитъ, вездѣ пусто, только рынки, и особенно Сѣнная, кипятъ жизнью.... Сонныя кухарки съ бранью перебѣгаютъ отъ прилавка къ прилавку. Старыя женщины отважно взлѣзаютъ на высокія телѣги и, дрожа отъ волненія, снимаютъ часа по два съ необыкновеннымъ наслажденіемъ настой молока съ небольшихъ кувшинчиковъ, заткнутыхъ вѣтошкой, которую онѣ каждый разъ усердно облизываютъ, пробуя, не горьки ли сливки.

Когда Карлушу въ первый разъ взяли на Сѣнную, утро было холодное и туманное; мелкій снѣгъ порошилъ съ неба и полосами ложился по грязнымъ улицамъ. Закутавшись въ длинную кацавейку, кухарка исполинскими шагами стремилась по пустымъ улицамъ къ рынку. Карлуша, въ одномъ халатѣ, босикомъ, безъ фуражки, съ огромнымъ парусиннымъ мѣшкомъ и нѣсколькими горшками, бѣжалъ за нею. Вѣтеръ съ наглостію рвалъ съ него послѣднее одѣяніе и усыпалъ его бѣдную плотно обстриженную голову серебристымъ снѣгомъ.

Подходя къ Сѣнной и заслышавъ смѣшанный гулъ, кухарка удвоила шаги. Крикъ, говоръ, скрыпѣніе телѣгъ, толпа народу, — все вмѣстѣ такъ поразило Карлушу, что онъ ухватился за кацавейку кухарки, которая уже бойко кричала, торгуя молоко. Карлуша дрожалъ отъ страху и холоду; ему казалось, что всѣ кричатъ на него, бранятъ его.

Съ часъ водила его кухарка по площади среди грязи, разъѣдавшей его босыя ноги, не привыкшія къ каменной мостовой. Парусинный мѣшокъ все туже и туже набивался капустными листами, валявшимися около прилавковъ. Уже онъ такъ страшно раздулся, что нѣкуда было положить горошины, уже Карлуша изнемогалъ подъ бременемъ его, а кухарка все продолжала съ жадностью хватать листья.

— Чтò, тетка? корова, чтó ли, у тебя? крикнулъ ей одинъ мужикъ, который, стоя у своего прилавка, похлопывалъ руками и припрыгивалъ.

— А вонъ гляди и корова! со смѣхомъ сказалъ ему сосѣдъ, указывая на Карлушу, который страшно испугался мужиковъ: ихъ бороды, брови и рѣсницы были опушены снѣгомъ, отчего

рѣзко обрисовывались широкія, плоскія черты мужиковъ. Кухарка отвѣчала имъ бранью. Закупивъ достаточное количество провизіи, она взвалила Карлушѣ на спину мѣшокъ, вдвое больше его, а сама бережно понесла горшки. Карлуша кряхтѣлъ, и хоть было холодно, но на лбу его выступили крупныя капли пота.

Возвратясь домой, онъ долженъ былъ чистить посуду, стирать и полоскать бѣлье.

Но вотъ явился еще новичокъ, и Карлушу посадили въ мастерскую. Комната широкая, но мрачная, съ низенькимъ потолкомъ, закопчеными стѣнами, полъ грязный. Станки, упиравшіеся въ потолокъ, загромождали мастерскую; только узенькіе проходы оставлены между ними; сѣти изъ шолку, проволоки и веревокъ протянуты въ разныхъ направленіяхъ; все дрожитъ и шипитъ; съ грохотомъ вертятся колеса, стучатъ педали, гамъ и стукъ непрерывный! Карлуша страшно испугался, очутившись въ такомъ хаосѣ. Все здѣсь было ему и страшно и дико; онъ не подозрѣвалъ, что изъ всего этого стуку и треску выйдетъ какой-нибудь тоненькій снурокъ или бахрама для дамскаго платья.

Товарищи его сидѣли за станками, проворно и мѣрно ударяя босыми ногами по педалямъ и быстро мѣняя мотки шолку, которые были у нихъ въ рукахъ. Мальчики хранили глубокое молчаніе, потому-что хозяинъ, покуривая свою страшную сигару, прохаживался по закоулкамъ комнаты.

Карлушѣ дали распутывать шолкъ, посадивъ его у пустого станка. Копотливая работа, непрерывное шипѣнье безчисленныхъ нитей, медленно шевелившихся надъ головой, непрерывный гулъ, трескъ и стукъ,—все такъ сильно подѣйствовало на мальчика, что голова его стала кружиться, мысли путались. Все съ бо́льшею силою завертѣлось въ его глазахъ, завертѣлась наконецъ и самая комната, стукъ сдѣлался нестерпимымъ громомъ: голова бѣднаго ребенка скатилась на станокъ, — дальше онъ ничего не помнилъ. Очнувшись, онъ долго сидѣлъ неподвижно въ отупѣніи и безсиліи, позабывъ свою работу, какъ вдругъ почувствовалъ надъ своей отяжелѣвшей головой зловредный запахъ сигары. Карлуша весь содрогнулся. Хозяинъ молча взялъ его за руку и, выводя изъ мастерской, грозно кликнулъ кухарку, которая схватила своими костлявыми руками ошеломленнаго мальчика. . . . .

Слабый крикъ вырвался изъ груди мальчика, и онъ лишился чувствъ.

Суровая кухарка привыкла бороться съ новичками, но увидавъ блѣднаго, покорнаго Карлушу у своихъ ногъ, она тронулась. Притащивъ воды и спрыснувъ ему лицо, она осторожно свела его въ кухню и дала ему чашку теплаго синяго молока. Съ того дня Карлуша поступилъ подъ ея защиту, она свалила всю работу на вновь поступившаго въ ученье мальчика, и испытаніе Карлуши кончилось.

Но ежеминутный страхъ, брань кухарки, которая рѣшительно не могла иначе говорить, душный воздухъ, тоска по полямъ и лѣсамъ сушили Карлушу. Впрочемъ онъ еще какъ-нибудь выносилъ бы свою участь, еслибъ не страданіе о собакѣ, которая подвергалась побоямъ, голоду и холоду, какъ и онъ. Первые дни рвалась въ кухню, гдѣ былъ Карлуша, выла на всю лѣстницу, будто жалуясь Карлушѣ на жестокость людей, не отходила отъ дверей, какъ ее ни били. Наконецъ животное покорилось своей участи и поселилось въ темномъ углу подъ лѣстницей, которая вела на чердакъ, и тамъ лежало дни и ночи, въ ожиданіи своего хозяина. Карлуша такъ любилъ свою собаку, что половину своего скуднаго обѣда оставлялъ ей. Въ праздничные дни онъ просиживалъ съ ней по цѣлымъ часамъ подъ лѣстницей, а въ тяжелыя минуты, обнявъ костлявую шею собаки своими худыми руками, онъ жалъ ее къ сердцу, затягивалъ тихо свою чухонскую пѣсню, и слезы ручьями текли по его впалымъ щекамъ. Собака чуть слышно стонала, будто страшась, чтобъ не открыли ихъ убѣжища, ласково махала хвостомъ и лизала лицо и руки своего хозяина.

Насталъ мартъ мѣсяцъ. На грязный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ стѣнами, какъ ящикъ, начали иногда залетать воробьи, которые весело щебетали, радуясь близкой веснѣ.

На лѣстницѣ стало еще сырѣе. Карлуша днемъ и ночью бредилъ травой, лѣсомъ, своимъ стадомъ, и послѣ отрадныхъ сновъ еще печальнѣе представлялась ему дѣйствительность. Разъ снится ему, что бѣгаетъ онъ по полямъ, играетъ въ рожокъ; стадо мычитъ; солнце ярко свѣтитъ.... вездѣ цвѣты, небо ясно... онъ перебѣгаетъ съ горы на гору... но вотъ онъ усталъ: жарко и душно! Карлуша проснулся, и страхъ сжалъ его сердце: кругомъ темно, товарищи храпятъ на разные голоса, — ему такъ стало вдругъ

тяжело, что онъ бросился на дворъ. Весь домъ спалъ, было тихо, не то, чтó днемъ, когда мѣдники, мебельщики, сапожники и прочіе жильцы возятся и стучатъ во всю мочь. Карлуша сѣлъ на полуразрушенную поленницу и, жадно глотая воздухъ, думалъ о своемъ снѣ. Вдругъ страшный визгъ раздался у воротъ, Карлуша вздрогнулъ: онъ узналъ голосъ своей собаки. Съ отчаяннымъ усиліемъ проскочивъ въ подворотную щель, она подошла, шатаясь, на трехъ ногахъ къ своему хозяину. На шеѣ ея была веревка, тянувшаяся по землѣ; собака была вся въ крови; четвертая лапа ея волочилась по землѣ. Карлуша съ воплемъ кинулся къ ней: собака легла на бокъ, жалобно завизжала и глазами, полными слезъ, смотрѣла на Карлушу. Съ рыданьемъ потащилъ онъ ее въ темный и сырой уголъ подъ лѣстницу, обмылъ ея раны и гладилъ ее, заливаясь горькими слезами. Собака, будто въ благодарность, лизала ему руку своимъ сухимъ и горячимъ языкомъ.

Начали вставать. Карлуша кинулся въ мастерскую. Сидя за работой, онъ вздрагивалъ, слезы мѣшали ему видѣть. Однообразное шипѣнье нитокъ и проволокъ, смѣшанное съ стукомъ колесъ, нестерпимо томило его, и когда басовщикъ закурилъ свою зловредную сигару, Карлуша тихонько вынырнулъ изъ мастерской и кинулся къ больной собакѣ. Она изнемогала отъ раны, кровь текла сильно, и бѣдная собака такъ ослабѣла, что, привставъ при появленіи Карлуши, тотчасъ опять упала. Тихимъ стономъ и медленнымъ виляньемъ хвоста привѣтствовала она Карлушу, а Карлуша обнялъ ея израненную голову, целовалъ ее и приговаривалъ, что онъ съ ней убѣжитъ въ лѣсъ, что они снова будутъ пасти стадо. Собака мутно поглядѣла ему въ глаза и, будто не вѣря въ возможность такого счастья, печально склонила голову.

Карлуша долго болталъ ей про лѣса, про стадо и горы, гладилъ ее, называлъ нѣжными именами. Собака лежала безчувственно, приткнувъ къ его колѣну голову. Наконецъ Карлуша заглянулъ ей въ глаза, и ужасъ оледенилъ его. Самъ не зная, чтó дѣлаетъ, онъ схватилъ уже недышавшую собаку на руки, сбѣжалъ внизъ и спрятался съ ней за дрова. Тамъ онъ въ какомъ-то отупѣніи глядѣлъ на свою собаку и ласками и слезами думалъ оживить ее. Такъ провелъ онъ цѣлый день за дровами. Насталъ вечеръ. Карлуша, незамѣченный никѣмъ, пробрался въ мастер-

скую и спрятался за станокъ. Работать уже кончили, въ комнатѣ было тихо и темно. Карлуша долго лежалъ; онъ вспомнилъ много лицъ, которыхъ видѣлъ давно-давно. То казалось ему, что онъ лежитъ на горячихъ угольяхъ; то вдругъ становилось холодно; онъ впадалъ въ безчувственность или грезилъ, что заблудился въ дремучемъ лѣсу. Карлуша развелъ руками и ощупалъ педаль станка; хотѣлъ привстать и подавилъ ее: колесо завертѣлось, нѣсколько проволокъ вздрогнуло. Въ ушахъ мальчика раздался страшный стукъ; колесо давно смолкло, но ему казалось, что всѣ станки пришли въ движеніе и грохочутъ, что всѣ проволоки шипятъ и свистятъ; множество народу набѣжало въ мастерскую, кричатъ, суетятся! Карлуша замѣтилъ, что лица у людей не человѣчьи, — какъ они кривляются, какъ прыгаютъ! а по проволокамъ скачутъ маленькія чудовища... Вдругъ комната наполнилась дымомъ и мрачный хозяинъ съ ужасной сигарой явился передъ Карлушей, таща на веревкѣ худую, окровавленную собаку. Онъ все росъ; наконецъ голова его уперлась въ потолокъ, а руки были такъ длинны, что онъ, не нагибаясь, схватилъ собаку и, грохнувъ ее объ полъ, убилъ сразу; потомъ, такъ же не нагибаясь, схватилъ Карлушу за горло и началъ душить.

Къ утру бѣднаго мальчика въ страшной горячкѣ отвезли въ больницу.

Когда наконецъ Карлуша выздоровѣлъ, его хотѣли-было опять отправить къ басонщику, но онъ такъ жалобно умолялъ не везти его къ прежнему хозяину, и такъ горько плакалъ, что управляющій счелъ нужнымъ доложить объ этомъ Тульчинову. Тульчиновъ, къ удивленію всѣхъ въ домѣ, очень занялся маленькимъ дикаремъ, самъ долго распрашивалъ его, и потомъ помѣстилъ къ одному очень честному и доброму башмачнику, тоже нѣмцу, который выучилъ Карлушу не только шить башмаки, но даже читать и писать.

Карлуша вообще не походилъ на петербургскихъ мастеровыхъ; у него не доставало духу, съ опасностью жизни, бѣжать полверсты за каретой, чтобъ прокатиться на запяткахъ; драки между мальчиками-портными и мальчиками-башмачниками, вѣчно враждующими, не внушали ему ничего, кромѣ ужаса; онъ не умѣлъ прикидываться пьянымъ, чтобъ заслужить уваженье товарищей... словомъ, на Карлушу товарищи смотрѣли, какъ на недостойнаго носить тиковый халатъ. Единственнымъ развле-

ченіемъ его было выбѣгать иногда подъ ворота. А въ воскресенье, одѣвшись во все чистое, пригладивъ волосы, онъ по цѣлымъ днямъ стоялъ у крыльца. Изъ противоположнаго дома, гдѣ помѣщался магазинъ дамскихъ модъ, часто выбѣгала къ нему хорошенькая дѣвочка-ученица и болтала съ нимъ и смѣялась. У Карлуши появились на тиковомъ халатѣ шелковые обшлага, шолковый воротникъ, и онъ уже лентой подпоясывалъ талію. Въ свою очередь и у дѣвочки явились ботинки, сшитыя въ свободное время Карлушей. Такъ шло время. Горе и радость Карлуша дѣлилъ съ Полинькой, и когда подруга его выѣхала изъ магазина, онъ плакалъ какъ сумасшедшій. Но къ счастію ученье его скоро кончилось. Тульчиновъ далъ ему небольшую сумму на заведеніе собственной мастерской; Карлушу переименовали въ Карла Иваныча, и онъ поселился на Петербургской, въ одномъ домѣ съ Полинькой.

Новый мастеровой былъ совершенно счастливъ, пока не сталъ жить въ Струнниковомъ переулкѣ Каютинъ. Остальное читателю извѣстно.

Чтó касается до Тульчинова, то исторія его коротка: въ молодости онъ любилъ, былъ разочарованъ, обманутъ въ дружбѣ, обыгранъ, — словомъ, все испыталъ, чтó только посылается людямъ съ обезпеченнымъ состояніемъ. Состояніе его можно было даже назвать огромнымъ: какъ ни были утонченны его гастрономическія потребности, какъ ни много проѣдалъ онъ, денегъ однакожь оставалось. И такъ-какъ онъ по натурѣ былъ добрѣйшимъ существомъ, то и употреблялъ свои избытки не ко вреду, а въ пользу другихъ, — извѣстно, что и аппетитъ лучше послѣ добраго дѣла!

Чѣмъ старѣе становился Тульчиновъ, тѣмъ больше принималъ участья въ башмачникѣ. Онъ видѣлъ, что Карлуша слишкомъ добродушенъ, что онъ вовсе человѣкъ непрактическій, и боялся упустить его изъ виду. Притомъ ему нравилась, какъ нравится всякая рѣдкость, дѣтская простота Карла Иваныча, перешедшая въ зрѣлыя лѣта и обѣщавшая проводить башмачника въ могилу, и одинокій старикъ, съ чувствомъ, похожимъ на любовь, усаживалъ и кормилъ башмачника каждый разъ, какъ благодарный нѣмецъ приходилъ поздравить съ праздникомъ своего благодѣтеля.

Теперь понятно, почему Тульчиновъ принялъ такое участіе въ башмачникѣ, прибѣжавшемъ къ нему искать помощи, какъ къ единственному своему покровителю. Понятно такъ же, почему Тульчиновъ, не узнавъ ничего утѣшительнаго насчетъ Полиньки, чуть не со слезами воротился въ кабинетъ горбуна, гдѣ оставилъ безчувственнаго башмачника.

Первыя слова очнувшагося Карла Иваныча были о Полинькѣ. Голова его была страшно горяча, мысли путались. Тульчиновъ въ каретѣ перевезъ его къ себѣ и послалъ за докторомъ. Но башмачникъ не хотѣлъ лечь въ постель, не хотѣлъ ждать доктора, онъ рыдалъ и рвался искать Полиньку. Наконецъ у старика не достало силъ уговаривать его, — Карлъ Иванычъ убѣжалъ....

Безотчетно очутился онъ въ Струнниковомъ переулкѣ, измученный и печальный. Стыдно было проходить ему мимо знакомыхъ домовъ, встрѣчать лица сосѣдей: ему казалось, что всѣ смотрятъ на него насмѣшливо, какъ будто спрашивая: «А гдѣ Полинька ночевала? гдѣ она до сей поры пропадаетъ?»

Подходя къ своему дому, онъ увидѣлъ Доможирова, въ халатѣ, въ картузѣ съ длиннымъ козырькомъ, и съ метлой: почтенный домохозяинъ, по примѣру многихъ жителей своего околотка, — вѣроятно для моціона, — усердно мелъ улицу передъ своими окнами.

— А, здорово, здорово! забормоталъ онъ, увидавъ блѣднаго башмачника. — Да скажи же ты мнѣ, что у васъ, праздникъ, что ли, какой? Чуть свѣтъ — ты ужь и со двора. У ней тоже ужь гости.

— Гости! Да развѣ она дома!? воскликнулъ башмачникъ.

— Батюшка! какъ глаза вытаращилъ! отвѣчалъ Доможировъ съ хохотомъ. — Ужь значитъ дома, коли говорю: у ней гости!

Какъ ни мало вѣрилъ башмачникъ Доможирову, успѣвшему прослыть не только въ Струнниковомъ, но и во всѣхъ окрестныхъ переулкахъ, великимъ шутомъ, однакожь онъ опрометью кинулся въ квартиру Полиньки.

Опершись на метлу, Доможировъ проводилъ его глазами и потомъ глубокомысленно проговорилъ:

— Вотъ и нѣмецъ.... башмачникъ.... а нарѣзался какъ сапожникъ! ха, ха, ха!

И онъ долго хохоталъ своей шуткѣ.

ГЛАВА III.

НОЧНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ПОЛИНЬКИ.

Полинька (мы теперь обращаемся къ ней), оставшись одна въ мрачной и пустой комнатѣ, тускло освѣщенной, долго плакала. Угрозы негодующаго горбуна страшно пугали ее. Что̀ будетъ съ бѣдной Надеждой Сергѣевной? Полинька готова была рѣшиться на все, чтобъ спасти свою подругу, которая замѣняла ей мать и сестру. Что̀ будетъ съ ней самой? Она думала о Каютинѣ, и ей казалось, что бракъ ихъ не можетъ осуществиться; а стыдъ, когда всѣ узнаютъ, гдѣ она провела ночь? а Карлъ Иванычъ? что̀ будетъ съ нимъ? Полинька вскочила съ дивана и кинулась къ окну: отчаяніе внушило ей страшную мысль! Съ трудомъ раскрывъ форточку, она высунула голову. Мрачно было внизу, вѣтеръ все еще вылъ, передъ ней качались голыя деревья — вышина была страшная! Полинька содрогнулась. «Что̀, если горбунъ только стращаетъ?... Карлъ Иванычъ можетъ быть догадается и придетъ спасти ее? Каютинъ можетъ быть уже въ дорогѣ и спѣшитъ къ ней.» Въ одну минуту Полинькѣ казалось возможнымъ и спасенье и счастье. Ей пришла мысль, нельзя ли обмануть горбуна притворнымъ согласіемъ, смягчить кокетствомъ? И она подбѣжала къ зеркалу, чтобъ увѣриться, точно ли можетъ кокетствомъ смягчить своего врага, — придала глазамъ своимъ, еще полнымъ слезъ, лукавое выраженіе, потомъ умоляющее, и заключила повелительнымъ жестомъ, какъ-будто горбунъ уже лежалъ у ея ногъ и просилъ прощенія.

Но скоро въ душу Полиньки снова закралось отчаяніе: если онъ останется непреклоненъ? если не повѣритъ хитростямъ? Что̀жъ! пусть не думаетъ онъ, что я боюсь его угрозъ! подумала она, топнувъ ножкой, — и осталась жить. Такъ она хитрила передъ собой, испугавшись самоубійства.

Полинька сѣла у окна и задумчиво всматривалась въ мрачное небо; тучи быстро мчались.... вотъ (и Полинька сильно обрадовалась) показалась звѣздочка, еще и еще. Полинькѣ живо представился Каютинъ, который иногда разсказывалъ ей о звѣздахъ; она забылась и вся предалась воспоминанію. Такъ про-

шло съ полчаса. Вдругъ посреди глубокой тишины послышался шорохъ на деревѣ: она подняла голову и въ испугѣ отскочила отъ окна. Кто-то сидѣлъ на сучкѣ дерева и покачивался: фигура спустилась ниже, въ уровень съ окномъ, сѣла верхомъ на сучокъ и стала снова покачиваться. Полинька съ напряженьемъ всматривалась въ нее, и наконецъ радостно вскрикнула и кинулась къ форточкѣ: она узнала своего пріятеля — рыжаго мальчишку, съ которымъ немножко поссорилась, когда въ первый разъ приходила къ горбуну. Ей казалось, что онъ пришелъ спасти ее, и, протянувъ ему руку, она сказала умоляющимъ голосомъ:

— Спаси меня! выпусти!

— Тише, отвѣчалъ шопотомъ мальчишка, погрозивъ ей пальцемъ. — Ну, какъ я тебя спасу? Пожалуй, валѣзай на дерево; я не буду кричать!

Полинька тяжело вздохнула: валѣзть на дерево изъ форточки было невозможно.

— Какъ же ты забрался сюда? спросила она мальчишку, желая хоть продлить съ нимъ свиданіе.

— Какъ забрался! я привыкъ лазить по нашимъ деревьямъ.

— Что́ ты тутъ дѣлаешь? спросила Полинька.

— Гуляю. Днемъ хозяинъ запираетъ меня, какъ идетъ со двора, — такъ я вотъ по ночамъ зато гуляю.

— Развѣ весело тебѣ сидѣть на деревѣ?

— А какже! я все видѣлъ, все; сколько у него золота, каменьевъ! уфъ!

И мальчишка прищелкнулъ языкомъ.

— Гдѣ же ты все видѣлъ?

— А вотъ сижу здѣсь и смотрю, что́ въ комнатѣ дѣлается. Какъ выросту, ужь я ему дамъ себя знать!

И онъ сжалъ кулакъ.

— Такъ ты его не любишь? спросила Полинька, довольная, что нашла еще человѣка, который ненавидитъ горбуна.

— Я люблю ли его? ха, ха, ха! А вотъ я ему покажу, какъ выросту!

— Что́ же ты сдѣлаешь?

— Что́ я сдѣлаю!... а тебѣ на что́?

— Я буду рада, если ты ему что-нибудь дурное сдѣлаешь; я его тоже ненавижу: онъ гадкій!

— За что ты его бранишь? вишь онъ куда тебя заперъ. I разъ хотѣлъ посмотрѣть въ щель, что онъ здѣсь дѣлаетъ; 'акъ онъ меня чуть не убилъ. А какъ ты упала, такъ онъ пла-:алъ, рвалъ на себѣ волосы.... вишь ты, какой! ха, ха, ха!

И мальчишка засмѣялся.

— Я его не люблю! онъ обманулъ меня, онъ злой!

— Злой, а небось тебя не заперъ, какъ насъ съ Машкой, лобно замѣтилъ мальчишка.

— Съ какой Машкой? спросила Полинька, вздрогнувъ, и й тотчасъ представилась другая жертва, подобно ей завлечен-ıая обманомъ и можетъ быть погибшая.

— Кто Машка? моя сестра! мрачно отвѣчалъ мальчишка и апѣлъ пѣтухомъ.

— А большая твоя сестра? она здѣсь тоже живетъ?

— Машка? нѣтъ, она умерла!

— Давно? а который ей годъ былъ?

— Я почемъ знаю!... меньше меня ростомъ, — по грудь мнѣ :риходилась.

Полинька нѣхотя разсталась съ мыслію, что не ее одну по-гигла такая страшная участь.

— Отчего твоя сестра умерла?

Мальчишка не могъ вдругъ отвѣчать на вопросы; онъ сна-ала самъ повторялъ:

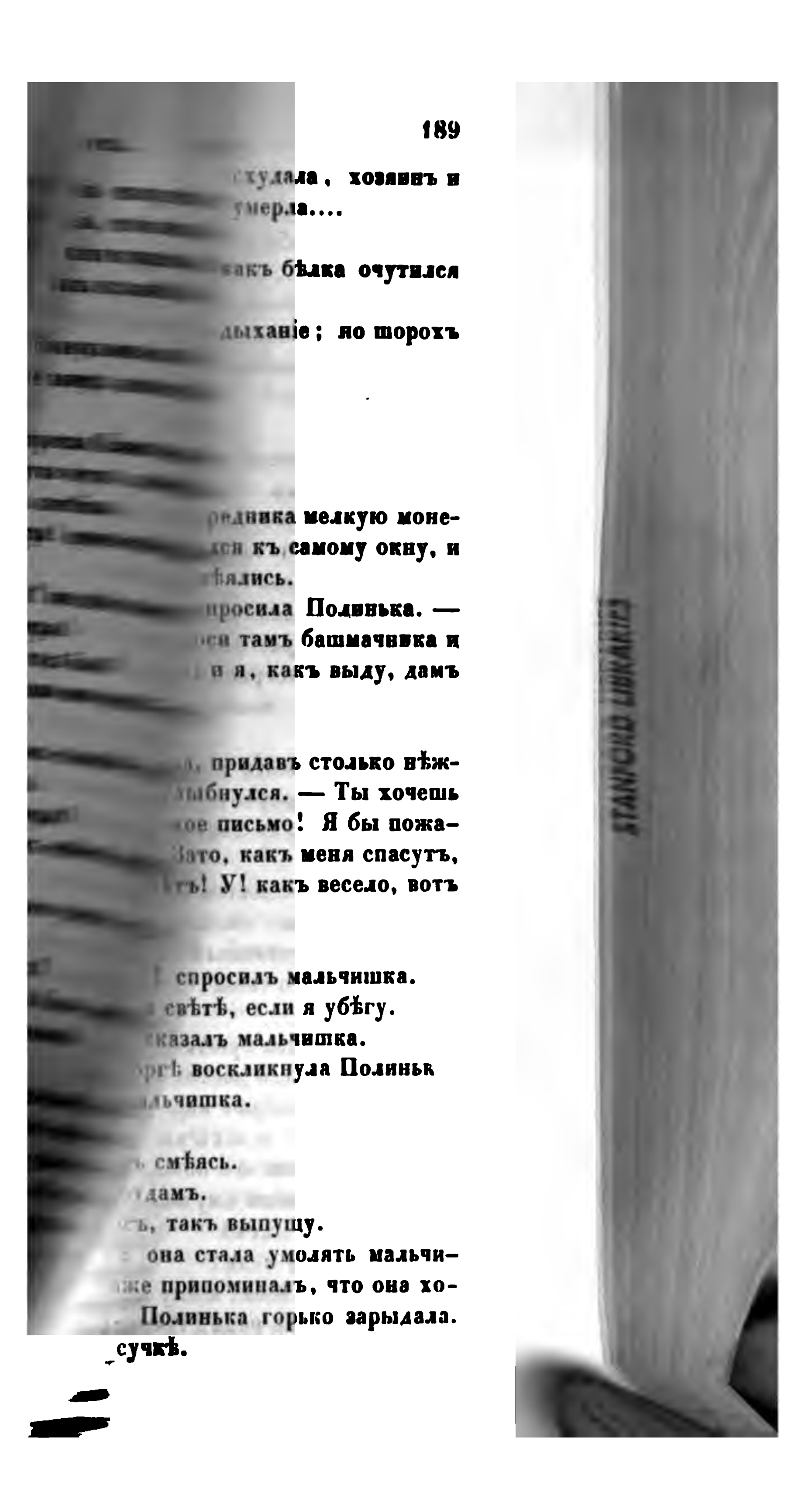
— Отчего умерла?... оттого умерла.... ну, такъ же умерла, акъ нашъ тятька.

— А кто твой отецъ былъ?

— Я не знаю: я маленькій былъ; помню, какъ онъ лежалъ а столѣ, такой худой и страшный.

— Такъ вы сироты?

— Ха, ха, ха! барыня-сударыня, подай Христа ради сирот-имъ, хоть копеечку! запищалъ мальчишка. — Мы, бывало, съ 'ашкой, прибавилъ онъ съ увлеченьемъ: — такъ прашивали. ѣтъ, у насъ мать есть. Одна барыня увидала Машку на улицѣ взяла ее къ себѣ, платье ей сшила, куклу купила; Машка ушла съ нея: скучно стало сидѣть въ комнатѣ! Гдѣ, бывало, не пе-ебываемъ въ цѣлый день! А какъ дурная погода, такъ больше оставали: дрожимъ будто отъ холоду, я притворюсь хромымъ, гѣпымъ или нѣмымъ. Машка и ну кричать: господа, подайте гѣпому убогому сиротѣ! Иной остановится, начнетъ спраши-

...худала, хозяинъ и
...умерла....

...какъ бѣлка очутился

...дыханіе; но шорохъ

...редника мелкую моне-
...ся къ самому окну, и
...ѣялись.
...просила Полинька. —
...ся тамъ башмачника и
...и я, какъ выду, дамъ

...придавъ столько нѣж-
...ыбнулся. — Ты хочешь
...кое письмо! Я бы пожа-
...Зато, какъ меня спасутъ,
...ть! У! какъ весело, вотъ

...спросилъ мальчишка.
...свѣтѣ, если я убѣгу.
...сказалъ мальчишка.
...ргѣ воскликнула Полиньк
...льчишка.

...смѣясь.
...дамъ.
...ъ, такъ выпущу.
...она стала умолять мальчи-
...же припоминалъ, что она хо-
...Полинька горько зарыдала.
...сучкѣ.

вать, — Машка и вретъ: что мы ничего не ѣли съ утра, что мы сироты. Я ее научу; она слушалась меня....

— Ну, а мать знала, что вы милостыню просите?

— Мы ей деньги приносили; она на фатерѣ жила съ нищими. Насъ сначала двѣ старухи брали съ собою, а особенно Машку, когда та была маленькая. Потомъ мать велѣла намъ ходить однимъ; я ей сказалъ разъ, что Машкѣ даютъ много денегъ господа.

Полинька забыла на минуту свое положеніе и въ ужасѣ слушала мальчишку.

— Ты любишь свою мать?

— Я люблю ли свою мать? и мальчишка задумался. Да, люблю, когда она не бранится....

— Какъ же ты сюда попалъ?

— Какъ сюда попалъ? А мы разъ шли съ Машкой по улицѣ, увидали горбуна, я согнулся, какъ онъ, да и сталъ просить милостыни: мать, дескать, на столѣ лежитъ, нечѣмъ похоронить! Онъ руку въ карманъ, а другой какъ схватитъ меня за шиворотъ. Я крикнулъ, Машка заплакала, и ну его просить, руку ему цалуетъ. А онъ погрозился ей, да и говоритъ: ведите меня къ матери; посмотрю я, какъ она на столѣ лежитъ! Я было не хотѣлъ, да онъ будкой грозитъ; вотъ и пришли. Мать спала: ужь какъ онъ кричалъ на нее: зачѣмъ вишь у ней дѣти нищіе! Покричалъ и говоритъ: «я возьму къ себѣ твоихъ дѣтей; пусть они трудами хлѣбъ достаютъ.» Мать и отдала насъ. Онъ ей платитъ въ мѣсяцъ, не знаю сколько. Я ей жаловался, какъ сестра умерла, да она его боится. А онъ теперь ужь совсѣмъ не пускаетъ меня къ ней. Да вотъ выросту....

— Вы одни у него жили?

— Одни; до насъ тоже вѣрно жилъ мальчикъ; мы нашли въ подвалѣ игрушку. Машка очень боялась хозяина. Мы съ ней дворъ выметали, все въ домѣ убирали; я платье вычищу, все сдѣлаю. А онъ, какъ со двора, такъ и запретъ насъ. «Дѣти — говоритъ—могутъ и домъ зажечь!» А въ подвалѣ почти совсѣмъ темно; вотъ и сиди, пока воротится! А крысы какія тамъ, такъ и бѣгаютъ! Машка ихъ боялась: разъ, какъ она спала, крыса по ней пробѣжала; съ тѣхъ поръ она и ну плакать: все ей страшно было. Да вдругъ и захворала, все меня просила: убѣжимъ! хотѣлось ей къ матушкѣ и погулять. Мать сама часто приходила

къ намъ; вотъ какъ Машка ужь совсѣмъ исхудала, хозяинъ и велѣлъ ее взять; а потомъ ужь она скоро и умерла....

Мальчишка сталъ прислушиваться.

— Идутъ! идутъ! прошепталъ онъ и какъ бѣлка очутился на самой верхушкѣ дерева.

Полинька испугалась тоже, притаила дыханіе; но шорохъ умолкъ, все кругомъ было тихо.

— Нѣтъ никого! сказала она.

— Мнѣ спать пора!

— Нѣтъ, погоди!

— А что̀ дашь?

Полинька нашла въ карманѣ своего передника мелкую монету и показала мальчишкѣ. Сучокъ пригнулся къ самому окну, и мальчишка схватилъ деньги. Они оба засмѣялись.

— Хочешь получить много денегъ? спросила Полинька. — Отнеси ко мнѣ на квартиру письмо; спроси тамъ башмачника и отдай ему; онъ тебѣ дастъ много денегъ; и я, какъ выду, дамъ тоже!

Мальчишка молчалъ.

— Послушай, продолжала Полинька, придавъ столько нѣжности своему голосу, что мальчишка улыбнулся. — Ты хочешь своему хозяину досадить? Ну, отнеси мое письмо! Я бы пожалуй и изъ окна выскочила, да высоко! Зато, какъ меня спасутъ, — онъ придетъ сюда: никого ужь и нѣтъ! У! какъ весело, вотъ разсердится!

И Полинька чуть не прыгала.

— А онъ точно будетъ сердиться? спросилъ мальчишка.

— О, ужасно! Ему хуже всего на свѣтѣ, если я убѣгу.

— А что́ дашь? я выпущу тебя, сказалъ мальчишка.

— Все, что́ ты хочешь! въ восторгѣ воскликнула Полиньк

— Четыре золотыхъ, сказалъ мальчишка.

— Хорошо, только выпусти.

— Гдѣ же деньги? спросилъ онъ смѣясь.

— У меня нѣтъ здѣсь; я дома отдамъ.

— Обманешь! нѣтъ, дай сейчасъ, такъ выпущу.

Полинька пришла въ отчаяніе: она стала умолять мальчишку, но онъ не вѣрилъ ей; онъ даже припоминалъ, что она хотѣла жаловаться на него хозяину. Полинька горько зарыдала. Мальчишка улыбался, качаясь на сучкѣ.

мѣялся, она тоже принужденно смѣялась.

рочь съ окна! повелительно сказалъ мальчишка, сь бросить ключъ.

мнѣ въ руки! ты не попадешь въ форточку, окно шь!

а отшатнулась, радостно спрыгнула съ окна и кину-ить съ полу тряпку, въ которую Волчокъ завернулъ

чь тряпку! крикнулъ онъ.

ка исполнила его приказаніе и отъ радости не знала,

ишка манилъ ее къ себѣ. Полинька весело вскочила

да отворишь дверь, запри ее за собою и ключъ вынь. шь въ коридоръ, налѣво окно, взлѣзь на него, а тамъ смотри, прислушайся, нѣтъ ли его въ коридорѣ, а потомъ Я запою пѣтухомъ у окна два раза, — значитъ пора.

льчишка спустился съ дерева.

нька не проронила ни одного слова. Но ей вдругъ стало . руки дрожали, ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ; и она кидалась къ окну, боясь не услышать условнаго наконецъ пѣтухъ крикнулъ два раза. Полинька боялась , точно ли пѣлъ мальчишка? не настоящій ли пѣтухъ? ушила свѣчи, заперла форточку и, приложивъ ухо, долго ивалась, нѣтъ ли кого въ коридорѣ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, а вложила ключъ. Холодный потъ выступилъ на ея лицѣ, осле многихъ поворотовъ ключа во всѣ стороны, замокъ ывался. Забывъ всякую осторожность, она стала вер-очъ изо всей силы и съ отчаяньемъ сказала: «онъ обма-ная!» Но какъ-то случайно она приподняла ключъ квер-замокъ щелкнулъ! Полинька какъ кошка скользнула ь, заперла ее и спрятала ключъ въ карманъ. Очутившись омъ коридорѣ, она не рѣшалась ступить шагу. Холодный пахнулъ ей въ лицо и тѣмъ напомнилъ объ окнѣ. Окно овольно высоко отъ полу, и Полинька съ большимъ тру-скарабкалась на него, и потомъ спустилась на крышу.

льчишка молча взялъ ее за руку и повелъ по крышѣ. Ко-шли они къ тому мѣсту, гдѣ къ стѣнѣ дома примыкалъ

заборъ, мальчишка спустился на самый край крыши и очутился верхомъ на заборѣ....

— А ты чтожь? сказалъ онъ Полинькѣ.

Полинька съ чрезвычайными усиліями тоже добралась до забора.

Волчокъ смѣялся. Они были надъ тѣми самыми воротами, въ которые Полинька вошла въ первый разъ къ горбуну. Волчокъ неожиданно спрыгнулъ внизъ.

— Прыгай, сказалъ онъ Полинькѣ.

Полинька взглянула внизъ: больше сажени было до земли.

— Послушай, сказала она: — что́, если я ногу переломлю, какъ я тогда убѣгу?

— Ха, ха, ха! а мнѣ что́ за дѣло. — Ну, такъ оставайся здѣсь, сиди на воротахъ! вотъ какъ разсвѣтетъ — полюбуются прохожіе. А нето назадъ ступай!

Полинька прыгнула, и удачно: только кисти рукъ ея хрустнули и страшно заныли.

Волчокъ смѣялся, глядя, съ какимъ усиліемъ поднималась она на ноги.

— А вотъ я такъ умѣю прямо на ноги прыгать, сколько хочешь. Ну, прощай! убирайся скорѣй.... У, у, у! то-то сбѣсится! то-то сбѣсится, какъ узнаетъ, что тебя нѣтъ! ха, ха, ха!

И мальчишка прыгалъ и гримасничалъ.

— Прощай!

Въ два прыжка очутился онъ на воротахъ, но тотчасъ же съ быстротою кошки спустился и прошепталъ испуганнымъ голосомъ:

— Бѣги, бѣги скорѣе! Онъ ходитъ по двору съ фонаремъ.... ищетъ, ищетъ!

Полинька пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ.

Приставивъ глазъ къ щели и выждавъ пока горбунъ ушелъ на другую сторону двора, гдѣ росли обнаженныя деревья и куда выходило окно съ форточкой, Волчокъ тихонько перелѣзъ на дворъ. Едва успѣлъ онъ добраться до своего подвала, лечь и притаиться спящимъ, какъ блѣдный, дрожащій горбунъ съ фонаремъ въ рукѣ появился на порогѣ.

И по всему дому начались поиски, о которыхъ горбунъ говорилъ Тульчинову.

Полинька бѣжала, сколько хватало силы, повернувъ въ первую улицу, какая попалась; ей все казалось, что горбунъ гонится за ней. Наконецъ страшная усталось заставила ее пріостановиться. Улица, въ которой она находилась, была совершенно ей незнакома. Кривые полувросшіе въ землю деревянные домики мѣстами печально выглядывали среди заборовъ. Все спало; только шаги Полиньки, рѣзко звучавшіе по деревяннымъ помосткамъ, нарушали тишину улицы. Страхъ все сильнѣй овладѣвалъ Полинькой. Во всю жизнь не испытывала она столько разнородныхъ ощущеній, столько горести, негодованія, отчаянія, ужаса, сколько пережила теперь въ нѣсколько часовъ, и нервы ея не выдержали. Собственная тѣнь пугала ее, малѣйшій звукъ вдали заставлялъ ее вздрагивать; слезы такъ и навертывались на глаза. «Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать»? спрашивала она себя съ отчаяніемъ. Вдругъ вдали показалась черная точка. «Помогите, помогите!» готова была крикнуть Полинька, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, но черная точка скоро получила очертаніе женщины, и Полинька успокоилась. Она была высока и шла бодро, сухо кашляя, размахивая руками и бормоча: «три съ полтиной, два съ четвертью».... и такъ была занята своими расчетами, что поровнявшись съ Полинькой даже не замѣтила ея.

Лицо, изрытое рябинами, сѣдые нависшіе брови, сѣдые волосы, торчавшіе изъ-подъ чепчика съ изорванными кружевами и старомодной измятой шляпки, высокій ростъ старухи и наконецъ огромный узелъ, который она держала подъ салопомъ, — все вмѣстѣ произвело непріятное впечатлѣніе на Полиньку; однакожь она рѣшилась спросить:

— Какъ пройти въ Струнниковъ переулокъ?

— Господи! воскликнула старуха, вздрогнувъ: вѣрно никакъ не ожидала встрѣтить кого-нибудь въ такую пору.

— Какъ пройти въ Струнниковъ переулокъ? повторила Полинька, поблѣднѣвъ.

— Въ Струнниковъ? сказала старуха, пристально оглядывая Полиньку, которая дрожа отвѣчала:

— Да!

— Какъ пройти.... гм!

Старуха еще разъ искоса оглядѣла Полиньку и съ усмѣшкой сказала:

— А вотъ, голубушка моя: иди все прямо, выйдешь на улицу съ заборами — все иди, а какъ поравняешься съ сѣренькимъ домикомъ, поверни налѣво.

— Нѣтъ, я не пойду, не пойду! съ ужасомъ воскликнула Полинька, догадываясь, мимо какого сѣраго домика нужно будетъ ей проходить,

— Да что́ съ тобой, что́ ты такъ дрожишь?

Полинька чувствовала, что руки и ноги у ней дрожали, и голова начала кружиться.

— Мнѣ что-то дурно! прошептала она и сѣла на деревянные помостки, которые были тутъ высоко отъ земли.

— Да пойдемъ ко мнѣ, лягъ тамъ, отдохнешь, я пожалуй и провожу тебя! ласково сказала старуха, нагнувшись къ Полинькѣ.

Полинька протянула руки, старуха приподняла ее, и они пошли.

Подойдя къ окну ветхаго домика, окна котораго (числомъ три) казались вросшими въ землю, а до крыши можно было достать рукой, старуха постучала въ крайнее окно, и, обращаясь къ Полинькѣ, сказала:

— Вотъ мы и дома!

— Что́, небось, испугала дѣтей! чай думали: трубочистъ пришелъ! маня за собой Полиньку, говорила старуха человѣку, стоявшему за калиткой и страшно кашлявшему.

— Ia! отвѣчалъ нѣмецъ, дрожа отъ холоду (онъ былъ очень легко одѣтъ).

Они вошли въ сѣни. Ощупавъ дверь, старуха достала изъ кармана ключъ и отперла ее.

Полинька вошла въ комнату, низенькую и мрачную; навѣсъ крыши не допускалъ много свѣту въ маленькія окна, которыя внутри комнаты были ближе къ потолку, чѣмъ къ полу. Бѣдно было въ комнатѣ, освѣщенной лампадкой; лоскутки наполняли ее; старыя платья грудами лежали во всѣхъ углахъ; иныя висѣли по стѣнамъ. Шляпы мужскія и женскія, остовы зонтиковъ, старые башмаки, — словомъ, все, что́ требовалось для туалета дамскаго и мужского, можно было выбрать здѣсь, и все въ самомъ негодномъ видѣ.

— Ну, красавица моя, гостья дорогая, говорила старуха, засвѣтивъ свѣчу и поставивъ ее на столъ: — лягъ, отдохни, полежи.... хочешь, я тебѣ кофію сварю? согрѣйся.

Въ голосѣ старухи было столько радушія, что Полинька безъ отговорокъ сняла салопъ и шляпку. Увидавъ ее безъ шляпки, старуха вскрикнула и, взявъ со стола свѣчу, поднесла къ лицу Полиньки.

— Чтó вамъ? невольно спросила Полинька.

— Такъ, такъ; не бойся; такъ.... ишь ты какіе волосы славные, чудо! Вотъ тоже хорошіе, да что! дрянь передъ твоими!

И старуха вытащила длинную-длинную косу изъ своего узла.

— А какіе длинные! замѣтила Полинька.

— Ну, зато нѣтъ глянцу такого! У меня, видишь, жилица, бѣдная такая, такъ вотъ она обрѣзала косу и дала продать.

Старуха, спрятавъ косу своей жилицы, взяла полинькинъ бурнусъ и стала разсматривать и вертѣть его.

— Еще новый, совсѣмъ новый, говорила она съ сожалѣніемъ. — А какъ сносишь, принеси мнѣ, да еще чего стараго нѣтъ ли? я тебѣ промѣняю на что угодно: на ситецъ.... ну, на что пожелаешь.

И старуха подсѣла къ Полинькѣ и стала съ жадностію ощупывать ея платье.

Полинька такъ была утомлена, что глаза ея невольно смыкались, и она чувствовала, какъ понемногу теряетъ сознанье и послѣднія силы; всѣ члены ея будто замерли. Сидя подлѣ нея, старуха что-то ворчала, но Полинька ничего не понимала и скоро заснула. Дѣтскій плачъ разбудилъ ее, но она была такъ слаба, что едва могла открыть глаза. Старуха сидѣла посреди комнаты на полу, окруженная лохмотьями; на ея безобразномъ носу торчали очки въ мѣдной оправѣ, опутанной нитками: она порола небольшимъ ножичкомъ старый сюртукъ.

— Ничего, спи, сказала она, замѣтивъ, что Полинька приподнялась: — это жилицыны дѣти плачутъ.

Послышался дѣтскій кашель.

— Ишь ты простудили его. Вотъ! зачѣмъ таскали на дачу? Да и то правда, прибавила старуха усмѣхнувшись:—съ кѣмъ же его было оставить? Ну, не хочешь-ли кофею?

— Нѣтъ-съ, благодарю!

За стѣною послышались удары въ бубенъ, и пискливый дѣтскій голосъ затянулъ въ носъ нѣмецкую пѣсню.

— Это чтó? спросила Полинька.

был
ему
нать.

сѣлъ
везд
—
умир
С
на п
холо
ству.
имен
жала
томъ
повл
сама
В
ниче
разъ.
докт
лову
вала
ново
лест

про
доп
две
взгл
рой

Старуха усмѣхнулась и стала тихонько сиплымъ голосомъ подтягивать.

— А дочь шарманщика учится, сказала она.

Дѣвочка кричала во всю глотку, ребенокъ плакалъ, мужчина кашлялъ, женскій голосъ бранился по-нѣмецки.

— Вотъ такъ веселье: кто плачетъ, кто поетъ.... Чего хочешь, того просишь! замѣтила старуха.

— Кто тутъ живетъ?

Шарманщикъ, съ женой да съ двумя дѣтьми. Нѣмчура бѣдный, прежде держалъ токарный магазинъ, да проторговался, а въ подмастерья негодился: глаза плохи! вотъ и мыкаютъ горе. Жаль ихъ, иной разъ ходятъ, ходятъ, чай весь Петербургъ обойдутъ: меньше гроша принесутъ домой! Кажись, думаютъ люди, что коли съ музыкой человѣкъ ходитъ, такъ ему весело: и ѣсть не хочется! а не все равно? такой же нищій; только не проситъ: подайте Христа ради,—вотъ и все. Постой, я спрошу, что̀ они собрали вчера? на дачу ходили!

И старуха, смѣясь и подмигивая, встала, подошла къ стѣнѣ и постучавъ закричала:

— Мадамъ, а, мадамъ!

Гамъ продолжался, отвѣта не было.

— Эй, геръ, геръ! гаркнула старуха во все горло.

И то напрасно. Наконецъ она потеряла терпѣнье и начала стучать въ стѣну. Все смолкло, только одинъ кашель продолжался.

— Мадамъ, что̀ достали вчера? а?

— Два двугривенныхъ! крикливо, ломанымъ языкомъ отвѣчалъ женскій голосъ.

— Ха, ха, ха! едва хватитъ починить обувь; чай, хорошо прогулялись! стоило за семь верстъ итти киселя ѣсть. Два двугривенныхъ!

И старуха пошла въ уголъ и стала прилежно рыться въ кучѣ старыхъ сапоговъ и башмаковъ.

— Ну, вотъ, хорошая еще парочка, хоть и разные, ворчала она, откладывая въ сторону башмаки.

За стѣной снова начался гвалтъ.

— Который часъ? спросила Полинька.

— Да девятый есть, вѣрно есть.... вотъ я спрошу.

И старуха опять застучала въ стѣну.

— Эй, мадамъ, который часъ?

— Девять часъ! закричалъ тоненькій голосъ.

— А, значитъ они сейчасъ пойдутъ.

— Ахъ, мнѣ тоже нужно итти домой! сказала Полинька.

— Ну, или съ Богомъ! Если что́ промѣнять понадобится, вспомни меня: домъ знаешь... ну, да только спроси, какъ придешь въ нашъ переулокъ, *Дарью Рябую*.... ха, ха! (старуха засмѣялась и начала одѣваться). — Пойдемъ, я тебя провожу.

Полинька ужасно обрадовалась. Онѣ вышли въ сѣни; старуха заперла дверь. Уже совершенно разсвѣло, но кромѣ ребятишекъ да собакъ никого не было видно на улицѣ. Старуха хотѣла запирать калитку, но вдругъ остановилась и, раскрывъ ее шире, сказала:

— Шарманщикъ тоже идетъ, вотъ мы вмѣстѣ всѣ и пойдемъ.

Едва пролѣзъ черезъ калитку худой и тощій, небритый человѣкъ, съ шарманкой за плечами. Волосы его были уже на-половину сѣды, платье оборванное, подъ носомъ табакъ. Ремень отъ шарманки плотно врѣзывался въ его плечи и впалую грудь; за нимъ выступала долгоносая женщина, высокая и худая, одѣтая довольно чисто, но бѣдно и слишкомъ легко; она несла двухъ-лѣтняго ребенка и заботливо окутывала его своимъ большимъ шерстянымъ платкомъ. На другой ея рукѣ висѣла складная подставка. Бѣлобрысая дѣвочка, въ ситцевой кацавейкѣ, въ шерстяной сѣточкѣ, заключала шествіе; только въ ней не замѣтно было унынія, она весело постукивала бубномъ въ колѣни и съ апетитомъ доѣдала кусокъ хлѣба.

— Гутъ моргенъ! сказала старуха шарманщику.

— Здравствуйте! отвѣчалъ онъ, низко сгибаясь подъ тяжестью шарманки.

— Пора?

— Да, пора.

И они разошлись въ разныя стороны.

— Кто твои родные? какъ ты живешь? чѣмъ живешь? разспрашивала старуха Полиньку, шагая такъ скоро, что усталая Полинька едва успѣвала за ней.

Полинька рѣшилась итти къ Надеждѣ Сергѣевнѣ и потомъ ужь возвратиться домой вмѣстѣ съ ней, чтобъ отстранить малѣйшее подозрѣніе сосѣдей о своихъ ночныхъ похожденіяхъ.

— [illegible] [illegible] [illegible], сказала она, увидавъ себя въ [illegible] [illegible].

— [illegible] [illegible] если понадобится что́, не забудь меня.

— [illegible]

[illegible] [illegible] со старухой.

[illegible], что [illegible] не ночевала дома, Кирпичова кину-[illegible] [illegible] [illegible] объясненія у мужа. Она вспом-[illegible] [illegible] [illegible] слишкомъ усердно просилъ ее [illegible] [illegible] [illegible] Полинька, что записку эту [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], и не сомнѣвалась, что онъ при-[illegible] [illegible] [illegible] Полиньки.

[illegible] [illegible] не было дома. Бѣдная Надежда Сергѣевна [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Полинька; радость [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible]. Полинька не забыла [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] погубить Кирпичова и пусть [illegible] [illegible] [illegible].

— [illegible] [illegible] [illegible].

— [illegible] [illegible] [illegible] Кирпичова. — Он[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] дурного слова [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] магазинъ....

— [illegible] [illegible] [illegible] сказала Полинька. [illegible] [illegible] [illegible] въ значительную сумму [illegible].

— [illegible] [illegible] [illegible]

— [illegible]

— [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] нужу отсрочку....

[illegible] [illegible] [illegible] была именно записка, [illegible] [illegible] [illegible].

— [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. — Можетъ дѣла твое [illegible] [illegible] [illegible] сговорились пугать васъ, [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] пошла въ Струнниковъ [illegible] [illegible] [illegible] убитый, пробѣ-[illegible] [illegible] [illegible]. Полинька уже давно сидѣла въ [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] до безумія. Забывъ свои [illegible] [illegible], онъ бросился целовать Полин[illegible]

ку, потомъ Надежду Сергѣевну, потомъ опять Полиньку, и радостныя слезы ручьями текли по его блѣдному лицу, которое въ ту минуту было прекрасно: необычайное одушевленіе придало ему энергію и выразительность, которой недоставало въ лицѣ добраго Карла Иваныча.

ГЛАВА IV.

ПЕРЕВОРОТЫ ВЪ СТРУННИКОВОМЪ ПЕРЕУЛКѢ.

Все пришло въ прежній порядокъ. Башмачникъ въ теченіи недѣли почти каждый день бѣгалъ въ улицу, гдѣ жилъ горбунъ, и наконецъ успокоился, убѣдившись, что горбунъ выѣхалъ изъ Петербурга. Успокоилась и Полинька. Но въ характерѣ ея произошла значительная перемѣна. Уже очень давно не получала она ни строчки отъ Каютина. Сомнѣніе мучило ее, но гордость мѣшала ей передать кому-нибудь свои опасенія. Веселость ея смѣнилась раздражительностью: часто смѣялась она безъ всякой причины, и отъ смѣху вдругъ переходила къ слезамъ. Работа ей опротивѣла. Трудолюбивая Полинька стала вѣтренной и капризной, часто выходила со двора безъ всякой нужды, даже дѣлала долги, а потомъ сердилась на башмачника, который былъ вѣчно у ней во всемъ виноватъ. Что касается до Каютина, то она старалась показать, что забыла о немъ; но стоило упомянуть его имя, чтобъ разсердить ее.

Разъ башмачникъ засталъ ее въ слезахъ и сталъ утѣшать, какъ умѣлъ, думая, что она плачетъ о своемъ женихѣ. Онъ угадалъ. Но Полинька вспыхнула при мысли, что о ней жалѣютъ, какъ о покинутой. Она отерла слезы, гордо посмотрѣла въ лицо башмачнику и сказала:

— Господи! чего вы не выдумаете! я стану плакать о немъ? да я его давно забыла!

— Такъ вы его не любите больше? быстро спросилъ башмачникъ.

Полинька громко засмѣялась и подошла къ зеркалу, будто пригладить волосы, но больше затѣмъ, чтобъ скрыть слезы, вновь выступившія.

— Благодарю васъ, прощайте, сказала она, увидавъ себя въ знакомой улицѣ.

— Ну, прощай; если понадобится что́, не забудь меня.

— Прощайте.

И Полинька разсталась со старухой.

Узнавъ, что Полинька не ночевала дома, Кирпичова кинулась домой, чтобъ потребовать объясненія у мужа. Она вспомнила, что Кирпичовъ вчера ужь слишкомъ усердно просилъ ее написать записку, чтобъ пріѣхала Полинька, что записку эту онъ самъ передалъ артельщику, и не сомнѣвалась, что онъ принималъ участіе въ похищеніи Полиньки.

Но Кирпичова не было дома. Бѣдная Надежда Сергѣевна не знала, что́ дѣлать, какъ вдругъ явилась Полинька; радость подругъ была неописанная.

Пересказывая свои похожденія, Полинька не забыла разсказать, какъ горбунъ грозился погубить Кирпичова и пустить по-міру все его семейство.

— Ты предупреди его, сказала она.

— Напрасный трудъ! печально отвѣчала Кирпичова. — Онъ такъ ему ввѣрился, что не позволитъ о немъ дурного слова сказать. Развѣ повѣритъ, когда придутъ описывать магазинъ....

— А ужь скоро! невольно, съ трепетомъ сказала Полинька. — Онъ мнѣ писалъ, что срокъ векселю въ значительную сумму приближается.

— Когда онъ писалъ?

— Вчера.

— Да вѣдь онъ вчера же сдѣлалъ моему мужу отсрочку....

(Они не знали, что цѣной отсрочки была именно записка, которая чуть не погубила Полиньку).

— А знаешь что́? сказала Полинька. — Можетъ дѣла твоего мужа и не такъ дурны, а они только сговорились пугать насъ, чтобъ, понимаешь....

— Богъ ихъ знаетъ.

Кирпичова вмѣстѣ съ Полинькой пошла въ Струнниковъ переулокъ, и когда башмачникъ, измученный и убитый, прибѣжалъ къ полинькиной двери, Полинька уже давно сидѣла въ своей комнатѣ.

Восторгъ башмачника доходилъ до безумія. Забывъ свою обыкновенную застѣнчивость, онъ бросился цаловать Полинь-

ку, потомъ Надежду Сергѣевну, потомъ опять Полиньку, и радостныя слезы ручьями текли по его блѣдному лицу, которое въ ту минуту было прекрасно: необычайное одушевленіе придало ему энергію и выразительность, которой недоставало въ лицѣ добраго Карла Иваныча.

ГЛАВА IV.

ПЕРЕВОРОТЫ ВЪ СТРУННИКОВОМЪ ПЕРЕУЛКѢ.

Все пришло въ прежній порядокъ. Башмачникъ въ теченіи недѣли почти каждый день бѣгалъ въ улицу, гдѣ жилъ горбунъ, и наконецъ успокоился, убѣдившись, что горбунъ выѣхалъ изъ Петербурга. Успокоилась и Полинька. Но въ характерѣ ея произошла значительная перемѣна. Уже очень давно не получала она ни строчки отъ Каютина. Сомнѣніе мучило ее, но гордость мѣшала ей передать кому-нибудь свои опасенія. Веселость ея смѣнилась раздражительностью: часто смѣялась она безъ всякой причины, и отъ смѣху вдругъ переходила къ слезамъ. Работа ей опротивѣла. Трудолюбивая Полинька стала вѣтреной и капризной, часто выходила со двора безъ всякой нужды, даже дѣлала долги, а потомъ сердилась на башмачника, который былъ вѣчно у ней во всемъ виноватъ. Что касается до Каютина, то она старалась показать, что забыла о немъ; но стоило упомянуть его имя, чтобъ разсердить ее.

Разъ башмачникъ засталъ ее въ слезахъ и сталъ утѣшать, какъ умѣлъ, думая, что она плачетъ о своемъ женихѣ. Онъ угадалъ. Но Полинька вспыхнула при мысли, что о ней жалѣютъ, какъ о покинутой. Она отерла слезы, гордо посмотрѣла въ лицо башмачнику и сказала:

— Господи! чего вы не выдумаете! я стану плакать о немъ? да я его давно забыла!

— Такъ вы его не любите больше? быстро спросилъ башмачникъ.

Полинька громко засмѣялась и подошла къ зеркалу, будто пригладить волосы, но больше затѣмъ, чтобъ скрыть слезы, вновь выступившія.

она пустила чугуномъ въ Доможирова, и кричала на всю улицу, что она жаловаться пойдетъ.

— За что́? спросилъ Доможировъ, едва переводя духъ. Развѣ я кричалъ, что пожаръ? а?

— А зачѣмъ на мою крышу глаза выпучилъ?

— А почемъ же я знаю, что вы съ меня глазъ не сводите? съ гордостью замѣтилъ Доможировъ и юркнулъ въ слуховое окно, опасаясь гнѣва дѣвицы Кривоноговой, которая долго еще высчитывала сбѣжавшейся публикѣ недостатки и дурныя качества Доможирова, его отца и даже прадѣда.

Полиньку очень разсердила шутка остроумнаго сосѣда. Перебѣжавъ черезъ улицу, она тихо отворила дверь и вошла къ нему. Онъ сидѣлъ на корточкахъ у окна, наблюдая украдкой за своимъ врагомъ. Полинька разсмѣялась.

— Афанасій Петровичъ!

— А, а, а! вскрикнулъ онъ и съ удивленіемъ уставился на свою гостью.

— Я къ вамъ въ гости пришла, кокетливо сказала Полинька.

— Милости просимъ! вотъ не ожидалъ! сказалъ онъ, распрямляясь и все еще дико глядя на нее, какъ-будто не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Полинька сдѣлала ему глазки, потомъ съ испугомъ потупила ихъ. И при видѣ нѣжно улыбавшагося ему личика Полиньки, лицо его озарилось довольной улыбкой, глаза заблистали.

— Ну, пошутили! сказала Полинька. — Какъ она васъ бранитъ!

— Скверная женщина! замѣтилъ онъ басомъ съ громкой усмѣшкой

— Какъ у васъ хорошо! сказала Полинька, оглядывая неуклюжій мезонинъ.

— Нравится? А зачѣмъ рѣдко въ гости ходите? самодовольно улыбаясь, спросилъ Доможировъ.

— Ахъ, какъ можно, я боюсь сосѣдей, что́ скажутъ! лукаво отвѣчала Полинька.

— Ишь, теперь, что̀ скажутъ! а какъ бѣгала къ нему, такъ не боялась злыхъ языковъ.

И Доможировъ подмигнулъ однимъ глазомъ.

— Такъ онъ былъ мой женихъ! ну, посватайтесь, — тогда *буду къ вамъ* ходить! сказала Полинька.

Онъ погрозилъ ей пальцемъ.

— А вѣдь, небось, не пошла бы?

— Пошла бы! отвѣчала Полинька такъ искренно, что Доможировъ вытаращилъ глаза и вопросительно глядѣлъ на нее. Она потупилась, завертѣла кончикомъ своего передника и прибавила, запинаясь:—Если вы, Афанасій Петровичъ, въ-самомъ-дѣлѣ имѣете намѣреніе, то прошу васъ сказать мнѣ, потому-что я ужь и сама вижу, что дѣвушкѣ бѣдной, какъ я, лучше имѣть мужа въ лѣтахъ....

Доможирову никогда и въ голову не приходило свататься за Полиньку, но теперь, когда она стояла передъ нимъ раскраснѣвшаяся, смущенная, въ его собственной комнатѣ, — ему показался такой поворотъ дѣла очень естественнымъ: онъ считалъ себя первымъ лицомъ въ Струнниковомъ переулкѣ по званію, уму и достатку, — чтожь мудренаго? особенно, если Полинька разлюбила вѣтреннаго Каютина.

— Прощайте! грустно сказала Полинька.

— Да подождите! возразилъ съ легкой досадой Доможировъ.

— Нѣтъ, не могу, вы сперва посватайтесь.

И Полинька быстро скользнула въ дверь. Но не успѣлъ Доможировъ собраться съ мыслями, какъ дверь снова скрыпнула, головка Полиньки показалась.

— Право, сказала она, нѣжно кивая ему: — сватайтесь скорѣе, а то поздно будетъ! и со смѣхомъ захлопнула дверь.

Доможировъ ничего не слыхалъ; онъ кряхтѣлъ, усердно затягивая свой халатъ. И скоро поясъ исчезъ, глубоко врѣзавшись въ его бока, а онъ все стоялъ посреди комнаты и тянулъ, что было лучшимъ признакомъ, что голова его сильно работала.

Съ того дня онъ перемѣнился: все сидѣлъ дома, разсуждая, ужь не жениться ли? Со стороны Полиньки, казалось ему, уже не можетъ быть никакихъ препятствій; одно пугало его: что, если Каютинъ пріѣдетъ и вызоветъ его на дуэль? Воображеніе его по своему сильно работало.

Полинька между тѣмъ дѣйствительно рѣшилась принять мѣсто у одной госпожи, которая согласилась дать ей денегъ впередъ. А деньги необходимы были Полинькѣ, чтобъ расплатиться съ дѣвицей Кривоноговой, которая съ тѣхъ поръ, какъ Полинька задолжала ей, стала очень дерзка съ своей

жилицей. Нечего и говорить, что поведеніе Доможирова, начавшаго посматривать на окно Полиньки чаще обыкновеннаго, довершило ярость дѣвицы Кривоноговой и усилило до невыносимой степени ея дерзость. Съѣхать было необходимо; даже самъ башмачникъ (несчастный башмачникъ!) чувствовалъ эту необходимость, и съ пыткой въ груди побѣжалъ нанимать ломового извощика, который долженъ былъ перевезти полинькины вещи.

Увидавъ, что ломовой извощикъ стоитъ у дома дѣвицы Кривоноговой, и что вещи полинькины укладываютъ, Доможировъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ чуть не перекрутилъ себя пополамъ (къ счастію, лопнулъ поясъ!) съ досады, что такъ много пропустилъ даромъ времени, и какъ былъ, въ халатѣ, кинулся къ Полинькѣ. Но съ половины дороги онъ воротился, спохватившись, что неприлично свататься въ такомъ видѣ.

Увидавъ Доможирова, вбѣжавшаго къ ней съ испуганнымъ лицомъ, въ сюртукѣ, Полинька приняла сердитый видъ и съ упрекомъ сказала:

— Я ужь думала, что вы и проститься не придете!

— Палагея Ивановна! что̀ вы, что̀ вы? уѣзжаете! сказалъ запыхавшійся Доможировъ и посмотрѣлъ вопросительно на Полиньку, на Надежду Сергѣевну, на унылаго башмачника и даже на Катю и Ѳедю, которые перебирали лоскутки, подаренные имъ Полинькой, и были очень довольны суматохой.

— Я васъ ждала, ждала, наконецъ соскучилась, и вотъ теперь ѣду; прощайте, Аѳанасій Петровичъ.

Полинька поклонилась ему.

— Палагея Ивановна, да я думалъ.... я не повѣрилъ, и кто же васъ зналъ? чуть не со слезами говорилъ Доможировъ, запинаясь и покручивая двѣ граціозныя кисточки, украшавшія его картузъ.

Полинька тяжело вздохнула, при чемъ башмачникъ вздрогнулъ, а Надежда Сергѣевна съ недоумѣніемъ покачала головой.

— Палагея Ивановна, прикажите внести ваши вещи, я....

— Мои вещи.... зачѣмъ это, Афанасій Петровичъ? съ удивленіемъ спросила она.

— Ахъ, Боже мой! вотъ дуракъ, такъ дуракъ! жилъ окно въ окно сколько лѣтъ.... глупая башка, глупая.... эхъ!

Такъ заключилъ Доможировъ, открутивъ совсѣмъ одну кисточку и съ негодованіемъ бросивъ ее на полъ.

— Палагея Ивановна, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ, не поднимая головы. — Матушка, прикажите внести все назадъ, голубушка, простите меня, я вѣдь дуракъ: знаете, не вѣрилъ!

— Попросите хорошенько! кокетливо сказала Полинька.

— Ну да какъ же еще? я ужь право не знаю.

— Ну, станьте на колѣни.

— Какъ на колѣни?

— Ну, какъ вы ставите вашего сына.

— Ишь какая! ну, ну, извольте. Такъ ли, Палагея Ивановна, такъ?

Онъ сталъ на колѣни. Очень смѣшна была вся его фигура, особенно лицо.

Полинька сложила руки и величаво спросила:

— Чего же вы хотите?

— Вашей ручки, ручки вашей.

И онъ нѣжно вытянулъ губы.

Полинька расхохоталась, оттолкнувъ Доможирова, который такъ былъ пораженъ неожиданной развязкой, что не справился съ легкимъ толчкомъ, упалъ и съ разинутымъ ртомъ дико смотрѣлъ съ полу на смѣявшуюся Полиньку. Катя и Ѳедя торжествовали, прыгая около распростертаго Доможирова и хлопая своими маленькими руками. Они терпѣть не могли Доможирова: вѣчно праздный, онъ вмѣшивался въ дѣтскія распри и, по естественному пристрастію къ своему красноухому Митѣ, всегда обвинялъ Катю и Ѳедю, жалуясь на нихъ дѣвицѣ Кривоноговой. Башмачникъ угрюмо помогъ встать Доможирову и отчистилъ его сюртукъ.

— Ну, Афанасій Петровичъ! сказала Полинька: — теперь мы квиты! вы довольно шутили съ нами, вотъ и вамъ! пора было: не правда ли?

Онъ съ минуту стоялъ какъ ошеломленный, вытаращивъ глаза, и вдругъ разразился потрясающимъ смѣхомъ. Долго хохоталъ онъ, хорохорился, поздравлялъ Полиньку, что она перехитрила его: но слезы слышались въ его дикомъ хохотѣ, и онъ поминутно сморкался.

— Однакожь, я шучу, шучу, а ужь пора, все готово, сказала Полинька нетвердымъ голосомъ.

Чѣмъ ближе подходило время разлуки, тѣмъ сильнѣй становилось ей жаль своей комнатки, башмачника и даже Доможирова.

— Ага! шутила, шутила, а теперь, кажется, ужь и плакать, замѣтила Надежда Сергѣевна, которой очень не нравилось, что Полинька начинаетъ бродячую жизнь по чужимъ домамъ.

— И не думала! съ досадой сказала Полинька, и, чтобъ скрыть слезы, вскочила на окно и сняла клѣтку. Вынувъ своего снигиря, она поцаловала его, погладила и, держа на пальцѣ, поднесла къ форточкѣ.

— Чтó ты дѣлаешь? спросила Надежда Сергѣевна.

— Выпустить хочу.

— Вѣдь онъ умретъ съ голоду.

— Зато полетаетъ на волѣ.

И Полинька высунула свой пальчикъ въ форточку: снигирь чивикнулъ, радостно забилъ крыльями и порхнулъ.

— Полетѣлъ! печально сказала Полинька, спрыгнувъ съ окна.

— Полетѣлъ! рыдающимъ голосомъ повторилъ башмачникъ, у котораго вертѣлся въ головѣ тотъ день, когда Полинька въ первый разъ приласкала птичку, а онъ, гордый и счастливый своимъ подаркомъ, любовался Полинькой, притаившись у двери.

— Вонъ онъ, вонъ, вонъ! закричали Катя и Ѳедя, вскакивая на окно и слѣдя за снигиремъ, который усѣлся на крышѣ Доможирова и припрыгивалъ и осматривался во всѣ стороны.

— Я его поймаю! сказалъ Доможировъ и выбѣжалъ.

— Карлъ Иванычъ, вы возьмите мои цвѣты, только смотрите, берегите ихъ! сказала Полинька, надѣвая шляпку и салопъ.

— Извольте, я ихъ....

Полинька быстро повернулась къ нему спиной и, подойдя къ Кирпичовой, спросила:

— Чтò, не криво я шляпку надѣла безъ зеркала?

— Нѣтъ, сказала Надежда Сергѣевна: — шляпка не криво надѣта. А вотъ, прибавила она едва слышнымъ голосомъ: — слезы зачѣмъ?

И она отерла слезу, катившуюся по щекѣ Полиньки. Онѣ крѣпко поцаловались.

— Ну, Христосъ съ тобою!

И Надежда Сергѣевна перекрестила Полиньку.

Они вышли на улицу. Праздные жители Струнникова переулка собрались около воза разглядывать полинькино добро. Возъ двинулся, и Полинька, раскланиваясь на всѣ стороны, пошла за нимъ въ сопровожденіи Кирпичовой и башмачника, напутствуемая пронзительными криками Доможирова, забравшагося на крышу ловить снигиря.

Казалось, Катя и Ѳедя теперь только почувствовали, что сиротство ихъ увеличивается, и огорчились отъѣздомъ Полиньки. Переглянувшись, они схватились ручонками и побѣжали за ней. Вдругъ раздался могучій голосъ дѣвицы Кривоноговой:

— Куда? зачѣмъ? назадъ!

Дѣти вздрогнули, оглянулись, но тотчасъ же, сжавъ еще крѣпче руку другъ другу, пустились во всю прыть впередъ.

— Тётя, тётя! закричали они отчаянно, догоняя Полиньку.

Полинька обернулась и приняла въ объятія запыхавшихся дѣтей. Они повисли у ней на шеѣ и плакали, цалуя ее.

Много нужно было Полинькѣ употребить усилій, чтобъ самой не заплакать.

— Вотъ вамъ, купите себѣ леденцовъ, сказала она, отдавая имъ по пятачку. —Да ступайте домой, ато старая тётя бранить станетъ!

— Ничего, пускай бранитъ! дерзко сказали дѣти въ одинъ голосъ, всхлипывая и въ тоже время сквозь слезы съ улыбкой посматривая на свое богатство.

— Ну, прощайте! сказала Полинька и поспѣшила догнать свой возъ.

Дѣти долго смотрѣли ей вслѣдъ.

— Ушла, грустно сказалъ Ѳедя.

— Ушла тётя Поля, сказала Катя, тяжело вздохнувъ.

Они еще съ минуту молчали, потомъ Ѳедя взглянулъ на свои деньги и сказалъ:

— Пойдемъ въ лавочку, купимъ леденцовъ.

— Пойдемъ, отвѣчала Катя.

И они побѣжали покупать леденцовъ, какъ-будто надѣясь заглушить ими свое горе.

Можетъ быть ни для кого въ Струнниковомъ переулкѣ отъѣздъ Полиньки не былъ такъ чувствителенъ, какъ для Кати и Ѳеди, ни для кого.... кромѣ несчастнаго башмачника!

Чѣмъ ближе подходила Полинька къ дому, гдѣ должна была жить, тѣмъ грустнѣе становилось ей. Разговоръ замолкъ, и всѣ трое шли за возомъ такъ молчаливо и такъ уныло, какъ ходятъ люди только за гробомъ.

ГЛАВА V.

ОПЕЧЕНСКІЙ ПОСАДЪ.

Пока въ Струнниковомъ переулкѣ совершались перевороты, сейчасъ разсказанные, Каютинъ прибылъ благополучно съ своими судами въ Вышній Волочокъ. Здѣсь онъ долженъ былъ ожидать нѣсколько времени скопленія каравана. Наконецъ, запасшись хорошими лоцманами, которые нанимаются уже до самого Петербурга, онъ вышелъ въ озеро Мстино, а оттуда барки его были выпущены въ рѣку Мсту, славную своими порогами.

Главнѣйшіе пороги Мсты: Ножкинскіе, Басутинскіе и Боровицкіе. Въ нихъ барки проводятся особыми лоцманами, хорошо знающими изгибистое направленіе фарватера.

Барки Каютина, миновавъ благополучно Ножкинскіе и Басутинскіе пороги, остановились у пристани въ Опеченскомъ посадѣ.

Между Опеченскою и Потерпѣлицкою пристанями, на протяженіи двадцати девяти верстъ, находятся знаменитые Боровицкіе пороги, самое затруднительное мѣсто для судоходства въ Россіи.

Опеченскій посадъ, называемый въ простонародьи Рядкомъ, расположенъ по обѣимъ сторонамъ Мсты на довольно живописной мѣстности. Строенія красивы, улицы удивительно чисты. У праваго берега, обдѣланнаго на большое протяженіе околотымъ булыжнымъ камнемъ, стоятъ суда, предназначенныя для спуска. Число ихъ доходитъ иногда до полуторы тысячи. На другомъ берегу помѣщаются порожныя барки, куда грузятся (сбываютъ лишній грузъ) тѣ суда, которыя сидятъ въ водѣ болѣе, чѣмъ требуется для прохода по порогамъ. Постоянныя

жителей въ Рядкѣ мало, но въ судоходное время народъ толпами сходится сюда изъ окрестныхъ деревень, и тогда вся пристань представляетъ самое живописное зрѣлище.

Въ ожиданіи спуска своихъ барокъ, Каютинъ бродилъ по пристани, съ любопытствомъ наблюдая кипящую передъ нимъ дѣятельность; прислушивался къ толкамъ рабочихъ, лоцмановъ и хозяевъ; провожалъ долгимъ, задумчивымъ взоромъ каждую спущенную барку и потомъ поминутно съ сердечнымъ волненіемъ смотрѣлъ на телеграфъ.

Нужно замѣтить, что на возвышенныхъ мѣстахъ Msты, около пороговъ, стоятъ телеграфы: если барка проходитъ благополучно, на нихъ виситъ бѣлый шаръ; если барка разбивается или останавливается на ходу, выкидываютъ красный шаръ. Такимъ образомъ несчастіе дѣлается въ нѣсколько минутъ извѣстнымъ въ пристани и спускъ судовъ прекращается, пока не очистится ходъ.

Барки Каютина назначены были къ спуску на третій день по прибытіи. Уже многіе лоцмана приходили къ нему наниматься, выхваляя свои достоинства, но Каютинъ, по совѣту Шатихина, рѣшился прибѣгнуть къ лоцману Василью Петрову, знаменитому своимъ искусствомъ.

Лоцмана въ Опеченскомъ посадѣ составляютъ особое сословіе и пользуются особенными правами, которые довольно интересны. Комплектъ ихъ двѣсти человѣкъ. Вновь поступаютъ только на мѣсто выбывшихъ и не иначе какъ по выборамъ. Лучшіе *концевые* (*) записываются въ кандидаты, и списокъ ихъ разсматривается инженернымъ начальствомъ. Потомъ назначается день выборовъ. Собираются лоцмана и балотируютъ кандидатовъ шарами. Списокъ избранныхъ представляется на утвержденіе начальству.

Стало быть право быть лоцманомъ зависитъ рѣшительно отъ способностей и знанія дѣла. Случалось однако, что дѣдъ, отецъ и сынъ были лоцманами, передавая другъ другу свои знанія.

Въ гонкѣ барокъ, между лоцманами соблюдается очередь, нарушаемая впрочемъ по взаимному согласію: лучшіе лоцмана,

(*) Барки управляются четырьмя потесями, т. е. огромными веслами, сажени четыре въ длину, вершковъ шесть въ діаметръ, расположенными по концамъ. Правою, переднею, управляетъ самъ лоцманъ, на остальныхъ распоряжаются его помощники, называемые концевыми.

извѣстные подъ названіемъ «просьбенныхъ», становясь на суда не въ очередь, платятъ очереднымъ условную плату. Выгода лоцмана сопряжена разумѣется съ благополучной переправой барки. Если барка разобьется, онъ не только лишается платы, но и работы до окончанія слѣдствія. Такое лишеніе продолжается одну или двѣ перемычки, смотря по результатамъ слѣдствія.

Домъ лоцмана Петрова отыскать было нетрудно: любой человѣкъ на пристани зналъ къ нему дорогу. Миновавъ цѣлый лабиринтъ складочныхъ сараевъ, пильныхъ дворовъ, барокъ, досокъ, образующихъ мѣстами длинные переулки, кузницъ и лачужекъ, расположенныхъ по косогору, на песчаномъ берегѣ рѣки, Каютинъ очутился наконецъ передъ небольшимъ зданіемъ, чѣмъ-то среднимъ между избою зажиточнаго крестьянина и мѣщанина. Зданіе примыкало почти вплоть къ обрыву берега: окна его, съ рѣзными вычурами и цвѣтными ставнями, глядѣли на рѣку; двѣ-три столѣтнія дуплистыя ветлы осѣняли его кровлю. Высокій плетень, огибавшій густой огородъ, былъ завѣшенъ сушившимся бреднемъ; у воротъ, вмѣсто сохи или бороны, лежала опрокинутая лодка. Куда только ни обращался взоръ, все обозначало довольство; нигдѣ не видно было той ветхости, какую такъ часто встрѣчаешь въ обыкновенныхъ сельскихъ лачугахъ. Вступивъ на дворъ, Каютинъ еще болѣе убѣдился въ зажиточности хозяина. Кругомъ амбары, клѣти, бочки; стада гусей и куръ бродили по двору; надъ крылечкомъ висѣло нѣсколько островерхихъ клѣтокъ съ перепелами; на веревкѣ, протянутой черезъ дворъ, висѣли все красныя рубахи, тулупы, шубейки, плисовые шаровары. Впрочемъ и то сказать: ни одно сословіе изъ простонародья не живетъ такъ привольно, какъ лоцмана тѣхъ мѣстъ. За каждую благополучную гонку барки хозяинъ платитъ имъ иногда до пятнадцати рублей серебромъ. Въ Потерпѣлицкой пристани всегда готовы лошади, и хорошему лоцману удается часто въ сутки прогнать три барки; въ три перемычки (промежутокъ времени, въ которое спускаютъ барки) хорошій лоцманъ заработываетъ до трехъ тысячъ ассигнаціями.

— Эй, тётка! сказалъ Каютинъ, обратясь къ толстой бабѣ, стиравшей бѣлье посреди двора у колодца: — дома, что ли, хозяинъ?

— Дома, кормилецъ; подь въ горницу.

Каютинъ вошелъ въ просторную сосновую избу, жарко натопленную; въ правомъ углу, передъ богатой образницей, за большимъ дубовымъ столомъ нѣсколько человѣкъ распивало чай. Неуклюжій самоваръ стародавняго фасона шипѣлъ и визжалъ, пуская кудрявые клубы пара въ лица и бороды собесѣдниковъ.

— Кто здѣсь Василій Петровъ? спросилъ Каютинъ, поклонившись всей компаніи.

— Чтó угодно твоей милости? отвѣчалъ приподымаясь бодрый и высокій старикъ лѣтъ пятидесяти, въ пестрой ситцевой рубахѣ, синемъ суконномъ жилетѣ съ мѣдными пуговицами и въ плисовыхъ штанахъ, заправленныхъ въ сапоги. Въ черныхъ кудрявыхъ волосахъ его проглядывала сѣдина; лицо его, смѣлаго и бойкаго очертанія, было правильно и привлекательно, но сурово.

Вообще всѣ лоцмана имѣютъ осанку горделивую; походка ихъ строга, движенья величавы. Привычка камандовать кладетъ на нихъ свою печать. Притомъ всѣ они народъ здоровый, сильный и ловкой.

— Я пришелъ къ тебѣ, Василій Петровичъ, съ просьбой, сказалъ Каютинъ: — возьмись завтра управлять моей казенкой да укажи хорошихъ лоцмановъ.

— Да съ чего же ты ко мнѣ-то пришелъ? возразилъ лукаво старикъ.

Онъ бережно поставилъ на столъ блюдечко, которое держалъ на концахъ пальцевъ, и, съузивъ сѣрые свои глаза, устремилъ ихъ на молодого человѣка.

— Выдь на улицу, гаркни только: лоцмана де нужно! набѣжитъ какъ саранча! Глянь-ко, поди на пристань, какъ обступаютъ вашего брата хозяевъ, не продраться сердечнымъ! и кто тебя ко мнѣ послалъ?

— Слухомъ земля полнится: всѣ говорятъ, ты самый бывалый, надежный лоцманъ.

— То-то и есть, хозяинъ, толкуютъ и старъ-то и слабъ сталъ, въ отставку пора; а приспѣетъ дѣло, хозяева всѣ почитай къ Василью Петрову бѣгутъ: Василій де Петровичъ, ко мнѣ, да ко мнѣ, сдѣлай милость! я не напрашиваюсь, не хожу за вами, вы за мной ходите. Старъ вишь пришелся; а чтóжь, что старъ, коли дѣло смыслитъ! Да и чтó въ молодости? Молвить нечего, ест

хорошіе ребята; вотъ и сынъ у меня бойкій парень и изъ себя видный, да вѣтеръ-то ихъ во всѣ стороны качаетъ,—молодо-зелено! Выпей-ка съ нами чайку, хозяинъ, просимъ не побрезговать, — садись.

Каютинъ сѣлъ.

— А ты ужь ѣзжалъ здѣсь, или въ первой? спросилъ лоцманъ, наливая ему чашку.

— Въ первой, не приходилось, отвѣчалъ Каютинъ : — вотъ потому-то я хотѣлъ имѣть съ тобою дѣло, Василій Петровичъ: понадежнѣе; мѣста-то, говорятъ, больно опасныя у васъ; мнѣ все здѣсь въ диковину.

— Да пишто, мѣсто приточное, замѣтное мѣсто.... сюда нарочно на наши пороги поглядѣть ѣздятъ: больно вишь занятно... Какъ теперь помню, лѣтъ десятокъ будетъ, сѣлъ ко мнѣ на барку господинъ изъ Питера; для того и пріѣхадцы, говоритъ, был... Ничего, не робѣлъ сначала. А какъ на *Вязви* аѣхали да почала барка трещать и гнуться, отколѣва страхъ взялся, забѣгалъ словно угорѣлый, такъ вотъ и прыскаетъ изъ угла въ уголъ, побѣлѣлъ весь, кричитъ: выпустите, родимые! Мнѣ не до того было: работа была трудная; а какъ взгляну, такъ вотъ смѣхъ и разбираетъ. Да вѣдь и не выдержалъ: на островъ соскочилъ, упалъ по колѣни въ воду, а шуба-то на немъ енотовая была, богатая, всю смочилъ; ужь и посмѣялись мы тогда! Не знаю, кто его тогда на берегъ вывезъ!

— А вотъ намедни толкъ шелъ въ харчевнѣ, Василій Петровичъ, отозвался одинъ изъ гостей лоцмана, рыжій, плечистый мужикъ въ синемъ армякѣ: — сказывали, что два агличанина изъ своей земли нарочно пріѣзжали поглядѣть на пороги.

— Да кому жь ты говоришь, Миронъ Захарычъ! я самъ ихъ видѣлъ, вотъ какъ тебя вижу теперь; вотъ, я чай, и батюшка ихъ запомнитъ.

Тутъ онъ обратилъ глаза къ противоположному углу, гдѣ на широкой изразцовой лежанкѣ покоилось туловище, прикрытое двумя нагольными тулупами.

— Батюшка!

— Ась! отозвался разбитый голосъ, и старикъ лѣтъ восьмидесяти пяти, сѣдой какъ лунь, приподнялся, покряхивая, на локтѣ.

— Подь къ намъ, сказалъ лоцманъ: — полно тебѣ спать; вишь гости дорогіе пришли; выпей чайку.

Старикъ сбросилъ съ себя тулупы и свѣсилъ босыя, костлявыя ноги на полъ, при чемъ длинныя пряди его бѣлыхъ волосъ разсыпались по смуглому, загорѣлому лбу и шеѣ. Онъ медленно сошелъ внизъ на полъ, накинулъ на сгорбленную спину овчинку и, придерживаясь по стѣнкѣ, медленно началъ пробираться къ разговаривающимъ. Тогда только замѣтилъ Каютинъ, что старикъ былъ слѣпъ Гости лоцмана почтительно дали ему дорогу; Каютинъ привсталъ и опорожнилъ ему мѣсто.

— А помнишь, батюшка, какъ агличане пріѣзжали къ намъ на пристань?

— Помню, какъ не помнить, отвѣчалъ старикъ, ощупывая лица сосѣдей. — Ты, что ли, Миронъ, произнесъ онъ, отнимая дрожащую ладонь отъ бороды рыжаго мужика.

— Я; здорово, Петръ Васильичъ; какъ Богъ милуетъ?

— А вѣдь, небось, на барку-то не посмѣли сѣсть агличане-то, перебилъ лоцманъ: — только у телеграфа на *Выпу* поглядѣли; дѣло-то было по веснѣ; знамо, рѣка-то наша маненечко поразгулялась; какъ увидѣли они, что барку понесло такъ, что и тройкой не обгонишь, знамо, при вѣтрѣ, тридцать верстъ въ частую угонитъ, ну и трухнули. А потомъ, сказывалъ ратманъ, какъ пріѣхали домой, въ газетахъ отпечатали, что по порогамъ по Боровицкимъ въ рѣшетахъ ѣздятъ.... Да что́ вы думаете, а вѣдь и въ заправду рѣшето! продолжалъ словоохотливый хозяинъ, самодовольно оглядывая слушателей: — а, нутка-сь, построй иное судно, такъ чего добраго и не выдержитъ, какъ на порогахъ почнетъ его безъ малаго что на аршинъ перегибать (*)

— А правда, говорятъ, будто здѣсь Императрица Екатерина Великая была? спросилъ Каютинъ, обращаясь къ слѣпому старику, который тотчасъже навострилъ слухъ и поставилъ чашку на столъ.

— Правда, отвѣчалъ онъ: — я еще тогда и самъ лоцманомъ былъ. Вотъ недавно съ ратманомъ года считали, да и въ бумагахъ есть: кажись, въ 1785 году... дай Богъ память!... такъ, въ 1785 году дѣло было: Государыня отъ Волочка на баркахъ изволила

(*) Суда строятся плоскодонными; ни одной желѣзной связи въ нихъ нѣтъ; даже гвозди всѣ деревянные; это дѣлается для того, чтобы они составляли по возможности упругую систему и могли бы нагибаться не ломаясь.

...ло за голенище; онъ и повисъ на ней...
...ой ножомъ голенище распоролъ и снялъ
...: прогулялъ перемычку! А барку такъ
...о восемьдесятъ кулей повытаскали!
...ни всѣ дѣвались? смущеннымъ голосомъ

...е... и вправду видно, что ты впервые здѣсь,
...прищуривая снова глаза свои: — куда дѣва-
...умаешь, барки-то бродомъ ходятъ у насъ?
...захохотали; даже старикъ, отецъ его, пока-
...впалыхъ губахъ его показалась улыбка.
...одолжалъ хозяинъ: — вѣдь якъ те сказы-
...дечныхъ перегибаетъ на порогахъ: рѣка изви-
...къ, въ иномъ мѣстѣ словно угломъ заворачи-
...ъ разъ каменная коса на поворотѣ тебя и
...шь, какъ налетишь; теченіе, брось щепку —
...вихремъ; разсудижь ты самъ, каково поупра-
...кой, на иной вѣдь пудовъ тысячъ восемь, —
...ла, повсюду, гдѣ только можно, въ опасныхъ
...ъ изъ бревенъ подѣланы: какъ ударится объ
...они и откинутъ ее опять на фарватеръ, на
...нь.... да и тутъ не всегда Господь милуетъ.
...ала по всѣмъ членамъ Каютина. Воображеніе
...инъ мигъ тысячу опасностей, которымъ не-
... подвергаться барки, проходящія черезъ по-

... сказалъ лоцманъ, замѣтивъ его смущеніе: —
...ранѣе, хозяинъ; утро вечера мудренѣе, авось
...ю; у насъ есть лихіе ребята, проведутъ, дастъ
...ю.
...илій Петровичъ, будешь у меня на казенкѣ?
...ымъ голосомъ Каютинъ.
..., да не могу, хозяинъ.... какъ тебя звать при-

...иколаичъ.
...имофей Николаичъ: кашинскому купцу Заво-
...кому Полетаеву обѣщался, — слово дороже
... пятый годъ у нихъ барки гоняю.

прибыть; нарочито тамъ для нея барки дѣлали. А здѣсь ее на носилкахъ наши дѣвки изъ барки вынесли; носилки были тожъ нарочито сдѣланы. Дѣвки все подобраны были ражія: намъ всѣмъ лоцманамъ понашили кафтаны зеленые, кушаки алые, поярковыя шляпы; и теперь у меня сохранны, въ сундукѣ лежатъ. Царица, до Потерпѣлицъ, говорятъ, на барки не садилась, а изволила по берегу ѣхать въ берлинѣ—по нынѣшнему каретой называютъ — а на баркахъ графы и князья ѣхали.

— А много съ ней было свиты?

— Да довольно. Князь Потемкинъ былъ, Саблуковъ, Нарышкинъ.... да еще дай Богъ память.... Намѣстникомъ новгородскимъ и тверскимъ что былъ.... да, Архаровъ, Николай Петровичъ; да еще Олсуфьевъ. Я тогда молодъ былъ, а вотъ помню немного. Въ Потерпѣлицахъ Государыня сѣла на барку и на нейо самого Питера слѣдовать изволила, продолжалъ старикъ, проводя для бо́льшей ясности рукою по воздуху: — дай Богъ ей царствіе небесное! Да на плесѣ, за *Витцами*, подъ Боровичами, велѣла всѣхъ лоцмановъ водкой поить... Вишь какая была!.. Съ тѣхъ поръ и зовутъ его *Виннымъ Плесомъ*.

Старикъ замолкъ, потупилъ голову и задумался.

— Знатное, знатное у насъ мѣсто! замѣтилъ лоцманъ Петровъ, самодовольно поглаживая бороду: — особливо въ судоходную пору, какъ со всѣхъ сторонъ народъ пойдетъ на работу, — что твой городъ: тысячъ семь иной разъ наберется! шутка, безъ малаго пять тысячъ барокъ прогоняемъ! Не повадно оно только вашему брату, прибавилъ онъ смѣясь: — чай, задрожитъ небось ретивое, какъ пойдетъ колотить твои барки тысячныя?

И лоцманъ снова засмѣялся. У Каютина въ-самомъ-дѣлѣ дрогнуло сердце.

— А часто случаются у васъ несчастія? спросилъ онъ.

— Какъ не быть, — бываютъ; грѣхъ сказать, чтобы часто, не то, что въ старые годы, а все-таки поколачиваетъ. Вотъ и вечоръ барку въ серединопорожьи разбило: шли съ Гжатской пристани, съ масломъ, и тысячъ на двадцать серебромъ товару было, — така-то напасть, право! И лоцманъ такой ловкій парень, — не знаю, оплошалъ, что ли, или ужь такъ напасть Божія? Костинъ, прибавилъ лоцманъ, обращаясь къ другимъ собесѣдникамъ: — да и самъ чуть-было не утонулъ: какъ-то

концомъ потеси зацѣпило за голенище; онъ и повисъ на ней... да спасибо еще концевой ножомъ голенище распоролъ и снялъ его.... Жаль бѣднягу: прогулялъ перемычку! А барку такъ расколотило, что всего восемьдесятъ кулей повытаскали!

— Да куда же они всѣ дѣвались? смущеннымъ голосомъ спросилъ Каютинъ.

— Куда! э, ге, ге... и вправду видно, что ты впервые здѣсь, отвѣчалъ лоцманъ, прищуривая снова глаза свои: — куда дѣвались? а нешто ты думаешь, барки-то брóдомъ ходятъ у насъ?

Гости лоцмана захохотали; даже старикъ, отецъ его, покачалъ головою, и на впалыхъ губахъ его показалась улыбка.

— Эхъ-ма! продолжалъ хозяинъ: — вѣдь якъ те сказывалъ, какъ ихъ сердечныхъ перегибаетъ на порогахъ: рѣка извилиста, чтó проселокъ, въ иномъ мѣстѣ словно угломъ заворачиваетъ; а тутъ какъ разъ каменная коса на поворотѣ тебя и ждетъ, не смигнешь, какъ налетишь; теченіе, брось щепку — несетъ какъ листъ вихремъ; разсудижь ты самъ, каково поуправиться тутъ съ баркой, на иной вѣдь пудовъ тысячъ восемь, — сила! Вѣстимо дѣло, повсюду, гдѣ только можно, въ опасныхъ мѣстахъ «заплыви» изъ бревенъ подѣланы: какъ ударится объ нихъ барка, такъ они и откинутъ ее опять на фарватеръ, на глубину, понимаешь.... да и тутъ не всегда Господь милуетъ.

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Каютина. Воображеніе его создало въ одинъ мигъ тысячу опасностей, которымъ непремѣнно должны подвергаться барки, проходящія черезъ пороги.

— Да, ну, ну, сказалъ лоцманъ, замѣтивъ его смущеніе: — полно грустить заранѣе, хозяинъ; утро вечера мудренѣе, авось все пройдетъ ладно; у насъ есть лихіе ребята, проведутъ, дастъ Богъ, благополучно.

— Чтóжь, Василій Петровичъ, будешь у меня на казенкѣ? спросилъ нетвердымъ голосомъ Каютинъ.

— И радъ бы, да не могу, хозяинъ.... какъ тебя звать прикажешь?

— Тимофей Николаичъ.

— Не могу, Тимофей Николаичъ: кашинскому купцу Заворотову да калужскому Полетаеву обѣщался, — слово дороже денегъ, — я уже пятый годъ у нихъ барки гоняю.

— Ну, такъ хоть научи, кого лучше позвать; мое дѣло новое; сдѣлай милость.

— Научить, научу, изволь.

ГЛАВА VI.

БОРОВИЦКІЕ ПОРОГИ.

Было уже около восьми часовъ вечера, когда Каютинъ снова очутился на песчаномъ берегу Мсты. Солнце медленно склонялось за рѣку, распуская по небу багровое, кровавое зарево. Небо было облачно; длинные хребты тучь, несомые сильнымъ вѣтромъ, застилали горизонтъ. Окрестность окутывалась уже сизою тьмою, и только домъ лоцмана, съ осѣнявшими его ветлами, облитый продиравшимися сквозь тучи лучами, обозначался яркимъ пятномъ посреди темныхъ обрывовъ. Но вотъ и онъ началъ наконецъ тускнуть; зарево еще разъ вздрогнуло въ стеклахъ оконъ, проскользнуло по макушкѣ кровли, и все охватилось сумерками Каютинъ спустился внизъ къ рѣкѣ и пошелъ берегомъ, прислушиваясь къ печальному плеску волнъ, разбивающихся о камни. Неподалеку отъ ручья, бѣжавшаго съ крутизны по берегу, онъ увидѣлъ двухъ рыбаковъ, тащившихъ изъ воды лодку. Онъ чувствовалъ себя столько одинокимъ въ ту минуту, что обрадовался встрѣчѣ.

— Здорово, ребята, Богъ помощь! сказалъ Каютинъ, подходя къ нимъ.

— Здравствуй, братъ.

— Что̀ дѣлаете?

— Да вотъ лодку боимся оставить въ рѣкѣ, — ишь солнышко сѣло какъ! словно къ непогодѣ.... того и смотри, въ ночь унесетъ вѣтромъ....

— Ито, подхватилъ другой: — небо словно полымемъ охватило, — къ вѣтру, — да вотъ и теперь ужь начинаетъ добро погуливать.... чай покачаетъ на пристани барки-то.... бока-то имъ понадсадитъ сердешнымъ. Будетъ погода.

— Если къ завтрему вѣтеръ усилится, я стану хлопотать, чтобъ гонку моихъ судовъ отсрочили, подумалъ Каютинъ и медленно, повѣся голову, поплелся по извилистымъ переулкамъ

посада, гдѣ все уже смолкло. Отказъ Василья Петрова, особенно послѣ того какъ предстоящая опасность открывалась во всей страшной дѣйствительности, отнялъ у Каютина половину силы и бодрости. Сердце его сжалось еще больнѣе, когда вошелъ онъ на свою красивую казечку и оглянулъ остальныя суда свои.

Что̀ будетъ съ ними завтра?...

Долго сидѣлъ онъ на палубѣ, и холодный потъ выступалъ у него на лбу каждый разъ, какъ онъ вспоминалъ разсказы лоцмана.

Черная, мрачная ночь окутывала берегъ и рѣку. Вѣтеръ значительно усилился. Скрипъ барокъ и яростный плескъ буруновъ, смѣшиваясь въ какую-то унылую, погребальную музыку, способны были навести тоску на самаго веселаго человѣка. Каютинъ машинально глядѣлъ на противоположный берегъ. Тамъ, вдалекѣ, посреди непроницаемой ночи, мерцалъ гдѣ-то огонекъ. Въ томъ состояніи духа, въ которомъ находился молодой человѣкъ, каждый сторонній предметъ вызываетъ къ мечтательности. Воображенію Каютина уже представилась теплая лачуга, семья, собравшаяся въ дождливую сырую ночь у родного очага, тихій говоръ подъ шумокъ веретена и прялки.... онъ вспомнилъ Полиньку.... какъ охотно промѣнялъ бы онъ теперь всѣ свои планы и надежды на самое скромное, тихое настоящее, — полною поэзіи казалась ему тогда такая жизнь! Но сердитый взрывъ вѣтра снова напоминалъ ему горькую дѣйствительность: «поздно возвращаться назадъ», гудѣлъ ему вѣтеръ, «слишкомъ далеко зашелъ», напѣвали ему неугомонныя волны. Каютинъ отиралъ ладонью холодный потъ, выступавшій на лицѣ его, мѣрялъ скорыми шагами палубу, потомъ снова успокоивался и снова, опустивъ голову на руку, вперялъ влажные глаза свои на клокотавшую подъ ногами рѣку. «Вотъ — думалъ онъ — завтра снова засвѣтится огонекъ въ лачужкѣ, все будетъ спать такъ же спокойно и тихо, какъ нынче, снова усядется семейка вокругъ очага, беззаботно пройдетъ ихъ вечеръ, а я въ то время останусь быть можетъ одинъ съ страшнымъ отчаяніемъ въ сердцѣ, все для меня можетъ кончиться, все погибнуть!....»

Наконецъ онъ вошелъ въ каюту и зажегъ свѣчу.

То была маленькая, низенькая комнатка, оклеенная зелеными обоями; вся мебель ея состояла изъ стола, двухъ стульевъ,

сундука, служившаго вмѣстѣ и постелью, и шкафа, въ которомъ хранились : водка, чайникъ, стаканы и другая необходимая посуда. Маленькая израсцовая печь выходила изъ-подлѣ устроенной кухни; окна были небольшія и низкія, такъ-что подоконники приходились почти въ уровень съ водой.

Мѣстами по стѣнамъ висѣли платья, а въ одномъ углу на косякѣ лежали книги, и на нихъ стоялъ портретъ въ красивой рамкѣ. Свѣча такъ ровно горѣла, что со всѣхъ точекъ маленькой комнаты можно было различить черты портрета.

Каютинъ легъ, но ему не спалось.

Ворочаясь безпрестанно на сырой постели, онъ напрасно старался согрѣться, наконецъ окутался своей шубой, а дрожь все не унималась. Дрожь была внутренняя. Тяжелую ночь переживалъ онъ! Кто привыкъ смотрѣть на себя какъ на поденщика, и равнодушно переходитъ отъ дѣла къ дѣлу, не видя и не надѣясь конца работѣ, кто такъ росъ и веденъ съ дѣтства, что никакой переворотъ не застигаетъ его нечаянно, — и у того сердце стучитъ громче обыкновеннаго, когда настаетъ рѣшительная минута. А онъ, долго лѣнивый и праздный, и вдругъ кинутый сумазбродной мыслью въ сферу самой горячей и упорной дѣятельности,— онъ, не бѣжавшій съ поля потому только, что постыднымъ казалось бѣгство, но работавшій черезъ силу,— какія мученія долженъ былъ испытывать онъ при одной мысли, что труды его могутъ погибнуть!

Рамы дребезжали при частыхъ порывахъ пронзительнаго вѣтра, который, печально свистя, врывался въ щели; изрѣдка дождь колотилъ по стекламъ; глухо шумя и бурля, волны ударяли въ бока барки и разсыпаясь удалялись съ тихимъ ропотомъ; потеси мѣрно, однообразно скрипѣли. Какая унылая музыка!

Нестерпимо болѣло и ныло сердце бѣднаго временного купца. Тоска его все увеличивалась и наконецъ перешла въ малодушіе.

Кругомъ ни звука, обозначающаго присутствіе живого существа; некого стыдиться, не передъ кѣмъ рисоваться: онъ заплакалъ!

Легко говорить о дѣлѣ, легко собираться работать, но когда не сдѣлано привычки къ труду, а дѣло вдругъ обрушится на плечи со всѣми своими неотразимыми препятствіями и шаткими

сторонами, и только съ невѣрной и далекой надеждой успѣха, немудрено заплакать, особенно когда нѣтъ свидѣтелей жалкихъ слезъ, которыхъ самъ стыдишься.

Онъ плакалъ о своемъ безсиліи, плакалъ о своемъ малодушіи, съ отчаяніемъ и злобой подозрѣвая постыдную истину, что погибни завтра его трудъ, такъ не хватитъ у него силъ великодушно перенести горе и приняться за новый.

Такъ дѣйствительность ломаетъ и перевертываетъ тѣхъ юношей нашего вялаго и лѣниваго поколѣнія, которые въ фантазіи мужественно переносятъ великіе труды и опасности, а взявшись за дѣло не умѣютъ ни справиться съ нимъ, ни разомъ бросить его. Борьба мелкая и жалкая! немногіе выдерживаютъ ее и выходятъ на дорогу полезнаго труда.

И суждено ли было выйти на нее Каютину? — вопросъ темный, котораго самъ онъ боялся....

Нескоро заснулъ въ ту ночь временной купецъ, напутствуемый все тѣмъ же шумомъ волнъ и скрипомъ потесей, и тяжелы были его сны: необъятное пространство водъ, а надъ нимъ черное безотрадное небо, волны, обдающія палубу, вѣтеръ, неистово качающій суда и наконецъ разбивающій ихъ.... «Спасите! спасите! гибнутъ плоды долгихъ, кровавыхъ трудовъ!» Но нѣтъ помощи, нѣтъ спасенья! все пошло ко дну. Раза два мелькнуло среди мрака и разрушенія свѣтлое личико Полиньки, но свирѣпыя волны не пощадили и ея.

Съ крикомъ отчаянья просыпался бѣдный купецъ и не скоро впадалъ опять въ забытье, и опять тоже необъятное пространство водъ, тотъ же пронзительный свистъ бури, тѣже холодныя, мрачно бурлящія волны....

Смутный говоръ и громкіе удары топора наверху разбудили Каютина. Онъ такъ продрогъ, что зубы его стучали. Закутавшись въ шубу и плотно подпоясавшись, Каютинъ вышелъ на пристань.

День былъ холодный, темный. Вѣтеръ стихъ, но мелкій дождь сѣрымъ туманомъ падалъ на землю. Все небо было задернуто тучами. Обмокшіе, потемнѣвшіе дома глядѣли сердито и печально.

Когда наши надежды невѣрны и шатки, когда съ сомнѣніемъ и трепетомъ мы ждемъ рѣшенія судьбы своей въ будущемъ, пробужденіе въ ненастную и дождливую погоду особенное не-

екой надеждой успѣха,
ѣтъ свидѣтелей жалкихъ

калъ о своемъ малодушіи,
стыдную истину, что по-
гъ у него силъ великодуш-
ый.

и перевертываетъ тѣхъ
колѣнія, которые въ фан-
кіе труды и опасности, а
иться съ нимъ, ни разомъ
кая! немногіе выдержи-
знаго труда.

нее Каютину? — вопросъ
....

менной купецъ, напутствуе-
скрипомъ потесей, и тяжелы
транство водъ, а надъ нимъ
, обдающія палубу, вѣтеръ,
цъ разбивающій ихъ.... «Спа-
олгихъ, кровавыхъ трудовъ!»
! все пошло ко дну. Раза два
енія свѣтлое личико Полиньки,
и и ея.

ыпался бѣдный купецъ и не ско-
, и опять тоже необъятное про-
зительный свистъ бури, тѣже
ы....

ары топора
то зубы его
асавшись,

темный.
алъ на
потем

пріятно. Тогда и надежды кажутся несбыточнѣе, сомнѣніе усиливается и грызетъ душу съ неотразимымъ упорствомъ.

Не веселыя мысли толпились въ головѣ Каютина, стоявшаго на берегу, предъ своими барками. Пристань уже кипѣла народомъ: одни работали на баркахъ, готовившихся къ отправленію, другіе бродили толпами по пристани, предлагая свои услуги. Кучи лоцмановъ обступали судохозяевъ.

И смутный шумъ непрерывнаго говора людей и стукъ производимыхъ работъ, — все страшно непріятно дѣйствовало на нервы временного купца. Тутъ не кстати подошли къ нему двѣ грязныя, оборванныя старухи и плачевнымъ голосомъ затянули подъ самымъ его ухомъ:

— Хозяюшка.... голубчикъ.... за барочки твои Бога будемъ молить!... счастливо чтобы прошли они, хозяюшка!

Каютинъ подалъ имъ и отошелъ подальше. Но другіе нищіе, увидавъ, что онъ подалъ, обступили его и тихо затянули:

— Хозяюшка.... голубчикъ!

Каютинъ опять подалъ, подавивъ внутреннюю досаду.

Но тѣмъ не кончилось. Явились еще нищіе.

— Пошли прочь! крикнулъ Каютинъ сердито, но ему тотчасъ же стало совѣстно своей раздражительности. Онъ ушелъ въ каюту.

Долго сидѣлъ онъ на своемъ сундукѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда, по расчисленію, должны были отправляться его барки. Шатихинъ заходилъ къ нему и сказалъ, что самъ поѣдетъ берегомъ, чтобъ имѣть въ виду барки и, въ случаѣ несчастія, распорядиться. Каютинъ же долженъ былъ ѣхать на казенкѣ.

Былъ уже часъ третій, когда Каютинъ вышелъ на пристань. Нѣсколько десятковъ барокъ, уже спущенныхъ, прошли благополучно, какъ и показывалъ то телеграфъ.

Барки отходили по тому порядку, въ какомъ стояли, отчаливая чрезъ нѣсколько минутъ одна послѣ другой, по командѣ солдатъ, разставленныхъ по пристани для присмотра.

Шесть или семь барокъ находились еще впереди судовъ, принадлежащихъ Каютину. Лоцмана и рабочіе были уже на своихъ мѣстахъ.

Наконецъ настала ихъ очередъ. Передъ глазами Каютина, *сердце* которaго сильно билось, отчалила первая барка. О-

жень двѣсти, плавно качаясь, проплыла она въ виду многочисленныхъ зрителей и потомъ исчезла за крутымъ поворотомъ. За ней послѣдовала другая, потомъ надлежало отправиться казенкѣ, на которую уже взошелъ Каютинъ, а за тѣмъ и остальнымъ тремъ баркамъ.

Шатихинъ, сильно взволнованный, съ нѣжностію простился съ Каютинымъ и поскакалъ на лихой тройкѣ берегомъ.

Лоцманъ, концевые и рабочіе стояли по потесямъ. Ждали только приказанія отправляться.

— Отчаль! закричалъ солдатъ.

— Благослови, хозяинъ! сказалъ лоцманъ, обращаясь къ Каютину и снимая фуражку. Каютинъ снялъ съ себя тоже.

— Молись! закричалъ лоцманъ громкимъ голосомъ. Рабочіе скинувъ шапки, стали молиться.

— Теперь за дѣло! скомандовалъ Клушинъ (лоцманъ Каютина).

Барка отчалила и понеслась по теченію, управляемая потесями.

Клушинъ стоялъ молча и неподвижно у своей потеси, устремивъ внимательный взоръ впередъ. Только движеніями рукъ онъ показывалъ, что́ слѣдовало дѣлать.

То былъ человѣкъ высокаго росту, плотный и довольно полный, лѣтъ сорока пяти. Черные съ просѣдью волосы и широкая борода придавали его гордому и строгому лицу особенное, мужественное выраженіе.

Каютинъ внимательно слѣдилъ за каждымъ его движеньемъ.

Вдругъ вблизи барки раздались мѣрные удары колокола. Каютинъ вздрогнулъ и обернулся: онъ увидѣлъ на берегу небольшую часовню, выкрашенную сѣрой краской, а ниже ея на столбѣ колоколъ. Рабочіе сняли шапки и перекрестились.

— Молись вси крещоны! крикнулъ одинъ рыжій парень торжественнымъ голосомъ.

И барка пронеслась мимо.

Каждый разъ, при проходѣ барки, сторожъ, приставленный къ часовнѣ, звонитъ въ колоколъ. Прикащики съ мимоидущихъ барокъ бросаютъ къ ногамъ его деньги. А судохозяева, ѣдущіе берегомъ, кладутъ свои усердныя приношенія въ кружку, привинченную къ часовнѣ, сопровождая ихъ горячими молитвами.

Предъ каждымъ порогомъ на обоихъ берегахъ стоятъ нищіе, плачевно напѣвая. При видѣ близкой опасности, судохозяева и прикащики ихъ до того размягчаются, что никогда не забудутъ щедро метать на берегъ мѣдныя деньги.

И Каютинъ не хотѣлъ измѣнить обычаю и потому отдалъ заранѣе кучу мѣдныхъ денегъ ѣхавшему съ нимъ изъ Волочка лоцману, который на порогахъ былъ только зрителемъ. И каждый разъ, какъ лоцманъ взмахивалъ своей щедрой рукой, между нищими происходило страшное волненіе.

Барка, ловко заворачивая, шла по теченію и пронеслась по порогамъ, находящимся между Рядкомъ и деревнею, называемой Порогомъ. Попутный вѣтеръ становился все сильнѣе и сильнѣе.

— Кабы не вѣтеръ? говорилъ одинъ концевой: — работы будетъ!

Лоцманъ молча смотрѣлъ впередъ. По временамъ раздавались возгласы командующихъ концевыхъ, сопровождаемые криками работающихъ людей. Все еще было спокойно, и управленіе производилось безъ особенныхъ усилій.

Но когда стали приближаться къ *Рыку* (*), Клушинъ встрепенулся. Онъ быстро снялъ полукафтанье и остался въ суконномъ жилетѣ, надѣтомъ на красную рубашку; окинулъ взоромъ барку и закричалъ, взявшись самъ за ручку потеси:

— Долой шубы! долой живѣе!

Многіе тотчасъ исполнили приказаніе.

— Долой, говорятъ долой, заревѣлъ Клушинъ остальнымъ: — аль оглохли!... согрѣетесь ужо!

И онъ принялся за работу.

— Наложь! кричалъ концевой, ближайшій къ Каютину, красивый мужикъ лѣтъ двадцати.

— Сильно!... сильно!... дружно.... Еще сильнѣе!... ну, Ванюха!... мало!

Издали уже былъ слышенъ глухой шумъ воды, разбивающейся объ каменья. Мрачно взъерошенная поверхность ея на порогахъ рѣзко отдѣлялась отъ предшествовавшей спокойной поверхности. Барка взошла на пороги и страшно треща понеслась по нимъ какъ стрѣла. Кругомъ ея вода волновалась, крутилась, кипѣ

(*) *Рыкъ* одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ пороговъ. Они суть слѣдующіе: *Ровлэвъ, Печникъ, Вырь, Лѣстницы, Гверстка, Глинки, Егла, Витцы* и *Опоко*

котала и яростно билась между преграждающими ей путь каменьями. Низвергаясь въ водовороты, въ эти страшно кипящія и пѣнящіяся бездны, барка изгибалась какъ змѣя, и такъ замѣтно, что Каютину каждую секунду казалось, что она разломится пополамъ подъ его ногами.

Робочіе, подстрекаемые приговорками концевыхъ, работали съ невѣроятнымъ усердіемъ. Отклоняя потеси впередъ, они такъ перегибались, что почти половина ихъ корпуса перевѣшивалась за бортъ барки.

— Ай други.... ай ребята! приговаривалъ концевой.... ай, живѣе... ай сильнѣе... сильнѣе!... ну, дядя Василей, еще разъ... вотъ славно.... вотъ наша теперь.... наша, наша, наша!

— Ваша, ваша! кричалъ лоцманъ, обернувшись къ нимъ.

И рабочіе каждой потеси, соревнуя другъ другу, дѣлали страшныя усилія.

Понятно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Каютинъ за чудеснымъ ходомъ барки. Въ ушахъ его безпрестанно раздавались возгласы концевыхъ и громкія звучныя команды лоцмана, имѣвшія для него весьма темный смыслъ.

— Направо.... налѣво! кричали кругомъ его: — отдай свою, отдай.... стой, понаровь.... стой! не заваливай, стой!

Барка пролетѣла пороги и быстро неслась на скалистый берегъ. Каютинъ встрепенулся, и глаза его, полные ужаса, обратились къ лоцману. Лоцманъ былъ спокоенъ и слегка улыбнулся. Барка ударилась объ заплыви и, скользя около нихъ, пошла спокойнѣе.

Всѣ перевели духъ. Такъ-какъ иногда на порогахъ въ баркѣ дѣлаются проломы, то послѣ каждыхъ важныхъ пороговъ дожидается множество бабъ, чтобъ отливать воду, въ случаѣ нужды. Они вскакиваютъ на барки съ заплывей, и каждая попавшая на барку получаетъ плату. И теперь на заплыви стояло около сотни женщинъ, съ шайками, ведрами и чашками, и хоть рабочіе кричали имъ, что въ отливальщицахъ нѣтъ нужды, бранили, толкали ихъ, однакожь нѣсколько бабъ все-таки вскарабкались на барку и попадали на дно ея, преслѣдуемыя всеобщимъ смѣхомъ.

— Ну, какъ хочешь, хозяинъ, сказалъ молодой концевой, обращаясь къ Каютину: — а я своимъ ужь четверть обѣщалъ. Славно работали...

— Ну, толкуй тамъ, смотри, не зѣвай! крикнулъ лоцманъ.

Между двумя стѣнами отвѣсныхъ бѣлѣющихся скалъ, изрѣдка поросшихъ мелкимъ кустарникомъ, барка, треща и изгибаясь, дѣлая самые крутые повороты, неслась по порогамъ, въ иныхъ мѣстахъ около самого берега, стремясь носомъ иногда прямо на скалу. Каютину безпрестанно казалось, что барка или разобьется въ-дребезги о берегъ, или разломится на части при изгибахъ. Онъ до того былъ увлеченъ дикою смѣлостью такого безъ сравненія быстраго плаванія, поэзіею этой безпрестанно возобновляющейся опасности, что почти забывалъ, съ какими важными для него интересами сопряженъ благополучный проходъ барокъ.

Поэзія этого оригинальнаго плаванія дѣйствуетъ и на низшій классъ народа. Верстъ изъ-за 50-ти сбираются мужики въ Рядокъ, бросая болѣе необходимыя занятія для работы на баркахъ. И можно съ достовѣрностію полагать, что не одни выгоды заставляютъ ихъ стекаться сюда. Они идутъ въ посадъ, во время судоходства, какъ на праздникъ, какъ на пиръ.

Такъ опасность этого быстраго плаванія между двумя высокими и скалистыми берегами посреди волнъ, яростно воюющихъ между собой и съ грядами камней, имѣетъ какое-то охмѣляющее свойство.

Преодолѣвая страшныя препятствія, барка благополучно достигла до Еглы. Тутъ произошла сцена, страшная по своей нечаянности и мимолетности

Въ то время, какъ барка подошла къ заплыви, нѣсколько бабъ полѣзло на нее. Одна изъ нихъ какъ-то сорвалась и упала между заплавью и баркою въ глазахъ Каютина. Барка плотно прижалась къ заплыви; сердце перевернулось у Каютина. Раздался ужасный, раздирающій душу вопль, сопровождаемый единодушнымъ крикомъ, или, лучше, вздохомъ. За тѣмъ послѣдовало глубокое, мертвое молчаніе.

— Дуняшка! закричала одна изъ бабъ со дна барки: — Дуняшку раздавило!

— Экія лѣшія проклятыя... лѣзутъ зря... экія безстыжія... пра безстыжія! говорили рабочіе. — Вѣдь чай по поясъ отхватило, да и кишки-то повыворотило.... Экія, подумаешь, лѣшія!

— Ну, толкуй тамъ, молчи знай. Тихо! закричалъ лоцманъ. — А вы тамъ лейте воду, окаянныя!

И все пришло въ обычный порядокъ, и все смолкло, и все кончилось для несчастной Дуняшки!... Страшный вопль страданія и смерти повторился эхомъ пустынныхъ горъ и разнесъ его буйный вѣтеръ. Только можетъ быть отдавался онъ еще въ ушѣ временного купца.

Оставалось еще пройти два изъ важныхъ пороговъ. Вѣтеръ ;е усиливался.

Каютинъ сѣлъ на скамейку и погрузился въ грустныя размышленія. Недавнее происшествіе не выходило у него изъ головы. другъ на берегу послышался какъ бы зовущій крикъ. Каютинъ бернулся и увидѣлъ человѣка, который сильно махалъ руками кричалъ.

— Чтò тебѣ? спросилъ онъ какъ могъ громче.

— Барки на ходу! отвѣчалъ съ берегу голосъ.

Всѣ обернулись къ телеграфу: на немъ висѣлъ зловѣщій красный шаръ!

— На ходу барки! повторило нѣсколько рабочихъ.

— Ну, такъ чтожь? угрюмо, но спокойно, закричалъ лоцанъ. — Работай знай... и тихо, тихо! Наверхъ всѣ вы тамъ ь веселъ! гони ихъ оттуда, Ѳедоръ! Становись по потесямъ! омандовалъ лоцманъ громкимъ голосомъ.

Каютинъ сообразилъ, что барки, сидѣвшія на ходу, по всей ѣроятности, принадлежали ему, что они грозили гибелью и слѣующимъ баркамъ. Сердце его облилось кровью. Онъ ощутилъ другъ страшныя силы; ему казалось, что онъ способенъ теперь воротить исполинскіе камни, разрушить неодолимыя преграды, остать свое добро со дна глубокой пропасти... И онъ долго меался по палубѣ, какъ-будто искалъ: гдѣ же опасность, чтобъ корѣй помѣряться съ ней?... Онъ хотѣлъ умереть работая, или іасти свое добро... Но дѣлать ему было нечего! Онъ долженъ ылъ оставаться въ бездѣйствіи, въ совершенномъ бездѣйствіи, акъ посторонній зритель катастрофы! Онъ зналъ, что барку никимъ образомъ остановить нельзя, что причалить къ берегу неозможно, и потому молчалъ и только съ напряженнымъ вниманіемъ, съ горящими глазами смотрѣлъ впередъ.

Казенка завернула за уголъ, и взорамъ всѣхъ представились вѣ барки: одна стояла на ходу, почти до самого борта въ водѣ; ругая, разломившаяся пополамъ, съ раскрытою внутренностію,

окруженная разсыпавшимися кулями, билась съ яростью объ каменья. Одна половина ея неслась далѣе прямо къ берегу. На ней держалось еще немного народу; бо́льшая же часть его была уже на берегу.

Клушинъ, не теряя нисколько присутствія духа, употреблялъ всѣ усилія, чтобъ пройти возлѣ самой осѣвшей барки, не отклоняясь много отъ фарватера и незадѣвая ея. Исполнить этотъ маневръ было почти невозможно, потому-что фарватеръ очень узокъ. Къ тому же усилившійся вѣтеръ уклонялъ отъ должнаго направленія.

Барка неслась съ страшною быстротою. Вблизи неминуемой опасности всѣ умолкли, кромѣ лоцмана, голосъ котораго отрывисто раздавался посреди яростнаго рева бьющихся волнъ. До послѣдней минуты работа производилась на потесяхъ.

Каютинъ видѣлъ, что казенка стремится прямо на другую барку, и не ошибся. Со всего разбѣгу она ударила въ бортъ сѣдѣвшей барки. Послышался страшный трескъ, и вода прорвалась въ барку. Рабочіе бросили потеси и всѣ кинулись съ полатей на бунты (*). Потеси, оставленныя рабочими, заходили, и одна изъ нихъ разломилась пополамъ.

— Берегись потесей, кричалъ лоцманъ: — руби ихъ!

Но никто уже не слушалъ его; всякой заботился только о собственномъ спасеніи. Барка трещала и ломалась: рогожи бунтовъ разошлись; кули обнажились. Каютинъ схватился за одинъ изъ нихъ, потомъ онъ сползъ съ нимъ внизъ, сопровождаемый другими кулями. Почувствовавъ воду вокругъ себя, онъ взглянулъ, гдѣ берегъ. Кругомъ его были обломки и кули, надъ нимъ вертѣлась потесь. Держась за куль, онъ поплылъ къ берегу, руководимый просто инстинктомъ самосохраненія. Какимъ-то обломкомъ ударило его по головѣ и чуть не оглушило; пѣнящіяся волны хлестали ему въ лицо; быстрое теченіе влекло его съ страшною скоростью. Кто-то ухватился за его ногу и тянулъ его ко дну; онъ съ силою ударилъ другой ногой; послышался страшный крикъ. но нога его осталась свободною. Его поднесло къ берегу. Кто-то притянулъ крюкомъ его куль, и онъ, весь измок-

(*) Массы правильно сложеннаго на баркѣ груза, обшитыя рогожами, называются *бунтами*; *полатями* же называются небольшіе полмостки, на которыхъ стоятъ рабочіе во время управленія потесями.

шій, вышелъ на берегъ. Здѣсь уже стояло много народу съ разбитыхъ барокъ.

При важнѣйшихъ порогахъ, на которыхъ преимущественно бьются барки, всегда находятся въ судоходное время три дежурные лоцмана съ рабочими и лодками, для поданія въ случаѣ нужды помощи. И теперь они дѣлали свое дѣло; запасныя лодки вывозили людей.

Блѣдный, дрожащій Каютинъ, едва сохраняя сознаніе, дико смотрѣлъ на страшную картину разрушенія. Часть его красивой казенки, съ прицѣпившимися на ней людьми, прибило къ берегу. Но вотъ изъ-за угла показалась еще барка. Смѣло, спокойно неслась она по теченію, будто не видѣла неминуемой гибели. Опять ударъ и трескъ отъ страшнаго столкновенія, и барка сѣла!

Волны, празднуя побѣду, ярились и пѣнились около раздробленныхъ барокъ съ возрастающей силою и разносили кули въ разныя стороны; потеси ломались; вѣтеръ пронзительно вылъ. Скоро показалась другая барка, потомъ третья, — и опять удары, и опять трескъ! Каютинъ закрылъ глаза. Невыносимой пыткой отдавался каждый ударъ въ его груди. Въ изнеможеніи прислонился онъ къ скалѣ, немного поодаль отъ многочисленныхъ зрителей. Недалеко отъ него стояли сконфуженные лоцмана и толковали о случившемся несчастіи, справедливо слагая всю вину на поднявшійся во время хода барокъ вѣтеръ.

Каютинъ не рвалъ на себѣ волосъ, не кричалъ, не приходилъ въ неистовство: имъ овладѣло нѣмое, холодное отчаяніе; но въ душѣ его не раздалось ни одного упрека кому-нибудь. Вдругъ подбѣжалъ къ нему его товарищъ, Шатихинъ, страшно блѣдный.

— А все по твоей милости, сказалъ онъ съ отчаяніемъ. — И дернуло меня послушаться!... Продать бы хлѣбъ въ Рыбинскѣ, такъ нѣтъ — все больше хочется.... жадность ваша.... Теперь просто раззоренье!.... Вотъ гляди, гляди, кричалъ купецъ, указывая рукой на бунтующую рѣку: — по кулю растащило! половины ихъ теперь не соберешь!

— Пожалуйста, ужь не упрекай, сказалъ Каютинъ кротко: — я больше потерялъ...

— Больше! перебилъ купецъ: — больше! Еще бы я столько потерялъ... да... Эхъ!

И онъ побѣжалъ распоряжаться наймомъ людей для снятія барокъ съ ходу и для сборки кулей.

Шумъ людскихъ голосовъ, общее смятеніе и это печальное многолюдство были нестерпимы Каютину. Онъ пошелъ вдоль берега и, завернувъ за уголъ, бросился на землю, около тощихъ кустовъ. Черныя тучи, гонимыя вѣтромъ, казалось, скоплялись надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ происходила печальная драма. Изрѣдка молнія разрѣзывала ихъ, и отдаленные раскаты грома сливались съ шумомъ торжествующихъ волнъ, свирѣпо бьющихся о берегъ. Крупныя капли дождя хлестали ему въ лицо; мимо его, по мрачно бурлящей черной рѣкѣ, быстро неслись обломки барокъ и кули.... кули, въ которыхъ заключались всѣ его надежды. Онъ закрылъ лицо руками, и нестерпимыя муки, тѣснившія его грудь, разрѣшились громкимъ, судорожнымъ рыданьемъ. Совершенное отчаяніе овладѣло имъ. Вдали раздавались голоса людей, работавшихъ и ловившихъ кули. Вѣтеръ дико вылъ и стоналъ; чаще и чаще повторялись раскаты грома; кули мелькали и неслись мимо; вдругъ между ними мелькнула безобразная масса... Каютинъ всмотрѣлся внимательнѣе: то была, казалось ему, раздавленная его баркой женщина Онъ содрогнулся.

Такъ прошло часа два. Каютинъ все сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ плывутъ его кули. Потребность согрѣться и обсушиться наконецъ проснулась въ немъ. Онъ всталъ и побрелъ по направленію къ городу Боровичамъ.

Дорогой нагналъ его купецъ Шатихинъ, ѣхавшій на тройкѣ.

— Садись, сказалъ онъ Каютину: — я подвезу.

Каютинъ сѣлъ, и Шатихинъ принялся передавать ему печальныя подробности несчастія, но уже не упрекалъ его. Каютинъ не слушалъ: казалось, ему было все равно, спасено ли что-нибудь, или погибло все. Ничего утѣшительнаго не видѣлъ онъ впереди, и отчаяніе все сильнѣй и сильнѣй брало его.

— Надо намъ расчетъ и порядокъ сдѣлать, сказалъ Шатихинъ, когда они прибыли въ городъ и остановились, по желанію Каютина, у трактира.

— Хорошо, отвѣчалъ Каютинъ: — завтра все сдѣлаемъ. Я переночую здѣсь.

И онъ вошелъ въ трактиръ.

ГЛАВА VII.

МОРЕХОДЪ ХРЕБТОВЪ.

Особой комнаты въ трактирѣ не было. Выпросивъ у хозяина сухого бѣлья и дубленый тулупъ, Каютинъ переодѣлся въ бильярдной, на ту пору пустой, и вошелъ въ общую комнату.

Комната была довольно большая, съ превысокими окнами, на которыхъ стояли такъ называемые восковые цвѣты, разросшіеся по деревяннымъ рѣшеткамъ, и ерани, распространявшія свойственное имъ благоуханіе. Вся мебель состояла изъ одного клеенчатаго дивана, десятка стульевъ и четырехъ столовъ, покрытыхъ толстыми сѣроватыми салфетками и украшенныхъ граціозными перечницами, на-подобіе жолтаго стараго огурца, поставленнаго стоймя. Посереди потолка висѣла закопченная люстра со стеклышками. На стѣнахъ, въ жолтыхъ, толстыхъ рамахъ, висѣли картины, изображающія нѣкоторыя сцены изъ Душеньки, похожденія Женевьевы, королевы брабантской, и полуобнаженную волшебницу, вручающую талисманъ горбоносому греку, при чемъ посѣтитель могъ увеселиться безденежно чтеніемъ и самого знаменитаго романса, подписаннаго подъ картиной.

Каютинъ потребовалъ чаю и сѣлъ на диванъ. Онъ выпилъ скоро два первые стакана и, согрѣвшись, сидѣлъ за третьимъ, повѣсивъ голову.

Злость взяла его, когда, прислушавшись къ разговору трехъ посѣтителей, пившихъ чай за другимъ столомъ, онъ узналъ, что и они говорятъ о томъ же, отъ чего не могли оторваться его мысли. Посѣтители говорили о разбитыхъ баркахъ, сердитой бурѣ, потонувшихъ и плавающихъ куляхъ, о неизбѣжныхъ убыткахъ, которые долженъ былъ понести бѣдный хозяинъ кулей!

Двое изъ нихъ, судя по одеждѣ, были лоцмана: одинъ рыжій и уже немолодой, другой лѣтъ двадцати; товарищь ихъ казался зажиточнымъ крестьяниномъ. Собесѣдники называли его Антипомъ Савельичемъ. Лицо его понравилось Каютину. Оно принадлежало къ тѣмъ народнымъ лицамъ, которыя сразу до

такой степени располагаютъ въ свою пользу, что вы охотнѣе пуститесь съ такимъ простолюдиномъ въ длинные толки, чѣмъ съ образованнымъ господиномъ, и даже не слишкомъ разсердитесь, если онъ васъ надуетъ. Выраженіе смышлености и полной безпечности, прямоты и добродушнаго лукавства придавало небольшому, уже немолодому лицу Антипа необыкновенную привлекательность. Сѣдина чуть пробивалась въ его темно-русыхъ волосахъ, усы же и небольшая окладистая бородка его были черные, и сѣдина обозначалась въ нихъ замѣтнѣе. Взглядъ небольшихъ, голубыхъ глазъ его былъ ласковъ и долго съ спокойнымъ и ровнымъ выраженіемъ останавливался на чужомъ лицѣ. Въ разговорѣ и движеніяхъ его пробивалась врожденная живость и въ тоже время какая-то строгая плавность и осмотрительность, какъ-будто онъ поминутно думалъ, что наблюдаютъ каждое его слово, каждое движеніе, и не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь. Голосъ его былъ чрезвычайно пріятенъ, а тихій смѣхъ невольно располагалъ къ веселости. Съ перваго взгляда на него Каютинъ, уже присмотрѣвшійся нѣсколько къ народнымъ физіономіямъ, подумалъ, что онъ долженъ быть отличный мужикъ, если только не страшный плутъ.

Росту онъ былъ скорѣе низкаго, чѣмъ средняго, но сложенъ крѣпко и очень пропорціонально. Одѣтъ въ полушубокъ, крытый синимъ сукномъ, съ тюленьей выпушкой; подпоясанъ краснымъ кушакомъ.

— Да, подумаешь, какая бѣда, говорилъ рыжій лоцманъ: — шутка ли! у одного хозяина шесть барокъ разбило.

— Да и какъ расколотило! подхватилъ другой. — Говорятъ, по кулю растащило; поди, собирай... Вотъ ужь подлинно несчастіе, такъ несчастіе!

— Вѣстимо несчастіе! прибавилъ рыжій.

— Такія ли несчастія бываютъ! сказалъ вдругъ скептически товарищъ ихъ, долго хранившій молчаніе.

Каютина всего передернуло. Онъ готовъ былъ кинуться къ бородатому скептику и спросить: какія же? Несчастіе его казалось ему безпримѣрнымъ.

Антипъ примѣтилъ его движеніе и внимательно оглядѣлъ его.

— Ну, не говори, Антипъ Савельичъ, возразилъ молодой лоцманъ. — Вѣдь добро бы самъ оплошалъ, а то лоцмановъ набралъ

тепенныхъ, знающихъ, не въ первый разъ барки гоняли.... да
тó станешь дѣлать? Вѣтеръ вдругъ такой поднялся!

— Вѣтру гулять не заказано, замѣтилъ Антипъ.

— Оно конечно вѣтеръ, сказалъ рыжій: — да ужь видно на
о и воля Господня. Супротивъ Бога не убережешься. Видно
акъ ужь указано было тѣмъ баркамъ разбиться. Я вотъ разска-
су тебѣ, Антипъ Савельичъ, насчетъ того, тоись, примѣрно,
оли-то Господней. Въ нашихъ мѣстахъ было дѣло: ты знаешь,
ай, что осенью прошлой червякъ здѣсь всѣ озимя поѣдалъ.
Вотъ тамъ выше по Мстѣ, баринъ—запомнилъ, какъ его прозы-
аютъ — вздумалъ, какъ бы червяка-то, понимаешь, извести....
ложилъ всѣ поля соломой, да и зажегъ ее. Оно бы и ничего:
есной у него всѣ озимя взошли, а кругомъ у всѣхъ червякъ по-
лъ. Да чтожь ты думаешь? Вдругъ на скотъ лихая болѣсть ка-
ая-то напала да полтораста штукъ рогатаго скота переколѣло...
у сосѣднихъ ничего не было: всѣ цѣлы остались и не болѣли.
Вотъ поди и мудри ты съ Господнимъ напущеніемъ. Озимя-то
ѣлы, да скотъ перевелся... еще изъяну больше! Ужь видно
акъ и надо было, чтобъ червякъ поѣлъ. Такъ вотъ оно какъ.
Поразсудишь, такъ и увидишь, что слава Богу еще, что только
арки разбило, хуже чего не случилось. Сколько рабочихъ од-
ихъ было! долго ли до бѣды! Да Богъ миловалъ! Говорятъ,
ь Еглахъ бабу баркой къ заплыви придавило... ато ничего...
лава Богу! и рабочіе цѣлы и лоцмановъ не тронуло.

— А нешто бываетъ у васъ, что и лоцмана тонутъ? спро-
илъ Антипъ.

— Не часто, ато какъ не бывать! бываетъ. На моей памяти
гибъ да пропалъ у насъ лоцманъ, и парень такой важный былъ.
Помнишь, сказалъ рыжій лоцманъ, обращаясь къ своему това-
ищу: — Петра Сучкова, свойкомъ приходился Котлову Федь-
ѣ.... да ито больше по своей причинѣ.

— Ну а какъ? спросилъ Антипъ.

— Онъ вишь ты сына къ работѣ пріучалъ. Парнишка такой
ойкій былъ и изъ себя видный; семнадцатый, помнится, ему
огда пошелъ. И какъ ужь баловалъ его отецъ! Онъ у него на
отеси подъ рукою работалъ. Вотъ разъ, знаешь ты, гналъ онъ
арку, да на Вязу ее и разбило. Мальчишка какъ-то не уберег-
я: его въ воду потесью и столкнуло. А отецъ-то, говорятъ,
звопилъ да за нимъ и бросился. Время было весеннее, погода

страхъ какая вѣтренная, да и мальчишка, вишь ты, плавать и умѣлъ: ихъ видно волной и захлеснуло.... къ Потерпѣлицамъ къ самымъ пригнало. Да такъ ихъ по каменьямъ-то било, что и не признали вдругъ.... лица нѣтъ.... мяса кусокъ, кости словно въ мѣшкѣ... Жалко было, признаться: ребята славные были. Послѣ перемычки Сучковъ сына женить хотѣлъ... и невѣста-то первая по Рядку красавица была. Да что? поплакала, да за-мужъ въ мясоѣдъ и пошла! А опять семья у нихъ была большая: все бабы да ребятишки, старый да малый. Жили они за покойникомъ знатно. Онъ да сынъ кормили всѣхъ. А какъ потонули они, и пропала совсѣмъ семья! Что было, прожили... Добывать некому. Домишка былъ—продали. Жалость смотрѣть, въ какую бѣдность пришли.... словно нищіе. Да что тутъ станешь дѣлать!

— Вотъ такъ несчастье, замѣтилъ Антипъ.

Каютинъ съ возрастающимъ вниманіемъ слушалъ разсказъ лоцмана. Чувство истины и справедливости всегда имѣло доступъ къ его сердцу. Онъ сталъ невольно сравнивать свое положеніе съ несчастіями, о которыхъ шла рѣчь.

Онъ вспомнилъ раздавленную его баркой женщину. Можетъ быть думалъ онъ, теперь, въ эту самую минуту, въ темной и дымной избѣ, нѣсколько бѣдныхъ ребятишекъ напрасно ждутъ своей матери, и некому ни накормить, ни уложить ихъ. Можетъ быть отецъ ихъ безпокоится теперь, ожидая возвращенія жены, съ которой свыкся, которая необходима ему, какъ половинщица тяжкихъ трудовъ и заботъ о пропитаніи. Долго будутъ плакать и ждать дѣти, наконецъ угомонятся и заснутъ, заснетъ и старикъ, — ея все не будетъ. А утромъ покажутъ имъ одну страшную обезображенную массу! А можетъ быть и то, что у бѣдныхъ ребятишекъ никого не было, кромѣ матери, и станутъ они бѣгать теперь, безпомощные сироты, изъ деревни въ деревню, отъ дома къ дому, въ вѣтеръ, въ дождь, въ стужу, и будутъ переминать окоченѣлыми ногами въ грязи и въ снѣгу, выпрашивая кусокъ хлѣба.

Представилъ онъ себѣ такъ же семейство бѣдныхъ погибшихъ лоцмановъ, несчастное семейство, которое потеряло съ ними въ одинъ часъ и надежды, и славу, и довольство. И гдѣ теперь они? что сталось съ горемычными членами обѣднѣвшаго семейства? кто заботится о нихъ? подъ чьей кровлей пріютили

они свои головы? Никто о нихъ не заботится и нѣтъ у нихъ пристанища!

И вспомнилъ онъ о червяхъ, поѣдавшихъ озимь, и подумалъ о тѣхъ, которые сдѣлались жертвами жадныхъ червей.

То были плоды трудовъ долгихъ, вседневныхъ, трудовъ тяжкихъ, орошенныхъ кровавымъ потомъ людей, работающихъ не для наслажденій жизни, а изъ куска хлѣба, для прокормленія семейства....

Но червякъ не обошелъ ихъ!

Каютину вдругъ стало совѣстно, что онъ такъ упалъ духомъ и такъ убитъ своимъ несчастьемъ, которое... еще не слишкомъ ужасно!

Не слишкомъ ужасно! А Полинька?

И несчастье его начало снова принимать огромные размѣры....

Наши собственныя несчастія всегда кажутся намъ исключительными, неподлежащими сравненію. Несчастія же, которыя мы видимъ каждый день, вопіющія, будничныя, хроническія, кажутся намъ мелкими и ничтожными, потому-что случаются съ людьми мелкими и ничтожными. Они проходятъ мимо нашихъ глазъ незамѣченными. Мы сейчасъ станемъ разсуждать, что надо ихъ разбирать относительно, что въ тѣхъ людяхъ нѣтъ такихъ потребностей, взглядовъ, понятій, которыя бы заставляли ихъ принимать несчастіе съ такими же страданіями, какъ насъ.

Нѣтъ! въ нихъ только больше преданности судьбѣ, больше страшнаго навыка!

Одно сдѣлалось ясно Каютину, что всѣ его недавніе трагическіе порывы и планы чрезвычайно глупы и малодушны: онъ уже не собирался разбить себѣ голову объ стѣну, погибнуть въ одной пучинѣ съ своими кулями и надеждами. Однакожь и ничего хорошаго не видѣлъ онъ впереди и, сидя у нагорѣлой свѣчи, съ потупленной головой, предавался самымъ мрачнымъ мыслямъ.

Между тѣмъ компанія кончила чай. Лоцмана простились и ушли, Антипъ долго толковалъ въ другой комнатѣ съ буфетчикомъ, наконецъ воротился къ своему столу, сѣлъ и налилъ себѣ еще чашку. Медленно попивая жидкую, чуть желтоватую вла-

гу, онъ долго всматривался въ лицо временного купца и наконецъ спросилъ его:

— Чтò ты такъ задумался, хозяинъ?

Каютинъ вздрогнулъ.

— Такъ, ничего, отвѣчалъ онъ.

— Ну, оно не совсѣмъ ничего: барки-то, говорятъ, чтó разбило, твои были?

— Да, въ нихъ была и моя часть.

— Такъ оно не мудрено и призадуматься; есть о чемъ. Да чтó дѣлать! на все воля Господня. Бываетъ и хуже, дѣло торговое. Оно конечно потеря большая, да не все вѣдь и пропащее; авось Богъ дастъ и пособерется.

— Чтó ужь тамъ собирать! сказалъ съ досадой Каютинъ.

— Какъ чтò сбирать? возразилъ съ удивленіемъ Антипъ. — Вотъ хорошее слово сказалъ: чтó собирать? — Да ты, спросилъ онъ, пристально оглядывая его: — да ты кто таковъ... купецъ?

— Да.... купецъ.

— А былъ не купецъ прежде?

— А ты почему узналъ? спросилъ быстро Каютинъ, который, обращаясь въ низшемъ классѣ народа, имѣлъ свои причины не вдругъ обнаруживаться и не любилъ, когда угадывали истину.

— Ну, не сердись! не сердись! сказалъ примирительно Антипъ, замѣтивъ досаду въ его голосѣ. — А узналъ я потому, прибавилъ онъ, сопровождая свои слова немного лукавымъ и вмѣстѣ ласковымъ взглядомъ: — что у тебя, видишь ты... руки больно бѣлы.

— У меня товарищъ есть, сказалъ Каютинъ, вспыхнувъ. — Онъ присмотритъ и распорядится кульемъ.

Антипъ усмѣхнулся.

— Уменъ ты, баринъ, сказалъ онъ: — догадался, чему сдивился мужикъ; признаться, чудно показалось мнѣ: тамъ кули ловятъ, а хозяинъ вотъ ужь почитай больше часу въ харчевнѣ сидитъ; добро бы, загулялъ, ну, и спрашивать нечего! а то просто пригорюнился, тяжелую думу думаетъ. Чтó, чай, черно у тебя на душѣ? спросилъ съ участіемъ Антипъ, подвигаясь къ Каютину и заглядывая ему въ лицо. — Поди, небось слезно, какъ послѣ похоронъ, опустивши молодую жену въ сырую постельку?

Предложи теперь Каютину такой вопросъ человѣкъ одного съ нимъ круга и образованія, онъ взбѣсился бы, и былъ бы правъ. Но онъ считалъ своимъ долгомъ обращаться какъ можно деликатнѣе съ простолюдинами, которыхъ душевно начиналъ любить, проживъ уже нѣсколько мѣсяцовъ почти исключительно съ ними и съ каждымъ днемъ больше узнавая ихъ. Притомъ въ голосѣ Антипа было столько простоты и искренности, что участіе его не только не оскорбило, но даже тронуло Каютина. Тоска вдругъ сильнѣе подступила къ его сердцу, и онъ отвѣчалъ чуть не со слезами:

— Самъ смекаешь, чай, какъ бываетъ у человѣка на душѣ послѣ такой напасти.

— Какъ не смекать! сказалъ задумчиво Антипъ. — Не первый десятокъ живу. Хоронилъ я сродниковъ, дорогихъ людей хоронилъ..., да хоронилъ и богатство свое: своими глазами видѣлъ, какъ ко дну идетъ, а помочь не могъ! Только знаешь что́, баринъ, послушай моего совѣту: свисни и рукой махни, не убивайся! Дѣло торговое: зацѣпилъ—поволокъ, сорвалось-не спрашивай! Закидывай снова. Ты вотъ не купецъ, а въ торговлю видно охотой пошелъ.

— Охотой! отвѣчалъ Каютинъ съ горькой усмѣшкой.

— Ну, вотъ видишь, охотой, сказалъ Антипъ, не замѣтивъ ироніи: — а пословица говоритъ: охота пуще неволи; терпи, слюбится! Коли охота есть да здоровье Богъ дастъ, наживешь денегъ; не все барки будетъ колотить, по маленьку, глядишь, лѣтъ черезъ пятнадцать и капиталъ соберется....

— Черезъ пятнадцать лѣтъ! воскликнулъ Каютинъ. —Нѣтъ, спасибо! черезъ пятнадцать лѣтъ мнѣ твоихъ денегъ и даромъ не надо!

— Что́ такъ? сказалъ Антипъ съ усмѣшкой. — Деньги всегда нужны. А давно ты торгуешь?

— Вотъ ужь годъ скоро.

— Ха, ха, ха! ха, ха, ха!

Антипъ просто хохоталъ; но смѣхъ его такъ былъ добродушенъ и ласковъ, что не было возможности разсердиться.

— Извини, баринъ! наконецъ сказалъ онъ, удерживаясь. — А смѣюсь я не въ обиду тебѣ, а потому, что, вишь ты, ужь не въ-первой слушать мнѣ такія рѣчи: вся ваша братья.... сколько ни встрѣчалъ по торговлѣ, на одну стать: коли ужь

пошелъ торговать, такъ ему чтобъ съ разу горы золотыя бы
а нѣтъ, такъ и на попятный дворъ! А того не подумаетъ, ч
деньга сама барыня спѣсивая: не разбираетъ, какого ты роду,
кого полюбитъ, къ тому и идетъ, а любитъ она тѣхъ, к
умѣетъ съ ней обращаться: вишь ты, уходу большого тр
буетъ, скоро въ руки не дается. Ты походи за ней, поклонись,
въ дугу согнись, въ щепку высохни, посѣдѣй до поры. А то ду
маетъ съ разу взять!

— Такъ, уныло сказалъ Каютинъ, почувствовавъ глубо
справедливость его словъ.

— Вѣдь и ты, чай, ужь баста теперь. Довольно-де: пото
говалъ! Да, шути тутъ! такъ торгуютъ! Въ Петербургъ, что
теперь поѣдешь?

— Въ Петербургъ! воскликнулъ Каютинъ, вскочивъ и и
мѣнившись въ лицѣ. — Въ Петербургъ? ни за что! Скорѣй в
Сибирь!

Антипъ посмѣялся.

— Ну, баринъ! сказалъ онъ: — видно горе у тебя не ма
А что ты такъ говоришь про Сибирь? Вѣдь говорятъ толь
Сибирь, Сибирь! а сторона богатая, привольная.

— А ты развѣ бывалъ тамъ?

— Бывалъ ли я? Да ты лучше спроси, гдѣ я не бывалъ!
Недаромъ меня ныркомъ прозвали. Много сухимъ путемъ и
ходилъ, много морей переплылъ, былъ и тамъ, куда человѣкъ
почитай не заходитъ, былъ и тамъ, куда воронъ костей не за
носитъ. Хорошая сторона Сибирь. Вотъ коли хочешь скоро де
негъ нажить, поѣзжай туда! Да и то нѣтъ! какъ посчастливит
ся.... А ты же скоръ крѣпко: такъ, пожалуй, и даромъ съѣ
дишь. Приманка вишь тамъ велика,—всякой туда: золота, мол
накопаю! Такъ кому еще удастся. А вотъ я знаю, такъ зна
сторонку, гдѣ можно денегъ добыть.... и скоро. Да нечего ужъ
и говорить!

Антипъ махнулъ рукой. Каютину показалось, что лицо ег
омрачилось.

— Чудной ты человѣкъ, сказалъ онъ: — знаешь, гдѣ ра
зимуютъ, а не ловишь.

Антипъ молчалъ и думалъ.

— Сторонушка-та, заговорилъ онъ грустно, не подним
головы: — дальняя, холодная, непривѣтная. Тамъ зима по

лай круглый годъ держится, и дорога туда трудная: что ни шагъ, великаны въ ледяныхъ броняхъ, какъ полки стоятъ, ходу впередъ не даютъ; безъ ножей, безъ мечей, да сила въ нихъ богатырская; только справишься, глядишь — новыя полчища, ихо встрѣчу идутъ, какъ живые подвигаются; держи ухо востро, а оплошалъ, такъ ко дну ступай.... Я, баринъ, три раза онулъ, прибавилъ Антипъ, поднявъ голову и взглянувъ на Каютина, который внимательно слушалъ его: — а вотъ скажи теперь, сейчасъ опять готовъ: ужь какъ доберешься до земли — раздолье! Нигдѣ не бывать такого промыслу! Гусь туда со всего свѣту линять летитъ — руками бери! Рыбы видимо-невидимо; успѣвай ловить! Моржи и тюлени и по льду и по берегу акъ чурбаны лежатъ, — знай сонуль поколачивай! а песцы? медвѣди бѣлые? не ищи его, самъ въ гости придетъ — умѣй управиться! Нечего и говорить! нигдѣ не найдешь столько рыбы и звѣря и птицы съ дорогимъ пухомъ; да и какъ не быть амъ? никто почитай не пугаетъ!

— А чтóжь жители? спросилъ Каютинъ, не сообразивъ другъ, о какой землѣ идетъ рѣчь.

Антипъ посмѣялся своимъ тихимъ, ласковымъ смѣхомъ.

— Жители? повторилъ онъ. — А жителей тамъ живыхъ нѣтъ, а есть тамъ одни жители мертвые. Какъ плывешь берегомъ, какъ пойдешь островами, только и видишь: все кресты, кресты, кресты, а почіютъ подъ тѣми крестами все люди русскіе, православные, что ни есть храбрѣйшіе (трусъ туда и не суйся: со страху умретъ!) и имена тѣхъ отважныхъ людей (упокой Господи ихъ души многострадальныя) на крестахъ писаны. Правда, и иностранцы иные есть: нечего говорить, между ними тожь водятся храбрые люди. А ходили они туда съ давнихъ поръ, про страну ту далекую развѣдывали, дороги, слышь, въ дальнія земли искали.... да немногіе и вернулись. Приплывутъ туда цѣлыми кораблями, народу тьма, иной разъ до сотни, а назадъ ѣдутъ почасту просто въ лодьѣ, и всѣхъ двадцати не насчитаешь, да еще и на дорогѣ то-и-знай хоронятъ: кого въ мать сырую землю, а кого просто по морскому обычаю: въ море! Вотъ какова сторонушка. А то думалъ: жители! Ни городовъ, ни деревень, ни храмовъ Божіихъ тоже нѣтъ; а иной разъ взглянешь на море: словно цѣлые города, селенія, хоромы, церкви по морю плывутъ, либо стоятъ, пока

вѣтеръ не погонитъ. Глупый сдивится, а дѣло оно просто выходитъ: льды, понимаешь ты, съ-поконъ вѣку не таютъ, а все больше ростутъ, и такими горами по морю ходятъ, что и на сушѣ такихъ горъ не увидишь: саженъ шестьдесятъ иная въ вышину, да еще сажень тридцать въ водѣ сидитъ, а въ обхватѣ такая, что въ недѣлю кругомъ не объѣдешь, а иную и въ мѣсяцъ. А называются они стамухами. Сцѣпится иной разъ десятокъ, два такихъ льдинъ, да такъ чудно сцѣпятся, такія изъ нихъ фигуры выйдутъ, что глядишь издали: ну, городъ, просто городъ, съ церквами, колокольнями, башнями! Оно, правду сказать, и солнце иной разъ обману способствуетъ: тамъ оно, видишь, не по нашему свѣтитъ: то его, Господь знаетъ, сколько денъ не видать, словно совсѣмъ пропало, ато вдругъ такой свѣтъ пуститъ, что все кругомъ инаково покажется. Подлинно чудо! Вѣришь ли, баринъ, разъ смотримъ, а на небѣ не одно солнце: четыре! ей-Богу: горятъ таково ярко недалеко другъ отъ дружки, и всѣ четыре межъ собой полосками разноцвѣтными словно радугами сцѣплены! И ужь видъ оттого какой — чудо! гляди да глазамъ не вѣрь! Просто покажется, что другой такой стороны и съ огнемъ не найдешь: лучше чѣмъ подъ Астраханью, у привольнаго Каспійскаго моря, а ужь на что та сторонка Богомъ благословенная — я тамъ тоже бывалъ. А пропалъ обманъ — и все пропало: ни былья, ни жилья. Кладбище, просто кладбище!

А которыя избы тамъ мѣстами попадаются, такъ отъ нихъ только горя больше: увидишь, обрадуешься, войдешь въ избу: бочка разломанная лежитъ, куль муки иной разъ стоитъ, оружіе разное, ловушки звѣриныя: ну, вотъ точно сейчасъ люди тутъ были. А гдѣ люди? выйдешь вонъ, глянешь кругомъ, и душа замретъ: все кресты, кресты.... вотъ тебѣ люди, вотъ жители! Поди, дружбу сведи, хлѣбъ-соль дѣли....

И какъ подумаешь, что въ избахъ тѣхъ жили, долгую ночь коротали и померли люди, что̀ ни есть самые храбрые, молодецкой, богатырской души, такъ самого такая тоска возьметъ, что хоть вѣшайся; страхъ къ сердцу приступитъ: домой, домой! такъ сердечко и ноетъ. Да не слѣдъ страху пустому поддаваться! Бываетъ и на полатяхъ люди мрутъ, а бываетъ и оттуда живые домой приходятъ, да и не съ пустыми руками, а съ деньгами, какихъ здѣсь и въ десятокъ годовъ не добудешь...

Эхъ! присмотрѣлъ я тамъ себѣ добрые промыслы! Да что́ станешь дѣлать! Надо рабочаго народу нанять, лодьи снарядить, запасу взять — большая сумма требуется... А у насъ, вишь ты, въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ нѣтъ ничего....

Антипъ замолчалъ.

— Читывалъ я, сказалъ Каютинъ: — про ту сторону, о которой говоришь ты, Антипъ Савельичъ: въ книгахъ есть. Да вѣдь опасно съ народомъ туда забиваться. Конечно кто охотой идетъ—ничего; а рабочій народъ? его нужда погонитъ, а тамъ гляди, пойдутъ морозы, болѣзни....

— Кто говоритъ? перебилъ Антипъ: — опасность великая. Зимовали мы тамъ, много холоду и голоду потерпѣли, много горя видѣли, нечего таить, и народу немало потеряли, да и самъ Петръ Кузьмичъ, — царство ему небесное! не было и не будетъ такого простого и добраго барина, такого храбраго начальника (въ голосѣ Антипа слышалось глубокое благоговѣніе, и онъ усердно крестился) — и самъ Петръ Кузьмичъ ужь на что крѣпокъ былъ и духомъ бодрился, а не выдержалъ: какъ вернулся, черезъ мѣсяцъ Богу душу отдалъ....

— О какомъ Петрѣ Кузьмичѣ говоришь ты? сказалъ Каютинъ.

— А Пахтусовъ, Петръ Кузьмичъ, отвѣчалъ Антипъ. — Я съ нимъ въ ту сторону ходилъ. Вотъ была душа, такъ душа! Чай, другой такой и на свѣтѣ нѣтъ, прибавилъ мореходъ съ грустной любовію и торжественностію. — Такъ вотъ видишь ты, баринъ, продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія: — зато теперь снаровки больше, народу наберемъ привычнаго, бывалаго, противъ холоду малицъ возьмемъ, срубъ съ собой привеземъ: не одну избу, такъ и баню поставимъ, противъ болѣзни — и вина и лекарства захватимъ, противъ кручины — пѣсню споемъ, былину разскажемъ. Я, баринъ, мастеръ былины разсказывать. Самъ Петръ Кузьмичъ, бывало, хвалилъ: молодецъ, ты говоритъ, Хребтовъ, куда тебя ни поверни: и дѣло знаешь и говорить гораздъ!

Хребтовъ усмѣхнулся.

— Царство ему небесное! онъ меня любилъ, покойникъ, прибавилъ мореходъ съ гордостью. — Такъ вотъ баринъ какъ: волка бояться — въ лѣсъ не ходить. А ѣхать туда — быть съ деньгами! Пройдетъ года два, поздно будетъ. Покуда далеко

не заѣзжаютъ (и сторона сурова да и пути хорошенько не знаютъ), а вотъ какъ хоть одинъ проберется подальше да воротится живъ, много добычи привезетъ! такъ и прощай! Всѣ повалятъ туда, и ужь тогда поздно будетъ! Куй желѣзо, пока горячо! говоритъ пословица.

— А много ли, какъ думаешь, надо денегъ, чтобъ хорошенько туда снарядиться? спросилъ Каютинъ и ближе подвинулся къ мореходу.

ГЛАВА VIII.

ЧУЖОЙ ДОМЪ.

Появленіе Полиньки въ домѣ Бранчевской (такъ звали даму, у которой нанялась Полинька) произвело большое волненіе въ многочисленной дворнѣ. Лакеи бѣгали поминутно въ ту комнату, гдѣ сидѣла она. Горничныя, бросивъ работу, окружили ее и наперерывъ передавали ей что̀ и какъ въ домѣ. Въ нѣсколько часовъ Полинька узнала не только тайны госпожи своей, но даже тайны всѣхъ лакеевъ и горничныхъ. Анисью Ѳедотовну, домоправительницу, черезъ которую Полинька получила мѣсто, познакомившись съ ней у дѣвицы Кривоноговой, единогласно бранили, предостерегая Полиньку быть осторожной, если у ней есть знакомый: значеніе этого слова Полинька не совсѣмъ поняла. Каждая тихонько предлагала ей свою дружбу, которая должна была начаться тѣмъ, чтобъ держать кофей вмѣстѣ.

Полинькѣ было тяжело; она въ первый разъ находилась между людьми до такой степени грубыми. Шутки горничныхъ и особенно лакеевъ, старавшихся выказать свою любезность, оскорбляли ее; она очень обрадовалась, оставшись наконецъ одна, въ маленькой, почти темной комнатѣ, которую отвели ей.

Анисья Ѳедотовна, домоправительница, имѣла наружность непріятную: ея сухое лицо, сѣрые, злые, блестящіе глаза, тонкія губы, вѣчно улыбавшіяся, движенія быстрыя, уклончивыя, подобострастныя, оправдывали названье лисицы, которымъ честила ее дворня. Какъ няня единственнаго сына Бранчевской,

она пользовалась большимъ довѣріемъ своей госпожи, и потому играла важную роль въ домѣ.

Сдѣлавъ Полинькѣ наставленіе, какъ держать себя при господахъ, Анисья Өедотовна повела ее въ столовую, гдѣ Полинька должна была разливать чай. Полинькѣ было дико посреди огромныхъ комнатъ, роскошно убранныхъ, въ старинномъ вкусѣ. Стоя у стола, гдѣ кипѣлъ самоваръ, она походила на человѣка, играющаго въ первый разъ въ шахматы. Изъ боковыхъ дверей выглядывали на нее лакеи, какъ на дебютантку. Вдругъ лица ихъ быстро исчезли, и Полинька увидѣла на порогѣ главной двери очень высокую и пропорціонально сложенную женщину, съ величавымъ взглядомъ, съ блѣднымъ, продолговатымъ лицомъ, съ черными бровями, но совершенно сѣдой головой. Она была одѣта оригинально: сверхъ чернаго шолковаго капота съ большимъ шлейфомъ, на плечи ея было накинуто что-то въ родѣ епанечки изъ пунцоваго бархата, опушенной соболями; на ея головѣ былъ чепчикъ стариннаго фасону, съ густою фальбалою; ярко пунцовая лента обхватывала голову и завязывалась большимъ бантомъ на самой макушкѣ.

Неподвижно стояла она въ дверяхъ, устремивъ свои черные блестящіе глаза на Полиньку, которая, сама не зная отчего, такъ испугалась, что забыла ей поклониться.

Бранчевская величественно прошлась по залѣ и вдругъ, остановясь противъ Полиньки, спросила:

— Ты нанялась ко мнѣ?

— Да-съ! съ смущеніемъ отвѣчала Полинька.

Бранчевская смѣряла ее долгимъ взглядомъ, слегка улыбнулась и медленно удалилась.

— Вотъ наша барыня! со всѣхъ концовъ шептали лакеи.

— Несите къ ней чай, она всегда у себя въ гостиной пьетъ! запищала Анисья Өедотовна, высунувъ голову изъ двери.

Полинька понесла подносъ съ чаемъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Бранчевская. Комната была услана мягкими коврами, и Поли
съ непривычки чуть не упала. Убранство комнаты пор
своимъ великолѣпіемъ: золото и бархатъ были всюду.
ская, сидѣвшая въ большихъ креслахъ, повелительн
приказала вошедшей Полинькѣ поставить подно
Исполнивъ ея приказаніе, Полинька подняла гол
висѣвшій на стѣнѣ портретъ молодой женщины

величавымъ взглядомъ. Полинька посмотрѣла на Бранчевскую, потомъ на портретъ и улыбнулась: сильное сходство было въ чертахъ, несмотря на разницу лѣтъ.

— Чтó смотришь? спросила Бранчевская, замѣтивъ удивленіе Полиньки. — Развѣ еще есть сходство?

И она насмѣшливо посмотрѣла на свой портретъ.

— Очень похожи! отвѣчала Полинька, продолжая любоваться портретомъ.

Бранчевская улыбнулась. Съ минуту длилось молчаніе.

— Ты у кого жила прежде? спросила Бранчевская Полиньку, которая съ непритворнымъ удивленіемъ разглядывала комнату.

— Я еще нигдѣ не жила, отвѣчала свободно Полинька.

— Чтò же, у тебя есть мать или отецъ?

— Нѣтъ, я сирота.

— А который тебѣ годъ?

— Двадцать.

Бранчевская задумчиво поглядѣла на нее, потомъ на портретъ, и тихо повторила:

— Двадцать лѣтъ!

Полинька очень удивилась грустному выраженію лица Бранчевской, которая сидѣла, понуривъ голову.

— Подай мнѣ книгу! тяжело вздохнувъ, сказала Бранчевская.

Полинька нашла на столѣ двѣ книги, русскую и французскую, и спросила:

— Которую угодно?

— Ты развѣ умѣешь читать?

— Да, умѣю-съ! съ увѣренностію отвѣчала Полинька.

Бранчевская усмѣхнулась. Она такъ привыкла къ подобострастнымъ манерамъ своей дворни, что развязность Полиньки смѣшила ее.

— Ну, прочти; я послушаю.

Полинька смѣшалась, но насмѣшливая улыбка Бранчевской пробудила въ ней гордость; она взяла книгу и стала читать.

— Сядь! сказала Бранчевская, съ удивленіемъ слушая Полиньку, которая, благодаря Каютину, читала бѣгло и съ тол-

Полинька сѣла на скамейку, у ея ногъ. Бранчевская закры-
а глаза; тишина была страшная кругомъ; только звучный и
емного дрожащій голосокъ Полиньки нарушалъ ее. Вдругъ по-
зышались шаги; Бранчевская быстро повернула голову къ две-
и: вошелъ молодой человѣкъ, бѣлокурый, съ нѣжными черта-
и; то былъ сынъ Бранчевской. По знаку своей госпожи, По-
линька встала въ то самое время, какъ молодой человѣкъ под-
одилъ къ кресламъ. Увидавъ ее, онъ невольно отшатнулся и,
збывъ поцаловать руку матери, протянутую ему, съ удивленi-
мъ смотрѣлъ на Полиньку. Мать замѣтила его удивленіе и ука-
ла Полинькѣ на дверь.

Уходя, Полинька услышала замѣчанье своей госпожи: «не-
равда ли, смѣшна?» и вспыхнувъ, быстро оглянулась; молодой
еловѣкъ провожалъ ее глазами.

— Барину чаю не такъ сладко, только два куска сахару,
ропищала Анисья Ѳедотовна, когда Полинька входила въ сто-
овую.

Отпустивъ чай, Полинька задумалась передъ столомъ о сво-
мъ новомъ положеніи, которое безпрерывно производило въ
ей внутреннюю лихорадку.

— О чемъ ты думаешь? насмѣшливо сказалъ Бранчевскій,
ихо подходя къ столу.

Полинька вздрогнула.

— О, какая пугливая! сказалъ онъ и подалъ ей стаканъ. —
чень сладко.

Ему было лѣтъ двадцать пять, но на видъ казалось небольше
звятнадцати; черты его лица были нѣжны и составляли пол-
ую противоположность съ его взглядомъ, въ которомъ не было
едостатка въ наглости, несмотря на совершенно небесный
вѣтъ глазъ.

Полинька дополнила стаканъ, подала ему и очень удивилась,
мѣтивъ, что онъ пристально смотрѣлъ на нее.

— А, а, а! наконецъ сказалъ онъ, какъ-будто вспомнивъ
то то, и съ улыбкой прибавилъ: — А гдѣ твой женихъ?

Полинька такъ испугалась, что чуть не вскрикнула.

— Чтó, не понравился тебѣ его горбъ, а? продолжалъ Бран-
евскій съ презрительной улыбкой.

Полинька совершенно потерялась.

— Александръ! раздался голосъ Бранчевской.

— Сейчасъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Я знаю тебя; ты хитрая! прибавилъ онъ, погрозивъ пальцемъ Полинькѣ, и пошелъ къ двери.

Полинька не могла понять, какимъ образомъ, отъ кого узналъ Бранчевскій, что горбунъ сватался къ ней. А между тѣмъ дѣло объяснялось очень просто: Бранчевскій былъ тотъ самый молодой человѣкъ, который нечаянно спасъ Полиньку отъ преслѣдованій горбуна на улицѣ. Тогда Полинька была такъ занята собственнымъ положеніемъ, что не замѣтила его; но онъ хорошо разсмотрѣлъ ея оригинальное личико и даже маленькія ножки

Фамиліярность молодого человѣка сильно оскорбила Полиньку. Она готова была плакать съ досады.

Минутъ черезъ пять Бранчевскій опять вошелъ въ залу и, ставя на столъ стаканъ, сказалъ:

— Очень крѣпокъ.

— Я, кажется, вамъ никакъ не угожу! сердито сказала Полинька.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ и отвѣчалъ:

— Ошибаешься: тебѣ стоитъ только притти ко мнѣ вечеромъ, и я останусь доволенъ!

— Ну такъ вы долго, или, лучше сказать, вы вѣчно будете мной недовольны! со злобою отвѣчала Полинька.

— О, о, о, какая сердитая! вотъ не ожидалъ!

— И по всему видно, что не ожидали, иначе вѣрно не стали бы говорить такихъ глупостей дѣвушкѣ, которую видите въ первый разъ!

Полинька разгорячилась.

Бранчевскій залился самымъ презрительнымъ смѣхомъ.

Слезы брызнули изъ глазъ Полиньки, слова замерли, и она чувствовала такую злобу, что готова была кинуться и задушить его.

— Александръ! съ упрекомъ произнесла Бранчевская, величественно показавшись въ дверяхъ.

Онъ продолжалъ смѣяться, подошелъ къ матери и, поцаловавъ у ней руку, сказалъ:

— Извините меня, но она очень смѣшна. Я давно такъ не смѣялся.

— Иди къ себѣ! строго сказала Бранчевская Полинькѣ; Пола съ радостью исполнила ея приказаніе.

Когда она очутилась въ своей комнатѣ, ей хотѣлось плакать, о слезъ не было; внутренняя дрожь колотила ее такъ, что зуы стучали. Въ первый разъ мужчина говорилъ ей ты и такъ агло обращался съ ней. А повелительные жесты Бранчевской? оскорбительный смѣхъ его? И Полинька кинулась на постель, ıжала уши и долго лежала такъ.

На другой день она съ ужасомъ ждала минуты, когда дол:на была итти разливать чай. Она лучше бѣжала бы изъ дому, о гдѣ взять денегъ, чтобъ возвратить полученныя впередъ? и ѣмъ жить? Радость Полиньки была неописанная, когда въ-поыхахъ вошла къ ней Анисья Ѳедотовна и объявила, что барыя приказала разливать чай въ буфетной.

— Господи! да что́ вы надѣлали тамъ? Вотъ рекомендуй на зою шею!

— Я ничего не сдѣлала, отвѣчала Полинька.

— Какъ ничего! въ буфетѣ чай приказано наливать, а этого арыня прежде и слышать не хотѣла: все боялась нечистоты.

— Чѣмъ же я-то виновата?

— Ужъ какъ хотите, а виноваты; у насъ барыня строгая, а вашемъ мѣстѣ благородныя жили, да и имъ дверь указывали, оли не умѣли себя вести какъ слѣдуетъ. У насъ баринъ молоой, и не приведи Богъ, если барыня что́ узнаетъ!

Полинька вспыхнула.

— Да съ чего же вы взяли, съ сердцемъ сказала она: — что стану еще смотрѣть на вашего барина!

— Ого! знаемъ мы! вонъ у насъ жила изъ благородныхъ, оже пѣла.... Ну, да что́ тутъ болтать! съ вами каши не сварить!

И домоправительница сердито удалилась.

Въ дѣвичьей горничныя встрѣтили Полиньку очень ласково.

— Ужасти, что́ вы надѣлали! сказала одна изъ нихъ. Вчера имошка ѣздовой съ бариновымъ лакеемъ Алешкой подрался ı васъ; Алешка такъ его оттаскалъ, что чудо! мы просто жиэтики надорвали!

Полинька слушала съ недоумѣніемъ.

— Дрались за то, пояснила другая горничная, что Тимошка бѣщался васъ поцаловать.

Полинька вздохнула, мысленно поблагоцитника.

— Онъ таскаетъ Тимошку, продолжала съ хохотомъ разсказщица:—да приговариваетъ: прежде отца въ петлю не суйся, не суйся!

— Чтó такое случилось съ дѣвушкой, которая жила до меня? спросила Полинька, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Чтó? ха, ха ха! да ничего! То ужь давно было, а до васъ жила у насъ благородная старая дѣвушка, да Анисья-лиса выжила ее. А та была молодая: ну, извѣстно....

Вошла Анисья Өедотовна, и разговоръ прекратился.

Прошло два дня. Полинька не видала ни Бранчевской, ни ея сына. Разливая чай въ буфетѣ, она не разъ готова была плакать: такъ оскорбляли ее шуточки лакеевъ, очень недовольныхъ ея гордостью. Она съ нетерпѣніемъ ждала воскресенья, чтобъ бѣжать къ Надеждѣ Сергѣевнѣ и башмачнику и поискать способа оставить свое мѣсто.

На третій день вечеромъ, когда Полинька была въ своей комнатѣ, прибѣжалъ лакей и звалъ ее къ барынѣ. Полинька испугалась и пошла за лакеемъ. Онъ привелъ ее въ небольшую переднюю и, отворивъ дверь, съ усмѣшкой сказалъ:

— Извольте итти прямо: тутъ ближе!

Полинька вошла въ комнату, богато убранную и освѣщенную сверху лампой; не видя никого, она прошла еще двѣ комнаты, неосвѣщенныя, и, замѣтивъ свѣтъ между занавѣсками, тихо распахнула ихъ и вошла.

Каминъ догаралъ; свѣчи съ зелеными колпаками стояли на большомъ письменномъ столѣ и слабо освѣщали комнату, убранную очень странно, какъ показалось Полинькѣ. Ей отчего-то вдругъ стало страшно, и она попятилась, но тотчасъ же улыбнулась своей трусливости и пошла впередъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она остановилась посреди комнаты какъ вкопанная: на большихъ креслахъ у камина, совершенно свернувшись, лежалъ Бранчевскій и лукаво выглядывалъ изъ-за спинки. При первомъ движеніи Полиньки къ двери, онъ вскочилъ и, заграждая ей дорогу, шутливо сказалъ:

— Здравствуй, гордая красавица! а, а! Ты ко мнѣ въ гости пришла?

Полинька поблѣднѣла. Бросивъ на него взглядъ, полный гордости и достоинства, она строго сказала:

— Позвольте мнѣ уйти отсюда; меня спрашиваетъ ваша матушка; не удерживайте меня.

И она сдѣлала шагъ впередъ. Онъ такъ былъ пораженъ ею, что невольно посторонился, но тотчасъ же засмѣялся, опять заслонилъ ей дорогу и, раскрывъ объятія, сказалъ:

— Я не мѣшаю тебѣ, иди!

Полинька повернулась и быстро пошла къ другой двери. Молодой человѣкъ засмѣялся.

— Ну, вотъ такъ лучше! прямо ко мнѣ въ спальню!

Полинька остановилась. Въ лицѣ ея появилась страшная злоба.

— Чего вы хотите отъ меня? спросила она.

— Послушай, ты такъ страшно смотришь, что я тебя боюсь.

И онъ притворно задрожалъ и сдѣлалъ смѣшную гримасу, какъ-будто хотѣлъ плакать.

Полинька невольно улыбнулась.

— А ну, вотъ! радостно сказалъ Бранчевскій: — вотъ такъ ты гораздо лучше.

Полинька въ ту же минуту сдѣлала опять серьёзное лицо и сказала:

— Если вы хотите, чтобъ я улыбалась, то не удерживайте меня здѣсь. Я вамъ скажу откровенно, что вашъ поступокъ со мною очень неблагороденъ. Я живу въ вашемъ домѣ, у васъ огромная дворня, и всѣ ужь знаютъ, что я была у васъ. Вамъ смѣшно, сказала Полинька, замѣтивъ улыбку Бранчевскаго. — Мы, бѣдные люди, такъ же имѣемъ родныхъ и знакомыхъ, которымъ больно будетъ слышать...

— Боже мой, откуда ты научилась такъ говорить? спросилъ Бранчевскій.

— А откуда вы научились, отвѣчала разсерженная Полинька, едва сдерживая слезы: — такимъ неблагороднымъ вещамъ: приказывать лакеямъ обманомъ привести къ вамъ бѣдную дѣвушку, осрамить ее и можетъ быть лишить послѣдняго куска хлѣба? откуда вы этому научились? Мы если сдѣлаемъ что̀ дурное, такъ у насъ не было учителей...

Въ ту минуту послышался звонокъ. Бранчевскій [illegible], измѣнился въ лицѣ и, указывая на дверь сп

— Войди въ эту комнату; моя мат

По невольному движенію страха, Полинька кинулась-было къ двери, но вдругъ воротилась, стала посреди комнаты и насмѣшливо смотрѣла на Бранчевскаго.

— Иди же скорѣе! съ сердцемъ сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я не пойду! Зачѣмъ мнѣ прятаться? я не сама къ вамъ пришла! рѣшительно замѣтила Полинька.

Бранчевскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Полиньку, съ сердцемъ кинулся къ столу, погасилъ свѣчи и, уходя изъ комнаты, сказалъ:

— Если не хочешь, чтобъ тебя выгнали изъ дому, такъ оставайся здѣсь и не шевелись.

ГЛАВА IX.

У ПОСТЕЛИ УМИРАЮЩАГО.

Стоя въ темной комнатѣ, Полинька чуть не сошла съ ума отъ страха и стыда. Наконецъ она прошла ощупью въ спальню и къ великой радости нашла тамъ дверь, которая вывела ее въ темный коридоръ, откуда она вышла въ сѣни. Возвратясь къ себѣ въ комнату, Полинька проплакала цѣлую ночь. Она все еще любила Каютина, но старалась себя увѣрить, что, кромѣ злобы, ничего къ нему уже не чувствуетъ, и приписывала все свое несчастіе ему одному. И тогда горбунъ казался ей не такъ страшенъ: его предсказанія сбылись. Каютинъ пропалъ неизвѣстно куда!

Рано утромъ Анисья Ѳедотовна въ волненіи вбѣжала къ Полинькѣ и отдала ей ключи, хныкая и прося ее на нѣсколько часовъ замѣнить ея должность.

— Ахъ ты, Господи, Господи! бормотала Анисья Ѳедотовна.

— Да что́ случилось съ вами? спросила Полинька.

— Какъ что́? человѣкъ умираетъ, пришли мнѣ сейчасъ сказать, а ты боишься итти! ну какъ спросятъ? или что́ случится?

— Неужели у васъ такъ строго, спросила Полинька: — что нельзя итти, если даже кто умираетъ?

— Что́ дѣлать! чужой хлѣбъ ѣшь, такъ и чужую волю 'олняй, какъ требуется.

Полинька испугалась; ей живо представилось собственное оложеніе: что́, если башмачникъ или Кирпичова захвораетъ, а ı не пустятъ?

— Идите, идите, я все за васъ сдѣлаю! сказала Полинька и ъ участіемъ спросила:

— Онъ вамъ родственникъ?

— Нѣтъ, хныкая отвѣчала Анисья Ѳедотовна: — онъ былъ режде управляющій здѣсь, человѣкъ доброжелательный. Я его здовъ тридцать какъ знаю; да такой былъ здоровый; а вотъ вругъ захирѣлъ; сегодня ужь пришли мнѣ сказать, что зоветъ еня къ себѣ, послѣднюю волюшку хочетъ объявить... Голубікъ ты мой, о-хо-хо, охъ!

И Анисья Ѳедотовна завыла.

Полинька успокоивала ее и упрашивала скорѣй итти къ умиающему.

Анисья Ѳедотовна возвратилась часа черезъ два. Полинька ъ участіемъ спросила: какъ и что́?

— Ахъ, матушка! какъ щепка высохъ, мой голубчикъ! Еда меня узналъ. «Ты, говоритъ, поклянись мнѣ, что мою волю сполнишь! А вотъ, говоритъ, на́ бумагу; какъ я умру, такъ, зворитъ, подай сейчасъ кому слѣдуетъ: это, говоритъ, моя дуовная».

И Анисья Ѳедотовна таинственно вынула изъ ридикюля бумагу, завернутую въ платокъ, и, развертывая ее, продолжала:

«Ты, говоритъ, не показывай никому этой бумаги до моей мерти». А я-то грамотѣ не знаю! а хотѣлось бы мнѣ знать, ому онъ свое добро отказываетъ, ужь не мнѣ ли? Да, кажись, него ближе меня никого и нѣтъ!

И она, съ лисьими ужимками подавъ Полинькѣ бумагу, привила: «ну-ка, прочтите», и подставила ухо.

Полинька развернула бумагу. Духовная была написана по ормѣ. Полинька быстро читала; волненіе ея все увеличивалось; аконецъ она вдругъ остановилась, дочитавъ до мѣста, гдѣ было написано: «отказываю все мое имѣніе, движимое и недвижиое, векселя, подъ такими-то нумерами, дѣвицѣ....»

Голосъ дрожалъ у Полиньки, руки опустились. ... -
омъ смотрѣла на Анисью Ѳедотовну, ...
олову, ждала продолженія.

— Ну, сердито сказала она, потерявъ терпѣніе: — дѣ
Анисьѣ.... Ѳедо....

— Кто онъ такой? въ волненіи спросила Поливька.

— Да читайте. Господи, ну, прочтете и увидите какъ жи-
вутъ.

Поливька быстро поглядѣла подпись—и вспыхнула, потомъ
поблѣднѣла. Далеко отбросивъ отъ себя духовную, она закры
лицо руками и зарыдала.

— Что такое, что такое? Господи! что случилось?

И Анисья Ѳедотовна подняла духовную и спрятала ее.

— Такъ не мнѣ, спросила она, задрожавъ: — онъ отка-
ваетъ? а?

— Нѣтъ! рыдая отвѣчала Поливька.

— Не мнѣ!.... грозно повторила Анисья Ѳедотовна: — а,
а! ну, такъ пусть его умираетъ какъ собака! Нѣтъ, нѣтъ, не
пойду.

Поливька съ ужасомъ открыла лицо, и въ глазахъ ея,
полныхъ слезъ, появилось страшное негодованіе.

— Какъ вамъ нестыдно! сказала она съ упрекомъ: — вѣдь
онъ умираетъ!

— Ахъ! съ испугомъ воскликнула Анисья Ѳедотовна: —
еще можетъ можно было перемѣнить, передѣлать.... А я
старая дура, простофиля разболтала все!

— Я ни слова никому не скажу!

— Анисья Ѳедотовна улыбнулась.

— Подите къ нему, можетъ быть онъ васъ ждетъ! при-
вила Поливька умоляющимъ голосомъ.

— Вотъ тебѣ, какъ не такъ, онъ, извѣстно, радъ, какъ я
ду, да мнѣ-то что за прибыль, да и какъ отъ дѣла бѣжать.
пустятъ.

Полинька поблѣднѣла. Съ минуту она думала, потомъ
сказала:

— Позвольте, я хоть за васъ поѣду къ нему.

Анисья Ѳедотовна усмѣхнулась.

— Да ты что за жалостливая такая! и тебѣ нельзя
раньше вечера: кто чай разольетъ? Ну, сохрани Богъ,
барыня узнаетъ, что дома тебя нѣтъ. Рассердится... да серд
а вотъ посмотрѣла бы, каково одному умирать! чай, и

воды подать, чтобъ горло промочить, а ужъ какъ слабъ! руки точно плети.

Полинька поспѣшно начала одѣваться.

— Куда это? куда? спросила Анисья Ѳедотовна, схвативъ ее за платье.

— Пустите, я пойду къ нему, мнѣ нужно его видѣть, въ отчаяніи сказала Полинька.

— Господи! да ужь не рехнулась ли ты! Какъ можно, и что́ вамъ дѣлать у него? Можетъ ужь теперь и умеръ.... что́ онъ вамъ такое?

— Я его тоже знаю!

— А, а, а, такъ вы знакомы? радостно сказала Анисья Ѳедотовна, и потомъ таинственно прибавила: — ну, если ужь такое ваше усердствіе за умирающими уходъ имѣть, такъ только чуръ раньше не уходить, какъ свое дѣло управите, да и то я на свою шею не беру. Спросятъ, гдѣ? А ты что́? да ты кто въ домѣ? Нѣтъ-съ, напередъ говорю, что́ случится, руки умываю!

Анисья Ѳедотовна засмѣялась и стала тереть рукой объ руку.

— Я буду одна отвѣчать, если что̀ случится! сказала Полинька рѣшительнымъ голосомъ.

— Тото же, смотрите! язвительно замѣтила Анисья Ѳедотовна. — Вечеромъ, прибавила она таинственно: — какъ чай кончится, выдьте въ сѣни, я туда притащу салопъ и шляпку, чтобъ наши-то оралы не замѣтили, ато пойдутъ кричать: «небось ее пускаетъ на ночь, а насъ отчего?»

И Анисья Ѳедотовна удалилась.

Полинька была въ страшной тревогѣ; она долго плакала, поминутно смотрѣла на часы, а разливая чай, такъ была разсѣяна, что лакеи, стоявшіе въ буфетѣ, помирали со смѣху.

Окончивъ чай, Полинька вышла въ сѣни и долго ждала Анисью Ѳедотовну, которая наконецъ явилась съ салопомъ и шляпкой.

— Ну, вотъ, скорѣе, чтобъ не увидали, сказала она: — не забудьте, на Козьемъ болотѣ, въ домѣ мѣщанки Пряженцовой.

— Хорошо, хорошо! сбѣгая съ лѣстницы, отвѣчала Полинька.

Она взяла извощика и поѣхала; дорога была продолжительная; наконецъ они въѣхали на Козье болот [illegible] о мрачную площадь, среди которой [illegible] я

— Ну, сердито сказала она, потерявъ терпѣніе: — ‚
Анисьѣ.... Ѳедо....

— Кто онъ такой? въ волненіи спросила Полинька.

— Да читайте. Господи, ну, прочтете и увидите ка
вутъ.

Полинька быстро поглядѣла подпись—и вспыхнула, і
поблѣднѣла. Далеко отбросивъ отъ себя духовную, она за
лицо руками и зарыдала.

— Что такое, что такое? Господи! что случилось?

И Анисья Ѳедотовна подняла духовную и спрятала ее

— Такъ не мнѣ, спросила она, задрожавъ: — онъ от
ваетъ? а?

— Нѣтъ! рыдая отвѣчала Полинька.

— Не мнѣ!.... грозно повторила Анисья Ѳедотовна: —
а! ну, такъ пусть его умираетъ какъ собака! Нѣтъ, нѣ
пойду.

Полинька съ ужасомъ открыла лицо, и въ глазахъ ея
полныхъ слезъ, появилось страшное негодованіе.

— Какъ вамъ нестыдно! сказала она съ упрекомъ: —
онъ умираетъ!

— Ахъ! съ испугомъ воскликнула Анисья Ѳедотов
еще можетъ можно было перемѣнить, передѣлать.... А і
старая дура, простофиля разболтала все!

— Я ни слова никому не скажу!

— Анисья Ѳедотовна улыбнулась.

— Подите къ нему, можетъ быть онъ васъ ждетъ! п
вила Полинька умоляющимъ голосомъ.

— Вотъ тебѣ, какъ не такъ, онъ, извѣстно, радъ, какъ
ду, да мнѣ-то что за прибыль, да и какъ отъ дѣла бѣжат
пустятъ.

Полинька поблѣднѣла. Съ минуту она думала, потомъ
сказала:

— Позвольте, я хоть за васъ поѣду къ нему.

Анисья Ѳедотовна усмѣхнулась.

— Да ты что за жалостливая такая! и тебѣ нель
раньше вечера: кто чай разольетъ? Ну, сохрани Бо
барыня узнаетъ, что дома тебя нѣтъ. Расердится... да
а вотъ посмотрѣла бы, каково одному умирать! чай

точки — отраженіе огней, свѣтившихся въ окнахъ жалкихъ домиковъ, окружавшихъ площадь.

Полинька съ трудомъ нашла домъ мѣщанки Пряженцовой. Ее встрѣтила какая-то старуха и грубо спросила:

— Къ кому пришла? кого надо?

— Я отъ Анисьи Ѳедотовны, отвѣчала робко Полинька.

— А, а, къ больному? кажись, пересталъ стонать... кто его таковъ, — прахъ его знаетъ, толку отъ него не добьешься!

— Пустите меня скорѣе, перебила Полинька словоохотливую старуху.

— Погоди, сейчасъ, надо его спросить!

— О, нѣтъ! не говорите, что я пришла; скажите, что Анисья Ѳедотовна.

— Это зачѣмъ! ишь ты какая! ну, да пойдемъ, пойдемъ; онъ ничего не услышитъ и не увидитъ.

И старуха повела Полиньку черезъ темныя сѣни. Она растворила дверь въ небольшую комнатку, тоже темную, и начала кашлять такъ страшно, что Полинька удивилась, откуда вдругъ у ней появился кашель.

— Фу, ты, проклятый! чуть не задушилъ! бормотала старуха.

Въ другой комнатѣ послышался стонъ. Старуха усмѣхнулась.

— Ну, опять затянулъ свою пѣсню! вотъ такъ и день и ночь все напѣваетъ! — Маленько темно, да ишь ты, глазамъ больно!

Полинька не слушала больше старуху; она прильнула къ двери и старалась заглянуть въ сосѣднюю комнату, слабо освѣщенную.

Комната была чиста, но бѣдно убрана; на лежанкѣ — свѣча, заставленная большой книгой; въ углу — кровать, на которой слабо стоналъ умирающій.

Полинька тихо вошла въ комнату.

— Кто тамъ? едва слышно спросилъ больной.

Полинька обмерла.

— О Господи, Господи! прекрати мои мученія! простоналъ больной.

Полинька кинулась къ постели и съ ужасомъ отскочила отъ нея. Такъ страшенъ былъ умирающій горбунъ!

Она едва узнала своего прежняго врага, однакожь то былъ дѣйствительно горбунъ. Но какая страшная перемѣна! лицо

его было блѣдно, глаза закрыты, губы черны, волосы стояли дыбомъ и почти всѣ были бѣлы.

Долго Полинька смотрѣла на него, и много перечувствовала. Раскаяніе мучило ее. Она видѣла теперь, что горбунъ правъ, что онъ благороденъ, что она точно обманута своимъ женихомъ, что она можетъ быть причиной смерти горбуна. Тотъ, кого она такъ страшно оскорбляла своимъ презрѣніемъ, — тотъ не забылъ ея и въ предсмертную минуту: онъ простилъ ей все и еще отказалъ свое богатство! А тотъ, кому она всѣмъ пожертвовала, бросилъ ее!

Волнуемая стыдомъ и отчаяніемъ, Полинька съ ужасомъ припоминала свои оскорбительныя слова, свои подозрѣнія,—все поведеніе свое съ горбуномъ, и готова была упасть на колѣни передъ умирающимъ, чтобъ онъ простилъ ее и сколько-нибудь облегчилъ ея совѣсть!

— Дайте пить.... сжальтеся кто-нибудь.... дайте хоть глотокъ, простоналъ горбунъ.

Полинька схватила со стола стаканъ и, вся дрожа, поднесла его къ губамъ умирающаго. Она чувствовала, какъ горячія его губы коснулись ея руки, ища стакана.

— Охъ, не могу, силъ нѣтъ, приподнимите! слабо сказалъ горбунъ, опустивъ голову на подушки.

Полинька, едва сдерживая рыданіе, нагнулась близко къ горбуну, подняла его голову и поднесла ему стаканъ. Долго пилъ умирающій. Рука у ней обмерла, поддерживая его голову, а онъ все пилъ. Полинькѣ было тяжело, но она терпѣла.

Наконецъ больной съ тихимъ стономъ отнялъ губы отъ стакана и повернулъ къ ней голову. Почувствовавъ жаркое дыханіе на своей груди, Полинька осторожно уложила голову горбуна на подушки и сѣла на стулъ у его изголовья.

Тихо было въ комнатѣ: больной лежалъ покойно. Полинька много передумала, сидя у его изголовья. Ей въ первый разъ пришлось видѣть человѣка въ такихъ страданіяхъ, и ея сердце ныло; каждый стонъ глубоко потрясалъ ее. Въ нѣсколько часовъ она такъ утомилась, что не могла долго бороться со сномъ, къ которому невольно располагала унылая тишина комнаты. Почувствовавъ, что члены ея нѣмѣютъ, она напрягала слухъ, широко открыла глаза.... Но черезъ минуту глаза сом-

точки — отраженіе огней, свѣтившихся въ окнахъ жалкихъ домиковъ, окружавшихъ площадь.

Полинька съ трудомъ нашла домъ мѣщанки Пряженцовой. Ее встрѣтила какая-то старуха и грубо спросила:

— Къ кому пришла? кого надо?

— Я отъ Анисьи Өедотовны, отвѣчала робко Полинька.

— А, а, къ больному? кажись, пересталъ стонать... ктò онъ таковъ, — прахъ его знаетъ, толку отъ него не добьешься!

— Пустите меня скорѣе, перебила Полинька словоохотливую старуху.

— Погоди, сейчасъ, надо его спросить!

— О, нѣтъ! не говорите, что я пришла; скажите, что Анисья Өедотовна.

— Это зачѣмъ! ишь ты какая! ну, да пойдемъ, пойдемъ; онъ ничего не услышитъ и не увидитъ.

И старуха повела Полиньку черезъ темныя сѣни. Она открыла дверь въ небольшую комнатку, тоже темную, и начала кашлять такъ страшно, что Полинька удивилась, откуда вдругъ у ней появился кашель.

— Фу, ты, проклятый! чуть не задушилъ! бормотала старуха.

Въ другой комнатѣ послышался стонъ. Старуха усмѣхнулась.

— Ну, опять затянулъ свою пѣсню! вотъ такъ и день и ночь все напѣваетъ! — Маленько темно, да ишь ты, глазамъ больно!

Полинька не слушала больше старуху; она прильнула къ двери и старалась заглянуть въ сосѣднюю комнату, слабо освѣщенную.

Комната была чиста, но бѣдно убрана; на лежанкѣ — свѣча, заставленная большой книгой; въ углу — кровать, на которой слабо стоналъ умирающій.

Полинька тихо вошла въ комнату.

— Кто тамъ? едва слышно спросилъ больной.

Полинька обмерла.

— О Господи, Господи! прекрати мои мученія! простоналъ больной.

Полинька кинулась къ постели и съ ужасомъ отскочила отъ нея. Такъ страшенъ былъ умирающій горбунъ!

Она едва узнала своего прежняго врага, однакожь то былъ дѣйствительно горбунъ. Но какая страшная перемѣна! лицо

его было блѣдно, глаза закрыты, губы черны, волосы стояли дыбомъ и почти всѣ были бѣлы.

Долго Полинька смотрѣла на него, и много перечувствовала. Раскаяніе мучило ее. Она видѣла теперь, что горбунъ правъ, что онъ благороденъ, что она точно обманута своимъ женихомъ, что она можетъ быть причиной смерти горбуна. Тотъ, кого она такъ страшно оскорбляла своимъ презрѣніемъ, — тотъ не забылъ ея и въ предсмертную минуту: онъ простилъ ей все и еще отказалъ свое богатство! А тотъ, кому она всѣмъ пожертвовала, бросилъ ее!

Волнуемая стыдомъ и отчаяніемъ, Полинька съ ужасомъ припоминала свои оскорбительныя слова, свои подозрѣнія,—все поведеніе свое съ горбуномъ, и готова была упасть на колѣни передъ умирающимъ, чтобъ онъ простилъ ее и сколько-нибудь облегчилъ ея совѣсть!

— Дайте пить.... сжальтеся кто-нибудь.... дайте хоть глотокъ, простоналъ горбунъ.

Полинька схватила со стола стаканъ и, вся дрожа, поднесла его къ губамъ умирающаго. Она чувствовала, какъ горячія его губы коснулись ея руки, ища стакана.

— Охъ, не могу, силъ нѣтъ, приподнимите! слабо сказалъ горбунъ, опустивъ голову на подушки.

Полинька, едва сдерживая рыданіе, нагнулась близко къ горбуну, подняла его голову и поднесла ему стаканъ. Долго пилъ умирающій. Рука у ней обмерла, поддерживая его голову, а онъ все пилъ. Полинькѣ было тяжело, но она терпѣла.

Наконецъ больной съ тихимъ стономъ отнялъ губы отъ стакана и повернулъ къ ней голову. Почувствовавъ жаркое дыханіе на своей груди, Полинька осторожно уложила голову горбуна на подушки и сѣла на стулъ у его изголовья.

Тихо было въ комнатѣ: больной лежалъ покойно. Полинька много передумала, сидя у его изголовья. Ей въ первый разъ пришлось видѣть человѣка въ такихъ страданіяхъ, и ея сердце ныло; каждый стонъ глубоко потрясалъ ее. Въ нѣсколько часовъ она такъ утомилась, что не могла долго бороться со сномъ, къ которому невольно располагала унылая тишина комнаты. Почувствовавъ, что члены ея нѣмѣютъ, она напрягала слухъ, широко открыла глаза.... Но черезъ минуту глаза сом-

кнулись снова, вотъ мелькнули знакомыя лица, заговорили съ ней — Полинька заснула.

Была глухая ночь; умирающій лежалъ спокойно; въ комнатѣ было такъ тихо, что мѣрное дыханіе Полиньки ясно слышалось.

Вдругъ больной началъ медленно поднимать голову; глаза его горѣли, злая улыбка блуждала на губахъ; наконецъ онъ бодро сѣлъ на кровать и впился глазами въ спящую Полиньку. Можетъ быть почувствовавъ его взглядъ, она начала дышать прерывисто и зашевелила губами, будто хотѣла кричать.

Тихій смѣхъ вылетѣлъ изъ груди горбуна, и онъ медленно, не сводя глазъ съ Полиньки, привсталъ на постели. Въ то время Полинька вздрогнула, вскочила со стула и дикими глазами оглядѣла комнату: горбунъ лежалъ какъ мертвый на кровати....

Полинька съ минуту старалась собраться съ мыслями, осматривалась и вдругъ страшно поблѣднѣла: ей показалось, что горбунъ уже умеръ; мысль, что она одна въ комнатѣ съ мертвецомъ такъ испугала ее, что она кинулась къ двери и стала стучать въ нее и кричать: Отворите! онъ умеръ, онъ умеръ.

Но какая-то тѣнь мелькнула въ комнатѣ. Полинька обернулась и вскрикнула, увидавъ горбуна у лежанки: онъ гасилъ свѣчу. Въ комнатѣ стало совершенно темно. Полинька по инстинкту присѣла и ползкомъ отдалилась отъ двери. Ей казалось, что это все сонъ; она хотѣла кричать, но страхъ привлечь горбуна на свою сторону останавливалъ ее. Слухъ ея былъ напряженъ до послѣдней степени: она услышала шорохъ въ противоположномъ углу, — кто-то шаркалъ по стѣнѣ, — ощупала окно и вскочила на него.

Вдругъ за стѣной послышался говоръ, брань и шаги. Горбунъ забѣгалъ, заметался по комнатѣ, и чтò-то упало, задѣтое имъ.

Черезъ минуту кто-то поспѣшно раскрылъ двери и освѣтилъ комнату. Полинька съ ужасомъ увидѣла горбуна, совершенно здороваго, съ его прежнимъ злобнымъ лицомъ. Онъ стоялъ посреди комнаты и разводилъ руками по воздуху, надъ опрокинутымъ стуломъ.

Анисья Ѳедотовна, блѣдная, стояла на порогѣ со свѣчей.

Полинька кинулась съ окна, потушила свѣчу, оттолкнула Анисью Ѳедотовну и выскочила въ сѣни. Выбѣжавъ оттуда на

воръ и услышавъ за воротами мужской голосъ и фырканье лоади, она начала-было кричать, но воздухъ освѣжилъ ее, она умалась, тихонько отворила калитку и выскочила на улицу.

Извощикъ стоялъ у воротъ.

— Увези меня, увези скорѣе, я тебѣ дамъ, сколько хочешь! дыхаясь сказала Полинька.

Извощикъ вѣрно испугался: онъ сѣлъ на свои дрожки, хлеулъ клячу и поѣхалъ отъ Полиньки. Полинька побѣжала за имъ, но вдругъ услышала голосъ Анисьи Ѳедотовны, зовущій ѣ, и прислонилась къ стѣнѣ какого-то дома. Анисья Ѳедовна запыхавшись пробѣжала мимо нея, бормоча отчаяннымъ лосомъ:

— Господи, Господи, погубила я себя! гдѣ-то она, гдѣ?

Полинька окликнула ее. Анисья Ѳедотовна вскрикнула отъ адости и, накинувъ на Полиньку салопъ, умоляющимъ голосомъ казала:

— Поѣдемте скорѣе домой! васъ барыня спрашиваетъ, весь омъ подняла. Охъ, чтó-то будетъ!

Они сѣли на дрожки.

— И надо же было случиться, продолжала домоправительица: — такому несчастію, что барыня зашла въ вашу комту.

— Она была въ моей комнатѣ? спросила съ удивленіемъ олинька.

— Да, барыня сегодня долго не ложилась спать. Сначала го-то крупно поговорила съ молодымъ бариномъ, — онъ у насъ акой, Богъ съ нимъ! — потомъ все ходила по комнатамъ, да и йди къ вамъ.... Ужь зачѣмъ, Богъ знаетъ, развѣ думала.... гó она тамъ дѣлала, чтò видѣла, не знаю, только выбѣжала а оттуда вся блѣдная, дрожитъ, и потребовала васъ.... да ава Богу ей вдругъ сдѣлалось дурно. Богъ дастъ, пріѣдемъ ско, такъ она не узнаетъ. Только вы, ради Бога, не говорите, гдѣ ыли, не погубите!

Анисья Ѳедотовна, рыдая, умоляла Полиньку не погубить . Полинька молчала, полная мыслію, что только счастливому непонятному случаю обязана чуднымъ своимъ спасеніемъ.

Такъ они подъѣхали къ дому.

ГЛАВА X.

ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ.

18** года іюля 16 съ Соломбальской пристани, подъ Архангельскомъ, отправились двѣ большія лодьи, какія обыкновенно употребляются здѣшними поморцами для промысловъ. Одну называли «Надежда», другую «Запасная». Обѣ были крѣпки, вмѣстительны и снаряжены, какъ видно, въ дальній и долгій путь: на «Запасную» между прочимъ уложенъ былъ срубъ такъ называемой разборной избы; бочки съ провіянтомъ какъ на той, такъ и на другой занимали не послѣднее мѣсто. При лодьяхъ находилось нѣсколько гребныхъ судовъ. На палубѣ «Запасной» можно было насчитать до десяти человѣкъ; на палубѣ «Надежды» болѣе пятнадцати. Отплытіе лодей не сопровождалось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно сопровождается отправленіе въ путь: никто не прощался съ мореходами, когда они садились на свои суда, никто не кричалъ имъ, не махалъ шапками, когда они тронулись.

И нѣкому было: то были бóльшею частію люди бездомные, безсемейные, равно чуждые всему міру, кромѣ другъ друга, или люди, занесенные сюда съ другóго конца свѣта. Они какъ-будто сами почувствовали, что совершенно лишніе здѣсь, среди толпы, дружно волнующейся по пристани, и спѣшили удалиться, пробуждая въ мыслящемъ зрителѣ такое же чувство, какое пробуждаетъ покойникъ, несопровождаемый ни однимъ человѣкомъ въ послѣднее жилище.

Надежда плыла впереди, Запасная за ней.

Молодой высокій мореходъ, стоя на палубѣ Надежды, долго любовался пестротой и движеніемъ, кипѣвшимъ въ пристани, которую они покинули, и наконецъ сказалъ своему товарищу, человѣку лѣтъ пятидесяти, съ черной бородкой.

— Славная картина, неправда ли?

Картина была дѣйствительно живописная, какъ всякая пристань торговаго города: тысячи купеческихъ кораблей и другихъ судовъ, съ высокими мачтами и волнующимися разноцвѣтными флагами выгружающихся, нагружающихся, почини-

вающихся, — мелкія суда, мелькающія между ними, подобно птицамъ, буксирующіяся барки.... внизу по берегу Двины слишкомъ на двѣ версты непрерывный рядъ домовъ, амбаровъ, сараевъ, магазиновъ съ разными морскими потребностями; вверху городъ съ высокими зданіями и куполами церквей.

И все оживлено самой жаркой дѣятельностью, непрерывнымъ говоромъ и движеніемъ многихъ тысячъ людей, и такъ чудно освѣщено лѣтнимъ, роскошнымъ солнцемъ, что гуляющіе толпами сбѣгаются къ пристани, которая вообще составляетъ любимое гульбище окрестныхъ жителей, несмотря на вѣчный запахъ смолы и каменнаго угля.

— Славная картина, неправда ли?

— Хороша, отвѣчалъ спокойно пожилой мореходъ. — Да вѣдь такія ли картины бываютъ! Чего далеко ходить... тутъ же можетъ Богъ приведетъ посмотрѣть весной *ледоплавъ*.... вотъ такъ картина!

— Что́ такое ледоплавъ: спросилъ молодой мореходъ.

— Бываетъ весной, какъ ледъ станетъ ломать да сопретъ его въ устьяхъ, вода иной разъ поднимется такъ высоко, что всю Соломбалу затопитъ. Хозяева переносятся въ верхнія жилья, а скотъ выводятъ на крышу! Нарочно и крыши такія строятся...

— Я думаю, много страху натерпятся жители?

— Ничуть. Привыкли. Особенно если вода не гораздо высока, такъ даже ради ледоплаву, словно празднику: садятся на свои корбасы и ѣздятъ съ пѣснями по рѣчкамъ и улицамъ около затопленныхъ домовъ, любуются крышами своими, по которымъ лошади и коровы бродятъ и такой ревъ подымаютъ, что Господи упаси! Вотъ тоже картина!

. . . .

Безъ особенныхъ приключеній промышленники наши, въ числѣ которыхъ читатель конечно узналъ уже Каютина и Хребтова, миновали Новодвинскую крѣпость, Березовый баръ, Зимнія горы, подошли къ острову Сосновцу подъ терскимъ берегомъ и наконецъ на четвертый день вышли въ Сѣверный океанъ.

Въ первые дни плаваніе ихъ по водамъ океана такъ же не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ: почти постоянно дулъ теплый вѣтеръ съ туманомъ и мелкимъ дождемъ, пасмурность была непрерывная. Прохваченные до костей сыростью, которая забралась всюду—и въ чемоданы, и въ койки, и въ припасы,

мореходы отогрѣвали себя усильной работой. въ которой не было недостатка, развлекались пѣснями и разсказами. Не частыя встрѣчи; попадавшіяся имъ на пути, такъ же служили развлеченіемъ, особенно тѣмъ, кто еще въ первый разъ плылъ по водамъ Ледовитаго океана.

Затерянные среди необъятнаго пространства водъ, конца которымъ не видѣлъ взоръ ни въ которую сторону, часто окутанные туманомъ зеленоватаго цвѣта, среди глубокой безжизненности и мертвенности, окружавшей ихъ, въ борьбѣ съ недружелюбной стихіей, угрожавшей каждую минуту сокрушить ихъ непрочное жилище, — какъ ради были они малѣйшему появленію жизни, даже обманчивому призраку!

Сначала изрѣдка попадались имъ суда и живые люди. Такъ въ первые дни плаванія мореходы наши увидѣли сквозь туманъ за кормою лодочку подъ однимъ парусомъ и въ ней двухъ человѣкъ. Пловцы были совершенно спокойны и Каютинъ не могъ не подивиться ихъ изумительной дерзости.

— Да они съ ума сошли! сказалъ онъ: — пуститься въ открытое море, подверженное сильнымъ теченіямъ, въ такой лодочкѣ!

— Чему тутъ дивиться? замѣтилъ ему Хребтовъ: — небось въ гости на другой берегъ ѣдутъ. Люди вѣчно живутъ у моря: оно ихъ и поитъ и кормитъ, да имъ бояться его! Посмотрѣлъ бы ты наши «весновальскіе» промыслы, вотъ такъ страшны: тутъ поморцы наши перебѣгаютъ съ одной льдины на другую и такъ въ иную пору забираются волей неволей на середину моря, да и тутъ часто Богъ милуетъ!

Но скоро мореходы наши перестали встрѣчать дѣйствительныя суда, зато часто впереди туманной полосы высоко надъ моремъ показывалась вдругъ лодья, опрокинутая парусами внизъ, потомъ надъ ней или подъ ней являлась другая лодья, третья, — и всѣ дружно бѣжали тѣмъ же курсомъ, какъ и лодьи нашихъ мореходовъ. И такое дѣйствіе рефраксіи, называемое у архангельскихъ промышленниковъ «маревомъ», продолжалось иногда по нѣскольку часовъ сряду.

Иногда, подобно огромной тучѣ, проносилось надъ головами мореходовъ безчисленное стадо гусей; мореходы испускали радостный крикъ, а собаки ихъ, пріученныя къ ловлѣ облинявшихъ птицъ, готовы были спрыгнуть съ палубы и неистовымъ лаемъ

привѣтствовали свою будущую добычу. Въ одну минуту, какъ-будто вскинуто невидимой рукой волшебника, все стадо поднималось выше и съ дикими, отрывистыми криками неслось къ тѣмъ далекимъ и невѣдомымъ островамъ Ледовитаго океана, гдѣ надѣялось найти безопасное убѣжище. Нѣсколько выстрѣловъ, пущенныхъ на-удачу въ такое стадо, доставляло мореходамъ свѣжую пищу.

Иногда вдругъ вдали замѣчалось страшное волненіе, слышался дикій ревъ и плескъ.

— Смотри! смотри! кричалъ пожилой мореходъ своему товарищу.

Каютинъ смотрѣлъ и видѣлъ огромное стадо бѣлугъ, числомъ не менѣе тысячи, мѣрно и торжественно двигавшихся по своему направленію и предводимыхъ матками, которыя несли на хребтахъ своихъ черно-голубыхъ дѣтенышей. Въ такомъ случаѣ мореходы радовались не одному зрѣлищу, — сердца ихъ исполнялись сладкой надеждой.

— Всѣ наши будутъ! говорилъ Хребтовъ, указывая Каютину на удалявшееся стадо: — вѣдь вотъ велики, велики, а какъ глупы.... Только загони въ губу да загороди лодками выходъ отъ моря, такъ и кончено: знай прикалывай!

Когда туманъ, подобный зеленоватому дыму, хоть не надолго разсѣевался и на небѣ показывалось солнце, вся поверхность моря покрывалась разнородными мрскими животными: бѣлуги и лысуны, молодые моржи, зайцы и нерпы играли вокругъ лодеи.

Мореходы наши, довольные поводомъ къ развлеченію, много шутили и смѣялись, стрѣляя по временамъ въ стада играющихъ животныхъ. Но они вовсе не были рады, когда вдругъ появилась и начала вертѣться около ихъ лодей большая рыба изъ породы дельфиновъ: часто выходя на поверхность дышать, она каждый разъ распространяла своимъ дыханіемъ такое отвратительное зловоніе, что необходимо было скорѣй поворачивать съ того мѣста, гдѣ она находилась.

— Чтò, еслибъ вдругъ цѣлое стадо такихъ рыбъ окружило нашу лодью? сказалъ Каютинъ, съ омерзеніемъ зажимая носъ и страшно гримасничая при одной мысли о такомъ бѣдствіи.—Кажется, можно умереть....

— Ну, оно конечно непріятно, отвѣчалъ Хребтовъ, утѣшавшійся во всѣхъ непріятностяхъ жизни тѣмъ, что бываетъ и ху-

же. — А умереть не умрешь. Человѣкъ ко всему привыкаетъ. Я вотъ бывалъ въ Іоканскомъ погостѣ у лопарей (Богъ приведетъ, встрѣтимся и съ ними, увидишь, каковъ народецъ!), такъ тѣ не то, что по неволѣ, а весь вѣкъ въ охотку въ такомъ смороду дышутъ. Живутъ они лѣтомъ въ хворостяныхъ шалашахъ, по ихному *вѣжи*, и около тѣхъ вѣжъ, Господи! какой нечисти нѣтъ: и потроха рыбьи, и собаки дохлыя, и всякія кости, просто дохнуть тошно, съ души воротитъ, а имъ ничего! И добро бы ужь народъ вовсе негодный и безшабашный былъ, ато поглядѣть: люди какъ люди: въ синихъ суконныхъ кафтанахъ ходятъ, въ чулкахъ и въ башмакахъ, а женщины такъ почище нашихъ иныхъ: въ сарафанахъ, въ кокошникахъ.

— А чѣмъ промышляютъ?

— Да семгой больше. И народъ не то, чтобы бѣдный. А вотъ поди тутъ! Я такой нечисти не встрѣчалъ даже у остяковъ и самоѣдовъ, около Обдорска.

— Ты бывалъ въ Обдорскѣ?

— Бывалъ.

— Скажи, пожалуйста, что̀ такое Обдорскъ? спросилъ съ особеннымъ любопытствомъ Каютинъ.

— А неважное мѣсто. Стоитъ у самой Оби, по правому берегу, церковь въ немъ, амбаровъ до сотни, да домовъ тридцать обывательскихъ, жителей до ста человѣкъ наберется и только у четырехъ домовъ въ рамахъ стекла, а въ остальныхъ вмѣсто стеколъ натянута налимья шкура, — вотъ тебѣ и Обдорскъ! Какъ я тамъ былъ, такъ счетомъ велось всего шесть лошадей и до тридцати куръ. А вотъ собакъ много тамъ — они дѣло дѣлаютъ: тяжести перевозятъ, а зимой такъ голодаютъ, что рвутъ и человѣка и все, даже жрутъ одна другую, хоть не показывайся на улицу! Невеселое мѣсто! Кромѣ оленины и рыбы пищи никакой. Въ Полуѣ (рѣка) лѣтомъ водятся мускуны и сельди, да ловятъ ихъ одни церковники.

— Отчего такъ?

— Да только имъ позволено.

— Ну, а остяки, хорошій народъ?

— Да ты про какихъ спрашиваешь: про крещеныхъ или некрещеныхъ?

— Ну, некрещеные?

— Чего хорошаго ждать? дичь! отвѣчалъ Антипъ. — Живутъ такъ, что не приведи Богъ! Дѣти родятся бѣлыя и здоровыя, а выросъ — черенъ какъ цыганъ!

— Отчего такъ?

— А отъ дыму. Ужь такъ у нихъ жилья устроены. Подлинной дикій народецъ!

— Конечно. А вотъ у насъ, Антипъ Савельичъ, и не дикій народъ, а черныя избы не выводятся...

— А развѣ хорошо? отвѣчалъ Антипъ. — Да что́ станешь дѣлать! Съ инымъ нашимъ мужичкомъ, словно какъ съ остякомъ или лопаремъ какимъ, въ сорокъ лѣтъ не столкуешь. Пробовалъ и я говорить!

Антипъ махнулъ рукой и помолчалъ.

— Ну, а что́жь остяки? спросилъ Каютинъ.

— Такъ вотъ, батюшка, спросишь иного: сколько лѣтъ? и не понимаетъ, о чемъ спрашиваешь! Счета лѣтъ не ведутъ. Бабамъ вовсе именъ не даютъ, и на бабу такъ смотрятъ, какъ-будто она вовсе и не человѣкъ. Вотъ и поди тутъ! А баба у нихъ въ тысячу разъ лучше мужика: и работяща, и смышлена, и проворна... да онъ, лежебокъ, отними ее у него, пропадетъ съ голоду. Такъ нѣтъ туда же передъ ней хорохорится...

— Да вѣдь ужь не у нихъ однихъ, Антипъ Савельичъ, обычай такой.

— И подлинно такъ: точно, не у нихъ однихъ. Иной бабу точно скотину какую въ домъ беретъ: нужна де работница! а тамъ не спрашивай, любо ли ей, нѣтъ ли, — живи, работу тяжелую неси... измается сердечная: за-мужъ шла, кровь съ молокомъ была, глаза словно самоцвѣтные камни горѣли, бѣлыя руки словно наливныя яблоки были.... а прошелъ годъ — на кладбище несутъ!

Чувство сильнѣй обыкновеннаго участія и состраданья къ чужому, отвлеченному горю слышалось въ голосѣ Антипа. Кончивъ рѣчь, онъ глубоко вздохнулъ и повѣсилъ голову.

— Ты мнѣ хотѣлъ разсказать, Антипъ Савельичъ, сказалъ Каютинъ: — какъ ты собирался жениться, да вдругъ не женился.

— Послѣ! отвѣчалъ быстро Антипъ, поднявъ голову. — А вотъ теперь, прибавилъ онъ, прикрывая тихимъ смѣхомъ легкое дрожаніе голоса: — теперь послушай, какъ остяки женятся.

Берутъ они по три и по четыре жены, а родства не разбираютъ: даже сынъ воленъ жениться на родной матери! Тоись, какъ жениться? коли сговорились межъ собой — вотъ и свадьба; обрядовъ никакихъ. А надоѣли другъ другу — вольны разойтись. Чуденъ показался мнѣ одинъ обычай: коли у остяка жена умретъ, такъ онъ наряжаетъ чучелу и кладетъ спать съ собой; поутру даетъ ей утереться, будто она умылась; за обѣдомъ сажаетъ ее съ собою рядомъ, даетъ чашку, ложку и ножикъ — кушай молъ на здоровье! И такъ иной разъ дѣлаетъ годъ, два, три, четыре, хоть бы ужь даже и новую жену взялъ. Такъ и вдовы иныя дѣлаютъ. Нечего сказать, народецъ!

Антипъ посмѣялся.

— Ну, а крещеные, лучше живутъ? спросилъ Каютинъ.

— А какъ сказать? Да почитай такъ же! Живутъ они въ юртахъ, а юрты раздѣлены по семействамъ, ни дать ни взять, стойла; печей нѣтъ, а глиняные очаги, окна обтянуты налимьей шкурой... Я видѣлъ, какъ они праздникъ справляли: передъ юртами столы поставлены, мясо, рыба, вино, пиво; и мужчины и бабы всѣ напились и потомъ принялись драться въ повалку.

Такъ бесѣдовали Каютинъ и Хребтовъ, загнанные зловоннымъ дыханіемъ дельфина внизъ, какъ вдругъ судно сильно покачнулось, послышался страшный трескъ и потомъ глухой рокотъ.

— Вотъ те и разъ! знать, на кошку (мель) попали! сказалъ Хребтовъ и кинулся наверхъ. Каютинъ за нимъ.

Хребтовъ угадалъ. Обѣ лодьи стояли дѣйствительно на мели и, что̀ всего хуже, «Надежда» сильно погнулась на одинъ бокъ...

— Не робѣй, ребята, закричалъ Хребтовъ, вбѣгая въ толпу оторопѣвшихъ и безтолково суетившихся товарищей: — нечего даромъ время терять. Обмѣривайся, глубоко сидимъ въ водѣ! Да что̀ тамъ, ребята, отчего наша лодья бокомъ сидитъ? Камень, что̀ ли, подъ ней...

— Камень! дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Водохлѣбовъ, лоцманъ «Надежды», плечистый и коренастый мужикъ лѣтъ тридцати.

— Камень! повторилъ задумчиво Хребтовъ, и блѣдный Каютинъ, не спускавшій глазъ съ своего путеводителя, которому ввѣрилъ свою судьбу, замѣтилъ легкое безпокойство въ его голосѣ! — такъ что̀жъ? продолжалъ смѣлѣе Хребтовъ, Богъ дастъ стянемся и съ камня....

— Куда стянуться, Антипъ Савельичъ, замѣтилъ Водохлѣбовъ: — станешь стягиваться, а тутъ глядишь камнемъ дно разрѣжешь. Вотъ тебѣ и будетъ лодья: только и видѣли!

— Ахти, бѣда! еще бѣда! закричалъ въ ту минуту обмѣривавшій глубину кормщикъ Сажинъ, малый лѣтъ девятнадцати, еще въ первый разъ пускавшійся вмѣстѣ со своимъ отцомъ, старымъ и опытнымъ мореходомъ, въ такое дальнее и отважное плаваніе: — отливъ начинается! Вонъ, гляди, всплески пошли.

— Вотъ бѣду нашелъ! такія ли бѣды бываютъ! прикнулъ Хребтовъ, оглядывая море вокругъ: — и впрямъ отливъ будетъ сказалъ онъ, раздумывая: — вишь какія россыпи (буруны) пошли. Ну, чтожь? слава Богу! прискучило намъ, рабамъ Божіимъ, все водой плыть, клочка земли не видать... вотъ и по суху погуляемъ! ха, ха!

Антипъ посмѣялся. Въ-самомъ-дѣлѣ, скоро около судовъ начала обозначаться пещаная мель; по мѣрѣ убыли воды она все увеличивалась, и наконецъ образовалось большое пещаное поле, среди котораго стояли суда нашихъ промышленниковъ, глубоко врѣзавшись въ рыхлый песокъ.

— Ура, ребята! Долой съ палубы! скомандовалъ Хребтовъ, спрыгивая съ ловкостью кошки съ высокой лодьи въ мокрый песокъ и становясь прямо на ноги. — Вслѣдъ за нимъ разомъ спрыгнуло нѣсколько человѣкъ, и пока они барахтались еще руками и ногами въ пескѣ, на смѣну ихъ подоспѣли уже другіе. Только немногіе спустились осторожно, и къ числу ихъ принадлежалъ Каютинъ, у котораго рябило и безпрестанно темнѣло въ глазахъ, а сердце стучало такъ громко и часто, что превосходный хронометръ, которымъ онъ запасся, пускаясь въ морское путешествіе, никакъ не могъ поспѣть въ тактъ.

До пятнадцати собакъ, бывшихъ при нашихъ мореходахъ, тоже спрыгнули съ судовъ и разсѣялись по случайному острову.

— Осматривай судно! закричалъ Хребтовъ.

Всѣ кинулись къ «Надеждѣ». Подводная часть лодьи была совершенно цѣла, но почти подъ кормой находился огромный камень, прилегавшій болѣе къ правому боку, отчего лодья сильно погнулась влѣво и грозила опрокинуться, при малѣйшемъ дурно расчитанномъ движеніи.

Долго оглядывали лодью мореходы, долго судили и ра[...] какъ безопасно стянуть ее съ камня, но средства не придум[...] при усиленномъ движеніи, которое требовалось употр[...] чтобъ сдвинуть лодью, камень неизбѣжно угрожалъ проб[...] дно.... тогда прощай лодья, а съ нею прощай и успѣхъ [...] пріятія! Придется бросить срубъ избы, заготовленный н[...] чай зимовки, придется бросить даже часть припасовъ, [...] только помѣстить людей съ двухъ судовъ на одно! Какъ и [...] гдѣ зимовать? чѣмъ питаться? смерть съ голоду и холоду [...] жала промышленникамъ, въ случаѣ, если льды, которы[...] расчетамъ Антипа, скоро должны были показаться, не д[...] дятъ имъ возвратиться въ ту же осень домой. Итакъ, ины[...] видѣли необходимость возвращенія. Предпріятіе гибло н[...] момъ началѣ!

Скоро почти всеобщее уныніе распространилось межд[...] реходами, и тѣмъ ужаснѣе подѣйствовало оно на Каютина[...] люди, набранные имъ, какъ онъ удостовѣрился по ни[...] опытамъ, были далеко не робкаго десятка. Печально стоя[...] вокругъ красиваго судна, обреченнаго гибели, и только [...] шопотомъ сообщали другъ другу невеселыя свои замѣчані[...] залось, и самыя собаки раздѣляли ихъ уныніе. Обрадова[...] въ первую минуту острову, они весело бѣгали и обню[...] его, а потомъ вдругъ усѣлись въ разныхъ концахъ пес[...] площадки и, поднявъ унылыя морды къ морю, тихонько [...] какъ-будто хотѣли дать знать, что съ своей стороны т[...] ждутъ ничего хорошаго отъ этой остановки посреди моря.

— Валетка! закричалъ Хребтовъ.

И его поджарая, проворная собака въ нѣсколько пры[...] очутилась около него.

— Не вой, дуракъ!... сказалъ онъ, ласково ударивъ [...] мордѣ.

Собака посмотрѣла на него и завыла еще жалобнѣе.

— Не вой! сердито и повелительно повторилъ Хребтов[...]

Собака умолкла и стала ласкаться къ хозяину.

Каютинъ зналъ, какъ Антипъ любилъ свою собаку, и [...] грозному крику убѣдился, что опасность велика. Душа е[...] ныла и заболѣла сильнѣй, чѣмъ когда-нибудь.

— Нѣтъ, Антипъ Савельичъ, сказалъ онъ Хребтову, подав-слезы. — Нечего напрасно раздумывать. Видно мнѣ на роду сано вѣчное несчастіе.

Хребтовъ ничего не отвѣчалъ. Оглядѣвъ его долгимъ взгля-, значеніе котора о угадать было невозможно, онъ медлен-тошелъ на другую сторону лодьи. Надо отдать ему справед-сть: онъ одинъ не терялъ присутствія духа: шмыгалъ около , то нагибался, то вскакивалъ на нее, оглядывалъ ее со всѣхъ онъ, оглядывалъ роковой камень, мѣрялъ, расчитывалъ и енько потиралъ свой неширокій лобъ, какъ-будто вызывая да вдохновеніе; голубые блестящіе глаза его бѣгали съ не-кновенной живостью; онъ слегка покусывалъ свою верхнюю бу, отчего усы его были въ непрерывномъ движеніи, какъ у рка, чавкающаго свой кормъ.

Была тишина, какая только можетъ быть среди моря. Вся- дѣлалъ свое. Кто тихо творилъ молитву, поручая судьбу свою гу, кто сбиралъ на память раковины и камни. Три самоѣда, вшіе въ числѣ людей экипажа, отошли поодаль, поставили сво-хъ болванчиковъ и стали по своему просить защиты у своихъ говъ.

— Такія ли бываютъ несчастія! раздался вдругъ голосъ Ан-па, — и столько въ немъ было силы и увѣренности, что всѣ вольно обратили къ нему глаза, полные надежды....

Каютинъ радостно встрепенулся. Скептическое восклицаніе рехода уже однажды — въ памятную минуту — такъ болѣз-енно потрясшее его душу, теперь произвело на него совсѣмъ ругое дѣйствіе: лучь безотчетной надежды сверкнулъ въ немъ, онъ радостно подбѣжалъ къ Хребтову и вопросительно смот-ѣлъ на него. И вся дружина Каютина столпилась около Хреб-това, и на лицахъ всѣхъ выражалось тревожное ожиданіе.

— Копай яму у самого камня! громовымъ голосомъ скоман-довалъ Хребтовъ.

— Ура! грянули въ отвѣтъ ему товарищи такъ радостно и ромко, что слившіеся голоса ихъ покрыли на минуту яростный шумъ буруновъ, окружавшихъ мель, и даже шумъ всего моря.

— Ура! повторилъ невольно и Каютинъ, еще не понимая хо-рошенько, въ чемъ дѣло.

— Что такое? спросилъ онъ у близь-стоявшаго лоцмана Во-охлѣбова.

— А яму выкопать подлѣ камня, отвѣчалъ радостнымъ голосомъ лоцманъ.

— Чтóжь будетъ?

— А то, отвѣчалъ за лоцмана Хребтовъ, подскочивъ къ Каютину и остановивъ на немъ глаза съ своимъ обыкновеннымъ яснымъ и ласковымъ выраженіемъ. — А то, батюшка Тимоѳей Николаичъ, что какъ выкопаемъ яму у самого камня, такъ и дѣлу конецъ! Только надо такъ копать, чтобъ камень не упалъ прежде, чѣмъ начнется приливъ.... Слышите, ребята! Вотъ какъ вода станетъ прибывать, такъ его волной сшибетъ въ яму, а ужь вода сдѣлаетъ свое дѣло: не дастъ лодьѣ свернуться въ бокъ, когда камень изъ-подъ нея вынырнетъ....

Каютинъ бросился обнимать Хребтова.

— Спасибо, спасибо, Антипъ Савельичъ! говорилъ онъ тронутымъ голосомъ.

— А пожалуй и не за что, отвѣчалъ Хребтовъ. — Дивлюсь я, какъ мнѣ съ разу въ голову не пришло! А штука, кажись, простая.

— Ужь такъ проста, такъ проста, Антипъ Савельичъ, сказалъ Водохлѣбовъ, проходившій мимо ихъ: — что подлинно дивишься, какъ любому не пришло....

— Простое-то всего труднѣе и приходитъ въ голову, замѣтилъ Каютинъ.

— Валетка! Валетка!

Хребтовъ, нагнувшись, ласкалъ уже свою собаку, стараясь скрыть небольшое смущеніе, которое появилось въ его лицѣ.

Между тѣмъ работа уже кипѣла, и въ часъ была готова могила громадному камню, можетъ быть не разъ сокрушавшему суда бѣдныхъ промышленниковъ, пока дивная находчивость русскаго человѣка не восторжествовала надъ его сокрушительной силой....

— Слава ей, этой дивной находчивости! сказалъ самъ себѣ Каютинъ, къ которому въ одну минуту возвратились и сила, и бодрость, и всѣ надежды, одушевлявшія его. — Какъ бы расцѣловала его Полинька, подумалъ онъ, провожая глазами Хребтова, вмѣшавшагося уже въ толпу работающихъ: — еслибъ знала, чтò онъ для меня теперь сдѣлалъ!

И Каютинъ задумался о Полинькѣ и о той минутѣ, когда онъ *приведетъ* къ своей невѣстѣ невысокаго, черноборо-

мужичка, съ пробивающейся сѣдиной, съ маленькими сверкающими глазами, съ умной и немного лукавой улыбкой, и скажетъ ей: «полюби его! расцалуй его! это мой лучшій другъ! его спасвтель мой! это тотъ, кому ты обязана моей жизнью, нашимъ богатствомъ и нашимъ счастьемъ!»

И Каютину уже казалось, что та минута близка, что онъ идетъ на-встрѣчу къ своей Полинькѣ, но вдругъ онъ осмотрѣлся кругомъ — ничего, кромѣ моря, моря и моря! ничего, кромѣ пѣнящихся, разбивающихся, воющихъ и глухо клокочущихъ волнъ! А посреди ихъ двѣ небольшія лодьи и нѣсколько человѣкъ, затерянныхъ въ этомъ необъятномъ пространствѣ водъ... а какое разстояніе отдѣленъ онъ отъ Полиньки?... отъ всего остальнаго міра и человѣчества? Страшное разстояніе! Даже воображеніе отказывалось опредѣлить его.

Господи! Господи! что же будетъ, когда же наконецъ, когда опять увидитъ онъ себя среди людей, въ Петербургѣ, въ Струнниковомъ переулкѣ, въ свѣтлой и уютной комнаткѣ Полиньки?

Слезы градомъ брызнули изъ глазъ Каютина.

— Костеръ готовъ! прикажете зажигать? раздался надъ ухомъ его голосъ кормщика.

— Зажигай!

Хотя былъ еще день, но туманъ, почти безпрерывный въ этой странѣ, такъ густо и мрачно висѣлъ надъ моремъ, что костеръ былъ вовсе не лишній. Каютину хотѣлось, чтобъ рабочіе его послѣ тяжкой работы хорошенько отдохнули, пользуясь временемъ отлива. Снесены были къ костру лучшіе припасы, бывшіе на судахъ, заварили чай, принесли водки и рому. Скоро промышленники дружно усѣлись вокругъ костра и предались отдохновенію.

Согрѣтые чаемъ, котораго благодѣтельную силу можетъ оцѣнить вполнѣ только тотъ, кому случалось дышать туманами и сыростью полярныхъ странъ, оживленные ромомъ, счастливые чуднымъ избавленіемъ лучшаго своего судна, промышленники скоро предались самой шумной, искренней веселости. Раздалась заунывная русская пѣсня, а кормщикъ съ «Запасной», Демьянъ Путковъ, подгулявшій больше другихъ и притомъ всегда великій запѣвало и балагуръ, грянулъ въ литавры, подаренные ему землякомъ, попавшимъ въ полковые музыканты, и ну-

стился въ присядку. Собаки тоже дружно улеглись у костра и прекратили свое завыванье, какъ только вмѣсто общаго унылаго звуки радости огласили островъ.

И неописанно-оригинальна, полна дикой торжественности была эта картина, неимѣвшая другихъ зрителей, кромѣ самихъ своихъ дѣйствователей: на песчаномъ островѣ, окруженномъ бурунами, посреди моря, которому нѣтъ предѣловъ ни съ одной стороны, при блескѣ костра, бросающаго красноватый блескъ на ближайшія волны, горсть людей, безпечно пирующихъ, пляшущихъ, гуляющихъ по песчаной площадкѣ, собирающихъ на память раковины и каменья.... Стоя поодаль, Каютинъ долго и пристально смотрѣлъ на эту картину и много передумалъ, многое перечувствовалъ....

И во сколько тысячь разъ презрительнѣе и ничтожнѣе казалось ему все мелкое и жалкое, все презрительное и ничтожное, многіе годы волновавшее его душу и волнующее души многихъ людей, можетъ быть такъ же не мелочныхъ по природѣ, но опутанныхъ мелочами, — все, наполнявшее ее сладкимъ или мучительнымъ трепетомъ, радовавшее и огорчавшее?

Кто не переноситъ своихъ желаній за предѣлы домашняго очага, горшка щей и теплой лежанки, кто привыкъ находить высшее упоеніе жизни въ ловко сшитомъ жилетѣ.... тотъ не пойметъ мыслей, волновавшихъ теперь его душу.

Понемногу отошелъ онъ на самую дальнюю точку острова и смотрѣлъ издали на пирующихъ товарищей и клокотавшее за ними необъятное море. Онъ думалъ, что онъ одинъ былъ вмѣстѣ и дѣйствователемъ и сознательнымъ зрителемъ этой картины, но вдругъ невдалекѣ послышался шорохъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ Хребтовъ и тоже смотрѣлъ въ ту сторону, держа одну руку на головѣ своего Валета, который сильно вертѣлъ хвостомъ и тихонько взвизгивалъ, какъ-будто отъ избытка умиленія.

Каютинъ окликнулъ его.

— Антипъ Савельичъ!

Хребтовъ вздрогнулъ.

— Что, баринъ, сказалъ онъ тихо, подходя къ Каютину и указывая на пирующихъ промышленниковъ, на горящій костеръ и на безконечное, неугомонное и недружелюбное море: — ты ужъ

думалъ, что ничего кромѣ худа мы и не встрѣтимъ, какъ пойемъ съ тобой свѣтъ бороздить? А вѣдь вотъ хорошо!

— Хорошо! отвѣчалъ Каютинъ съ невольнымъ движеніемъ положилъ ему руку на плечо.

— Я вотъ за то и люблю такую жизнь, прибавилъ Хребтовъ вдумчиво: — что вѣчно случится что-нибудь такое, чего никакъ не ожидаешь и никакимъ разумомъ не придумаешь....

Голосъ его былъ еще пріятнѣе и ласковѣе, чѣмъ всегда, глаза необыкновенно блестѣли и какъ-будто были подернуты сдержанными слезами. Тихо снявъ руку Каютина съ своего плеча, онъ медленно пошелъ берегомъ, повѣся голову.

Каютинъ долго провожалъ его глазами, и мысль его долго не могла оторваться отъ этого человѣка.

Черезъ два часа начался приливъ. Все случилось, какъ предсказалъ Хребтовъ: какъ только волны обхватили подводную часть лодьи, камень рухнулся въ яму, и лодья медленно сѣла на песокъ, безъ всякаго поврежденія.

Еще черезъ часъ лодьи были благополучно стянуты на глубь, и промышленники наши снова пустились въ путь....

Опять однообразно потянулось время, опять тѣже встрѣчи таже безпрестанная опасность, тотъ же вѣчный туманъ. — Гдѣ же льды? безпрестанно спрашивалъ Каютинъ, горѣвшій желаніемъ пройти скорѣе послѣднее и самое страшное препятствіе, встрѣчаемое на пути къ берегамъ Новой Земли.

— А вотъ скоро будутъ и льды, отвѣчалъ Хребтовъ: — погоди, засмотришься еще! Вотъ дай поглядимъ, гдѣ мы теперь? И онъ развернулъ небольшую самодѣльную карту.

Хребтовъ, подобно многимъ изъ архангельскихъ мореходовъ, былъ очень свѣдущъ въ морской лоціи и самъ карандашемъ чертилъ карты проходимыхъ мѣстъ. Одна изъ такихъ картъ была теперь при немъ, и онъ не разставался съ ней ни на минуту. По ней-то онъ велъ Каютина и всѣхъ своихъ товарищей въ тотъ заповѣдный уголъ Новой Земли, гдѣ, по словамъ его, ни звѣрь, ни птица, ни рыба не были еще съ начала міра никѣмъ тронуты и гдѣ предстояла мореходамъ нашимъ богатая пожива.

Разстояніе до ближайшаго берега Новой Земли, по картѣ Хребтова, оказалось еще около двухъ сотъ верстъ. Туманъ и облака однако же такъ часто принимали видъ берега, что даже опытные мореходы иногда обманывались. Каютинъ же безпре-

станно кричалъ: берегъ! берегъ! и безпрестанно разочар
вался.

— Антипъ Савельичъ! Антипъ Савельичъ! радостно вос
нулъ онъ утромъ слѣдующаго дня, не поворачивая головы
стально глядя впередъ: — корабль! корабль къ намъ на-вс
идетъ!

Но не успѣлъ онъ договорить, какъ уже не одинъ
рабль, а цѣлый безчисленный флотъ стоялъ впереди. Ка
была необыкновенно живописна, и сходство льдинъ съ
лями въ полномъ вооруженіи, съ пароходами, съ ботам
всѣми возможными большими и малыми судами прости
до того, что Каютинъ разувѣрился не ранѣе, какъ взгляну
трубу.

При ясной погодѣ и ровномъ вѣтрѣ, промышленники
черу подошли вплоть къ обманчивому флоту. Окраина со
изъ плавающихъ льдинъ, раздѣленныхъ полыньями; да
востоку ледъ становился чаще и плотнѣе, и наконецъ огр
валъ горизонтъ исполинскими одна на другую взгроможде
горами (стамухами), за которыми уже не видно было нич
простымъ глазомъ, ни въ трубу.

Съ того дня началась для нашихъ мореходовъ до
трудная борьба со льдами: они должны были безпре
перемѣнять парусъ, пробираясь между льдинами, при чемъ
бѣгли многихъ опасныхъ толчковъ, и каждую минуту под
лись опасности быть затертыми среди безконечныхъ лед
полянъ, торосовъ и громадныхъ стамухъ, то неподвиж
то поднимающихся и опускающихся вмѣстѣ съ волненіем
добно танцующимъ чудовищамъ, то наконецъ плавав
медленно и величественно въ сопровожденіи безчислен
льдинъ....

Особенно ночи доставляли теперь много хлопотъ мо
дамъ. Трудно было пробираться среди льдинъ, еще тр
держаться на якорѣ: усиленный напоръ льду угрожалъ
зать якорные канаты. Въ одну изъ такихъ ночей, когда
особенно разыгрался, «Надежда», оттертая льдами, разлу
съ спутницей своей «Запасной». Обстоятельство печальн
но перенесено было нашими промышленниками съ тверд
спокойствіемъ, свойственнымъ мореходамъ. Даже Ка
слишкомъ сокрушался: въ подобныхъ плаваніяхъ, гдѣ

къ каждый шагъ свой беретъ съ бою у враждующей стихіи, съ-будто нарочно соединившей противъ него всѣ свои ужасы, :частіе среднее, не сопряженное съ положительной гибелью, в тысячѣ опасностей, болѣе страшныхъ и столько же вѣроныхъ, не только не огорчаетъ, но даже дѣйствуетъ благодѣтель-. Такъ было и съ Каютинымъ. Притомъ онъ зналъ, что «Запас-на» находится въ надежныхъ рукахъ: лоцманомъ на ней былъ ставной матросъ Смиренниковъ, бывшій вмѣстѣ съ Хребтомъ въ экспедиціи Пахтусова и знавшій островъ, къ которому ремились наши мореходы.

Картины, попадавшіяся имъ теперь, стали нѣсколько разнообразнѣе. Самые льды, принимавшіе безпрестанно новыя чудныя формы, не могли не привлечь вниманія; цвѣтъ ихъ такъ же ылъ различенъ. Иныя были покрыты землею, будто только йчасъ оторвались отъ берега; на нихъ играли зайцы и нерпы и ыло видно множество птичьихъ яицъ; цвѣтъ громадныхъ старыхъ чаще всего былъ чистѣйшій темно-лазоревый; льдины малыя издали нигдѣ не отличались отъ морской пѣны. Скоро начали попадаться на льдинахъ спящія стада моржей и тюленей. ореходы наши пробовали стрѣлять въ нихъ: послѣ перваго вырѣла они вскакивали и испускали страшный ревъ, послѣ втого только подымали головы, а послѣ третьяго продолжали окойно спать, не трогаясь. По прежнему по временамъ появлясь марево, и чуднымъ его дѣйствіемъ колоссальные стамухи величивались,— возвышались изъ-подъ горизонта и представлялись стѣною въ три и четыре ряда, одна надъ другой,— все принимало размѣры громадные. Тогда Каютинъ, умѣвшій немного исовать, набрасывалъ себѣ на-память кой-какіе виды, а Хребовъ все посматривалъ вверхъ, думая, что марево поможетъ ему апасть на слѣдъ «Запасной». Но только ихъ собственная лодья оявлялась иногда впереди въ значительной высотѣ надъ моремъ бѣжала однимъ съ нимъ курсомъ, съ опрокинутыми парусами, признаковъ «Запасной» никакихъ не было.

Такъ они подвигались впередъ, пока не насталъ часъ гибельному событію, которое едва не стоило имъ жизни. Уже турпаны родъ утокъ) начали виться около судна, и Хребтовъ, знавшій, что они никогда не отлетаютъ далеко отъ берега, поздравилъ Каютина съ близостью Новой Земли. Хотя, не зная въ томъ мѣстѣ адежной бухты, они тутъ еще и не могли пристать, но бла-

зость земли сильно обрадовала и ободрила утомленныхъ мореходовъ. Скоро увидѣли они часть островов, которые Хребтовъ называлъ Горбовыми. Проливы между ними затерты были льдомъ; съ западной стороны такъ же начала подвигаться къ лодьѣ огромная поляна льдовъ.

— Держись къ берегу! закричалъ Хребтовъ Водохлѣбову и самъ принялся за работу. — Иначе не увернемся отъ льдовъ: вишь со всѣхъ сторонъ напираетъ!

Но къ берегу попасть не было возможности; «Надежда» принуждена была укрыться за огромными стамухами и съ часъ держалась за ними спокойно на якорѣ, но вдругъ напоръ льду усилился и якорные канаты подрѣзало. Напрасно Хребтовъ, самъ управлявшій лодьей, старался увертываться съ ней то за одну, то за другую крупную льдину. Другія льдины обходили ту, къ защитѣ которой прибѣгалъ онъ, и напирали на лодью со всѣхъ сторонъ. Наконецъ погнало ее съ страшной скоростію къ прибрежному льду, и тутъ вся сила удара въ край громадной прибрежной льдины, стоявшей неподвижно, разразилась надъ несчастной лодьей: она затрещала и черезъ нѣсколько минутъ лопнула вдоль. Предвидя гибельную развязку, мореходы наши уже приготовились спасать, чтó можно, и когда бѣдствіе совершилось, все нужнѣйшее - провизія, ружья, звѣриныя ловушки— было уже въ ихъ рукахъ или на палубѣ, откудá все немедленно было перетащено на огромную сплошную льдину, объ которую разбилась несчастная лодья. Скоро и люди и собаки ихъ такъ же должны были перебраться на эту льдину: судно начало наполняться водою. Въ тоже время вѣтеръ сталъ свѣжѣть, ледъ снова пришелъ въ движеніе.

— Нечего медлить! закричалъ Хребтовъ. — За работу, ребята!

По знаку его, бóльшую часть спасенныхъ вещей положили на лодки и потащили ихъ по льду къ берегу, который былъ отдѣленъ отъ льда значительной полыньею.

— Садитесь, Антипъ Савельичъ, сказалъ Хребтову Каютинъ, когда наконецъ лодки спущены были на воду.

— А поѣзжайте! я вотъ сейчасъ покличу моего Валетку, отвѣчалъ Хребтовъ: — не видать лѣшаго.... ужь не попалъ ли подъ лодью? Я совсѣмъ забылъ про него. Валетка! Валетка!

закричалъ онъ съ угрозой, увидавъ, что Валетка его хлопочетъ около остальной провизіи, и побѣжалъ туда.

И еще два промышленника, не попавшіе въ лодки, побѣжали за нимъ.

Вдругъ льдина тронулась. Промышленники испустили крикъ ужаса.

— Чтó вы ребята? спросилъ спокойно Хребтовъ, обернувшись.

— Тронулась! тронулась! отвѣчали они ему. — Господи! ну, какъ они не подоспѣютъ съ лодкой!

— Водохлѣбовъ, лодку! очень громко, но безъ особенной тревоги въ голосѣ закричалъ Хребтовъ.

— Лодку! лодку! лодку! во весь голосъ, протяжно повторили товарищи его.

Крикъ ихъ тотчасъ былъ услышанъ Каютинымъ и остальными мореходами, сносившими на берегъ спасенныя вещи, — они разомъ всѣ обернулись. Страшная картина представилась имъ: часть ледяной поляны уже совершенно отдѣлилась отъ другой своей половины, съ которою вмѣстѣ составляла еще за минуту одну сплошную неподвижную массу, и быстро неслась въ море, окруженная множествомъ мелкихъ льдинъ.

Въ одну минуту испуганные мореходы были уже въ лодкахъ и гребли съ отчаянными усиліями къ отдалявшейся полянѣ, но не было уже возможности достигнуть ея: подталкиваемая со всѣхъ сторонъ другими льдинами, она неслась съ такою силою, что черезъ пять минутъ простымъ глазомъ уже очень неясно видны были люди, находившіеся на ней. Каютинъ, волнуемый надеждой и ужасомъ, близкій къ помѣшательству, не отрывалъ глазъ отъ трубы, наблюдая движеніе льдины и увлеченныхъ ею жертвъ.

Зрѣлище было страшное. Обреченные гибели, всѣ трое рядомъ стояли на самомъ краю льдины, лицомъ къ берегу, въ положеніи людей, готовыхъ къ самому отчаянному прыжку, еслибъ лодка могла какимъ-нибудь образомъ приблизиться къ нимъ. Всѣ трое были смертельно блѣдны, но неизмѣримая разница была въ выраженіи лицъ: лица двухъ промышленниковъ были безобразно искажены, глаза дико вращались, губы дергались, испуская отчаянные стоны; лицо Хребтова было неподвижно: ни одинъ мускулъ, ни одинъ нервъ, казалось, не бился подъ его

смуглой кожей сильнѣе обыкновеннаго; но въ неподвижности, оковавшей эти благородныя и мужественныя черты, почти не меньше было ужаса... только ужаса разумнаго и могущественнаго, соединеннаго съ гордой покорностью неотразимому и неизбѣжному, чего не въ-силахъ отвратить ни воля, ни разумъ, ни самая несокрушимѣйшая сила человѣческая.

И когда убѣдился онъ, что лодки, осаждаемыя и оттираемыя льдинами, не могутъ никакимъ образомъ догнать поляны, уносившей его, онъ началъ махать рукой отрицательно, давая знать лодкамъ, чтобъ они воротились, не подвергаясь долѣе безполезной опасности; потомъ онъ перекрестился и ровнымъ шагомъ, не оглядываясь, пошелъ къ другому краю поляны, гдѣ находилась часть снятыхъ съ лодьи вещей, тогда какъ товарищи его, блѣдные и дрожащіе, все еще стояли на самомъ краю, прилегавшемъ къ берегу, и слѣдили за лодками, быстро отдалявшимися, съ такою жадностью, какъ-будто лодки все приближались къ нимъ.

Хребтовъ сѣлъ на бочку съ смолой, оставшуюся на льдинѣ, и гладилъ своего Валета, задумчиво повѣсивъ голову, когда вдругъ огромная стамуха поровнялась съ поляной и скоро загородила ее, а съ нею и Хребтова и его товарищей...

Каютинъ вскрикнулъ. Труба выпала изъ его рукъ. Онъ лишился чувствъ.

Онъ очнулся на берегу, представлявшемъ картину неописанной дикости и унынія, у разложеннаго костра, среди промышленниковъ, печально толковавшихъ о своихъ погибшихъ товарищахъ.

Н. НЕКРАСОВЪ. — Н. СТАНИЦКІЙ.

III.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА V (*).

ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ ШУЙСКІЙ.

Шуйскій, въ исполненіе обѣщанія, даннаго другимъ боярамъ, вмѣстѣ съ нимъ возставшимъ на Лжедимитрія, такъ повѣстилъ о своемъ воцареніи: «Божіею милостію мы великій государь царь и великій князь Василій Ивановичь всея Руси, щедротами и человѣколюбіемъ славимаго Бога, и за моленіемъ всего освященнаго собора, и по челобитью и прошенью всего православнаго христіянства, учинились на отчинѣ прародителей нашихъ, на россійскомъ государствѣ царемъ и великимъ княземъ. Государство это даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, который былъ отъ римскаго кесаря, и потомъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самого прародителя нашего великого князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ россійскомъ государствѣ были прародители мои, и потомъ удалились на суздальскій удѣлъ, не отнятіемъ или неволею, но по родству, какъ обыкли большіе братья на большихъ мѣстахъ садиться. И нынѣ мы, великій государь, будучи на престолѣ россійскаго царства, хотимъ

(*) См. Современникъ 1848 года, №№ I, II, III и IV, Отд. II.

того, чтобъ православное христіанство было нашимъ доброопаснымъ правительствомъ въ тишинѣ и въ покоѣ и въ благоденствіи, и повелилъ я царь и великій князь всея Руси цаловать крестъ на томъ: что мнѣ великому государю всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, смерти не предать, и вотчинъ, и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отнимать, если они съ ними въ мысли не были; также у гостей и у торговыхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ и до смертной вины, и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отнимать, если они съ ними въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ мнѣ великому государю не слушать, а сыскивать всякими сысками накрѣпко и ставить съ очей на очи, чтобъ въ томъ православное христіянство безвинно не гибло; а кто на кого солжетъ, и сыскавъ того казнить, смотря по винѣ, которую взвелъ напрасно. На томъ и всемъ, что въ сей записи писано, я царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси цалую крестъ всѣмъ православнымъ христіянамъ, что мнѣ, ихъ жалуя, судити истиннымъ, праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класть, и недругамъ никому никого въ неправдѣ не подавать и отъ всякаго насильства оберегать (¹)» — Не менѣе замѣчательна и другая окружная грамота, написанная отъ имени московскихъ властей о гибели самозванца и выборѣ Шуйскаго: «Мы всѣ, бояре и окольничіе, и дворяне, и всякіе люди, узнали про то подлинно, что онъ прямой воръ Гришка Отрепьевъ; да и мать царевича Дмитрія, царица инока Марѳа, и ея братъ Михайло Нагой съ братьею всѣмъ людямъ московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичь Дмитрій *умеръ* подлинно и погребенъ въ Угличѣ, а тотъ воръ называется царевичемъ Дмитріемъ ложно: а какъ его поймали, и тотъ воръ и *самъ сказалъ*, что онъ Гришка Отрепьевъ, и на государствѣ учинился бѣсовскою помощію, и *людей всѣхъ прельстилъ чернокнижествомъ*, и за то тотъ Гришка, противъ своего злодѣйственнаго дѣла, принялъ отъ Бога возмездіе, злѣ животъ свой скончалъ........ И послѣ того, прося у Бога милости, митрополиты, и архіепископы, и епископы и весь освященный соборъ, также и мы бояре, и окольничіе, и дворяне, дѣти боярскіе и всякіе люди московскаго государства *избирали всѣмъ московскимъ государствомъ*, кому Богъ изволитъ быти на московскомъ государствѣ государемъ; и всесильный, въ Троицѣ славимый Богъ нашъ на насъ и на васъ милость свою показалъ, объявилъ государя на московское государство, великаго государя царя и великаго князя Василья Ивановича всея Русіи самодержца, госу-

---

(¹) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 141.

даря благочестиваго, и по Божьей церкви и по православной христіянской вѣрѣ поборателя, отъ корени великихъ государей россійскихъ, отъ великаго государя князя Александра Ярославича Невскаго, и многое смертное изгнаніе за православную вѣру съ братьею своею *во многія лѣта* претерпѣли, а наипаче всѣхъ отъ того вора, богоотступника и еретика смертью пострадалъ ([1])». — Вслѣдъ за этою грамотою Шуйскій разослалъ другую, уже отъ своего имени, въ которой такъ же объявлялъ о гибели Лжедимитрія, съ точнѣйшимъ объясненіемъ причинъ, а именно объявлялъ о бумагахъ, найденныхъ въ комнатахъ Самозванца: «взяты въ хоромахъ его грамоты многія, ссыльныя воровскія съ Польшею и Литвою, о раззореньи московскаго государства». Но Шуйскій не объявляетъ ничего о содержаніи этихъ воровскихъ грамотъ, хотя вслѣдъ за этимъ упоминаетъ о содержаніи писемъ отъ римскаго папы, намъ уже извѣстныхъ. Далѣе Шуйскій пишетъ о показаніи Бучинскихъ, будто царь былъ намѣренъ перебить всѣхъ бояръ во время воинской потѣхи, и потомъ, поручивши всѣ главныя мѣста въ управленіе ляхамъ, ввести католицизмъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, до насъ дошло это показаніе ([2]); но уже Карамзинъ справедливо отвергнулъ его достовѣрность ([3]). Наконецъ Шуйскій приводитъ свидѣтельство Золотого-Квашнина о записяхъ, дѣйствительно данныхъ Лжедимитріемъ въ Польшѣ Мнишку и королю объ уступкѣ русскихъ областей; Шуйскій заключаетъ: «И мы, слыша и видя то, всесильному Богу хвалу воздаемъ, что отъ такого злодѣйства избыли». Вмѣстѣ была разослана и окружная грамота отъ имени царицы Мареы, гдѣ она отрекалась отъ Лжедимитрія.

Теперь легко можно представить, какъ должны были смотрѣть въ Москвѣ и въ областяхъ на описанныя событія. Неизбѣжно должны были найтись многіе, которымъ могло показаться страннымъ, какъ воръ Гришка Отрепьевъ могъ своимъ вѣдовствомъ и чернокнижествомъ прельстить весь мудрый сонмъ властей московскихъ? Недавно эти власти извѣщали народъ, что новый царь есть истинный

([1]) Тамъ же, № 142.

([2]) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 140.

([3]) Вотъ слова его: «Свидѣтельство едва ли достойное уваженія, и если не вымышленное, то вынужденное страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, которые, желая спасти себя отъ мести Россіянъ, не боялись клеветать на пепелъ своего милостивца, развѣянный вѣтромъ! Современники вѣрили; но трудно убѣдить потомство, чтобъ Лжедимитрій, хотя и нерассудительный, могъ дерзнуть на дѣло ужасное и безумное: ибо легко было предвидѣть, что бояре и москвитяне не далибъ рѣзать себя какъ агнцевъ, и что кровопролитіе заключилось бы гибелію ляховъ вмѣстѣ съ ихъ главою».

Димитрій; теперь увѣряютъ въ противномъ,—увѣряютъ, что Димитрій грозилъ гибелью православію и чести государственной, увѣдомляютъ, что онъ погибъ, но какъ, это оставляютъ въ тайнѣ,—объявляютъ, что избранъ новый царь всѣмъ государствомъ, а между тѣмъ извѣстно, что не всѣмъ (¹). Странность, темнота событія извѣщаемаго, необходимо пораждали недоумѣнія, сомнѣнія, недовѣрчивость. Этотъ недостатокъ довѣрія къ новому правительству и необходимо соединенное съ нимъ неуваженіе отнимали руки у добрыхъ и развязывали руки злымъ, которымъ было выгодно мутить государство, а мутить его было легко. До сихъ поръ области вѣрили Москвѣ, признавали каждое слово, пришедшее къ нимъ изъ Москвы непреложнымъ; но теперь Москва явно признается, что чародѣй прельстилъ ее омраченіемъ бѣсовскимъ; теперь необходимо раждался вопросъ: не омрачены ли москвитяне и Шуйскимъ? До сихъ поръ Москва была средоточіемъ, къ которому тяготѣли всѣ области; связью между Москвою и областями было довѣріе къ власти, въ ней пребывающей: теперь это довѣріе было нарушено, и связь исчезла, государство замутилось; вѣра, разъ поколебленная, повела необходимо къ суевѣрію: потерявъ вѣру въ Москву, начали вѣрить всѣмъ и всему; тутъ-то въ-самомъ-дѣлѣ наступило для всего государства омраченіе бѣсовское, омраченіе, произведенное духомъ лжи, отъ которой менѣе другихъ былъ чистъ Шуйскій, котораго сонмъ клевретовъ посадилъ на престолѣ царей московскихъ.

1 іюня 1606 года Шуйскій вѣнчался на царство; скоро послѣ этого, свергнувъ Игнатія, возвели на патріаршескій престолъ Гермогена казанскаго, «обнаружившаго твердость свою при Самозванцѣ и потерпѣвшаго отъ него гоненіе». Современники называютъ Гермогена ученымъ, словеснымъ, мудрымъ, хитрорѣчивымъ, но не сладкоглаголивымъ, т. е. рѣчь его, отличавшаяся внѣшнею, холодною витіеватостію, не ласкала сердца слушателей; этой несладкоглаголивости соотвѣтствовала жосткость права, неумѣренная строгость къ слабостямъ человѣческимъ; сюда присоединялся еще въ Гермогенѣ важный недостатокъ, особенно въ то смутное время: легковѣріе. Гермогенъ, говорятъ, охотно слушалъ навѣты, худо отличалъ истинное отъ ложнаго и вѣрилъ всему. Этою слабостію воспользовались, какъ видно, враги Шуйскаго: они наговорили патріарху на послѣдняго и успѣли поссорить ихъ; но

(¹) Лѣтоп. о мн. мят., стр. 102: «Богу же не милующу грѣхъ ради нашихъ, еще не къ унятію крови христіанскія немногіе люди умысля по совѣту князь Василья Ивановича Шуйскаго, и не совѣтовавъ со всею землею, да и на Москвѣ не вѣдаху многіе люди».

жостокости нрава, патріархъ не скрылъ своего неудовольствія на Василія и выражалъ его своимъ обхожденіемъ съ нимъ (1).

Можно себѣ представить, какъ гибельно было такое обхожденіе патріарха для Шуйскаго, который и безъ того уже не пользовался большимъ уваженіемъ и довѣренностію граждавъ. Исполненіе клятвы, данной боярамъ — не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта, сильно повредило Шуйскому; нѣсколько приверженныхъ къ нему бояръ и граждавъ уговаривали его, «чтобъ онъ въ томъ креста не цаловалъ, потому-что въ московскомъ государствѣ того не повелось» (2); и точно, это небывалое дѣло заставило смотрѣть на Шуйскаго какъ на полуцаря, не похожаго на предшествовавшихъ государей; а между тѣмъ въ Думѣ, наполненной врагами Шуйскаго, открылось свободное поле для крамолъ, которыхъ царь теперь не могъ сдерживать, ибо не могъ предпринять никакой сильной мѣры безъ согласія тѣхъ же самыхъ крамольниковъ; наконецъ ограниченіе власти царской относительно наказанія, ограниченіе ея боярами неблагонамѣренными, обѣщало безнаказанность всякой смутѣ, всякой крамолѣ: кліентъ Голицына или какого-нибудь другого могущественнаго боярина могъ отважиться на все по внушенію своего патрона, зная, что послѣдній можетъ отстоять его отъ наказанія (3). Шуйскій былъ скупъ отъ природы; теперь, ставши царемъ, когда казна была истощена расточительностію Самозванца, онъ хотѣлъ наполнить ее бережливостію, и потому не оказалъ никакой щедрости по случаю своего воцаренія; этимъ онъ возбудилъ негодованіе алчной толпы, бывшей до сихъ поръ за него въ надеждѣ милостей и наградъ: видя, что нельзя жить на счетъ скупого царя, площадные крикуны и смутники перешли на сторону враговъ его.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ Шуйскій выслалъ изъ Москвы всѣхъ тѣхъ, которые не участвовали въ умыслахъ противъ Лжедимитрія: князя Рубца-Мосальскаго отправилъ воеводою въ Корѣлу, Аѳонасія Власьева въ Уфу, Михаила Салтыкова въ Ивангородъ, Богдана Бѣльскаго въ Казань; другихъ стольниковъ и дворянъ разослалъ такъ же по разнымъ городамъ на службу; у нѣкоторыхъ даже отнялъ помѣстья и вотчины (4). Эта мѣра была такъ же вредна; ибо,

(1) О Василіи царѣ злорѣчствомъ наводиша мятежницы (патріарха) словесы лестными. Онъ же имъ о всемъ вѣруя, и сего ради ко царю Василію строптивое и неблаголѣпое бесѣдоваше всегда. Понеже внутрь ходу иный навѣтованный огнь ненависти и супостатнаго коварства, яко же лѣпо бѣ никако жо отчелюбно совѣщевающеся со царемъ». Арцыб. Пов. о Рос. т. III, примѣч. 1603.

(2) Лѣт. о мн. мят. стр. 103.

(3) Histor. Russ. Monum. II, № CI, p. 183: Bojarowie, którzy na tenczas większą tam wladzę mieli niż sam Car.

(4) Арцыб. III, примѣч. 830.

съ одной стороны, вмѣсто утишенія областей, онъ разослалъ туда на службу людей озлобленныхъ, слѣд. вѣрныхъ возмутителей; съ другой — враги царя могли воспользоваться этимъ, чтобъ обвинить его въ измѣнѣ своему обѣщанію не мстить за прежнее нелюбье ([1]). Такимъ образомъ, при самомъ воцареніи Шуйскаго были уже готовы матеріялы для воспламененія мятежа въ областяхъ и въ самой столицѣ. Нѣкоторые изъ бояръ знатныхъ крамолили противъ новаго царя съ цѣлію занять его мѣсто; было много и такихъ, которые хотѣли видѣть какого-нибудь другого боярина на престолѣ по личнымъ отношеніямъ и видамъ; но было много и такихъ сановниковъ второстепенныхъ, которые не могли имѣть сами надежды на престолъ, не могли соперничать ни съ Шуйскими, ни съ Голицыными, однако не хотѣли видѣть на престолѣ ни Шуйскаго, ни Голицына, ни кого-либо другого изъ бояръ, ибо знали, что смѣна одного боярина другимъ на престолѣ не поведетъ ни къ чему прочному, а будетъ только источникомъ новыхъ смутъ и междоусобій; они должны были искать чего-нибудь новаго, прочнаго, что́ бы могло обезпечить имъ навсегда ихъ выгоды, потому-что если бы сановникъ второстепенный, ненавидя Шуйскаго, сталъ подъ знамена Голицына и возве́деніемъ послѣдняго на престолъ получилъ большія выгоды, то эти выгоды не могли быть прочны, ибо тотчасъ же образовалась бы другая боярская партія противъ Голицына, и сверженіе послѣдняго вело къ погибели всѣхъ его клевретовъ; вотъ почему я сказалъ, что второстепеннымъ сановникамъ невыгодно было становиться подъ знамена бояръ, и они должны были искать новаго, прочнаго порядка вещей. Наконецъ люди всякаго происхожденія, хотѣвшіе жить общественными смутами, очевидно должны были становиться подъ знамена перваго искателя престола, кто бы онъ ни былъ, ибо они не искали прочнаго порядка вещей; напротивъ, только шаткость и смуты въ государствѣ могли быть для нихъ ручательствомъ за ихъ выгоды. Но всѣ означенныя лица, и бояре, хотѣвшіе престола для себя, и сановники второстепенные, не хотѣвшіе царствованія боярскаго, наконецъ смутники изъ лицъ всякаго происхожденія, которымъ выгодны были перемѣны, никто не могъ отважиться прямо на сверженіе Шуйскаго: Голицынъ съ товарищи не имѣлъ никакого права, никакой возможности прямо выставить себя соперникомъ новому царю и открыто противъ него дѣйствовать; какое изъ своихъ правъ могъ выставить Голицынъ, которое бы превышало права Шуйскаго? въ какихъ преступленіяхъ могъ обвинить онъ Шуйскаго, которыя бы превышали его собственныя? слѣдова-

([1]) Лѣт: о мн. мят. стр. 104: царь же Василій скоро по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, нача мстити людямъ, которые ему угрубиша.

тельно, Голицынъ и другіе бояре искатели престола (если только были они) могли надѣяться на корону только тогда, когда Шуйскій будетъ свергнутъ другимъ, чужимъ, а не ихъ именемъ, слѣдовательно могли только крамолить противъ него, а не дѣйствовать открыто; тоже самое должно сказать и о всѣхъ другихъ людяхъ, почему бы то ни было недовольныхъ Шуйскимъ и жаждущихъ перемѣны: они могли возмутиться противъ Шуйскаго, какъ царя, неправильно избраннаго; но во чье имя возмутились бы они, кого предложили бы въ замѣнъ Шуйскаго? Такимъ образомъ для всѣхъ нуженъ былъ предлогъ къ возстанію, нужно было лицо, во имя котораго можно было дѣйствовать,— лицо, столько могущественное, чтобы могло свергнуть Шуйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько ничтожное, чтобъ не могло быть препятствіемъ для исполненія извѣстныхъ замысловъ; однимъ словомъ, нуженъ былъ Самозванецъ; Шуйскаго можно было свергнуть только такъ, какъ свергнутъ былъ Годуновъ. Вотъ причины появленія и успѣховъ второго Самозванца. Какъ для благоустроеннаго гражданскаго общества государь, правительство не можетъ умирать (le roi est mort-vive le roi!), такъ для тогдашняго разстроеннаго русскаго общества не могъ умереть Самозванецъ, и точно, еще первый Лжедимитрій не испустилъ духа, какъ уже пронеслась вѣсть о второмъ.

Утромъ 17 мая, когда заговорщики были заняты истребленіемъ Самозванца и поляковъ, вѣрный слуга Лжедимитрія, исчадіе смутъ, человѣкъ необходимый для мятежа, ибо не дрожавшій ни предъ какимъ преступленіемъ, Михайло Молчановъ, убійца Өедора Годунова, успѣлъ скрыться изъ дворца и изъ Москвы ([1]). Никому другому, кромѣ Молчанова, не могла скорѣе притти мысль, что Самозванецъ не долженъ умирать, потому-что иначе съ нимъ вмѣстѣ должны были погибнуть всѣ Молчановы. Въ сопровожденіи двухъ поляковъ, Молчановъ направилъ путь къ польскимъ границамъ, распуская вездѣ по дорогѣ слухъ, что онъ царь Димитрій, который спасается изъ Москвы, и вмѣсто котораго москвитяне, ошибкою, убили другого человѣка. Этотъ слухъ скоро достигъ Москвы и распространился между ся жителями. Мы не удивимся такому, съ перваго взгляда странному, явленію, если вспомнимъ, что не всѣ москвичи принимали участіе въ убійствѣ Лжедимитрія, что многіе изъ нихъ шли въ Кремль съ цѣлію спасать царя изъ рукъ ляховъ, и вдругъ имъ выкинули обезображенный трупъ Лжедимитрія, въ которомъ трудно было различить прежнія черты; чему хотимъ вѣрить, тому вѣримъ

([1]) Выпис. изъ посол. кн. Волконскаго, у Карамз. XII, примѣч. 49. Авторъ Московск. хрон. (стр. 109) приписываетъ все дѣло Шаховскому. — Маржер. стр. 98.

охотно; какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, всякой старался представить свое мнѣніе о чудномъ, таинственномъ событіи, свою догадку, свое «*мнѣ показалось;*» такъ одному французскому купцу показалось, что на трупѣ Лжедимитрія остались ясные знаки густой бороды, уже обритой, тогда-какъ у живаго царя не было бороды; тому же французу показалось, что и волосы у трупа были длиннѣе, чѣмъ у живого царя наканунѣ (¹); другимъ могло показаться что-нибудь другое, и вотъ молва росла болѣе и болѣе. И если жители Москвы вѣрили въ спасеніе Лжедимитрія, тѣмъ болѣе должны были вѣрить ему жители областей. Прибавимъ къ тому состояніе просвѣщенія въ народѣ, котораго можно было увѣрять в манифестахъ, что Лжедимитрій прельстилъ всѣхъ бѣсовскимъ очарченіемъ. Самъ Шуйскій видѣлъ, что ему нельзя разувѣрить народъ касательно слуховъ о второмъ Лжедимитріи, и что гораздо благоразумнѣе вооружиться противъ правъ перваго, дабы Самозванецъ, и спасшійся во мнѣніи нѣкоторыхъ отъ убійцъ, оставался, несмотря на то, самозванцемъ. Для этого Шуйскій съ большимъ торжествомъ велѣлъ перенести изъ Углича въ Москву тѣло Димитрія царевича, послѣ чего разосланы были грамоты съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи и съ повтореніемъ о злодѣйствахъ Лжедимитрія, съ пріобщеніемъ показанія Бучинскихъ, грамотъ, данныхъ Самозванцемъ воеводѣ Сендомирскому, и переписки его съ папою, равно какъ съ извѣстіемъ о покаяніи Мареы (²). Но кто хотя разъ обманулъ, тому не вѣрятъ болѣе: вотъ почему не вѣрили ни Шуйскому, ни Мареѣ.

Мы видѣли, что еще при жизни Лжедимитрія терскіе казаки выставили своего самозванца Петра. Ласково приглашенные Отрепьевымъ, они везли къ нему мнимаго племянника по Волгѣ и находились недалеко отъ Свіяжска, когда получили извѣстіе о гибели московскаго самозванца, что́ и заставило ихъ возвратиться назадъ грабя и убивая всѣхъ на пути, не щадя воеводъ и пословъ московскихъ, они перебрались съ Волги на Донъ, гдѣ и остались зимовать Это удаленіе самозванца Петра заставило забыть о немъ на-время тѣмъ болѣе помнили о другомъ самозванцѣ. Я уже замѣтилъ разъ, какъ самозванецъ былъ необходимъ для многихъ; въ то самое время, какъ Молчановъ, въ самую минуту убійства Лжедимитріева, уже помышлялъ о его воскрешеніи, въ тоже самое время князь Григорій Петровичь Шаховской думалъ о томъ же и, во время страшной смуты во дворцѣ, похитилъ государственную печать (³), какъ вещь нужную для исполненія своихъ замысловъ. Царь не зналъ объ этомъ,

(¹) Маржер. стр. 98.

(²) Акты арх. эксп. II, № 48.

(³) Авторъ Москов. хрон. стр. 100

е подозрѣвалъ ни въ чемъ Шаховского и отправилъ его воеводою въ Путивль, въ сѣверскую страну, гнѣздо мятежа, гдѣ первый самозванецъ нашелъ такой радушный пріемъ. Но теперь сѣверскіе жители были еще склоннѣе принять и вѣрить всякому, кто только могъ спасти ихъ отъ царя Василія, который такъ безчеловѣчно поступалъ съ ними, когда былъ главнымъ воеводою противъ Лжедимитрія. Шаховской, пріѣхавъ въ Путивль, собралъ гражданъ и объявилъ имъ, что Димитрій живъ и укрывается отъ враговъ; путивляне только того и ждали: они тотчасъ возстали противъ Шуйскаго; ихъ примѣру послѣдовали другіе сѣверскіе города ([1]). Въ Черниговѣ начальствовалъ тогда тотъ самый бояринъ князь Андрей Телятевскій, который прежде не хотѣлъ участвовать въ измѣнѣ цѣлаго войска подъ Кромами; но тогда онъ не хотѣлъ измѣнить царевичу Өеору, а теперь не хотѣлъ служить своему брату, боярину Шуйскому. Телятевскій измѣнилъ во имя Дититрія, о которомъ еще никто ничего не зналъ обстоятельнаго. Возстаніе сѣверской стороны не могло не отозваться въ Москвѣ. Но здѣсь еще не смѣли явно произнести имя Димитрія: люди, не участвовавшіе въ заговорѣ и убійствѣ Лжедимитрія, могли всего скорѣе поддаться искушенію вѣрить въ его спасеніе; но то были, бо́льшею частію, граждане спокойные, неспособные начать мятежъ. Начать возстаніе противъ новаго порядка вещей могли только тѣ люди, которые произвели его; низложить Шуйскаго могли только тѣ люди, которые возвели его на престолъ, убивъ Лжедимитрія, — люди смѣлые, живущіе мятежомъ, готовые на все; но имъ было неловко или по-крайней-мѣрѣ еще рано возстать во имя того самаго Димитрія, надъ которымъ они недавно такъ страшно наругались. Вотъ почему нужно было начать какъ-нибудь иначе, вывести изъ бездѣйствія буйную толпу чѣмъ бы то ни было, въ надеждѣ, что разъ возбужденная къ дѣятельности, она готова будетъ на все. Знали, что многіе бояре не хотятъ Шуйскаго: на домахъ ихъ, равно какъ на домахъ иностранцевъ, нашли надпись, что царь предаетъ домы этихъ измѣнниковъ народу на разграбленіе: какой прекрасный случай показать свое усердіе къ царю, и между тѣмъ обогатиться добычею! толпы начали сбираться, но на этотъ разъ ихъ разогнали. Чрезъ нѣсколько времени, въ одинъ воскресный день, когда царь шелъ къ обѣдни, увидалъ онъ множество народа на дворцовой площади; толпы были созваны извѣстіемъ, что царь будетъ говорить съ народомъ. Это вывело Шуйскаго изъ терпѣнія: онъ остановился и, плача отъ досады, началъ говорить окружавшимъ его царедворцамъ, что имъ не нужно было выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться, что из-

([1]) Лѣт. о мн. мят. стр. 105.

бравъ его царемъ, могутъ и низложить его, если онъ имъ негоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ имъ царскій жезлъ и шапку, продолжалъ: «если такъ, выбирайте кого хотите!» видя однако, что всѣ неподвижны, ни откуда нѣтъ возраженія, Шуйскій подумалъ, что онъ пристращалъ крамольниковъ, что большинство за него, и потому, взявъ снова жезлъ, сказалъ: «Мнѣ уже наскучили эти козни: то меня хотите умертвить, то вельможъ и иностранцевъ или по-крайней-мѣрѣ ограбить ихъ; если вы признаете меня царемъ, то я требую казни виновныхъ» (¹). На этотъ разъ всѣ спѣшили увѣрить его въ преданности и просили наказать возмутителей; схватили пятерыхъ изъ толпы, наказали кнутомъ и сослали. Шуйскій хотѣлъ воспользоваться этимъ усердіемъ, чтобъ вскрыть заговоръ, составленный во имя князя Мстиславскаго; но по изслѣдованіи дѣла нашли, что этотъ бояринъ вовсе не виноватъ въ немъ, что во имя его дѣйствовали родные, изъ которыхъ болѣе всѣхъ былъ уличенъ бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ: его удалили во Псковъ.

Между тѣмъ Шаховской дѣйствовалъ въ землѣ сѣверской; но для успѣшнаго дѣйствованія ему необходимъ былъ самозванецъ, откуда бы то ни было. Зная, что Молчановъ прежде всѣхъ выдалъ себя за Димитрія, онъ звалъ его въ Путивль изъ Самбора, гдѣ тотъ, съ согласія марининой матери, распространялъ слухи о спасеніи царя. Но это приглашеніе показалось и самому Молчанову крайнею дерзостію: онъ былъ слишкомъ всѣмъ извѣстенъ и не походилъ нисколько на убитаго. Молчановъ еще не сыскалъ никого, кто могъ бы быть способенъ принять на себя роль самозванца; но медлить было нельзя: надобно было подкрѣпить возстаніе, давъ ему вождя смѣлаго, способнаго своимъ примѣромъ увлекать народныя массы. Такимъ явился Болотниковъ.

Болотниковъ былъ холопомъ князя Телятевскаго; разсказываютъ (²), будто въ молодости, взятый въ плѣнъ татарами и проданный туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ галернымъ невольникомъ. Получивъ какъ-то свободу, онъ былъ заброшенъ судьбою въ Венецію, откуда, въ описываемое время, пробрался черезъ Польшу въ родину. Въ Польшѣ услыхалъ онъ о событіяхъ, волновавшихъ Русь; какъ русскаго, Болотникова схватили и представили Молчанову, который, выдавая себя за спасеннаго Димитрія, набиралъ ему приверженцевъ. Молчановъ тотчасъ увидалъ въ Болотниковѣ одного изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ чудеса во времена смутныя, и въ то же время видѣлъ въ немъ еще столько чистоты, что не предложилъ

(¹) Маржер. стр. 101.

(²) Авторъ москов. хрон. стр. 115.

ему роли самозванца: онъ только одарилъ его и послалъ съ письмомъ въ Путивль къ князю Шаховскому. Болотниковъ повѣрилъ, что точно видѣлъ предъ собою сына царя Ивана: будучи незнакомъ съ предшествовавшими событіями, онъ не имѣлъ никакихъ основаній не вѣрить; притомъ эта вѣра прокладывала ему путь если не къ славной, то по-крайней-мѣрѣ къ видной и выгодной дѣятельности. Болотниковъ явился въ Путивль въ качествѣ повѣреннаго царскаго и получилъ отъ Шаховского начальство надъ отрядомъ войска, готоваго дѣйствовать во имя второго Самозванца. Шуйскій ясно видѣлъ, какъ опасно возстаніе въ этой «прежепогибшей и оскверненной сѣверской Украйнѣ» (1), тѣмъ болѣе, что теперь въ челѣ возстанія стоялъ холопъ и искатель приключеній Болотниковъ; теперь-то настало время дѣйствовать всѣмъ отверженникамъ общества, всѣмъ тѣмъ, которымъ было тяжело при существующемъ порядкѣ вещей. До сихъ поръ они были орудіями въ рукахъ чуждыхъ, въ рукахъ бояръ, которыхъ интересы не были одинаковы съ ихъ интересами; теперь они получили вождя изъ своихъ, котораго интересы тѣсно связаны съ ихъ интересами, который вполнѣ имъ сочувствуетъ. Холопъ Болотниковъ обратился къ своимъ, и скоро толпа своихъ окружила его: то были разбойники, воры, бѣглые холопы и крестьяне, казаки; крамолы, волновавшія до сихъ поръ Московское государство, вызвали теперь новое зло – казацкую, холопскую, крестьянскую войну; теперь имя того или другого самозванца было только пустымъ предлогомъ; теперь казаки, стрѣльцы, посадскіе люди, крестьяне, холопы возстаютъ на сословія высшія, кидаютъ воеводъ въ тюрьму, бьютъ прежнихъ господъ своихъ, безчестятъ ихъ семейства, холопы женятся на жонахъ и дочеряхъ боярскихъ (2). Вотъ до чего довела Московское государство крамола, поднятая противъ Годунова! и Шуйскій, вовсе не чистый отъ крамолы, не побоялся напомнить гражданамъ о Годуновѣ: онъ приказалъ вынести трупы Годуновыхъ изъ Варсонофьевскаго монастыря и съ царскимъ великолѣпіемъ погребсти въ Троицкомъ монастырѣ. Шуйскій хотѣлъ, возбудивъ сожалѣніе о семействѣ Годуновыхъ, усилить ненависть къ истребителю его, Самозванцу; но незадолго прежде самъ Шуйскій признавался, что они, бояре, приняли Самозванца только для того, чтобъ избавиться отъ Годунова, слѣдовательно вмѣстѣ съ ненавистію къ Самозванцу возбуждалась ненависть и къ Шуйскому съ товарищи (3). Самъ Шуй-

(1) Акты арх. эксп. т. II, № 58.

(2) Лѣтоп. о мн. мятеж. стр. 108: «Собрахуся боярскіе люди и крестьяне, къ нимъ же приступаху и украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и козаки, и начаша по градамъ воеводъ имати и сажати по темницамъ. Бояръ же своихъ домы разоряху и животы грабяху; а женъ ихъ и дѣтей разоряху и за себя имаху».

(3) Авторъ Моск. хрон. стр. 112.

скій зналъ о нерасположеніи къ себѣ въ самыхъ стѣнахъ своей столицы; вотъ почему, когда на московскихъ улицахъ явились подметныя письма, въ которыхъ упрекали московскихъ жителей въ неблагодарности къ Димитрію, спасшемуся отъ ихъ ударовъ, и грозили возвращеніемъ его, для наказанія столицы, не позже 1 сентября, то царь велѣлъ созвать всѣхъ дьяковъ и сличить почерки ихъ съ почеркомъ писемъ; однако не могли открыть виновнаго (1).

Между тѣмъ бунтъ въ Украйнѣ не стихалъ; Кромы и Елецъ пристали къ возмутителямъ. Тогда царь приказалъ князьямъ — боярину Воротынскому и стольнику Трубецкому двинуться съ войскомъ за Оку и въ тоже время отнялъ духъ у гражданъ столицы приготовленіями къ ея оборонѣ. Прежде начала военныхъ дѣйствій, Василій хотѣлъ попытаться укротить казаковъ средствами религіозными: съ этою цѣлію онъ послалъ въ сѣверскую землю многихъ духовныхъ сановниковъ съ увѣщаніями; въ Елецъ посланъ былъ бояринъ Нагой съ грамотою сестры своей Мароы и съ образомъ Димитрія царевича; но эти средства остались безуспѣшны. Тогда князь Воротынскій обложилъ Елецъ, а князь Трубецкой Кромы съ 5000 войска; но на выручку послѣдняго города явился Болотниковъ, съ 1300 человѣкъ, и на голову поразилъ Трубецкого. Побѣдители — казаки, издѣвались надъ москвитянами, называли царя ихъ Шуйскаго *шубникомъ* (2). Московское войско и безъ того не усердствовало Василію, слѣдовательно уже было ослаблено нравственно; побѣда Болотникова отняла у него и послѣдній духъ; служилые люди отдаленныхъ сѣверныхъ областей, видя всеобщую смуту, всеобщее колебаніе, не хотѣли болѣе проливать кровь свою за Шуйскаго и разъѣхались по домамъ. Царскіе воеводы, обезсиленные этимъ отъѣздомъ, не могли ничего предпринять рѣшительнаго и отступили. При состояніи умовъ, какое господствовало тогда въ Московскомъ государствѣ, при всеобщей шаткости, неувѣренности, при недостаткѣ точки опоры, въ которой нуждается всякое общество, тѣмъ болѣе общество юное,— при такомъ состояніи первый успѣхъ, на чьей бы сторонѣ ни былъ, имѣлъ великія слѣдствія, ибо увлекалъ толпу нерѣшительную, и слѣдовательно готовую, жаждущую увлечься, пристать къ чему бы то ни было, опереться на что бы то ни было, лишь бы только выйти изъ нерѣшительнаго состоянія, которое для каждаго человѣка и общества есть состояніе самое ужасное, самое нестерпимое. — Какъ скоро узнали, что царское войско отступило, то возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ: боярскій сынъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Коширу; въ тоже время встало противъ Мо-

(1) Histor. Russ. Monum. II, № CI, p. 183.

(2) Авторъ москов. хрон. стр. 112.

...вы и древнее княжество Рязанское: здѣсь въ челѣ возстанія явились воевода Григорій Сунбуловъ и дворянинъ Прокопій Ляпуновъ.

Уже сказано было, что состояніе нерѣшительности есть самое несносное даже для массы народонаселенія; но всего болѣе нестерпимо оно для тѣхъ людей, которые выдаются изъ массы, которыхъ энергическая природа требуетъ немедленнаго выхода изъ этого положенія: таковъ былъ Ляпуновъ. Эти люди, съ сильнымъ, энергическимъ характеромъ, обыкновенно становятся вождями массъ народныхъ въ смутныя времена; истомленныя, гнетомыя нерѣшительнымъ положеніемъ, массы ждутъ перваго сильнаго слова, перваго движенія, чтобъ безотчетно повиноваться этому слову, безотчетно увлечься этимъ движеніемъ; кто первый произнесетъ роковое слово, кто первый двигнется, тотъ и становится вождемъ народнаго стремленія; право или нѣтъ это стремленіе — масса не знаетъ, часто, очень часто не знаетъ того и вождь ея, часто онъ стремится на-удачу, ища только выхода изъ прежняго положенія: таково было стремленіе Ляпуновыхъ, Сунбуловыхъ и Пашковыхъ въ описываемое время. Новое правительство московское не было законнымъ въ глазахъ ихъ: люди лучшіе не могли любить Шуйскаго, когда онъ былъ еще бояриномъ; это нелюбье должно было увеличиться, когда онъ, запятнанный крамолою, вступилъ на престолъ царей. Масса народонаселенія чувствовала, что Шуйскій неправильно захватилъ престолъ, слѣдовательно чувствовала, что онъ не могъ на немъ остаться. Вслѣдствіе этого нерасположенія къ Шуйскому, всякое возстаніе противъ него, во чье бы то ни было имя, теряло свою незаконность въ глазахъ многихъ; многіе не вѣрили Самозванцу, но мысль, что идя противъ Самозванца, истребляя полчища его, они тѣмъ самымъ утверждаютъ престолъ Шуйскаго, эта тягостная мысль отнимала у нихъ духъ и руки, ибо въ приверженцахъ Самозванца они должны были уважать чувство, которое сами раздѣляли,—чувство нерасположенія къ Шуйскому, видѣли слѣдовательно въ нихъ братьевъ себѣ по этому чувству, преслѣдующихъ одну общую цѣль: какъ же послѣ того они могли мужественно сражаться противъ нихъ? Но другіе не довольствовались отрицательнымъ образомъ дѣйствія, не хотѣли только не сражаться за Шуйскаго: отрицательный образъ дѣйствія не соотвѣтствовалъ ихъ энергической природѣ; не вѣря Самозванцу, они признавали однако законнымъ всякое возстаніе противъ Шуйскаго, видѣли въ Самозванцѣ только средство избавиться отъ Шуйскаго, и потому не считали постыднымъ стать подъ его знаменами: таковы были Ляпуновы, Сунбуловы и Пашковы. Имъ подобные нашлись и въ другихъ странахъ; но много нашлось вездѣ людей, которые видѣли въ Самозванцѣ средство пожить на счетъ обще-

ства, — и двадцать городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской, Калужской и Смоленской стали за Лжедимитрія. На востокѣ, въ странахъ при-волжскихъ встали холопы и чернь; къ нимъ присоединилось инородное варварское народонаселеніе, которое недавно принуждено было подчиниться государству и теперь обрадовалось случаю, отомстившему за это подчиненіе. Мордва, холопы и крестьяне осадили Нижній; возмущеніе коснулось областей Вятской и Пермской; рознь встала между пермичами, набранными въ войско для царя: они начали биться другъ съ другомъ, едва не убили царскаго представника, хотѣвшаго рознять ихъ, и кончили тѣмъ, что разбѣжались отъ него съ дороги. Въ землѣ вятской, московскаго чиновника, присланнаго для набора войскъ, встрѣтили громкою хулою на Шуйскаго; говорили, что Димитрій уже взялъ Москву, пили за него въ бокалы заздравныя чаши (¹). Но въ Астрахани не чернь встала за Лжедимитрія: здѣсь измѣнилъ воевода окольничій князь Хворостининъ; здѣсь, на-оборотъ, дьякъ Аѳонасій Карповъ и многіе мелкіе люди, стоявшіе за Шуйскаго, были побиты съ роскату (²).

Между тѣмъ Болотниковъ, соединившись съ ополченіями Пашкова и рязанцевъ, переправился за Оку, взялъ и разграбилъ Коломну; царь выслалъ противъ него два отряда, одинъ подъ начальствомъ племянника своего Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, другой подъ начальствомъ перваго боярина князя Мстиславскаго. Скопинъ одержалъ верхъ въ сшибкѣ на берегахъ Пахры; но въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, при селѣ Троицкомъ, Болотниковъ поразилъ главное царское войско на-голову и, слѣдивъ бѣгущихъ, достигъ столицы и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ (³). Царствованіе Шуйскаго, казалось, должно было кончиться: при сильномъ нерасположеніи къ себѣ многихъ гражданъ, онъ имѣлъ мало средствъ къ защитѣ; на остатки разбитыхъ Болотниковымъ полковъ была плохая надежда; всѣ области кругомъ съ юга, востока и запада признавали Лжедимитрія; цѣны на хлѣбъ возвысились въ Москвѣ; а кто хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго? Но Московское государство, при возстаніи на послѣдняго, двоилось, и это раздвоеніе спасло на этотъ разъ царя. Мы видѣли, какой былъ характеръ возстанія сѣверской страны, и кто стоялъ подъ знаменами Болотникова; пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ объявилъ цѣль и характеръ своего возстанія; въ столицѣ явились отъ него листы съ воззваніями къ самому низшему слою народонаселенія: «И велятъ, пишетъ московское духовенство къ областному (⁴), боярскимъ холопамъ по-

(¹) Соб. гос. гр. и дог. т. II, № 151.
(²) Лѣт. о мн. мят. стр. 110.
(³) Тамъ же стр. 109; Карамз. XII, прим. 74, 75.
(⁴) Акты арх. эксп. т. II, № 57.

бивати своихъ бояръ, и жены ихъ и вотчины и помѣстья имъ судятъ и шпынямъ и безъимянникамъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество.» Рязанскіе и тульскіе дворяне и дѣти боярскіе, дружины Ляпунова, Сунбулова и Пашкова, соединившись съ Болотниковымъ, увидали, съ кѣмъ у нихъ общее дѣло, и изъ двухъ, по ихъ мнѣнію, золъ рѣшились выбрать меньшее, т. е. снова служить Шуйскому и не быть участниками въ холопской и казацкой войнѣ; свергнуть Шуйскаго посредствомъ толпы Болотникова казалось имъ дѣломъ слишкомъ гнуснымъ и опаснымъ, и они явились съ повинною въ Москву, къ царю Василію, безъ сомнѣнія увѣренные прежде въ прощеніи и даже милости, ибо наказать первыхъ раскаявшихся измѣнниковъ значило заставить всѣхъ другихъ биться съ отчаяніемъ противъ царскихъ войскъ, и такимъ образомъ продлить и усилить страшное междоусобіе; Ляпуновъ и Сунбуловъ явились первые ([1]), Пашковъ передался впослѣдствіи ([2]). Въ тоже время счастливый для Шуйскаго оборотъ дѣла произошелъ на сѣверо-западѣ: уже было сказано, какъ въ это смутное время, при всеобщемъ колебаніи и нерѣшительности, масса обыкновенно выжидаетъ перваго внушенія, перваго движенія, чтобъ увлечься имъ безотчетно въ ту или другую сторону; на югѣ, въ Рязани и Тулѣ, увлеченные примѣромъ Ляпуновыхъ, Сунбуловыхъ и Пашковыхъ, всѣ бросились на сторону Самозванца, но въ Твери произошло иначе: архіепископомъ здѣсь былъ въ это время Ѳеоктистъ, человѣкъ энергическій, способный стать въ челѣ народонаселенія: когда толпа возмутителей явилась въ Тверскомъ уѣздѣ, Ѳеоктистъ собралъ духовенство, приказныхъ людей, своихъ дѣтей боярскихъ, торговыхъ и посадскихъ людей, укрѣпилъ ихъ въ вѣрности къ Шуйскому и выслалъ противъ возмутителей, которые и были побиты ([3]). Другіе города Тверской области, присягнувшіе Самозванцу при упадкѣ духа и нерѣшительности, послѣдовали тотчасъ примѣру Твери и снова присягнули Шуйскому. Еще ревностнѣе, чѣмъ тверичи, поступили жители Смоленска: въ стѣнахъ этого пограничнаго города, сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, жила ненависть къ Польшѣ и латинству; смоляне знали, что самозванцы не могли обойтись безъ союза съ поляками, знали изъ примѣра перваго самозванца, чѣмъ этотъ союзъ грозитъ ихъ городу, съ котораго польскіе короли никогда не спускали глазъ, и вотъ

([1]) Лѣт. о мн. мят. стр. 111.

([2]) Оскорбленный, какъ говорятъ, первенствомъ Болотникова. Авторъ Москов. ром. стр. 116.

([3]) Карамз. XII, примѣч. 66.

причина, почему смолняне оказали въ смутное время такую постоя-ную преданность Москвѣ. Какъ скоро услыхали они, что изъ По-ши готовъ явиться самозванецъ, новый или старый, спасшійся изъ Москвы — для нихъ все равно, то немедленно служивые люди двинулись изъ Смоленска на помощь Москвѣ; примѣру стараго го-рода послѣдовали младшіе — Вязьма, Дорогобужъ и Серпейскъ (¹).

Шуйскій и Москва ободрились. Царь послалъ увѣщевать Бол-никова отстать отъ Самозванца; но холопы и казаки стояли соб-венно не за Самозванца, а за возможность жить на счетъ го-сударства: отъ примиренія имъ нечего было ожидать для се-хорошаго, и они отвергнули всякое примиреніе, отчаянно сража-съ царскими воеводами, но были разбиты у деревни Котловъ (²). Болотниковъ бѣжалъ и засѣлъ въ Калугѣ, другія толпы его заня Тулу. Обрадованный такимъ счастливымъ оборотомъ дѣла, Шуйскій не терялъ времени для наступательнаго движенія: пять отрядовъ двинулись для осады пяти городовъ, вѣрныхъ Самозванцу; шестой отрядъ, подъ начальствомъ царскаго брата, князя Ивана Шуйскаго, расположился въ Серпуховѣ наблюдать за успѣхомъ ихъ движенія и помогать имъ въ случаѣ нужды. Для освобожденія Нижняго отъ возмутителей и для отнятія у нихъ Астрахани отправлены были тѣ же войска.

Легче было сладить съ при-волжскими варварами, освободить Нижній и усмирить мордовскую землю; при этомъ замѣчательно поведеніе казанскаго митрополита Ефрема, который, узнавъ, что жители Свіяжска передались Самозванцу, приказалъ свіяжскому ду-ховенству наложить на нихъ церковное запрещеніе (³). Но не такъ удачно шли дѣла на югѣ. Ляпуновымъ и Сунбуловымъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ легко было принести повинную Шуйскому; но не такъ легко было это сдѣлать князьямъ Телятевскимъ, Хворости-нинымъ, Шаховскимъ, и потому они вмѣстѣ съ холопами и казака-ми Болотникова отчаянно бились изъ городовъ противъ осаждав-шихъ ихъ воеводъ царскихъ. Милуя измѣнниковъ, которые сами приходили съ повинною, Шуйскій приказывалъ топить взятыхъ въ бою съ оружіемъ въ рукахъ: это имѣло послѣдствіемъ то, что мя-тежники не сдавались живые, но, видя невозможность спастись, под-жигали подъ собою пороховыя бочки. Такой ожесточенный харак-теръ приняла усобица въ самомъ началѣ своемъ, и потому нельзя было ожидать скораго ея прекращенія (⁴).

(¹) Акты арх. эксп. т. II, № 58. — Лѣт. о мн. мят. стр. 111.

(²) Рукоп. Филарета стр. 11.

(³) Акты арх. эксп. т. II, № 61.

(⁴) Лѣт. о мн. мят. стр. 114, 112.

Между тѣмъ Москва была свидѣтельницею любопытнаго явленія. Мы видѣли, что и прежде Шуйскій, въ борьбѣ своей съ тѣнью Лжедимитрія, хотѣлъ сложить на послѣдняго всю вину гибели Годуновыхъ; мы замѣтили так же, какъ неблагоразумно было такое поведеніе, ибо московское народонаселеніе не могло не знать, кто былъ главнымъ виновникомъ торжества лжедимитріева и гибели Годуновыхъ. Теперь Шуйскій вздумалъ повторить этотъ неблагоразумный поступокъ, но съ бо́льшею торжественностію. Вызванъ былъ въ Москву слѣпой старецъ, бывшій патріархъ Іовъ; въ Успенскомъ соборѣ, по совершеніи молебствія, Іову подали отъ лица всего московскаго народа челобитную, въ которой просили его простить и разрѣшить народу двойное клятвопреступленіе предъ Борисомъ Годуновымъ и сыномъ его Ѳедоромъ; Іовъ и Гермогенъ торжественно разрѣшили народъ отъ этого грѣха, и составлена была грамота отъ имени двухъ патріарховъ, въ которой говорится, какъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ братъ его Димитрій «пріятъ закланіе неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ» (?); какъ по смерти царя Ѳедора всѣ молили супругу его Ирину остаться на престолѣ, какъ она не согласилась, молили принять скипетръ брата ея Бориса, который наконецъ согласился; какъ всѣ цаловали крестъ быть ему вѣрными, повторили эту клятву быть ему вѣрными — и, несмотря на то измѣнили, признали Самозванца, который, «пріѣхавъ въ царствующій градъ Москву, съ лютеры и съ жиды и съ ляхи и съ римляны, и съ прочими оскверненными языки, и назвалъ себя царемъ, и которыхъ злыхъ діавольскихъ бѣдъ не сдѣлалъ, пріявъ себѣ изъ литовскія земли невѣсту, люторскія вѣры и дѣвку, и введе ее въ церковь Пречистыя Богородицы и вѣнча царскимъ вѣнцомъ, и повелѣ той своей скверной невѣстѣ прикладыватися и въ царскихъ дверѣхъ св. мгромъ помазалъ. Видѣвъ (Богъ) достояніе свое въ таковѣ погибели, воздвиже на него велегласно обличителя и злому умышленію его проповѣдника, великаго государя нашего, воистину свята и праведна царя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси и аще многое безчестіе и гоненіе мало и не до смерти пострада, но того врага милосердый Богъ промысломъ его до конца сокрушилъ.» — Такимъ образомъ Шуйскій своимъ возстаніемъ на Самозванца хотѣлъ заставить забыть свое прежнее поведеніе, и углицкое слѣдствіе и признаніе Самозванца съ цѣлію свергнуть Годунова, и когда весь народъ просилъ прощенія въ своемъ грѣхѣ двойного клятвопреступленія, одного Шуйскаго величали праведнымъ.

Но тутъ Шуйскій принялъ предложеніе нѣмца Фидлера отравить Болотникова въ Калугѣ; Фидлеръ обязался клятвою погубить ядомъ

Ивана Болотникова ([1]). — Шуйскій повѣрилъ человѣку, осмѣлившемуся наругаться надъ всѣмъ святымъ, далъ Фидлеру лошадь и 100 талеровъ, обѣщая, въ случаѣ успѣха, 100 душъ крестьянъ и 300 талеровъ ежегоднаго оклада. Но Фидлеръ, пріѣхавши въ Калугу, открылъ все Болотникову и отдалъ ему самый ядъ.

Положеніе сѣверскихъ мятежниковъ было однако отчаянное: долгое неявленіе провозглашеннаго Димитрія отнимало духъ у его приверженцевъ; тщетно Шаховской умолялъ Молчанова явиться въ Путивль подъ именемъ Димитрія: тотъ не соглашался. Въ такой крайности Шаховской послалъ звать къ себѣ казацкаго самозванца Петра. Чудовище явилось на зовъ, замучивъ осьмерыхъ воеводъ и обезчестивъ дочь казненнаго имъ князя Бахтеярова; Лжепетръ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, двинулся къ Тулѣ. Свѣдавъ объ этомъ движеніи и подкрѣпленный однимъ изъ отрядомъ Самозванца, Телятевскій выступилъ изъ Тулы на помощь къ Болотникову и страшно поразилъ царское войско при Пчельнѣ. Вѣсть объ этомъ пораженіи навела ужасъ на станъ царскихъ войскъ, осаждавшихъ Калугу; они обратились въ бѣгство, при чемъ 15,000 человѣкъ перешло на сторону Болотникова; послѣдній, пользуясь этимъ, оставилъ Калугу и соединился въ Тулѣ съ Лжепетромъ, чтобъ дѣйствовать оттуда соединенными силами ([2]). Тогда Шуйскій принялъ мѣры рѣшительныя: разосланы были строгія предписанія собираться отовсюду служивымъ людямъ, имѣнія духовенства такъ же должны были выслать ратниковъ; такимъ образомъ собралось до 100,000 войска. Въ церквахъ загремѣли проклятія Болотникову и самозванцамъ; но многочисленное войско и проклятія не помогли Годунову въ борьбѣ его съ первымъ Лжедимитріемъ: Шуйскій зналъ это, и потому рѣшился самъ лично принять начальство надъ ратью. Я уже упоминалъ, какъ въ это время смутъ и колебаній энергическій порывъ одного человѣка могъ увлечь массы; смѣлый порывъ Шуйскаго произвелъ такъ же свое дѣйствіе; сюда должно присоединить еще ужасъ предъ шайками Болотникова: всѣ испытали, что это за люди, и во чье имя, съ какою цѣлію дѣйствуютъ; Ляпуновы и Пашковы, которые видѣли вблизи сѣверское ополченіе, теперь сражались въ рядахъ царскаго войска. 21 мая 1607 года царь выступилъ на свое государево и земское великое дѣло, какъ сказано въ грамотахъ патріарха, призывавшаго молиться объ успѣхѣ похода ([3]); скоро получены были другія грамоты отъ патріарха, въ которыхъ онъ уже призывалъ пѣть благодарственные молебны за побѣду царскихъ войскъ надъ мятеж-

([1]) Въ Москов. хрон. въ Сказ. Соврем. I, стр. 121.
([2]) Лѣт. о мн. мят. стр. 115, 116.
([3]) Акты арх. эксп. т. II, № 73.

никами при рѣкѣ Восмѣ: цѣлый день бились съ ожесточеніемъ, и царскіе полки уже начали колебаться; но тутъ воеводы князь Андрей Голицынъ и князь Борисъ Лыковъ, «ѣздя по полкамъ, возопиша ратнымъ людемъ со слезами: гдѣ намъ бѣжати, лучше намъ здѣсь померети другъ за друга единодушно всѣмъ; ратные же люди всѣ единогласно возопіяху: подобаетъ вамъ начинати, а намъ помирати» (¹). Побѣда осталась за царскими войсками; князь Телятевскій, предводитель мятежниковъ, ушелъ съ немногими людьми. Битва при Восмѣ показала, какъ появленіе испорченныхъ элементовъ въ обществѣ вызвало сопротивленіе, сильное напряженіе здоровой части народонаселенія для поддержанія общественнаго порядка; съ другой стороны она показала, какое могущественное вліяніе могла производить въ это время на массы энергія правительства: даже нелюбимый Шуйскій, обнаруживъ дѣятельность и рѣшительность, могъ вдохнуть твердость въ полки свои... правда, убѣжденіе въ правотѣ дѣла можетъ дать силу, твердость и рѣшительность человѣку, и въ этомъ убѣжденіи массы стремятся за человѣкомъ, обнаружившимъ силу, твердость и рѣшительность. Шуйскій на этотъ разъ хотѣлъ воспользоваться побѣдою и докончить дѣло; онъ самъ лично осадилъ Тулу, куда скрылись всѣ главы мятежа: Шаховской, Телятевскій, Болотниковъ, Лжепетръ. Осажденные, несмотря на отчаянную храбрость Болотникова, были въ самомъ затруднительномъ положеніи; дважды отправляли они гонца въ Польшу, къ друзьямъ Мнишка, чтобъ тѣ постарались немедленно выслать какого-нибудь Лжедимитрія, въ отчаяніи писали къ нимъ: «отъ границы до Москвы все наше; придите и возьмите, только избавьте насъ отъ Шуйскаго». Наконецъ самозванца отыскали: чтó это былъ за человѣкъ, никто не могъ сказать навѣрное; ходили различные слухи: одни говорили, что это былъ поповъ сынъ, Матвѣй Веревкинъ, родомъ изъ сѣверской страны; другіе, что поповичъ Дмитрій изъ Москвы, отъ церкви Знаменья на Арбатѣ, которую построилъ князь Василій Мосальскій; иные разглашали, что это былъ сынъ князя Курбскаго; далѣе — царскій дьякъ, потомъ — школьный учитель, по имени Иванъ, изъ города Сокола; наконецъ — жидъ. Вѣрно только то, что этотъ второй Лжедимитрій вовсе не походилъ на перваго, и что былъ человѣкъ очень грамотный, начетчикъ священнаго писанія: это-то послѣднее обстоятельство и заставило предполагать, что онъ былъ изъ духовнаго званія; такъ лѣтописецъ говоритъ: «Всѣ же тѣ воры, кои называлися царскимъ коренемъ, знаеми отъ многихъ людей, кой откуду взяся; того же вора Тушинскаго, который назвался въ разстригино имя отнюдь никто же не знаше, не вѣдомо откуда взяся; многіе убо узнаваху, что

(¹) Лѣт. о мн. мят. стр. 118.

онъ былъ не отъ служиваго корня, чаяху попова сына или церковнаго дьячка, потому что кругъ весь церковный зналъ» ([1]). Чтó же касается до его нравственнаго характера, то уже можно догадаться, каковъ долженствовалъ быть человѣкъ, сознательно принявшій на себя роль Самозванца, и потому историкъ не будетъ предполагать сильнаго преувеличенія въ описаніи Кобержицкаго, который называетъ Тушинскаго вора безбожнымъ, грубымъ, жестокимъ, коварнымъ, развратнымъ, составленнымъ изъ преступленій всякаго рода, недостойнымъ носить имени даже и ложнаго государя ([2]). Мы должны замѣтить только, что, какъ видно изъ его поступковъ, это былъ человѣкъ, умѣвшій освоиться со своимъ положеніемъ и пользоваться обстоятельствами. Наставникомъ его былъ полякъ Мѣховецкій, посвященный во всѣ тайны перваго Лжедимитрія.

Новый самозванецъ явился въ Стародубъ, открылся жителямъ, былъ принятъ ими съ восторгомъ (ибо стародубцы не видали перваго Лжедимитрія въ стѣнахъ своихъ); вслѣдъ за Самозванцемъ потянулись изъ польскихъ областей толпы хищныхъ бродягъ, хотѣвшихъ пожить на счетъ Московскаго государства, тогда-какъ послѣднее не могло справиться и съ своими мятежниками: такъ больное мѣсто въ организмѣ привлекаетъ къ себѣ отовсюду нечистоты. Не одинъ Мѣховецкій, не одни друзья Мнишка скликали сбродныя толпы на помощь Самозванцу: рославльскій намѣстникъ и воевода, князь Димитрій Мосальскій, отъ имени двухъ самозванцевъ, Димитрія и Петра, такъ уговаривалъ мстиславскаго державца Петра Паца прислать служивыхъ людей противъ Шуйскаго: «что бы есте государемъ нашимъ прироженнымъ прислужили и прислалибъ служивыхъ всякихъ людей на государевыхъ измѣнниковъ, *а тамъ будетъ добра много*; а Божьею милостію коли государь царь и государь царевичь будутъ на прародителей своихъ престолѣ, на Москвѣ, и васъ всѣхъ служивыхъ людей пожалуютъ своимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ на разумѣ нѣтъ..» ([3]).

Едва Самозванецъ успѣлъ явиться въ Стародубѣ, какъ и другіе сѣверскіе города присягнули ему; онъ началъ дѣйствовать наступательно, одержавъ верхъ надъ царскими отрядами; но тѣ, которые такъ долго возмущали страну его именемъ, не дождались своего избавителя.. Муромскій сынъ боярскій Ѳома Кровковъ или Кравковъ

([1]) Никон. VIII, 117.

([2]) Superos irridere, Numen procaci lingua lacessere solitus; ad extremum rudis, barbarus, crudelis, avarus, subdolus, lascivia libidineque infamis, crapulae deditus, totus ex sceleribus flagitiisque conflatus, indignus qui ficti etiam principis nomen sumeret, ad cujus tuendam auctoritatem nec formam, nec unicam haberet virtutem. — Кобержицкій, у Карамз. примѣч. 139.

([3]) *Акты истор.* т. II, № 75.

предложилъ царю затопить Тулу, запрудивъ рѣку Упу, и превосходно выполнилъ свое дѣло: вода обступила городъ, влилась даже внутрь его и пресѣкла всѣ сообщенія жителей съ окрестностями; насталъ страшный голодъ, и Болотниковъ, вмѣстѣ съ Илейкою, какъ говорятъ, вошли въ переговоры съ царемъ, обѣщая сдать городъ, если царь обѣщаетъ имъ помилованіе; въ противномъ случаѣ, скорѣе съѣдятъ другъ друга, чѣмъ подвергнутся добровольной казни. Шуйскій, имѣя на плечахъ второго Лжедимитрія, естественно долженъ былъ хотѣть какъ можно скорѣе избавиться отъ Лжепетра и Болотникова, и потому обѣщалъ помилованіе. Тогда тульскіе *сидѣльцы* сдали городъ. Князья Шаховскій и Телятевскій могли быть спокойны: они знали, что Шуйскій не могъ казнить никого безъ согласія думы, а тамъ надѣялись имѣть защитниковъ; но не могъ быть спокоенъ Болотниковъ: что́ общаго было у него съ боярами? предводитель взбунтовавшихся холоповъ и крестьянъ, самъ холопъ — какого сочувствія могъ онъ ждать въ Думѣ? Болотниковъ пріѣхалъ въ царскій станъ, явился предъ Василіемъ, палъ на колѣни и, положивъ саблю на шею, сказалъ: «Я исполнилъ обѣтъ свой, служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ — справедливо или нѣтъ — не знаю, потому-что самъ я прежде никогда не видывалъ царя. Я не измѣнилъ своей клятвѣ, но онъ выдалъ меня; теперь я въ твоей власти! если хочешь головы моей, вели отсѣчь ее этою саблею. Но если оставишь мнѣ жизнь, то буду служить тебѣ такъ же вѣрно, какъ и тому, кто не поддержалъ меня.» Эти слова поражаютъ грустью: въ то страшное время смутъ, всеобщаго колебанія, человѣкъ, подобный Болотникову, не имѣвшій никакихъ средствъ узнать истину касательно событій, могъ въ-самомъ-дѣлѣ думать, что исполнилъ свой долгъ, если до послѣдней крайности вѣрно служилъ тому, кому началъ служить съ перваго раза. Но не всѣ такъ думали, какъ Болотниковъ; другіе, лишенные убѣжденія въ правотѣ обѣихъ сторонъ, считали себя вправѣ оставлять одну изъ нихъ тотчасъ, какъ скоро военное счастіе объявитъ себя противъ нея. Не любя Шуйскаго, считая избраніе его незаконнымъ, не вѣря, съ другой стороны, Лжедимитрію, они уравнивали обоихъ соперниковъ вслѣдствіе одинакой неправоты обоихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уравнивали свои отношенія къ обоимъ, считая себя вправѣ переходить отъ одного къ другому. При этомъ вспомнимъ, что такихъ не могло быть мало; это были, бо́льшею частію, граждане спокойные, которые хотя не любили Шуйскаго, однако никогда не завели бы противъ него смуты; но когда другіе поднялись противъ него, то они вовсе не хотѣли служить ему до послѣдней крайности. Когда историкъ встрѣчаетъ такія страшныя,

смутныя времена въ жизни народовъ, то его обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ слѣдить внимательно за развитіемъ общественнаго зла, общественной болѣзни, — слѣдить, какъ эта болѣзнь различно дѣйствовала на различные органы общественнаго тѣла, на различныя части народонаселенія, наконецъ даже, какъ она могла дѣйствовать на различные характеры людей.

Шуйскій простилъ прежде Ляпунова, Пашкова, Сунбулова, хотя всѣ эти люди были предъ нимъ гораздо виновнѣе, чѣмъ Болотниковъ, ибо тѣ объявили себя прямо противъ него, стали подъ знамя Самозванца не для Самозванца, а съ единственною цѣлію свергнуть Шуйскаго, тогда-какъ Болотниковъ не имѣлъ ничего противъ последняго, служилъ Самозванцу, потому-что поклялся сперва служить ему, потому-что считалъ эту службу для себя выгодною; теперь, покинутый Самозванцемъ, онъ хочетъ служить такъ же ревностно Шуйскому, и не было причинъ думать, чтобъ онъ нарушилъ свою клятву. Но если Шуйскій могъ пощадить Болотникова, какъ Шуйскій, то онъ не могъ пощадить его какъ государь; потому-что Болотниковъ, сражаясь за Самозванца, сражался вмѣстѣ противъ государства, былъ въ главѣ отверженниковъ общества, стремился измѣнить существующій порядокъ вещей; возмутитель черни не могъ быть слугою царя. Шуйскій не долженъ былъ принимать въ службу Болотникова, Дума не могла ему этого позволить; Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили; Шаховскому, *всей крови заводчику*, по выраженію лѣтописцевъ, оставили жизнь, сославъ на Кубенское озеро, въ пустынь; Лжепетра повѣсили; объ участи Телятевскаго мало извѣстно (¹).

(¹) Извѣстія объ этихъ событіяхъ содержатъ противорѣчіе и недомолвки. Лѣтописецъ русскій не говоритъ объ обѣщаніи помилованія, данномъ Болотникову, Илейкѣ, Шаховскому и Телятевскому. Авторъ Московской хроники говоритъ объ обѣщаніи, данномъ Болотникову и Илейкѣ; Шаховской же не участвовалъ въ переговорахъ, потому-что былъ посаженъ подъ стражу осажденными, которые сердились на него за обманъ. Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ числѣ ихъ и Шаховского, который увѣрилъ царя, что народъ озлобился на него за намѣреніе покориться государю. Но если Болотникову дано было обѣщаніе помилованія, то зачѣмъ ему было въ другой разъ обращать къ Шуйскому рѣчь съ предположеніями: если ты хочешь головы моей, если ты захочешь меня простить?... Съ другой стороны, тайная казнь Болотникова какъ бы указываетъ на обѣщаніе. Но если принять вѣрность показанія автора Московской хроники относительно Болотникова, то надобно принять вѣрность его и относительно Илейки, а именно, что и послѣднему дано обѣщаніе помилованія. Что же касается до Телятевскаго, то о немъ всеобщее молчаніе. Карамзинъ говоритъ: «А князя Телятевскаго, знатнѣйшаго и тѣмъ виновнѣйшаго измѣнника, изъ уваженія къ его именитымъ родственникамъ, не лишили ни свободы, ни боярства, къ посрамленію сего вельможнаго достоинства и къ соблазну государ-

Лжедимитрій, узнавъ о сдачѣ Тулы, поспѣшно отступилъ назадъ. Теперь Шуйскому надлежало бы воспользоваться своимъ успѣхомъ и, не ослабляя напряженныхъ усилій государства, двинуться на Самозванца и его истребленіемъ упрочить себя на престолѣ. Но Василій боялся лично предводительствовать войскомъ въ землѣ сѣверской, гнѣздѣ мятежа, гдѣ все пылало къ нему ненавистію, гдѣ царское войско, какъ бы оно ни было многочисленно, могло быть окружено и раздавлено возставшимъ народонаселеніемъ; Шуйскій могъ бы еще отважиться войти въ сѣверскую страну, еслибъ твердо былъ увѣренъ въ собственной рати, но онъ не имѣлъ этой увѣренности; вотъ почему, по взятіи Тулы, царь спѣшилъ возвратиться въ Москву, куда имѣлъ торжественный въѣздъ, какъ-будто послѣ завоеванія царства; собственно говоря, подвигъ Шуйскаго былъ важнѣе завоеванія многихъ царствъ, ибо пораженіе шаекъ Болотникова было пораженіемъ противообщественнаго элемента; но этотъ подвигъ не былъ оконченъ, и потому былъ безполезенъ,—былъ безполезенъ еще потому, что въ особѣ Шуйскаго, въ его отношеніяхъ къ подданнымъ не лежало ручательство въ томъ, что противообщественному элементу не будетъ болѣе возможности къ возстанію. Другая причина недѣятельности царя Василія послѣ тульскаго взятія заключалась въ несуществованіи постояннаго войска: помѣщики, утомленные пятнадцати-недѣльною осадою Тулы, хотѣли отдыха; опасно было раздражать въ то время ратныхъ людей; вотъ почему, когда узнали объ отступленіи Самозванца, то распустили войско до перваго зимняго пути. Но къ этому распоряженію, по обстоятельствамъ извинительному, присоединено было другое, котораго ничѣмъ оправдать нельзя: сѣверская страна и такъ была озлоблена на Шуйскаго; Шуйскій хотѣлъ ее озлобить еще болѣе, хотѣлъ показать ея жителямъ, что имъ нечего ожидать отъ него, кромѣ мести, что ихъ спасеніе только въ самозванцахъ: царь велѣлъ татарамъ и черемисамъ «украинные и сѣверскихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ людей воевать и въ полонъ имать и животы ихъ грабить за ихъ измѣну и воровство [1]. Украйна одушевилась новою злобою, новымъ мужествомъ, ибо теперь вопросъ — гдѣ же Димитрій? не отнималъ болѣе духа у ея жителей: одинъ изъ нихъ, какой-то сынъ боярскій,

---

ственному: слабость безстыдная, вреднѣйшая жестокости!!! При этомъ исторіографъ ссылается на списокъ бояръ въ Древн. Рос. Вивліоѳ. XX, 86, гдѣ говорится, что Телятевскій умеръ въ боярскомъ санѣ въ 1612 году. Но смерть Телятевскаго въ 1612 году, въ боярскомъ санѣ, вовсе не исключаетъ еще того что онъ могъ быть наказанъ при Шуйскомъ и получить прежнее значеніе по сверженіи послѣдняго.

[1] Карамз. XII, примѣч. 158.

явился къ царю Василію, когда еще тотъ стоялъ подъ Тулою, и прямо сказалъ ему, что онъ царь незаконный. Шуйскій велѣлъ пытать его, жечь огнемъ; въ страшной пыткѣ, онъ до самой смерти повторялъ однѣ и тѣже рѣчи: «Такъево окаянную душу ожесточилъ дьяволъ, что за такова вора умре», говоритъ лѣтописецъ (1).

Но кромѣ того, войско Лжедимитрія умножалось новыми толпами чужеземныхъ бездомовниковъ, отверженниковъ общества: къ нему явился изъ Польши бѣжавшій отъ плахи полковникъ Лисовскій, съ отчаянною дружиною. Между тѣмъ самозванство понравилось казакамъ, какъ самое лучшее средство опустошать государство подъ законнымъ предлогомъ: въ старой Руси было время, когда множество князей которовались за старшинство и каждый нуждался въ храброй дружинѣ, и каждый дружинникъ имѣлъ право переходить отъ одного князя къ другому; теперь это время миновалось, князья-соперники исчезли, — и вотъ является толпа самозванцевъ въ тѣхъ же краяхъ, откуда и прежде стремились на Русь обдѣленные внуки Ярослава. Въ Астрахани объявился царевичъ Августъ, князь Иванъ, сказался сыномъ Грознаго отъ Колтовской; тамъ же, въ Астрахани, объявился царевичъ Лаврентій, сказался внукомъ Грознаго отъ царевича Ивана; въ степныхъ юртахъ объявились: царевичъ Ѳедоръ, царевичъ Клементій, царевичъ Савелій, царевичъ Семенъ, царевичъ Василій, царевичъ Ерошка, царевичъ Гаврилка, царевичъ Мартынка (2)—все сыновья послѣдняго Рюриковича, все племянники Димитрія, который, будучи ободренъ Лисовскимъ, началъ наступательныя движенія, и осадилъ Брянскъ; но этотъ городъ былъ геройски оборопенъ двумя воеводами, князьями Литвинымъ-Мосальскимъ и Куракинымъ (3), когда глубокіе снѣга и жестокіе морозы остановили важныя военныя дѣйствія.

Какъ же воспользовался этимъ временемъ Шуйскій? Несмотря на преклонную старость, онъ женился на Маріи, дочери князя Буйносова-Ростовскаго. Люди, нерасположенные къ царю (а такихъ было много), не замедлили приписать этому безвременному браку пагубныя слѣдствія, именно небреженіе царя о дѣлахъ, вслѣдствіе чего войско разошлось отъ воеводъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, бракъ царя могъ заслужить порицанія даже со стороны людей приверженныхъ къ нему: если даже онъ надѣялся имѣть наслѣдника, то не могъ надѣяться возростить его при себѣ, и какимъ бѣдствіямъ предавалъ онъ государство при царѣ-младенцѣ? Лѣтописецъ, не умѣя объяснить себѣ причины такого страннаго поступка, такъ толкуетъ его:

(1) Никонов. VIII, стр. 90.
(2) Истор. смут. врем., Д. Бутурлина, II, стр. 103, прим. № VII.
(3) Лѣт. о мн. мят. стр. 125 и слѣд.

И видѣ дьяволъ, яко не premоже одолѣти христіанству, раз-
:е царя» и проч. А Самозванецъ между тѣмъ усиливался все
олѣе и болѣе: 19 пановъ польскихъ явились къ нему на-по-
ощь съ дружинами; всѣхъ знатнѣе изъ нихъ былъ князь Ро-
:инскій, который и былъ объявленъ гетманомъ. Военныя дѣйствія
ачались. Главными воеводами московской рати были: царскій братъ
имитрій Шуйскій, не отличавшійся воинскими способностями, и
иязь Василій Голицынъ, извѣстный соперникъ царя — плохое пред-
знаменованіе для успѣха! Въ первомъ же дѣлѣ, между Орломъ и
олховомъ (1), Голицынъ замѣшался и обратилъ тылъ: тщетно
иязь Куракинъ съ сторожевымъ полкомъ старался поддержать вой-
ко; Шуйскій велѣлъ отступить и отнялъ этимъ духъ у воиновъ, ко-
орые не выдержали натиска поляковъ и обратили отступленіе въ
ѣгство. Послѣ этого успѣха Самозванецъ и Лисовскій пошли далѣе,
рнближаясь къ столицѣ, и вездѣ находили союзниковъ: они нахо-
или ихъ въ черни, объявивъ крестьянамъ, что они вольны захва-
ывать земли господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны даже
сениться на дочеряхъ господскихъ (2). Лжедимитрій находилъ союз-
иковъ и среди людей, окружавшихъ престолъ царя Василія: въ то
ремя, когда царское войско, подъ начальствомъ Скопина и Ивана
Никитича Романова, стояло на берегахъ Незнани, готовясь встрѣтить
Самозванца, трое князей — Катыревъ, Троекуровъ и Трубецкой, ста-
и подговаривать воиновъ къ измѣнѣ; эти подговоры были во-время
ткрыты, измѣнниковъ схватили и отправили въ заточеніе по даль-
имъ областямъ, но двоихъ соумышленниковъ ихъ, не носившихъ
няжескаго титула, не имѣвшихъ друзей въ Думѣ, казнили смер-
ію (3). Самозванецъ подошелъ къ столицѣ и расположился въ селѣ
Тушинѣ; однако попытки его овладѣть Москвою остались тщетны:
на была наполнена ратными людьми, помѣщиками, дворянами и
дѣтьми боярскими, изъ которыхъ многіе бѣжали съ юга отъ возму-
тившихся крестьянъ и тѣмъ сильнѣе стояли за Шуйскаго.

Между тѣмъ, послѣдній хотѣлъ примиреніемъ съ Польшею от-
лечь отъ Самозванца сильныхъ и надежныхъ союзниковъ, но вмѣ-
то того увеличилъ средства Лжедимитрія, къ общему, къ бóльшему
прельщенію народа, давши возможность Маринѣ явиться въ Тушинѣ
: признать второго Лжедимитрія за перваго. Мы не упомянули о
Мнишкахъ и другихъ полякахъ, пріѣхавшихъ на сватьбу Лжедими-
трія и бывшихъ свидѣтелями его смерти. Тотчасъ по утишеніи мя-
тежа, Шуйскій принялъ мѣры для охраненія жизни поляковъ:

(1) Лѣт. о мн. мят., стр. 128.
(2) Авторъ москов. хрон. стр. 135.
(3) Лѣт. о мн. мят. стр. 130, 131.

Марину отпустили въ домъ къ отцу ея; последнему сделанъ былъ допросъ о появленіи Самозванца въ Польшѣ и о связяхъ съ нимъ его, воеводы (1). О появленіи Самозванца въ Польшѣ Мнишекъ отвѣчалъ уже всѣмъ извѣстное; касательно же связи своей съ нимъ объявилъ, что онъ призналъ его за настоящаго Димитрія, провожалъ и помогалъ, потому-что все Московское государство признало его такимъ, встрѣтило и помогло сѣсть на престолъ. — Послѣ этого простыхъ воиновъ польскихъ отправили за границу, отобравъ у нихъ только оружіе и лошадей, но знатныхъ поляковъ, равно какъ пословъ польскихъ, оставили въ Москвѣ, какъ важныхъ заложниковъ, на вымѣнъ которыхъ можно было купить у Польши выгодный миръ, а въ мирѣ сильно нуждались. Послы были призваны во дворецъ, гдѣ бояре въ длинной рѣчи хотѣли оправдаться въ убійствѣ поляковъ, сложивъ всю вину на нихъ самихъ (2). Гонсѣвскому, какъ прежде Мнишку, легко было отвѣчать на это обвиненіе: онъ показалъ, что король никогда не думалъ вооружаться за Димитрія, но предоставилъ все дѣло суду Божію; что если бы пограничные города не признали его сыномъ Грознаго, то поляки никогда не стали бы провожать его далѣе: такъ, когда Димитрій встрѣтилъ первое сопротивленіе подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, и въ тоже время Борисъ написалъ королю о самозванствѣ Димитрія и напомнилъ о мирномъ договорѣ, недавно между Москвою и Польшею заключенномъ, то король немедленно отозвалъ всѣхъ поляковъ отъ Димитрія. По смерти Годунова король ожидалъ, что москвитяне, пользуясь свободою, доставятъ ему своимъ рѣшеніемъ достовѣрное свѣдѣніе объ истинѣ: и вотъ все войско, всѣ знатнѣйшіе воеводы передались царевичу, бояре, остававшіеся въ Москвѣ, Мстиславскій и Шуйскій, выѣхали къ нему на-встрѣчу за 30 миль отъ Москвы. Потомъ послы московскіе и бояре не переставали говорить, что не поляки посадили Димитрія на престолъ, но сами русскіе приняли его добровольно.... Гонсѣвскій заключилъ свою рѣчь такъ: «Теперь, убивъ Димитрія, вдругъ, вопреки вашимъ рѣчамъ и клятвамъ, сами себѣ противорѣчите и несправедливо обвиняете короля. Все остается на вашей отвѣтственности. Мы не станемъ возражать противъ его убійства, потому-что намъ нечего жалѣть о немъ. Вы сами видѣли, какъ онъ принялъ меня, какія объявилъ нелѣпыя требованія, какъ оскорбилъ короля. Мы только тому не можемъ надивиться, какъ вы, думные бояре, люди, какъ полагаемъ, разумные, позволяете себѣ противорѣчія и понапрасну упрекаете короля, не соображая того, что человѣкъ, называвшійся истиннымъ

(1) Собр. гос. гр. и д. т. II, № 139.
(2) Histor. Russ. Monum. II, № LXXVII и № CI.

имитріемъ, былъ природный москвитянинъ, и что не наши о немъ идѣтельствовали, а ваши, москали, встрѣчая его на границѣ и хлѣмъ и солью; Москва сдавала города, Москва ввела его въ столицу, исягнула ему на подданство и короновала его своимъ государемъ. дним словомъ, Москва начала, Москва и кончила, и вы не правѣ упрекать въ томъ никого другого. Мы жалѣемъ только о томъ, о побито такъ много знатныхъ людей королевскихъ, которые съ ми не ссорились за того человѣка, жизнь его не охраняли, объ бійствѣ не вѣдали и спокойно оставались на квартирахъ своихъ, одъ покровительствомъ договоровъ». Въ заключеніе Гонсѣвій совѣтовалъ боярамъ, для собственной ихъ пользы и спокойствія, отпустить Мнишка и другихъ поляковъ при нихъ, поахъ, въ отечество, обѣщая въ такомъ случаѣ стараться о одолженіи мира. Смѣлыя слова Гонсѣвскаго смутили бояръ: ни молчали, поглядывая другъ на друга; но между ними находился звѣстный намъ окольничій Татищевъ, который вызвался отвѣчать онсѣвскому. Повторивъ прежніе упреки, Татищевъ прибавилъ, что ольша находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, угрожаемая атарами, шведами и мятежнымъ сеймомъ; хотѣлось испугать Гонѣвскаго, показавъ ему, что Польша не въ состояніи бороться съ осквою. Но Гонсѣвскій отвѣчалъ, что все сказанное Татищевымъ ть чистая выдумка, что непріятель никогда не заходилъ такъ дако въ глубь Польши, какъ заходилъ въ глубь Московскаго государства, и что русскимъ не слѣдуетъ стращать поляковъ. Наконецъ яре согласились, что въ дѣлѣ Лжедимитрія никто не виноватъ: все сдѣлалось по грѣхамъ нашимъ», сказали они. «Этотъ воръ манулъ и васъ и насъ».

Послѣ этого послы думали, что ихъ скоро отпустятъ въ Польу, но увидали противное. Тщетно Гонсѣвскій писалъ къ боярамъ ъ исходатайствованіи у государя немедленнаго имъ отпуска, угрозя, что въ противномъ случаѣ король и республика могутъ заклють объ убійствѣ пословъ и потому начать войну. Если царь отавитъ безъ нихъ гонца или пословъ въ Польшу, то они не ручася за ихъ безопасность: братья убитыхъ въ Москвѣ поляковъ омстятъ за своихъ. Съ отвѣтомъ пріѣхалъ къ посламъ тотъ же тищевъ; онъ говорилъ прежнія рѣчи и показывалъ, какъ новое виненіе, запись Самозванца Маринѣ, письмо короля, въ которомъ тъ хвалилъ, что посредствомъ поляковъ своихъ посадилъ Димитя на престолѣ, такъ же письмо легата и кардинала Малагриды о введеніи латинства въ Московское государство. При этомъ Татищевъ бъявилъ, что послѣ такихъ замысловъ невозможно отпустить половъ и другихъ поляковъ до тѣхъ поръ, пока московскіе послы не

возвратятся изъ Польши съ удовлетворительными объясненіями. Гонсѣвскій отвѣчалъ на первое обвиненіе касательно записи Маринѣ прямо, что воевода, убѣжденный свидѣтельствомъ всего Московскаго государства, рѣшился выдать дочь свою за Димитрія; согласившись же на бракъ, онъ долженъ былъ устроить какъ можно выгоднѣе судьбу своей дочери, почему вовсе неудивительно, что вытребовалъ у царевича эти условія, исполненіе которыхъ одвако зависѣло отъ москвитянъ. Когда воевода пріѣхалъ въ Москву, тогда покойный царь совѣтовался со всѣми думными боярами, какое содержаніе назначить Маринѣ, на случай ея вдовства, и сами бояре дали ей больше, чѣмъ Новгородъ и Псковъ, потому-что согласились признать ее за наслѣдственную государыню Московскаго государства и еще до коронаціи присягнули ей на подданническую вѣрность. Но трудно было Гонсѣвскому отвѣчать на обвиненіе касательно стараній римскаго духовенства распространить католицизмъ въ Московскомъ государствѣ. Неловко и сбивчиво посолъ терся на правѣ поляковъ и литовцевъ, служившихъ въ Россіи, покупать въ ней имущества, имѣть свои церкви и совершать въ нихъ богослуженіе по своему обряду: не объ этомъ правѣ говорилось въ письмахъ римскаго духовенства. Всего легче было отвѣчать на обвиненіе касательно писемъ королевскихъ: «вы сами — сказалъ Гонсѣвскій — черезъ пословъ своихъ, приписали эту честь королю и за то благодарили его.» Наконецъ посламъ, призваннымъ въ Думу, рѣшительно объявили, что царь не отпуститъ ихъ до возвращенія своихъ пословъ изъ Польши. Туда отправлены были князь Волконскій и дьякъ Ивановъ. Нескоро дали имъ позволеніе выѣхать изъ Смоленска за-границу (¹); на дорогѣ въ областяхъ польскихъ наносили имъ всякаго рода оскорбленія, называли измѣнниками, кидали въ нихъ камнями и грязью. Волконскій подалъ Сигизмунду письменное объясненіе (²), въ которомъ раскрыто было происхожденіе Самозванца, его похожденія. какъ онъ съ польскими и литовскими людьми пришелъ на Московское государство, какъ онъ потомъ призвалъ въ Москву воеводу Сендомирскаго съ его пріятелями, и какъ тотъ воевода съ своими пріятелями церкви Божіи и св. иконы обругалъ, и Московскаго государства людямъ польскіе и литовскіе люди многое насильство и кровопролитіе учинили, и великихъ людей женъ безчестили, изъ возковъ вырывали, и такое насильство чинили, какъ николи на Москвѣ не бывало. Потомъ въ объясненіи упомянуто о появленіи въ Польшѣ новаго Сигизмунда, о которомъ сказано, что то извѣстный Михайло Молчановъ: «былъ у того вора разстриги въ хоромахъ ближ

(¹) Акты истор. II, № 65.

(²) *Собр.* гос. гр. и доп. II, № 152.

чернокнижества, а до того онъ за воровство и чернокнижество битъ кнутомъ на пятки. И тотъ воръ не тѣмъ обличьемъ, прежній воръ разстрига былъ обличьемъ: бѣлъ, волосомъ русъ, носъ широкъ, бородавка подлѣ носа, уса и бороды не было, шея коротка; а Молчановъ обличьемъ: смуглъ, волосомъ черкъ, носъ покляпъ, усъ не малъ, брови велики нависли и проч.» Волконскій требовалъ удовлетворенія за кровопролитіе и расхищеніе царской казны, причиненныхъ появленіемъ подосланнаго отъ Польши Лжедимитрія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что царь не хочетъ нарушать мира съ Польшею. Сенаторы отвѣчали, что Лжедимитрія подослали не поляки, а сами русскіе приняли, и что не царь, а король имѣетъ право требовать удовлетворенія за бѣдствія и убытки, претерпѣнные его подданными во время лжедимитріева убійства. Переговоры кончились тѣмъ, что король обѣщалъ въ скоромъ времени отправить своего посланника въ Москву; обѣщаніе было исполнено. Новые польскіе послы Витовскій и князь Друцкой-Соколинскій, поздравивъ царя съ восшествіемъ на престолъ, требовали отпуска прежнихъ пословъ и всѣхъ другихъ задержанныхъ поляковъ, равно какъ вознагражденія за убытки, ими понесенные; наконецъ согласились заключить перемиріе на три года и одинадцать мѣсяцовъ, при чемъ оба государства остаются въ прежнихъ границахъ; Россія и Польша не должны помогать врагамъ другъ друга; царь обязывается отпустить въ отечество воеводу Сендомирскаго съ дочерью и сыномъ, равно всѣхъ задержанныхъ поляковъ; король обязывается тѣмъ же самымъ относительно русскихъ, задержанныхъ въ Польшѣ; король и республика должны отозвать всѣхъ поляковъ, поддерживающихъ Самозванца, и впередъ никакимъ самозванцамъ не вѣрить и за нихъ не вступаться; наконецъ Юрью Мнишку не признавать зятемъ Тушинскаго вора, дочь свою за него не выдавать, а Маринѣ не называться московскою государынею. Вмѣстѣ съ этимъ послы дали особую запись, въ которой обязывались писать къ тушинскимъ полякамъ съ увѣщаніемъ оставить Самозванца; на возвратномъ пути отсылать обратно въ свою землю польскихъ воиновъ, которые имъ встрѣтятся, и разослать во всѣ пограничные города объявленія, чтобъ никто не смѣлъ итти на войну въ Московское государство, что послы прямо поѣдутъ въ Польшу, избѣгая всякихъ сношеній и свиданій съ ляхами тушинскими.

Царь въ точности исполнилъ договоръ; но поляки нарушили его самымъ дерзкимъ образомъ. Никто изъ нихъ не думалъ оставить тушинскій лагерь; напротивъ, новыя дружины приходили туда изъ королевскихъ областей. Такъ явился на помощь Лжедимитрію Янъ Сапѣга, староста усвятскій, котораго имя вмѣстѣ съ именемъ Лисов-

скаго получило такую черную знаменитость въ нашей исторіи. Вопреки королевскимъ листамъ, разосланнымъ во всѣ пограничные города, и особенно къ Яну Сапѣгѣ, послѣдній выступилъ за рубежъ ([1]).

Мстиславскій воевода Андрей Сапѣга чистосердечно признался смоленскому намѣстнику Шеину, что польскому правительству нѣтъ никакой возможности удерживать своихъ подданныхъ отъ перехода за-границу ([2]): «Я тебѣ настоящую и правдивую рѣчь пишу, что все то дѣется противъ воли и заказу его королевской милости; во всемъ свѣтѣ за грѣхи людскіе такое своевольство встало, что и усмирить трудно; не таю отъ васъ и того, что многіе люди, подданные его королевской милости, и противъ самого государя встали и упорно сопротивляться осмѣлились, но Богъ милостивъ, государю нашему на нихъ помогъ, и они, убѣгая отъ королевскаго войска, идутъ, своею волею, въ чужія государства, противъ заказа его королевской милости.»

Узнавъ о движеніяхъ Сапѣги, Самозванецъ послалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ его не грабить на дорогѣ жителей, присягнувшихъ ему, Димитрію; письмо заключается словами: «А как придешь къ нашему царскому величеству и наши царскія пресвѣтлыя очи увидишь, и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, тѣмъ, чего у тебя и на разумѣ нѣтъ ([3]). Послѣ такихъ обѣщаній можно ли было удержать польскую сволочь отъ похода въ Тушино? Однако договоръ, заключенный польскими послами въ Москвѣ, безпокоилъ Самозванца: ему непремѣнно нужно было достать въ свои руки Марину и пословъ. Вотъ почему онъ разослалъ въ присягнувшіе ему пограничные города приказъ: «Литовскихъ пословъ и литовскихъ людей перенять и въ Литву не пропускать; а гдѣ ихъ поймаютъ, тутъ для нихъ тюрьмы поставить, да посажать ихъ въ тюрьмы» ([4]). Этотъ приказъ былъ отправленъ когда еще онъ не зналъ о согласіи Мнишковъ и пословъ нарушить договоръ; узнавши объ этомъ согласіи, онъ отправилъ полковниковъ Зборовскаго и Стадницкаго съ 2000 конныхъ поляковъ перехватить пословъ и Мнишковъ; отрядъ этотъ настигъ ихъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ и легко могъ разсѣять русскихъ провожатыхъ, потому-что бóльшая часть дѣтей боярскихъ разъѣхались по своимъ помѣстьямъ. Мнишки и послы знали, что за ними посланъ отрядъ изъ Тушина, и потому нарочно, противъ воли приставовъ, стояли два дня на одной

([1]) Акты истор. т. II, № 92, 95.
([2]) Тамъ же № 95.
([3]) Тамъ же № 89.
([4]) Тамъ же № 90.

станціи. Однако Марина не хотѣла прямо ѣхать къ Самозванцу въ Тушино: ей нужно было время, чтобъ отдохнуть и приготовиться къ новой тяжкой роли; при томъ и она и отецъ ея не хотѣли прямо и безусловно отдаться въ руки Самозванцу; вотъ почему они пріѣхали прежде въ станъ Сапѣги, откуда уже вели переговоры съ Самозванцемъ, которые продолжались около двухъ недѣль. Между письмами Самозванца къ Мнишку для насъ замѣчательно одно, въ которомъ онъ объявляетъ желаніе, чтобъ Марина, находясь въ Звенигородѣ, присутствовала въ тамошнемъ монастырѣ при торжествѣ положенія мощей святого, «отъ чего — прибавляетъ Лжедимитрій — въ Москвѣ можетъ возбудится къ намъ большое уваженіе, ибо вамъ извѣстно, что прежде противное поведеніе возбудило къ намъ ненависть народа, и было причиною того, что мы лишились престола» ([1]).

Мнишекъ только тогда рѣшился назваться тестемъ второго Самозванца, когда тотъ далъ ему запись, что тотчасъ по овладѣніи Москвою выдастъ ему 300,000 рублей (1,000,000 нынѣшнихъ серебряныхъ) и отдастъ во владѣніе Сѣверское княжество съ 14 городами. Олесницкій такъ же выторговалъ себѣ награду за клятвопреступленіе, именно жалованную грамоту на городъ Бѣлый. Первое тайное свиданіе Марины съ воскресшимъ супругомъ происходило въ станѣ Сапѣги 5 сентября; тутъ же послѣдовало и тайное бракосочетаніе ихъ, совершенное духовникомъ ея іезуитомъ, который, разумѣется, успѣлъ убѣдить ее въ томъ, что все позволено для блага римской церкви. Послѣдняя не теряла еще совершенно надежды на воскресеніе Димитрія, какъ видно изъ писемъ кардинала Боргезе къ папскому нунцію въ Польшѣ ([2]). Сначала онъ пишетъ: «Мнѣ кажется мало вѣроятнымъ, чтобъ Димитрій былъ живъ и спасся бѣгствомъ изъ своего государства, ибо, въ такомъ случаѣ, онъ не явился бы такъ поздно въ Самборѣ, гдѣ, какъ говорятъ, онъ теперь.» Потомъ пишетъ: «Если только онъ живъ, то еще можно уладить всѣ дѣла; мы отправимъ письма и сдѣлаемъ все возможное, чтобъ примирить его съ польскимъ королемъ.» Далѣе извѣщаетъ: «Начинаемъ вѣрить, что Димитрій живъ; но такъ-какъ онъ окруженъ еретиками, то нѣтъ надежды, чтобъ онъ продолжалъ оставаться при прежнемъ намѣреніи; король польскій благоразумно отвѣчаетъ, что нельзя полагаться на него во второй разъ. Бѣдствія должны были бы подвигнуть его къ оказанію знаковъ истиннаго благочестія; но дружба съ еретиками обнаруживаетъ, что у него нѣтъ этого чувства. Въ инструкціи, написанной кардиналомъ Боргезе новому нунцію Симонетта, читаемъ: «о дѣлахъ московскихъ теперь нечего много гово-

([1]) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 163.
([2]) Histor. Russiae Monum. II, № LXXVIII и слѣд. до LXXXII.

рить, потому-что надежда обратить это великое княжество къ престолу апостольскому исчезла со смертію Димитрія, хотя и говорятъ теперь, что онъ живъ. И такъ мнѣ остается сказать вамъ только то, что когда введется реформа въ орденъ монашескій св. Василія между греками, то можно будетъ современемъ воспитать много добрыхъ растеній, которыя, посредствомъ сношеній своихъ съ Московіею, могутъ сообщить свѣтъ истинной вѣры ея народу.» Несмотря и то, въ Римѣ все еще не переставали колебаться между отчаяніемъ и надеждою и принимать участіе въ дѣлахъ Самозванца. Такъ въ началѣ 1607 года Боргезе писалъ, что если Петръ Ѳедоровичъ будетъ признанъ законнымъ наслѣдникомъ, то Димитрію не остается надежды поправить свои дѣла. Въ ноябрѣ 1607 года надежда воскресла; Боргезе пишетъ: «Сыновья сендомирскаго палатина, которые находятся здѣсь въ Римѣ, сообщили его святѣйшеству достовѣрное извѣстіе, что Димитрій живъ, и что объ этомъ пишетъ къ нимъ ихъ мать. Горимъ желаніемъ свѣдать истину.» Потомъ въ августѣ 1608 года пишетъ: «Димитрій живъ и здѣсь въ мнѣніи многихъ; и самые невѣрующіе теперь не противорѣчатъ рѣшительно, какъ дѣлали прежде. Жаждемъ удостовѣриться въ его жизни и въ его побѣдахъ.» Въ томъ же мѣсяцѣ кардиналъ пишетъ: «Если справедливо извѣстіе о побѣдѣ Димитрія, то необходимо должно быть справедливо и то, что онъ настоящій Димитрій. Но скоро участіе къ Лжедимитрію охладѣло въ Римѣ, когда тамъ узнали, что для введенія католицизма въ Россіи открылся вѣрнѣйшій способъ, что Москва готова поддаться государю, который уже не обманетъ папу ложными обѣщаніями: этотъ государь былъ Сигизмундъ III.

Шуйскій однако не думалъ уступить ни Самозванцу, ни Сигизмунду. Видя шаткость, колебаніе русскихъ, видя, что только одинъ успѣхъ военный можетъ поддержать вѣрность большинства, равнодушнаго къ обѣимъ сторонамъ, Шуйскій хотѣлъ пріобрѣсть этотъ успѣхъ помощію чуждою. Если Лжедимитрій находилъ помощь въ Польшѣ, то Шуйскій долженъ былъ искать ее въ Швеціи, ибо Карлъ IX былъ естественнымъ союзникомъ врага сигизмундова. Еще прежде Карлъ предлагалъ вспомогательное войско Шуйскому, но тогда послѣдній, обнадеженный взятіемъ Тулы, не принялъ предложенія: онъ зналъ, что помощь шведовъ не могла быть безкорыстною, что въ награду за нее необходимо было поступиться русскими волостями; но Шуйскій долженъ былъ понимать, какое впечатлѣніе должна была подобная уступка произвести на русскихъ, которые и безъ того уже смотрѣли на него, какъ на правителя несчастнаго, неугоднаго Богу, возведеннаго своими клевретами на престолъ только для бѣдствія отечества; притомъ до сихъ поръ Шуйскій, истреби-

тель Самозванца, угодника ляховъ, могъ хвалиться славою патріотическаго подвига; и теперь еще онъ имѣлъ выгоду ратовать противъ Самозванца, какъ вождя ненавистныхъ польскихъ и литовскихъ людей; но что́, если самъ Шуйскій призоветъ на помощь шведовъ — безбожныхъ луторовъ? какая разница будетъ между нимъ и Самозванцемъ въ этомъ отношеніи? — Но такъ могъ разсуждать Шуйскій, когда еще Самозванецъ не былъ подъ Москвою; теперь же, видя передъ собою полки Тушинскаго вора и колебаніе москвитянъ, онъ не хотѣлъ болѣе обращать вниманія на полки людей, которые и безъ шведовъ нашли бы средство оправдать свою измѣну, ибо усердно искали его. Шуйскій отправилъ племянника своего Скопина въ Новгородъ, чтобъ оттуда договариваться съ шведами о помощи; въ Новгородѣ приняли Скопина съ честію: издавна новгородцы отличались привязанностію къ Шуйскимъ, издавна привыкли стоять за нихъ всѣмъ городомъ. Но во Псковѣ дѣла шли иначе.

Несмотря на погромъ, бывшій надъ Псковомъ при великомъ князѣ Василіи, этотъ городъ помнилъ еще прежній бытъ, сохранилъ еще остатки его. Татищевъ говоритъ:» (¹). «Псковичи вольности ихъ до временъ нашихъ сохраняли; я помню 1699 ихъ Го́ловы или бурмистры судили гражданъ и наказывали; токмо для пытки и смертной казни отсылали къ воеводамъ. Въ гарнизонѣ хотя два полка стрѣльцовъ было, но и граждане имѣли два полка, и съ оными нынѣшнюю крѣпость содержали, полковниковъ и прочихъ къ онымъ сами опредѣляли.» — Если такъ было въ концѣ XVII вѣка, то въ началѣ его, разумѣется, слѣды старины были еще явственнѣе, тѣмъ болѣе, что страшная месть Грознаго не коснулась Пскова. Какъ остатокъ старины, сохранялась во Псковѣ вражда двухъ сторонъ, такъ называемыхъ лучшихъ и меньшихъ людей, вражда, постоянная въ городахъ вольныхъ и погубившая Новгородъ. Но теперь обѣ части народонаселенія не смѣли явно возставать другъ на друга, ибо вѣча болѣе не было; теперь онѣ старались вредить другъ другу средствами тайными, черезъ царскихъ московскихъ намѣстниковъ. Къ несчастію для Шуйскаго, въ это время былъ намѣстникомъ во Псковѣ Петръ Шереметевъ, сосланный за крамолу изъ Москвы: Шереметевъ вмѣсто того, чтобъ сдерживать смуту, пользовался ею только для своихъ корыстныхъ цѣлей. Въ описываемое время богатѣйшая часть народонаселенія — «гости, славные мужи, велики мнящіеся предъ Богомъ и человѣки, богатствомъ кипящіе,» по выраженію лѣтописца (²), нашли случай изгубить предводителей противной стороны, «которые люди въ правдѣ противъ ней говорили о градскомъ

(¹) Кн. III, примѣч. 628.

(²) Псков. лѣтоп. изд. Погод. стр. 217 и слѣд.

житіи и строеніи, и за бѣдныхъ сиротъ.» Шуйскій прислалъ во Псковъ просить у гражданъ денежнаго вспоможенія. Гости и вообще богатые люди собрали 900 рублей со всего Пскова съ большихъ и съ меньшихъ и со вдовицъ по раскладу и послали съ этими деньгами въ Москву, не по выбору, начальниковъ противной стороны — Самсона Тифинца, Θедора Умойся-Грязью, Ерему Сыромятника, Овсея Ржову, Илюшку мясника, и отписали отписку къ Шуйскому: «Мы тебѣ гости псковскіе радѣемъ, а эти пять человѣкъ тебѣ государю добра не хотятъ, и мелкіи люди казны тебѣ недали.» Тогда же именитый гость Григорій Щукинъ хвалился: «которые де поѣхали съ казною, и тѣмъ Живоначальныя Троицы верха не видать и во Псковѣ не бывать.» — Въ-самомъ-дѣлѣ, уже въ Новгородѣ, вслѣдствіе упомянутой отписки, посадили въ тюрьму четверыхъ изъ означенныхъ псковитянъ и держали до самого того времени, какъ узнали, что дорога стала безопасна отъ воровскихъ людей, и ихъ можно стало отправить въ Москву. Оставался на волѣ одинъ только Ерема Сыромятникъ, потому-что его имя въ отпискѣ пропустили: хотѣлъ ему добра воевода Петръ Шереметевъ, за то, что Ерема на него много всякаго рукодѣлья дѣлалъ даромъ.

Когда означенные псковичи пріѣхали въ Москву, то ихъ, по наговорной отписи, вывели казнить смертію. Къ счастію ихъ, въ то время находился въ Москвѣ отрядъ псковскихъ стрѣльцовъ, взятый царемъ на-помощь противъ Лжедимитрія: эти стрѣльцы бросились къ Шуйскому, били челомъ за своихъ земляковъ и выручили ихъ въ томъ, «что тебѣ царю они не измѣнники, а наши головы въ ихъ головы», и едва такимъ образомъ успѣли спасти ихъ отъ казни до новаго обыску. Между тѣмъ Ерема возвратился изъ Новгорода и сказалъ своимъ, что остальныхъ четверыхъ его товарищей прямо изъ тюрьмы отослали въ Москву, съ казною, и на нихъ писана измѣна. Тогда народъ всталъ всѣмъ Псковомъ на гостей, на семь человѣкъ, и билъ на нихъ челомъ воеводѣ. Шереметевъ посадилъ гостей въ тюрьму и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ потребовать съ нихъ большія деньги, а между тѣмъ послалъ сказать въ Москву, чтобъ присланнымъ туда четверымъ псковичамъ не дѣлали никакого зла и тотчасъ бы отпустили ихъ домой, ибо за нихъ встало во Псковѣ страшное смятеніе, и гостямъ грозитъ гибель. Шуйскій испугался и отпустилъ псковичей. Но этимъ дѣло не кончилось: съ этихъ поръ встала страшная ненависть между лучшими и меньшими: «большіе на меньшихъ, меньшіе на большихъ, и такъ бысть къ погибели всѣмъ». Ясно, какія слѣдствія должно было имѣть такое раздвоеніе въ городѣ, когда, по выраженію лѣтописца, «раздѣлилося царство русское на-двое, и бысть два царя и двои люди несоглас-

емъ». Ясно было, что стоило только лучшимъ взять сторону Шуйскаго, чтобъ меньшимъ объявить себя на сторонѣ Самозванца; ясно было, что обѣ стороны воспользуются нашествіемъ Самозванца, чтобъ изгубить противниковъ. Меньшіе скоро объявили себя противъ Шуйскаго: они видѣли, что лучшіе хотѣли посредствомъ него изгубить ихъ начальныхъ людей, что Шуйскій повѣрилъ доносу лучшихъ, и что только заступничество стрѣльцовъ спасло тѣхъ отъ казни. Вотъ почему, когда Шуйскій разослалъ по городамъ, въ томъ числѣ въ Новгородъ и Псковъ, плѣнниковъ, взятыхъ у Самозванца, то въ Новгородѣ топили этихъ несчастныхъ въ Волховѣ, а Псковичи поили ихъ, кормили, одѣвали и плакали, на нихъ смотря. Это было дурнымъ предвѣщаніемъ для Шуйскаго!

Между тѣмъ явились во Псковѣ псковскіе и пригородные стрѣльцы и помѣщики, дѣти боярскіе, которые были взяты въ плѣнъ Самозванцемъ, цаловали ему крестъ и съ ласкою отпущены домой. Они привезли во Псковъ увѣщательную грамоту Самозванца; но еще сильнѣе, чѣмъ грамота, сами увѣщевали гражданъ покориться царевичу, превозносили его милость, таланты воинскіе и силу. Легко понять, какое впечатлѣніе производили эти рѣчи на меньшихъ людей, жаждавшихъ перемѣны, избавленія отъ власти лучшихъ людей и дурныхъ воеводъ, которые, если вѣрить лѣтописцу: «Будучи несыты мздоиманія и грабленія, восколебали міръ всякими неправды, и всякую правду выведоша вонъ изо Пскова и умножиша воровъ, кормильцевъ своихъ, обманщиковъ, поклепщиковъ и подметчиковъ». Притомъ всѣ мастеровые жаловались, что должны были работать даромъ на воеводу. Вотъ почему пріѣзжимъ изъ Тушина стрѣльцамъ и дѣтямъ боярскимъ ничего не стоило возмутить пригороды въ пользу Лжедимитрія; начальство надъ возмущенными принялъ Ѳедоръ Плещеевъ, который и приступилъ ко Пскову: здѣсь воевода, духовенство и лучшіе люди были за Шуйскаго, низшее народонаселеніе противъ него, т. е. собственно говоря, противъ воеводы и лучшихъ людей. Слухъ, пришедшій изъ Новагорода, что на-помощь Новгороду и Пскову идутъ нѣмцы или шведы, еще болѣе возмутилъ народъ псковской. Мы знаемъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ Псковъ боролся съ нѣмцами почти въ ежедневныхъ сшибкахъ; едва младенецъ начиналъ понимать, какъ уже существомъ самымъ враждебнымъ представлялся ему нѣмецъ. Отсюда понятенъ ужасъ, какой испытали псковичи при вѣсти, что въ ихъ городъ будутъ впущены нѣмцы. Но этого мало: меньшіе люди видѣли, что нѣмцы вмѣстѣ съ новгородцами придутъ для того, чтобъ усилить воеводу и партію лучшихъ людей, которые воспользуются своею силою для низложенія стороны противной. Лучшіе люди явно обна-

ружинвали свою радость и свои замыслы: они перестали ходить въ всегородную избу для общаго совѣта съ меньшими, явно гнушались послѣдними, явно смѣялись надъ ними. Нашлись люди, которые увѣряли, что послано въ Москву обвиненіе въ измѣнѣ на 70 человѣкъ посадскихъ, что воевода хочетъ казнить ихъ смертію, равно всѣхъ стрѣльцовъ, какъ скоро новгородцы придутъ во Псковъ; указывали на крѣпкія тюрьмы, поставленныя Шереметевымъ въ городѣ, тогда-какъ прежде были простыя, безъ оградъ. Мелкіе люди прямо объявили воеводѣ: мы не хотимъ нѣмцевъ и за то помремъ — и вдругъ пришла вѣсть, что нѣмцы уже близко. Тогда народъ всталъ какъ пьяный, по выраженію лѣтописца, отворилъ ворота, цѣловалъ крестъ Самозванцу и впустилъ въ городъ ратныхъ людей Плещеева, который сталъ воеводою во Псковѣ. Иваньгородъ присягнулъ Тушинскому вору; въ Орѣшекъ Скопинъ не былъ впущенъ тамошнимъ воеводою, извѣстнымъ уже намъ Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ; но Великій Новгородъ остался вѣренъ Шуйскому: здѣсь менѣе помнили старину, чѣмъ во Псковѣ, не было раздвоенія между лучшими и меньшими гражданами: разгромъ двухъ Іоанновъ, дѣда и внука, положилъ конецъ старымъ распрямъ. Вотъ почему здѣсь митрополиту Исидору легко было утишить начавшееся-было колебаніе между чернью. Скопинъ, свѣдавъ объ этомъ колебаніи, сначала вышелъ-было изъ города, но потомъ, узнавъ, что все спокойно, возвратился и вступилъ въ переговоры со шведами касательно помощи. Явившійся въ Новгородъ королевскій секретарь Монсъ Мартензонъ (у тогдашнихъ русскихъ Монша Мартыновичь) договорился съ Скопинымъ, что шведы вышлютъ на-помощь рать изъ 5,000 человѣкъ, на содержаніе которой московское правительство обязалось выдавать ежемѣсячно по 100,000 ефимковъ. Заключеніе окончательнаго договора отложили до съѣзда въ Выборгѣ.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

ПИСЬМА ОБЪ ИСПАНІИ.

V (*).

Гибралтаръ. Конецъ сентября.

Пароходъ, на которомъ я взялъ мѣсто до Гибралтара, долженъ былъ итти изъ Кадиса въ пять часовъ вечера; но море такъ разволновалось, что часъ, назначенный для отъѣзда, давно прошелъ, а на пароходѣ и огня не думали разводить. Всѣ пассажиры были уже на бортѣ; но капитанъ говорилъ, что ранѣе полуночи онъ не надѣется сняться съ якоря. На палубѣ вѣтеръ страшно свистѣлъ между снастями, собранными парусами и дулъ съ такою силою, что мой плащъ нисколько не защищалъ меня отъ его пронзительности. Я сошелъ въ залу: тамъ одинъ пассажиръ сѣлъ-было за фортепьяно, но качка заставляла его вдругъ нападать на такіе неожиданно-дикіе аккорды, что онъ принужденъ былъ бросить играть. Я взялъ-было книгу, но движеніе корабля такъ качало лампу, что не было никакой возможности читать: глаза ломило отъ напряженія. Ничего другого не оставалось, какъ лечь спать. У иныхъ начиналась уже морская болѣзнь. Волны бросали пароходъ во всѣ стороны; сотрясенія отъ якорной цѣпи были такъ сильны, что и спать не было возможности. Соскучась вертѣться въ койкѣ, я снова одѣлся и пошелъ наверхъ. На палубѣ была мертвая тишина; одинъ только вахтенный ходилъ взадъ и впередъ; огня въ машинѣ еще не разводили. Небо было совершенно ясно; вѣтеръ стихъ; но волненіе нисколько не уменьшалось; волны

(*) См. Современникъ 1847 г., №№ III, IX и XII, и 1848 г., № XI, Отд. II.

сверкали сильнымъ фосфорическимъ блескомъ, съ страшнымъ гуломъ ударяясь въ стѣны Кадиса. Облокотясь на бортъ, долго смотрѣлъ я на темную, фосфорически сверкающую, суровую массу воды, уходившую въ черную, зловѣщую даль; вдали кое-гдѣ виднѣлись въ разныя стороны качавшіяся мачты судовъ. На городскихъ часахъ пробило полночь. Мнѣ становилось скучно и уныло на душѣ; нигдѣ ничтожность индивидуальнаго существованія передъ этой всеобъемлющей, неодолимой жизнію природы не дѣлается такъ очевидною и ощутительною, какъ на морѣ. Могучая жизнь стихій, пробуждая сначала энтузіазмъ, сжимаетъ потомъ сердце скорбнымъ, тяжкимъ чувствомъ своего безсилія и ничтожности. А человѣкъ вообразилъ себѣ, что онъ царь природы, тогда-какъ самые мудрѣйшіе изъ людей суть только послушные рабы ея или робкіе подражатели. Вѣтеръ сталъ подниматься, сырой и студеный; я опять сошелъ в залу и на этотъ разъ уснулъ. Меня разбудилъ стукъ поднимаемаго якоря и гулъ вырывающагося пара; было уже пять часовъ утра. На палубѣ все было въ движеніи; скоро пароходъ тронулся.

Попутный вѣтеръ, рѣзкій и пронзительный, дулъ въ наши паруса; море сильно волновалось, и не прошло получаса, какъ большая часть пассажировъ страдала морской болѣзнью. Испытавъ уже нѣсколько бурь на морѣ (а особенно разъ у береговъ Голландіи бурю, продолжавшуюся двое сутокъ), я привыкъ къ качкѣ корабля и не страдаю тошнотою. Между тѣмъ звѣзды понемногу скрывались, красноватая полоса на востокѣ становилась шире и пурпуровѣе; бѣлая пѣна волнъ покрылась нѣжнымъ розовымъ отливомъ, онъ постепенно становился гуще и гуще и скоро перешелъ въ пурпуръ, по которому вдругъ пронесся золотистой блескъ.... солнце показалось. Хорошъ былъ въ эту минуту видъ сильно взволнованнаго моря. Пѣнившіеся верха волнъ словно были изъ кипящаго золота; въ темныхъ углубленіяхъ, образующихся между волнами, сверкало голубое, пурпуровое, жолтое пламя; въ эту минуту океанъ походилъ на необъятный котелъ съ кипящимъ, сверкающимъ разными цвѣтами металломъ. Капитанъ велѣлъ поднять большой парусъ, и пароходъ нашъ летѣлъ, врѣзываясь въ клубящуюся пѣну волнъ. Скоро послѣ полудня мы начали сворачивать изъ океана въ проливъ, и вдали завиднѣлись скалы Гибралтара. Небо было ярко и совершенно чисто, только надъ африканскимъ берегомъ лежала масса бѣлыхъ облаковъ. Вдругъ эта масса начала рости съ необычайною быстротою и постепенно чернѣть. Вѣтеръ упалъ; волны, стремившіяся по его направленію въ одну сторону, стали перемѣшиваться, сшибались одна съ другой, били въ одно время во всѣ стороны парохода: явно было, что вѣтеръ измѣнялся; не прошло десяти минутъ, какъ полу-

поминутно усиливающійся со стороны Африки; съ нимъ съ ужасающею быстротою неслась на насъ та бѣлая масса облаковъ, которая стала теперь грозною тучею. Я взглянулъ вверхъ: она была уже надъ нами и такъ черна, что дымъ парохода не замѣтенъ былъ на ней; вдругъ яркая молнія разрѣзала ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и громъ съ оглушительнымъ трескомъ разразился надъ нашими головами. Нѣсколько матросовъ бросились по веревочнымъ лѣстницамъ сбирать паруса, другіе принялись ставить на мачтахъ громовые отводы; первый лейтенантъ самъ взялся за руль, къ нему на-помощь бросились двое самыхъ сильныхъ матросовъ. Въ эту минуту послышалось глухое, быстро усиливавшееся шипѣніе; я взглянулъ направо; съ этой стороны моря быстро росъ надъ нами громадный валъ; гребень его становился все острѣе и прозрачнѣе; потомъ валъ вогнулся внутрь дугою и палъ на пароходъ съ страшною, оглушительною силою; за этимъ валомъ росъ другой еще выше и такъ же опрокинулся; пароходъ тяжело опустился въ глубь, образовавшуюся между этими громадами и тотчасъ же былъ снова поднятъ новымъ восходившимъ валомъ, такъ высоко, что колеса едва касались воды, и съ нимъ снова полетѣлъ стремглавъ въ глубь.... Волны перебрасывались черезъ бортъ; пѣна, срываемая вѣтромъ съ вершинъ валовъ, разлеталась и падала бѣлымъ, шипучимъ дождемъ, какъ пролитое на столъ шампанское. Я уже былъ давно промоченъ насквозь и сошелъ внизъ: стулья и столы тамъ были опрокинуты, лампы разбиты; въ этой зловонной духотѣ невозможно было дышать; кромѣ того удары волнъ о борты парохода отдавались внизу какъ удары тарановъ: пароходъ весь трещалъ и скрыпѣлъ. Послѣ великолѣпнаго вида бурнаго моря не было возможности оставаться въ этой душной тюрьмѣ: здѣсь торжественность бури отдавалась только ударами волнъ, потрясавшими все существо парохода, и тяжкимъ, зловѣщимъ скрыпомъ массивнаго его корпуса; въ иную минуту точно онъ надламывался. Въ койкѣ невозможно было лежать иначе, какъ держась обѣими руками за края ея, чтобъ не быть выброшену взмахами качки. Буря отзывалась здѣсь уныло и грозно, лишенная величія своихъ стихій. На душѣ стало становиться тоскливо; я опять кое-какъ вскарабкался по лѣстницѣ на палубу, охватилъ обѣими руками одну изъ толстыхъ веревокъ снастей и предоставилъ волнамъ обливать меня сколько имъ угодно. Туча все еще висѣла надъ нами, черная и крутящаяся; по-прежнему яркая молнія безпрестанно вилась по ней; валы шли одинъ за другимъ горами; вся сторона къ Африкѣ была однимъ вьющимся мракомъ, а на противоположной сторонѣ небо было чисто, ясно, спокойно, и испанскій берегъ ярко освѣщенъ былъ солнцемъ. Пароходъ нашъ какъ мячикъ прыгалъ между вол-

нами, то сбрасываемый въ разверзающуюся глубину, то взлетая н вершину валовъ; машина кряхтѣла и пыхтѣла, словно готовилась лопнуть; вся основа парохода дрожала и трещала. То опрокидывало его н сторону, такъ-что одна половина его окунывалась въ воду, и поднявшееся колесо на другой сторонѣ попусту вертѣлось въ воздухѣ. Узкость пролива удесятеряла силу и напоръ валовъ; вѣтеръ съ визгомъ свистѣлъ между снастями, валы одинъ за другимъ съ оглушающимъ гуломъ опрокидывались на палубу, громъ раздавался безъ умолку. Во всемъ этомъ было дикое, уничтожающее величіе. Нѣсколько парусныхъ судовъ, шедшихъ по одному направленію съ нами, старались съ самого начала бури выбраться въ открытое море, чтобъ не разбиться о берега; но одно судно находилось еще между нашимъ пароходомъ и берегомъ и тщетно старалось выбраться на широту пролива: волны и вѣтеръ все больше и больше прибивали его къ берегу. Вотъ оно остановилось и нѣсколько минутъ качалось на одном и томъ же мѣстѣ — вѣрно бросило якорь; но потомъ опять быстро понеслось къ берегу — вѣрно якорный канатъ лопнулъ. Мы видѣли какъ оно выставило флагъ, просящій о помощи; но пароходъ нашъ не могъ итти къ нему на-помощь: подойдя ближе къ берегу, онъ самъ былъ бы въ опасности разбиться о береговыя отмѣли. Вдругъ судно исчезло подъ волнами и тотчасъ же снова показался его темный остовъ, но на немъ не видно было и признака мачтъ.... судно разбилось.... крикъ экипажа не донесся для насъ!

Между тѣмъ ближе и ближе выказывались передъ нами скалы Гибралтара. Капитанъ давно бросилъ свою сигару, самъ сталъ у руля колеса и отдавалъ приказанія за приказаніями. По всѣмъ движеніямъ экипажа замѣтно было, что пароходъ находился въ критическомъ положеніи; но тутъ буря стала утихать; черный цвѣтъ тучи замѣнился на блѣдно-сѣрый и берега Африки обозначились. Англичане давно замѣтили опасное положеніе нашего парохода и безпрестанно дѣлали намъ сигналы со скалы Гибралтара, давая знать, какъ мы должны плыть. Въ эту минуту прибой волнъ къ скаламъ былъ удивительный, бѣлая пѣна взлетала къ самой вершинѣ маяка. Мы благополучно вошли въ безопасную гавань Гибралтара.

Всякой пріѣзжающій сюда изъ Испаніи долженъ имѣть такъ называемую licencia, т. е. свидѣтельство испанской полиціи, въ которомъ обозначено, что ѣдешь въ Гибралтаръ; за эту лисенсію надобно платить деньги испанской полиціи, хотя въ ней и сказано, что она выдается безденежно. Безъ этого въ Гибралтаръ не пускаютъ даже иностранцевъ. Но лисенсія даетъ только право пріѣхать въ Гибралтаръ; если же хочешь остаться въ немъ болѣе дня, то должно *представить* за себя ручательство одного изъ жителей Гибралтара

и только тогда выдается карта безденежно (англійская полиція денегъ не беретъ). Впрочемъ все это одна пустая формальность: гавань Гибралтара наполнена людьми, предлагающими свое ручательство; оно стоитъ полъ-кроны (семьдесятъ копеекъ серебромъ) на какое угодно время.

Трудно представить себѣ что-нибудь величавѣе вида Гибралтара: это громадная скала, разсѣвшаяся на-трое. На серединномъ и самомъ высокомъ отдѣлѣ ея гордо вѣетъ англійскій флагъ; южный отдѣлъ образуетъ легкій скатъ, оканчивающійся мысомъ, называющимся Punto de Europa—это крайній пунктъ Европы; сѣверный отдѣлъ — высокая, перпендикулярно поднимающаяся изъ моря скала. Всѣ три отдѣла прорыты подземными батареями; рядъ плавающихъ бочекъ обозначаетъ передъ гаванью линію англійскихъ владѣній, за которою стояли нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей. Дожидаясь на набережной, пока исполнены будутъ всѣ формальности для полученія вида на прожитіе, разсматривалъ я густую толпу, толкущуюся у порта. Тутъ были англичане, шотландцы, итальянцы, жиды, испанцы, мавры, негры, мулаты; все это толпится вмѣстѣ въ своихъ національныхъ одеждахъ. Особенно бросаются въ глаза мавры, по ихъ живописной одеждѣ, но особенно по необыкновенно-гордому спокойствію ихъ бѣлыхъ, матовыхъ, прекрасныхъ лицъ, съ лоснящимися черными бородами, которыя ярко оттѣнялись на ихъ бѣлыхъ какъ снѣгъ тюрбанахъ и бурнусахъ. Африканскіе жиды носятъ какую-то полу-восточную, полу-европейскую одежду, похожую на бурнусы, только съ рукавами; вмѣсто тюрбановъ у нихъ на головахъ кожаныя ермолки и на ногахъ черныя туфли, тогда-какъ у магометанъ желтыя. На востокѣ черный цвѣтъ есть цвѣтъ презрительный. Англичане перенесли на эту африканскую землю не только свою цивилизацію, но и всѣ свои лондонскія привычки. Въ этомъ отношеніи Гибралтаръ очень любопытенъ; это Англія и Испанія лицомъ къ лицу, западъ и востокъ, дѣятельность сѣвера и южный сибаритизмъ, промышленность и фантазія, цивилизація и природа. Люди среднихъ вѣковъ пренебрегаютъ всѣми усовершенствованіями своихъ сосѣдей, оставаясь вѣрными своей лѣни. Переселенцы Англіи принесли сюда всю свою терпѣливую дѣятельность, всю свою угрюмость, обыкновенную у людей, жадныхъ къ прибыли. Представьте, что модный сезонъ здѣсь тоже бываетъ лѣтомъ, какъ въ Лондонѣ, несмотря на африканскій жаръ здѣшняго лѣта. У англичанъ внѣшнія формы жизни составляютъ родъ какого-то фатума, противъ котораго все безсильно. Подъ этимъ пламенѣющимъ небомъ, они настроили себѣ дома на англійскій манеръ, перетащили сюда весь свой лондонскій comfort и вмѣстѣ съ ними всѣ свои англійскіе предразсудки. Я на-

когда не забуду той нѣги, которая разлилась по всему моему су-ству, когда, столько мѣсяцовъ живя въ грязныхъ испанскихъ -дахъ, я въ Гибралтарѣ увидалъ себя въ превосходной англій-гостинницѣ, чистой, съ прекрасной постелью, исполненной -самыхъ мелочныхъ удобствъ, повидимому излишнихъ, но удиви-но способствующихъ къ изящному ощущенію жизни. Улицы Ги-ралтара похожи на улицы всѣхъ маленькихъ англійскихъ горо-дома безъ балконовъ, у оконъ англійскія зеленыя рѣшетки; на каждомъ шагу поражаютъ васъ слѣды самой высокой цивилиза-торговой дѣятельности. Множество сигарныхъ фабрикъ (от-контрабанда снабжаетъ сигарами всю Испанію, которая, влады-ванною, держитъ табакъ на откупу и ради дешевизны продаетъ -бакъ прескверный: настоящихъ гаванскихъ сигаръ очень труд-стать внутри Испаніи), винные погреба, портерныя лавки, ма-ны, книжныя лавки... я не знаю, чего нельзя найти на этомъ ма-комъ клочкѣ земли. Между магазинами встрѣчаются лавки ма-молчаливо, съ трубками сидятъ они на подушкахъ, передъ ни-столиками, на которыхъ разложены произведенія Африки: шер-ныя и шолковыя женскія покрывала, розовое масло и другія ар-тическія эссенціи. Иногда негры подаютъ имъ кофе въ малень-фарфоровыхъ чашечкахъ. Эта смѣсь высокой сѣверной цивили-съ восточными нравами придаетъ Гибралтару особенный характ-Прибавьте къ этому, что воскресенье соблюдается здѣсь съ та-же точностію, какъ въ Лондонѣ. Протестанская нетерпимость пр-нуждаетъ даже и жидовъ на этотъ день запирать свои лавки. Теат-здѣсь нѣтъ; но офицеры гарнизона составили изъ себя труппу, и -ютъ по временамъ представленія и берутъ за входъ по піастр-Женскія роли играются молодыми офицерами. Предразсудки сос-вій, столь сильные въ лондонскомъ обществѣ, перенесены и на эт-дѣвственную почву. Жоны офицеровъ, напримѣръ, рѣшили, ч-здѣсь *высшее* общество не должно быть смѣшаннымъ, и потому пр-нимаютъ въ свой кругъ только офицеровъ и иностранцевъ. Межд-англійскими купцами есть люди съ отличнымъ умомъ и образова-ностію, но они видятся только между собою. Мнѣ случилось быт-въ *высшемъ* обществѣ Гибралтара, состоящемъ изъ офицеровъ и -ихъ семействъ: оно было невыносимо скучно; разговоръ вертѣл-только около предметовъ, касающихся службы и повышеній; пр-томъ дисциплина преслѣдуетъ ихъ даже въ самыхъ гостиныхъ; эти-кетъ страшный. Чтобъ понять, сколько смѣшного въ этомъ взы-щенномъ этикетѣ, въ этихъ домашнихъ церемоніяхъ, надобно и-видѣть не въ Лондонѣ, гдѣ они сглаживаются кипящею дѣятель-стію и топутъ въ страшной массѣ народонаселенія, а здѣсь, въ -

въ маленькомъ гнѣздышкѣ, какъ Гибралтаръ. Возлѣ испанскихъ равовъ, проникнутыхъ врожденнымъ изяществомъ, это придуманное, сочиненное изящество англичанъ, ихъ такъ называемая шіонабельность, кажется смѣшною карикатурою и пошлостью.

Превосходное шоссе вьется до самой вершины серединной скалы. га дорога представляетъ рядъ удивительныхъ картинъ; сквозь шикія разсѣлины проглядываютъ то мягкія линіи береговъ Испаніи, ѣ берега Африки, съ ихъ острыми, рѣзкими очертаніями горъ, то лубая влага океана. Безпрестанно попадаются домики, уютные, красивые, чистые: это окрестность Лондона, перенесенная подъ африканское небо, на дикую скалу. Шоссе усажено по обѣимъ сторонамъ леандрами и густыми кустами ерани. Вокругъ нескончаемые бастіоны, батареи, часовые; изъ каждаго куста олеандра и ерани торчитъ солдатъ; куда ни взглянешь, вездѣ пушки. Съ вершины алы открывается видъ поразительнаго величія: берега Африки до етуана и дальше — цѣпь горъ, постепенно возвышающихся до Атласа, котораго снѣговыя вершины теряются въ небѣ. Отсюда видны мѣстѣ Испанія, до Málаги, Средиземное море, океанъ, узкій проливъ Гибралтара; внизу суда кажутся раковинами, люди—едва замѣтными муравьями. Въ формахъ этого пейзажа нѣтъ той гармоніи, къ какой мы привыкли въ европейскихъ пейзажахъ: эта несоразмѣрность, эта необъятность странно дѣйствуютъ на непривычный глазъ, но въ тоже время пробуждаютъ чувство какого-то необъятнаго могущества. И все отсюда равно ярко, прозрачно, безъ границъ, безъ очертаній, глаза свободно уходятъ въ безконечную лазурную даль; земля, небо, море — все тонетъ въ золотисто-лазурномъ свѣтѣ; нѣтъ ни линій, ни тѣней. При закатѣ солнца чудный видъ становится еще великолѣпнѣе: горы Африки покрываются пурпурно-лиловымъ паромъ, и снѣговыя вершины Атласа на темно-голубомъ небѣ свѣтятся розовыми переливами. Эта оторванная скала Гибралтара явно есть слѣдствіе одного изъ величайшихъ переворотовъ земли, и безъ сомнѣнія, теперешная Африка прежде составляла одинъ материкъ съ Европой. Но когда это было??

Вся скала прорыта подземными галлереями: это укрѣпленія Гибралтара. Для обозрѣнія ихъ нужно особенное позволеніе губернатора, но въ немъ никогда не отказываютъ, только надобно просить черезъ консула. Не знаю, правда ли, но мнѣ говорили люди, повидимому знающіе военное дѣло, что всѣ эти подземныя батареи не имѣютъ той важности, какую имъ приписываютъ, потому-что при продолжительной стрѣльбѣ они до такой степени наполняются дымомъ, что артиллеристамъ нѣтъ возможности выносить его; даже при ученьяхъ случается съ ними отъ этого обморокъ. Кромѣ того линіи

батарей лежатъ слишкомъ высоко, такъ-что трудно расчиты на вѣрные выстрѣлы. На вершинѣ скалы стоитъ сторожевой дом онъ порученъ шотландскому сержанту, который обязанъ наблю въ морѣ и извѣщать гавань сигналами объ идущихъ кораблях. Н склонѣ скалы, обращенномъ къ Испаніи, живутъ обезьяны: э единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ эти животныя водятся въ комъ состояніи. Они укрываются въ маленькихъ пещеркахъ и р сѣлинахъ, кормятся молодыми отростками низкихъ пальмъ, ко рыя по ту сторону горы ростутъ во множествѣ. Мнѣ удалось видѣть только разъ, съ дюжину: они быстро цѣплялись по скал прыгали; сержантъ говорилъ, что иногда они появляются то штукъ въ 40 и 50. Гибралтарскія обезьяны жолто-сѣраго цвѣ безъ хвостовъ, величиною четверти въ три, точно такія же, водятся въ сѣверной Африкѣ, и которыхъ я видалъ въ Кад рынкѣ. Въ Гибралтарѣ подъ большимъ штрафомъ запрещено их ихъ или убивать.

Въ Гибралтарѣ тысячь двадцать жителей. Несмотря на что они состоятъ, кажется, изъ всѣхъ возможныхъ націй и всякаго сброда, здѣсь господствуетъ удивительный поряд хотя полиціи и нигдѣ незамѣтно. Воровства чрезвычайно рѣдки, тѣ болѣе, что въ скалахъ Гибралтара укрыться очень трудно, а пойманный воръ тотчасъ осуждается на висѣлицу. Это обстояте ство держитъ гибралтарскихъ бродягъ въ такомъ страхѣ, что вы выходя на берегъ можно поручить свои вещи первому встрѣчно Всѣ національности здѣсь находятся подъ равнымъ покровитель вомъ закона, такъ-что никакія столкновенія невозможны ме ними. Особенно замѣчательно то, что тогда-какъ путешествен при малѣйшей неисправности ихъ паспортовъ должны цѣлые ча дожидаться у воротъ города, политическимъ преступникамъ, бѣг щимъ изъ Испаніи, тотчасъ дозволяется входъ въ городъ. При этомъ удивительномъ гражданскомъ устройствѣ, на которое Англія м жетъ съ гордостію указать у себя, особенно страннымъ кажется откровенный эгоизмъ, съ какимъ британцы наблюдаютъ здѣсь сво интересы насчетъ Испаніи: мало того, что они овладѣли этимъ др гоцѣннымъ мѣстомъ, несмотря на свои торговые трактаты съ Ис паніей, они явнымъ образомъ покровительствуютъ контрабанд торговлѣ. Самое цвѣтущее время ея было время регенства Эспар теро, который, желая пріобрѣсти расположеніе Англіи, сквозь па цы смотрѣлъ, какъ контрабанда наводняла въ это время Испанію. И и теперь всѣ жалобы испанскаго правительства по этому предм остаются безъ малѣйшаго удовлетворенія. Въ 1704 году, во вре войны, поднявшейся за испанское наслѣдство, Англія, прини

сторону австрійскаго дома, заняла Гибралтаръ именемъ эрцгерцога Карла австрійскаго, и осталась тутъ. Утрехтскій трактатъ утвердилъ Гибралтаръ за ними. Сколько ни старалась съ тѣхъ поръ Испанія возвратить его себѣ, все было безуспѣшно. Одно время даже и сѣверная часть Марокко принадлежала Англіи. Она уступлена была ей въ 1662 году Португаліей, которая тогда владѣла ею; но въ 1684 Англія потеряла ее. Нельсонъ безпрестанно говорилъ о важности Марокко для Англіи, и что если случится Англіи вступить опять въ европейскую войну, то непремѣнно надобно ей или вступить въ тѣсный союзъ съ марокскимъ императоромъ, или овладѣть Танхеромъ. Теперь марокскій императоръ находится совершенно подъ вліяніемъ Англіи.

Какъ ни интересенъ Гибралтаръ въ первые дни пріѣзда сюда, но едва ли найдется много охотниковъ жить здѣсь безъ дѣла и необходимости. Здѣсь живешь словно въ темницѣ; окрестности Гибралтара ограничиваются скалою, а для прогулки за-городъ, т. е. въ Испанію, нужно брать у испанскаго консула позволительный пропускъ, безъ котораго испанская пограничная стража не пускаетъ черезъ границу. Въ 8 часовъ вечера раздается съ горы выстрѣлъ, послѣ котораго тотчасъ же запираютъ ворота, ведущія въ гавань. Шотландскій полковой оркестръ выходитъ на площадь и начинаетъ играть свою варварскую музыку. Онъ состоитъ весь изъ ихъ національныхъ инструментовъ волынокъ и дудочекъ, съ присовокупленіемъ кларнетовъ и барабановъ: ничего не слыхалъ я отвратительнѣе этого писка и стука. Въ 9 часовъ раздается второй выстрѣлъ, послѣ котораго запираются всѣ городскія ворота.

Гибралтаръ получаетъ все свое продовольствіе изъ Танхера и изъ Испаніи, равно какъ и воду, потому-что колодцевъ здѣсь нѣтъ, а есть только систерны — водохранилища, въ которыхъ сохраняется дождевая вода; но эти систерны и провіантскіе магазины такъ велики, что могутъ вмѣщать въ себя провіанта на три года. Странное свойство имѣетъ здѣшній воздухъ: это тонкій, сокровенный ядъ, отъ котораго, говорятъ, можно умереть не чувствуя его дѣйствія. Сначала ощущаютъ томленіе, слабость во всемъ тѣлѣ, которая переходитъ потомъ въ безотчетную грусть, и человѣкъ изтаеваетъ безъ физическихъ страданій, безъ болѣзни. Такъ умираетъ здѣсь бо́льшая часть сѣверныхъ жителей, переселяющихся сюда. И однакожь воздухъ, которымъ дышешь здѣсь, исполненъ мягкости, благоуханія, нѣги; а организмъ разрушается, испытывая самыя сладостныя ощущенія. Такъ все дающее сильное наслажденіе — гибельно. Впрочемъ даже въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы термометръ здѣсь рѣдко возвышается за 27 — 28°, по Реомюру; но именно

продолжительность этой теплоты и придаетъ особенное свой
здѣшнему климату. И въ Москвѣ бываютъ лѣтомъ жары слишком
30 градусовъ, но они безпрестанно смѣняются холодами. Мы не
емъ наслажденія продолжительной, неизмѣнной теплотой. У здѣ
лѣта нѣтъ перемѣнъ; здѣсь въ продолженіе семи мѣсяцовъ те
водворена во все, чѣмъ человѣкъ дышитъ, во все, что его окру
это-то постоянное дѣйствіе теплоты, говорятъ, и гибельно дл
верныхъ организацій. Къ концу лѣта земля здѣсь издаетъ такія
питыя испаренія, что переносить ихъ могутъ только род
здѣсь. Даже купанье въ морѣ не освѣжаетъ, а только раздра
нервы; нѣга, которую ощущаетъ тѣло, увеличилась, а купанье
освѣжило, не успокоило. И этотъ-то экстазъ, это блаженство
есть признакъ близкой смерти, — смерти отъ невыносимой пол
жизни: грудь становится тѣсна, организмъ не въ-силахъ перено
своей нѣги....

Соскучась дожидаться парохода, на которомъ располагалъ
ѣхать до Málаги, отправился я въ Альхесирасъ, испанскій го
лежащій противъ Гибралтара, у моря. Видъ жолтой скалы Ги
тара утомилъ мои глаза, я началъ тосковать по воздуху поля,
ленія, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Альхесирасъ взялъ верховую
и три дня съ утра до вечера бродилъ по окрестностямъ, освѣж
гранатами и фигами, отдыхая въ гущѣ лавровыхъ рощей и вды
въ себя ихъ ароматическій воздухъ. Окрестности Альхесираса пр
красны: горы покрыты густою, темною зеленью; дома крестья
окружены апельсинными садами, изъ которыхъ пальмы поднимают
свои развѣсистыя вершины; двухъ-аршинные листья банановъ пр
отдѣляются своею прозрачною зеленью отъ темной гущи лавровы
и апельсинныхъ деревьевъ. Нигдѣ въ Испаніи не встрѣчалъ я таки
великолѣпной, почти тропической растительности. Въ Альхесирас
всего интереснѣе былъ поваръ скверной и грязной гостинницы, в
которой остановился я, куда потомъ пріѣхалъ и одинъ французскі
путешественникъ, съ которымъ познакомился я въ Севильѣ. Поваръ
былъ уже лѣтъ 50 и худъ какъ спичка. Когда-то въ молодости судьб
занесла его во Францію, гдѣ онъ оставался съ годъ. Вслѣдствіе этого
развилась въ немъ претензія на поваренное искусство и на францу-
скій языкъ. Онъ возъимѣлъ къ намъ особенное расположеніе и потому
выдумывалъ для насъ самыя неслыханныя блюда. Съ самодовольною
улыбкою приносилъ онъ намъ какой-нибудь изобрѣтенный им
соусъ, приправленный на испанскій манеръ стручковымъ перцемъ
и зеленымъ оливковымъ масломъ (называемымъ у насъ деревя-
нымъ), хотѣлъ непремѣнно, чтобъ мы его ѣли и, прищуривъ оди
глазъ, повторялъ: «а, каково?» Но этихъ чудесныхъ блюдъ не было

никакой возможности ѣсть. При этомъ онъ намъ говорилъ такимъ французскимъ языкомъ, въ которомъ мы не понимали ни одного слова. Напрасно просили мы его говорить по-испански. Когда въ столовой мы были съ нимъ одни, онъ еще оставлялъ свой французскій языкъ, но если тутъ случался кто-нибудь изъ хозяевъ или изъ прислуги, нашъ поваръ никакъ не хотѣлъ упустить случая блеснуть передъ своими домашними, и несъ такую дрянь, что мы едва удерживались отъ хохоту. При всемъ этомъ онъ былъ жаркій политикъ, по вечерамъ бренчалъ на гитарѣ и постоянно пѣлъ какую-то протяжную пѣсню, въ которой только и повторялъ no quiero vivir, y no quiero morir (не хочу жить и не хочу умирать). Черезъ три дня наконецъ показался вдали дымъ парохода, шедшаго въ Ма́лагу, и мы поспѣшили въ Гибралтаръ, чтобъ взять на немъ мѣста.

———

Танхеръ, 1 октября.

Вмѣсто Ма́лаги я попалъ въ Африку. Танхеръ интерессовалъ меня больше Алжира, который успѣлъ уже офранцузиться, тогда-какъ Танхеръ, городъ бедуиновъ, въ которомъ только дѣятельное покровительство европейскихъ консуловъ спасаетъ европейцевъ отъ насилія и убійства. Наканунѣ нашего отъѣзда въ Ма́лагу, гуляя съ французомъ по пристани Гибралтара, увидѣли мы нагружавшееся судно. Куда, спросилъ я? въ Танхеръ. А почему же намъ вмѣсто Ма́лаги не ѣхать въ Африку? Товарищь мой согласился, тѣмъ болѣе, что при попутномъ вѣтрѣ на переѣздъ изъ Гибралтара въ Танхеръ нужно не болѣе шести часовъ. Нашъ русскій консулъ въ Гибралтарѣ, богатый англійскій негоціантъ, сказалъ мнѣ только, что въ случаѣ нужды я могу въ Танхерѣ обратиться къ шведскому консулу. Консулъ французскій далъ товарищу моему всѣ нужныя свѣдѣнія, не забывъ прибавить, что нѣсколько дней тому арабы удавили тамъ одного итальянца, и наказавъ намъ не ходить по городу безъ марокскаго солдата. Вечеромъ отыскали мы въ одной кофейной капитана, уговорились съ нимъ, и на другой день въ 7 часовъ утра мы были уже на суднѣ. Но едва отъѣхали мы версты двѣ отъ Гибралтара, какъ утренній вѣтеръ совершенно стихъ; паруса наши повисли безъ движенія, и мы стали. Надобно было дожидаться прилива, съ помощію котораго къ вечеру добрались мы до Тарифы, маленькаго испанскаго городка, лежащаго въ самой серединѣ Гибралтарскаго пролива. При закатѣ солнца видъ съ моря на скалы Гибралтара сдѣлался удиви-

тельный. Воздухъ былъ полонъ золотистымъ, прозрачнымъ паромъ; всѣ самые дальніе предметы сохраняли свою яркую опредѣленность и вмѣстѣ объяты были легкою золотою пылью. Море было тихо и такъ гладко, что даже струй не видно было на немъ. Жолтая скала Гибралтара, которая отсюда имѣла совершенную форму спящаго льва, ярко золотилась на послѣднихъ лучахъ солнца; за нею видѣлись лиловыя вершины испанскихъ горъ, прямо передъ нами — угловатыя горы африканскаго берега, покрытыя густымъ лѣсомъ. Корабли, застигнутые въ морѣ штилемъ, стояли разбросанные по проливу, съ опустившимися парусами. Прозрачность воздуха имѣла въ себѣ что-то восхитительное; на легкой синевѣ неба и моря бѣлые какъ снѣгъ паруса играли золотистыми переливами, и все тонуло в золотомъ сіяніи, все проникнуто было такою нѣжущею глаза мягкостью, что душа таяла въ спокойномъ экстазѣ, и невозможно было отвести глазъ отъ этой восхитительной картины. То была какая-то просвѣтленная природа.

Къ вечеру, несомые приливомъ, пристали мы къ Тарифѣ. Въ надеждѣ, что утромъ подуетъ попутный вѣтеръ, капитанъ не пустилъ насъ ночевать въ городъ. Надобно было какъ-нибудь располагаться на ночь между кипами товаровъ, которыми до верху нагружено было судно. Экипажъ нашъ состоялъ изъ пяти матросовъ, шести мавровъ изъ Феца, одного еврея изъ Гибралтара, отлично говорившаго по-испански, и наконецъ меня съ товарищемъ. Капитанъ еще при договорѣ объявилъ намъ, что мы сами должны позаботиться о своемъ продовольствіи; расчитывая на шесть часовъ ѣзды, мы запаслись только двумя фунтами говядины, бѣлымъ хлѣбомъ, корзинкою винограду и двумя бутылками отличнаго хереса. Нашихъ припасовъ намъ стало только на завтракъ; мы пригласили еврея раздѣлить его съ нами, — и къ вечеру, ужасно проголодавшись, велѣли мы привести къ себѣ изъ Тарифы обѣдъ: конечно онъ состоялъ только изъ яицъ въ-смятку и ветчины: но кто знаетъ испанскую кухню, тотъ пойметъ, съ какимъ восхищеніемъ приняли мы такой обѣдъ. Испанцы умѣютъ превосходно приготовлять ветчину, верхній жиръ обкладываютъ они легкимъ слоемъ сахару; не знаю, отъ этого или отъ другого, но она имѣетъ самый мягкой, нѣжный вкусъ. Намъ привезли еще двѣ бутылки превосходной сухой малаги (она очень похожа вкусомъ на бѣлый портвейнъ), и вы не можете себѣ представить, какъ веселъ былъ нашъ обѣдъ. Въ южной Испаніи нѣтъ русскихъ продолжительныхъ, отрадныхъ вечеровъ; здѣсь темнота быстро смѣняетъ день; черезъ четверть часа послѣ заката солнца здѣсь становится уже совершенно темно. Ночь была тихая, звѣзды такъ ярко свѣтили, что безъ луны

было ясно. Завернувшись въ плащи, расположились мы на палубѣ. Мавры совершили свою вечернюю молитву; изъ нихъ одинъ, старикъ, молился съ большимъ усердіемъ. Мнѣ особенно понравилось его умное, благородное лицо; я подсѣлъ къ нему. Къ счастію, онъ говорилъ кое-какъ по-испански. Я спросилъ его, о чемъ онъ такъ усердно молился. Мавръ подумалъ немного. «Кто можетъ сказать отвѣчалъ онъ, произнося испанскія слова на арабскій манеръ: — какіе грѣхи тамъ сочтутся за нами? И вы о томъ знать не можете. У васъ есть рай здѣсь, на землѣ, а тамъ вверху, гдѣ нашъ рай, тамъ не будетъ уже для васъ рая». Это былъ мавръ, видѣвшій Европу; онъ бывалъ въ Гибралтарѣ и чувствовалъ преимущество европейской цивилизаціи передъ магометанскимъ востокомъ. Но въ тоже время онъ былъ искренній магометанинъ. Отвѣтъ мавра показывалъ, какъ вѣрующіе арабы, видѣвшіе Европу, утѣшаютъ себя, чувствуя духовное и гражданское превосходство европейцевъ надъ ними. Они признаютъ это превосходство; но толкуя его такимъ образомъ, гордость ихъ нисколько не чувствуетъ себя униженною.

— Изъ какого ты народа? спросилъ меня старый мавръ.

— Я русскій, отвѣчалъ я.

— Объ этомъ народѣ я никогда не слыхалъ. А зачѣмъ ѣдешь въ Танхеръ?

— Изъ любопытства, посмотрѣть вашу землю.

Мавръ подумалъ нѣсколько и потомъ медленно проговорилъ, съ тѣмъ величавымъ, спокойнымъ достоинствомъ, которое принадлежитъ одному востоку:

— Аллахъ великъ! Никто не можетъ знать, какой дорогой Онъ ведетъ его. Но сохрани Аллахъ, чтобъ я могъ оставить свою землю изъ любопытства видѣть другія земли. Мы, мусульмане, ѣздимъ только по дѣламъ, или по предписанію пророка въ Мекку, гдѣ ключъ всѣхъ законовъ.

Между тѣмъ мавры закурили трубки и въ кружокъ подсѣли къ старику. Случившійся возлѣ меня былъ красивый мужчина, лѣтъ 30, но онъ зналъ по-испански лишь нѣсколько словъ, такъ-что вопросъ мой — много ли у него жонъ? долженъ былъ повторить ему еврей по-арабски. Мавръ съ самодовольствіемъ отвѣтилъ мнѣ, мѣшая испанскія слова съ арабскими и добавляя знаками, что въ Фецѣ у него три жены: одна для хозяйства, другую взялъ онъ потому, что она очень хороша собой, а третья негритянка, — о ней мавръ отзывался съ особеннымъ чувствомъ, хваля ея пламенныя качества. Какъ молчаливы были мавры днемъ, такъ сдѣлались болтливы между собою вечеромъ. Они говорили всѣ вмѣстѣ, не слушая одинъ другого и сильно *махая* руками. Иногда кто-нибудь изъ нихъ запѣ-

валъ чтó-то гнусливымъ голосомъ и словно декламировалъ, отчего всѣ сильно смѣялись. Потомъ одинъ, казалось, овладѣлъ разговоромъ и всѣ стали слушать его очень внимательно. Явно было, что онъ разсказывалъ чтó-то. Еврей нашъ, знавшій по-арабски (онъ былъ родомъ изъ Танхера), тоже внимательно слушалъ.

— Чтó говоритъ мавръ? спросилъ я еврея.

— Онъ разсказываетъ сказку.

— Ахъ, пожалуйста, запомните ее хорошенько и разскажите потомъ мнѣ.

— Извольте.

Но сказка была страшно длинна. Судно наше не шелохнулось. Ночь была такая тихая, что до насъ донесся чуть слышный выстрѣлъ вечерней пушки въ Гибралтарѣ. Звѣзды ярко горѣли. Любуясь фосфорическимъ блескомъ моря, я задремалъ. Середь ночи морской туманъ сдѣлался такъ влаженъ, что мой плащь промокъ, и я проснулся отъ холоду. Мавры и матросы спали и на палубѣ нашего судна раздавался могучій храпъ.

Утро обмануло ожиданія нашего капитана. Вѣтеръ всталъ сильный, но противный, такъ-что намъ невозможно было отойти отъ Тарифы. На этотъ разъ капитанъ отпустилъ насъ въ городъ, говоря, что вѣтеръ не измѣнится до вечера, но чтобъ на ночь мы приходили на судно. Французъ, я и еврей отправились въ Тарифу, и за завтракомъ же въ кофейной я попросилъ еврея разсказать мнѣ сказку мавра. Мнѣ показалась она такою интересною по своей безтолковой оригинальности, что я тутъ же записалъ ее. Вотъ она:

«Въ древнія времена, въ Аммарѣ, жилъ погонщикъ верблюдовъ, по имени Хамедъ-бен-Солиманъ. Почувствовавъ, что конецъ его приближается, призвалъ онъ къ себѣ свою жену и своего маленькаго сына и такъ сказалъ имъ: «Лала-Кабура, мнѣ остается жить немного часовъ, и я разстаюсь съ вами, скорбя, что Богъ не удостоилъ меня окончить воспитаніе моего сына. Мулей-Абсаламъ умнѣйшій малый и обѣщаетъ быть чѣмъ-то необыкновеннымъ. Но злыя Джинны зарятся на него и стараются его погубить; потому береги его и смотри за нимъ, дабы родъ мой не былъ потерянъ».

«И когда сказалъ онъ это, схватили его столь сильныя боли, что онъ уже не могъ болѣе выговорить ни слова. Лала-Кабура распустила свои волосы и закричала на весь Аммаръ: какая женщина имѣла столь красиваго мужа, какъ Хамедъ-бен-Солиманъ? Былъ ли когда человѣкъ, который умѣлъ такъ обертывать голову кисеей и носить такъ свой гаикъ? (*) Гдѣ найдутъ такого погонщика, котораго вер-

(*) Гаикъ — верхняя одежда, бурнусъ.

блюды будутъ такъ слушаться, какъ слушались моего Хамеда-бен-Солимана? Всѣ сосѣди и сосѣдки сожалѣли о человѣкѣ и проводили его на кладбище.

«Мулей-Абсаламъ былъ еще мальчикомъ, когда случилось это печальное событіе. Онъ былъ очень тихъ и отъ самого рожденія своего ничего не говорилъ, кромѣ «аллагу-акбаръ» (Богъ великъ). Когда люди порицали за его чрезмѣрную молчаливость и насмѣхались надъ нимъ, отецъ его всегда говаривалъ: «говорите, чтó хотите; я раздѣляю мысли моего сына; молчать лучше, чѣмъ говорить, и изъ десяти словъ едва ли десятое слово угодно Богу». Но Мулей-Абсаламъ казался равнодушнымъ ко всему, чтó около него происходило, и когда умиралъ его отецъ, онъ, какъ видѣли то сосѣдки, пристально смотрѣлъ впередъ себя, выпуча глаза и спокойно жевалъ старые финики. Мать, услышавъ, что его порицали за это, осердилась и сказала: «говорите, чтó хотите; развѣ пророкъ не сказалъ, что достойно человѣка побѣждать свою печаль? Развѣ великій Омаръ не усмѣхнулся, когда умеръ отецъ его, и не воскликнулъ: блаженны мертвые?» И люди, слышавшіе такія ея рѣчи, качали головой и шли своею дорогой.

«Прошло семь годовъ послѣ смерти Хамеда, погонщика верблюдовъ, и въ продолженіи этого времени ничего не случилось, развѣ только то, что Лала-Кабура пріобрѣла много морщинъ, а Мулей-Абсаламъ бороду. Впрочемъ онъ былъ такимъ же молчаливымъ и по прежнему не замѣчалъ, что есть на свѣтѣ люди кромѣ его. Совершивъ свою молитву, какъ правовѣрный мусульманинъ, выходилъ онъ изъ дому, кой-какъ накинувъ себѣ свой гаикъ на плечи, и ложился гдѣ-нибудь въ полѣ; но особенно любилъ онъ лежать подъ одной густой акаціей. Тамъ лежалъ онъ по цѣлымъ днямъ; а мать его давала знать съ таинственнымъ видомъ своимъ сосѣдкамъ, что у ея Абсалама чтó-то большое на умѣ, и что подобно пророку и святымъ людямъ онъ ищетъ уединенія, дабы безъ помѣхи предаваться своимъ мыслямъ. И люди, проходившіе мимо его, старались пройти безъ шуму. Мулей-Абсаламъ все смотрѣлъ передъ собой; а если иногда какой-нибудь жукъ, увиваясь около ствола акаціи, летѣлъ вверхъ, то Мулей смотрѣлъ на него съ самымъ углубленнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, слѣдуя за его круженьемъ неподвижно устремленными глазами; потомъ вставалъ, — но тихо, тихо и становился на цыпочки, чтобъ какъ можно долѣе не терять изъ глазъ улетавшаго вверхъ жука.

«Однажды, и чтó причинило значительное удивленіе всѣмъ людямъ, обнаружилась въ немъ необычайная дѣятельность. Подъ старой акаціей началъ онъ рыть яму и вырылъ на столько, что весь

ушелъ въ нее; только по землѣ и камнямъ, которые онъ безъ отдыху выбрасывалъ изъ ямы, замѣтно было, что онъ все продолжалъ рыть ее. Мать его не усомнилась, что Мулей-Абсаламъ набрелъ на кладъ, но очень сердилась на любопытство людское, которое хотѣло узнать, что все это значило. Цѣлую ночь Кабура не могла заснуть и все думала о несмѣтныхъ сокровищахъ. Но утромъ съ безпокойствомъ замѣтила она, что сынъ ея на ночь домой не приходилъ, и пошла его отыскивать, думая, что вѣроятно помѣшало ему притти домой какое-нибудь злое колдовство. Она пошла прямо къ акаціи, и люди, увидавъ, какъ она спѣшила, говорили между собою: Машаллахъ! о чемъ это такъ хлопочетъ Кабура? Но въ неизвѣстности оставались они недолго: вскорѣ услышали они плачевный крикъ Кабуры, звавшей на помощь. Жители Аммары встревожились, поспѣшили къ извѣстному дереву — и увидали на днѣ глубокой ямы сидѣвшаго на корточкахъ Мулея. Мать, наклонясь, звала его по имени, кликала всѣми возможными ласковыми словами, но напрасно. Голова его неподвижно лежала на приподнятыхъ колѣняхъ. Увидѣвъ, что дѣло худо, принесли веревки тащить его оттуда и, вытащивъ съ большимъ трудомъ, положили къ ногамъ матери. Мулей былъ мертвъ. Кабура, обнимая его, восклицала: «бѣда мнѣ, несчастной! вотъ какая напасть случилась со мной! Гдѣ найти такого юношу, который могъ бы сравняться съ тобой въ мудрости! гдѣ найдется сынъ, который подавалъ бы своей матери такія великія надежды?»

«Въ подобныхъ и другихъ словахъ жаловалась старая Кабура на судьбу свою и заказала своему сыну торжественные похороны. По окончаніи похоронъ, поздно вечеромъ, проходилъ Хаджи-Мустафа съ своимъ зятемъ Музой мимо ямы и разговаривали о покойникѣ. Вдругъ услышали они со дна ея стонъ и слова: «Сжальтесь надо мной! я Мулей-Абсаламъ, сынъ Хамеда-бен-Солимана, погонщика верблюдовъ!» Услышавъ это, они весьма испугались, побѣжали въ Аммаръ и разсказали о томъ. Тотчасъ всѣ жители съ фонарями пошли къ ямѣ и еще издали услышали жалобный стонъ Мулея-Абсалама: «Бисмиллахъ! (во имя Бога) помогите правовѣрные! а то съѣстъ меня талебъ-юсуфъ (шакалъ), жолтый султанъ (левъ) бродитъ около меня! Помогите Мулей-Абсаламу, сыну Хамеда-бен-Солимана, погонщика верблюдовъ!

И всѣ слышавшіе это ужаснулись и говорили межъ собою: «развѣ мы нынче не схоронили Мулея-Абсалама? или морочитъ насъ злой духъ?» И говоря это, произносили изреченія изъ Корана и заклинанія для прогнанія злыхъ духовъ. Такимъ образомъ подошли они къ ямѣ и при свѣтѣ факеловъ увидѣли несчастнаго Абсалама

въ томъ самомъ положеніи, какъ нашли его прежде, и снова вытащили. Лала-Кабура громко выла, а всѣ стоявшіе вокругъ вскрикивали отъ ужаса. То былъ тотъ самый Абсаламъ, котораго они еще сегодня похоронили.

«Ночь эта была самая безпокойная и ужасная для житей Аммары. Такъ-какъ во всемъ этомъ явно было дѣло злого духа, то они тотчасъ же послали за мудрымъ человѣкомъ, по имени Сиди-Мохаммедомъ, и просили его заклясть покойника. Мудрый человѣкъ явился на черномъ конѣ изъ породы шрубахъ-эрриха и былъ при свѣтѣ факеловъ приведенъ къ тому мѣсту, гдѣ положили покойника, завернувъ его въ большое покрывало. Сиди-Мохаммедъ велѣлъ народу отойти, такъ чтобы около тѣла сдѣлался большой кругъ, и сошелъ съ лошади, отдавъ ее держать своему негру,— потомъ взялъ факелъ, приказавъ погасить всѣ другіе, воткнулъ его въ землю въ-головахъ покойника,—зажегъ благовонныя травы и началъ что́-то тихо бормотать про себя. Глаза его сверкали, потъ крупными каплями катился по лбу, а ночной вѣтеръ раздувалъ его широкій гаикъ. Потомъ бросилъ онъ горсть земли на покойника и, вскричавъ: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мохаммедъ посланный отъ Бога», подскочилъ къ своей лошади, вспрыгнулъ на нее и началъ скакать вокругъ трупа, все уменьшая и уменьшая кругъ. Паръ шелъ изъ ноздрей коня такой, что при свѣтѣ факеловъ казался бѣлымъ огнемъ; глаза сіяли кровавымъ свѣтомъ, ноги едва касались земли и силы увеличивались съ каждой минутой. «Машаллахъ, машаллахъ!» шептали про себя люди. Наконецъ подскакалъ мудрый человѣкъ къ трупу, наклонился и вырвалъ факелъ изъ земли, потомъ слѣзъ и погасилъ его о землю. Заклинаніе кончилось. Сиди-Мохаммедъ началъ говорить, какъ надобно завтра поступать при похоронахъ Мулея, какъ вдругъ люди, которые хотѣли тащить тѣло въ одинъ отдаленный домъ, испустили громкій крикъ: покрывало, въ которомъ завернули покойника, было пусто. Весь народъ притихъ отъ ужаса и обступилъ мудраго человѣка, а онъ, сидя на своемъ конѣ, гордо посматривалъ на народъ. Наконецъ онъ сказалъ имъ слѣдующее: «Ступайте по домамъ, правовѣрные, и спокойно дожидайтесь утра. Или Мулей-Абсаламъ возлюбленный пророка, и тогда намъ бояться нечего, или съ нами Джинны играютъ злую игру — ну, тогда мы найдемъ средство уничтожить ихъ волшебство».

И, утѣшенный симъ, народъ разошелся по разнымъ сторонамъ, восклицая: «нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Мохаммедъ посланный отъ Бога».

Но на слѣдующее утро случилось еще бо́льшее чудо. Кабура, выходя изъ дому, увидѣла своего сына — онъ прошелъ мимо ея — и

слышала, какъ онъ сказалъ ей: «Ассалому алейкумъ» (да будетъ миръ съ тобою). Чуть она не умерла отъ ужаса. А онъ себѣ, словно ничего не бывало, взялъ со двора шесть длинныхъ шестовъ, взвалилъ ихъ себѣ на плечи и пошелъ вонъ. Кабура за нимъ и всѣ сосѣди, увидѣвшіе его, говоря: «Мулей-Абсаламъ конечно святой и возлюбленный пророка». Осторожно шли они за нимъ, издали смотря, что́ онъ будетъ дѣлать съ шестами. И увидѣли они, что онъ отправился къ своей ямѣ и когда подошелъ къ ней, сбросилъ съ плеча шесты, уперся руками въ колѣни и, вытянувъ шею, началъ смотрѣть въ яму. И смотрѣлъ онъ такъ долго, что люди даже потеряли терпѣніе; былъ уже полдень, а Мулей оставался все въ томъ же положеніи; вотъ и вечеръ пришелъ и уже послышался вдали жалобный крикъ шакала... Мулей-Абсаламъ все смотрѣлъ въ яму. Покачивая головой, разошлись жители Аммары по домамъ, съ намѣреніемъ воротиться сюда утромъ. Но утромъ представилось имъ удивительное зрѣлище: изъ ямы возвышался страшной высоты шестъ, связанный изъ многихъ другихъ, а на верху его торчалъ Мулей-Абсаламъ, опрокинувъ голову на спину, и пристально смотрѣлъ на небо. Отъ тяжести его тѣла шестъ погнулся, словно колосъ, на верху котораго сидитъ жукъ. Люди не знали что́ и думать объ этомъ. Цѣлый день онъ не шевельнулся и все смотрѣлъ на небо. Но въ эту ночь кончилось колдовство: два кабана проходили ночью этой дорогой; какъ только самка увидала Мулея, такъ и закричала: «не этотъ ли нечестивецъ хотѣлъ проникнуть всю глубину и высоту мудрости? Давно ужь онъ былъ намъ, Джиннамъ, сучькомъ въ глазу: мы ненавидимъ прославляющихъ дѣло Пророка; но теперь онъ въ нашей власти и не уйдетъ отъ насъ». И раскачавъ шестъ, вырвали они его изъ земли, такъ-что тѣло Мулея расшиблось въ куски о землю. Когда на слѣдующее утро жители Аммары пришли посмотрѣть на Мулея-Абсалама, то нашли только его тюрбанъ да кой-какіе лоскуты одежды, разбросанные по полю.»

Цѣлый день бродилъ я по Тарифѣ и ея окрестностямъ. Никогда не встрѣчалъ я города съ такимъ меланхолическимъ видомъ: полуразвалившіяся красныя стѣны, пустынныя улицы, дома дряхлые, на всемъ видъ печали и скуки. Но нѣсколько разъ въ этихъ заглохшихъ улицахъ доносились до меня звуки гитары и живой темпъ андалузскихъ пѣсенъ. Увѣряю васъ, въ такомъ меланхолическомъ опустѣломъ гнѣздѣ звуки гитары производятъ особенное впечат-

ніе. Въ одномъ домѣ женскій голосъ пѣлъ подъ акомпаньементъ болеро; я остановился, чтобъ вслушаться въ слова, и запомнилъ только четыре стиха:

De la dulce mi enemiga
Nace un mal que al alma hiere,
Y por mas tormento quiere
Que se siente y no se diga.

«Отъ моего милаго врага происходитъ мое страданіе, поразившее «мнѣ душу, и, еще къ бо́льшему моему мученію, это страданіе хо«четъ, чтобъ его только чувствовали, а не высказывали».

Нигдѣ не видалъ я такихъ густыхъ кустовъ олеандровъ, какъ въ окрестностяхъ Тарифы. Кстати: здѣсь даже на нравахъ сохранился арабскій отпечатокъ: женщины, выходя на улицу, совершенно закрываютъ себѣ лицо, такъ-что у нихъ видны только одни ихъ сверкающіе черные глаза. А какъ вамъ нравится слѣдующая забава жителей Тарифы: каждое воскресенье гоняютъ здѣсь по улицамъ быка; если же быкъ очень свирѣпъ, то человѣкъ верхомъ издали держитъ его за веревку, привязанную къ шеѣ. И все, что́ встрѣчаетъ на улицѣ быка, въ-запуски дразнитъ его, мимоходомъ, предоставляя другимъ отдѣлываться какъ знаютъ отъ раздраженнаго животнаго. Женщины еще болѣе мужчинъ страстны къ этой забавѣ: они смотрятъ изъ нижнихъ оконъ домовъ, и особенное наслажденіе нѣжныхъ созданій состоитъ въ томъ, чтобъ тѣхъ, которые для избѣжанія нападеній бѣгущаго быка взбираются на желѣзныя рѣшотки оконъ, колоть булавками и принуждать тѣмъ снова спуститься на улицу. Ихъ трусливыя ужимки и страхъ возбуждаютъ дикій, звонкій смѣхъ андалузокъ. Часто случаются опасныя раны, даже смерть; но здѣсь и не думаютъ о запрещеніи этой милой забавы. Разумѣется, въ эти дни старики и робкіе люди сидятъ по домамъ. Это праздникъ страстныхъ женщинъ и смѣлыхъ людей.

Поздно вечеромъ возвратились мы на наше судно. Не желая зябнуть на влажномъ, холодномъ морскомъ туманѣ, какъ въ прошлую ночь, я забрался спать въ люкъ, между кипами товаровъ. Проснувшись часа въ четыре, увидѣлъ я, что судно наше тихо подвигалось; легкій утренній вѣтерокъ едва колыхалъ паруса. Вдали чуть мерцалъ маякъ Тарифы; луна была на закатѣ. Передъ нами въ прозрачномъ туманѣ темнѣлись высокіе берега Африки. Вѣтерокъ, поднявшійся-было на разсвѣтѣ, къ утру стихъ; приливъ несъ насъ къ берегамъ Африки, ихъ горы становились яснѣе и яснѣе. Они не такъ голы и скалисты, какъ берега Испаніи, но форма ихъ угловатѣе; отлогости покрыты густымъ кустарникомъ. Мы были такъ уже

близко берега, что можно было разглядѣть, какъ пасущіяся лошади цѣплялись по крутизнамъ, и слышали голоса шатающихся по берегамъ арабовъ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, другой, третій....

— Чтó значатъ эти выстрѣлы? спросилъ я матроса.

— По насъ стрѣляютъ; эти собаки не любятъ, если христіанскія суда близко подходятъ къ ихъ берегамъ, и начинаютъ стрѣлять по нимъ изъ ружей.

За отсутствіемъ вѣтра матросы тотчасъ принялись за весла, и мы нѣсколько отдалились отъ берега. Но здѣсь по близости Гибралтара арабы смирны; а на западъ отъ Танхера, гдѣ море очень мелко у береговъ, ежегодно случается, что при туманѣ, который здѣсь бываетъ иногда такъ густъ, что совершенно закрываетъ берегъ, — неопытныя суда, предполагая берегъ далѣе, обманываются, и попадаютъ на мель и становятся жертвою береговыхъ жителей. Арабы подъѣзжаютъ тогда къ кораблю на маленькихъ лодкахъ, нападаютъ на экипажъ, бóльшею частію убиваютъ его и грабятъ корабль. Правда, что марокское правительство, по строгому требованію европейскихъ консуловъ, всегда находитъ убійцъ и вѣшаетъ ихъ; но жажда у арабовъ къ грабежу такъ велика, что всегда на мѣсто повѣшенныхъ являются новые. Замѣчательно, что могущественная Европа до 1845 года платила марокскому императору ежегодную подать, для того, чтобъ марокскіе корсеры не грабили европейскихъ судовъ. Часа четыре въ ожиданіи вѣтра держались мы на морѣ; вдали передъ нами бѣлѣлся чуть видный Танхеръ. Наконецъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ и, на этотъ разъ, попутный; паруса наши вздулись, и судно полетѣло. Скоро открылся намъ весь заливъ Танхера, и на скатѣ горы бѣлый, низенькій городъ, середи густой зелени. Берегъ Африки съ этой стороны и самый заливъ совершенно походятъ на Испанію; самый видъ Танхера напоминаетъ приморскіе берега Андалусіи. Укрѣпленія, разрушенныя бомбардированіемъ французовъ, кое-гдѣ поправляются. На узкомъ, каменистомъ мысу сидѣли въ кружку арабы и, куря трубки, смотрѣли, какъ грузили быковъ на единственное находившееся въ заливѣ судно. Судно наше бросило якорь. Каждый пріѣзжающій въ Танхеръ европеецъ долженъ прежде всего отнестись къ своему консулу, и такъ сказать подъ его покровительствомъ войти въ городъ. Это сдѣлано потому, что прежде европейцы, пріѣзжающіе въ Марокко, пропадали часто безъ вѣсти, а консулы, не зная о нихъ, не могли формально обращаться къ марокскому правительству съ требованіями розыска. Но для проѣзда изъ Танхера внутрь Марокко нужно еще особенное позволеніе танхерскаго паши. Мнѣ разсказывали здѣсь, что недавно одинъ нѣмецъ, не взявши этого предварительнаго позво-

ленія, отправился въ Марокко, послѣ шести дней трудной ѣзды пріѣхалъ къ воротамъ его; но за проѣздъ въ городъ мароккское городовое начальство просило съ него 80 піастровъ (около 400 асс.). Нѣмецъ разсердился и воротился въ Танхеръ. Нашъ консулъ въ Гибралтарѣ адресовалъ меня къ шведскому консулу. Такъ сказалъ я капитану, который съ нашими паспортами отправился къ консуламъ. Съ нимъ на лодкѣ поѣхали и наши пріятели мавры. Черезъ полчаса съ берега закричали, что можно выходить на берегъ. Еврей, французъ и я отправились въ лодкѣ, но по мелководью нельзя было близко подойти къ берегу, и толпа дикаго вида полунагихъ арабовъ окружила нашу лодку, подхватила каждаго изъ насъ на руки, вынесла на берегъ (при чемъ не премкнули вытащить у меня изъ кармановъ два шолковыхъ платка) и тотчасъ потребовали денегъ. Эти свирѣпыя лица, это коричневое отъ загара тѣло, до колѣнъ прикрытое бѣлыми бурнусами, эта животная жадность и дикія восклицанія... никогда не забуду я этого страннаго впечатлѣнія. Давъ первую попавшуюся подъ руку монету, я сталъ пробираться сквозь толпу. Французскій консулъ прислалъ къ моему товарищу своего переводчика; съ его помощію мнѣ удалось наконецъ овладѣть своимъ чемоданомъ и плащемъ, находившимся во власти двухъ арабовъ и уже далеко ушедшихъ съ ними; но въ этой толпѣ, передъ самыми воротами города, потерялъ я своего товарища съ его переводчикомъ; еврей былъ извѣстенъ въ Танхерѣ и давно ушелъ; я пробирался къ воротамъ, какъ пожилой арабъ остановилъ меня, спрашивая по-испански, кто у меня консулъ? Это былъ начальникъ городскихъ воротъ. Такъ-какъ шведскій консулъ, къ которому капитанъ отнесъ мой паспортъ, никого не прислалъ отъ себя къ пристани, то этотъ господинъ въ тюрбанѣ хотѣлъ, чтобъ я дожидался у воротъ города. Но чрезъ нѣсколько минутъ товарищъ мой воротился за мною, и подъ покровительствомъ французскаго консула я вошелъ въ Танхеръ. Его переводчикъ сказалъ мнѣ, чтобъ я тотчасъ же шелъ къ шведскому консулу, къ которому я былъ адресованъ. Въ толпѣ, насъ окружавшей, нашелся арабъ, говорившій по-испански, и повелъ меня туда. Но, заставивъ себя дожидаться болѣе получаса, шведскій консулъ вышелъ ко мнѣ для того только, чтобъ посовѣтовать мнѣ обратиться къ англійскому. Англійскаго консула не было дома, и я объяснился съ вице-консуломъ, который тотчасъ же сказалъ мнѣ, что англійское консульство беретъ подъ свое покровительство всѣхъ, которые не имѣютъ своихъ консуловъ въ Танхерѣ. Но кромѣ этого я нашелъ въ вице-консулѣ самаго любезнаго и обязательнаго человѣка. Онъ тутъ же представилъ меня своей женѣ; долгое пребываніе въ Испаніи отучило ее отъ англійской неподвижности. Она показала мнѣ свои акварельные рисунки, сдѣланные съ

большимъ талантомъ; мы разговорились объ Испаніи, объ арабахъ. Она сыграла мнѣ на фортепьяно нѣсколько арабскихъ мелодій, — словомъ, я съ истиннымъ наслажденіемъ провелъ у нихъ болѣе часа. Отсюда я велѣлъ арабу вести меня къ одной генуэзкѣ, у которой сговорились мы остановиться, и гдѣ мой товарищъ уже дожидался меня. Французскій консулъ прислалъ ему переводчика и марокскаго солдата, подъ эгидою котораго мы тотчасъ же отправились осматривать городъ.

Странное, горькое чувство охватило меня, когда я бродилъ по Танхеру, смотря на этихъ людей, полунагихъ, съ печально-дикими физіономіями и величавыми движеніями, закутанныхъ въ свои бѣлые бурнусы, — на эту мертвенность домовъ и улицъ, на эту душную таинственность жизни. Такъ вотъ она, эта Азія! Никогда не выѣзжая изъ Европы, я по этому одному клочку Африки предчувствую, чтó такое должны быть всѣ эти города Турціи, Египта, Персіи, Аравіи. Смотря на эту гордую осанку, на эти прекрасныя лица, не вѣрится, что находишься въ странѣ безпощадной тиранніи. Попадались лица, которыя трогали меня до глубины души своимъ грустно-кроткимъ выраженіемъ. Въ этихъ глазахъ столько покорной печали, в этомъ долгомъ, задумчивомъ взорѣ Азіи столько нѣги и глубины, что съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: за чтó же эти народы влачатъ такое тяжкое существованіе?

. . . .

Въ нашихъ метафизическихъ системахъ, выдумываемыхъ въ тиши кабинетовъ, среди кипящей живыми силами нашей европейской цивилизаціи, эта агонія востока, пережившаго свою цивилизацію и непонимающаго другой, чуждой ему, кажется дѣломъ такимъ простымъ и естественнымъ: нѣтъ, взгляните на эти преходящіе народы въ ихъ странахъ — насѣкомыя, ползающія въ грязи, не возбудятъ въ васъ такого чувства, какъ эти люди; а вѣдь ихъ милліоны. Предопредѣленіе востока не выдумка и не предразсудокъ: это его глубокомысленная философія, драгоцѣнный бальзамъ, облегчающій его страданія.

. . . .

Они неспособны понять меня, гордо говоритъ европейская цивилизація, и потому осуждены уступить мѣсто моимъ племенамъ или влачить жизнь животныхъ и гибнуть. Такъ истребились племена, населявшія нѣкогда Америку, и о которыхъ президентъ Джеферсонъ говаривалъ въ раздумьи: «мнѣ становится страшно за мой народъ, когда подумаю о той великой несправедливости, въ какой виновенъ онъ передъ прежними обитателями этихъ странъ. Такъ же можетъ быть впослѣдствіи будутъ истреблены европейскія

ми и племена Азіи и Африки. Европейское народонаселеніе ра-
і ему скоро будетъ тѣсно въ Европѣ. Но отчего же древняя
ація такъ охотно принималась народами востока? отчего она
дала ихъ на смерть, а вызывала къ жизни?
пейская цивилизація хвалится общечеловѣческими элемен-
іо отчего она съ такими тяжкими насиліями проклады-
бѣ путь? отчего эти милліоны народовъ, живущихъ возлѣ нея,
:о не чувствуютъ къ ней никакого влеченія, но соглашают-
е погибнуть, нежели принять ее? Человѣкамъ не должно же
ужадо человѣческое. Не справедливо ли скорѣе то, что эти
общечеловѣческіе элементы, которыми такъ гордится евро-
цивилизація, въ сущности очень бѣдны общечеловѣческимъ.
быть этой цивилизаціи недостаетъ еще многаго, можетъ быть
на совершенно преобразиться, для того, чтобъ пристали къ
и Африка, — можетъ быть въ ней и нѣтъ еще истинно-чело-
къ элементовъ, на которые могла бы откликнуться одичалая,
аки человѣческая природа востока.
вропѣ такъ часто и много при всякомъ случаѣ говорятъ и
о человѣчествѣ, что слово это сдѣлалось даже какимъ-то
мѣстомъ; а многіе ли отдаютъ себѣ строгій отчетъ въ
і этого громкаго слова? Если взять понятіе, въ какомъ его
енно употребляютъ, въ его существенномъ значеніи, и если
въ соображеніе, что у милліоновъ народовъ Азіи и Африки
ложилась совершенно противоположно европейскимъ стремле-
то выходитъ, что подъ громкимъ словомъ человѣчество
въ сущности разумѣетъ, сама того не сознавая, только
, принявшія ея цивилизацію. На какое же меньшинство, бѣ-
: въ сравненіи съ народонаселеніемъ земного шара, сведет-
юе слово человѣчество!
дскій базаръ Танхера состоитъ изъ площади, окруженной
вомъ маленькихъ лавочекъ со всякой всячиной: тутъ про-
мясо, и медъ, и хлѣбъ, и оружія, и туфли, и порохъ. Здѣсь
гавно толпится народъ; иные сидятъ на землѣ, поджавши
ь совершеннѣйшей апатіи; зелень и плоды продаютъ жен-
въ покрывалахъ. Въ толпѣ мелькаютъ и евреи; здѣсь они
іе изъ послѣднихъ; встрѣчаясь съ мавромъ, еврей тотчасъ
іу дорогу, и мавръ проходитъ, не удостоивая его даже взгля-
вечеромъ базаръ освѣщенъ, то есть въ каждой лавочкѣ го-
ѣтильникъ на маслѣ: красноватый отблескъ ихъ придаетъ
і еще болѣе грязный и бѣдственный видъ. Главную промы-
стъ Марокко составляетъ выдѣлка кожъ, а особенно сафья-
ъ здѣсь *превосходенъ*. Здѣшнія шолковыя ткани толсты и

тяжелы; но цвѣта ихъ ярки и подобраны со вкусомъ. Всего лучше дѣлаютъ здѣсь оружіе, и безъ всякихъ машинъ, одною ручною работою. Я видѣлъ отличныя ружья и клинки дамаскированные, съ золотомъ, серебромъ или кораллами. Такое ружье здѣсь купишь за 15 піастровъ (около 75 р. асс.) Всѣ они очень длинны (6 футовъ). Мы зашли въ кофейную, и кофе былъ очень хорошъ. Кофейная состоитъ изъ маленькихъ комнатъ; въ каждой изъ потолка виситъ свѣтильникъ; на полу, поджавъ ноги, сидѣли полунагіе арабы, курили трубки, захлебывая кофеемъ. Въ одной изъ лавочекъ близъ кофейной сидѣлъ старый мавръ — прежній алькайдъ (губернаторъ) Танхера. По своему уму онъ и теперь находился во всеобщемъ уваженіи. Въ Марокко нѣтъ различія состояній: самый послѣдній изъ мавровъ можетъ быть милостію султана облеченъ высшею должностію и потомъ по той же волѣ властителя низверженъ въ прежнее положеніе. Такимъ образомъ прежній губернаторъ Танхера снова сталъ мелочнымъ лавочникомъ и продавалъ туфли. Деньги — единственное средство, которое могло бы здѣсь быть началомъ различія состояній, скрываютъ всѣми силами. Если пашѣ захочется отнять ихъ, онъ всегда найдетъ къ тому средства. Власть марокскаго султана гораздо неограниченнѣе власти султана турецкаго; здѣсь въ сущности все принадлежитъ ему: и деньги, и имѣніе, и жизнь подданныхъ. Какъ потомокъ Мохаммеда, онъ повелитель правовѣрныхъ, высшій судья, непреложный истолкователь законовъ Корана и исполнитель ихъ. По восточнымъ понятіямъ, какъ Богъ правитъ міромъ, такъ султанъ правитъ страною: могущество его ограничено только однимъ — невозможностью исполненія.

За городомъ, около стѣнъ, есть другой базаръ; сюда жители горъ и степи пріѣзжаютъ продавать свои произведенія; тутъ около колодца лежали десятка три верблюдовъ, навьюченныхъ шерстью и кожами шакаловъ. За городъ мы могли пройти не болѣе, какъ на полверсты; далѣе, солдатъ нашъ сказалъ, ходить опасно, а надо ѣхать верхомъ и взять съ собою шесть солдатъ въ провожатые. Но меня эта прогулка не интересовала, тѣмъ болѣе, что, несмотря на солдата, въ горы все-таки нельзя было ѣхать: берберы не боятся солдатъ и грабятъ ихъ на-равнѣ съ прочими. Около Танхера растительность самая могучая: гигантскіе кактусы, алоэ, высокій тростникъ, индѣйскія фиги, пальмы, гранаты; съ пригорковъ, сквозь чащу зелени, просвѣчивала песчаная степь. Но какъ отрадно нѣжила глаза эта темная зелень на яркомъ, золотистомъ фонѣ пустыни, облитой солнцемъ, безъ тѣней, на которой лазурною полосою слегка обозначились далекія горы. Около городскихъ стѣнъ находился садъ, принадлежащій датскому консулу, весь изъ огромныхъ апельсинныхъ

деревьевъ, величиною съ наши старые вязы. Но домъ его, выстроенный тутъ, совершенно опустошенъ берберами, во время бомбардированія Танхера французами въ 1844 году. Сынъ марокскаго султана, стоявшій съ войскомъ около Танхера, отступилъ съ перваго же французскаго выстрѣла, не подумавъ хоть защитить городъ отъ грабежа берберовъ. Губернаторъ, собравъ около себя всѣхъ способныхъ носить оружіе въ Танхерѣ, едва отстоялъ его. Могадоръ же послѣ бомбардированія французовъ былъ весь разграбленъ горными племенами.

Народонаселеніе Марокко состоитъ изъ различныхъ и частію враждебныхъ между собою племенъ — мавровъ, арабовъ, берберовъ, евреевъ и негровъ. Самую образованнѣйшую часть народонаселенія составляютъ мавры; они живутъ въ городахъ; изъ нихъ же назначаются и должностныя лица. Арабы частію живутъ въ деревняхъ, частію ведутъ кочевую жизнь, бродя по пространнымъ равнинамъ внутри Марокко. При перемѣнѣ одного кочевья на другое, они должны платить султану опредѣленную подать, на основаніи того, что вся земля принадлежитъ ему. Самое дикое изъ всѣхъ племенъ — берберы; они живутъ въ горахъ, занимаются грабежемъ, охотой и въ постоянной враждѣ съ маврами и арабами. Сѣверная часть Марокко, въ которой лежитъ Танхеръ, населена бо́льшею частію ими.

Евреи живутъ по городамъ и занимаются ремеслами. По своей дѣятельности и промышленности, несмотря на все презрѣніе, оказываемое имъ маврами, они сдѣлались имъ необходимы. Въ Танхерѣ живутъ они гдѣ хотятъ, но во всѣхъ другихъ городахъ Марокко имъ отведены особые кварталы, которые запираются послѣ заката солнца, и ни одинъ еврей не долженъ выходить изъ нихъ. Евреи не имѣютъ права носить въ городахъ оружіе, ѣздить верхомъ на лошади, а только на ослѣ или мулѣ; цвѣтъ одежды ихъ долженъ быть черный, и никакого другого цвѣта носить имъ не дозволяется. Я говорилъ уже, что на востокѣ черный цвѣтъ есть цвѣтъ презрительный. Проходя мимо мечети, они должны снимать съ себя туфли и итти босикомъ. Мальчишка-мавръ можетъ бить взрослаго еврея, и онъ не долженъ смѣть поднять на него руки: въ противномъ случаѣ за это бьютъ его палками. Еврей, желающій выѣхать изъ Танхера въ Европу, хотя на короткое время, долженъ внести губернатору Танхера значительную сумму; даже женщины не изъяты отъ этого (Мавры и арабы не платятъ за это ничего).

Можно ли требовать, чтобъ при такомъ страшномъ угнетеніи это несчастное племя сохранило въ себѣ какое-нибудь чувство собственнаго достоинства! *Физически* здѣсь оно несравненно превосход-

нѣе, чѣмъ въ Европѣ; всѣ евреи, мужчины и женщины, которыхъ мнѣ случалось видѣть, имѣютъ удивительно прекрасны лица, особенно женщины: это совершенно особый типъ, нисколько не похожій на евреекъ въ Европѣ. Здѣсь они не высоки, и далеко не худощавы; цвѣтъ лица блѣдный, горячо-блѣдный, лицо овальное и довольно полное, губы толсты, влажно мягки и рѣзко выдаются впередъ, какъ на древнихъ статуяхъ египетскихъ женщинъ; глаза большіе черные, всегда подернутые электризующей маслянистостью; взглядъ медленно-задумчивый и долгій, какой-то страстно-меланхолическій; движенія лѣниво-спокойны.... я не знаю другого типа женщинъ, въ которыхъ было бы болѣе какой-то ра-щей нѣги, спокойной, лѣнивой и неутолимой. Но лица ихъ съ самымъ задумчивымъ выраженіемъ; въ большихъ, огненныхъ глазахъ ихъ столько грусти, столько тихаго, кроткаго унынія, что у меня болѣло сердце смотря на нихъ. Двери мусульманскихъ домовъ всѣ заперты, но въ каждую отворенную дверь смѣло можно войти: это домъ еврея. Еврейское семейство принимаетъ европейца съ трогательнымъ, грустнымъ радушіемъ. Мы даже были приглашены в одну еврейскую сватьбу. На головѣ молодой была повязка изъ мелкаго жемчугу, а сверху ея бѣлое кисейное покрывало, шитое золотомъ, падавшее на плечи. Въ этомъ уборѣ еврейка была очаровательна. Маленькая комната, въ которой происходила сватьба, была наполнена евреями, еврейками, гостями и зрителями. Двое музыкантовъ сидѣли на полу по-восточному; одинъ игралъ на большой скрыпкѣ, похожей на старинный viol d'amour, держа ее какъ віолончель; другой — на тамбуринѣ, подпѣвая арабскія пѣсни, въ которыхъ никакъ я не могъ уловить ни рифма, ни мелодіи. Возлѣ музыкантовъ стояла чашка, куда гости и всего болѣе молодой клали деньги. Мы тоже положили. Женихъ былъ лѣтъ 18, съ острымъ, худощавымъ лицомъ; молодые сидѣли на небольшомъ возвышеніи, поджавъ подъ себя ноги. Танцовали одни женщины, безъ мужчинъ. Представьте, въ восточныхъ танцахъ главное правило нисколько не прыгать и не трогаться съ мѣста: танцующая движетъ корпусомъ, держа въ рукахъ большой платокъ. Музыка постепенно ускоряетъ тактъ, пѣвецъ прерываетъ ее какими-то ноющими речитативами. Когда тактъ ускорялся, танцующая переставала дѣйствовать корпусомъ, а двигала ляжками и плечами. Я въ этихъ танцахъ не нашелъ ничего пріятнаго.

Генуэзка кормитъ насъ очень вкуснымъ обѣдомъ, который запиваемъ мы отличною сухою малагою. Эта добрая старушка уже двадцать семь лѣтъ живетъ въ Танхерѣ. Она съ мужемъ пріѣхала сюда *искать счастія* и кормилась держа маленькую гостинницу для евро-

пейскихъ путешественниковъ. Мужъ давно умеръ, и—чудовище привычка! — старушка потеряла даже охоту видѣть свою родину.

Алькайдъ, или губернаторъ Танхера живетъ въ большомъ дворцѣ, старой и прекрасной мавританской постройки. Два солдата стоятъ у воротъ. Въ нижнемъ этажѣ тюрьма. На большомъ дворѣ его мы были свидѣтелями восточнаго судопроизводства: человѣка съ полуобритою головою и испитымъ лицомъ били палкою по оконечностямъ пальцевъ. Бѣдные арабы тюрбановъ не носятъ, а брѣютъ себѣ голову, оставляя на ней клокъ волосъ. Наружно племена различаются между собой тѣмъ, что носятъ этотъ клокъ волосъ справа или слѣва, спереди или сзади. Провожавшій насъ солдатъ объяснилъ намъ, что этотъ человѣкъ обманулъ другого, за что алькайдъ осудилъ его на двадцать ударовъ палкою по пальцамъ. Здѣсь все судопроизводство совершается словесно; алькайдъ руководствуется Кораномъ и не долженъ получать никакой платы съ тяжущихся. Но на дѣлѣ выходитъ, что и у алькайда подарки суть самыя лучшія доказательства правоты дѣла. Тяжущіяся стороны могутъ обращаться еще къ султану, но такъ-какъ и тамъ самыми лучшими доказательствами все-таки служатъ подарки, то къ этой послѣдней инстанціи обращаются лишь богатые, да и то рѣдко. Насъ интересовала конюшня губернатора. Разговаривая со мной объ арабскихъ лошадяхъ, вице-консулъ съ восторгомъ говорилъ мнѣ объ одномъ арабскомъ конѣ, находящемся у паши. Мавры держатъ своихъ лошадей не въ конюшняхъ, а на открытомъ дворѣ. Конь дѣйствительно былъ удивительный. Здѣсь для султана и войска его берутъ самыхъ лучшихъ лошадей, какихъ только могутъ отъискать, владѣльцамъ выдается за нихъ сколько вздумается султану или пашѣ: по здѣшнимъ законамъ, всѣ лошади въ сущности принадлежатъ султану. Если у кого есть отличная лошадь, горе ему, если она понравится пашѣ: онъ долженъ скорѣй уѣзжать въ горы, ато паша найдетъ средство отнять ее. Мавры особеннымъ образомъ держатъ своихъ лошадей: они ихъ никогда не подковываютъ, лошади стоятъ всегда связанныя, такъ-что едва могутъ двигаться. Мавры думаютъ, что лежанье дѣлаетъ лошадь неповоротливою и лѣнивою. Конюшни ихъ всегда на открытомъ дворѣ; солома кладется не подъ лошадей, а передъ ними, такъ-что лошадь должна вытянуть шею, чтобъ достать ее: отъ этого у нихъ шея дѣлается длиннѣе и гибче. Въ Марокко, да и во всей южной Испаніи, кормятъ лошадей только соломою и сѣномъ, а овесъ считается нездоровымъ. Впрочемъ солома здѣсь особеннаго качества и вѣроятно въ себѣ содержитъ болѣе питательнаго вещества, чѣмъ европейская, что можно заключить по ея тонкому, ароматическому запаху. *Лошадей поятъ* только разъ въ день, зато часто купа-

ютъ и моютъ, но никогда не чистятъ скребнемъ: щетки и скребни здѣсь вещи неизвѣстныя. Мавры любятъ своихъ лошадей, какъ арабы пустынь своихъ верблюдовъ. Если у мавра есть хорошая лошадь, онъ скорѣе раздѣлитъ съ ней послѣдній кусокъ хлѣба, нежели продасть ее. Утромъ, прежде молитвы, мавръ идетъ къ своей лошади, цалуетъ ее въ лобъ, благословляетъ, говоритъ съ ней какъ съ другомъ и убѣжденъ, что она его понимаетъ. Если она дика и непослушна, онъ пристально смотритъ ей въ глаза, говоритъ ей съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, дышетъ ей въ ноздри или пускаетъ ту табачный дымъ.

Танхеръ грязенъ; узкія улицы его, по которымъ валяется всякая падаль, похожи на коридоры, дома безъ оконъ, какъ стѣны, а дверьми, всегда запертыми: все это больше походитъ на тюрьму, чѣмъ на городъ. По вечерамъ изъ иныхъ домовъ раздается звукъ тамбурина: вѣрно забавляются имъ женщины. Если встрѣтишь женщину на улицѣ пустой, и она увѣрена, что никто изъ магометанъ не замѣчаетъ за ней, она непремѣнно приподниметъ свое покрывало. Такимъ образомъ видѣлъ я одну, прехорошенькую: проходя мимо насъ, она быстро раскрыла свое покрывало и показала прекрасное темное лицо, на которомъ какъ двѣ искры сверкали большіе черные глаза. Женщины въ мечети не ходятъ, а молятся дома; впрочемъ, какъ о существахъ низшихъ, здѣсь о ихъ спасеніи не заботятся. Ни малѣйшаго слѣда не осталось у мавровъ отъ ихъ прежней цивилизаціи. Но ни глубочайшее невѣжество, ни страшный деспотизмъ не могли сгладить ихъ прекраснаго, благороднаго вида, исполненнаго смѣлости и достоинства. Никогда не забуду я этихъ величавыхъ лицъ мавровъ, въ созерцательномъ покоѣ сидѣвшихъ въ своихъ маленькихъ лавкахъ. При черныхъ, лоснящихся бородахъ, ихъ прекрасныя, бѣлыя, матовыя лица имѣли въ себѣ что-то прозрачное, какъ алебастръ, когда сквозь него просвѣчивается солнце. Кромѣ домовъ консуловъ, ни у одного дома въ Танхерѣ нѣтъ оконъ на лицу: прошелши зубчатую стѣну города, входишь въ другія стѣны, и таково здѣсь однообразіе жизни, что здѣсь, я думаю, можно скоро перестать вѣрить въ возможность другого существованія, какъ среди холодной зимы иногда не вѣрится, что будетъ лѣто.

. . . .

Европа — страна взаимныхъ уступокъ и сдѣлокъ, и вслѣдствіе этого страна терпимости и кроткихъ нравовъ. Въ Азіи и Африкѣ всегда все доводилось до послѣдней крайности. Въ такомъ же отношеніи была религія древнихъ грековъ къ религіямъ Малой Азіи, Египта и Финикіи. Европа самая непослѣдовательная страна въ мірѣ.

Расположеніе махоммеданскихъ домовъ въ Танхерѣ (и заключаю

это по домамъ евреевъ) тоже, чтó расположеніе домовъ въ Андалусіи: непремѣнно съ внутреннимъ дворомъ, на который выходятъ двери окружныхъ комнатъ. Внутреннее устройство католическихъ монастырей всего лучше даетъ понятіе о расположеніи мусульманскихъ домовъ. Здѣсь на всякомъ шагу чувствуешь родственность между Андалусіею и Африкою; только Андалусія здѣсь въ зародышѣ, въ зернѣ, — въ ея развитіи участвовали другіе элементы. Между монотоннымъ напѣвомъ arriero (погонщика муловъ) и мавританскими мелодіями — сходство поразительное; только они здѣсь еще грустнѣе и завывательнѣе.

Послѣ четырехъ-дневнаго пребыванія въ Танхерѣ я начиналъ уже страшно скучать: его мертвое однообразіе утомило меня, а уѣхать не было никакой возможности: судно, которое привезло насъ, дожидалось груза, а въ гавани не было ничего, кромѣ маленькихъ мавританскихъ лодокъ. Зайдя разъ къ англійскому консулу, вдругъ слышу отъ него, что завтра будетъ праздникъ въ Танхерѣ — половина Рамадана или другой какой, не знаю. Съ восьми часовъ вечера муллы уже начали во всю мочь кричать и трубить съ мечетей. Утромъ разбудили насъ пискъ дудокъ и дикіе крики: праздникъ открыла толпа фанатиковъ, въ родѣ дервишей, изъ которыхъ каждый воображаетъ, что въ немъ сидитъ душа какого-нибудь звѣря. Въ Марокко они составляютъ особенную секту, въ главѣ которой стоитъ воображающій себя львомъ. Каждый держитъ себя сообразно съ звѣремъ, котораго душу въ себѣ воображаетъ. Говорятъ, что иногда они за-живо разрываютъ кошекъ и собакъ. Этимъ чудакамъ очень рѣдко дозволяется ходить по городу; въ Тунисѣ, чтобъ прекратить разныя бозчинства дикарей этой секты, самъ бей вступилъ въ ихъ братство, въ качествѣ льва.

Послѣ завтрака мы отправились на большой базаръ: тамъ былъ главный праздникъ. На улицѣ попадались намъ толпы вооруженныхъ мавровъ, забавлявшихся слѣдующей игрой: изъ каждой толпы отдѣляются по двое и по четыре человѣка, выбѣгаютъ впередъ, вертятся, махая во всѣ стороны ружьями и дѣлая высокіе прыжки; обѣ партіи подбѣгаютъ другъ къ другу, опускаютъ ружья къ землѣ стволомъ, каждый къ ногамъ стоящаго противъ него, — стрѣляютъ, потомъ вскрикиваютъ, прыгаютъ — и скрываются опять въ толпу. Эту игру арабы называютъ *фантазія*. На большомъ базарѣ, образующемъ довольно обширное пространство, было множество народу, особенно женщинъ: сидя на землѣ, закутанныя въ своихъ бѣлыя покрывала, онѣ точь-въ-точь походили на мѣшки съ мукою. На холмистой, усѣянной буграми и ямами почвѣ базара мавры производили *фантазію* верхомъ. Отдѣленія въ 6 и 8 человѣкъ пускались

легкимъ, сжатымъ галопомъ, усиливая его до самаго полнаго скока и взбрасывая высоко ружья, — потомъ брали поводья въ зубы, клали ружье на лѣвую руку, стрѣляли и мгновенно останавливали лошадь, такъ-что иная опрокидывалась съ всадникомъ. Во всемъ этомъ быстрота и легкость были поразительны. Женщины громко вскрикивали, изъявляя свое удовольствіе гортаннымъ визгливымъ дребезжаньемъ. Потомъ показался торжественный поѣздъ изъ норотъ въ городъ: впереди шли вооруженные мавры, забавляясь *фантазіей*; за ними верхомъ на лошади ѣхалъ мальчикъ лѣтъ 6 или 7, въ тюрбанѣ и бурнусѣ; на ногахъ у него были красные сафьянные полусапожки. Лошадь была богато убрана: красные, шолковые поводья, высокое сѣдло изъ малиноваго бархата; по обѣимъ сторонамъ шли мавры, ведя лошадь за поводья, сзади — нѣсколько женщинъ. Мальчика везли въ мечеть, для обрѣзанія. За этимъ поѣздомъ слѣдовало нѣсколько подобныхъ, тоже въ мечеть. Когда поѣзды кончились, на середину базара вышелъ арабъ; оливковое тѣло его едва прикрыто было короткимъ бурнусомъ; онъ принадлежалъ къ какой-то сектѣ Сиди-Назира, которая утверждаетъ, что находится подъ особеннымъ покровительствомъ пророка, такъ-что ни ядъ, ни укушеніе ядовитыхъ животныхъ не можетъ вредить ея послѣдователямъ. Арабъ вышелъ съ закрытою корзиною, въ которой были змѣи, вынулъ изъ нея двухъ самыхъ ядовитыхъ, раздражилъ ихъ и далъ себя ужалить, потомъ тотчасъ же высосалъ ужаленное мѣсто; мнѣ показалось, что онъ жевалъ что̀-то во рту, что̀ можетъ быть служило ему противоядіемъ. Потомъ вынулъ онъ большую змѣю, теребилъ ее, раздражалъ — и тотчасъ же приводилъ въ повиновеніе; наконецъ досталъ еще изъ корзины змѣю, длиною въ аршинъ съ небольшимъ, и принялся ее ѣсть съ хвоста, дѣлая самыя дикія кривлянья. Змѣя извивалась, вертѣлась, рвалась, жалила его; онъ уже половину ея съѣлъ, а она все еще вертѣлась....

Этимъ праздникъ окончился.

В. БОТКИНЪ

III.

ЗАМѢТКИ
О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ПРОШЛАГО ГОДА.

Мы думаемъ, что поступимъ весьма основательно, если не будемъ утомлять своихъ читателей полнымъ обозрѣніемъ небогатой литературной дѣятельности прошлаго года, — однимъ изъ тѣхъ обозрѣній, которыя всегда неизбѣжно сбиваются на сухой перечень, а поговоримъ здѣсь только о томъ, по поводу чего можемъ высказать нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній. Рѣчь будетъ о журнальной беллетристикѣ, значеніе которой поймется легко тѣми, кто знаетъ, что журналы поглощаютъ дѣятельность всѣхъ еще пишущихъ нашихъ литераторовъ.

. . . .

Мы начнемъ съ Отечественныхъ Записокъ, гдѣ образовался кругъ молодыхъ писателей, создавшій, уже довольно давно, какой-то фантастически-сантиментальной родъ повѣствованій, конечно не новый въ исторіи словесности, но по-крайней-мѣрѣ новый въ той формѣ, какая теперь ему дается возобновителями его.

Всякой, нѣсколько занимающійся отечественною словесностію, знаетъ напередъ, что изобрѣтатель этого рода былъ г. Ѳ. Достоевскій, авторъ «Бѣдныхъ Людей». Онъ положилъ ему основаніе повѣстями: «Двойникъ» и «Хозяйка» и, какъ видно, собирался дать ему важное значеніе, прерванное однакожъ всеобщимъ неодобреніемъ. Публика помнитъ, какое впечатлѣніе произвела на нее «Хозяйка». *Кому не казалось тогда*, что повѣсть эта порождена душнымъ за

легкимъ, сжатымъ галопомъ, усиливая его до са
и взбрасывая высоко ружья, — потомъ бра.
бы, клали ружье на лѣвую руку, стрѣляли и мгно
ли лошадь, такъ-что иная опрокидывалась съ вса
этомъ быстрота и легкость были поразительны.
вскрикивали, изъявляя свое удовольствіе горта
дребезжаньемъ. Потомъ показался торжественн
ротъ въ городъ: впереди шли вооруженные мавр
тазіей; за ними верхомъ на лошади ѣхалъ мальч
въ тюрбанѣ и бурнусѣ; на ногахъ у него были к
полусапожки. Лошадь была богато убрана: крас
водья, высокое сѣдло изъ малиноваго бархата; по
шли мавры, ведя лошадь за поводья, сзади — н
Мальчика везли въ мечеть, для обрѣзанія. З
слѣдовало нѣсколько подобныхъ, тоже въ меч
кончились, на середину базара вышелъ арабъ; о
едва прикрыто было короткимъ бурнусомъ; онъ
какой-то сектѣ Сиди-Назира, которая утверждае
подъ особеннымъ покровительствомъ пророка, та
укушеніе ядовитыхъ животныхъ не можетъ вред
теламъ. Арабъ вышелъ съ закрытою корзиною,
змѣи, вынулъ изъ нея двухъ самыхъ ядовитыхъ
и далъ себя ужалить, потомъ тотчасъ же высоса.
сто; мнѣ показалось, что онъ жевалъ что́-то во
быть служило ему противоядіемъ. Потомъ вын
змѣю, теребилъ ее, раздражалъ — и тотчасъ же
вновеніе; наконецъ досталъ еще изъ корзины зм
шинъ съ небольшимъ, и принялся ее ѣсть съ хво
дикія кривлянья. Змѣя извивалась, вертѣлась, рва
онъ уже половину ея съѣлъ, а она все еще вертѣл

Этимъ праздникъ окончился.

II.

III.

ЗАМѢТКИ
О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ПРОШЛАГО ГОДА.

Мы думаемъ, что поступимъ весьма основательно, если не будемъ утомлять своихъ читателей полнымъ обозрѣніемъ небогатой литературной дѣятельности прошлаго года, — однимъ изъ тѣхъ обозрѣній, которыя всегда неизбѣжно сбиваются на сухой перечень, а поговоримъ здѣсь только о томъ, по поводу чего можемъ высказать нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній. Рѣчь будетъ о журнальной беллетристикѣ, значеніе которой поймется легко тѣми, кто знаетъ, что журналы поглощаютъ дѣятельность всѣхъ еще пишущихъ нашихъ литераторовъ.

. . . .

Мы начнемъ съ Отечественныхъ Записокъ, гдѣ образовался кругъ молодыхъ писателей, создавшій, уже довольно давно, какой-то фантастически-сентиментальной родъ повѣствованій, конечно не новый въ исторіи словесности, но по-крайней-мѣрѣ новый въ той формѣ, какая теперь ему дается возобновителями его.

Всякой, нѣсколько занимающійся отечественною словесностію, знаетъ напередъ, что изобрѣтатель этого рода былъ г. Ѳ. Достоевскій, авторъ «Бѣдныхъ Людей». Онъ положилъ ему основаніе повѣстями: «Двойникъ» и «Хозяйка» и, какъ видно, собирался дать ему важное значеніе, прерванное однакожь всеобщимъ неодобреніемъ. Публика помнитъ, какое впечатлѣніе произвела на нее «Хозяйка». *Кому не казалось тогда*, что повѣсть эта порождена душнымъ за-

творничествомъ, четырьмя стѣнами темной ком
заперлась отъ свѣта и людей болѣзненная до к
Отсюда выходитъ кругъ писателей, преимуществ
психологической исторіей помѣшательства. Они
шествіе не какъ катастрофу, въ которой разрѣша
что̀ было бы только невѣрно и противохудожеств
сумасшествіе — *для* сумасшествія. Съ перваго по
движенія его странны, рѣчь безсвязна, и ме
тіями, которыя вскорѣ начинаютъ развиваться с
вается нѣчто въ родѣ препинанія: кто кого пере
стію. Надо сознаться, что основатель направленія
остается до сихъ поръ неподражаемымъ мастеро
поединковъ такого рода. Но кто же не согласит
случаѣ сумасшедшіе оказываютъ особенную усл
освобождаютъ ихъ отъ труда, наблюденія и дѣлак
лишнимъ то художническое чутье, которое указ
годные и негодные для созданія. Зачѣмъ имъ э
первое попавшееся слово, самая произвольная вы
для сумасшедшаго: не чиниться же съ нимъ, въ-
бы мы хотѣли подтвердить выписками справедли
денія, мы бы могли представить читателямъ Совре
которые почли бы они, вѣроятно, за неудачную ш
что разъ отдавшись безъ оглядки собственной фа
отъ всякой дѣйствительности, авторы этого нап
думаютъ объ оттѣнкахъ характеровъ, о живопи
лица, о нѣжной игрѣ свѣта и тѣни на картинѣ. Тр
щаются туманнымъ стремленіемъ къ величію ха
лымъ поискомъ колоссальности въ образахъ и п
дѣйствительно, къ концу разсказа главное лицо об
торый родъ величія, но величіе это весьма близко п
которымъ поражаетъ бѣднякъ съ картоннымъ в
и деревяннымъ скипетромъ на страдальческомъ л

Въ прошломъ году однакожь авторъ «Хозяйки
шелъ на свѣтъ послѣ долговременной болѣзни: фантас
замѣтно ослабѣлъ въ новыхъ его произведеніяхъ,
силою выступилъ другой—сантиментальность. Г.
писалъ одну повѣсть: *Слабое сердце* и два разска
Честный воръ (*). Спѣшимъ сказать, что въ повѣсти
скій выказалъ несомнѣнный талантъ, въ которомъ

(*) О повѣсти г. Достоевскаго «Бѣлыя ночи» сказано въ
книжки Современника.

и отказать автору Бѣдныхъ Людей. Правда, тутъ опять является сумасшедшій, но на этотъ разъ, по-крайней-мѣрѣ, помѣшательство имѣетъ ясную причину, и самый ходъ болѣзни выказанъ ловко. Дѣло вотъ въ чемъ. Два бѣдныхъ чиновника, Аркаша и Вася, нѣжно любящіе другъ друга, живутъ какъ голубки, на одной квартирѣ. Вася — существо любящее, нѣжное, признательное; Аркаша — собственно безличенъ, но всю жизнь его составляетъ одна безпредѣльная привязанность къ Васѣ. Почти въ одно время Вася влюбляется безъ памяти и взыскивается милостію начальника, который даетъ ему денегъ и вмѣстѣ большую работу — переписать къ сроку какое-то дѣло. Восторгъ пріятелей, при стеченіи такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, невыразимъ; но голова Васи не выдерживаетъ. Чѣмъ сильнѣе кипитъ чувство радости въ душѣ его, тѣмъ менѣе способенъ онъ къ дѣлу, а срокъ работы приближается. Напрасно прилагаетъ онъ всѣ усилія, чтобъ свалить этотъ камень: онъ все падаетъ на плечи его. Отчаяніе начинаетъ пробираться въ душу Васи; ему мерещатся упреки, кары несчастія. Онъ обвиняетъ самого себя въ забвеніи долга, въ неблагодарности и наконецъ мѣшается на сумасбродной мысли, что его отдадутъ въ солдаты: вѣдь онъ такой маленькій человѣкъ! Вотъ повѣсть. Она могла бы служить хорошимъ эпизодомъ въ романѣ. Литературная самостоятельность, данная случаю, хотя и возможному, но до крайности частному, какъ-то странно поражаетъ васъ; но и не тутъ еще настоящая слабая сторона повѣсти. Она именно въ любви Аркаши и Васи, расплывчатой, слезистой, преувеличенной до такой степени, что бо́льшею частію и не вѣрится ей, а кажется она скорѣе хитростью автора, который вздумалъ на этомъ сюжетѣ руку попробовать. Положимъ, что простые, недальніе люди всегда выражаютъ чувство чѣмъ-то въ родѣ междометій или отрывистыми словами, положимъ, что они до пресыщенія говорятъ другъ другу: милый ты мой, голубчикъ ты мой (даже въ одномъ мѣстѣ у автора: косолапый ты мой!), душка, Васюкъ, Лукаша, положимъ такъ же, что они безпрестанно глядятъ другъ на друга, улыбаются и плачутъ, да на все же есть границы. Особенно для произведеній этого рода существуетъ черта, указываемая вкусомъ, за которой патетическое уже погибаетъ въ крайнемъ ничтожествѣ самихъ героевъ. Къ тому же мы осмѣливаемся, во имя русскаго человѣка, протестовать противъ этой болѣзненной говорливости сердца. Она составляетъ исключительное достояніе разслабленныхъ людей, врядъ ли и способныхъ къ сильному ощущенію; но простой человѣкъ молчаливъ при немъ. Онъ крѣпко бережетъ добро, цѣну котораго хорошо знаетъ, и чѣмъ непроницаемѣе, чѣмъ незамѣтнѣе мѣсто его на свѣтѣ. За нимъ надо подсматривать въ его хорошія минуты, а не за-

ставлять болтать его. Сама манера автора, слогъ
походитъ на продѣлку западныхъ пилигримовъ
клоненія, ступая одинъ шагъ впередъ и два н
шаетъ довѣріе къ его описаніямъ, сообщая имъ н
шивую чуткость. Безпрестанное возвращеніе і
зы, вошедшее, кажется, уже въ привычку у
прилагается теперь въ равной степени къ бесѣд
самому разсказу. Вотъ какъ толкуютъ между соб

— «Знаешь что? ты взволнованъ, ты много
Постой, постой, постой — вижу, вижу — слушай
девичъ, вскочивъ въ восторгѣ съ постели и прер
Васю, всѣми силами отстраняя возраженія: преж
коиться, нужно съ духомъ собраться: такъ ли?

— Аркаша! Аркаша! закричалъ Вася, вско
Я просижу всю ночь, ей-Богу, просижу!

— Ну да, да! ты къ утру только заснешь....

— Не засну, ни за что не засну....

— Нѣтъ, нельзя, нельзя; конечно, заснешь, въ
и т. д..

И вотъ какъ говоритъ авторъ отъ себя, по сл
чепчика для своей невѣсты: Ахъ Боже мой, д
чепчикъ лучше? Это уже изъ рукъ вонъ! *Гдѣ ж*
Я говорю серьезно! Меня наконецъ даже прив
негодованіе, *даже огорчаетъ немного* такая неб
денныхъ. Ну посмотрите сами, господа, посмот
быть *лучше этого амурчика-чепчика. Ну взглян*
ставляемъ судить самимъ читателямъ, какъ это
и походитъ ли на наивность и добродушіе, за ко
димо гнался.

Изъ разсказовъ г. Достоевскаго пропускаемъ
совершенно незначащій, и остановимся на второ
Намъ кажется, если мы не ошибаемся, что оба эт
дены успѣхомъ Записокъ Охотника г. Тургенева.
и тонкая наблюдательность послѣднихъ видимо
тоевскаго, который далъ своимъ разсказамъ од
именно: Разсказы бывалаго человѣка. Тутъ пре
что читатели спросятъ: да не сидитъ ли этотъ (
постоянно гдѣ-нибудь за письменнымъ столико
Вѣроятно въ предчувствіи подобнаго вопроса со ст
тателей, авторъ прибавилъ къ заглавію въ скобка
неизвѣстнаго, но внизу однакожь подписалъ больш
имя. Мы находимся теперь въ недоумѣніи: кому ж

надлежать разсказы? Г. Достоевскому или неизвѣстному, котораго онъ сдѣлался только издателемъ. Всѣ эти маленькія хитрости, отзывающіяся наивной претензіей, нисколько не мѣшаютъ достоинству разсказовъ, если есть достоинство. Во второмъ изъ нихъ: Честный воръ, намъ еще показалось, что въ глазахъ автора стояли неподражаемыя повѣсти иностраннаго романиста, написавшаго La mare au diable и François-le-Champi. Простота содержанія, взятаго изъ народнаго быта, стараніе открыть тѣ свѣтлыя стороны души, которыя человѣкъ сохраняетъ на всякомъ мѣстѣ и даже въ сферѣ порока, куда завлеченъ собственной виной или обстоятельствами, наконецъ мысль заставить говорить человѣка недальняго, но которому превосходное сердце замѣняетъ умъ и образованіе, — все это очень близко намекаетъ на родство русскаго разсказа съ иностранными, приведенными выше. Мы должны быть благодарны автору за подобную попытку *возстановленія* (rehabilitation) человѣческой природы, если бы даже не было нѣсколькихъ мѣстъ въ его повѣсти, дѣйствительно прекрасныхъ, какъ напримѣръ то, гдѣ представлена картина нѣмого страданія бѣднаго пьянчужки Емели, послѣ свершонной имъ покражи рейтузъ у своего благодѣтеля портного, но тутъ мы и остановимся. Самому портному, разсказывающему этотъ случай, мы должны отказать въ нашемъ сочувствіи. Онъ болѣе походитъ на ритора, чѣмъ на простодушнаго разсказчика, и за нимъ безпрестанно выглядываетъ самъ авторъ, употребляющій его инструментомъ для совершенія чего-то въ родѣ повѣствовательнаго tour-de-force.

Да, разсказъ портного,— какъ поднялъ онъ въ какомъ-то кабачкѣ бѣднаго Емелю, зашибеннаго винцемъ, призрѣлъ его,— невѣренъ и мало трогаетъ насъ. Въ немъ недостаетъ главнаго: нравственнаго достоинства, такъ необходимаго человѣку, который повѣствуетъ о собственномъ великодушіи. Портной безпрестанно кокетничаетъ добротой своего сердца, а между тѣмъ онъ не такъ добръ, какъ съ перваго разу кажется. Посудите сами. Онъ говоритъ напримѣръ: «Обрадовался я возвращенію Емели (сбѣжавшаго съ квартиры отъ стыда послѣ покражи рейтузъ) да пуще прежняго тоска къ моей душѣ припялась. Оно вотъ какъ, сударь, выходитъ: случись, то есть, надо мной такой грѣхъ человѣческій, такъ я, право-слово, говорю: скорѣй какъ собака *издохъ бы*, *а не пришелъ. А Емеля пришелъ! Ну, натурально*, тяжело человѣка въ такомъ положеніи видѣть», и проч. Эта фальшивая нота обличаетъ въ портномъ человѣка развитаго, да и притомъ еще дурно развитаго. Старанія портного возвратить Емелю на путь истины, оставшіяся не только безуспѣшными, но подвигнувшія Емелю еще на воровство, высказаны кудряво, но задушевнаго голоса въ нихъ не слышится. Читатель постоянно занятъ не раз-

скащикомъ, а манерой автора, его пріемами,
лемъ, которые дѣйствительно, въ ущербъ вну
повѣсти, безпрестанно напрашиваются на ваше
вашу. Гораздо лучше высказаны очиститель
Емели, когда, попоствишись денекъ, другой, о
своего учителя и пропиваетъ ихъ. Съ тѣхъ по
не даетъ покоя Емели, и этотъ человѣкъ — эт
раетъ отъ сознанія своей вины и раскаянія. Но
ный портной все дѣло портитъ. Какъ неодолимо
онъ въ средѣ разсказа, словно нарочно для тог
сти не могла никакъ притти въ равновѣсіе съ
напримѣръ, чѣмъ заключаетъ онъ повѣствов
«Такъ вотъ, сударь, это я вамъ для того теперь
ученіе — *если ужъ нужно, чтобъ оно было ту*
жу, чтобъ вы поняли, что если человѣкъ разъ
какъ, примѣромъ сказать, Емеля въ пьяную жи
дѣло какое, хотя бы онъ прежде былъ и честнь
го ужъ возможнымъ становится, — то есть, стан
мыслить о немъ. А какъ у порочнаго человѣ
быть мужественной, да и обсужденіе-то не все
и совершитъ это постыдное дѣло, и мысль *его*
дѣломъ становится. А какъ совершитъ, да как
порочную жизнь, все еще не загубилъ *въ себѣ все*
осталось въ немъ сердце хоть на сколько-нибудь
ныть пріймется, кровью обливается, начнетъ ра
его загрызетъ, и умретъ человѣкъ не отъ пост
тоски, потому-что *все свое самое лучшее* (!) что
го и *во имя чего человѣкомъ еще звался* (!), за н
Емеля свою честность, что одна только и остава
полштофа *глупой*, горькой сивухи....» Здѣсь
стоитъ самъ авторъ; портной нисколько не пови
ной риторической рѣчи, старающейся поддѣла
говоръ. Съ помощію ея мы можемъ объяснить т
странныя произведенія этого рода такъ теплы и
хитры и холодны наши подражанія. Тамъ явил
нія къ истертымъ пружинамъ беллетристики,
ный блескъ фразеологіи, скрывающей обманъ н
жды простого, истиннаго чувства, не удовлетвор
дѣятельностію общества, перешедшей почти въ
оборотъ: они держатся на уловкѣ и имѣютъ въ
изворотливость и условную манеру, съ помощь
тель берется поставить вамъ что угодно. Нему

деніе, такъ написанное, если и производитъ какое-нибудь дѣйствіе на читателя, то конечно совершенно противоположное тому, какое оно имѣло въ виду.

Мы съ намѣреніемъ остановились такъ долго на послѣднихъ трудахъ г. Достоевскаго, потому-что они служатъ ключемъ къ объясненію всего, чтó есть ложно-блестящаго и просто-ложнаго въ произведеніяхъ его подражателей. Какъ почти всегда случается, легкія погрѣшности оригинала обратились у списчиковъ въ крупныя черты; наклонности, осуждаемыя вкусомъ, чѣмъ глубже сходили внизъ, тѣмъ рѣшительнѣе дѣлались постоянными законами, и наконецъ все, чтó г. Достоевскій, по инстинкту таланта, еще закрывалъ оговоркой, выставилось у свиты его на-голо. Къ числу подражателей г. Достоевскаго мы относимъ, во-первыхъ, г. Буткова, а во-вторыхъ, г. Достоевскаго-брата (М. М.)

Мы съ любовью слѣдили за развитіемъ таланта г. Буткова. Старыя его повѣсти, никогда не отличавшіяся глубиной характеровъ, были живы и ясны. Лица его разсказовъ интересовали читателя сходствомъ съ природой и если переданы были не всегда поэтической кистію, то по-крайней-мѣрѣ нельзя было отказать автору въ талантѣ замѣчательнаго портретиста. Мы думали, что современемъ г. Бутковъ пріобрѣтетъ и разнообразіе и широкое исполненіе, ему не достававшія; но г. Бутковъ обманулъ всѣ наши ожиданія. Онъ вдругъ нарушилъ ходъ собственнаго развитія, отдавшись фантастическому направленію. Съ тѣхъ поръ появилась у него тяжелая веселость, изложеніе обезобразилось претензіей на остроуміе и сдѣлалось многословно, и — чтó хуже — самая цѣль, которая такъ ясна была во всѣхъ его произведеніяхъ, теперь затемнилась отъ постояннаго желанія придать ей несвойственныя многозначительность и вѣрность. Г. Бутковъ сдѣлался не узнаваемъ. Достаточно указать для подтвержденія нашихъ словъ на двѣ его повѣсти: Невскій проспектъ и Темный человѣкъ.

Основа первой очень проста. Бѣдный человѣкъ, выгнанный изъ какой-то конторы за неисправность, неожиданно выигрываетъ въ лоттерею-аллегри великолѣпную карету работы Іоахима — и тотчасъ же сходитъ съ ума. Ему вздумалось, какъ нѣкогда пресловутому Монте-Кристо, отомстить всѣмъ своимъ недоброжелателямъ, но вмѣсто разнородныхъ казней, изобрѣтенныхъ злопамятнымъ графомъ, Калетаевъ рѣшился убить враговъ своихъ только — завистію. Онъ начинаетъ разъѣзжать въ своей каретѣ безостановочно по Невскому взадъ и впередъ, закидывать карточки въ дома по всему его протяженію и проч., а между тѣмъ продаетъ послѣднюю свою шубу въ квартирѣ, переночевываетъ отъ заимодавцевъ въ трактирѣ

далѣе идетъ повѣсть, тѣмъ несообразнѣе и нелѣ
таевъ. Съ перваго разу видно, что интрига пов
житъ основаніемъ небольшому шуточному разск
стить случай развить послѣдовательно и серьёзн
ствія? Убійственно долго дурачится Залетаевъ
пьяный кучеръ завозитъ его соннаго въ сарай и
хозяинъ, давно не получившій платы, запираетъ
и владѣльца. Крѣпки натуры у героевъ нѣкотор
ко самый чудовищный случай можетъ возврати
рядку, какъ дѣйствительно теперь и случилось с

Къ чести г. Буткова, должно сказать, что
повѣсти его незамѣтно стремленія къ надѣленію г
ной претензіей на великость души, *необъятность*
онъ постоянно смотритъ съ улыбкой на Залет
да: улыбка его искуственна, неблагообразна.
смѣшиваютъ у насъ безобразную карикатуру
ромъ. Никогда настоящій юморъ не увѣчитъ окр
тельность, чтобъ похохотать надъ ней: онъ толь
роны ея. Другое дѣло ложный юморъ: этотъ со
горбы, угловатости, прибавляетъ темныя краск
камъ, выдумываетъ несообразности. Читатель н
жетъ смѣшать оба рода и смѣяться надъ небыва
ставленнымъ ему за настоящій; читатель прони
при такомъ случаѣ совсѣмъ надъ другимъ. Изъ
ложнаго юмора, которымъ отличается повѣсть г
вимъ хоть слѣдующій: «Изъ подъ длинной чуй
кутывавшей человѣческую фигуру (дѣло идетъ
гѣ), выглядывали сапоги, которые Залетаевъ
шенному знакомству со всѣми видами сапого
перваго взгляда: одинъ сапогъ скромный, безъ
блеска, былъ, однакожъ, сапогъ существенный из
образнаго типа сапоговъ выростковыхъ; онъ сто
достоинствомъ на своемъ каблукѣ и только рѣзки
влялъ свой жосткій, такъ сказать, *спартанскій*
сапогъ, по видимому случайно, по прихоти рока,
перваго. Онъ былъ щегольскій, лакированный
какъ зеркало, но имѣлъ значительныя трещин
зрительно, изъ чего и слѣдовало, что онъ — пр
ный, промотавшійся франтикъ, покамѣсть бле
«блеска свѣтскости», но ужъ уничтоженный, дов
щества съ простымъ выростковымъ сапогомъ».

;якихъ коментаріевъ. Нельзя было употребить болѣе усилій, чтобъ роизвести болѣе невѣрную и безобразную картину.

Какъ ни странна подобная выдача литературнаго безвкусія за ;еселость или шутку, но это еще ничего въ сравненіи съ тою распу;енностію манеры, которая преобладаетъ въ другой повѣсти г. Бутова: Темный человѣкъ. На всей повѣсти лежитъ одинъ колоритъ, акой-то тупой насмѣшки, никогда не достигающей предмета, на оторую устремлена. Въ одномъ изъ пристанищъ Петербурга, гдѣ тдаются въ наемъ *углы*, появляется, между бѣдными, ничтожными ;ильцами его, таинственный незнакомецъ, богатый, скрытный и лой. Это прежній бѣднякъ, вышедшій въ люди и отомщающій своимъ старымъ врагамъ (Залетаевъ тоже мститъ старымъ врагамъ, сли помните) тѣмъ, что сажаетъ ихъ за долги въ тюрьму. Недоумѣніе бѣдняковъ и хладнокровіе богача составляетъ весь интересъ повѣсти, къ концу которой разсказывается эпизодъ о несчастномъ еловѣкѣ, сошедшемъ съ ума послѣ потери послѣднихъ своихъ двадцати пяти рублей серебромъ. Мы уже много говорили о фантастическомъ направленіи, но такъ-какъ въ этомъ произведеніи г. Бутова замѣтно еще намѣреніе помирить его съ реализмомъ, дѣйствительнымъ бытомъ, то мы кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ обственно о реализмѣ и о томъ, какъ его понимаютъ у насъ.

Появленіе *реализма* въ нашей литературѣ произвело сильное недоразумѣніе, которое уже пора объяснить. Нѣкоторая часть нашихъ писателей поняла реализмъ въ такомъ ограниченномъ смыслѣ, какой не заключала ни одна статья, писанная по этому предмету въ петербургскихъ журналахъ. Чувство справедливости и уваженія къ критическимъ статьямъ ихъ побуждаетъ насъ защитить ихъ отъ упрековъ, обыкновенно падающихъ на это направленіе. Кому могло притти въ голову, что литературная дѣятельность наша изберетъ преимущественно только два типа для своихъ представленій и, довольная находкой, выкинетъ за черту весь остальной міръ. Эти геркулесовы столбы, за которые уже не переходитъ поэтическая фантазія писателей, образуются изъ двухъ фигуръ — кто ихъ не знаетъ? человѣка ничтожнаго, убитаго обстоятельствами и человѣка разгульнаго, не понимающаго ихъ. Попытка продовольствовать ими весь читающій классъ русской публики, болѣе разнообразный чѣмъ гдѣ-либо, доказываетъ въ одно время бѣдность изобрѣтенія и совершенное незнаніе требованій жизни и общества. Напрасно потомъ авторы величаютъ себя бывалыми людьми, заливаются хохотомъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что никто его не раздѣляетъ, или въ фантастическихъ представленіяхъ противупоставляютъ человѣка сну, бреду, видѣнію или наконецъ въ окон-

чательномъ безсилiи разливаются рѣкой слезъ
ими образами! результатъ остается всегда од
зонтъ крайне узкiй, отсутствiе житейской опы
ной подмѣтки явленiй. Нѣтъ спора, что типы
дѣйствительности, и что они уже были худож
сильными талантами; дурно то, что съ тѣхъ по
нашей литературѣ, и между ними, какъ въ фам
гуливаютъ наши писатели, совсѣмъ не подозр
бьется за порогомъ его. Чему же удивляться,
ны вся жизнь проходитъ мимо, не замѣчая пис

При постоянномъ осуществленiи однихъ и
сто свободнаго творчества должна была заступ
чисто механическая; дѣйствительно такъ и случ
напримѣръ, что добрая часть повѣстей въ это
описанiемъ найма квартиры — этого трудного у
жизни — и потомъ переходитъ къ перечету жи
дворника. Сырой дождикъ и мокрый снѣгъ, оп
героя и наконецъ изложенiе его неудачъ, пр
же отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько и
ственнаго его ничтожества, — вотъ почти всѣ
находятся въ распоряженiи писателя. Запасъ н
быть испытанной доброты, если судить по неп
требленiю. Ясно, что при такихъ условiяхъ уж
помина о зоркомъ осмотрѣ событiй, объ изу
явленiй нашей общественности, о психологическ
тера. Съ перваго взгляду читатель имѣетъ удо
перспективу романа, знать, что̀ будетъ говор
онъ кончитъ, какъ сложится вокругъ него про
паемый источникъ всѣхъ неожиданныхъ и поу
зовъ — душа человѣка опредѣлена здѣсь заранѣ
ному образцу, словно столбъ большой дороги.
писателѣ дѣлается ненуженъ, и если встрѣчае
онъ часто), то кажется читателю излишней роск
разсказъ, какъ сбивается карета изъ готовыхъ ч
вести на составныя его принадлежности лакъ и
болѣе или менѣе произвольныхъ... То ли думали
ди, писавшiе у насъ о реализмѣ?

Нельзя кончить этого отступленiя, не упомя
къ подробностямъ, на которой собственно и зиж
нiя псевдо-реализма на основательность и значенi
одного примѣра (описанiя сапоговъ) до чего мож
ложенiе вещей, этотъ анализъ безконечно-малыхъ

вести множество другихъ, въ которыхъ не оставлено ни малѣйшаго сомнѣнія въ умѣ читателя, касательно цвѣта подошовъ въ обуви, каждаго гвоздя въ стѣнѣ и каждой посудины въ комнатѣ. Другое дѣло, опредѣляетъ ли это на сколько-нибудь личность самого владѣтеля вещей. Отвѣтъ извѣстенъ заранѣе всякому, кто наблюдалъ процессъ, которому слѣдуютъ великіе таланты, когда разъ осматриваютъ человѣка въ его внѣшней обстановкѣ. Не все цѣликомъ берутъ они отъ послѣдней, а только тѣ ея части, которыя проявили значительную мысль человѣка и такимъ образомъ получили значеніе и право на замѣтку. Помимо этого коренного условія, чѣмъ болѣе станете вы увеличивать списки *принадлежностей*, тѣмъ досаднѣе становится впечатлѣніе, и тутъ уже никакой юморъ не поможетъ. Правда, что при основной бѣдности типовъ псевдо-реализма, подобныя изслѣдованія способствуютъ размноженію дѣйствующихъ лицъ, которыя начинаютъ уже отличаться другъ отъ друга часто внѣшне, матеріяльно, напримѣръ цвѣтомъ фраковъ, суконными или мѣдными пуговицами на кафтанѣ и проч., но такъ создавать лица уже черезчуръ легко. Въ повѣсти «Темный человѣкъ» четыре или пять жильцовъ въ квартирѣ нѣмки могутъ быть распознаваемы единственно по покрою платья и по другимъ аксесуарамъ, весьма подробно переданнымъ авторомъ, потому-что внутренняго различія между ними не существуетъ. Всѣ они дѣти одного отца и списаны другъ съ друга: писатель ничего не потратилъ на созданіе.

Въ заключеніе мы осмѣливаемся предложить нѣсколько бѣглыхъ вопросовъ, пожалуй хоть самимъ себѣ. На сколько можетъ быть интересно апатическое лицо, не находящее въ себѣ никакихъ силъ для выхода изъ стѣсненнаго положенія? заслуживаетъ ли оно той примѣрной любви, какую питаютъ къ нему нѣкоторые писатели? не значитъ ли потворствовать крайнему нравственному безсилію безпрестаннымъ его осмотромъ, и какая польза можетъ произойти отъ этого въ эстетическомъ и всякомъ другомъ отношеніяхъ? Мы когда-нибудь вернемся къ этимъ вопросамъ, а теперь переходимъ къ г. Достоевскому-брату (М. М.).

Лучшая повѣсть г. Достоевскаго: Господинъ Свѣтелкинъ, можетъ служить образцомъ того насильственнаго и механическаго распространенія сюжета, о которомъ было говорено. На семи печатныхъ листахъ разсказывается въ ней исторія дѣвушки, воспитывавшейся въ чужомъ домѣ и потерявшей непорочность свою въ любви къ молодому повѣсѣ, сыну своихъ лицемѣрныхъ благодѣтелей. Когда потомъ добрый и слабый г. Свѣтелкинъ присватывается къ ней, когда благодѣтели всѣми силами стараются устроить эту свадебку, чтобъ сбыть съ рукъ воспитанницу, дѣвушка сопротивляется имъ, [illegible]

въ дому и открываетъ все дѣло жениху на ег
ого ожидаемаго презрѣнія, она получаетъ бол
получаетъ отъ Свѣтелкина трогательную пр
рыстнымъ другомъ ея, если уже онъ не мо
Наташа отдаетъ ему свою руку. «Я слышалъ,
вы», лаконически прибавляетъ авторъ въ закл
въ произведеніяхъ старшаго (по появленію на
цѣ) Достоевскаго, здѣсь есть зародышъ повѣ
не выходитъ къ полной жизни, погибая преим
статка въ живительныхъ лучахъ знанія и набл
изложенія нашего можно уже видѣть, что тут
добрый и ничтожный человѣкъ — Свѣтелкинъ
сынъ. На перваго такъ много и неосторожно н
что его прекрасный, истинно человѣческій по
новымъ видомъ пошлости; по той же причи
чѣмъ-то въ родѣ аллегорическаго изображенія
етъ быть лицомъ. Все семейство Уховерткиных
въ тиши кабинета, и члены его страхъ какъ по
обдѣланныя игрушки. Умалчиваемъ о способѣ
вѣсти, объ описаніи квартиръ, о разговорѣ ге
харки съ гостями и т. п.; умалчиваемъ о юмори
стахъ въ родѣ слѣдующихъ: «мантилья поспѣш
посторонней помощи, *взвернуть* на Наташины п
кинъ «торопливо *разрызывалъ* всей своей особой
съ отличнымъ, впрочемъ, бобромъ»; умалчивае
стическихъ картинахъ на подобіе той, которая п
Свѣтелкинъ, открывшій истину, убѣгаетъ съ дѣ
всѣ мысли, какія только были у него, даже самые
зараждались эти мысли, вышли изъ его тѣлес
не подалеку отъ него, посылая ему, отъ времени
нибудь разрозненную мысль, половину, четверт
можетъ наскучить читателю, несмотря не прел
посылающихъ четверть мысли и доказывающих
оригинала выростаютъ до чудовищнаго у подраж
заны сказать нѣсколько словъ о самой героинѣ –

Лицо русской дѣвушки или женщины есть к
для писателя, живущаго только съ самимъ собок
до сихъ поръ остается празднымъ въ нашей ли
на нѣсколько старыхъ удачныхъ попытокъ гг. Л
ева и новыхъ г. Дружинина. О Пушкинѣ не гово
насъ исключеніе, да и былъ бы недосягаемымъ
бы ни появился. Отсутствіе женскаго лица въ н

вѣсности сообщаетъ ей тотъ рѣзкій, холодный характеръ, который многихъ поражаетъ. Всякой согласится, что нельзя же назвать женщинами и живыми существами произвольныя фигуры, выставляемыя нашими авторами. Только герои самихъ разсказовъ могутъ впадать въ такую грубую ошибку, но читатель, слава Богу, избавленъ отъ этой необходимости. Есть множество весьма *неучтивыхъ* объясненій по случаю этой незамѣнимой пустоты, но объясненія теряютъ свою жосткость тотчасъ, какъ строгой судья потрудится сблизиться съ подсудимымъ своимъ. По нашему крайнему разумѣнію, настоящая причина заключается въ слѣдующемъ. Общественныя явленія отражаются на женщинѣ вездѣ тонкими, весьма нѣжными чертами и потомъ еще распадаются на множество отликовъ въ душѣ ея. Рѣдко представляетъ женщина ту пошлую ясность, ту грубую очевидность характера, которая по-часту встрѣчается между мужчинами, особливо между мужчинами, поставленными въ кругъ дѣйствія, рѣзко очерченный. Для простого наблюденія женщины требуется уже нѣкотораго рода талантъ: ткань ея мыслей и чувствъ такъ многосложна, внутренній ея міръ, куда переноситъ она всѣ внѣшнія явленія, такъ богатъ и разнообразенъ! Лицо женщины никакъ нельзя создать цѣликомъ, на-обумъ, какъ напримѣръ слабаго человѣка, пустого человѣка, скрягу, честолюбца и проч. Увы! Писателю надо видѣть женщину, чтобъ сказать о ней нѣчто, а главное — *надо спуститься* до глубокаго, поэтическаго изученія ея. Вотъ почему вѣрно угаданный характеръ женщины въ какой-нибудь повѣсти есть первый дипломъ автору на артистическую способность наблюденія, на художническій типъ его, и вотъ почему такихъ характеровъ не встрѣтишь въ псевдо-реальномъ направленіи. Скажемъ болѣе: врядъ ли можно признать даже существующимъ *дѣйствительно* такой родъ литературы, гдѣ женщина постоянно остается невидимкой.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу «Наташи» г. Достоевскаго. Драматическія мѣста, въ которыхъ выказываетъ она гордость, пробужденную оскорбленіемъ, такъ трескучи, что невольно раждается подозрѣніе: не обязана ли она существованіемъ театральнымъ впечатлѣніямъ автора. Подозрѣніе еще усиливается, когда замѣчаешь, что страданія бѣдной дѣвушки сопровождаются мимикой, заимствованной у перваго *серьёзнаго* балета. Наташа часто ужасаетъ всѣхъ взглядомъ, руки ея колотятъ тревогу; она сохраняетъ безстрастный видъ, *«хотя каждая жилка въ ней выпихнута изъ своего ложа»*. Душевныя муки Свѣтолкина поясняются тоже апаратомъ, взятымъ со сцены: сердце с [illegible] резонансъ-боденомъ, въ который безпрест [illegible] мъ оскорбленія. Рѣчь Наташи пос [illegible]

пряженіемъ, какъ голосъ, идущій съ подмост
вы? (отвѣчаетъ она соблазнителю своему). Д
могла такъ обмануть меня, что я на вашемъ .
пустоты вашего сердца; одна только скука мо
мое воображеніе, что вы мнѣ показались совсѣ
что вы на самомъ дѣлѣ. Мнѣ стыдно — пона
признаться теперь передъ этимъ добрымъ и б.
комъ (Свѣтелкинымъ), что я могла васъ л
этотъ длинный годъ, съ его скучными днями
гораздо тише и какъ будто говоря сама съ собо
ную тишину, къ которой я не могла привыкнут
торый тянулъ изъ меня душу, длинные вечера
нятій, и потомъ безконечныя ночи. Скука? да,
ное оправданіе». Краснорѣчивая тирада, сказать
всѣми оттѣнками тирады въ полной формѣ. На
авторъ принимается за психологическій ана.
чаетъ невозможное, небывалое, что въ-доба
ташѣ болѣе, чѣмъ всѣ гоненія ея ложныхъ бл
судите сами: «Предубѣжденія ея къ нему (Свѣт
увеличились, но нисколько не опечалили ея. Ея с
крайности натурѣ было бы, кажется, *пріятно* на
ни только недостатки, мелкія погрѣшности, но в
ки, *чтобъ надеждой на будущія страданія возвр*
ченное право по-прежнему гордо смотрѣть на э
щающую посредственность». Мы находимся въ с
мости защитить Наташу отъ естественнаго покро
поклепъ, взведенный на нее самимъ *виновникомъ*
ственномъ отношеніи ничего не можетъ быть без
наго нами мѣста; къ счастію, оно столь же ложн
бительно для прямого чувства. Кто не видитъ, чт
неспособности подмѣтить настоящую особенност
необходимости замѣстить неуловимую тайну чѣмъ
зракомъ.... Но при этомъ случаѣ да позволятъ на
публики, такъ часто обвиняемой у насъ въ равно.
веннымъ писателямъ. Какъ же можно ожидать у
вниманія къ своимъ трудамъ, когда всякой образо
нѣсколько пожившій въ свѣтѣ и видѣвшій людей
манъ или повѣсть, тотчасъ видитъ, что авторъ н
можетъ. Съ первой же страницы читатель сознае
ный его взглядъ обширнѣе, и что вся опытность,
дѣла, общежительная мудрость, такъ сказать,
Книга по-неволѣ выпадаетъ изъ рукъ его!

Сильно ошибется тотъ, кто подумаетъ, что мы вовсе не признаемъ дарованія въ разбираемыхъ нами писателяхъ или умножаемъ выписки и замѣтки наши изъ видовъ легкомысленной потѣхи. Единственная цѣль наша—открыть псевдо-реальному, фантастическому и сантиментальному направленіямъ глаза на собственныя ихъ ошибки и заблужденія, и достиженіе этой цѣли составляетъ все наше честолюбіе. Переходимъ теперь къ ряду писателей, помѣщавшихъ труды свои въ журналѣ, который передъ вами въ эту минуту,—въ Современникѣ.

Смѣшно было бы думать, что всякая критическая статья должна непремѣнно находиться въ зависимости отъ журнала, въ которомъ помѣщена. На этомъ основаніи каждая похвала должна казаться публикѣ нестерпимымъ самохвальствомъ и малѣйшее осужденіе — великодушнымъ подвигомъ его редакціи. Не мудрено избѣжать этихъ нелѣпостей. Стоитъ только вспомнить, что если есть условія, необходимыя для существованія журнала, то вмѣстѣ съ тѣмъ есть еще другое, высшее условіе : уваженіе къ читателямъ. Оно-то должно понуждать всякаго высказать свое мнѣніе скромно, но безъ утайки : такъ мы и сдѣлаемъ.

Къ числу самыхъ важныхъ обязанностей журнализма принадлежитъ открытіе новыхъ талантовъ, ищущихъ простора и дѣятельности. Извѣстно, съ какими затрудненіями сопряжено всякое начинаніе ; въ дѣлѣ литературы, прозорливая оцѣнка перваго труда иногда рѣшаетъ всю будущность молодого дарованія. Мы нисколько не убѣждены, чтобъ русская журналистика вообще исполняла эту обязанность по мѣрѣ силъ своихъ (это остается еще у насъ въ формѣ пріятной надежды), но по части изящной словесности Современнику посчастливилось встрѣтить два таланта въ особахъ гг. Гончарова и Дружинина, которые съ перваго разу получили заслуженную и почетную извѣстность. Если прибавить къ нимъ груды писателей, уже и прежде замѣченныхъ публикой, гг. Тургенева, Григоровича, автора : Кто виноватъ ?, то изъ совокупной дѣятельности всѣхъ ихъ образуется то, что̀ мы охотно назовемъ литературной физіономіей журнала. Мы постараемся уловить ее въ нашемъ разборѣ, а теперь покамѣстъ скажемъ, что существенная особенность ея состоитъ въ отсутствіи условныхъ типовъ, въ стремленіи пробить наружную оболочку жизни, на которой еще держится псевдо-реализмъ, и проникнуть въ извилины ея, откуда почти всѣ изъ поименованныхъ писателей уже успѣли вынесть образы живые и наводящіе на размышленіе.

Г. Гончаровъ, послѣ превосходнаго своего романа : «Обыкновенная исторія», написалъ повѣсть : Иванъ Савичъ Поджабринъ. Мы скажемъ откровенно г. Гончарову, что шуточный разсказъ нало-

дится въ противорѣчіи съ самымъ талантомъ е
ронним изслѣдованіемъ характеровъ, съ его
нымъ трудомъ въ разборѣ лицъ дурно вяжетс
торый весь долженъ состоять изъ намековъ и
Повѣсть перешла у него тотчасъ же въ подробн
ковъ смѣшного Поджабрина и, потерявъ легкос
рѣла дѣльности психологическаго анализа, въ н
залъ себя такимъ мастеромъ. Къ слову пришлос
не всякой, способный на важный трудъ, способ
сказать, беззаботный. Послѣдній требуетъ ос
Только одна природная наклонность можетъ указ
въ основаніи шутки должна непремѣнно лежать
крытая тонкимъ покрываломъ блестящаго шалов
это составляетъ одно изъ существенныхъ услові
и въ такомъ смыслѣ шуточный разсказъ еще ж
своего. Но едва шутка понимается какъ сборъ см
нія, какъ публичная выставка нелѣпостей, он
шуткой, а переходитъ къ псевдо-реализму, гдѣ я
го міра берутся въ той безсмысленной, голой п
представляются неопытному глазу. Мы преслѣ
везде, гдѣ онъ ни являлся, и тѣмъ болѣе должны
Гончаровѣ. Впрочемъ это единственная вещь, на
въ прошломъ году, и молчаніе его доказываетъ,
что онъ занятъ трудомъ, который лучше буде
высокому мнѣнію, которое подалъ онъ о своемъ
своимъ произведеніемъ.

По случаю повѣсти г. Дружинина: Разсказъ А
было уже сказано нѣсколько умныхъ словъ въ С
вѣкомъ, голосъ котораго болѣе не услышится
шей.... Осмѣливаемся прибавить къ нимъ еще нѣс
Первая повѣсть г. Дружинина: «Полинька Саксъ»,
чти какъ необыкновенное явленіе, почти съ таки
нымъ одобреніемъ, съ какимъ принимались нѣко
сказы Гоголя. Чему обязана она этимъ успѣхомъ,
вѣроятно, всѣ ожиданія автора? По нашему мнѣнію,
неожиданно перенесла читающую публику отъ пош
міра, въ сферу, гдѣ выражено нѣсколько благородн
гдѣ главное лицо получило нѣкоторую самостоятел
Герой повѣсти г. Саксъ съ своими великодушными
яснымъ взглядомъ вокругъ себя и съ жизненным
несетъ онъ твердо и благородно, поразилъ всѣхъ.
небывалую вещь извѣстіе, что человѣкъ можетъ с

вѣтскомъ треволненіяхъ, крѣпко на своихъ ногахъ. Мелкая превратное пониманіе жизни, съ которыми борется Саксъ, і у автора весьма ясныя очертанія: онъ выказалъ ихъ не въ ераменовскаго чудовища, поглощающаго интересныхъ ипо- напротивъ, въ ложномъ блескѣ, который ослѣпляетъ ано- ытный глазъ, въ поверхностной граціи, увлекающей, подъ- ювы и не совсѣмъ пустыя. Скажемъ болѣе: міръ этотъ даже ленъ и беззлобивъ у него и тѣмъ можетъ быть страшнѣе. ге увлеченіе и жаръ, неразлучные съ первымъ произведеніемъ составляющіе, если хотите, его *незаконную* прелесть, и тогда ювѣсти объясняется вполнѣ. Вторая повѣсть: «Разсказъ Дмитрича» гораздо сосредоточеннѣе, хотя можетъ быть ляетъ менѣе полноты и обдѣлки въ цѣломъ. Здѣсь уже лицо спалось на два лица и переродилось, повидимому, въ два юложные характера, угрюмаго и тяжелаго Алексѣя Дмитри- 'ящаго и ловкаго барона Рецделя. Несмотря на это, и Саксъ, й Дмитричъ и молодой полковникъ Рецдель связаны одной родственной чертой, именно серьёзнымъ чувствомъ долга, іемъ важности призванія въ жизни и глубокимъ оскорблені- ое наноситъ имъ превратное толкованіе того и другого. Въ ьство важнаго успѣха автора на пути творчества, должно указать на то, что новыя его лица не надѣлены тѣмъ изо- героизма, какимъ отличается Саксъ. Напротивъ, сильное леніе порывамъ ихъ, встрѣченное въ окружающей средѣ, испортило, исказило ихъ. Такъ Алексѣй Дмитричъ скрылся въ какой-то ложной апатіи, сквозь которую безпрестанно его неутихшая душевная боль, какъ, впрочемъ, ни смѣется ъ самимъ собой, какъ впрочемъ ни валяется онъ по цѣ- ямъ на диванахъ. Такъ еще Рецдель закрылся поддѣльнымъ овіемъ и отдался своимъ обязанностямъ, исполненіе кото- накожь у него не просто, а проникнуто аффектеціей, изы- покойно. Апатія перваго и дѣятельность второго равно гру- ю темныя стороны характеровъ, но эти темныя стороны и ихъ настоящими, живыми людьми, обличая мастерство ав- ірность его собственнымъ представленіямъ, какія рѣдко об- ілъ псевдо-реализмъ.

олжая разборъ нашъ, мы встрѣчаемъ въ самой драмѣ, кото- вается между упомянутыми лицами, еще лицо мальчика Ко- юе прелести и истины. Мы снова указываемъ на него псев- иму, какъ на образецъ поэтическаго воспроизведенія дѣйстви- і, достойный всего его изученія. Слогъ г. Дружинина заслу- не менѣе вниманія: онъ простъ, сжатъ, даже отрывистъ. Ко-

нечно можно анализировать очарованіе, подъ
вы находитесь за повѣстью автора, и сказать,
ныя черты, которыми рисуетъ онъ свои лица
бенную выпуклость, рельефность, но это ещ
тайны занимательности, имъ свойственной: т
ютъ сами профили ихъ, сильно интересующіе
тельнаго разсказа распространяется даже на со
шія и менѣе обдуманныя, какъ напримѣръ на
Дружинина: Фрейлейнъ Вильгельмина. Мы
слабо выдержаннаго произведенія изъ-подъ
Саксъ. Оно даетъ намъ возможность указать
отъ которыхъ, по мнѣнію нашему, онъ долже
вой повѣсти его, докторъ Армгольдъ, полный
нія къ людямъ и убѣгающій людей, изображ
костью, но безграничная власть его надъ окр
пояснена и кажется не собственнымъ его прі
душнымъ подаркомъ автора. Въ подобныхъ ха
и безстрастно стоящихъ въ средѣ всего житейск
поступокъ долженъ быть оправданъ болѣе чѣм
гомъ. По справедливости любимая авторомъ
герояхъ и ихъ уваженіе къ себѣ переходятъ ин
преувеличенную, а стало быть и непріятную чи
рой повѣсти Радденскій, проникнутый желаніем
долга (что́, сказать мимоходомъ, опять выраже
держиваетъ, по слабости натуры, собственных
ченный, умираетъ въ чахоткѣ, но умираетъ он
граціозно. Вокругъ него царствуетъ холодная
комнаты, и смерть подходитъ къ нему осторожно
знаетъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ *comme*
достатки самого рода, разработываемаго авторо
метъ предостереженіе наше въ соображеніе пр
своихъ.

Мы могли бы уволить себя отъ разбора пре
зовъ изъ «Записокъ Охотника г. Тургенева», та
ты ихъ уже были весьма остроумно и вѣрно ука
немъ обзорѣ русской литературы (Совр. кн. III)
тора соединяется у насъ нѣсколько мыслей, кот
изложить здѣсь. Г. Тургеневъ первый, кажется,
лей понялъ важное значеніе того, что́ называетс
первый показалъ примѣры какъ замѣчательных
кіе она дать можетъ, такъ и рѣдкихъ качествъ,
самого писателя. Съ этой точки зрѣнія разсказ

для насъ двойное значеніе: во-первыхъ, по собственному содержанію, а во-вторыхъ, по эстетическому вопросу, который они порождаютъ. Новые разсказы г. Тургенева (Малиновая вода, Уѣздный лекарь, Бирюкъ, Лебедянь, Татьяна Борисовна, Смерть) сохраняютъ всѣ качества предшествовавшихъ имъ: разнообразіе, вѣрность картинъ и особенно какое-то уваженіе ко всѣмъ своимъ лицамъ. Гуманность эта, доказывающая, между прочимъ, уже окрѣпшую мысль въ авторѣ, да сильное чувство красоты природы, составляютъ, какъ и прежде, ихъ настоящій колоритъ и вполнѣ объясняютъ успѣхъ ихъ. Это *этюды* многоцвѣтнаго русскаго міра, исполненные тонкихъ замѣтокъ и ловко подмѣченныхъ чертъ. Истинно-художественныхъ разсказовъ въ Запискахъ можетъ быть два-три (Хорь и Калиньічъ — первый изъ нихъ по появленію останется первымъ и по достоинству); всѣ остальные держатся на силѣ наблюденія, на литературной и житейской опытности автора. Изящная словесность цѣлаго народа не можетъ состоять изъ однихъ художественныхъ произведеній, и требовать отъ нея только созданій высокаго творчества значитъ впадать въ нѣкоторый фанатизмъ художественности, столь же ограниченный и невѣрный, какъ и раболѣпные списки съ природы. Для полной литературной жизни такъ же необходима подмѣтка новой стороны предмета, еще невысказанная мысль и картина, порожденная долгимъ опытомъ, какъ и колоссальное произведеніе, на которомъ вполнѣ и глубоко успокоивается эстетическое чувство ваше. Не признавать или отвергать это — весьма можно. Оно даже и легко при нынѣшнемъ развитіи наукъ объ изящномъ и благородномъ воодушевленіи, порожденномъ ими, да только тутъ грозитъ опасность обнаружить неимовѣрную глухоту къ законнымъ требованіямъ умственной жизни. Мы знаемъ, что можно не признавать и послѣднихъ, но при этомъ случаѣ мы тотчасъ же впадаемъ въ родъ драматической фантазіи, гдѣ съ одной стороны красуется толпа, а съ другой — уединенно стоящій умникъ. Нравственная усталость, еще остающаяся въ насъ послѣ этихъ фантазій, освобождаетъ насъ отъ желанія видѣть повтореніе ихъ на дѣлѣ.

Вѣроятно никто не подумаетъ, что мы проповѣдуемъ легкость и беззаботность, такъ сказать, въ литературѣ. Наоборотъ. Стоитъ только указать на произведенія г. Тургенева, чтобъ убѣдиться, какихъ важныхъ условій и какого мастерства требуетъ беллетристика вообще. Во-первыхъ, необходимо ей многостороннее знаніе жизни, зоркость взгляда, изощреннаго опытностію, всегдашнее присутствіе мысли, поясняющей наблюденія, и наконецъ еще талантъ разбора самихъ явленій и вывода ихъ передъ читателемъ. Бо́льшая часть разсказовъ охотника родилась изъ прямыхъ, личныхъ впечатлѣній ав-

тора. Онъ обращаетъ въ картину случай, ем
бираетъ передъ вами характеръ, имъ встрѣче
въ формѣ разсказа собственное свое воззрѣн
метъ; но сколько искусства расточено у него
нородныхъ своихъ пріобрѣтеній! Любопытн
няетъ онъ для каждаго новаго представленія
изложенія, какъ вѣрно расчитаны для нихъ с
кихъ нѣжныхъ оттѣнкахъ и умно разсѣянных
жаются у него люди и событія. Вѣрность окр
такъ гоняется псевдо-реализмъ, рѣдко дост
сама по себѣ и часто достигаетъ поэтическаго
кому проникновенію въ жизнь, но многочислен
желаемъ отъ души русской литературѣ наибол
талантовъ, дающихъ подобные результаты. Не
въ Современникѣ небольшая комедія г. Тургев
и рвется», открывающая новую сторону его т
пись лицъ въ извѣстномъ кругѣ дѣйствователе
ни сильныхъ страстей, ни рѣзкихъ порывовъ,
исшествій. Кто знаетъ, какъ великъ этотъ кру
слугу автора, умѣвшаго отыскать содержаніе и з
гдѣ вошло въ обыкновеніе предполагать отсутст
Такими чертами обрисовалъ онъ главное лицо к
до того, что оно не вѣритъ собственному чувств
что изъ ложнаго понятія о независимости о
счастія, котораго само искало. Всякому случа
ный характеръ, гораздо труднѣйшій для перед
дикоплѣнные герои трагедій или многіе нелѣпы
трига, простая до крайности въ комедіи г. Ту
на минуту своей живости, а комическія лица, к
главная дѣйствующая чета, переданы, такъ ск
скою умѣренностію... Вотъ такого-то рода вездѣ
тература и можетъ принесть всю ту пользу, к
дать вообще отъ литературы, и только на эти
она сдѣлаться необходимостью для общества и
изведеніемъ.

Г. Григоровичъ и авторъ романа «Кто вино
прошломъ году по одному (*) легкому очерку
бенно проявились качества и родъ мастерства,
писателямъ, столь противоположнымъ другъ д
небольшемъ наблюденіи, легко опредѣлить про

(*) Эта статья писана прежде, чѣмъ появилась въ №
г. Григоровича «Капельмейстеръ Сусликовъ».

устъ г. Григоровичъ въ созданіи. Ни на минуту не выпускаетъ онъ въ виду главное лицо и постепенно собираетъ около него опредѣляющія его подробности. Твердымъ шагомъ, медленно и вѣрно цетъ онъ въ этой работѣ и чѣмъ далѣе подвигается, тѣмъ рѣзче ыставляется характеръ, образъ, и наконецъ съ послѣдней чертой эстигаетъ такой художественной полноты, которая дѣлаетъ его неизгладимымъ въ памяти и воображеніи читателя. Таковъ былъ его Антонъ-Горемыка», и въ недавней его повѣсти «Бобыль» тѣмъ же пособомъ воспроизвелъ онъ физіономію доброй помѣщицы.... Мы тлагаемъ до другого времени сказать нѣсколько словъ о самомъ вымженіи этой и другихъ физіономій въ повѣстяхъ автора: разборъ къ можетъ быть еще болѣе уяснилъ бы наши мысли объ истинѣ и ѣрности окружающему въ литературѣ, но мы принуждены временемъ и мѣстомъ ограничиться на этотъ разъ только очеркомъ одной анеры автора.

Авторъ второго очерка, о которомъ мы говорили, уже извѣстный воимъ романомъ «Кто виноватъ?», составляетъ совершенную ротивоположность по манерѣ съ г. Григоровичемъ. Онъ не слѣдитъ акъ тотъ безъ устали за своимъ героемъ и даже не всегда остается му вѣрнымъ до конца, какъ это случилось въ отношеніи Бельтова, дного изъ главныхъ лицъ въ его романѣ. Единственная цѣль его, динственная забота, видимо оковывающая все вниманіе его, состоитъ въ наивозможно болѣе яркомъ выраженіи основной идеи разказа. Послѣдній эскизъ его (Сорока-воровка) легко могъ бы служить подтвержденіемъ всему, что нами сказано объ условіяхъ беллетистики и ея значеніи. Какъ осторожно обойдено въ немъ все рѣзкое угловатое, на чемъ непремѣнно споткнулся бы писатель, мѣнѣе пытный; съ какимъ уваженіемъ къ эстетическому чувству читателя разсказано происшествіе, которое подъ другимъ перомъ легко огло бы оскорбить его! Если во всемъ этомъ нѣтъ чистаго художества, то есть художническая, такъ сказать, изворотливость, всего учше доказывающая всегдашнее присутствіе мысли, безпрестанно тыскивающей для себя необходимый истокъ.

Если мы прибавимъ къ поименованнымъ нами писателямъ г. Даля, печатавшаго въ разныхъ журналахъ свои наблюденія надъ русскимъ бытомъ, занимательные разсказы г. А. Майкова о столкновеніи русскихъ туристовъ съ природой, людьми и искусствомъ Италіи, нѣсколько умныхъ замѣтокъ новаго писателя г. Станицкаго и нѣсколько другихъ именъ, то мы получимъ почти полную лѣтопись всего, что было сдѣлано замѣчательнаго по части изящной литературы, въ положительномъ или отрицательномъ значеніи.

Лѣтопись эта не велика, какъ мы видимъ.

Насъ спросятъ, вѣроятно, почему о
ственно трудами, появлявшимися въ дву
лахъ, и оставляемъ безъ вниманія произве
гихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ.
Только въ двухъ упомянутыхъ нами
кое-то единство мысли при разнородно
изведеній и серьёзное стремленіе достичь
бы онъ ни былъ. Вотъ почему одни они и
обсужденію критики, которая не задала себ
глумиться надъ произведеніями, ничтожнь
или не взяла на себя трудъ, крайне неблаг
ный въ нашей литературѣ, именно—говори
пытокъ сочинительскаго тщеславія о неу
кусства и науки. Только присутствіе како
добросовѣстнаго убѣжденія можетъ достави
веденію и только при этихъ условіяхъ по
отечественнаго просвѣщенія вообще опред
указаніе его ошибокъ и признаніе достои
Часть въ другихъ нашихъ журналахъ боль
случая, вызвана почти всегда необходимост
повѣсти для новаго нумера и нигдѣ не имѣл
взглядъ на искусство. Кому какая нужда
польза?) послѣ этого знать, что въ одно
рыцарская повѣсть, со стукотней конскихъ
женской страсти; что въ другомъ была пов
исчерпать весь бытъ русскаго дворянина
темныхъ похожденій одной семьи; что п
маны сатирическіе, сантиментальные, ст
вилами просодіи и безъ нихъ. Иногда
жетъ войти въ это царство произвола,
тѣнями безъ облика и жизни настоящее
въ Библіотекѣ для Чтенія 1845 и 1846 г.
романъ г. Вельтмана («Приключенія, поч
тейскаго»), который могъ бы быть вполнѣ хо
если бы авторъ откинулъ несчастную мы
достигается капризомъ и своеволіемъ. Прав
ратурѣ не простирается такъ далеко, чтоб
безъ досады, какъ писатель съ умысломъ п
созданія; но все-таки романъ г. Вельтмана
исключеніемъ и по праву принадлежитъ кр
ченіемъ были въ прошломъ году небольшіе
рева, помѣщавшіеся въ журналѣ Москвит

орѣ наблюдательность и талантъ, способный къ развитію. Но за
ими исключеніями, которыя обязанъ усмотрѣть всякой добросо-
стный критикъ, работа его кончается. Было время, когда подвер-
и разбору каждые пять удавшихся стиховъ, каждую повѣстцу съ
мя, тремя счастливыми сценами, забывъ, что для общественнаго
свѣщенія важны не стихи, не повѣсти, даже удачные, а только
тъ съ яснымъ характеромъ и писатель, прокладывающій новую
зю въ области искусства или дающій какой-либо полезный вы-
дъ для общества. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ нашлись мысля-
люди, которые отстранили эту безплодную перекличку всѣхъ
ературныхъ явленій и тѣмъ самымъ много поубавили изъ фаль-
аго, призрачнаго богатства нашей словесности, необходимо рож-
агося оттуда; но они впали въ ошибку другого рода. Проповѣ-
всю жизнь сочетаніе поэзіи и мысли, какъ необходимаго ус-
ія изящной литературы, они были увлечены образцами, въ ко-
ыхъ нашли его, и придали имъ неимовѣрное значеніе. Время
показало преувеличенность надеждъ, возлагавшихся на нравст-
ное и художническое вліяніе этихъ образцевъ, и оно же обмануло
гія ожиданія, поданныя первыми трудами нашихъ прославлен-
хъ писателей. Воспользуемся же невольной и благородной ошиб-
предшественниковъ; скажемъ, что мы присутствуемъ при на-
льныхъ усиліяхъ творчества въ нашемъ отечествѣ, обѣщающихъ
жеть статься богатую жатву въ будущемъ, если судить по нрав-
веннымъ силамъ, употребленнымъ въ дѣйствіе, но требующихъ
лгой, трудной и постоянной выдержки. Мы старались указать
мый путь, какимъ, по нашему мнѣнію, должна проходить литера-
рная дѣятельность, чтобъ быть помощницей общественнаго обра-
ванія, въ чемъ состоитъ ея главное призваніе, и не знаемъ, по-
му мы не могли бы сознаться, что она сдѣлала на немъ только
бкіе шаги. Тутъ нѣтъ оскорбленія чьего бы то ни было самолю-
, а еще менѣе униженія народной гордости. Напротивъ, въ по-
бномъ сознаніи гораздо болѣе признаковъ зрѣлости и силы, гораз-
болѣе симптомовъ приближающейся возмужалости, чѣмъ въ пре-
сличенномъ взглядѣ на вещи, юношеской заносчивости или само-
дѣянности, которыя безпрестанно встрѣчаютъ на пути своемъ
изнь и время съ ихъ неумолимымъ опроверженіемъ, съ ихъ неиз-
нымъ приговоромъ....

Очерки современной жизни. *Томъ* "I.
дей. Сочиненіе **М. Корсини.** *Спб. 1849.*

Намъ не разъ случалось слышать толки о т
обще писатели — люди съ колоссальнымъ и п
щекотливымъ и до болѣзненности раздражите
Это отчасти можетъ быть и справедливо, по-к
литературѣ, какъ ни бѣдна и ни ограничена ея
рѣдко встрѣчали примѣры такихъ колоссальнь
дражительныхъ самолюбій....

Къ сожалѣнію, эти и безъ того колоссальны
стоянно питаемы и поддерживаемы нашею кри
вѣрно и безпристрастно оцѣняя писателей проп
сателей отжившихъ, остроумно подсмѣиваясь н
кой, добродушно и щедро раздававшей титла *р*
Корнелей, Буало, — современная критика, сама
престанно впадала въ тоже самое добродушіе
дѣтскій энтузіазмъ въ отношеніи къ литератур
стоящаго времени. Не имѣя мѣры ни для похва
въ особенности для похвалъ, она раздавала тит
ровъ, Байроновъ и Гёте съ тою же легкомыс
нѣкогда раздавались имена Расиновъ, Корнелей
брошюркѣ, изданной нѣсколько лѣтъ тому на
временныхъ нашихъ писателей (писатель впр
геніяльнымъ) не шутя сравниваемъ былъ съ
шюрка подала поводъ къ очень остроумной
статейкѣ; но критикъ, который подсмѣивался
ной брошюркой, въ тоже самое время самъ то
ся на колѣни передъ другимъ писателемъ съ оч
дарованіемъ и величалъ его не шутя *русскимъ*
...ъ въ русской литературѣ было немало....

Въ настоящую минуту — и въ этомъ отношеніи мы сдѣлали большой шагъ впередъ — такого рода неумѣренныя похвалы сдѣлались почти невозможными, ибо публика перестаетъ увлекаться напыщенными фразами, дѣтскимъ энтузіазмомъ и чувствуетъ потребность въ критикѣ строгой, дѣльной и хладнокровной.

Такая критика, въ которой истина является безъ фразеологическихъ украшеній, по новости своей, должна оскорблять и удивлять баловней критики—*русскихъ Гомеровъ и Гёте*, но пусть ихъ оскорбляются, это для нихъ полезно; вѣдь не всегда же намъ для ихъ удовольствія быть дѣтьми и какъ куклами играть великими именами!....

Въ настоящую минуту, можетъ показаться смѣшнымъ напримѣръ такой фактъ, который совершился на нашихъ глазахъ, лѣтъ пятнадцать назадъ тому, и который кстати мы разскажемъ здѣсь нашимъ читателямъ.

Одинъ стихотворецъ (а пятнадцать лѣтъ назадъ тому стихотворцевъ было на Руси очень много) собралъ томъ своихъ стихотвореній, разбросанныхъ прежде въ разныхъ журналахъ.... Въ одномъ журналѣ разборъ этихъ стихотвореній, которыя и для того времени были ниже посредственности, начинался такъ:

«Мы слишкомъ далеки, чтобы сравнивать господина NN съ поэтами первой величины, каковы Гомеръ, Данте, Шекспиръ, но тѣмъ не менѣе».... и прочее.

Стихотворецъ, разумѣется, былъ очень доволенъ этимъ разборомъ и нѣсколько дней послѣ того прохаживался по улицамъ и посматривалъ на всѣхъ съ бо́льшею торжественностію, нежели обыкновенно... Вдругъ, совершенно неожиданно для него, въ другомъ журналѣ появилась критика на его стихотворенія, очень дѣльная и ловкая, въ которой впрочемъ съ большою деликатностію высказано было стихотворцу на-прямикъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго дарованія.... Бѣдный стихотворецъ совершенно растерялся: до сей минуты никто не высказывалъ ему въ глаза этой горькой истины... Оскорбленный, онъ прибѣжалъ къ своему пріятелю, который былъ хорошо знакомъ съ его строгимъ критикомъ.

— Что́ это значитъ, братецъ, скажи мнѣ, пожалуйста, сказалъ онъ ему, прохаживаясь въ волненіи по комнатѣ: — я рѣшительно этого не понимаю.... Что́ я сдѣлалъ Б***? за что́ онъ меня *разругалъ?* Мы были всегда съ нимъ въ хорошихъ сношеніяхъ, я никогда его ничѣмъ не оскорблялъ.... За что́ же онъ на меня нападаетъ-то? Вѣдь это, братецъ, нехорошо.

— Да онъ тебя вовсе не *разругалъ*, х.ы
пріятель: — онъ просто разобралъ твои ст
откровенно высказалъ о нихъ свое мнѣніе..

— Помилуй, братецъ, перебилъ его съ :
рецъ: — чтóжь такое мнѣніе, какъ же этак
мы сколько разъ съ нимъ обѣдывали вмѣст
себѣ.... такъ, кажется, всегда съ нимъ хор
меня раза два чай пилъ.... Нѣтъ, чтó ты ни
благородно.

Но какъ ни возражалъ на это пріятель, о
стихотворцу, что пріятельскія отношенія
сама по себѣ, что можно съ человѣкомъ с
стѣ и въ тоже время изустно или печатн
правду; стихотворецъ все кричалъ свое:

— Нѣтъ, ужь ты не защищай его.... это

Стихотворецъ былъ самолюбивъ и мало о
несмягченное образованіемъ, всегда проявля
скихъ формахъ. Вѣроятно, такого рода наивнь
сателей въ настоящее время встрѣтить уже н
дены въ этомъ.

Впрочемъ какое дѣло журналу до заносчи
любій? «Современникъ» будетъ всегда выска
мо, открыто всѣмъ и каждому. Истина для нас
жденія, наши взгляды на искусство могутъ ка
ными, ошибочными, но мы надѣемся, что ни
въ пристрастіи, въ дѣтскихъ, восторженныхъ
шленно-несправедливыхъ осужденіяхъ.

Въ прошлой книжкѣ нашего журнала мы
наше мнѣніе о романѣ г-жи Корсини: *Семья Ас*
же откровенно выскажемъ наше мнѣніе о дру
веденіи, заглавіе котораго мы выписали въ на
бы ни показались сочинительницѣ непріятны
романахъ, мы увѣрены, что она все-таки не зах
къ своимъ литературнымъ врагамъ.

Итакъ, прежде всего разскажемъ содержані
скихъ людей...

Нѣкто г. Омскій — *одинъ изъ самыхъ модн*
шемъ обществѣ (такъ говоритъ сочинительни
дою и свѣтскою дамою Лидіею, которая такъ
душна, *ибо для него одного она расточаетъ все*
манныхъ фразъ и движеній...

«Лидія ничего не жалѣла, чтобы привлечь его къ себѣ и, при перъ его намекѣ на любовь, она чувствовала, что не устоитъ противъ го. Съ той минуты страсти ея, не на долго усыпленныя, готовы ли проснуться съ прежней силой: она опять готова была полюбить зумно. Ни съ той, ни съ другой стороны не было еще положительхъ объясненій, а Лидія терзалась уже ревностью, не могла равноно смотрѣть, когда Омскій *занимался* другой женщиной.

«Только и было спокойствія въ этой тревожной жизни, что перепѣ отъ разочарованія въ первой любви до новой страсти. Этотъ переходъ Лидія пережила ожиданіемъ будущаго счастья, которое пред влялось ея воображенію въ самыхъ поэтическихъ образахъ. Но ко достиженіе цѣли было близко, опять ожили въ ней всѣ неугомоня наклонности. Ей хотѣлось быть любимой, она чувствовала потребсть отдаться подъ покровительство сильнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ не гла отречься отъ деспотическихъ требованій. Обѣщая себѣ не разжать любви подозрѣніемъ, она не въ силахъ была удержаться отъ ной оскорбительной ревности.

«Эта-то ревность и внушила Лидіи самую эгоистическую мысль испыть Омскаго, и для этого испытанія пожертвовать другимъ, подобымъ себѣ существомъ. Она сознавалась передъ собой, что люитъ его со всею силою страсти, вновь пробудившейся въ ея пылмъ сердцѣ, но рѣшилась предаться упоенію этого новаго, сладостго чувства не прежде, какъ увѣрившись въ искренней къ себѣ призанности молодаго человѣка. *Для этого она вздумала познакомить ю съ одною бѣдною, но необыкновенной красоты, дѣвушкою, семейству торой она помогала.*

«Лидіи хотѣлось узнать, до какой степени Омскій могъ устоять ротивъ искушенія. Въ то самое время, какъ она такъ неотступно прола его посѣщать бѣдныхъ, сердце ея замирало отъ страха. «А если олодая дѣвушка ему понравится?... думала она, — тогда все конче между нами. Ему ничего не стоитъ овладѣть ею; онъ не встрѣтъ въ ней, въ неопытномъ ребенкѣ, ни малѣйшаго сопротивленія; а тецъ и мать, конечно будутъ рады выйти черезъ свою дочь изъ ниенскаго состоянія.

«Эти мысли терзали Лидію, и чѣмъ вѣроятнѣе ей представлялось лиженіе Омскаго съ Рансой, такъ звали молодую дѣвушку, тѣмъ наойчивѣе она была въ своемъ намѣреніи, тѣмъ скорѣе хотѣла начать спытаніе, а послѣ того или отдаться любви Омскаго съ безграничй довѣренностью, или прекратить съ нимъ всѣ сношенія.»

Обдумавъ этотъ планъ, Лидія послала за Рансой, подарила ей *нѣсколько своихъ платьевъ не изъ самыхъ нарядныхъ и при томъ свѣтлыхъ цвѣтовъ (сшитыхъ у мадамъ Сихлеръ)* и приказала ей при себѣ примѣрить одно, розовое платье, сказавъ:

«Одѣвайся передъ моимъ зеркаломъ и полюбуйся на себя.»

«Молодая дѣвушка спустила *свое холст*
но и стояла съ потупленными въ землю гла
цемъ на щекахъ. Лидія поблѣднѣла отъ за
формы полуоткрытой груди и обнаженныхъ п.

Да отчего же? Вѣдь у Лидіи въ своемъ
вительныя и грудь и плечи. Вѣдь она была
бургскихъ красавицъ?

«Омскій не въ силахъ будетъ устоять пр
она; — взоръ ея загорѣлся ревностью, гол
ренняго потрясенія. Съ судорожнымъ безпок
нарядъ Раисы; все ей было въ пору и чрез
просила ее повернуться бокомъ, потомъ спи
Бросившись въ кресла, она схватилась за г
стымъ голосомъ: «Возьми же себѣ, Раиса, вс
надѣнь розовое платье; оно къ тебѣ очень и
хороша. *Еще я хотѣла сказать тебѣ, милая,*
жна дичиться съ тѣми, кто станетъ навѣщ
развязна и разговорчива. Повторяю тебѣ, съ
жешь понравиться и богатому, пожалуй, и ва

Невинная Раиса въ восторгѣ отъ своей бл
ду тѣмъ Омскій, послѣ долгихъ и безполезн
нимъ собою, не совсѣмъ охотно повинуется
стить бѣдное семейство, о которомъ она ему
приноситъ ему платье.

«Возьми это прочь (замѣтьте, это гово
модныхъ кавалеровъ въ высшемъ обществѣ, ваг
ему платье)... оно *слишкомъ хорошо для сегод*
есть *прошлогодній* сюртукъ, давай его сюда; *
дорожный сѣрый жилетъ» *(!!)*.

Во-первыхъ, никакой свѣтскій молодой че
ни поѣхалъ, не надѣнетъ стараго, замасленна
сѣраго жилета, а во-вторыхъ, всякой свѣт
выѣзжая утромъ, куда бы то ни было, всегда
чатки, а желтыя носитъ только по вечерамъ.
могутъ показаться слишкомъ мелочными. Он
но ужь если авторъ взялся намъ описывать
вправѣ требовать отъ него, чтобы онъ предс
крайней-мѣрѣ внѣшнюю сторону этого свѣта.
Омскимъ, который отправился посѣщать бѣд
ромъ жилетѣ и въ прошлогоднемъ сюртукѣ *с*
пятномъ (стр. 74).

«Взобравшись на полуразрушенный чердакъ, онъ постучалъ въ ...ерь. Дверь отворилась, и передъ нимъ предстала семнадцатилѣтняя ...вушка съ нѣжными чертами лица, съ благородной осанкой и съ ...ѣжестью *одежды, доходившей почти до изящества*.

«При этой встрѣчѣ (говоритъ сочинительница) Омскій подумалъ, ...о попалъ не туда, куда слѣдовало, началъ извиняться *въ самыхъ ...исканныхъ выраженіяхъ*», и проч.

Смѣемъ увѣрить сочинительницу, что свѣтскіе люди, люди *хорошаго тона*, или, какъ выражается она, *модные кавалеры*, именно от...чаются отъ всѣхъ своею изящною простотою во всемъ... А изы...анными выраженіями и пестрыми жилетами щеголяютъ только ...анты средней руки...

Красавица, отворившая Омскому дверь, была, разумѣется, Раиса. ...иса жила съ отцомъ и матерью. Отецъ ея — старикъ, сохранившій ...рдость и чувство человѣческаго достоинства въ самой страшной ...щетѣ; мать — женщина, ничѣмъ неотличавшаяся отъ обыкновенныхъ нищихъ попрошаекъ. Когда нашъ герой, котораго сочинительница представляетъ типомъ свѣтскаго человѣка, вошелъ въ комнату ...ъ этимъ бѣднякамъ, *онъ смѣшался и покраснѣлъ, а потомъ впалъ въ ...угія погрѣшности, болѣе важныя: началъ сморкаться, кашлять, даже шарилъ въ карманахъ*, *не находя ни одного слова* (?)...

Потомъ, посидѣвъ немного, онъ уѣхалъ, съ *новыми мыслями и ...увствами, которыя его ласкали и тревожили.... Онъ забылъ Лидію ...цѣлый міръ и черезъ нѣсколько часовъ машинально пошелъ обѣдать ...ъ французскій ресторанъ, машинально раскланивался на Невскомъ ...ъ своими знакомыми, и заказывая себѣ по картѣ обѣдъ, видѣлъ мысленно ту кухню, гдѣ варится овсяный супъ со снѣтками.* (!!?)

«Взявъ карту, онъ *началъ отыскивать кушанья подешевле.* Онъ не ...ылъ отъявленнымъ гастрономомъ; удовольствіе отлично пообѣдать не ...тавилъ выше всего на свѣтѣ, потому это и не казалось ему слишкомъ ...ольшимъ лишеніемъ. «Супъ съ рисомъ, ростбифъ съ зеленью...» сказалъ онъ слугѣ.

— *Помилуйте!* — возразилъ офиціантъ съ дерзкой улыбкой: — *...ти кушанья вовсе не по васъ*; мы ихъ готовимъ такъ, на всякій случай, для незнакомыхъ; это называется у насъ среднимъ обѣдомъ, и ...ы не посмѣемъ его подать вамъ.

«*Слова наглаго слуги вдругъ уничтожили всѣ добрыя намѣренія Омскаго* (!!). Воспоминаніе о Ботовыхъ (родители Раисы) исчезло съ быстротой молніи, и онъ мгновенно возвратился къ прежнимъ своимъ идеямъ ...привычкамъ. Принявъ свою обычную осанку, онъ сказалъ *(лакею?)* ...ъ видомъ презрѣнія, что французская кухня ему надоѣла, и что онъ ...ля разнообразія хотѣлъ попробовать блюда попроще. Послѣ такихъ ...правданій въ *своей непростительной винѣ* (*передъ лакеемъ?*), онъ бро-

силъ карту на столъ и велѣлъ принести обѣ,
шихъ блюдъ и бутылку шампанскаго!

Оставшись одинъ, Омскій *почувствовалъ*
своего положенія передъ офиціантомъ (?). «Сп
съ рисомъ! — сказалъ онъ самъ себѣ съ упр
вести себя? Правду говорятъ, что никогда не
вѣку связываться съ дрянью; одинъ только
низкомъ слоѣ людей, и вотъ его вліяніе! *Ещ*
силъ протертаго картофеля съ копчеными язы
это сдѣлать. Негодяй офиціантъ, пожалуй, Б
обо мнѣ, сочтетъ, что я разорился и начинаю
обѣдѣ.... какая гадость! Приличны ли мнѣ та
женіе!...»

Обѣдалъ Омскій безъ удовольствія и безъ н
что онъ компрометировалъ себя въ глазахъ слу
Желая возстановить хорошее о себѣ мнѣніе, он
лучшей мадеры, выпилъ съ полрюмки, а остально
офиціанта, да еще кинулъ ему рубль серебромъ в
услугу (?!)».

Съ этой минуты, т. е. съ минуты, когда
себѣ передъ лакеемъ и, желая возстановить о
спросилъ бутылку лучшей мадеры, Омскій на
борьбѣ съ самимъ собою. Онъ то отрекался от
зу Раисы, то проклиналъ Лидію и отправлялся
А въ сердцѣ Лидіи, между тѣмъ кипѣла *ж*
ная дама ненавидѣла бѣдную дѣвушку и пис
телю раздушонныя записочки, на которыя онъ
гомъ:

«*Обожаемая* Лидія! зачѣмъ сомнѣваться и тр
не увѣрена во мнѣ, милый другъ мой? Ужели т
собнымъ забыть, хоть на минуту, твое довѣріе
же меня, Лидія, такимъ неосновательнымъ подо
омрачить нашу любовь. *Сейчасъ буду у ногъ тво*

А между тѣмъ думалъ: — что *если бы Ра*
Сколько восторговъ я бы испыталъ при ней! (а не
это онъ освѣжилъ лицо миндальнымъ мыломъ,
тичнымъ эликсиромъ.»

Омскій ѣздилъ чаще и чаще къ Раисѣ. Раи
билась въ него... Однажды онъ пріѣзжаетъ къ
ритъ ему, что отецъ ея слегъ въ постель, что
мать пошла къ доктору.

«Такъ вы однѣ дома? — спросилъ Омскій съ
той: — позвольте мнѣ подождать здѣсь, а не

усь въ той комнатѣ: — *онъ показалъ на кухню;* — мнѣ кажется, я мѣю нѣкоторое право просить у васъ этого позволенія *(т. е. остать-я на кухнѣ?);* ваша матушка вѣрно не разсердится.... Вашего отца люблю, какъ своего, вашу матушку, васъ.... а вы.... Или до сихъ оръ вы не хотѣли замѣтить, что я люблю васъ?»

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ взялъ ея руки и произнесъ:

— «Позволь мнѣ любить тебя Раиса! позволь мнѣ думать ежеминутно о твоемъ спокойствіи, счастіи.... Согласишься ли ты *осчастливить всю мою жизнь?*

— Въ васъ все, что можетъ быть лучшаго въ человѣкѣ, отвѣчала ему Раиса. — Я вижу это, я понимаю какова должна быть *подруга вашей жизни.*

Однажды вечеромъ, Омскій, всунувъ въ руку матери Раисы *свертокъ депозитокъ*, увезъ Раису къ себѣ на квартиру, которую онъ заранѣе для нея приготовилъ.

«Раиса, встрѣтивъ на другой день Омскаго, не упала въ обморокъ, не разразилась въ упрекахъ и истерикѣ, она *съ покорностью приняла отъ обстоятельствъ свой жребій* и не подумала даже спросить, какъ, почему и по какому праву она была привезена туда безъ ея согласія? Не подумала перенестись въ будущность и сочинить при этомъ цѣлый томъ дѣйствительныхъ и ложныхъ опасеній. Она не взяла даже обѣщанія съ Омскаго, что онъ всегда будетъ любить ее, а напротивъ, стала во всемъ угождать ему и исполнять его волю».

Первый мѣсяцъ быстро промчался для нихъ; потомъ Раиса (и это очень натурально) надоѣла Омскому; къ тому же она называла его *голубчикомъ* и *цаловала ему руки.*

«Какъ можно цаловать руку мужчины?—сказалъ онъ, освобождаясь изъ объятій Раисы — Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что всегда и во всемъ надо соблюдать приличія. *И почему ты называешь меня голубчикомъ, а не какъ нибудь по-благозвучнѣе? хоть бы mon cher сказала; а если хочешь выразиться по-нѣжнѣе, то скажи adorable,* — или ты еще не выучила столько словъ? (!!?) Во всякомъ случаѣ, пожалуйста, не голубчикъ: такъ не говорятъ *въ нашемъ обществѣ, а я не привыкъ къ другому тону»*

Охладѣвъ къ Раисѣ, которая начала изнывать и таять, Омскій почувствовалъ, что онъ не совсѣмъ былъ правъ противъ Лидіи, и снова сталъ ухаживать за ней. Лидія не безъ удовольствія видѣла возвращеніе къ себѣ своего прежняго возлюбленнаго; но вдругъ, въ одинъ прекрасный день, къ ней является старуха, мать Раисы, и объявляетъ ей, что ея дочь пропала, что ее увезъ тотъ баринъ, тотъ благодѣтель, который пріѣзжалъ къ нимъ отъ ея имени.

При этомъ извѣстіи

«Лидія вскочила. Глаза ея горѣли; черты л
сердито и грозя обратилась она къ старухѣ
оставить родительскій домъ?... И вы допусти
благодарность за всѣ мои милости!... Чѣмъ о
что пустилась!... Стыдитесь называться мат
дочери и не смѣйте никогда показываться ми
васъ видѣть... Этотъ поступокъ такъ не пройд
бъ она не была, я отыщу ее.... Оставьте мен
Старушка ни жива, ни мертва пришла дом
Лидія позвала свою горничную, посвящени
велѣла немедленно узнать отъ людей Омскаго,
щадить при томъ денегъ, сыпать полной рукой
вечеру принести отвѣтъ. Горничная была ра
чешью: она могла поставить на счетъ сколько е
не мудрено было узнать. Кучеръ Омскаго дав
прачкѣ Лидіи, приносившей въ дѣвичью чистое
слала за Таней, дала ей четвертакъ на извощ
къ кучеру за справками.

Къ вечеру на столѣ Лидіи лежалъ адресъ Ра
минныхъ подарковъ людямъ Омскаго. Лидія раво
смотрѣла лихорадочнымъ взоромъ, блѣднѣла, ва
въ строкахъ, очень плохо написанныхъ, былъ я
жилы при одномъ на нихъ взглядѣ. Въ чрез
своихъ она не могла ни о чемъ думать, не могл
одномъ планѣ; все перепуталось въ ея головѣ и
бы она рѣшилась, истить ли, или простить вели
вину. На бѣду пришелъ старикъ Ботовъ: полож
что она не идетъ, онъ не послушался жены и
дочери.

Горничная доложила и о его прибытіи.

«Сюда его, сюда!» закричала нетерпѣливо Ли

— Онъ одѣтъ, сударыня, неприлично, — замѣ
худенькомъ халатѣ.

«*Дать ему какую нибудь шинель*, — поспѣшно
— и непремѣнно позвать сюда».

На Ботова надѣли шинель и ввели въ будуаръ .

«*Я* такъ разстроена, что едва могу говорить,
рывистымъ голосомъ. — Сегодня я узнала новос
для меня и для васъ; но вы должны вооружить
огорчаться слишкомъ много. *Я* не могу дольше
что вашей дочери у меня нѣтъ.... Она живетъ, и
ного молодаго человѣка, который увезъ ее».

Глаза Ботова непомѣрно раскрылись и ос
одной точкѣ. — Извините, — произнесъ он
что понялъ, что вы изволили сказать.

Лидія видѣла потрясеніе этой сильной души, поняла, что Ботовъ будетъ лучшимъ ея мстителемъ и съ злобной радостью продолжала: «Мнѣ чрезвычайно жаль огорчать васъ, но нельзя утаивать отъ отца поступокъ дочери.... Ея нѣтъ у меня.... она живетъ на квартирѣ, и вотъ ея адресъ..

Старикъ затрепеталъ. — Дочь моя!.., Дочь моя бѣжала!... вскричалъ онъ. — Могъ ли я ожидать такого позора!...

Лидія подала ему адресъ: онъ схватилъ его и вышелъ. Въ одно мгновеніе все разрушилось для несчастнаго Ботова. Душевная крѣпость его поколебалась; надежда невозвратимо исчезла. Онъ ужъ не могъ сказать: богатство и счастье мое — чистая совѣсть; онъ былъ отцемъ преступной дочери, и эта мысль вдругъ разоблачила предъ нимъ всю ужасную истину его положенія. Онъ увидѣлъ ясно снѣдающую все семейство бѣдность, и уже ни въ чемъ не находилъ себѣ отрады.

Примирившись съ Лидіей, Омскій рѣшился разстаться съ Раисой и *совѣтывалъ ей заняться другими.*

«И тебѣ не грѣхъ, Мишель, говорить,—отвѣчала ему Раиса,— *что я могу заняться другими и забыть тебя?...* Не обѣщалась ли я любить тебя одного и жить для одного тебя?... Тебя я считала своимъ другомъ, своимъ покровителемъ и гордилась своей любовью! Безъ тебя что остается мнѣ въ жизни?... Ахъ, Мишель, не покидай меня!... Скажи, чѣмъ могу я заслужить твою привязанность, я все исполню! Останься и не увидишь ни одной слезы, не услышишь ни одной жалобы.... я буду весела, стану наряжаться.... я буду хороша по-прежнему».

«Омскій, высвобождаясь изъ ея объятій, взглянулъ на дверь и вздрогнулъ: тамъ стоялъ старикъ Ботовъ.... (Нельзя не замѣтить, что сцена эта лучшая во всей повѣсти). «Прощай, Раиса, прощай!... — произнесъ Мишель въ сильномъ смущеніи: «Я тороплюсь, ѣду по важному дѣлу, я не могу потерять ни одной минуты.» Онъ хотѣлъ выскользнуть изъ двери, но Ботовъ заслонилъ ему дорогу, говоря. «Нѣтъ, погоди, успѣешь и послѣ кончить свои важныя дѣла; прежде со мной объяснись....»

«Раиса съ радостью подбѣжала къ отцу, но онъ въ порывѣ негодованія оттолкнулъ ее; разстроенная уже Омскимъ, она не могла снести гнѣва отца и упала безъ чувствъ.

Оскорбленный старикъ пожиралъ свѣтскаго юношу сверкавшими глазами и съ дрожавшихъ губъ его полились жесткіе упреки

— Ты, модный франтъ, — сказалъ онъ съ горькимъ презрѣніемъ, — ты не постыдился пробраться въ жилище бѣдняка, не постыдился [illegible] и угождать мнѣ для того, чтобы обмануть меня!... Гдѣ же [illegible] гдѣ же правила благородства и чести, которыми ты [illegible] были одни пустыя слова, незначащія

ничего на самомъ дѣлѣ: ты хитрый обман бездушный и злой человѣкъ!...

«При видѣ нищаго старика, котораго ли подъ накинутой шинели. Омскимъ овладѣло Онъ даже не подошелъ къ упавшей безъ чу и презрѣніе, возбужденныя въ немъ Ботовым онъ устыдился, что могъ любить дочь грубаг хама, какимъ казался ему тогда Ботовъ...

«Раиса открыла глаза, пришла нѣсколькими движеніемъ было протянуть руки къ Омскому она слабымъ голосомъ, — помоги мнѣ встать лился.

«Вы не знаете, батюшка, — продолжала о меня!... и теперь еще любитъ! Онъ не оста онъ знаетъ, что я не могу жить безъ его люб

«Отецъ поднялъ ее и, посадивъ на дивап грустью, чѣмъ съ упрекомъ: «Легковѣрное ді понимаетъ любовь! Ты думаешь, онъ обсуд судьбу отдавшейся ему женщины, и признает ности въ отношеніи къ тебѣ! Взгляни, какъ св масъ! Онъ полагаетъ, что природа положила какъ между животными; считаетъ себя благор пресмыкающимися. Онъ думаетъ, что мы не и не можемъ чувствовать возвышеннѣе, неж признаетъ души въ человѣкѣ, и мѣряетъ его в новъ рублей.»

— Неправда, батюшка, — возразила со сле Мишель, что онъ ошибается: скажи хоть одно любишь меня!...

«Омскій молчалъ: онъ могъ бы уйти въ эт *тіямъ своимъ о чести, счелъ безчестнымъ оста ей ласковаго прости, не примиривъ ее съ саб* началъ онъ, смотря на нее съ состраданіемъ, для тебя? Ты, къ несчастью, во власти отца. услуги. Покорись на время необходимости, пос. ить твою жизнь. Перенеси мужественно огорче она необходима. Прощай, Раиса, повѣрь мнѣ, т тобой....»

— Погоди! — закричала она въ изступлен нѣтъ средствъ не разлучаться намъ никогда? І нывалъ, если ты любишь меня, ты можешь батюшки.... Пожалѣй меня, Мишель!... не поки

«Намекъ Раисы на бракъ раздражилъ Омск воспитанной дѣвочкѣ, дочери какого-то Ботова съ нимъ, съ Омскимъ! Бѣдная не понимала, ч ее, и что привязанность его

«Подумай, милая Раиса, что ты говоришь,—сказалъ онъ надменно. Вспомни разстояніе между нами и посуди, возможно ли это? Признаюсь я никогда не обманывалъ тебя: сначала признался, что не могу тебѣ жениться. Я желалъ бы заботиться о твоей будущности и предохранять тебя отъ лишеній, но надъ тобой возстастъ власть отца, котораго, прости меня, я не могу равнодушно смотрѣть, потому и нуженъ прекратить всѣ сношенія съ тобой. Прощай, Раиса, не сердись на меня и будь счастлива.»

«Омскій вышелъ. Раиса горько заплакала. Отецъ, не говоря ни слова, помогъ ей встать, накинулъ на нее бурнусъ и повелъ домой. Несчастная дочь его оставила свое роскошное жилище, свою радость, сладкія мечты, любовь Омскаго и жизнь свою. Она дрожала отъ утренняго холода, какъ будто бы ужъ вѣялъ на нее близкій холодъ могильный. Вступивъ подъ родительскій кровъ, она упала отъ слабости.»

Бѣдная Раиса скоро послѣ этого умерла въ чахоткѣ; Лидія, видѣвшая свою соперницу на смертномъ одрѣ, сжалилась надъ нею, похоронила ее на свой счетъ и назначила ея матери пенсіонъ, а потомъ написала письмо къ Омскому:

«Той, которая насъ разлучала, уже нѣтъ на свѣтѣ.... Невольно приходитъ на мысль непрочность всего земнаго... Среди грустныхъ моихъ ощущеній я много думала о тебѣ, Мишель! И какъ непростительны мнѣ показались мои поступки противъ тебя... Прости меня, другъ мой, поспѣши *осчастливить своимъ присутствіемъ* любящую тебя женщину, *излей предо мной свою душу;* я приму со слезами умиленія твое признаніе и тоже, въ свою очередь, покаюсь тебѣ въ моихъ поступкахъ съ Ботовымъ. Ты простишь меня, я увѣрена, я это предчувствую. Теперь я убѣдилась, что подозрѣніе — обида, а ревность — вѣрный шагъ къ разрыву. Я поняла тебя, Мишель, и ты увидишь это на дѣлѣ. Жду тебя, единственный другъ мой!»

Въ отвѣтъ на это нѣжное посланіе жестокосердый *модный кавалеръ* извѣстилъ Лидію, что онъ женится на г-жѣ Бетси, и заключилъ письмо свое слѣдующими строками:

«Ахъ Лидія! позвольте еще разъ дать вамъ это незабвенное имя, - молю васъ объ одномъ, *не презирайте несчастнаго*, онъ *и то осужденъ на безконечныя страданія!*»

Омскій женился на Бетси, потому-что отецъ не хотѣлъ платить его долги, а Бетси была, изволите видѣть, очень богата. При встрѣчахъ съ Лидіей въ обществѣ, Омскій *принимаетъ видъ несчастнаго*, Лидія безъ друзей и безъ семейства ведетъ однообразное существованіе. *Самолюбіе вытѣснило изъ ея сердца всѣ отрадныя чувства....*

...а Омскаго уѣхала за-границу, а Омскій содержитъ какую-то ... Впрочемъ онъ презираетъ всѣхъ женщинъ безъ

исключенія и хочетъ избрать для себя п
тельности. — Онъ, по увѣренію сочините
леніемъ огромнаго и, должно быть, геніал
нравахъ и преобразованія идей....»

Этими строками заключается новая повѣс
эта въ художественномъ отношеніи еще сла
ней, какъ и въ Семьѣ Ассесорши, нѣтъ ни
вѣрно очерченнаго: *Раиса* напримѣръ точн
цвѣтное лицо, какъ *Настя* въ Ассесоршѣ
сорши есть по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя оч
сти, ловко списанныя съ натуры, чего, п
не замѣтили въ *Любви свѣтскихъ людей...*

Вообще *свѣтскія* повѣсти (за исключені
стей графа Соллогуба, «Княжны Мими» кня
не удаются въ русской литературѣ... Отчего
рѣшить нетрудно, но на этотъ разъ мы у
молчаніемъ.

Свѣтская повѣсть г-жи Корсини не отлич
свѣтскихъ повѣстей, которыя писывались
обыкновенно начинались такъ:

«Княгиня полулежала на роскошной гамбс
сѣнію широколиственнаго банана, передъ огро
зеркаломъ, облитая матовымъ освѣщеніемъ.
ея, обутая въ узенькій атласный башмачокъ,
стому ковру. Въ это время графъ Звѣздичъ...

Герои г-жи Корсини — *Лидія* и *Омскій*, в
ній, очень мало походятъ на настоящихъ свѣт
ней-мѣрѣ на тѣхъ, которыхъ намъ удавалось в
сомнѣваемся, чтобы истинные свѣтскіе люди
щимъ образомъ:

«Или вы смѣетесь надъ тѣмъ, что я смотрю
— Вы смотрите? — спросила съ притворны
«Смотрю цѣлый часъ и не имѣю силы отъ
— А я бы побожилась, что вы за сто верс
были разсѣянны, что не отвѣчали на мои воп
«Мудрено ли?... *Скажите, кто вамъ дѣлает*
фли? Изъ пу-де-соа, кажется.
— Нѣтъ, атласныя.
«*Я очень близорукъ, не вижу издали*; *позволь*
«Омскій пересѣлъ на ближайшее къ кушетк
чтобъ лучше разсмотрѣть миніатюрную ножку.
крылось легкимъ румянцемъ и *онъ вздохнулъ* (!)
ни слова.»

Мы сомнѣваемся такъ же, чтобы истинные свѣтскіе люди при мысли, что они компрометировали себя въ глазахъ слуги, теряли ...етить и для возстановленія о себѣ хорошаго мнѣнія спрашивали бутылку лучшей мадеры, — чтобы они упадали на колѣни передъ своими невѣстами и называли ихъ *свѣтилами жизни*... (стр. 233), — чтобы они занимались геніальными планами измѣненій въ правахъ и ...реобразованія идей, и проч. и проч.

Вѣроятно, въ этомъ случаѣ, сомнѣніе наше раздѣлятъ многіе...
Если бы мы были увѣрены, что г-жа Корсини позволитъ намъ ...ать ей совѣтъ, мы отъ искренняго сердца посовѣтовали бы ей не ...исать болѣе *свѣтскихъ* повѣстей.

Путевыя замѣтки. *Святогорскій монастырь и сельцо Михайловское.*

Новѣйшія свѣдѣнія о торговлѣ Европы и Сѣверной Америки.

Первое изъ этихъ заглавій принадлежитъ фельетону одной газеты, помѣщенному въ нѣсколькихъ нумерахъ ея, начиная съ 247, и составившему теперь маленькую брошюрку въ 21 страницу въ осьмую долю. По своему *фактическому* содержанію, эта брошюра не заслуживаетъ вниманія людей, слѣдящихъ за быстрыми, глубокими и разнообразными явленіями современной мысли, за изумительными ея движеніями впередъ. Но по своему *характеру*, то есть по своимъ основнымъ мыслямъ, чувствамъ, стремленіямъ и надеждамъ, она имѣетъ полное право на нѣсколько замѣчаній каждаго, для кого только истина не мечта, а дѣйствительное требованіе жизни. Въ чемъ же состоитъ этотъ характеръ?

Вмѣсто абстрактнаго опредѣленія, мы попросимъ читателя прочесть слѣдующіе отрывки изъ знаменитой индѣйской поэмы — Магабараты, или, лучше сказать, изъ ея эпизода, дошедшаго до насъ подъ названіемъ Багавадъ-Гиты. Сюжетъ этой поэмы — борьба двухъ княжескихъ фамилій, изъ которыхъ одна, низверженная другою, стремится возвратить свою власть оружіемъ. Божество покровительствуетъ изгнанникамъ и ихъ представителю — молодому Арджунѣ. Принявъ образъ человѣка, оно вездѣ сопутствуетъ молодому герою, утѣшаетъ его, подаетъ ему совѣты и т. д. Въ Багавадъ-Гитѣ представленъ тотъ моментъ, когда Арджуна является на полѣ битвы, гдѣ должна рѣшиться его судьба. При взглядѣ на ряды непріятелей, онъ видитъ передъ собою братьевъ, родственниковъ, друзей и знакомыхъ, которыхъ онъ долженъ истребить для возвращенія власти своей фамиліи. Эта картина поражаетъ его, онъ впадаетъ въ уныніе и готовъ отказаться отъ своего предпріятія. Но вѣчный

спутникъ его напоминаетъ ему, что онъ ш
его обязанность, что оставляя поле, онъ :
но и честь. Эти слова не дѣйствуютъ на .
рѣшается прочесть ему курсъ философіи.
.т'кцій и находится въ Багавадъ-Гитѣ. Кри

„Ты право смѣшонъ, Арджуна, съ тво
Чтó тутъ толковать о друзьяхъ и родствен
сказывать о людяхъ?! Все, чтó ты видишь
измѣняетъ безпрестанно: что сегодня челс
растеніе, а послѣзавтра опять сдѣлается че
этого вѣчно, а до остальнаго чтó за дѣло? Т
для битвъ, — ступай же и держись. Рѣзня б
тра надъ міромъ взойдетъ солнце и освѣтитъ
начало останется все-тоже. Все прочее есть
чувствъ. Въ томъ-то и состоитъ главное за
принимаемъ серьёзно все, чтó видимъ, за д
ющее. Если ты даешь всему этому какое-ниб
баешься; если считаешь свои дѣйствія за
баешься. Истинное достоинство наше состои
дѣлаемъ что-нибудь съ совершеннымъ равн
не думаемъ о томъ, чтó изъ этого выйдетъ. Б
лать все, къ чему мы вынуждены; но все это
кой мысли о слѣдствіяхъ, съ душою вѣчно
вѣчное начало. Въ этомъ мірѣ—говоритъ онъ
дѣтельный есть тотъ, кто ничего не дѣлаетъ,
дѣло и думаетъ только о вѣчномъ началѣ. С
заботъ, истинный мудрецъ, сидитъ спокойно
воротами (т. е. въ тѣлѣ), не дѣйствуетъ са
дѣйствіе другихъ,—подобно черепахѣ, сверну
или подобно лампадѣ, которая горитъ не коле
вѣтромъ. Далѣе Кришна предлагаетъ средства
добродѣтелей и между прочимъ совѣтуетъ для
же дыханіе, чтобъ не возбудить въ себѣ самом
дѣть еле-дыша и только изрѣдка произносить:
маныва юсь, и потомъ еще вполголоса прибав
Истинный мудрецъ, создавъ въ своемъ у
страну чистую, долженъ устремить туда весь
долженъ сидѣть какъ можно спокойнѣе, держ
лову въ равновѣсіи и смотрѣть на кончикъ св

Таковъ идеалъ индѣйской нравственности!
дящій въ *своемъ городѣ съ 9-ю воротами* му
думья, не имѣетъ никакихъ надеждъ на разв

зть надъ міромъ; нѣтъ, Кришна обѣщаетъ ему изумительное мо-
цество... Истинный мудрецъ, говоритъ онъ, можетъ принимать
формы, — начиная съ самой тонкой, такъ-что можетъ проник-
ь сквозь всѣ тѣла, до самой гигантской, досягающей до солнца
по-крайней-мѣрѣ до луны: онъ можетъ видѣть сквозь землю и
озь глубину морей; онъ можетъ дѣйствовать своею волею на всѣ
дметы, какъ ему вздумается; такъ называемая магія принад-
житъ ему во всей ея полнотѣ.»

Таковы надежды индѣйскихъ мудрецовъ....... таковъ же харак-
ъ и *Путевыхъ Замѣтокъ*, съ которыхъ мы начали.......

У китайцевъ книгу начинаютъ на той страницѣ, на которой у
ъ кончаютъ. Такъ точно и *Путевыя Замѣтки* мы должны начать
конца: только тутъ вы узнаете цѣль, побудившую автора къ из-
ію этой брошюры. «Вотъ — говоритъ онъ на 20-й, то
ь на предпослѣдней страницѣ — *полный* отчетъ о моихъ стран-
ованіяхъ. Разсказомъ о нихъ мнѣ хотѣлось доказать (успѣлъ ли
не мнѣ судить), что путешествія по Россіи, благодаря распро-
аняющимся у насъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ вообще,
о части путей сообщенія въ особенности, путешествія нетолько
можны, но въ высокой степени поучительны и пріятны.» Далѣе,
завъ еще нѣсколько словъ о поучительности путешествій по Рос-
и преимуществѣ ихъ предъ путешествіями по странамъ западной
ропы, и посѣтовавъ о томъ, что *многіе умные и образованные* люди
. стр.) съ словами: губернія, провинція, соединяютъ какое-то
занное понятіе, авторъ рекомендуетъ путешествіе по Россіи осо-
нно со стороны нравственнаго вліянія.

«Нравственное же вліяніе путешествій по Россіи — говоритъ онъ,
анчивая фельетонъ — еще важнѣе: ближайшее знакомство съ от-
вною усиливаетъ нашу любовь къ ней и заставляетъ незавидовать
леной премудрости заморскихъ умниковъ и проч.»

Вотъ какихъ цѣлей желалъ достигнуть своею брошюрою Давидъ
цкевичъ. И для этихъ цѣлей онъ полагалъ достаточнымъ опи-
ъ Святогорскій монастырь да сказать, что онъ былъ и въ сельцѣ
хайловскомъ, гдѣ посѣтилъ домъ Пушкина. Неподозрѣвая подоб-
хъ цѣлей, мы то равнодушно, то съ улыбкой читали всѣ его
ечатлѣнія и замѣтки, столь бѣдныя фактами.... тѣмъ сильнѣе
ражаетъ читателя конецъ, гдѣ авторъ выступаетъ съ такими изу-
тельными цѣлями и надеждами. Ну, право, невольно вспоми-
шь индѣйскихъ мудрецовъ, которые надѣются ни съ того ни съ
то достать пальцемъ до луны.

Въ числѣ различныхъ притязаній въ книгахъ такого рода
мѣчательно также притязаніе на сочувствіе — какъ думае-

те? кому? — Пушкину и Лермонтову. обладаніе авторитета! Подъ его покров той же головѣ сидятъ спокойно другъ во Будда, и Платонъ, и Кантъ, и Сумароковъ, и Лермонтовъ и тысячи разнородныхъ ж вопоположныхъ понятій и міросозерцаній. - Мацкевича вы на каждомъ шагу встрѣчае то о Языковѣ, то о Пушкинѣ. Замѣтимъ, ч въ его брошюрѣ, и самое лучшее, безъ со дующихъ стиховъ Пушкина:

«Опять на родинѣ! Я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я прове
Отшельникомъ два года незамѣтн
Ужъ *десять лѣтъ* ушло съ тѣхъ
Перемѣнилось въ жизни для меня
И самъ, покорный общему закон;
Перемѣнился я. Но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо,
И кажется, вечоръ еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею мое
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣн
Не слышу я шаговъ тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которым
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣл
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны....
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зе
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собо
Убогій неводъ. По брегамъ отлоги
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу кры
Ворочая при вѣтрѣ....
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ то
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, — одна поодаль, другія д
Другъ къ дружкѣ близко; — здѣс
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ л

Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое? Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ твой привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полный,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...»

кое сочувствіе къ подобнымъ стихамъ можетъ имѣть тотъ, ко находитъ больше удовольствія въ названіяхъ: Червень, Ли-Серпень, нежели въ словахъ іюнь, іюль, августъ???...

раздо интереснѣе и полезнѣе брошюра подъ заглавіемъ: Но-я свѣдѣнія о торговлѣ Европы и сѣверной Америки съ Ки-, и мы рекомендуемъ ее особенно купцамъ и фабрикантамъ, льность которыхъ непосредственно соединена съ китайскою влею.

основаніи мира, заключеннаго 26 августа 1842 года въ Нан-англичане пріобрѣли право торговли въ пяти китайскихъ пор-Кантонѣ, Амои, Футшу, Нингъ-по, а въ слѣдующемъ 1843 го-іобрѣли подобныя права и Соединенные Штаты сѣверной Аме-Не желая упустить удобнаго случая для расширенія круга своей ической и промышленной дѣятельности, французское прави-во такъ же немедленно отправило посольство въ Китай и пріо-торговыя права, одинаковыя съ Англіею. Для изслѣдованія [illegible] опытныхъ [illegible] французской торговлѣ [illegible] іще и Китая въ особен-[illegible] нѣсколько членовъ

Коммерческихъ совѣтовъ главнѣйшихъ горо
стныя изслѣдованія этихъ людей напечатан
стерствомъ земледѣлія и торговли *Докумен*
(Documens sur le Commerce extérieur). Из
заимствованы представляемыя въ этой брош
влѣ Европы и сѣверной Америки съ Ки
этотъ источникъ вполнѣ ручается за дост
въ немъ данныхъ. Для нашихъ читателей,
интересны отзывы и показанія французовъ
на рынкахъ Китая, и мы нарочно выпись
словъ изъ донесенія членовъ торговаго отдѣ
сольства о русскихъ суквахъ:

«Къ числу любопытнѣйшихъ предметовъ
говли принадлежитъ конечно продажа Русск
Кантонскаго купца *Чам-Чинга*, въ улицѣ *Та-*
странно встрѣтить на самомъ Югѣ Китая тако
готовляется въ Москвѣ, продается на Нижего
мѣнивается Китайцамъ въ Кяхтѣ. Въ особенно
дное стараніе Китайскихъ торговцевъ пускать
внованіе съ Англійскими *broad-cloths*, не смот
этому потребленію южный климатъ, им на пре
суконъ

«Продолжительное пребываніе въ Кантонѣ
1845 годовъ, дало намъ возможность ознакоми
тельнымъ количествомъ потребленія здѣсь Рус
съ званіемъ ихъ потребителей. Одни токмо А
военные чиновники, жившіе прежде на Сѣверѣ
потребленію, сохраняютъ и на Югѣ свое пред
сукнамъ. Однакожъ нельзя не замѣтить, что и
наютъ слѣдовать примѣру *Татаръ*, хотя они
Англійское тонкое сукно (Superfine broad-cloths
высшими сановниками отличаются въ особеннос
Чу-фу и помощникъ его (hoppo) *Ванъ-фонгъ*, к
ное церемоніальное платье изъ Русскаго сукна.

«Торговля Россіи съ Китаемъ достигла въ п
кой значительности, что обращаетъ уже на себ
пейскихъ негоціантовъ, которые имѣютъ здѣс
въ особенности возбуждаетъ ихъ опасеніе Русс
находящееся нынѣ въ портахъ, открытыхъ
соперничествуетъ весьма успѣшно съ сукномъ
кимъ, которое превосходитъ прочностію и деше
провинціяхъ, въ *Шангъ-хай*, *Су-чу*, *Тіен цингъ*
даетъ на рынкахъ и предпочитается всѣми пот

За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько словъ о развитіи шерстяной промышленности въ Россіи съ указаніемъ причинъ успѣховъ ея съ 1817 ка. Торговое отдѣленіе французскаго посольства въ Китаѣ приписываетъ это преимущественно *возвышенію пошлинъ съ англійскаго кна* (по указу 10-го мая 1817 года) и упадку суконной фабрикаціи царствѣ Польскомъ. — Предѣлы нашей статьи не позволяютъ едставить читателямъ множество другихъ интересныхъ мнѣній и казаній торговаго отдѣленія французскаго посольства относительрусской торговли въ Китаѣ, и мы ограничиваемся повтореніемъ азаннаго выше, что въ брошюрѣ «О торговлѣ Европы и сѣверной ерики съ Китаемъ» извлечены самыя интересныя свѣдѣнія нетоль*для* купцовъ и фабрикантовъ, *но и для всѣхъ*, *интересующихся ълами* заграничной русской торговли.

Секреты дамскаго туалета и тайны женскаго сердца, *а испытанныя и вѣрныя наставленія молодымъ дамамъ и дѣвиъ*, *какъ сохранить красоту*, *поддерживать молодость*, *сберегать ровье*, *одѣваться со вкусомъ и нравиться*, *съ присовокупленіемъ дечныхъ тайнъ*, *извѣстныхъ однѣмъ женщинамъ*, *но которыя не зно узнать и мужчинамъ. Въ двухъ частяхъ. Соч.* Викторины ......ой. *Москва. 1848.*

Невѣсты-безприданницы, *или лучшее приданое для молохъ дѣвицъ*, *желающихъ быть счастливыми въ супружествѣ. Секная книжка для дамскаго ридикюля*, *составленная* Василіемъ тановымъ. *Москва. 1818.*

Въ послѣднее время мы уже не можемъ сказать, что сердце найй женщины есть «ларчикъ, отъ котораго ключъ брошенъ въ мо», какъ говорили во времена ины: всѣ тайны этого сердца и всѣ о секреты обнаружены, и обнаружены такъ, что нѣтъ болѣе ни маишаго мѣста удивленію, если вопросы, которые такъ недавно стали давать себѣ нѣкоторыя изъ нашихъ женщинъ: для чего мы живемъ? о мы такое? и что наша жизнь? — остаются мрачной, неразрѣший загадкой... Зато теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, мы имѣемъ аво удивляться прекрасному, дивно-художественному изображенію арышни», которой вѣроятно не забыли еще читатели нашего журка. Потеря слѣдовательно вознаграждена, уровень остался тотъ же...

«Для чего мы живемъ?» Странный вопросъ! Неужели та только знь и есть жизнь, которая считаетъ себя средствомъ къ достиже*о-либо?* И неужели это невѣдомое *что-либо* стоитъ того, чтобы юнѣкъ превращалъ себя въ простое орудіе, изъ человѣка становилбы машиной?... Мы понимаемъ, что жизнь есть болѣе для на. шная цѣпь самыхъ разнообразныхъ ощущен

ланій и достиженій, что воля человѣка все
себя какимъ-либо содержаніемъ, что конец
мленій есть вмѣстѣ и начало тысячи други
природы, безконечно прихотливой и капри
но не понимаемъ (употребимъ чужое сравне
вмѣсто того, чтобы слушать знаменитую пѣ
вотъ уже послѣдній звукъ замираетъ на ея у
очарованы, возбуждены самымъ пріятнымъ
теперь только замѣтилъ, что занавѣсъ опуск
порхнула за кулисы, изъ-за которыхъ не в
выйдетъ, то только, чтобы отвѣтить на гр
счастный теперь только убѣдился, что онъ
шать. Ужели же послѣдній результатъ такъ с
тенъ, что до него можно дойти не иначе, как
шеній, страданій? Ужели же догадка изобрѣт
лѣзни современнаго человѣчества въ-самомъ
Странно, а между тѣмъ совершенно справедл
дете человѣка, который бы никогда не стр
никогда бы не жаловался на жизнь. Отчего же
того, что человѣкъ самъ изъ жизни сдѣлалъ
обременилъ себя такими задачами, которыхъ
ищетъ того, чего найти невозможно.

Всѣ эти мысли невольно пришли намъ въ
жекъ, заглавіе которыхъ мы выписали въ на
собность ихъ возбуждать мышленіе одна уже
обратить на нихъ особенное вниманіе, а главнь
красный полъ — даже обязываетъ къ тому. Из
дую изъ нихъ порознь.

«Секреты дамскаго туалета и тайны женс
о заманчивости самого заглавія и объ эпигра
нительница объявляетъ, что

«*Жизнь дамы вся передо мно*
Затѣмъ, что дама я сама»,

отличается еще удивительнымъ желаніемъ с
о чемъ ни трактуетъ; конечно это *все* болѣе
чно между желаніемъ и выполненіемъ еще цѣ
помѣшало нашей *дамѣ* построить всѣ свои се
ровныя красивыя шеренги, названныя части
на и одѣвается, и мыслитъ, и чувствуетъ
мѣшало такъ же взглянуть на нихъ съ вы
ічія, какъ смотрятъ обыкновенно тольк

ескіе, какъ-будто надѣть юбку или вычистить, почти совершенно тоже, что разгадать причины и сущность бытія. Но и этимъ ограничиваются достоинства разсматриваемой книги: пиша ее, сочинительница самымъ очевиднымъ образомъ расчитывала на эффектъ: *неожиданно поразить*, — вотъ девизъ ея, и девизъ довольно пригодный; все же таки надо прочесть книгу, чтобы удовлетворить тронутому любопытству и сказать въ заключеніе.... но договорите вы, мой читатель! Нѣтъ сомнѣнія, что подъ наитіемъ того же девиза составлено было и заглавіе «Секреты дамскаго туалета и тайнъ женскаго сердца»: оно способно заманить хоть кого, и заманитъ, разумѣется, многихъ.

Система г-жи Викторины Лю...ой начинается абстрактнымъ понятіемъ объ истинной красотѣ. «Въ мужчинѣ — говоритъ она — умъ и платье, сдѣланное по модѣ, замѣняютъ красоту (полно, такъ ли?..); отъ женщины требуютъ (?) болѣе: женщина *должна обладать* красотою, молодостью (!), умомъ, любезностью и быть со вкусомъ одѣтою, чтобы заслужить вниманіе и одобреніе. Все это, взятое вмѣстѣ, называется *красотою истинною*.» И одной страничкой ниже (до того чты всѣ исчисленныя нами достоинства книги) удивленіе ваше доходитъ до высочайшей степени, вы поражены самымъ неожиданнымъ образомъ, читая такой приговоръ красотѣ: «Есть несчастіе, о которомъ никто не жалѣетъ, опасность, которой никто не боится, язва, которой никто не избѣгаетъ... это несчастіе, эта опасность, и язва есть *красота*» (стр. 7). Да, красота, — ни больше, ни меньше.

Какъ же это? Очень просто: г-жа Викторина Лю....ая пошутила на вашъ счетъ, здѣсь она говоритъ о красотѣ *не истинной*, той красотѣ, которая сопровождается «*рѣшительнымъ отсутствіемъ* любезности и ума» (стр. 8).

«Примѣра искать не далеко: вы (,) господа мужчины (,), поражены красотою женскаго личика, вы очарованы, полувлюблены, тысяча соблазнительныхъ мыслей толпятся уже въ вашемъ воображеньи.... вы ищете случая обратить на себя вниманіе красавицы.... желаніе ваше исполнено, вы представлены ей, вы становитесь съ ней въ *контръ-дансъ* (фу, какое великолѣпіе!) и начинаете разговоръ... Боже мой! несносные да-съ и нѣтъ-съ — единственные отвѣты, которые вы получаете отъ красавицы въ награду за сотни пышныхъ *чувствительныхъ фразъ*, *столь пылкихъ*, *столь пламенныхъ*, *что кажется отъ нихъ должны бы растаять вѣчные снѣги угрюмаго сѣвера* (одно изъ двухъ: или книга написана давненько, или авторъ пожилой и пожилой человѣкъ; по-крайней-мѣрѣ теперь мужчины не говорятъ такихъ [illegible] первомъ свиданіи, да еще въ [illegible]-дансѣ [illegible] людна какъ лѣсъ...

Наконецъ... она разговорилась и разговори... уже совершенно разочарованы, вы ждете он... алясь отъ нея, съ *горестію* говорите: какъ глупа» (стр. 10).

А прочтя всю эту тираду, вы самодовол... чаете, что у г-жи Викторины Лю...ой преве... дѣлилъ неистинную красоту, какъ несчасті... *жалѣетъ*, какъ лаву, которой *никто не избѣ*... ственнымъ примѣромъ доказала совершенно ... *горестью удалиться* перваго мужчину, котор... мѣстить въ контръ-дансъ съ глупой красави... слова нѣтъ, а все же таки насмѣшка, не болѣ...

Извѣстно, что веселые характеры имѣю... бо́льшею частію, доброе сердце; такъ по-кр... ютъ всѣ психологи и физіологи. Г-жа Виктори... житъ къ этой же категоріи характеровъ: зло... тателями, своенравно наигравшись ихъ любо... въ лабиринтъ совершенно непроходимый, он... ихъ блуждать во мракѣ и первая спѣшитъ пр... мощи: «красота — драгоцѣнный даръ», раз... умомъ и любезностью», которая, какъ единая... мымъ уже «*предполагать въ прелестной женщ... превосходныя дарованія.*» Красавица, слѣдоват... ялъ въ контръ-дансѣ восторженно-пламенный ... говоря, не была красавицей: этимъ эпитетомъ... бротѣ своей, снабдила ее сочинительница «Со... притомъ, для *примѣра!*...

Но далѣе: «нѣтъ красоты безъ свѣжести, ...ровья, здоровья безъ жизни, согласной съ зако... 12). Анализируя это положеніе по началамъ ч... принятой логики, и притомъ въ связи съ кризис... результату, довольно человѣческому, что нѣт... безъ жизни, *согласной съ законами природы*, чт... кая *такая* жизнь eo ipso и прекрасна, потому-... добрыя свойства и превосходныя дарованія....» ...*гать* природѣ, заниматься ею, *украшать ее*, — в... товъ дамскаго туалета» (предисловіе), вотъ з... предположила себѣ г-жа Викторина Лю....ая. Ко... мало гармоніи, бездна нечаянностей, самыхъ ... вѣдь почемужь и не позабавиться насчетъ друг... не такъ противно законамъ природы, ... взгляда.

«Основаніе красоты — *здоровье* и *молодость*.... способы (и заметьте, основанные на собственномъ опытѣ) сберегать первое и *поддерживать* послѣднее(юю) есть *цѣль* моей книги». Цѣль сама по себѣ прекрасная: исторія завѣщала намъ много именъ, которыя не знали старости и были въ шестьдесятъ лѣтъ такъ же юны, какъ въ шестнадцать; этимъ она ясно доказала, что старчество не есть эпоха, которую въ жизни своей долженъ проходить безусловно и необходимо каждый, что, напротивъ, отъ насъ зависитъ постоянно нежиться въ жизни и не знать усталости ни физической, ни тѣмъ болѣе нравственной. Къ сожалѣнію, не объ этой молодости говоритъ г-жа Викторина Лю....ая: «но ахъ, красавицы! — продолжаетъ она — не могу умолчать горькой истины, что молодость не вѣчна, *стало быть* не вѣчна и красота, настанетъ осень жизни — и секреты туалетные и помощь уборнаго столика безполезны. Женщина, переступившая за рубежъ сорока-лѣтней жизни, уже не находитъ удовольствія проводить нѣсколько часовъ передъ своимъ туалетомъ (какъ жаль! въ самомъ-дѣлѣ), она вздыхаетъ, глядясь въ зеркало и съ горестью говоритъ сама себѣ: «весна моей жизни! гдѣ ты?» Съ самой этой минуты *горькаго разочарованія* (!?) наступаетъ эпоха самая жалкая, самая несносная,— эпоха владычества вычурныхъ чепцовъ, накладныхъ буклей, вставныхъ зубовъ и несноснаго преферанса!» (стр. 14). Какое великолѣпное подтвержденіе, избитой впрочемъ, истины, что человѣкъ, отдавшись ложной цѣли, теряетъ вдругъ всякую способность, не исключая даже поверхностнаго соображенія. «Весна моей жизни! гдѣ ты?» вопрошаетъ сорокалѣтняя красавица и съ этимъ вопросомъ впадаетъ *въ горькое разочарованіе*, какъ будто *(съ ея точки зрѣнія)* жизнь *должна быть* нескончаемой весной, какъ будто не сообразно *съ законами природы*, чтобы весна повторялась только однажды въ годъ и чтобы въ свою очередь уступала мѣсто лѣту, осени, зимѣ. Странно!... Разочарованіе — своего рода болѣзнь; какъ всякую, ее необходимо лѣчить, потому-что болѣзнь не нормальное положеніе человѣка, или, пожалуй, потому-что только «здоровье есть основаніе красоты». И какое дѣйствительное средство противъ этой болѣзни въ накладныхъ букляхъ, вставныхъ зубахъ и въ преферансѣ! все это, разумѣется, жметъ, колетъ, давитъ, все — *жалко и несносно*, но зато цѣлебно!...

Часто мы видимъ женщину съ прекрасными чертами лица, и — о [illegible]! женщина эта никому не нравится. Какъ бы вы думали, почему? Въ ея лицѣ нѣтъ *выразительности*, и этотъ недостатокъ [illegible] происходитъ *отъ скуки*.... стало быть *веселость* [illegible] а скука гибельна.... въ молодости [illegible].... а въ старости лишаетъ

необходимой въ эти лѣта (?) нравственной
Чтобы такимъ образомъ въ молодыя лѣта со
сти, а въ эпоху вставныхъ зубовъ и прее
красоты, хоть нравственную опору, необхо
жизни женщины. Какъ же сдѣлать это?... Ба
чрезвычайно опасны для красоты: «женщин
шетъ тяжелымъ воздухомъ(,) градусовъ въ
одного дуновенія вѣтра достаточно, чтобы и
здоровье», безъ котораго не мыслима и красо
г-жа Викторина Лю.... ая: Танцы?... Но что ж
то однообразное шарканье ногами подъ музык
мая(?), но непріятная работа.... неужели нѣт
тій болѣе пріятныхъ, болѣе возвышенныхъ?»
напримѣръ, сравниться съ удовольствіемъ сид
товъ за туалетомъ, вертѣться предъ зеркало
сторону!...

«Исключительное изученіе одного какого-н
дится для женщины; рисованіе, музыка, руко
лучшія и благороднѣйшія средства отъ скуки..
тники женской жизни».

И *непосредственно* за этими словами мы чит
боко знаменательныя и въ высокой степени спр

Развѣ внутренній голосъ не говоритъ иног
ждены не для однихъ баловъ! не таково ваше зн
апатію, пробудитесь отъ сна! вы не должны за
собностей, скука не для васъ создана!» Развѣ
иногда молодой матери семейства: «*васъ требу*
нужны артисты, полководцы, ученые; дѣтям
образованіе, доброе имя, а вы однѣ можете дост
славивъ себя трудами, заслугами — ваше имя
(стр. 18).

Къ сожалѣнію, этими превосходными, энерг
ограничивается все лучшее въ книгѣ г-жи Виктор
видна жизнь и живыя потребности современной
остальномъ она является какимъ-то мертвымъ
а слѣдовательно мертвой красоты, какой-то кук
все для красоты и ничего для жизни, для насла
и самое наслажденіе суть не болѣе, какъ основы
зной красоты. Тоже должно сказать и о *вѣрн*
женщины: и они должны быть» тихимъ, домаш
слажденіемъ», женщина не должна выставлять и
ны». Музыкѣ должно учиться не для того, что

тѣ, въ обществѣ, *поражая преодолѣваемыми трудностями искусства*, *часто отзывающагося безвкусіемъ» (?)*, она и есть и должна быть только средствомъ противъ скуки, потому-что скука производитъ недостатокъ выразительности, а безъ выразительности и красота не въ красоту. Притомъ лѣнивая женщина не заботится «*ни о нарядахъ*, *ни о дѣтяхъ*, *ни даже наконецъ о мужѣ*, который чрезъ то мало по малу охладѣваетъ къ ней. *А можетъ ли женщина сохранить свою красоту*, *если она не любима?* Что́ останется ей *въ отраду?*... безполезная ревность, слезы — а слезы суть ядъ, который изнуряетъ и истребляетъ свѣжесть и здоровье» (стр. 20) и такимъ образомъ положительно уничтожая основу, уничтожаетъ и слѣдствіе ея — красоту: а что́ же и женщина безъ красоты?

Что́ касается до четырехъ *переходовъ* жизни: дѣтства, молодости, совершеннаго возраста и старости, то, по мнѣнію г-жи Викторины Лю....ой, «*довольно нѣсколько философіи*, *чтобы повиноваться имъ безъ ропота*» (стр. 22). Слѣдовательно не мѣшаетъ *для красоты* имѣть малую-толику и философіи. Соображая теперь всю горечь разочарованія, въ которое впала сочинительница «Секретовъ и тайнъ», при одномъ воспоминаніи объ эпохѣ вставныхъ зубовъ и преферанса, мы имѣемъ полное право заключить, что она не чужда того несчастія, той опасности и язвы, о которыхъ сказано нѣсколько выше.... Но если и философія играетъ не послѣднюю роль въ дамскомъ туалетѣ, за уборнымъ столикомъ, то ловкость рѣшительно необходима, ибо и «Лафонтенъ сказалъ, что ловкость пріятнѣе самой красоты»; а какъ же не вѣрить авторитетамъ? «Ничто не препятствуетъ такъ быть ловкою, какъ *принужденность*.... въ одной *развязности* заключается вкусъ и ловкость», слѣдовательно, «рѣзкіе жесты, черезъ чуръ вольная походка (?) чужды свойствъ женщины образованной и прекрасной». Всего лучше здѣсь, какъ и вездѣ, medium optimum: «большіе жесты (?) для женщины непристойны, слишкомъ робкіе — смѣшны» (стр. 25).

Здоровье само по себѣ — вещь излишняя или по-крайней-мѣрѣ не такъ важная, какъ обыкновенно думаютъ и думали всегда; сохранять его женщина должна только для того, «*чтобы сохранить красоту и пользоваться ею*»; поэтому необходимо беречься простуды, не пить кофе, винъ, ликеровъ, не ѣсть слишкомъ изысканныхъ блюдъ, употреблять ванны цѣлыя (?) и *ножныя обмыванья (?)* и т. п., а всего лучше — возставъ отъ сна, «обтирать тѣло кускомъ тонкой фланели: легкое треніе онаго открываетъ поры кожи, затягиваемыя *иногда* тонкими плевочками, происходящими отъ *безпрестаннаго* нарастанія кожицы и препятствующія испареніямъ» (стр. 28).

Чтобы сохранить бѣлизну, чистоту и г
избѣгать дѣйствія стужи, солнца, вѣтра і
лишаетъ ее *гибкости* (!) и свѣжести». Иногд
званные(*я*) гостьи.— веснушки»; сочинитель
лучшее и безвреднѣйшее противъ нихъ с
лица свѣжимъ творогомъ. Румяны.... въ ру
тическаго, что сочинительница, по случаю и
стихи «своей пріятельницы, веселой шалу
прочимъ гласятъ:

«Пока въ невинномъ сердцѣ (*разумѣется*
Думъ мрачныхъ разочарованья;

(которое, по теоріи г-жи Викторины Лю....ой
вмѣстѣ съ эпохой вставныхъ зубовъ и несносі

Пока она глядитъ на свѣтъ,
Какъ *первобытное созданье* (?);
Румянецъ на ея щекахъ
Есть гость всегдашній, гость завѣтн
Но онъ, какъ призракъ въ облакахъ
И исчезаетъ незамѣтно!...
Лишь только думы злой печать
На юное чело наляжетъ,
Порой она зачнетъ вздыхать.
«Мнѣ скучно, грустно» дѣва скажет
Тогда ей нѣтъ во тьмѣ ночей,
Покоя на дѣвичьемъ ложѣ,
Въ тиши и въ свѣтѣ грустно ей,
Она не та уже.... И что же?
Румянецъ на щекахъ ея,
Какъ цвѣтъ весенній, увядаетъ,
И дѣва юная моя—
Себѣ румяны покупаетъ....» (стр. 3(

Итакъ, если вы, читательницы, перест
лѣтъ или познакомились и ранѣе съ мрачні
ванья, спѣшите запастись румянами, иначе
на вашемъ ложѣ, грустно будетъ вамъ и въ
противномъ случаѣ,

«*Когда жизнь ваша будетъ течь*,
Какъ рѣчка по песку, струями, (?)
Румянъ не нужно вамъ беречь
Тогда секретно подъ замками» (стр.

Система г-жи Викторины Лю....ой призна
щинъ: однѣ изъ нихъ служатъ вѣрнымъ при

жизненной осени; онѣ ничѣмъ не изгоняются; другія суть «слѣдствіе сильныхъ ощущеній»; ихъ легко устранить тихою, воздержною, покойною жизнію; но «есть еще третій родъ морщинъ на лбу, придающій лицу суровость. Для избѣжанія этого, совѣтуем молодымъ дѣвицамъ и дамамъ менѣе сердиться и удаляться мрачныхъ думъ» (стр. 32), или, прибавимъ мы, если ужь этотъ совѣтъ слишкомъ тягостенъ, то пожалуй сердитесь себѣ и думайте какъ можно мрачнѣе, да только такъ, чтобъ не было морщинъ на лбу.

Такъ-какъ *руки* у женщинъ далеко не то, чтó у мужчинъ, а именно «служатъ основаніемъ и ловкости и *способностей*» (?!), то и необходимо мыть и холить ихъ по нѣскольку разъ въ день; иначе всѣ способности, пожалуй, выпачкаются. «Натуральное положеніе и легкая непринужденность придаютъ рукамъ пріятность»; ergo, «*руки должны сообразоваться* со всѣми движеніями походки, но безъ размахиванія и напряженія» (стр. 34). Новое доказательство, что женщина не должна выпускать изъ *рукв* философіи; въ противномъ случаѣ имъ, этимъ рукамъ, грозитъ опасность потерять всякое соображеніе и размахаться на вѣчныя времена.

«Прекрасные, бѣлые и ровные *зубы* имѣютъ въ себѣ какую-то прелесть и пріятность и вообще доказываютъ *достоинство здоровья, кротость нрава и отсутствіе пылкихъ страстей*» (стр. 40). Вы удивляетесь, не вѣрите? Такъ знайте же, что «*кто-то* замѣтилъ, что у людей, къ которымъ опасно попасться въ зубы, весьма гадкіе зубы». Итакъ, если хотите, чтобы по вашимъ зубамъ заключили о вашемъ здоровьи, нравѣ и страстяхъ — и человѣкъ вѣдь не безъ лошадиныхъ свойствъ!—то прибѣгните къ помощи *химіи*, внесите и ее въ каталогъ вещей, очень полезныхъ для красоты. «Первый, выпавшій отъ лѣтъ зубъ — предвѣщаетъ выпаденіе своихъ товарищей и наступленіе владычества поддѣльныхъ зубовъ, такъ же точно, какъ первый сѣдой волосъ есть ничто иное, какъ.... (ну, бьюсь объ закладъ, не отгадаете чтó).... *квартирмейстеръ*, очищающій квартиры для цѣлой арміи.... Здѣсь химія въ сторону: на сцену является *механика*» (стр. 39).

Какъ бы вы думали, чтó такое глаза? *Глаза* суть лучшія(е) перлы женскаго лица». И коротко и ясно! «Истинная красота (сравни выше) глазъ заключается въ ихъ чистотѣ, проницательности и природной выразительности» (стр. 41). Чтобы такимъ образомъ поддержать всѣ эти качества глазъ, необходимо тереть ихъ кускомъ тонкой флан.... виноватъ! — необходимо «спокойствіе».

Какая-то г-жа Деоульеръ сказала, что «*ухо есть путь къ сердцу*». Коли хотите, она этимъ и ничего не сказала, но сочинительница секретовъ и тайнъ, благодаря своему добродушію, а вѣроятно и

прекраснымъ зубамъ, повѣрила знаменитом
ствіе того совѣтуетъ держать ухо въ возможн
бенности вытирать каждое утро «сухимъ поло
отъ ночного испаренія *влажность между у*
42), иначе путь къ сердцу засорится, и бѣднеі
стѣетъ. *Носъ* такъ же долженъ отличаться опр
притупляетъ чувство обонянія. Впрочемъ так
сти тѣла вообще не такъ важны для красоты,
торина Лю....ая и не сочла нужнымъ распро
много. Кому же, въ-самомъ-дѣлѣ, вздумается
носы, чисто ли въ нихъ, или нѣтъ?... Другое
толкователи сердца», а этого слишкомъ довол
причинъ, обезображивающихъ образованіе рта
двѣютъ, отъ *неудовольствія* надуваются, отъ
(стр. 44). Само собою разумѣется однакожь,
злиться такъ, чтобъ губы не блѣднѣли, или ог
онѣ не сжимались и не надувались, то и конечн
ственно не то, каково ваше сердце на самомъ
скажутъ о немъ другіе; а для этой цѣли, очеви
произведеніе творца!

Чтó касается до корсетовъ, этихъ *дамскихъ*
занность каждой матери убѣдить дочь свою, что
ныхъ (?) корсетовъ вредно, что красота зависи
витія формъ и что природа сама заботится объ э
шается искусство и не положитъ ей преграду (в
томъ «напрасно думаютъ женщины, что мущи
тонкая талія; *только невѣжда и глупецъ может*
добною странною крайностію» (стр. 48). Но если
роды худощава, то вмѣсто всякихъ медицинских
до времени положиться на усердіе и искусство мо
для дѣйствія самой природы, *утѣшаться тонкос*
женщинѣ это вовсе не невѣжество и не глупость!
ки, довольствоваться полнотою одежды, помощію
крахмала» (стр. 49). Вообще говоря, въ искусств
еще конечно не доходилъ до такихъ истинъ, ка
въ его назиданіе, г-жа Викторина Лю...ая: «желт
ки, говоритъ она, надобно употреблять *подумавш*
когда.... Старые, изношенные башмаки развст
всего туалета, а грязныя перчатки вовсе должны
дамскаго убора» (стр. 55). Мы бы присовѣтов
другія горничнымъ дѣвушкамъ, какъ въ видц
услугъ, такъ и для того, чтобы туалетъ ихъ мил

олѣе выигрывалъ насчетъ чужого безобразія, — если бы это не ѣлалось и помимо нашего совѣта.

Не безъ бо́льшаго основанія г-жа Викторина Лю...ая заключила юи «Секреты» трактатомъ о голосѣ: безспорно, и онъ играетъ въ галетѣ весьма почетную роль. «Если голосъ нѣженъ и звученъ, то амыя обыкновенныя слова, сказанныя имъ, проникаютъ душу» тр. 58, а слова любви.... о! какого же варвара не уничтожатъ эти юва?!... Итакъ, страшитесь «кислыхъ плодовъ, орѣховъ и миндао»; иначе.... иначе вы не проникнете ни въ чью душу!...

Этимъ оканчивается первая часть разсматриваемой книги. «Втоая, говоритъ г-жа Викторина Лю...ая, заключаетъ *отрывки изъ мо о дневника* и предназначена мною болѣе для молодыхъ *кавалеровъ*, оторые часто ошибаются въ чувствахъ женскаго сердца (,) и поому или сами страдаютъ отъ небывалой обиды (,) или обижаютъ саолюбіе женщины.» Такимъ образомъ вся эта часть имѣетъ въ ви менторски предостеречь молодыхъ кавалеровъ отъ страданій и бидъ, — цѣль прекрасная! Не знаемъ только, какъ идетъ къ ней ібранный эпиграфъ, впрочемъ совершенно справедливый, въ котоомъ нѣкій г. Дмитревскій гласитъ, что «женщинъ должно почитъ за соль въ природѣ, безъ которой и хорошая пища не будетъ вѣть пріятнаго вкуса; но ими же можно пересолить всю жизнь нау.» Щелчокъ ли это женщинамъ, которыя способны пересаливать изнь мужчины, или мужчинамъ, которые добровольно пересаливагъ свою жизнь женщинами, рѣшить довольно трудно. Одно толь несомнѣнно, что вторая часть лишена уже той систематичности, и, лучше, того желанія систематизировать все, которымъ отличаісь первая. Оно, впрочемъ, очень естественно: это не болѣе, какъ браніе разныхъ *отрывковъ*, слѣдовательно и интересъ этого собраія не столько въ цѣломъ, сколько въ частяхъ. Вотъ почему и мы тановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя особенно замѣчаальны по своей оригинальности, мысли или безмыслію.

Хотите ли, напримѣръ, молодые кавалеры, знать, какая *мими* необходима влюбленной женщинѣ, желающей показать свою люовь? — «*Умильные взгляды, краска на лицѣ* (?), *маленькій кашель, бережно спущенная съ плеча шаль, маленькая скинутая перчат, открывающая бѣлизну ручки, романическое, полузадумчивое поюженіе, полувздохи, блуждающіе взоры, тайная* (?) *улыбка*» (стр.). Не правда ли, какая роскошь! Части-то все маленькія, полоинныя, зато цѣлое — великолѣпно! Но если вы слишкомъ недоѣрчивы, смотрите на маленькій кашель и на умильные взгляды, акъ на пошлое жеманство, то вотъ вамъ «*вѣрная примѣта женскао расположенія:* если какая нибудь бездѣлка (положимъ, для при-

мѣра, собаченка), принадлежащая господи
госпожу А. А., это значитъ, что госпожа А
господиномъ N. N.» (стр. 8),— и ваша соба
проводникомъ ея любви.

«Женщина никогда не проститъ мужчин
ванія, даже и *ничтожнаго:* оно кажется ей
чарованія, обиднѣе униженія, тягостнѣе рас
самой обиды!» Признаться, долго мы думали
пожертвованіе, даже и ничтожное,» и все та

«Назначеніе женщины понимать все, *не вы*
ній» (стр. 10); но въ дѣвушкѣ «*способность в*
ковать есть способность *непохвальная*,» кото
купно съ смѣлымъ обращеніемъ, дерзкимъ
легкомысліемъ, составляетъ даже положитель
20). Слѣдовательно, гораздо лучше, если дѣв
маетъ, или пусть пожалуй и понимаетъ, тол
растолковывать: мало ли и безъ того разгово
тельныхъ и нравственныхъ — о погодѣ и сосѣ
кахъ?... Недаромъ вѣдь и пословица замѣтила
логъ.... зачѣмъ же такъ своенравно силиться
казывать противное? Притомъ самыя «*доброд*
сять отъ ихъ недостатковъ: вѣтренность, не
(?) — бываетъ порукою за ихъ любезность,
крѣпость, а мелочныя упражненія часто предо
ковыхъ порывовъ ума и сердца» (стр. 12). Попр
дѣлѣ, запретить вашей дочери невинное удово
сколько часовъ за туалетомъ, какъ разъ влюби
да пожалуй еще вздумаетъ капризничать, есл
ей выгоднаго жениха.... То-ли дѣло «первобыт
ное, овечкообразное: сердце не нарадуется!

Бываютъ минуты, когда «женщина, разум
любуется собою передъ зеркаломъ даже и наед
те объ этомъ самонаслажденіи, назовите его
стью, пустою тратою времени, а въ глазахъ
свой опытъ: оно «доказываетъ, что мы (женщ
яніе приличій свѣта, даже и тогда, когда
имъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ насъ, что
требуетъ отъ насъ умѣнья пользоваться имъ»
отношеніи какое же средство пользованія може
сиживаніемъ цѣлый день предъ зеркаломъ?..

Не думаете ли вы, что назначеніе женщины
нимать все, не высказывая своихъ познаній?

етъ быть думаете.... но что бы вы ни думали, никогда не сойдесь съ мнѣніемъ г-жи Викторины Лю...ой. «*Назначеніе женщины любить*» (стр. 18), ни больше, ни меньше! И любить не такъ, какъ давно еще завелась мода: «любовь, надѣленная слишкомъ положительнымъ умомъ, не свойственна женщинѣ» (стр. 26).

«*Любить* значитъ жить въ свѣтѣ, который мы сами себѣ создали, въ свѣтѣ, гдѣ всѣ формы и краски предметовъ столь же блистательны, какъ *ложны* и обманчивы. Для любящихъ нѣтъ ни дня ни ночи, ни лѣта ни зимы, ни общества ни уединенія. Сладостное, но мечтательное существованіе ихъ представляетъ имъ только двѣ эпохи: *присутствіе* (?) и *отсутствіе* (?); они замѣняютъ имъ всѣ *отличія природы* (?) и общества. Міръ для нихъ заключаетъ въ себѣ только одинъ предметъ и предметъ этотъ для нихъ есть уже самый міръ.— Атмосфера, въ которой живетъ онъ (?), есть единственный воздухъ, которымъ они могутъ дышать.

«*Любить* значитъ жить *не* для себя. Страдать почти столько же въ отсутствіи любимаго предмета, какъ и въ присутствіи его; мыслить только о немъ, когда мы далеко отъ него; мечтать о счастіи передать ему мысли наши при свиданіи, и когда настанетъ минута этого свиданія, чувствовать тягостную, постепенную невозможность пересказать ему то, что мы думаемъ; быть краснорѣчивыми безъ него и нѣмыми при немъ; ожидать минуты его возвращенія (?), какъ при новой жизни и когда онъ явится, чувствовать себя лишенны*мъ* т. е. лишенн*ою*? ужь не мужчина ли писалъ подъ псевдонимомъ Викторины Лю...ой?) средство пользоваться счастіемъ его присутствія, жаждать насладиться сіяніемъ очей его, какъ путникъ (,) затерянный въ песчаной пустынѣ (,) жаждетъ появленія солнца (?!), и когда солнце это взойдетъ, изнемогать подъ палящими лучами его и жалѣть почти о прохладѣ ночи.

«*Любить* — значитъ чувствовать, что и жизнь наша зависитъ отъ жизни любимаго предмета, что мы только въ его присутствіи постигаемъ цѣну существованія, раздѣляемъ всѣ его (?) удовольствія, всѣ печали.

«*Любить* — значитъ быть тѣмъ, что есть *онъ*, предметъ нашихъ мечтаній; посвящать все бытье наше только ему одному. Женщина, которая любитъ, не должна уже помнить о своемъ отдѣльномъ существованіи; для нея родные, отечество, природа и общество, все это должно быть только крупицами фиміама, брошеннаго ею на жертвенникъ сердца» (стр. 23—26).

Безъ сомнѣнія, читатели наши будутъ очень благодарны намъ за то, что мы выписали эту великолѣпную и въ тоже время безграмотную теорію любви, по которой любить значитъ совершенно тоже,

что безумствовать, потерять всякій разсу,
И въ этомъ-то *назначеніе женщины!!*....

И вотъ опять предъ нами длинные, тощ
наша жизнь? для чего мы живемъ?» и т. п.
вопросовъ: «ваша жизнь есть орудіе красот
безумія!...» Свѣжо преданіе, а вѣрится съ т

Не такова книга г. Василія Потапова: «Не
Все неизмѣримое отличіе ея отъ предъидущ
рѣзко, если мы прочтемъ слѣдующія строки
нашъ утонченный, просвѣщенный XIX вѣк
ло ни одного руководства *(вѣрнѣйшій призна
ченности!)*, которое бы взяло на себя трудъ
но предъ прекраснымъ поломъ ихъ (т. е. его
нія, которыя очень часто мѣшаютъ имъ (т.
ми, дорогими безприданницами, безъ богатст
наго *(именно!..)* золотаго идола, который ин
замѣняетъ всѣ нравственныя достоинства....
переспѣлыхъ невѣстахъ ни слова!»

Слѣдовательно, книга г. Василія Потапова
стосердечно раскрывающее заблужденіе прек
жилыхъ дамъ и переспѣлыхъ невѣстъ, кото
ничего общаго не имѣютъ, кромѣ развѣ физіол
Посмотримъ же, какія истины возвѣщаетъ ав
красному полу, — и истины эти, замѣтимъ м
въ видѣ отдѣльныхъ отрывковъ.

Маменекъ вообще авторъ раздѣляетъ *на дв*
ка № 1-й, выдающая *двадцатилѣтнюю* дочку
жилыхъ дамахъ ни слова!) за сущаго ребе
играть въ воланъ, читать только Робинзона Кр
à l'enfant и отвѣчать на все: не знаю какъ
ка! b) Маменька № 2-й, которая натолковыва
цатилѣтняго возраста, что она невѣста-безпр
должна думать о составленіи себѣ выгодной па
ко съ тѣмъ, за которыми числится 1000 душъ
ніемъ своей (?) собственной), которая (?) може
дѣ и въ подлинникѣ, безъ различія, сочиненія
кока (!), которая (?) пожалуй назначитъ rende
нія маменьки и которая (?) будетъ пожалуй от
ей, раздушенное la lettre rosée.» (стр. 10 и 11)

Не знаемъ, откуда выкопалъ г. Василій По
некъ; знаемъ только, что оба нумера кажутся
шными», не потому впрочемъ, что первыя *выд*

и мечтают о томъ, чтобы *выдать своихъ дочерей за-мужъ*, какъ-дто это единственное назначеніе ихъ, единственная задача, ко-рую онѣ должны рѣшить; онѣ не нравятся ему вслѣдствіе другихъ ичинъ, или, лучше, безъ всякихъ причинъ: ему просто хотѣлось опѣть слѣдующіе куплеты:

«Вотъ, по какой ошибкѣ странной,
Намъ глупость въ маменькахъ видна,
Иную звать пора бы Анной,
А все *Анеточка* она!

—

Хорошъ, но не вездѣ, расчетъ,
И часто сѣти разставляя,
Дѣвица, слишкомъ молодая,
Сама же въ сѣти попадетъ!» (стр. 13).

И первый изъ нихъ онъ пропѣлъ по поводу маменекъ перваго рта; второй — при взглядѣ на маменекъ № 2; а затѣмъ прибавилъ зидательную истину, извѣстную слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ Р. Х., что «всему есть средняя умѣренность или умѣренная сре-на, *сударыни!*» (хотя и та и другая далеко не такъ тождественны, тобъ предъ *или* не поставить запятой) и заключилъ всю эту тенден-ю благимъ совѣтомъ, въ которомъ предохраняетъ молодую дѣву-ку отъ двухъ вещей, кажущихся ему сущими пагубами: «а) не чи-ть въ подлинникѣ и переводахъ пресловутаго Поль-де-Кока и b) не умать и не стараться о составленіи себѣ партіи, если, въ семъ по-слѣднемъ случаѣ, еще къ *большему несчастію*, руководствуетъ рдцемъ ея мысль, что

. . . добрый мужъ
Не мужъ (,) а кладъ,
Когда къ томужъ —
Онъ и *богатъ*.

Вѣрьте простой, но справедливой русской пословицѣ, что часто черезъ золото льются слезы» (стр. 14). Совѣтъ этотъ понравился амъ не самъ по себѣ, а именно вслѣдствіе близкаго соотношенія его ь предисловію, въ которомъ, какъ мы видѣли, авторъ обѣщаетъ аскрыть *заблужденія* прекраснаго пола. Но заблужденіе заблужде-ію рознь, и то, что̀ кажется автору дурнымъ, не есть еще въ са-омъ дѣлѣ дурно: безусловно дурного, какъ и безусловно хорошого, е существуетъ нигдѣ.

Далѣе—говоря о томъ, что законъ только въ 16 лѣтъ дозволяетъ ѣвицѣ вступать въ супружество, авторъ, съ свойственною ему важностію ментора, замѣчаетъ: «*разумѣется*, лучше, если родители

не будутъ черезчуръ спѣшить — сбыть съ р
Мы думаемъ, что еще лучше было бы, есл
смотрѣли на дѣтей своихъ, какъ на товаръ,
ли, должно сбыть съ рукъ! Фабрикантъ,
матерію, старается о сбытѣ ея прежде да
выттти изъ рукъ работника; и это совершенн
изводству ея приступилъ только подъ условіе
сбытъ; собственно она ему не нужна! Но вѣд
въ отношеніи къ фабриканту и шолковой мате
ношенія къ родителямъ и дѣтямъ. Почему П
гулянье въ Лѣтнемъ саду, сдѣлалъ изъ нихъ
молодыхъ — мужчинъ и женщинъ? почему
здѣсь именно совершались всевозможныя св
прежняго патріархальнаго обычая *женить* и
Онъ понималъ, что только тотъ бракъ, котор
намъ и *добровольномъ* согласіи сочставающих
жить единственной гарантіей, обезпечивающе
и дѣтей, ими рожденныхъ; онъ понималъ,
сладокъ и пріятенъ, который есть результат
стоятельнаго хотѣнія, сознательной воли... И
Потаповъ передаетъ прекрасному полу, какъ
«лучше, если родители не будутъ черезчуръ с
свою дочь!» И странно, да и не поздно ли?

Впрочемъ должно отдать справедливость
истины отзываются маститой стариной есть
какихъ даже мы и не слыхивали; напримѣръ, в
книги онъ говоритъ: «съ глубокой древности д
вѣсты ищутъ богатыхъ жениховъ» (стр. 19). А
мали, что отъ основанія міра привилегіей *иска*
мужчины; конечно, мы заблуждались, но созна
рать, есть уже половина исправленія,— вперед
Въ другомъ мѣстѣ, нападая на жонъ, которыя
какой цѣнѣ продается провизія, какъ кроится
день употребляется на домашніе расходы», как
быть предоставлено повару, модисткѣ, ключни
Потаповъ прибавляетъ: «*плохая хозяйка ник*
хорошею, *чадолюбивою матерью;* съ самой пер
ребенка поручая его уходу и попеченіямъ наемн
наемныхъ нянекъ и мамокъ, наконецъ наемных
нантокъ,— она такимъ образомъ отчуждаетъ е
ской заботливости и забываетъ старинную п
семи нянекъ дитя часто безъ глазъ!» (стр. 2

ювыя; по-крайней-мѣрѣ мы и не подозрѣвали, чтобы и дѣти
: составляли часть домашняго хозяйства, вмѣстѣ съ курами, ут-
острюлями и всякимъ хламомъ, дерзали даже думать, что мать,
,ая всѣ средства ввѣрить свое хозяйство чьему-либо надзору,
амымъ получаетъ возможность сосредоточить все свое вни-
а однихъ дѣтяхъ, на ихъ нравственномъ воспитаніи (если обра-
умственное поручено такъ же другимъ); а между тѣмъ выхо-
вершенно противное!
всего смѣшнѣе, что почтенный авторъ опираетъ свое мнѣніе
ующемъ стихотвореніи Пушкина, или, какъ самъ онъ пишетъ,
'ер. Пушкина:

«А что же дѣлаетъ супруга,
Въ отсутствѣ нѣжнаго супруга?
Занятій мало-ль есть у ней:
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ анбаръ и въ погребъ заглянуть,
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ, —
Онъ въ мигъ замѣтитъ что-нибудь.» и т. д.

все равно, какъ еслибъ я, выслушавъ пѣснь соловья, тономъ
замѣтилъ бы ему: «поешь ты, братъ, хорошо, но еще бы
пѣлъ, если бы поучился у моего пѣтуха»....
рѣшительное преимущество въ книгѣ г. Василія Потапова
лежитъ статьѣ, которая носитъ такое заглавіе: «*Чтеніе, какъ
икъ нравственности.*» Мы ее выписываемъ вполнѣ, какъ до-
о особаго вниманія, и тѣмъ болѣе надѣемся утѣшить ею на-
итателей, что она очень коротка и вмѣстѣ съ тѣмъ ясна и
льна, — достоинства, рѣдко совпадающія. Вотъ эта статья:

«Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Въ чести тамъ грамота, перо!
Гдѣ грамота, тамъ просвѣщенье!
Гдѣ просвѣщенье, тамъ добро!»

менѣе (предубѣжденія будто бы противъ хозяйства) странно
хъ нашихъ предубѣжденіе противъ русскихъ книгъ и приве р-
ъ къ чтенію иностранныхъ издѣлій (?), *ихъ же уста*, по
Давида, *глаголаша суету!*
даромъ Фамусовъ сказалъ о нашихъ дамахъ:

«Имъ сна нѣтъ отъ французскихъ книгъ,
А мнѣ отъ русскихъ больно спится!...»

...ъ *защищать!* Но об-

«*Милостивые* Государ*ыня!* если вы берет
отъ безсонницы, то мы не скроемъ отъ васъ
скихъ произведеній, найдутся такія, которь
глубокій сонъ, и можетъ быть, потѣшатъ ещ
ми.... Если вы берете книгу изъ удовольствія
нему, то мы, пожалуй, начтемъ вамъ десятк
шихъ поприще отечественной литературы и
ряду (,) а выше вашего любимца Сю, вашего
Мы упомянемъ вамъ нѣсколько дамскихъ име
этомъ же поприщѣ, которыя дѣлаютъ честь ли
лу (!). Изображая женщину, описывая и предст
ея сердца, онѣ представляютъ женщину тѣмъ,
должна быть, а не чудовищемъ, породившимс
шемъ воображеніи мадамъ Дюдеванъ (она же и Ж
нуты, требующія чистаго развлеченія, вы найде
книгъ такія, которыя заставлятъ васъ нахохота
слѣ ихъ не послѣднее мѣсто займетъ и разбирае
вивъ, подобно Поль-де-Коку, ни разу покраснѣ

«Итакъ, отставая отъ дѣтскихъ книгъ, брос
гая отъ Зонтагъ, *пожалуйста, не бросайтесь вд
уродливыя произведенія*; предоставьте выборъ
опытному, и помните, что чтеніе есть лучші
ственности!...

«Мужу, жена котораго умираетъ надъ франц
угрожаетъ опасность умереть отъ скуки.

«Любовь къ отечеству и патріотизмъ проява
приверженности къ военному мундиру....

«Отечества и дымъ намъ сладокъ и пр

«О! какъ мила, какъ достойна уваженія женщ
чественную литературу, предпочитающая ее ино
ямъ, и иногда, въ часы вдохновенія, излагающая
ства своимъ легкимъ перомъ....

«Огонь горитъ въ ея очахъ
И мысль изъ сердца прямо льется,
*Душа куда-то будто рвется
И умъ блуждаетъ въ небесахъ....*» (стр.

Картина въ-самомъ-дѣлѣ превосходная: въ г.
рвется, умъ блуждаетъ.... Прелесть!

Недурно такъ же отвѣчаетъ авторъ женѣ, жа
шнюю ревность мужа.

«Пока вас мужъ, сударыня, ревнуетъ,
Вы можете навѣрно это знать,
Что онъ любовью вашей не рискуетъ
И чувствами не хочетъ онъ играть, —
Что, разъ въ любви поклявшись неизмѣнной,
Ее онъ хочетъ вѣчно сохранить....» (стр. 36).

Мы думали до сихъ поръ, что кто любитъ, тотъ прежде всего ѣритъ; но и здѣсь жестоко ошиблись. Чтó дѣлать, видно ужь таковы аконы судебъ!

Въ заключеніе авторъ представляетъ «картину счастливаго семейства, любящаго отечественную литературу», и говоритъ, что это «отрывокъ изъ недавно написанной мною, ненапечатанной и, вѣроятно, е напечатающейся никогда брошюрки, потому-что *не всегда должно печатать то, что пишешь*» (стр. 42); но мы не станемъ дѣлать ыписокъ изъ этой картины, полагая, что и приведенныя нами чень достаточно характеризуютъ разсматриваемую книгу: «не всегда должно печатать то, что пишешь»—истина огромнаго размѣра!...

Московскія свахи, или купцы и купчики(?), купчекія жены и купеческія вдовушки. *Разсказъ въ четырехъ картинахъ. Москва. 1848.*

Московской свахѣ, Акулинѣ Савишнѣ Мутовкиной, пришла есчастная мысль опубликовать свои похожденія, и вотъ подъ тимъ заглавіемъ она написала печатный листъ плохихъ стишковъ «съ истиннымъ почтеніемъ, таковою же преданностью и *съ узеломъ кружевовъ*» посвятила ихъ «московскимъ записнымъ свахамъ хлопотливымъ кружевницамъ». Въ своемъ «*низменномъ высокопочитаніи*», чтó на языкѣ Акулины Савишны Мутовкиной означаетъ посвященіе, она увѣряетъ своихъ сотрудницъ по ремеслу, что она «*знаетъ безъ изъятія въ мірѣ все*», и въ заключеніе обращается къ нимъ съ такою просьбою:

«Прочитайте, не взыщите,
Что *здѣсь толку много нѣтъ*,
За то смѣло говорите:
У насъ *сваха — есть поэтъ!*»

Послѣ этого справедливо было бы спросить — зачѣмъ и печатать то, въ чемъ, даже по собственному сознанію, толку нѣтъ, если бы отвѣтъ не былъ заранѣе подготовленъ предусмотрительной московской свахой: дѣло въ томъ, что ей очень хотѣлось прослыть поэтомъ! Конечно, здѣсь-то главнымъ образомъ это всевѣдѣніе почтенной свахи отозвалось на ... ѣйшимъ характеромъ — незнаніемъ веще... даже,

что не всякой кропатель стиховъ есть поэтъ y
дался!... Притомъ извѣстно, что нашему чел
то не хочется быть только тѣмъ, чѣмъ оно
И это, разумѣется, далеко не вслѣдствіе
стоинствъ, а просто вслѣдствіе врожденной
пыль въ глаза. Вотъ хоть бы и Акулина Сави
будь сказано, — носила бы потихоньку для мо
кую наливочку подъ полой, разсказывала бы

. . . . «о сосѣдкахъ
Кто что ѣстъ, кто какъ живет
Объ индѣйкахъ, о насѣдкахъ —
Сколько каждая несетъ»,

или какъ

«Въ заперти вдова вздыхаетъ
И смиренницей слыветъ,
Выдай замужъ — замотаетъ,
Простоухомъ не ведетъ», —

и была бы она свахой, даже можетъ быть очен
нѣтъ, захотѣлось ей сдѣлаться поэтомъ — на
скій принципъ раздѣленія занятій Россія не от
— и вышло Богъ знаетъ что́ такое: ни сваха,
умѣется, жаль, но иначе и быть не могло: orat
cuntur, ораторомъ еще можно сдѣлаться, но п
ся, — истина, которую нехотя подтверждаю
хи, — до того она проста и естественна! И
Акулины Савишны не уразумѣло ся. Спрашива
го, напримѣръ, въ томъ, что *однажды* наша с
рочкѣ своей, сквозь зубы грустно пѣла и плака
рота заскрыпѣли, дверь отворилась, явились г
какого-то купца и объявили ей, что

«Хозяинъ нашъ бѣдняга
Два раза овдовѣлъ,
И видя, что не тяга(?),
Жениться захотѣлъ.
Къ тебѣ онъ посылаетъ
Въ задатокъ пять рублей.
Жениться онъ желаетъ, —
Посватай поскорѣй».

Акулина Савишна, женщина изумительной
часъ догадалась» въ чемъ дѣло.

«И синюю въ карманъ...:

. . . .

Притти къ нимъ обѣщалась».

На другой день поутру, «разфрантившись и надѣвши все *къ лицу*», она отправилась. Входитъ —

. . . . «сидитъ *купчина*
За чашей пуншевой,
Собою *образина*
И толстъ, *какъ куль мушной*».

Она «въ рѣчь передъ нимъ пустилась о третьемъ, о другомъ» и знала, что олицетворенный мушной куль былъ женатъ два раза и уть съ ума не сошелъ:

«*Одна была зараза,*
Другая же — чума»,

что онъ наконецъ посягнулъ и въ-третіе на бракъ, но не иначе, акъ съ *пресмирной* дѣвой. Свахамъ не ходить въ карманъ за обѣщаніемъ: «схвативъ рублевиковъ пять», Акулина Савишна *женила* упца очень скоро.

«И чтожь? онъ въ самомъ дѣлѣ
Благодарилъ меня (говоритъ она).
Ужь эта не бранилась,
Смирнехонька была,
За то, чрезъ годъ, влюбилась
Въ прикащика она»

свела мужа въ могилу (и подѣломъ! прибавили бы мы: коли захотѣлъ жениться, женись самъ, а не нанимай другихъ, чтобъ тебя женили). Этимъ оканчивается первое похожденіе московской свахи. Іа сколько въ немъ поэзіи, читатели видѣли сами.

Вторая картина представляетъ купеческаго сынка, страшнаго утилу и мота, который, наслѣдовавъ отъ отца слишкомъ двѣсти ысячъ капиталу, довелъ свои дѣла до того, что чрезъ пять лѣтъ ни стали

. . . . «*пахнуть ямою*».

Какъ поправить ихъ? Извѣстное дѣло — зачѣмъ же и браки существуютъ! Но опять, какъ же самому жениться, сбыточное ли дѣло! Надо, чтобы другіе женили! Сказано — сдѣлано.

«Помоги, голубка Савишна,
Дай старуху да богатую,
Расплатиться бы съ должниками,
А потомъ катай по всѣмъ по трактирамъ

Акулина Савишна и тутъ не остановилась –

....« смѣкнула и подумала :
Отъ чего жь не помочь ему ? »

.... побѣжала я, говоритъ сваха,

....« сломя голову ,
Схлопотала и сосватала ,
Мелкимъ бѣсомъ разстилалася
И родителей уврила ,
Что зятька готовлю — золото ,
И невѣстѣ насказала я
Про него чудесъ съ три короба ,
И богатъ онъ , и воспитанный ,
И въ кіатры ѣздитъ каждый ден

Глупые родители бѣдной дѣвушки дали свах
томъ и свальбу сыграли.

« Первый мѣсяцъ шолъ , какъ сл
На второй женихъ мой хваленый
Сталъ въ картишечки поигрыват
А на третій сталъ кутить , мутит
Дома не жилъ съ утра до ночи ».

Прошелъ годъ , и имѣнья женнина не стало ;
зятекъ хваленый очутился въ прикащикахъ.

« Тѣмъ *раця* и кончается ».

Въ постскриптѣ сваха разсказываетъ своимъ
отблагодарилъ ее молодчикъ : сначала кормилъ о
и на нихъ поскупѣлъ, а наконецъ «*вытолкалъ*» е
всѣмъ благородная, но вполнѣ отвѣчающая оказанн

Въ третьей картинѣ Акулина Савишна достига
городства : утромъ она приходитъ къ молодой куп
рой , опустошивъ самоваръ чаю и нарядившись в
вляется въ ряды , гдѣ сидитъ до поздней ночи) ,
ситъ въ своемъ узелочкѣ штофъ наливки , за ц
льстить всѣми мѣрами жертвѣ своего же ремесла ,
бранитъ всѣхъ на-поваль , исключая свою собесѣ
мочки , другой , съ купчихой дѣлается припадокъ
сти; она начинаетъ плакать о томъ, что мужъ не *л*
таетъ съ нею о *любви*, рѣдко *возитъ* въ гости, а въ

Акулина Савишна и здѣсь не отстаетъ, усердно проливаетъ слезы, а потомъ опять за наливку... глядишь —

«*И отъ-сердца отлегло!*»

Да и въ узелочкѣ, сверхъ цѣлковаго, разные подарочки... Картина превосходная, глубоко характеристическая! Мы говоримъ, разумѣется, о тѣхъ купцахъ, которые опустошаютъ за-разъ по самовару чаю, одѣваются въ кирѣйки, цѣлый день просиживаютъ за прилавками и честятъ театры именемъ *кіатеровъ*... И напрасно Акулина Савишна снабдила этотъ разсказъ эпиграфомъ: «Не любо — не слушай, а лгать не мѣшай!» Быть можетъ она имѣла при этомъ въ виду самое себя, — о, тогда иное дѣло: чувства человѣческаго достоинства не затаишь, оно понимается всѣми, — одни сознаютъ его, другіе инстинктивно ощущаютъ его присутствіе, а этого довольно, чтобы разсказъ о своихъ похожденіяхъ украсить спасительными словами: не любо — не слушай, а лгать не мѣшай. Дѣйствительность невзрачна, такъ почему же не облечь ея въ красивую форму, не создать милаго обмана? Такова ужь натура человѣка!..»

Есть еще въ «Московскихъ Свахахъ» одна картина, въ которой нѣкая вдовствующая купчиха, успѣвъ похоронить двухъ мужей и дожить до старческой эпохи беззубія, плачетъ о несчастной долѣ всѣхъ вдовъ, называя ихъ *круглыми*, *беззащитными сиротками* (!) и вслѣдствіе того проситъ Акулину Савишну сосватать ей *защитничка-скромнаго*, *покорнаго*, *не пьяницу*, а главное —

Чтобъ мужъ былъ моложе,
Чтобъ мужъ былъ *проворъ* (?)
Я тентюховъ старыхъ (!)
Терпѣть не могу»...

Но объ этомъ разсказѣ мы ничего не скажемъ, полагая, что и приведенные три достаточно покажутъ, что́ за твореніе «Московскія Свахи», и что́ за поэтъ Акулина Савишна Мутовкина, собственнымъ опытомъ дошедшая наконецъ до грустнаго убѣжденія, такъ превосходно высказаннаго авторомъ «Горя отъ ума», — что

«Большое надобно умѣнье,
Чтобъ всѣмъ, какъ должно, угождать.»

О русскихъ паровыхъ машинахъ и сельскихъ мельницахъ. *Составлено* В. Карелинымъ. *Спб. 1848.*

Сочиненіе г. Карелина подлежитъ критикѣ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, со стороны изложенія, со стороны его достоинствъ и недостатковъ, какъ книги; во-вторыхъ, со стороны практической годности тѣхъ машинъ, ... [illegible] ...да въ немъ для русской

промышленности. Понятно, что въ первомъ
зента требуется знакомство съ основными на
которымъ относится сочиненіе, и внимательн
влетворительное же обсужденіе практической
предложенія для промышленности требуетъ
наго знакомства съ мѣстными обстоятельства
лается предложеніе, а пріобрѣтеніе такихъ свѣ
ко при исключительныхъ благопріятныхъ у
случаяхъ притомъ годность промышленнаго
быть опредѣлена только непосредственнымъ о
кихъ требованій я считаю себя вправѣ говор
релина во второмъ отношеніи только въ общих
достоинство его предположеній только въ той м
можно на основаніи общихъ требованій науки о

Г. Карелинъ въ своемъ сочиненіи обращает
промышленниковъ на паровую машину и пар
устройства, отличающіеся своею простотою и д
ность паровой машины состоитъ въ слѣдующем
изъ паровика въ камеру, гдѣ онъ можетъ быт
ствомъ вбрызгиваемой въ камеру холодной воды:
посредствомъ трубы съ клапанами, съ резервуа
щимся внизу; по сгущеніи пара въ камерѣ, вода
вуара поднимается давленіемъ атмосферы въ кам
ру будетъ снова впущенъ паръ, то онъ вытѣсн
шко съ захлопкою въ русло, находящееся со ст
русла вода падаетъ на наливное колесо, привод
и, совершивъ свое дѣйствіе, выливается изъ яш
въ нижній резервуаръ, изъ котораго прежним
поднимается въ камеру, опять выходитъ въ русл
на колесо, и т. д. Управленіе клапанами, впус
попеременно паръ и холодную воду, производи
въ ходу, ею самою. — Почти всѣ части машины д
составляетъ бочка изъ толстыхъ сосновыхъ до
снаружи желѣзными обручами. Резервуаръ съ х
обходимой для сгущенія пара, русло, нижній резе
ная труба, сообщающая его съ камерою, — всѣ
деревянныя. Такимъ образомъ видно, что маши
расположенію частей, несравненно проще машин
есть одно изъ существенныхъ достоинствъ маши
приводовъ, чѣмъ меньше промежуточныхъ час
лемъ и орудіемъ, тѣмъ менѣе безполезныхъ сопр
нія, отъ ударовъ, отъ содроганій обнаруживае

ри оцѣнкѣ паровой машины, какъ движителя для промышленности, должно обратить вниманіе на то, во что обходится единица работы, доставляемая машиною. При употребленіи паровыхъ машинъ главный расходъ составляютъ издержки на топливо, и потому при оцѣнкѣ машины прежде всего опредѣляютъ, сколько топлива нужно для данной машины, чтобы она доставила извѣстное количество работы.

Машина, предлагаемая г. Карелинымъ, потребуетъ значительнѣйшаго расхода въ топливѣ, нежели паровыя машины Уатта; но это не значитъ еще, чтобы машина г. Карелина не могла быть въ мѣстныхъ условіяхъ употреблена съ выгодою предъ другими, которыя издерживаютъ менѣе топлива, но устройство которыхъ сложнѣе.

Вопросъ объ оцѣнкѣ достоинства машинъ, или о преимуществѣ одной машины предъ другою, *въ промышленномъ* отношеніи, есть вопросъ чрезвычайно сложный. Вообще, той машинѣ должно отдать преимущество, которая съ возможно малыми издержками доставитъ наибольшее количество работы, и въ наилучшемъ видѣ. На рѣшеніе задачи въ этомъ смыслѣ имѣетъ вліяніе множество обстоятельствъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ условій, которыхъ невозможно ни предвидѣть, ни ввести въ вычисленіе. Къ этимъ обстоятельствамъ принадлежатъ: цѣна обработываемаго матеріяла; бóльшая или меньшая дороговизна устройства зданій и машинъ, величина издержекъ на топливо, на починку и содержаніе машинъ, на наемъ рабочихъ; бóльшее или мéньшее удобство путей сообщенія и т. п. Вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ *можетъ и должно быть* изслѣдовано въ каждомъ частномъ случаѣ, и въ умѣньи сообразить эти обстоятельства и оцѣнить вліяніе каждаго на успѣхъ промышленнаго предпріятія состоитъ достоинство промышленника, но *a priori* невозможно опредѣлить этихъ вліяній, и потому общее рѣшеніе вопроса о преимуществѣ одной машины передъ другою невозможно. Практическая механика говоритъ о преимуществѣ одной машины предъ другою, но она ограничиваетъ свою задачу, разсматривая ее только въ одномъ отношеніи; именно: она предлагаетъ себѣ вопросъ, какъ даннымъ количествомъ работы движителя произвести наибóльшее количество работы орудія или исполнительнаго механизма; при оцѣнкѣ паровой машины, слѣдовательно, она отдаетъ преимущество той, которая требуетъ менѣе топлива для доставленія той же работы, какъ другая.

Если мы станемъ цѣнить машину, предлагаемую г. Карелинымъ, только съ этой стороны, то она окажется очень невыгодною, потому-что, какъ полагаетъ самъ г. Карелинъ, такая машина издерживаетъ вдвое и даже втрое топлива противъ машины Уатта. Однакожь, несмотря на это, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

болѣе выгодъ при употребленіи, именно с
ніе, что устройство ея очень просто, что
вянныя, что всѣ онѣ не потребуютъ отъ с
ства. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ промыш
витія, чтобы располагать большими капи
въ машинахъ такъ ограничена, что не бы
тамъ заводамъ, строющимъ машины, гдѣ
стеровъ, которые бы съумѣли поставить
паровую машину, но гдѣ — именно вслѣдст
промышленности — топливо въ низкой цѣнѣ
лагаемыя г. Карелинымъ, могутъ оказать у
машины не взойдутъ въ употребленіе въ с
ность въ сильномъ развитіи, гдѣ искусст
стрекаемое свободнымъ соперничествомъ,
пени совершенства, гдѣ поэтому менѣе бо
менныхъ издержекъ, менѣе боятся сложн
двойныхъ, тройныхъ издержекъ на топливо,
щихся, пока машина существуетъ. Г. Каре
зательство годности его машины то, что
экипажныхъ осей Кейера шестнадцать лѣтъ
шина. Мы не отрицаемъ справедливости пр
мѣра, но полагаемъ, что существованіе эт
лось такъ же какими-нибудь особенными
же объяснить себѣ, что въ Англіи, гдѣ ка
преслѣдуется съ необыкновеннымъ постоя
конкуренція заставляетъ изыскивать всѣ во
фабрицировать съ меньшими издержками, ч
воримъ, что въ Англіи эта машина не вошл
ніе, и всѣ остались при болѣе многосложны
гаемъ, что употребленіе машины г. Карели
тено въ извѣстныхъ мѣстностяхъ по той же
странахъ, гдѣ дурны дороги и нѣтъ искусн
читаютъ путешествовать въ тарантасѣ или
ляскѣ.

По тѣмъ же причинамъ, въ нѣкоторых
жетъ быть предпочтенъ и паровой котелъ,
нымъ. Онъ существенно отличается отъ об
онъ деревянный, и только очагъ и нагрѣв
ные внутри его, изъ листового желѣза. Так
релина паръ употребляется только на прои
мерѣ, то нѣтъ надобности, чтобы давленіе
ко; опасность отъ взрыва совершенно ус

ышкѣ котла вдѣлана труба, которой нижній конецъ доходитъ чти до дна въ котлѣ, а верхній выставляется изъ котла на нѣсколько футовъ; оба конца закрыты, и отъ верхняго конца идетъ ковая труба въ очагъ; при такомъ устройствѣ, какъ скоро давленіе паровъ въ котлѣ увеличится, вода изъ котла будетъ подниматься ерхъ по трубѣ, и если она достигнетъ отверстія боковой трубы, то детъ стекать по ней въ очагъ, гдѣ зальетъ огонь; такимъ образомъ устраняется возможность разрыва котла. Мы все-таки полагаемъ, что и эти котлы, какъ вообще котлы съ внутреннею топкой, одлежатъ той опасности, что желѣзные ящикъ и ходы могутъ ыть раздавлены давленіемъ паровъ, и тогда кипящая вода и паръ тремятся чрезъ очагъ въ то пространство, гдѣ стоитъ котелъ, и о можетъ навлечь столь же большія несчастія, какъ и разрывъ тла. Притомъ извѣстно (см. Péclet traité de la chaleur dans ses plications T. I p. 433), что бывали случаи, гдѣ котелъ разрывался, гда давленіе въ немъ было менѣе обыкновеннаго.

Выгоды, вычисляемыя г. Карелинымъ, отъ введенія предлагаемой имъ машины чрезвычайно велики. «Снабженіе городовъ водою, ѣ въ большомъ видѣ земледѣльческія и мануфактурныя работы» огутъ съ удобностью производиться ею. Для частнаго хозяйства она ожетъ оказать тоже многоразличныя услуги; помѣщичья усадьба ъ введенія пароводяной машины, «хотя въ четыре лошадиныя силы», превратиться чуть-чуть не въ волшебный дворецъ. Послушаемъ:

«Она (машина въ 4 лошадиныя силы) сдѣлаетъ для дома и хозяива слѣдующее:

1. Для нагрѣванія жилыхъ комнатъ, замѣнитъ восемь добрыхъ ландскихъ печей.

2. Въ комнатахъ сдѣлаетъ всегдашнее благорастворение воздуха.

3. Зимою, доставляя теплоту, лѣтомъ производить будетъ въ ихъ прохладу.

4. Достаточно увеличивъ принадлежащій къ машинѣ котелъ, всѣ анжереи, теплицы и парники нагрѣваемы будутъ наилучшимъ разомъ, безъ боровов и безъ навозу, слѣдовательно безъ дыму и сѣкомыхъ.

5. Безъ всякаго ручнаго труда будетъ наивыгоднѣйшимъ образомъ поливать въ нихъ растенія.»

6. «Въ очень небольшомъ пространствѣ, безъ печки и слѣдовательно безъ дыму и опасности пожара, будетъ высушивать хлѣбъ въ или соломѣ.

... чать, помощію небольшихъ мельничныхъ поставовъ, ... хлѣба и во всякомъ видѣ, то есть

выдѣлывать крупичатую и пеклеванную му
ловую, смоленскую, ячную, гречневую и о
горохъ и солодъ.

8. Выдѣлывать картофельную муку, изб
для сего дѣла, при обыковенномъ его про
заведенія.»

9. «Молотить и вѣять всѣ роды хлѣба.

10. Самымъ лучшимъ образомъ топить
шнюю баню, безъ каменки, слѣдовательно, б

11. Грязная и хлопотливая домашняя сти
шихъ усовершенствованій и при помощи п
идущею и опрятною работою. Высыхаетъ вс
была погода, въ полтора часа, и не въ огром
дней величины шкафѣ.

При всемъ томъ и самая стирка, про
рукъ, а сама собою, не только сберегаетъ м
мѣнную бѣлизну, но и къ прочности его спос
устраняя столь вредную для него выжимку и

12. Распариваетъ для корма скота картофе

13. На кухнѣ отправляетъ, безъ людей,
вседневныя работы, съ скоростію и совершен
ками достигнуть невозможно. Напримѣръ:
коренья, на мелко рубитъ зелень, мясные сос

14. Въ саду производитъ разнообразные ф
издержекъ, съ проведеніемъ воды изъ отда
сопряженныхъ. При чемъ ящики, въ которые
ся вода, производя днемъ украшеніе саду, н
выя предосторожности на случай пожара.

Здѣсь умалчивается о множествѣ другихъ,
лугъ, которыя пароводяная машина, какъ дв
никъ теплоты, по всѣмъ направленіямъ легко
оказать въ домашнемъ быту можетъ. Распилов
съ такою легкостію и быстротою производимая
нечно не бездѣлица въ глазахъ хозяина, оцѣ
дерево, сколько время и трудъ на вывозку ег
топоромъ издерживаемыя. Постоянная и легко
водянаго пара есть наилучшее средство для
пахучихъ водъ и цѣлебныхъ настоевъ, для вы
евъ, ягодъ и плодовъ.

Поднятіе воды на приличную выс
засухи, съ дорогими посѣвами полей

шины, есть дѣло столь же нетрудное, сколь полезное.» (Стр. 93 и сл.).

Чтобы произвести всѣ эти работы, нужны исполнительные механизмы, паровая же машина можетъ только сообщить имъ движеніе. ...авляя уже въ сторонѣ то, что устройство всего, что насчиталъ Карелинъ, потребуетъ и издержекъ и кой-чего кромѣ *здороваго ...скаго толку*, на который онъ исключительно расчитываетъ, за...тимъ, что распространеніе такихъ устройствъ непремѣнно въ ...короткое время повысить цѣну на топливо, особенно потому, что ...оводяная машина не принадлежитъ къ числу экономическихъ въ ...ошеніи топлива. Притомъ всѣ перечисленныя удобства не суть *...ключительная* принадлежность паровой машины и деревяннаго ...ла: это сдѣлаетъ всякой другой движитель, и паровой котелъ и деревянный.

Въ книгѣ сообщаются очень хорошія практическія замѣчанія ...ъ употребленіи топлива, объ устройствѣ печи; кромѣ того есть ...счетъ того, сколько количества дѣйствія нужно для произведенія ...которыхъ работъ, напримѣръ для распилки деревъ, для помола ...ренъ, для растиранія глины и т. п. Далѣе слѣдуетъ статья о сель...ихъ мельницахъ. Авторъ вѣрно и отчетливо указываетъ на недо...тки мельницъ, употребительныхъ въ Россіи, на ложныя понятія, ...подствующія у промышленниковъ о добротѣ ихъ; предлагаетъ ...которыя правила, соблюденіе которыхъ можетъ имѣть хорошее ...яніе на устройство мельницъ; потомъ описываетъ преимущества ...риканской, такъ называемой экономической, методы молоть пше...ницу, которая позволяетъ изъ одной и той же пшеницы получить и ...лѣе муки и лучшаго качества, и при которомъ мука переноситъ ...ъ всякой порчи отдаленные перевозы морскимъ путемъ. Во всей ...й статьѣ видны дѣльныя практическія свѣдѣнія г. Карелина.

Что касается до достоинствъ сочиненія г. Карелина, какъ книги, ...ъ пріятно, что мы можемъ отозваться о ней хорошо. Изложеніе отличается простотою, ясностью; она напоминаетъ отчетливость ...простоту англійскихъ популярныхъ книгъ по механикѣ; его объ...ясненія поймутъ люди совершенно незнакомые съ механикой, и мы ...ждены, что сочиненіе его принесетъ пользу многимъ. Сочиненіе ...Карелина, не лишенное оригинальности, составляетъ пріятное яв...ленiе въ нашей промышленной литературѣ. Въ немъ авторъ пока...ваетъ ...вою опытность, знакомство съ *заморскою премудростью*, свои ...ческія свѣдѣнія, — и желательно, чтобы онъ продолжалъ ...издавать *могучему русскому толку*.

П. ИЛЬЕНКОВЪ.

Краткая исторія главныхъ изобі части наукъ искусствъ и общежиті *отъ начала христіянской эры до XIX вѣка ществомъ первоначальнаго обученія. Пере шестого изданія, пополненный переводчико.*

Жиденькая и тощая книжка, вышедш тельнымъ заглавіемъ и съ такимъ рекомен невольно обращаетъ на себя вниманіе ка вѣка; но достаточно пробѣжать нѣсколько вы убѣждаетесь, что оно не только лиш ученаго произведенія, но и для профано тельно. Отъ ученаго произведенія мы неп ческаго изслѣдованія избраннаго предмета ковъ, изъ которыхъ заимствуетъ онъ свои ваемомъ нами сочиненіи этого нѣтъ, и уж шительно убѣждаетесь, что авторъ имѣлъ ученымъ изслѣдованіямъ, а только популяр товъ этихъ изслѣдованій. И этой цѣли, го ряетъ очень слабо, а переводчикъ постара цѣли еще болѣе: мы говоримъ о небрежност

И авторъ и переводчикъ рекомендуютъ с роны въ самомъ началѣ разсматриваемаго на кими мыслями встрѣчаетъ авторъ своего чи образомъ переводчикъ передалъ эти мысли

«Успѣхи промышлености и торговли соста *ріи неменѣе важный и интересный политически* казываетъ, что новое изобрѣтеніе или новая имѣли вліяніе на судьбу державы, и что для и достаточно переселенія растенія, подобнаго ви какъ напримѣръ шолковый червь, или даже *ванія* земледѣльца.

Съ такимъ взглядомъ на предметы составле де чѣмъ мы опишемъ постепенное образованіе и наукъ въ новѣйшія времена, скажемъ нѣск цивилизаціи въ Европѣ при римскихъ импера

Особенно замѣчательна первая фраза изъ э те, что авторъ хочетъ сказать дѣло и даже будт дѣльное, а на самомъ дѣлѣ все это отзывается т стію, принявшею серьёзный, дѣльный тонъ, т ношенностію мыслей, давнымъ-давно извѣстн ключеніе выписанной нами тирады, вы чита щаніе прослѣдить постепенное образованіе ли

..къ въ *новѣйшее время*,— какая роскошь! Нѣтъ, это только вели..пныя фразы; вмѣсто постепеннаго образованія почти всей ци..лизаціи Европы, или, говоря словами автора, вмѣсто «постепен..о образованія литературы, искусствъ и наукъ», вы найдете въ ..й книжкѣ только хронологическое показаніе нѣкоторыхъ явле.. литературы, открытій и изобрѣтеній, въ числѣ которыхъ нѣкото..я такого свойства, что читатель-дилетантъ лучше всего сдѣлаетъ, ..и обратится прямо къ физикѣ: таковы, напримѣръ, статьи объ ..ктричествѣ, магнетизмѣ, галванизмѣ и т. п. Незнакомый съ эти.. предметами читатель получитъ изъ книги, о которой говоримъ, ..ое темное представленіе. О другихъ же открытіяхъ и изобрѣте..хъ авторъ говоритъ довольно кратко, а переводчикъ вездѣ дурно. Несмотря однакожъ на эти недостатки, въ разсматриваемомъ на.. сочиненіи встрѣчаются мѣста довольно интересныя, особенно .. людей, мало знакомыхъ съ исторіею. Вотъ напримѣръ контрастъ ..жду жизнію древнихъ и позднѣйшихъ римлянъ.

«Когда роскошь, безпечность и изнѣженность Востока вкрались общественныя бытъ Римлянъ, тогда полезныя художества, хлѣбо..шество и мореплаваніе пріобрѣли болѣе уваженія и почета, подчи..ись въ своемъ основаніи началамъ теоріи, приняли видъ наукъ и ..тѣхъ-поръ возродилась исторія *ихъ происхожденія:* опыты были ..сываемы съ большимъ стараніемъ и тщательнѣе изучались, произ..енія обработывались лучше и быстро совершенствовались. Но обра..анность Римлянъ не была еще на той степени, которой бы раз..щеніе нравовъ не могло нанести вреда. Излишества, увеличивае..я промышленостію, сдѣлались, въ третьемъ вѣкѣ, крайнею необхо..мостью. Сказанія древнихъ историковъ весьма любопытны для срав..нія древнихъ Римлянъ съ Римлянами послѣднихъ временъ. Стекла, ..шага, почты, карты, трактиры, часы, какъ разсказываютъ респу..ликанскіе историки, не были извѣстны Римлянамъ. Они не носили ни ..новъ, ни бѣлья, ни рубашекъ, спали на сухихъ листьяхъ; столовая ..уда ихъ приготовлялась изъ дерева или земли, питались они мо..ною пищею, которую сами себѣ приготовляли: густой кисель слу..илъ имъ хлѣбомъ, а настоящій хлѣбъ долго считался за роскошь. ..альники армій и первые сановники древняго Рима сами занимались ..ледѣліемъ, раздѣляли столъ и кушанье съ своими слугами и сами готовили себѣ пищу. Жены ихъ, говоритъ Марціалъ, приносили ..гда имъ обѣдъ въ поле; жили они въ простыхъ хижинахъ, кры..къ соломою.

По сказаніямъ же историковъ имперіи, Римляне имѣли кровати изъ ..новой кости и рѣзнаго серебра, пурпуровыя одѣяла и пуховыя ..ины; у богатыхъ людей употреблялась серебряная и золотая по..да. Самыя кушанья достигали высочайшей прихотливости: кабаны, ..иненные журавлями и павлинами, не составляли еще роскошнѣй-

шаго блюда; въ прудахъ своихъ садовъ
всѣхъ морей. Цѣнность большихъ изъ об
сяти тысячъ драхмъ. Ожерелья дѣлались
ныхъ камней, на шеѣ и волосахъ носил
женщины также употребляли косметическ
свѣжести тѣла, онѣ брали ванны изъ осл
страннѣе, мужчины подражали имъ въ это
вѣстный, привозили съ большими издержк
накъ мѣха изъ Скиѳіи и амбру изъ Балт
изъ козьей и кроликовой шерсти и выш
Римлянъ, по изящнымъ греческимъ образц
вырѣзанною слоновою костью; жилища ос
слонъ. добываемымъ изъ растеній, рыбъ и
ли довольно хорошія стекла, изъ слоновой
мозаику; когда же узнали способъ добыван
довъ, тогда начали появляться золотыя и с
что искусство могло придумать богатѣйшаг
заключалось въ термахъ, лучшихъ украшені
аристократовъ Многократные набѣги варвар
хи римскаго искусства и повергли Европу в

Вообще недостатки ученой обработки и д
нія отчасти выкупаются какими-нибудь ис
которыя интересны сами по себѣ (*an sich in*
поверхностный разсказъ о колоколахъ (на
вѣстнымъ страннымъ анекдотомъ, что армі
Санъ (въ 610 г.) до того была приведена в
что сняла осаду и обратилась въ бѣгство. В
почти нѣтъ ни одной главы, гдѣ читатель н
нибудь интереснаго историческаго извѣстія;
бѣждать неудовлетворительность перевода,
книжкѣ пріобрѣсть себѣ читателей, хотя мы
ческій вкусъ привыкшихъ къ правильному и

Изслѣдованія объ исторіи и древн
сонеса Таврическаго. *Сочиненіе* Б. В. К
ніемъ Археологическо-нумизматическаго Общ
ми рисунковъ. Спб. 1848.

Это сочиненіе важно не только въ нашей
всѣхъ европейскихъ ученыхъ, въ особенно
историковъ. Не говоря уже о множествѣ дру
предъ европейскими монографіями по этому
здѣсь только на то, что ученый авторъ ис
дитъ въ своемъ сочиненіи 204 монеты, изъ

и до сихъ поръ извѣстна въ Европѣ. Кромѣ музея Импера- Эрмитажа, составляющаго богатый источникъ для херсон- ологіи, г. Кене пользовался Королевскимъ музеемъ въ Бер- іогими частными коллекціями въ Петербургѣ, Севастополѣ оторыхъ городахъ Германіи. Въ особенности же — говоритъ - обязаны мы глубочайшею признательностію Высочайше нному Археологическо-Нумизматическому Обществу и Вы- редсѣдателю его, Его Императорскому Высочеству герцогу ергскому»; ибо только благодаря имъ и особенно г. Рейхе- гимъ сочленамъ общества, трудъ этотъ могъ явиться на нномъ языкѣ.

е касается до самой исторіи Херсонеса, то г. Кене обрабо- амостоятельно, по первоначальнымъ источникамъ. Извѣ- бона, Плинія, Мелы и т. д., при всей ихъ недостаточности, немъ надлежащую оцѣнку. Подробнѣйшія свѣдѣнія о Хер- надлежатъ Императору Константину X и относятся къ де- тилѣтію. Не ограничиваясь этими прямыми источниками и ія, авторъ, вполнѣ владѣющій тактомъ ученаго, обращает- торія сосѣднихъ городовъ и народовъ и изъ ихъ отношеній ь заключенія о состояніи Херсона. Особенное вниманіе онъ такъ же и на отношенія Митридата Великаго, и совершенно иво, ибо Митридатъ владычествовалъ нѣкоторое время въ ; а въ византійскомъ періодѣ онъ разсматриваетъ подробно я константинопольскихъ императоровъ къ сѣвернымъ на- Отсюда уже легко догадаться, что изслѣдованія г. Кене о не только разнообразны и интересны, но и заслуживаютъ го вниманія всѣхъ историковъ. И самое изданіе этой книги соотвѣтствуетъ ученому ея достоинству. Изъ 10 таблицъ ъ, VII посвящены изображеніямъ херсонскихъ монетъ раз- періодовъ; ихъ объясненія читатель найдетъ въ текстѣ: ики интересны даже безъотносительно.

ВА СЪ ТОПОГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАНІЕМЪ ВСѢЙ ЕЯ МѢ- И ОКРЕСТНОСТЕЙ. *Подробная справочная книжка для прі- ихъ и живущихъ въ столицѣ, сост.* М. Рудольфъ. *Въ трехъ (съ планомъ Москвы). Москва. 1848.*

хъ поръ много было издано книгъ, имѣющихъ въ виду по- ъ любопытныхъ съ топографіей Москвы и ея окрестностей; гѣ не достигали цѣли вполнѣ, частію по ихъ краткости, ка- примѣръ [illegible] Москвы», г. Нистрема, гдѣ [illegible] описаніе Кремля, — ча- [illegible] удовле-

творить всѣмъ требованіямъ, какихъ впр
книги, предназначенной быть *справочною*
«Описаніе Императорскаго столичнаго гор
Рубана, Спб. 1782», «Историческое и
первопрестольнаго града Москвы. М. 1796
скій путеводитель по знаменитой столицѣ
Москва, 1827» и мн. др. Всѣ эти изданія и
нихъ ничего не узнаешь, или, наоборотъ, т
что исключаютъ всякую возможность поль
комства съ такимъ обширнымъ городомъ
Послѣ всѣхъ этихъ попытокъ, какъ это бы
г. М. Рудольфъ понялъ наконецъ, въ чемъ
рословѣстныхъ трудовъ явилась книга, впо
тѣхъ, для кого она предназначена, и вмѣст
чающая своему заглавію: по формату она т
можетъ помѣститься въ карманѣ любого пал
держанію готова удовлетворить самому прих
наконецъ по изданію — не только красива и
кошна и приноситъ много чести типографіи
еще не имѣющей въ Москвѣ достойныхъ сог
вышли двѣ первыя части; третья, при кот
Москвы, еще не отпечатана.

Чтобы дать нашимъ читателямъ хоть ле
книгѣ, мы покажемъ содержаніе каждой ча
сматривается мѣстность соборовъ, монастыре
скихъ, домовыхъ и иновѣрческихъ, часовень
торическимъ описаніемъ — когда, при каки
кѣмъ онѣ построены и вмѣстѣ съ указателем
тельностей ихъ; потомъ описаны такъ же крест
чины ихъ установленія; далѣе — улицы боль
стоположеніе, длина, нумера домовъ по пр
переулки съ указаніемъ откуда и куда прости
ки, театры, бани и пр.; пруды, набережныя,
городныя — слободы, села, деревни, дачи;
Сокольничій, и въ нихъ—гулянья, ворота, ба
часть еще важнѣе въ дѣлѣ примѣненія. Здѣсь
сейны, богадѣльни, больницы съ правилами
Воспитательный домъ и Опекунскій совѣтъ,
щимися къ займамъ и вкладамъ, Градское об
творительныя заведенія и комитеты, дворцы,
и учебныя общества въ Москвѣ, университет
зіи и училища — уѣздныя, рисовальныя и

ма учащихся, пансіоны, Палаты Канцелярін, суды, казармы, миссія, конторы и комитеты, клубы, архивы, Почтамть и при съ свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ почть въ Москву и изъ Москвы, пріемѣ простой и денежной корреспонденціи, о времени отправле- транспортовъ, каретъ и бриковъ и о цѣнѣ мѣстъ въ послѣднихъ, товыя отдѣленія въ Москвѣ и Городская Почта, почтовыя стан- , Сенатъ, типографіи, пріюты для бѣдныхъ дѣтей и семействъ, аннопріимные домы, частные домы съ указаніемъ ихъ пожар- къ знаковъ. Въ третьей разсмотрѣна будетъ Москва въ промыш- но-торговомъ отношеніи: фабрики, заводы, конторы и т. п. Во- ѣ же всѣ эти предметы изложены въ алфавитномъ порядкѣ, такъ въ случаѣ справки нѣтъ нужды тратить много времени, а между съ отыскиваемый предметъ показанъ самымъ отчетливымъ об- омъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что за такое полное и добросовѣстное выполне- г. М. Рудольфомъ предпринятой задачи отъ души поблагодарятъ всѣ имѣющіе нужду или желаніе познакомиться съ Москвой и окрестностями.

Ариѳметическій самоучитель геометріи, механики, зики и астрономіи, *съ чертежами и рисунками*. Александра вова. *Москва*. *1848*.

Всегда, при встрѣчѣ въ нашей учебной литературѣ съ *самоучи- лями*, которыхъ особенно много по части языкознанія, мы спра- иваемъ сами себя: неужели всѣ эти книги въ самомъ дѣлѣ полезны и самомъ дѣлѣ достигаютъ цѣли, которой, повидимому, имъ нѣтъ. какой возможности достигнуть? Фактъ, что подобныя книги расхо- гся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, иныя даже переживаютъ сколько изданій, кажется, долженъ былъ бы рѣшить предложен- е вопросы утвердительно. Но другой фактъ, что теперь болѣе, мъ когда-либо, чувствуется живая потребность въ образованіи и э средства къ удовлетворенію этой потребности еще не отличают- ни обиліемъ, ни богатствомъ, и потому не удовлетворяютъ ей *лнѣ*, нехотя заставляетъ остановиться на грустномъ, но вмѣстѣ отрадномъ результатѣ (разумѣется, отрицательно), вслѣдствіе тораго такъ часто повторяется пословица «на безрыбьи и ракъ — ыба!»... Многіе, разумѣется, перестали безусловно вѣрить, чтобы помощію такъ называемыхъ Самоучителей можно было пріобрѣ- ь основательныя свѣдѣнія въ чемъ бы-то ни было, стать, напри- ръ, латинистомъ, астрономомъ и т. п.; но тѣмъ не менѣе продол- ютъ запасаться ими, потому-что нѣтъ средс [illegible] родившейся необходимости. Играя поэто

зованія такую важную роль, самоучители т
на себя и гораздо обширнѣйшія обязанности
вѣтственность за промахи, даже повидимому
кое другое руководство, всякая другая книга
съ этимъ и требованія критики становятся (
неумолимѣе; ибо шутить такимъ предметомъ

Самоучители издаются обыкновенно для
знакомыхъ съ предметомъ, о которомъ они т
лишенныхъ другого руководителя. Отсюда у:
должно требовать отъ такихъ книгъ. Не говој
нія цѣли и средствъ, ведущихъ къ ней, о ст
сти въ развитіи данной идеи и полнотѣ этого
ствахъ, которыя необходимы въ каждомъ
вѣстно составленномъ, — отъ самоучителя
буемъ изложенія самаго простого, доступнаго
всѣхъ тѣхъ, для которыхъ онъ предназначенъ
изложенія популярнаго. Г. Александръ Львовъ
для людей, «*для которыхъ рѣшительно непон*
шія математическія истины» (Пред. стр. II)
потребность, но къ сожалѣнію не удовлетвори.
но бы было ожидать, судя по нѣкоторымъ м
особенно по отдѣлу ариѳметики, который, во
ненно лучше другихъ.

«Въ трехъ частяхъ этого сочиненія — гов
Львовъ — мнѣ желательно съ А(а)риѳметичес
въ параллель нити: Г(г)еометріи, М(м)еханики,
рономіи; такъ чтобы прочитавшій его, зналъ
изъ этихъ наукъ, что можно знать — зная од
тику; — самую же А(а)риѳметику изложить в
развитіи, чтобы изложеніе было не такъ сухо и
только главной ея идеи» (Ibid. стр. I).

И далѣе: «Какъ самыя части М(м)атематик
ея до того сдѣлались обширны и многосложны
изученія и одной изъ этихъ отраслей не достан
поэтому желательно составить особое *возможн*
тельнѣе бы, возможно полное) сочиненіе 3
А(а)риѳметическаго, въ которомъ заключались
ладныхъ наукъ существенныя, особенно интер
только его (т. е. курса?) сферѣ знанія; 2-го, А(
знанія (? ; являлись въ формѣ болѣе общей, пр
шее развитіе всѣхъ вопросовъ, предложенныхъ
въ А(а)риѳметическомъ; 3-го, Д(д)иффеpенц

альнаго курса, гдѣ уже окончательно было бы показано, какіе вопросы рѣшены, и какіе еще предоставлены будущимъ временамъ» bid. стр. III).

Изъ всего этого видно, что разбираемая книга есть только перва и основная часть всего труда. Не скроемъ, что цѣль автора хотя она, сказать правду, высказана и не совсѣмъ понятно, — прекрасна и заслуживаетъ всякаго уваженія, особенно у насъ, гдѣ популярныхъ курсовъ такъ мало и гдѣ въ нихъ-то именно такъ нуждаются; посмотримъ же теперь, какъ выполняетъ авторъ эту цѣль.

Весь курсъ раздѣленъ имъ на пять отдѣловъ: ариѳметику, геометрію, механику, физику и астрономію. Первый изъ нихъ начинается исторіей ариѳметики, которая, если изложена довольно подобно, то все же не такъ, какъ бы слѣдовало ожидать отъ «Самоучителя». Не говоря уже объ общихъ мѣстахъ и фразахъ, никѣмъ и ничѣмъ недоказанныхъ, что напримѣръ ариѳметика «предшествовала всѣмъ знаніямъ», и т. п., мы не видимъ въ этой исторіи не только лицъ второстепенныхъ, съ пользою дѣйствовавшихъ въ сферѣ математическихъ наукъ, но не встрѣчаемъ даже именъ, пользующихся огромною славою, а во многихъ случаяхъ и авторитетомъ, каковы, напримѣръ, Декартъ, Лейбницъ, Эйлеръ и др. Чтобы дать нашимъ читателямъ хоть нѣкоторое понятіе объ исторической части «Самоучителя», мы приведемъ для образца исторію ариѳметики въ Россіи, какъ самую близкую и интересную для русскихъ. Жалѣемъ объ одномъ только, что г. Александръ Львовъ окончилъ эту исторію именно той эпохой, съ которой слѣдовало начать ее.

«Карамзинъ полагаетъ, что первое сочиненіе Р(р)усской А(а)риѳметики относится къ исходу XVI столѣтія. Въ 1666 году *Сиръ синъ Асинорова*, мужъ мудрый бысть, написа численную философію финическими письмены подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *книга рѣкома погречески ариѳметика, по нѣмецки алгоризма, а по руски цифирная счетная мудрость*, въ которой онъ говоритъ, что безъ сея книги ни одинъ философъ, ни дохтуръ не можетъ быти и кто сію мудрость знаетъ, можетъ и Государя быти въ великой чти и жалованьи; далѣе, что по сей мудрости гости по государствамъ торгуютъ и во всякихъ товарѣхъ и торзѣхъ силу знаютъ, во всякихъ вѣсѣхъ и мѣрахъ, въ земномъ верстаніи и въ морскомъ теченіи зѣло искусны и счетъ изъ всякаго числа перечню знаютъ. — Эта рѣдкость Асинорова заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) о вѣсахъ и мѣрахъ московскаго государства и всей земли Р(р)уськія; въ ней заключаются: а) вѣсъ тяжестей съ переводомъ въ вѣсъ денежный, b) хлѣбная мѣра М(м)осковская, с) и [illegible] иностранныхъ земель, [illegible]) счетъ времени [illegible] 2) Указъ, какъ

класть сошную кладь. 3) Слишкомъ 200 глав
нѣйшія: a) память почему знати великія р
вѣсчія и въ аршинѣхъ; b) о ефимкахъ сереб
d) о сукнахъ — этотъ предметъ занимаетъ
казаніемъ городовъ и земель откуда сукны(
ключеніемъ: инымъ сукнамъ именъ не зна
e) о драгоцѣнныхъ каменьяхъ: яхонтѣ, лалѣ,
достоканѣ, жемчугѣ, f) о сахарѣ, пряныхъ к
о разныхъ предметахъ торговли, съ показа
Р(р)усскіе и выгодно купить иностранные, и

«Въ 1635 году найдена Галленомъ книг
стырѣ, писанная Пр. Отцемъ нашимъ, *Кири*
Ч(ч)*удотворцемъ*, гдѣ онъ разсказываетъ о
мірѣ, о церковномъ кругѣ, о составѣ человѣч
и пр. Въ обѣихъ этихъ рукописяхъ употребле
А(а)рабскія цифры.

«Какіе численные знаки употребляли пред
своего (т. е. ихъ) въ христіянство — не извѣ
они, подобно древнимъ Грекамъ и Римлянам
ныя числа разнымъ положеніемъ рукъ *(очень*
мени же введенія Х(х)ристіанской вѣры они пе
наченіе чиселъ буквами своей азбуки (?), како
ніе они не оставляли до Петра Великаго.

«Петръ Великій, бывши въ Лондонѣ въ 16
службу свою многихъ морскихъ офицеровъ,
былъ *Фергарсонъ*, введшій въ Россію А(а)рабскі
десятичная А(а)риеметика съ А(а)рабскими циф
учителемъ М(м)атематики *Леонтіемъ Магницки*
повелѣнію Петра Великаго въ 1703 году» (стр. 9

Вслѣдъ за этой *исторіей*, столь обильной
идутъ общія понятія объ ариеметикѣ, ея раздѣле
и даже пользѣ изученія. Очень можетъ быть, к
найдутся люди, еще не убѣжденные въ пользѣ н
жется, пора бы оставить эту схоластическую ме
что не подлежитъ никакому сомнѣнію, по-край
вахъ большинства, — тѣмъ болѣе, что подобна
ства бо́льшею частію ограничиваются общими мѣ
наконецъ перестали вѣрить. Мы спрашиваемъ,
на волосъ цѣль изученія ариеметики, если мы п
строки:

«Цѣль изученія А(а)риеметики — умѣть *дл*
найти точное или приближенное число; вычисл

просамъ жизни и явленіямъ природы; поэтому (?) *надобно сдѣлаться* (?) проворнымъ и искуснымъ выкладчикомъ, вычислителемъ по придуманнымъ облегченнымъ способамъ (?); знать всѣ пріемы, ведущіе къ точнымъ результатамъ; вполнѣ понимать пользу и недостатки способовъ (?); *исторически видѣть*, что сдѣлано въ наукѣ; стараться подмѣтить вездѣ (?) путь изслѣдованія (?), и ясно понимать, чтó еще остается нерѣшеннымъ, неразгаданнымъ» (стр. 13).

Чтó такое, напримѣръ, *знать всѣ пріемы, ведущіе къ точнымъ результатамъ?* чтó такое — *подмѣтить вездѣ путь изслѣдованія?* Неужели цѣль ариѳметики, между прочимъ, и въ этихъ диковинахъ?

Не менѣе курьёзны доказательства полезности этой науки:

«Она разовьетъ умъ постояннымъ усиліемъ къ соображенію условій при рѣшеніи вопросовъ; непрерывностію истинъ пріучитъ къ основательности въ сужденіяхъ, къ вѣрности взгляда на жизнь (!) и на природу (!!), къ сметливости, расчетливости *(ну, едва ли?)*, точности выраженія; ознакомитъ съ понятіями о пространствѣ, о времени, о силахъ, слѣдовательно со всѣми науками, гдѣ число играетъ важную роль *(полноте!)*: Г(г)еометріей, М(м)еханикой, А(а)строномiей..... научитъ опредѣлять интересы Г(г)осударственныхъ и К(к)оммерческихъ оборотовъ.... разъяснитъ *устройство* (?) обществъ на акціяхъ, какъ обществъ застрахованій» и пр. (стр. 14).

Итакъ, по мнѣнію г. Александра Львова, ариѳметика, между прочимъ, научитъ *точности выраженія*, *ознакомитъ съ понятіями пространствѣ*, *времени* и т. д. Сами по себѣ, а priori положенія эти, коли хотите, имѣютъ нѣкоторую долю истины; но въ приложеніи къ «Ариѳметическому Самоучителю» очень часто приходится подозрѣвать ихъ справедливость. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

«Понятіе: *величина*, такъ обще, что опредѣлить его нельзя.... поэтому *всѣ опредѣленія* этого понятія *не точны*» (стр. 14).

«Понятія: пространство, сила и время тоже такъ общи, что и *ихъ опредѣлить нельзя*» (Ibidem).

«Количество есть понятіе о величинѣ, объема силы, времени — *неопредѣленное*, выражающее только множество» (стр. 20).

«*Многимъ извѣстная* (мѣра), значитъ — *въ цѣломъ государствѣ должевъ каждый знать* принятыя мѣры; такъ: аршинъ, часъ, пудъ» (стр. 23).

Прочтя всѣ эти и множество другихъ подобныхъ данныхъ въ книгѣ г. Александра Львова, мудрено ли, если люди, «для которыхъ рѣшительно непонятны самыя простѣйшія математическія истины», сильно усомнятся въ пользѣ ариѳметики или пожалуй-

способности научить точно выражаться,
гладнѣе доказать справедливость сдѣланны
сительно точности, отвлечемся на минуту
сти: представимъ себѣ, что мы именно —
которыхъ написанъ «Самоучитель», и проч
строки, неизвѣстно зачѣмъ предпосланны
ментѣ:

«Душа и тѣло составляютъ человѣка (
ствуетъ, дѣйствуетъ; тѣло есть *инструмен*
шаются процессы мышленія, чувствованія,
Далѣе: «первый сдѣланный инструментъ е
тіе ума человѣческаго» (стр. 25). Но тѣло
струментъ и, по всему вѣроятію, *первый* сл
вѣстно кѣмъ, или покрайней мѣрѣ до сихъ
«Самоучитель» открылъ великую истину:
брѣтеніе, открытіе ума человѣческаго»!!...
на эта ничѣмъ не доказана!

Остальные за тѣмъ параграфы: о различ
словыхъ именахъ и знакахъ, о правилахъ д
сла десятью цыфрами и наконецъ о цѣлых
ложены превосходно и притомъ такъ, что д
шести, семилѣтняго ребенка. Это — несом
сандра Львова и вмѣстѣ несомнѣнное доказ
дѣетъ прекраснымъ даромъ — быть попу
Къ сожалѣнію, эта же заслуга служитъ е
упрекомъ за остальные отдѣлы его книги.
что онъ не показалъ никакого соотношенія
предъидущему, ни между собою, что́ состав
токъ въ *самоучителѣ*, который вслѣдствіе
единство и послѣдовательность и становит
отрывковъ, не связанныхъ даже внѣшно, —
бо́льшею частію такъ сжато и такъ кратко,
напрасно самоучка будетъ ломать себѣ голо
чемъ дѣло?... Мы не станемъ долго останав
лахъ, но съ другой стороны и не оставимъ
тельствъ.

На стр. 51 читаемъ: «прямая линія есть
которою выражаются кратчайшія разстоянія
хожденіе прямой линіи можно представить с
ки *по одному направленію* (?). Спрашивае
ская возможность понять, что́ такое прямая
прочтемъ это опредѣленіе *непосредственно*

…*одно протяженіе* представляетъ линію *кривую*.... иногда — *ло-…ую*.... иногда — *смѣшанную*». Да чѣмъ же отличается отъ всѣхъ … прямая?

На стр. 50, вещество опредѣляется, какъ «*что-то непроницае-…*», а на 72-й нѣсколько иначе: «*что можемъ ощупать, назы-…тся веществомъ*». Нужно ли говорить, что «Самоучитель» легко …ъ обойтись безъ *такихъ* опредѣленій, къ которымъ онъ, замѣ-…ъ мимоходомъ, страстный охотникъ.

На стр. 76 и 74 у г. Александра Львова «*солнце движется отъ твоpенія міра*». Интересно бы знать, около чего оно движется, ибо … 85 стр. видимъ, что, напримѣръ, домъ «движется ежесуточно …оло земли и ежегодно около солнца».

На стр. 96, описаніе А(а)твудовой машины изложено слѣдую-…имъ образомъ: «въ срединѣ колеса неподвижные секундные часы; … ободу колеса перекинутъ *шелковый шнурокъ*, чрезвычайно то-…*нькая*; къ концамъ *струны* (?) привѣшаны двѣ совершенно рав-…ыя гирьки».... и т. д. Отъ «Самоучителя» можно бы ожидать боль-…й точности и исправности.

На стр. 114 читаемъ неслыханныя доселѣ истины: «*кислоты и …слы*(а) (вмѣстѣ съ разсолами и сиропами) *плотнѣе воды*». Всякой …сскій, наливая наканунѣ праздника въ лампадку, до половины на-…лненную водой, масло, и видя, что оно всплываетъ наверхъ и ос-…ется въ этомъ положеніи, будетъ имѣть полное право уличить г. …ександра Львова въ непростительной ошибкѣ. Что касается до ки-…отъ, то изъ нихъ очень многія гораздо легче воды, таковы: водо-…орная, селитряная и другія.

На стр. 149: «Свѣтъ имѣетъ три свойства: 1-е, *свѣтитъ*, т. е. …лаетъ предметы видимыми; 2-е, *цвѣтитъ*, т. е. служитъ причи-…ю разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, и 3-е, *грѣетъ*». Но почему же …чью, несмотря на яркій свѣтъ луны и звѣздъ, все-таки холоднѣе, …жели днемъ, при солнцѣ?...

На стр. 177, говоря о гальванической силѣ, авторъ замѣчаетъ, что … названіе произошло будто бы оттого, что «*первый опытъ* (надъ …нковыми и мѣдными пластинками) *сдѣланъ Гальвани*»; но кому … неизвѣстно, что первымъ въ этомъ отношеніи былъ знаменитый …льта? Вообще должно замѣтить, что отдѣлъ физики есть самый …удный въ книгѣ г. Александра Львова. Онъ не потрудился *даже* …едставить современное положеніе вопроса о главнѣйшихъ физиче-…ихъ дѣятеляхъ, каковы: магнетизмъ, электричество, свѣтъ, теп-…та, — вопроса въ высшей степени интереснаго, день ото дня пріо-…рѣтающаго бо́льшую и бо́льшую практическую важность, особенно …ъ примѣненіи къ пр[illegible] …сти мануфактурной, фабричной.

Можно бы и еще привести нѣсколь
этихъ : если наши слова заставятъ автор
свое произведеніе, то конечно онъ и сам
ша цѣль будетъ достигнута вполнѣ.

Въ заключеніе мы должны сказать и
что̀ можно сказать о всѣхъ книгахъ это
лахъ : незнающаго она научитъ *кое-чему*
стно, смутно, если можно такъ выразить
совъ все-таки останется *для* него смутной
если даже онъ вздумаетъ выучить наизус

Историческіе разсказы, *соч.* А.
Ермакъ, *историческій разсказъ для*
ныхъ, *съ картинками, рисованными* Ж
Попова. *Спб. 1849.*

На эти двѣ книжки, заглавіе которых
считаемъ нашимъ долгомъ обратить особ
Эти книжки не имѣютъ ничего общаго съ
ми — порожденіями безграмотной литер
которыя по обыкновенію являются деся
Рождества и Свѣтлаго Воскресенья. Впро
ровъ «Историческихъ разсказовъ» и «Ер
литературное достоинство этихъ книгъ.
одно изъ почетныхъ, одно изъ первыхъ
скими писателями. Неоспоримыя доказа
Россіи въ разсказахъ для дѣтей», ея дѣтс
наконецъ журналъ, издаваемый ею. Г-ж
многихъ лѣтъ съ любовію и добросовѣсти
дится на избранномъ ею поприщѣ. Но из
ею дѣтскихъ книгъ, по нашему мнѣнію,
именно та, которую она предлагаетъ тепе
лямъ подъ заглавіемъ *Историческихъ раз*
слѣдующихъ статей: *Виѳлеемъ. — Неапо*
Валлисъ. — Дофинъ. — Дѣва Орлеанская
скій.— Карликъ Бебе. — Казань. — Акаде
Великій за границей и дома, и *Страстная*
Нѣкоторыя изъ этихъ статей извлечены
другія появляются въ первый разъ. Всѣ
представляютъ чтеніе въ высшей степени
разное. — Изъ нихъ въ особенности пок
ными по мастерству изложенія *Дѣва Ор*
ніе книги отличается простотою и изящно

. Небольсинъ, авторъ превосходныхъ сочиненій: «Разсказы о рскихъ золотыхъ пріискахъ» и «Покореніе Сибири» (см. Отеч. ски 1847 и 1848 годовъ), оказалъ истинную услугу дѣтской литурѣ составленіемъ историческаго разсказа для дѣтей: *Ермакъ*. тель Ермака, г. Поповъ, замѣчаетъ въ предисловіи къ этому казу совершенно основательно, что не только дѣти, но «и слые не безъ удовольствія прочтутъ Ермака, потому что здѣсь аны дѣянія его съ строгою историческою критикою, хотя и съ пособленіемъ всѣхъ событій въ малѣйшихъ подробностяхъ къ кимъ понятіямъ...», и прочее.

Чтобы познакомить читателей нашихъ съ взглядомъ г. Небольна великое для Россіи событіе — покореніе Сибири, и вмѣстѣ съ показать, съ какимъ искусствомъ онъ владѣетъ разсказомъ, аимствуемъ здѣсь изъ книги его главу IV: *Битвы Ермака съ *мовыми татарами:*

Знаменитый сочинитель «Исторіи Государства Россійскаго», Н. арамзинъ, описывая, между прочимъ, ермаковы походы, прельія подвигами этого великаго человѣка. Зная, что многимъ изъ очень хорошо были извѣстны завоеванія испанскаго генерала еца въ Мексикѣ и желая любителямъ отечественной исторіи одчертой показать великость нашихъ завоеваній въ Сибири, Карамчрезвычайно осторожно выразился, сказавъ, что завоеваніе Сиво *многихъ* отношеніяхъ сходствуетъ съ завоеваніемъ Мексики. Замѣтьте себѣ то, что историкъ, Карамзинъ, не сказалъ, что эти ванія сходны между собою *во всѣхъ отношеніяхъ*, потому что нельзя было сказать.

Чтобъ указать яснѣе въ чемъ именно завоеванія эти сходны, онъ одитъ только то сближеніе, что у насъ, въ Сибири, «та же горсть ей, стрѣляя огнемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами копьями: ибо сѣверные Монголы и Татары не умѣли воспользоваться изобрѣтеніемъ пороха и въ концѣ XVI вѣка дѣйствовали ственно оружіемъ временъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь ерінъ шелъ на *толпу* непріятелей, смертоносною пулею убивалъ ого, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и цать».

Чтобъ не подумали, что нашъ знаменитый Карамзинъ, оказавшій ко услугъ наукѣ, хотѣлъ этими словами сбавить славы у велика[illegible] мака или доказывать, что покорить Сибирь ему ровно ничего оило, мы считаемъ, съ своей стороны, необходимымъ пояснить ъдливый взглядъ Ка[illegible] на это дѣло слѣдующими обстоятвами, прося на[illegible] шихъ читателей вспомнить анеко колумбовомъ [illegible]ъ, что «все легко сдѣлать , когда другіе [illegible] ются» и что нѣтъ ничего нѣе, какъ с[illegible]

«Ну, такъ теперь хоть о Мексикѣ, ж
десять лѣтъ до Ермака, завоевалъ Корт
стный полководецъ, признанный цѣлымъ

«Мексика — это цѣлое государство,
той огромной, четвертой части свѣта, к
лумбъ.

«Въ Мексикѣ царствовалъ государь, н
мыхъ его побѣдилъ Кортецъ, и всю ст
Испаніи: но царь Монтезума, не дождавш
отдался Кортецу въ плѣнъ и этимъ, раз
къ болѣе успѣшному завладѣнію страною,
однакожь жестокое сопротивленіе Кортецу

«Теперь посмотримъ, было ли что-нибу
въ Сибири?

«Американскіе дикари видѣли въ испа
говъ, высшихъ существъ, составленныхъ
сначала въ-прахъ падали передъ этими вы
рялись имъ съ трепетомъ, безъ отговорокъ

«А кучумовы Татары не признавали на
они видѣли и въ Ермакѣ простаго человѣк
же людей, какъ и мы съ вами. Съ перваго
вязалось между Ермакомъ и Махметъ-Кулом
нымъ отъ Кучума отрядомъ, сибирскіе Та
подобно американскимъ дикарямъ, сдаватьс
чами стрѣлъ, ставятъ имъ разныя препятст
ду, рубятся съ ними, убиваютъ ихъ, и все
которую они поклялись защищать.

«Да и самъ Кучумъ нисколько не походи
боялся зловѣщихъ предсказаній, какъ Мон
боролся съ Ермакомъ, никогда не сдавался
этимъ своего царскаго сана; напротивъ тог
Ермакомъ такъ храбро, что въ полномъ свѣт
своего дикаго характера, дѣйствуя во всемъ
скій государь. Такъ вотъ съ какимъ челов
сражаться: надо было умѣть сладить съ ним

«Конечно, на сторонѣ казаковъ было
схваткамъ, были лодки, въ которыхъ они м
говъ (у Татаръ не видно, чтобъ лодки были
нія), были ружья, выстрѣлами которыхъ он
ко, хоть и вовсе не всегда, разгоняли кучум

«Но и у Татаръ было на столько же нав
могли противостоять ватагѣ Ермака: храбр
ми и неустрашимость въ нападеніяхъ служа

«Но посмотримъ какія выгоды были еп
передъ Русскими.

казаковъ было пятьсотъ сорокъ человѣкъ: толпы Кучума были ...ленны. У казаковъ были лодки — лошадей они давно бросили ...гилѣ, потому что съ ними некуда было дѣваться, — а на бере... ...скіе были пѣши: у Татаръ была конница и всадники кучумо... ...гли затоптать Русскихъ. Казаки хоть и пришли въ Сибирь всѣ ...кой общей цѣли, да храбрость то не у всѣхъ была одинаковая, ...у что горячка уже прошла, пламенное желаніе завоевать Си... ...успѣло поохладиться, въ благополучный успѣхъ тоже не всѣ ...и. Напротивъ Татары только что начинали свое дѣло: ихъ оду... ...ла одна мысль, уничтожить казаковъ и спасти отъ нихъ свои ...ства, своихъ женъ и дѣтей; у нихъ не успѣла еще остыть жаж... ...енія, она только разгоралась все больше и больше, потому что ...го изъ нихъ руководилъ общій интересъ въ дѣлѣ, благо цѣлой ...и, въ которое вѣровалъ послѣдній татаринъ.

...къ чѣмъ намъ хвалить безъ мѣры только иностранцевъ, мы ...мъ, что они точно были храбрый народъ, да для насъ-то лично русскіе богатыри въ тысячу разъ славнѣе тѣхъ, до кого намъ ...ѣтъ, кого мы и знать не хотимъ.

...го касается до самого Ермака, то его-то ужь никакъ нейдетъ ...вать съ Кортецомъ. Ну, посудите сами, чей подвигъ долженъ ...ся намъ величественнѣе?

...ортецъ, и по рожденію и по воспитанію, готовился именно для ...чтобъ начальствовать другими; онъ учился военному искусству, образованный воинъ, былъ генералъ, признанный полководецъ, ...ый съ малолѣтства былъ посвященъ во всѣ тайны военной нау... ...а вы еще и то замѣтьте, что у него въ Мексикѣ было нѣсколь... ...шекъ, а у Ермака въ Сибири было много много что съ полсотни ...і, а пушки не было ни одной.

...у, да мы о пушкахъ, пожалуй, не станемъ много распростра... ...я, а вотъ дѣло въ чемъ: нашъ то Ермакъ кому былъ обязанъ ...и побѣдами? Въ какой школѣ онъ пріобрѣлъ тѣ свѣдѣнія и зна... ...оторыя ясно доказываютъ, что Ермакъ былъ и великій полко... ...ъ, и великій хозяинъ, и великій дипломатъ?

...сли ужь объ ученомъ вельможѣ Кортецѣ, за то, что онъ завое... Мексику, говорятъ, что онъ великій человѣкъ: такъ чтожь послѣ ...надобно сказать про безграматнаго простолюдина, Ермака, рус... ...человѣка, который покорилъ намъ Сибирское-Царство съ мень... ...гораздо средствами, нежели какія имѣлъ Кортецъ?

...акъ и выходитъ, что все-то сходство завоенія Сибири съ завое... ...ъ Перу и Мексики состояло только въ томъ, что и тутъ и тамъ ...тели имѣли огнестрѣльное оружіе, а побѣжденные его не имѣли.

...акъ продолжимъ же нашу выписку для доказательства, что Ка... ...мъ очень хорошо понималъ это и вѣрилъ въ душѣ, что Ермаку ...но было завоевать Сибирь. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ ...ваетъ три первыя битвы Ермака съ Кучумомъ.

«Въ первой битвѣ, на берегу Тобола, въ урочи
«макъ, стоя въ окопѣ, нѣсколькими залпами ост
«десяти или болѣе тысячъ всадниковъ Махметъ-І
«неслися во весь духъ потоптать его: онъ самъ у
«довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью
«совсѣмъ безопасный: ибо жители, занявъ крутоі
«называемый Долгинъ-Яромъ, стрѣлами осыпали л

«Второе, менѣе важное дѣло было въ шестьнад
«Иртыша, гдѣ властвовалъ улусный князь, царск
«никъ, Карача, на берегахъ озера, и теперь име
«скимъ: Ермакъ взялъ его улусъ, и въ немъ богат
«и множество кадей царскаго меду.

«Третья битва, на Иртышѣ, жаркая и упорная,
«которому числу ермаковыхъ сподвижниковъ, дока
«симость отечества мила и варварамъ. Сибирскіе за
«неустрашимость и твердость; ввечеру уступили Р
«но только до новаго кровопролитія, имѣя еще и дс

«Число ермаковой дружины уменьшалось замѣ
«тыхъ, многіе были ранены, многіе лишились сил
«непрестанныхъ трудовъ».

«Въ тяжкомъ положеніи находились русскіе вои
шагу ихъ встрѣчала вѣрная смерть; еще въ первомъ
тысячъ конныхъ всадниковъ хотятъ затоптать толпу
не боясь нашихъ выстрѣловъ: несмотря на три по
число казаковъ убывало; многіе были покрыты
убиты....

«Вотъ какъ храбро дрались Татары и вотъ ск
перенесъ Ермакъ, прежде еще чѣмъ успѣлъ дости
столицы».

«Ермакъ» г. Небольсина и «Историческіе разска
мовой займутъ почетное мѣсто въ нашей дѣтской
мы поздравляемъ заранѣе тѣхъ дѣтей, которыя по
новому году. Лучшаго подарка сдѣлать нельзя. Обр
вниманіе родителей на эти книги, мы, къ сожалѣнію,
же сказать о слѣдующихъ:

Разсказы изъ жизни славныхъ соотечк *написанные для дѣтскаго чтенія. Изд.* А. И. П *1849.*

Дѣтская карманная библіотека. *Москва. 1849 г. Спб. 1849.*

и Альманахъ для дѣтей. Воронежъ. *Собрани въ стихахъ и прозѣ разныхъ авторовъ. Дѣтская кар тека. Лѣто. Спб.* М. DCCC XL. IX.

Всѣ эти три книжечки — порожденіе той литературной промышленности, о которой мы упомянули выше.

«Разсказы изъ жизни славныхъ соотечественниковъ», къ удивленію нашему, изданы тѣмъ же г. Поповымъ, который издалъ Ермака. Они заключаетъ въ себѣ: *Дитя и Поэтъ, разсказъ изъ жизни Державина.*

Издатель говоритъ въ предисловіи:

«Если моимъ читателямъ понравится первая книжечка, то въ слѣдъ за нею появятся вторая и третья; въ матеріалахъ для разсказовъ недостатка не будетъ.»

Не знаемъ, понравится ли эта книжечка его читателямъ, но намъ, мы должны сказать прямо, она очень не нравится. *Разсказъ изъ жизни Державина* не имѣетъ никакого литературнаго достоинства и составленъ съ большою небрежностію; а такого рода *разсказы изъ жизни славныхъ соотечественниковъ* не могутъ принести дѣтямъ ни малѣйшей пользы.

Вотъ какъ авторъ этого разсказа заставляетъ разсуждать родителей Державина....

— «Славный *мальчуга*, сказалъ Маіоръ (глядя на своего сына, т. е. на будущаго великаго поэта), молодецъ будетъ, служака; плохо только то, что до сихъ поръ слова выговорить не можетъ, въ его пору ребята давно уже кричатъ: папа, мама, а онъ только *откроетъ ротонькъ, прогулитъ какъ птичка: у-у-у-у.... о-о о-о-о, да и только!*»

— «Погоди, другъ мой, отвѣчала жена, вѣдь ему 3 Іюля всего только годъ минулъ, гдѣ тутъ говорить! Да притомъ онъ еще недавно, Господь съ нимъ, началъ поправляться, а родился то хилехонекъ и слабенекъ; еслибъ не Анна Ивановна присовѣтовала тогда *облепить во тѣстомъ*, такъ Богъ знаетъ былъ ли бы онъ и живъ.» —

Между тѣмъ малютка махалъ ручеиками, подпрыгивалъ и увлекалъ маню съ мѣста на мѣсто.

— «Вишь какъ разбаловался, шептала добрая женщина, приплясывая и припѣвая, полно, полно голубчикъ ты мой, ну куда ты рвешься, въ окошечко посмотрѣть захотѣлъ мое сердечушко, что ли? ну посмотримъ: *вишь ли сколько звѣздъ то на небѣ, горятъ какъ фонарики*, а вонъ тамъ, погляди-ко, большая звѣзда съ длиннымъ хвостомъ (комета), у-у-у у какая!...» Ребенокъ поглядѣлъ во всѣ глаза, какъ будто понимая слова мамьки; глаза его блестѣли въ эту минуту необыкновенно. Вдругъ, указывая пальчикомъ на небо, гдѣ сіяла комета, малютка громко и ясно воскликнулъ: «Богъ!»

За тѣмъ описывается такъ же забавно, какъ Г. Р. Державинъ доканчивалъ въ Нарвѣ въ 1784 г. свою знаменитую
перепечатана въ книжечкѣ вполнѣ, а за не
составленный краткій очеркъ жизни

Нѣтъ, не таковы должны быть разсказы дл славныхъ соотечественниковъ. Издатель сдѣлалъ ограничился Ермакомъ и не заставлялъ насъ упс его изданіяхъ на-ряду съ такими *лубочными* (нельзя придумать) книжечками, каковы:

«Дѣтская карманная библіотека» и «Альманахъ нежъ.»

Для забавы нашихъ читателей мы выпишемъ вѣсть подъ названіемъ: Розы.

«Какъ прилежна Надинька! Какъ послушна Н ней прекрасныя маьеры, какое милое и скромное « восклицали всѣ знакомые Татьяны Сергѣевны Заря ея двѣнадцати-лѣтнею дочерью. И въ самомъ дѣлѣ ваться: Надинька была преумная дѣвочка. Татьян дила въ ней истинное для себя утѣшеніе и любила мірѣ. Наступилъ день рожденія Надиньки; какъ бі дарка прилежной ученицѣ! Маменька подарила ей и алыхъ розъ — самыхъ лучшихъ, какія только в въ Петербургѣ. Съ какою благодарностью приняла ценный подарокъ, съ какимъ восторгомъ примѣряла дала той минуты, когда съѣдутся гости!

Насталъ вечеръ; Надинька была царицею вечер спѣшили угодить только одной ей, а она — она т лась, въ свою очередь занимала всѣхъ и каждаго, день, самый счастливый въ жизни Надиньки. Мног праздновала она еще день своего рожденія, но ни с былъ для нея столь радостенъ, какъ тотъ, въ кото дарила ей бѣлыя и алыя розы.»

Повѣсть этимъ и оканчивается.

Альманахъ Воронежъ заключается драматичес въ концѣ котораго *крестьяне, раскланиваясь друг ходятся по домамъ* (стр. 124). Картинки, прило альманаху, достойны его текста.

IV.

[ISTORY OF THE CONQUEST OF PERU, with a preliminari view of the civilization of the Incas, by *William H. Prescott*, etc., etc., etc. London, 1848, 2 vol. (ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ ПЕРУ, съ предварительнымъ взглядомъ на образованность инковъ, сочин. *Вильяма Прескота*, члена корреспондента Французскаго института, Берлинской академіи наукъ, Исторической академіи въ Мадритѣ, Неаполитанской академіи и др. Лондонъ, 1848, 2 части, съ картою древняго Перу).

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ (*).

Мы оставили испанцевъ, готовыхъ переправиться съ острова [у]ньи на материкъ противъ самого Тумбеца. Этотъ переѣздъ былъ [н]езначителенъ, и Пизарро рѣшился предварительно отправить на нѣ[с]кольких индѣйскихъ вальзахъ не только весь свой багажъ, но и [з]пасы оружія; самъ же, раздѣливъ военную силу на нѣсколько мел[к]ихъ отрядовъ, отправилъ ихъ вслѣдъ на другихъ вальзахъ. Неиз[в]ѣстно, что̀ побудило Пизарра къ такому странному распоряженію, [н]о только оно имѣло довольно непріятныя послѣдствія. Индѣйцы [н]апали на первую изъ приставшихъ къ бер[...] [...]
[на]ходились вещи, лично принадлежавшія [...]
[...]ехъ испанцевъ, управлявшихъ ходомъ [...]
[...]юта. Впрочемъ несчастныя жерт[...],
[...]падавшихъ и слабое собственное [...]

(*) См. Современникъ 1848 г., № 11 =

и положили на мѣстѣ многихъ враговъ, прежде
убиты. Шумъ и крикъ этой схватки достигъ до
который въ то время приставалъ къ берегу съ
нымъ отрядомъ. Между нимъ и мѣстомъ побоища
болото, казавшееся индѣйцамъ непреодолимою пр
рые испанцы неустрашимо бросились въ болот
вязли по самое сѣдло, однакожь имъ удалось б
браться чрезъ топь. Удивленные индѣйцы ежем
что испанцы потонутъ въ грязной тинѣ, но когд
бѣлые выбираются изъ болота, то, бросивъ заграб
поспѣшно удалились въ сосѣдній лѣсъ.

Пизарро не могъ объяснить себѣ такого вражес
стороны своихъ пріятелей — жителей Тумбеца, ко
недавно угощалъ на островѣ Пуньѣ. Но онъ еще
когда, вступивъ въ Тумбецъ, увидѣлъ его почти с
шеннымъ; уцѣлѣли только храмъ солнца, крѣпост
или шесть домовъ принадлежавшихъ значительнѣй
рода; да и тутъ не оставалось никакихъ цѣнныхъ
положеніе и величіе города обозначались только
дами развалинъ. Этотъ видъ обуялъ ужасомъ даже
поэтому, можно судить, какъ онъ подѣйствовалъ
которые, наслышавшись необыкновенныхъ разска
щахъ Перу и богатствѣ Тумбеца, нашли тамъ съ пе
ственную кровь и голыя развалины, безъ живой ду
нившее ихъ такъ издалека, исчезало, какъ скоро къ н
руку.

Отрядъ, посланный Пизарромъ для преслѣдовані
хватилъ нѣсколькихъ индѣйцевъ, и въ томъ числѣ с
тумбецскій курака, или градоначальникъ. Будучи п
зарру, онъ отпирался отъ участія въ нападеніи на
писывая этотъ насильственный поступокъ своеволь
ствовавшей противъ воли мѣстныхъ властей, при
строго наказать разбойниковъ, если только можно
ихъ. Разрушеніе города приписывалъ онъ дикому н
шему на островѣ Пуньѣ, которое, послѣ долголѣтн
дѣвъ Тумбецомъ, разграбило и разрушило город
Инка, по словамъ кураки, былъ слишкомъ занятъ в
лами, чтобы думать объ оказаніи помощи далекому г

Трудно рѣшить, повѣрилъ ли Пизарро увѣренія
такъ-какъ этотъ чи
лица всѣхъ жите
нападенія и у

розысканій. Такъ же невозможно было узнать достовѣрно о судьбѣ постигшей спутниковъ Пизарро, оставшихся въ Тумбецѣ во время возвращенія изъ первой экспедиціи: одни говорили, что бѣлые люди умерли отъ заразительной болѣзни; другіе, что они убиты въ сраженіи съ островитянами; третьи наконецъ признавались, что чужеземцы погибли жертвою сластолюбивыхъ покушеній на цѣломудріе индіянокъ. Трудно, или, лучше сказать, невозможно было дойти до истины; одно только оказывалось достовѣрнымъ, что выходцы погибли, и всего вѣроятнѣе отъ послѣдней изъ приведенныхъ причинъ.

Это извѣстіе о судьбѣ товарищей и первый кровавый пріемъ произвели самое непріятное впечатлѣніе на испанцевъ: несмотря на разсказы о дивномъ богатствѣ и великолѣпіи Куско, у нихъ постоянно находился передъ глазами раззоренный Тумбецъ, о которомъ тоже наговорили имъ много диковиннаго, и который такъ разочаровалъ ихъ. Нѣсколько дней послѣ вступленія ихъ въ Тумбецъ, явился къ Пизарру индѣецъ, въ домѣ котораго проживалъ одинъ изъ испанцевъ, оставшихся здѣсь во время первой экспедиціи, и подалъ ему лоскутокъ исписанной бумаги. На этомъ лоскуткѣ было написано рукою выходца: «Знай, кто бы ты ни былъ, зашедшій въ эту «дивную землю, что здѣсь золота и серебра больше, чѣмъ въ испа-«ніи желѣза». Пизарро не замедлилъ показать эту бумагу своимъ спутникамъ, но они встрѣтили эту вѣсть весьма недовѣрчиво, говоря, что это новая хитрость ихъ вождя, ласкающаго несбыточными надеждами.

Пизарро видѣлъ необходимость вытти какъ можно скорѣе изъ настоящаго двусмысленнаго положенія, не дожидаясь бунта, готоваго вспыхнуть между его подчиненными, весьма недовольными результатами вступленія на перуанскую землю. Но сперва необходимо было собрать удовлетворительнѣйшія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи перуанской монархіи, ея силѣ и средствахъ, а такъ же и о государѣ, въ ней царствующемъ; сверхъ того нужно было основать теперь же на перуанскомъ берегу осѣдлость, могущую служить для непрерывнаго сообщенія съ Панамою и для убѣжища въ случаѣ какого-либо неожиданнаго пораженія или бѣдствія.

Поэтому онъ рѣшился оставить въ Тумбецѣ всѣхъ больныхъ и слабосильныхъ, а съ остальными проникнуть въ окрестную страну, чтобы собрать сколь возможно болѣе свѣдѣній, по которымъ можно
ь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Раздѣливъ назначенное
...о на два отряда, онъ пошелъ съ первыми по долинѣ,
...торой отрядъ, подъ командою брата своего
...ѣ Андовъ, при чемъ было приказано

воздерживаться отъ всякихъ обидъ жителямъ, а д
бординаціи учреждены самыя строгія наказанія.
ски обращались вездѣ, гдѣ ихъ встрѣчали безъ
только вынужденные крайнею необходимостью при
жіе: въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ побѣда остава
сторонѣ конницы и огнестрѣльнаго оружія, произ
ужасающее вліяніе. Ласковое обращеніе испанцевъ
непріязненное впечатлѣніе, распространенное слух
ліяхъ. Отрядъ, предводимый Пизарромъ, слѣдуя по
тянущейся между морскимъ берегомъ и Андами, ве
чаекъ самымъ дружескимъ образомъ, и перуанц
снабжая пришлецовъ лучшими съѣстными припасам
для отдохновенія удобнѣйшія жилища. Повсюду въ
зарро за посланника папы — намѣстника Божія на з
великаго владыки Испаніи; онъ требовалъ повинове
сти перваго и свѣтскому владычеству послѣдняго. Б
мало имѣли понятія о папѣ и кастильскомъ королѣ,
принимали присягу на подданство Испаніи и давал
ститься при первомъ удобномъ случаѣ; не понимая
танныхъ имъ формъ присяги и обѣщанія, они охотн
подъ документомъ, не видя въ томъ большого тр
дить бѣлымъ чужестранцамъ. Испанцы же приним
за серьёзное дѣло и заставляли бывшаго съ ними н
таріуса скрѣплять присяжные листы новыхъ подда
ской короны.

Послѣ трехъ или четырехъ-недѣльнаго похода, I
ся, что для основанія колоніи, соотвѣтственной его
можно было выбрать мѣста лучше богатой долины 7
шаемой многими рѣками, изливающимися здѣсь въ
эта лежала около тридцати лигъ южнѣе Тумбеца. П
въ ней всю свою команду, поставилъ корабли у бере
приступилъ къ сооруженію города и крѣпости; лѣсу
довольно въ близь-лежащихъ лѣсахъ и каменоломнях
двигались зданія, отличавшіяся если не красотою и к
извѣстною степенью прочности. Кромѣ крѣпости, ка
для горожанъ, была выстроена церковь, хлѣбный ма
для засѣданій суда. Между жителями города, для услуг
ихъ, были распредѣлены всѣ окрестныя деревни и
вскорѣ мѣстность новаго города оказалась нездоровою
реведена неподалеку оттуда, на берега роскошной Піу
гуель де Піура существуетъ понынѣ памятникомъ пе
испанцевъ въ Перу.

Всѣ собранныя во время похода золотыя и серебряныя вещи были сплавлены; пятую часть ихъ отложилъ Пизарро для короля; остальныя убѣдилъ войско отправить въ Панаму, обѣщая съ избыткомъ вознаградить за это пожертвованіе, при первой добычѣ. Такъ-какъ солдаты имѣли случай собственными глазами убѣдиться въ богатствѣ Перу, то безъ труда согласились на желаніе Пизарра, который немедленно отправилъ въ Панаму корабли съ золотою и серебряною приманкою для новыхъ охотниковъ.

Во время своего похода узналъ Пизарро всѣ подробности войны между Хуаскаромъ и Атахуальпою, который стоялъ теперь лагеремъ не далѣе двѣнадцати дней пути отъ Санъ-Мигуэля. Все, что сообщали прежде о могуществѣ и богатствѣ инковъ и объ ихъ столицѣ Куско, подтверждалось при каждомъ новомъ извѣстіи и одновременно возбуждало опасенія и жадность завоевателей. Но число ихъ было слишкомъ мало: всего двѣсти человѣкъ воиновъ составляли команду Пизарро. Оставивъ около пятидесяти человѣкъ гарнизона въ новой колоніи, должно было съ остальными отважиться на завоеваніе имперіи, считавшей нѣсколько милліоновъ жителей и болѣе ста тысячъ войска. Какъ итти со ста пятидесятью солдатами противъ побѣдоноснаго инки, имѣвшаго въ одномъ корпусѣ, подъ собственнымъ начальствомъ, до 50 тысячъ человѣкъ? Пуститься же южнѣе, направясь на столицу Куско, значило только отдалить минуту погибели, и пойдя окольною дорогою, разрушить тѣмъ обаятельное вѣрованіе въ непобѣдимую силу и мужество испанцевъ; а дальнѣйшее бездѣйствіе вело къ бунту въ собственномъ войскѣ. Не оставалось ничего болѣе, какъ итти прямо въ лагерь инки, и представясь ему посланникомъ сильнаго чужеземнаго государя, дѣйствовать согласно обстоятельствамъ и не разбирая средствъ для достиженія цѣли (*).

Оставя въ Санъ-Мигуэлѣ около тридцати человѣкъ солдатъ, подъ командою Антонія Наварра, со всѣми чиновниками, прикомандированными къ нему индѣйскимъ совѣтомъ, и предписавъ имъ самое человѣколюбивое обращеніе съ окрестными туземцами, Пизарро выступилъ 21 сентября 1532 года въ походъ противъ перуанскаго монарха, окруженнаго въ своемъ лагерѣ цвѣтомъ побѣдоноснаго войска. Нельзя довольно надивиться смѣлости, едва ли не безумію подобнаго предпріятія. Уже испанцы имѣли случай убѣдиться въ опас-

(*) Весьма трудно говорить теперь съ нѣкоторою положительностью о планахъ и побудительныхъ причинахъ дѣйствій Пизарра. Онъ не зналъ грамоты и потому не оставилъ никакихъ записокъ; письменные документы о его подвигахъ сохранились только въ бумагахъ его секретаря и [illegible] рые не всегда могли знать мысли и положеніе дѣлъ [illegible]

ности битвъ съ воинственными племенами сѣвери
Америки, а эти дикари далеко отстали въ вооружен
числѣ отъ хорошо организованнаго перуанскаго вой
были одушевлены какимъ-то безрасчетнымъ мужес
шимъ предвидѣть будущихъ опасностей; къ тому
никами Пизарра носился образъ кортецовыхъ воин
шихъ неслыханные дотолѣ подвиги. Съ слѣпымъ
ронизмомъ пошли они на-встрѣчу непреодолимымъ
этой безусловной увѣренности въ собственной сил
успѣхомъ, который, несмотря на самыя очевидныя
все-таки кажется чѣмъ-то баснословнымъ. Здѣсь
дѣйствительности невѣроятныя приключенія стран
царей, описаніемъ которыхъ такъ богата средневѣ
литература.

Путь Пизарро лежалъ по чрезвычайной плодов
гдѣ природа и искусство сдѣлали все возможное для в
роскошной растительности; только изрѣдка пересѣка
утесистыми, каменистыми и вполнѣ безплодными от
Кордильеры. Повсюду, гдѣ изобиловала вода, разстил
ныя поля, покрытыя богатою жатвою, сады и рощи
ревьевъ невиданныхъ формъ и съ незнакомыми для е
тами, благоуханіе красивыхъ цвѣтовъ и всѣ прелести
царства подъ тропиками. Мирные жители, посвяти
тельность земледѣлію, вездѣ встрѣчали бѣлыхъ чу
довѣрчивымъ гостепріимствомъ; испанцы же, съ
вели себя какъ нельзя лучше, понимая всю важно
расположенія туземнаго населенія. Настоящій похо
шенно противоположенъ прежнимъ странствованія
нымъ лѣсамъ къ сѣверу отъ Квито: тамъ сопровожд
безплодіе, голодъ и непріязненныя дѣйствія дикихъ,—
ліе, спокойствіе и дружелюбный пріемъ. По города
были разсѣяны дворцы, назначенные для успокое
свиты во время путешествій: въ ихъ обширныхъ по
ходили испанцы довольство и покой, путешествуя на
вительства, къ ниспроверженію котораго стремился их

На пятый день по выходѣ изъ Санъ-Мигуэля, П
вился въ одной изъ очаровательныхъ долинъ, которы
эта часть Перу, и расположился сдѣлать смотръ с
Всего было съ нимъ 177 человѣкъ, и въ томъ числѣ (
огнестрѣльнымъ оружіемъ были снабжены около 20
болѣе), другіе же вооружены мечами, копьями, кинжал
Хотя вообще всѣ люди отряда имѣли бодрый видъ

зналъ, что нѣкоторые были недовольны его распоряженіями, боялись послѣдствій похода съ такою горстью людей противъ цѣлаго государства и при удобномъ случаѣ не упустили бы заразить и другихъ своею недовѣрчивостью. Чтобы разомъ отдѣлить больные члены отъ здороваго тѣла, онъ рѣшился на слѣдующую необыкновенную мѣру.

Собравъ весь отрядъ, онъ обратился къ нему съ короткою рѣчью. Товарищи — сказалъ онъ — теперь наступило рѣшительное время совершить великое дѣло, къ которому мы такъ долго стремились, перенося всѣ страшныя опасности, о которыхъ многіе смѣльчаки не могутъ слышать безъ ужаса. Но для приведенія къ благополучному окончанію начатаго дѣла, необходима во всѣхъ участникахъ полная увѣренность въ совершенномъ успѣхѣ. Поэтому, если кто-либо имѣетъ хотя малѣйшее сомнѣніе въ превосходствѣ испанскаго отряда надъ всѣми силами перуанскаго государя, тотъ можетъ немедля возвратиться въ Санъ-Мигуэль, и это нисколько не послужитъ ему въ укоръ, потому-что гарнизонъ колоніи очень слабъ и люди тамъ такъ же нужны. Въ доказательство же, что гарнизонная служба въ Санъ-Мигуэлѣ столь же почтенна, какъ и самый настоящій походъ, каждый солдатъ гарнизона получитъ при раздѣлѣ завоеванныхъ земель одинаковый участокъ съ воинами дѣйствующаго отряда. Возвращеніе въ Санъ-Мигуэль не почтется трусостью (потому-что всѣ испанцы равно храбры), а только сомнѣніемъ въ силахъ дѣйствующаго отряда и недовѣріемъ къ удобоисполнимости плановъ полководца, что въ настоящемъ случаѣ самъ главный начальникъ находитъ естественнымъ.

Эта рѣчь предводителя, не знавшаго, какъ велико число недовольныхъ въ его и безъ того малосильномъ отрядѣ, всего лучше характеризуетъ духъ Пизарро. Онъ окончилъ свою рѣчь положительнымъ увѣреніемъ и торжественною клятвою, что пойдетъ впередъ, несмотря на число людей, которые захотятъ за нимъ слѣдовать. Дѣйствительно, нельзя поставить ничего выше такого мужественнаго рѣшенія и самоотверженія; но Пизарро хорошо зналъ, какого рода людей имѣлъ подъ своимъ начальствомъ: только пятеро пѣхотинцевъ да четверо конныхъ солдатъ воспользовались предложеніемъ возвратиться въ Санъ-Мигуэль; прочіе клялись слѣдовать за Пизарромъ повсюду и до самой смерти. Кортецъ, чтобы заставить своихъ воиновъ итти впередъ на жизнь и смерть, сжегъ корабли и такимъ образомъ отнялъ средства къ отступленію; Пизарро, отдѣливъ недовольныхъ, недовѣрчивыхъ и слабыхъ духомъ, и открывъ всякому свободный путь къ возврату, отнялъ напередъ всякой предлогъ къ отступленію.

Послѣ такой мѣры, чувствуя себя подкрѣпленн
леннымъ, Пизарро двинулся впередъ и повсюду
стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ инкою, по случ
томъ. Во многихъ деревняхъ самая цвѣтущая част
завербована въ войска, и повсюду гнѣздилось глух
противъ жестокостей побѣдителя, его насильствен
зореній, причиненыхъ войною и отнятіемъ рукъ у зе
искатели приключеній уже давно прошли разстояніе,
по разсказамъ, отъ лагеря инки, а еще не было вид
довъ приближенія къ этому мѣсту. Наконецъ, при
(Zaran), Пизарро узналъ, что недалеко оттуда лежи
городокъ Кахасъ, въ которомъ находится перуанскій
послалъ туда кавалера Эрнандо де Сото съ небольш
собранія свѣдѣній. Болѣе недѣли пропадалъ де Сото,
начали думать, что онъ погибъ, какъ вдругъ онъ
вратился, приведя съ собою посланника отъ самого
встрѣтилъ этого вельможу съ большой свитой въ К
скій сановникъ привѣтствовалъ Пизарро отъ имени с
вручилъ ему различные подарки, заключавшіеся
серебряныхъ сосудахъ, украшенныхъ изумрудами,
ныхъ мелочахъ, и звалъ испанцевъ посѣтить инку в

Пизарро хорошо понялъ, что цѣль инки состоя
ности оказать ему вѣжливось, но въ желаніи узнать
его намѣреніяхъ и силахъ; однакожь онъ скрылъ эт
нялъ посланника инки съ чрезвычайнымъ почетом
знаками удовольствія. Онъ предложилъ посланнику
сколько дней въ испанскомъ лагерѣ, но перуанецъ
предложеніе подъ благовиднымъ предлогомъ, не упус
вывѣдать отъ Пизарро все, что тотъ рѣшился ему
Наконецъ онъ оставилъ испанцевъ, одаренный сукон
и шляпою, такъ же дешевыми, но блестящими стекл
серомъ, которыми завоеватели заранѣе запаслись въ К

Испанскій полководецъ поручилъ передать инкѣ
ляется къ нему отъ имени великаго и могуществен
владѣющаго многими сильными царствами по ту ст
Этотъ государь, владыка Кастиліи, узнавъ о славѣ
Атахуальпы, послалъ его (Пизарра) для поздравленія

(*) Переводчиками при разговорахъ съ посланникомъ и вообще
туземцами служили два молодыхъ перуанца, которыхъ Пизарро в
свою экседицію и потомъ бралъ съ собою въ Испанію. Впослѣд
зарро и его спутники довольно хорошо научились по-перуански,
индѣйцевъ безъ переводчика.

съ побѣдою и вступленіемъ на престолъ дѣтей солнца и съ предложеніемъ своей дружбы, союза и помощи противъ враговъ новаго владѣтеля Куско. Пизарро присовокупилъ, что онъ горитъ желаніемъ увидѣть побѣдоноснаго монарха Перу и, нигдѣ не останавливаясь, будетъ спѣшить къ мѣсту его пребыванія.

По отбытіи посланнаго, Сото далъ Пизарру подробный отчетъ о своей экспедиціи. Населеніе Кахаса показало сперва непріязненное расположеніе, но когда Сото объявилъ, что онъ является другомъ и гостемъ, а не врагомъ, то и здѣсь встрѣтилъ ласковый пріемъ. Въ это время находился въ Кахасѣ чиновникъ для сбора податей, который увѣдомилъ Сото, что инка съ отборнымъ войскомъ стоитъ въ Кахамалкѣ, большомъ городѣ, лежащемъ по ту сторону Кордильеры (и еще понынѣ знаменитомъ горячими минеральными ключами). Перуанскій чиновникъ разсказалъ такъ же много о силахъ инки, о военныхъ и финансовыхъ средствахъ государства, о политикѣ правительства и о важнѣйшихъ придворныхъ сановникахъ. Тутъ же имѣлъ Сото случай убѣдиться въ неумолимой строгости перуанскихъ законовъ. За оскорбленіе стыдливости дѣвъ солнца была опредѣлена смертная казнь, не разбирая, какимъ именно образомъ нанесено оскорбленіе. Незадолго до прибытія Сото въ Кахасъ (гдѣ находился монастырь дѣвъ солнца), молодой перуанецъ, пробравшись тайкомъ въ священное убѣжище дѣвъ, былъ пойманъ и повѣшенъ за ноги; вскорѣ потомъ другой мужчина, вовсе безъ соблазнительной цѣли, обнажилъ себя въ присутствіи дѣвы солнца и былъ за то повѣшенъ такъ же за ноги, рядомъ съ первымъ преступникомъ. Сото видѣлъ самъ эти трупы, висящіе рядомъ и едва тронутые тлѣніемъ (¹).

Изъ Кахаса Сото повелъ свой отрядъ въ ближній городъ Гуанкабамбу, который былъ обширнѣе, красивѣе, богаче и населеннѣе Кахаса: здѣсь было множество домовъ, построенныхъ изъ тесанаго камня, и чрезъ самый городъ проходила одна изъ большихъ, искуственныхъ, государственныхъ дорогъ, ровная и мѣстами хорошо вымощенная камнемъ и обсаженная по бокамъ высокими деревьями въ видѣ аллеи. Въ этомъ городѣ посланникъ инки встрѣтилъ испанцевъ.

Получивъ такія извѣстія, подтверждавшія прежніе слухи, Пизарро рѣшился немедленно двинуться въ Кахамалку (нынѣ Кахамарка) (²); всѣ же предметы, забранные на пути, привезенные Сотомъ, и подарки индѣйскаго посланника, Пизарро отправилъ въ Санъ-Мигуэль, для пересылки чрезъ Панаму въ Испанію. Когда эти вещи прибыли въ Европу, то кастильцы не могли довольно надивиться красотѣ и изяществу золотыхъ сосудовъ и особенно тканей, или *ви-*

(¹) *Xeres*, Conq. del Peru, in Barcia, T. III, p. 188.

(²) Caxamalca, Caxamarca.

куньевой шерсти, вышитыхъ разными узорами ;
того времени совершенно незнакомы европейцамъ
Дорога въ Кахамалку шла прямо къ югу, и , по
перехода, испанцы достигли Мотупы , мѣстечка
прелестной долинѣ, окруженной невысокими гора
жія исполинскихъ Андовъ, являющихся здѣсь въ
Несмотря на рѣшеніе итти неукоснительно впере
медлилъ здѣсь четыре дня, вѣроятно ожидая подк
намы), столь необходимыхъ въ настоящемъ слу
было нужно пораздумать о планѣ похода чрезъ ущ
по неизвѣстнымъ для испанцевъ тропинкамъ. Но
явилось, и надобно было итти на произволъ судьбы
кихъ дней труднаго пути чрезъ песчаныя равнин
погорья андскаго подола , достигли до берега шир
рѣки, переправа черезъ которую была весьма затр
зарро, опасаясь помѣхи со стороны туземцевъ , рѣ
вить ночью передовой отрядъ, подъ командою брат
и подъ этимъ прикрытіемъ перевезти на плоту гла
рубили въ сосѣднемъ лѣсу деревьевъ , связали ихъ
на устроенный такимъ образомъ плотъ посадили с
зили багажъ ; лошадей пустили вплавь, придерживая
Совершивъ благополучно эту трудную переправу, у
брежные жители не только не думали мѣшать пере
черезъ рѣку, но, узнавъ о ихъ прибытіи , разбѣжа
нымъ лѣсамъ. Съ трудомъ удалось поймать одного
рый сперва притворялся нѣмымъ , но въ мукахъ п
что Атахуальпа стоитъ близь Кахамалки лагеремъ ,
состоитъ изъ трехъ отрядовъ , что онъ знаетъ о ми
бѣлыхъ пришлецовъ , но, слышавъ объ ихъ страшн
и непобѣдимомъ мужествѣ, рѣшился завлечь бѣлы
ность имперіи , гдѣ легко будетъ истребить ихъ на
тысячнаго войска. Получивъ эти свѣдѣнія , испа
плѣннаго, объявивъ, что они идутъ посланниками о
даря къ инкѣ и никому не хотятъ дѣлать зла или нас
ные индѣйцы мало-по-малу возвращались въ свои жи
нецъ прибылъ въ испанскій лагерь мѣстный кура
вилъ, что Атахуальпа выступилъ изъ Кахамалки въ
родъ, лежавшій на 20 лигъ южнѣе , и что въ лагерѣ
болѣе 50 тысячъ воиновъ, чему курака былъ самъ о
дѣтелемъ, ибо только-что возвратился оттуда.

Въ настоящемъ критическомъ положеніи, Пизарр
пленія въ горныя ущелины , уговоривъ одного

іемъ индѣйцевъ отправиться въ видѣ посланника ко двору инки и увѣдомить перуанскаго государя, что испанцы спѣшатъ къ нему съ самымъ дружелюбнымъ расположеніемъ и надѣются на милостивый пріемъ съ его стороны. Посланнику, очень подружившемуся съ Пизарромъ, было такъ же поручено осмотрѣть, заняты ли войсками нѣкоторые изъ горныхъ проходовъ и не принято ли какихъ-нибудь мѣръ для непріязненныхъ дѣйствій противъ испанскаго отряда; эти извѣстія должны были дойти къ Пизарру чрезъ трехъ скороходовъ, которые составляли свиту отправлявшагося съ пизарровымъ порученіемъ индѣйца. Сначала онъ отговаривался, но Пизарру удалось его склонить различными блестящими обѣщаніями.

Отправивъ посланника, Пизарро осторожно пустился впередъ и по трехъ-дневномъ пути достигнулъ до подножія главнаго хребта, по ту сторону котораго лежали Кахамалка и Гуамачучо. Предъ нашими странствующими рыцарями воздымались громадные утесы Андовъ, нагроможденные другъ на друга, окаймленные снизу и кое-гдѣ по бокамъ вѣчнозелеными тропическими лѣсами и увѣнчанные бѣлымъ покровомъ никогда не тающаго, заоблачнаго снѣга. Испанцы должны были шагнуть черезъ эту исполинскую стѣну, пробираясь по лабиринту ущелій, въ которомъ горсть людей могла остановить цѣлую армію. Вправо, вдоль горнаго хребта, тянулась покойная, широкая и ровная дорога, ведущая въ Куско; почти всѣ пизарровы спутники желали итти по послѣдней, прямо въ столицу, и не пускаться на явную смерть въ горныхъ ущеліяхъ. Но Пизарро не хотѣлъ даже слышать о подобномъ измѣненіи плана, публично объявленнаго самому инкѣ. Отказаться отъ первоначальнаго намѣренія, значило показать свою трусость и слабосиліе, и, уклонившись отъ прямого похода въ лагерь инки, дать послѣднему поводъ къ начатію издали непріятельскихъ дѣйствій, отъ которыхъ отрядъ долженъ былъ необходимо и безполезно погибнуть. Во имя Божіе — вскрикалъ онъ — пойдемъ прямо на царя язычниковъ, а когда поразимъ пастыря, то разбѣгутся и овцы. Пизарро, какъ видно, обладалъ быстрымъ и вѣрнымъ соображеніемъ, такъ драгоцѣннымъ въ критическихъ обстоятельствахъ; притомъ онъ зналъ своихъ подчиненныхъ и обладалъ даромъ слова, имѣвшимъ на нихъ рѣшительное и несомнѣнное вліяніе. Его идеи, или, скорѣе, одушевленіе, проникли въ сердца отчаянныхъ смѣльчаковъ, и съ криками: *во имя святого* [illegible]*ила*, испанцы двинулись на Анды.

[illegible] - державномъ по поводу этого рѣшительна-
[illegible]ы самъ Пизарро отправился впередъ
[illegible] 40 конныхъ, для обозрѣнія мѣ-
[illegible]ойска, подъ командою Эрнан-

до, должна была оставаться на мѣстѣ и ожидать
казаній главнаго начальника.

Дорога черезъ горы оказалась еще труднѣе, ‹
она шла уступами и огибала утесы узкою тропою
часто заставляла конницу спѣшиваться; во мно
пника, едва въ футъ шириною, пролегала по кра
пасти, такъ-что съ одной стороны высилась отвѣ
сячи футовъ вышиною, а съ другой стороны зія
глубины глазъ не могъ измѣрить. Закованные в
вмѣстѣ съ непривычными къ горнымъ дорогамъ
ны были проходить тамъ, гдѣ едва (ито съ опасн
бирался полунагой индѣецъ, едва прикрытый
кою. Широкія, бездонныя разсѣлины, слѣды да
ній, заросшіе внутри кустарниками, мхомъ и ліана
образованія, совершенно обнаженныя, лежали уж
дами на пути; въ глубинѣ этихъ пропастей клоко
зованные тающимъ снѣгомъ, дождемъ и пода
свергавшимися съ Кордильеры.

Во многихъ мѣстахъ, особенно выгодныхъ д
высѣчены въ природной скалѣ укрѣпленія, въ род
нѣсколько человѣкъ запершись могли остановить
степенно цѣлую армію, находясь сами въ совершен
отъ врага. При видѣ перваго изъ такихъ укрѣпл
показалось, что изъ-за валовъ поднимаются уже го
и что градъ камней и дротиковъ стучитъ по ихъ
дѣло обошлось счастливо, и въ крѣпости не оказа
Это весьма обрадовало нашихъ рыцарей и разувѣри
шеніи враждебныхъ намѣреній инки, потому-что
скій государь хотѣлъ истребить бѣлыхъ пришле
воспользовался бы неприступною позиціею, въ к
воины, поражая испанцевъ, оставались бы безопас
цы и огнестрѣльнаго оружія.

Убѣдившись, что едва ли на пути встрѣтятся дру
кромѣ естественныхъ препятствій, Пизарро посла
Эрнандо приказъ слѣдовать за авангардомъ, а самъ
въ сердце горнаго хребта. По мѣрѣ подъема его на
становился постепенно суровѣе: солдаты и лошади
тропическому солнцу, начали жестоко страдать отъ
пенно измѣнялся и видъ растительности: ліаны и
ныя деревья тропиковъ смѣнились хвойны
сивыхъ магнолій и эбеновыхъ дерев
душистые цвѣты и кустарники

однообразный сѣроватый мохъ. Не только слѣдъ человѣческій пропалъ въ этихъ печальныхъ пустыняхъ, но даже исчезли звѣри и пестроперыя птицы; только изрѣдка легконогая вигунья прыгала со скалы на скалу, да высоко въ синемъ небѣ, надъ островерхимъ зубчатымъ гребнемъ, поднимался чудовищный кондоръ, разсѣкая холодный воздухъ ровными взмахами исполинскихъ крыльевъ. По временамъ встрѣчались въ самыхъ труднопроходимыхъ мѣстахъ цитадели, высѣченныя въ нагой гранитной скалѣ; но въ этихъ крѣпостяхъ не было и слѣда человѣческаго.

Наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ трудностей, достигли странники до гребня Кордильеры, разстилавшагося у подножія снѣжныхъ пиковъ каменистою равниною, гдѣ между льдомъ, снѣгомъ и обломками скалъ кое-гдѣ виднѣлся жолтый *пахональ* (pajonal), низенькая трава съ жолтыми, похожими на сухую солому листьями. Взору усталаго, изумленнаго странника, смотрѣвшаго на эту дивную картину при отвѣсныхъ лучахъ солнца, казалось, что серебряные пики стояли на золотомъ подножіи. Но золото было здѣсь не въ одномъ призракѣ: оно изобиловало въ этой холодной и негостепріимной пустынѣ; наши путешественники находились вблизи нѣкогда знаменитыхъ золотыхъ пріисковъ Кахамалки. Здѣсь расположился Пизарро для отдыха, до прибытія своего арріергарда.

Наконецъ явился одинъ изъ скороходовъ, отправленныхъ съ индѣйцемъ, исполнявшимъ трудную роль пизаррова посланника, и принесъ извѣстіе, что на дорогѣ нигдѣ не было ни засады, ни другихъ приготовленій къ сопротивленію, и что вслѣдъ за нимъ идетъ посольство, отправленное инкою къ испанскому генералу. Пизарро тотчасъ послалъ приказъ, чтобы арріергардъ ускорилъ маршъ, дабы разомъ показать индѣйцамъ всѣ силы, которыми онъ располагалъ, и едва Эрнандо достигъ лагеря, какъ явились и посланники Атахуальпы. Посолъ принадлежалъ къ членамъ царскаго семейства и былъ окруженъ многочисленною свитою: онъ принесъ Пизарру въ подарокъ нѣсколько льямъ и спрашивалъ именемъ своего государя, скоро ли бѣлые люди придутъ въ Кахамалку, гдѣ теперь находится инка съ многочисленною гвардіею и пользуется горячими минеральными водами. Онъ говорилъ, что Атахуальпа нарочно выступилъ изъ Гуамачучо для встрѣчи бѣлыхъ людей и для приготовленія нужнаго для пріема ихъ въ Кахамалкѣ. Пизарро принялъ перуанскаго вельможу со всѣми наружными знаками глубокаго уваженія, а тотъ началъ ему говорить о силѣ и побѣдахъ Атахуальпы, генералъ довольно вѣжливо замѣтилъ, что инка великъ между индѣйцами, но что испанскій король отношеніяхъ несравненно выше, и что горсть ис-

панскихъ воиновъ не побоится всѣхъ войскъ Пе
его отрядъ служатъ живымъ примѣромъ. Впр
словамъ ихъ начальника, пришли только для з
жить Атахуальпѣ дружбу и помощь кастильскаг
самъ, вмѣстѣ съ отрядомъ, желаетъ служить ш
къ окончательному покоренію всѣхъ еще незаі
окружающихъ Перуанскую монархію. Индѣецъ
но и ничего не отвѣчалъ на смѣлую и хвастливу

На другой день испанцы пошли далѣе и чрез
до вершины восточнаго склона хребта. Здѣсь вст
посланникъ инки, желавшаго узнать, скоро ли і
бѣлые гости. Посланникъ былъ тотъ же самый п
являлся къ испанцамъ по ту сторону Андовъ. О
бою въ подарокъ стадо перуанскихъ овецъ и под
стей *чичею* (chicha) (*), которую подавали въ з
При видѣ этого золота, глаза испанцевъ горѣли
огнемъ, и они съ восхищеніемъ ждали времени, к
сдѣлаются ихъ собственностью.

Между тѣмъ возвратился въ испанскій лагеі
сланный къ инкѣ Пизарромъ: онъ говорилъ, что і
къ Атахуальпѣ, подъ разными предлогами, и ч
бы убитъ, если бы не объявилъ, что испанцы о
его смертію посланниковъ, находившихся въ ихъ
рялъ, что инка рѣшился погубить испанцевъ и ж
гочисленнымъ войскомъ близъ Кахамалки; самый
пустой, потому-что Атахуальпа, собираясь запеј
лыхъ людей, выслалъ оттуда всѣхъ жителей, дабы
нѣе и на просторѣ.

На это находившійся въ испанскомъ лагерѣ пе
никъ отвѣчалъ, что государь его не питаетъ ника
ныхъ чувствъ къ бѣлымъ людямъ, что посланн
былъ дурно принятъ потому, что не имѣлъ никаких
о сдѣланномъ ему испанскимъ начальникомъ довѣрі
бытія его въ Кахамалку былъ такой, въ которы
никому аудіенцій,—что инка окруженъ только обы
гвардіею, поставленною на военную ногу, по причи
ченной войны, и что жители Кахамалки высланы
помѣщенія въ немъ бѣлыхъ гостей.

Пизарро въ душѣ своей былъ увѣренъ въ вѣроло
пы, но счелъ благоразумнымъ удовлетвориться с

(*) *Чича* былъ крѣпкій напитокъ, приготовляемый чрезъ (
употреблялся въ Перу вмѣсто вина.

юсланника, потому-что необходимо было сохранить дружескія отношенія къ инкѣ до крайней возможности. Онъ продолжалъ свой путь, мужественно перенося всѣ трудности; а восточный склонъ Андовъ хотя былъ не такъ утесистъ, какъ западный, но спускъ едва ли не затруднительнѣе былъ восхожденія. Наконецъ, послѣ семи-дневнаго пути книзу, испанцы вступили въ цвѣтущую долину Кахамалки: голые, каменистые утесы смѣнились роскошнымъ ковромъ тропической флоры; вездѣ виднѣлись слѣды искусной обработки земли, и многочисленное населеніе казалось гораздо просвѣщеннѣе, чѣмъ племена, живущія на склонѣ, прилежащемъ морскому берегу. Въ глубинѣ долины бѣлѣлись на солнцѣ чистенькіе домики Кахамалки, и неподалеку отъ города поднимался туманный столбъ паровъ, восходившихъ изъ минеральнаго источника. Но видъ этой картины не во всѣхъ частяхъ понравился испанцамъ, потому-что вдоль по склону горы тянулись длинные ряды бѣлыхъ палатокъ, тѣсно жавшихся другъ къ другу и покрывавшихъ землю какъ бы полотномъ снѣга. Отступать было теперь поздно, и странствующіе рыцари съ стѣсненнымъ сердцемъ, но съ смѣлымъ видомъ, пошли по направленію къ городу.

Что почувствовалъ инка, когда таинственные незнакомцы, въ блестящихъ панцырахъ и съ распущенными знаменами, выѣзжали изъ ущелій Сіерры, то останется для всѣхъ вѣчною тайною. Какія имѣлъ онъ намѣренія, заманивъ бѣлыхъ людей въ сердце своей имперіи, рѣшить трудно, потому-что ходъ происшествій слишкомъ быстро пресѣкъ самостоятельную дѣятельность со стороны Атагуальпы.

Пизарро вступилъ въ пустынный городъ, гдѣ не было ни одной живой души: онъ былъ не великъ и едва ли могъ содержать болѣе семи тысячъ жителей. Дома выстроены изъ глины, засушенной на солнцѣ, и покрыты соломою, досками и листьями; только немногія общественныя зданія были выстроены изъ тесанаго камня. Посреди города, нѣсколько ближе къ перуанскому лагерю, находилась обширная площадь, обстроенная съ трехъ сторонъ длинною цѣпью низенькихъ зданій, сообщавшихся съ площадью непрерывнымъ рядомъ дверей и воротъ (*). Въ городѣ находились еще двѣ весьма хорошо построенныя изъ гранита крѣпости, изъ которыхъ одна защищалась толстою, улиткообразною стѣною, дѣлавшею три оборота.

Вечеромъ 15 ноября 1532 года вступилъ будущій завоеватель Перу въ Кахамалку, колыбель его будущаго величія и славы. Онъ такъ нетерпѣливо желалъ узнать намѣренія инки, что, несмотря на бурю съ дождемъ и градомъ, посылалъ [illegible] рыцаря

(*) Эти зданія служили вѣроятно казармами [illegible] чен-наго въ Кахамалкѣ.

де Сото съ пятнадцатью всадниками и вслѣд
брата своего Эрнандо съ двадцатью всадника
въ случаѣ нападенія со стороны индѣйцевъ.

Отъ города къ лагерю вела хорошо устроен
рой испанцы поскакали во весь галопъ. Перу
вленіемъ и ужасомъ смотрѣли на поѣздъ хри
несшійся впередъ какъ бы на крыльяхъ вѣтра
комъ, грохотомъ оружія и топотомъ копытъ.
ремъ протекала широкая и глубокая, но тихая
гами рѣка, черезъ которую былъ перекинутъ
охраняемый вооруженною стражею. Не довѣря
не желая напрасно прибѣгать къ насильственн
цы, не въѣзжая на мостъ, бросились вплавь и ле
казавшуюся индѣйцамъ непреодолимою прегра
имѣвшихъ ни лодокъ, ни плотовъ. Растерявшіес
петомъ спѣшили проводить таинственныхъ при
щу инки, которое состояло изъ просторнаго к
съ дворомъ впереди и садомъ назади. Вдоль дв
вильону вела галлерея, украшенная колоннами,
лась огромная каменная ванна. Вокругъ нея стоя
чинъ и женщинъ, роскошно одѣтыхъ и принадл
дворному штату; посреди этой блестящей тол
узнать Атахуальпу, по пурпурной бахрамѣ, обвит
то была священная борла — корона инковъ. Вла
на невысокой подушкѣ, поджавъ подъ себя ноги
обыкновенно сидятъ на востокѣ, и смотрѣлъ
спокойнымъ видомъ, не выражавшимъ ничего, к
ности и безстрастія, свойственнаго многимъ амер
намъ. Какъ ни всматривались испанцы, но не
лицѣ индѣйскаго монарха чувствъ, волновавшихъ

Рыцарь де Сото и Эрнандо Пизарро, оставивъ
дворъ, подъѣхали въ сопровожденіи только тре
престолу инки и, не сходя съ лошадей, низко по
вѣтствовали Атахуальпу отъ имени своего нач
прибылъ въ Перу по приказанію великаго кастил
предложенія ему своихъ услугъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ
перуанскаго монарха удостоить испанцевъ свои
Инка не отвѣчалъ ни слова и даже не показалъ ви
рѣчь, которую Филипилло (одинъ изъ перуанцев
Кастилію) перевелъ на туземный языкъ; только
шихъ подлѣ инки царедворцевъ коротко отвѣчалъ
хорошо!

Однакожь Эрнандо не удовлетворился такимъ отвѣтомъ и вѣжли-
э, но твердымъ голосомъ, просилъ инку удостоить его собствен-
оустнымъ отвѣтомъ. Атахуальпа улыбнулся и едва слышнымъ го-
осомъ отвѣчалъ, что онъ теперь постится, но что завтра постъ
ончится, и онъ потомъ посѣтитъ бѣлыхъ людей со всѣмъ своимъ
ридворнымъ штатомъ; а до тѣхъ поръ онъ приглашаетъ ихъ по-
литься въ казармахъ, окружающихъ главную площадь города, не
асаясь другихъ зданій. При личномъ же посѣщеніи, Атахуальпа
бъявитъ дальнѣйшія свои приказанія.

Между тѣмъ Сото, лучшій всадникъ пизаррова отряда и притомъ
ѣдѣвшій на истинно отличномъ конѣ, видя, съ какимъ вниманіемъ
мотрѣлъ на него Атахуальпа, повернулся назадъ и началъ описы-
ать круги по равнинѣ, скача во весь карьеръ; потомъ подскакалъ
ъ инкѣ, такъ-что пѣна съ удилъ брызнула на борлу, вмигъ оса-
илъ лошадь свою какъ вкопанную. Атахуальпа, по свидѣтельству са-
ихъ испанцевъ, не мигнулъ глазомъ, тогда-какъ многіе изъ стояв-
ихъ на часахъ солдатъ и окружавшихъ инку придворныхъ разбѣ-
лись отъ ужаса. Однакожь они дорого заплатили за свою трусость,
отому-что инка приказалъ ихъ казнить въ тотъ же вечеръ, какъ
змѣнниковъ, показавшихъ свою презрительную трусость предъ чу-
естранцами и тѣмъ оскорбившихъ величество государя.

По приказанію инки, нѣсколько красивыхъ дѣвушекъ его гарема
редложили чужеземцамъ тяжелые золотые кубки съ *чичею*, кото-
ю испанцы выпили сидя верхомъ; потомъ, раскланявшись съ Ата-
альпою, отправились обратно въ Кахамалку съ грустною вѣстію о
дѣнномъ имъ величіи и страшномъ могуществѣ перуанскаго госу-
ря. Когда они сравнивали горсть собственныхъ воиновъ съ много-
сленною, довольно хорошо вооруженною арміею инки, то невольно
жны были согласиться, что слишкомъ поторопились итти впе-
дъ, и что даже съ удесятеренными силами нельзя надѣяться на
пѣхъ завоеванія; а имъ нечего было ждать даже небольшого под-
крепленія. Возвратившись въ городъ, уже по наступленіи совершен-
й темноты (такъ-какъ подъ тропиками сумерки едва замѣтны),
и видѣли, какъ зажгли въ перуанскомъ лагерѣ огни, превосходив-
е числомъ звѣзды на тверди небесной, и послѣднее мужество гото-
было уступить мѣсто отчаянію.

Одинъ только Пизарро не терялъ мужества и всячески старался
бодрить своихъ оробѣвшихъ [illegible] преимуществен-
на ихъ воображеніе с[illegible] ставляя пред-
принятое ими завоевані[illegible] ль кото-
го состоитъ въ обре[illegible] верахъ
р—непремѣнно и [illegible] а-

ми. Возбудивъ религіозный фанатизмъ, такъ
сердцахъ испанцевъ XVI вѣка, Пизарро созв
не столько для выслушанія мнѣній офицеровъ,
нія имъ собственнаго, почти до безумія смѣла
инку въ виду всего перуанскаго войска. Такой
жетъ быть объясненъ только отчаяннымъ же
смѣльчаковъ, окруженныхъ несмѣтнымъ число
чужой земли и вдалекѣ отъ всякой помощи. Бѣ
оставаться въ бездѣйствіи значило обречь себя
При неудачѣ плана, погибель ускорялась, но о
лась; въ случаѣ же успѣха представлялась бле
выгодъ которой нельзя было теперь вдругъ пре
ровымъ планомъ испанцамъ нечего было терят
выиграть. Надобно было только торопиться его
не прибудутъ новыя побѣдоносныя силы съ ю
положеніе испанцевъ дѣлалось съ каждымъ дне
носимѣе. Пизарро имѣлъ въ памяти примѣръ К
плѣнъ владѣтеля ацтековъ.

Ярко взошло на безоблачномъ небѣ тропич
шительный для Перу день — субботу, 16 ноября 1
выми лучами дневного свѣта Пизарро, собравъ св
бно объяснилъ ей планъ дѣйствій.

Мы уже говорили, что посреди города находи
щадь, обстроенная съ трехъ сторонъ рядомъ ни
ныхъ помѣщеній, соединявшихся съ площадью м
и воротъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ, похожихъ на
ставилъ Пизарро свою конницу, раздѣленную на
торыхъ однимъ командовалъ братъ его Эрнандо,
де Сото; туда же помѣстились и пѣхотные солдат
двадцати человѣкъ, оставшихся съ Пизарромъ, и
снабженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ и занявш
дительствомъ рыцаря Петра де Кандіи, главную цит
ти упомянуть, что, не считая полутора десятка руж
ли еще двѣ маленькія пушки, длинныя, но дово
рыхъ называли въ то время полевыми змѣями. С
но быть готовыми всякую минуту и когда, но да
литъ изъ крѣпости пушка, съ крикомъ бросит
индѣйцевъ, рубить и колоть ихъ безъ разбора
взять въ плѣнъ самого инку. Казармы кругомъ пл
просторны, и полъ ихъ выстроенъ наравнѣ съ у
эти обстоятельства благопріятствовали засадѣ.

За часъ до полудни Атахуальпа прислалъ вѣст

о прибудетъ въ гости къ бѣлымъ людямъ, вмѣстѣ со всѣмъ при-зорнымъ штатомъ и отрядомъ вооруженныхъ тѣлохранителей; какъ и непріятно было Пизарру послѣднее обстоятельство, онъ ничего е могъ возражать, потому-что самъ посылалъ въ лагерь инки по-танника съ вооруженною силою; да и всякое замѣчаніе испанцевъ о этому поводу могло бы возбудить недовѣрчивость и опасенія, сли не въ Атахуальпѣ, смѣломъ отъ природы, то въ окружающихъ го осторожныхъ сановникахъ

Поэтому Пизарро отвѣчалъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ осѣщенія, которымъ инка благоволитъ его удостоить, и что съ ка-ою бы свитою ни явился перуанскій государь, посланные кастиль-каго монарха встрѣтятъ его съ подобающимъ уваженіемъ.

Въ полдень началось шествіе изъ перуанскаго лагеря. Впереди ли слуги, очищавшіе дорогу отъ малѣйшихъ препятствій; потомъ вился инка, несомый главнѣйшими сановниками на золотомъ тро-ѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями; его окружала блестя-ая, густая толпа придворныхъ, великолѣпно одѣтыхъ; сзади слѣ-овалъ отрядъ вооруженныхъ тѣлохранителей. Все остальное войско ыло частію выстроено въ два ряда вдоль дороги, ведшей отъ лагеря ъ городу, частію же колоннами, покрывавшими луга вокругъ лагеря.

Не доходя съ версту до города, шествіе остановилось, и европейцы ъ изумленіемъ увидали, что инка приказалъ разбивать палатки; коро за тѣмъ прибылъ къ Пизарру гонецъ съ извѣстіемъ, что ика намѣренъ провести ночь на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился и олько завтра утромъ вступитъ въ городъ и посѣтитъ бѣлыхъ лю-ей. Эта новость до крайности опечалила Пизарра, ибо онъ раздѣ-лялъ нетерпѣніе своихъ товарищей, стоявшихъ подъ ружьемъ съ аннаго утра; къ тому же онъ зналъ, какъ вредно дѣйствуетъ такая тсрочка на духъ и рѣшимость солдатъ, которыхъ восторженный нтузіазмъ непремѣнно охладѣлъ бы отъ долгаго ожиданія. А пото-у онъ приказалъ убѣдительнѣйше просить Атахуальпу не измѣнять анному обѣщанію и удостоить своимъ немедленнымъ посѣщеніемъ ѣлыхъ людей, уже приготовившихся принять его достойнымъ об-азомъ. Инка, услышавъ, что для принятія его сдѣланы необыкно-енныя приготовленія, и самъ любопытствуя узнать поближе таин-ственныхъ незнакомцевъ, приказалъ тотчасъ же опять снимать па-латки и двигаться къ городу, пославъ сказать притомъ Пизарру, то онъ, для изъявленія ему своей довѣренности и дружескаго рас-положенія, оставитъ войска внѣ города и только съ безоружными ридворными посѣтитъ жилище испанцевъ, съ которыми намѣренъ ровести всю ночь. Можно себѣ представить, какъ обрадовала Пизар-а такая вѣсть.

Незадолго до солнечнаго захода прибыл
Сперва явилось нѣсколько сотъ слугъ, богат
разныя мебели и туалетныя принадлежности,
за ними множество дворянъ, составлявшихъ бл
гу и отличавшихся огромными золотыми серьг
шествовалъ золотой тронъ, на которомъ сидѣл
шенный разноцвѣтными перьями тропически
нымъ количествомъ изумрудовъ, значительной
та инки простиралась свыше пяти или шести ть

Атахуальпа, прибывъ на середину площади,
его высокаго сѣдалища и, не видя бѣлыхъ лю
спросилъ: *гдѣ же чужестранцы?* Въ эту мину
никанецъ Винценте де Валверде съ библіею въ о
стомъ въ другой, и, приблизясь къ инкѣ, объя
является вѣстникомъ благодати и желаетъ обр
истинную вѣру, спасительную для человѣческой
нецъ не удовлетворился длиннымъ изложеніемъ
ства и его догматовъ, но развилъ еще подробн
папъ надъ цѣлымъ міромъ и заключилъ приглаш
обратиться въ христіянство и сдѣлаться вѣрным
вассаломъ кастильскаго короля ([2]). Перуанскій вл
съ явнымъ нетерпѣніемъ длинную рѣчь доминика
отвѣчалъ ему, что онъ мало и худо понялъ эту р
что́ понялъ, заключаетъ, что бѣлые люди забы
нему уваженіе, и что онъ не намѣренъ перемѣнят
латься вассаломъ другого короля или слугою папь
говорилъ инка — что кастильскій король великій
считать его за брата и союзника; что́ же касается
не можетъ распоряжаться по своему произволу чу
вопросъ, по какому праву Валверде смѣетъ дѣлат
ложенія, доминиканецъ указалъ на книгу, бывшую
Атахуальпа взялъ книгу изъ рукъ монаха, осмотрѣ
не видя въ ней ничего особеннаго, тутъ же громким
бовалъ къ себѣ начальника бѣлыхъ людей для отв
такому великому государю оскорбленіе. Валверде
назадъ и закричалъ Пизарру: *Гордый инка оскорбля*
бейте язычниковъ; именемъ папы даю вамъ ра
минуту Пизарро махнулъ шарфомъ, грянула сиг
крѣпостной стѣны, и испанцы хлынули изъ за

([1]) Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что [illegible]
католическій молитвенникъ.

([2]) Фелипилло служилъ переводчикомъ [illegible]

Бейте язычниковъ съ разрѣшенія папы! Грохотъ выстрѣловъ, крики испанцевъ, закованныхъ въ желѣзо, видъ и натискъ страшной конницы поразили индѣйцевъ паническимъ страхомъ. Пороховой дымъ нависъ сѣроватою тучею надъ мѣстомъ страшной бойни; закованные въ панцыри воины рубили направо и налѣво длинными мечами и разсѣкали пополамъ члены легко одѣтыхъ перуанцевъ, а сомкнутые ряды конницы топтали всѣхъ безъ разбора. Безоружные перуанцы искали спасенія въ бѣгствѣ, но выходъ съ площади былъ заваленъ грудою тѣлъ, на которую должно было карабкаться какъ на гору. Вѣрные дворяне густою толпою окружили своего государя, хватали лошадей за ноги и мужественно умирали подъ копытами коней и мечами всадниковъ; но мѣсто каждаго убитаго занимала тотчасъ же новая жертва, представлявшая сопротивленіе массою собственнаго тѣла. Вокругъ инки составилась гора труповъ, а онъ, какъ бы ошеломленный неожиданнымъ ударомъ, безумно смотрѣлъ кругомъ съ высоты трона и не двигался съ мѣста, не давалъ никакихъ приказаній. Между тѣмъ солнце заходило, и воины, думая, что ночная темнота скроетъ отъ нихъ Атахуальпу, сдѣлали послѣднее отчаянное усиліе и пробились до трона. Пизарро громовымъ голосомъ закричалъ, что казнитъ того, кто подниметъ мечь на инку, и собственною рукою отразилъ ударъ, назначенный Атахуальпѣ: то была единственная рана, полученная испанцемъ въ этотъ достопримѣчательный день.

При отчаянномъ напорѣ, пали многіе изъ дворянъ, несшихъ тронъ на плечахъ, и Атахуальпа грянулся съ него на землю; но при паденіи, онъ попалъ на руки испанца *Эстета*, который, стиснувъ плѣнника на груди, сорвалъ съ головы несчастнаго монарха *борлу*. Тутъ подоспѣли другіе рыцари и отвели Атахуальпу, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ жилище Пизарра.

Послѣ плѣненія инки никто не думалъ о сопротивленіи, и перуанцы старались только о спасеніи собственной жизни. Конница преслѣдовала и поражала бѣгущихъ, пока темная ночь не укрыла побѣжденныхъ отъ ярости побѣдителей, и Пизарро приказалъ трубнымъ звукомъ сзывать воиновъ обратно въ городъ.

Вся эта схватка продолжалась съ небольшимъ полчаса, а число убитыхъ перуанцевъ простиралось до пяти тысячъ человѣкъ. При этомъ надобно однакожъ вспомнить, что у перуанцевъ не было никакого оружія, и что они голыми руками должны были отражать удары длинныхъ мечей и защищаться отъ закованныхъ въ желѣзные панцыри латниковъ. Лучшимъ доказательствомъ безоружности ин[illegible] [illegible] что единственная рана, полученная испанцемъ [illegible] Пизарру собственнымъ солдатомъ.

Атахуальпа остался довольно спокойнымъ
понимая величія постигшей его бѣды: военное сч
отнимаетъ, говорилъ онъ. По словамъ Фелиппил
водчика, питавшаго къ Атахульпѣ личную злоб
что, будучи давно извѣщенъ о прибытіи бѣлы
онъ не тронулъ ихъ, полагая, что горсть чужес
быть для него опасна, и что онъ во всякое врем
пришлецовъ. Наслышавшись о ихъ мужествѣ,
дяхъ, онъ захотѣлъ видѣть собственными глазам
силъ испанцевъ въ Кахамалку, гдѣ онъ хотѣлъ
мившись съ чужестранцами, оставить въ свое
нихъ, которые ему понравятся, а остальныхъ ум
ихъ оружіемъ и лошадьми. Весьма легко, что это
но планъ Атахуальпы; но Прескотъ не хочетъ вѣ
ный монархъ рѣшился тотчасъ же высказать ег
лямъ. При этомъ случаѣ американскій авторъ за
Атахуальпы могли очень легко быть превратно
водчикомъ, который изъ личной ненависти иска
плѣнному государю всѣми зависѣвшими отъ него

Инкѣ было тогда около тридцати лѣтъ; онъ бы
енъ и крѣпкаго сложенія; его красивое лицо могло
влекательнымъ, еслибъ налившіеся кровью глаза
выраженія дикости. Пріемы инки, медленные и ве
наруживали человѣка привыкшаго повелѣвать. С
былъ неумолимо строгъ, даже жестокъ, но проти
зался ласковымъ и часто позволялъ себѣ шутить с

Пизарро обращался съ своимъ плѣнникомъ как
посадилъ съ собою за столъ и старался разсѣять
зависящими средствами. Онъ говорилъ, что Атах
участь прочихъ государей, противившихся бѣлымъ
цы пришли въ его государство съ цѣлію просвѣтит
емъ объ Истинномъ Богѣ, и если Атахуальпа будет
все окончится какъ нельзя лучше. Плѣнный мол
чувства, волновавшія его грудь.

Вмѣстѣ съ инкою взяты были въ плѣнъ многіе
На другой день Пизарро заставилъ ихъ хоронить у
послалъ отрядъ изъ тридцати всадниковъ въ павиль
дившійся посреди перуанскаго лагеря, съ приказ
всѣми вещами плѣннаго монарха и сокровищами,
зилъ съ собою. Перуанское войско, несмотря на св
ность и хорошее вооруженіе, было поражено паниче
лишенное главнаго вождя, оно не знало, что̀ дѣлать;

сопротивляться бѣлымъ людямъ, которыхъ считали за сверхъестественныхъ существъ, *дѣтей бога Виракочи*, непобѣдимыхъ земными силами. Въ павильонѣ испанцы нашли множество мужчинъ и женщинъ, принадлежавшихъ къ прислугѣ и гарему инки; имъ немедленно было приказано итти въ городъ, для прислуги плѣнному государю, и перуанцы весьма охотно повиновались такому приказу. Здѣсь найдено такъ же большое количество сосудовъ и другой утвари изъ золота и серебра, украшенныхъ драгоцѣнными каменьями, великолѣпный гардеробъ инки и его царскія регаліи. Все это, вмѣстѣ съ тканями и другими вещами, найденными въ лагерѣ и городскомъ магазинѣ, представлено Пизарру. Особенно въ магазинѣ было столько драгоцѣнныхъ тканей, что, несмотря на то, что каждый солдатъ бралъ себѣ для одежды, что́ хотѣлъ, убыль вещей въ запасномъ магазинѣ была едва замѣтна, и можно бы этими сокровищами нагрузить не одинъ корабль. Золото, серебро и драгоцѣнные камни были сложены въ одно мѣсто до предстоящаго общаго раздѣла.

Число перуанскихъ плѣнниковъ было такъ велико, что въ Кахамалкѣ недоставало мѣста для ихъ помѣщенія. На вопросъ Пизарра, что́ дѣлать съ этими людьми, которые числомъ своимъ могли сдѣлаться опасными для завоевателей, нѣкоторые изъ офицеровъ отвѣчали предложеніемъ умертвить всѣхъ людей, ненужныхъ для прислуги; только самые умѣренные соглашались отпустить ихъ во-свояси, отрубивъ предварительно кисти на обѣихъ рукахъ, для страха прочимъ, которые вздумали бы противиться испанцамъ. Но Пизарро на этотъ разъ нашелъ такое мнѣніе слишкомъ жестокимъ и, отдѣливъ для прислуги инкѣ необходимое число слугъ обоего пола, предложилъ своимъ выбрать изъ остальныхъ по нѣскольку человѣкъ для собственной прислуги. Оставшихся за тѣмъ безъ дѣла отпустилъ онъ домой, наказавъ имъ разсказывать повсюду, что бѣлые люди милостивы къ покорнымъ, но неумолимы къ тѣмъ, кто осмѣлится имъ сопротивляться. Впрочемъ и послѣ этого число индѣйцевъ въ Кахамалкѣ было значительно, потому-что послѣдній кастильскій солдатъ имѣлъ не менѣе четырехъ индѣйцевъ для прислуги.

Въ окрестностяхъ Кахамалки собраны были огромныя стада льямъ для потребностей двора, и большое количество разнородныхъ съѣстныхъ запасовъ для собраннаго въ лагерѣ войска. Пизарро приказалъ оставить бо́льшую часть запасовъ для продовольствія испанцевъ и ихъ прислуги; впрочемъ европейцы такъ нерасчетливо распоряжались чужимъ добромъ, что рѣдкій день проходилъ безъ убійства сотни льямъ. Безразсудное истребленіе полезнаго животнаго продолжалось впослѣдствіи до тѣхъ поръ, пока сбереженныя паруанскимъ правительствомъ стада въ скоромъ времени почти совершенно исчезли.

Пизарро распустилъ по домамъ лишенное ско (*), объявивъ, что ужасная смерть грозитъ ся поднять оружіе противъ бѣлыхъ людей.

Приведя въ порядокъ дѣла свои въ Кахамалк терпѣніемъ ожидалъ возможности двинуться на К было слишкомъ велико, а число солдатъ его очен шиться на такой походъ посреди могущественнаг наго государства и притомъ съ драгоцѣнными кахъ. Онъ чувствовалъ теперь, болѣе чѣмъ когда-л въ подкрѣпленіи и пользу отъ осѣдлыхъ колоній. сылалъ онъ гонцовъ въ Санъ-Мигуэль, съ вон вѣстей и подкрѣпленія изъ Панамы, а между укрѣпленія Кахамалки, на случай неожиданнаго н ны перуанцевъ. Въ устроенной наскоро католиче никанцы, сопровождавшіе Пизарра, ежедневно сл плѣнный инка обязанъ былъ присутствовать при довъ чуждаго ему богослуженія. Послѣ обѣдни па лалъ обыкновенно плѣннымъ язычникамъ пасть склонялъ ихъ къ признанію духовной власти папы валъ намѣстникомъ Божіимъ на землѣ.

Впрочемъ, несмотря на такую религіозную п цевъ, хитрый умъ Атахуальпы скоро замѣтилъ бѣлыхъ людей дороже папы и короля, и рѣшился корыстолюбію побѣдителей, чтобы получить свобо для него самымъ важнымъ вопросомъ, отъ котора прочіе, и чего бы она ни стоила, все-таки нельзя б псе довольно дорого. Въ-самомъ-дѣлѣ, братъ его Хуа шійся плѣнникомъ въ Андрамаркѣ (недалеко отъ Ка узнавъ о плѣнѣ Атахуальпы, подкупить своихъ стра свободу, собрать новое войско, завладѣть столицею вновь инкою. Атахуальпа, будучи самъ плѣнникомъ виться такому покушенію. Слѣдовательно, отъ свобо перь вся его будущность. Несчастный не зналъ, чт существовало уже никакой будущности.

Съ цѣлію убѣдиться, какъ сильно корыстолюб плѣнный инка сказалъ однажды Пизарру, въ прис испанскихъ офицеровъ, что если его согласятся отп то онъ выстелетъ толстыми золотыми листами пол которой тогда они находились; испанцы улыбнулись и

(*) Инка и многіе изъ главныхъ начальниковъ были въ п. въ день плѣненія инки, а остальные добровольно отказались о лись прислуживать плѣнному монарху.

вали; тогда инка всталъ и, вытянувъ руку кверху, сказалъ: не только выстелю полъ золотомъ, но наполню имъ всю комнату такъ высоко, какъ можетъ хватать моя рука. Присутствующіе изумились, считая слова плѣнника хвастовствомъ человѣка, который, изъ желанія получить свободу, готовъ обѣщать самыя несбыточныя вещи; но Пизарро задумался. Онъ уже видѣлъ образчики богатствъ Перу и слышалъ отъ самого инки о несмѣтномъ количествѣ золота, покрывающаго стѣны, полы и потолки дворцовъ и храмовъ въ Куско; теперь представлялся случай разомъ овладѣть всѣмъ этимъ золотомъ, прежде чѣмъ оно будетъ спрятано жрецами и родственниками инки. Сообразивъ все это, Пизарро принялъ сдѣланное предложеніе и, проведя красною краскою черту, на той высотѣ, до которой хватила рука Атахуальпы (*), приказалъ королевскому нотаріусу составить актъ договора о выкупѣ плѣннаго монарха, на предложенныхъ имъ условіяхъ. Пространство около трехъ тысячъ пяти сотъ кубическихъ футовъ должно было наполнить золотомъ въ слиткахъ, сосудахъ или другихъ вещахъ; а такъ-какъ между вещами будетъ оставаться много пустого мѣста, то Атахуальпа обязывался близь-лежащую небольшую комнату наполнить дважды до той же высоты серебромъ. На выполненіе обѣщанія давались инкѣ два мѣсяца сроку.

Тотчасъ послѣ клятвеннаго подтвержденія этого условія послалъ инка гонцовъ въ Куско и другіе значительные города имперіи, съ приказаніемъ брать изо всѣхъ храмовъ, дворцовъ и общественныхъ зданій золотыя и серебряныя украшенія и немедленно доставлять ихъ въ Кахамалку. До полнаго сбора выкупа инка долженъ былъ оставаться въ испанскомъ лагерѣ, гдѣ впрочемъ ему, со дня заключенія условія, оказывались всѣ подобающія высокому сану почести, и гдѣ онъ пользовался внутри обширнаго жилища неограниченною свободою дѣйствій, не смѣя только переступать за двери. Разумѣется, что нѣсколько человѣкъ, по приказанію Пизарра, не спускали плѣнника съ глазъ, дабы въ случаѣ нужды помѣшать его побѣгу; впрочемъ внутри покоевъ, гдѣ онъ находился въ обществѣ своихъ любимыхъ наложницъ, приказано было его не безпокоить. Онъ безпрепятственно принималъ посѣщенія дворянъ и сановниковъ, являвшихся къ нему со всѣхъ концовъ имперіи съ изъявленіемъ сожалѣнія и вѣрноподданической преданности. Несмотря на то, что государь находился въ плѣну, самые знатные вельможи являлись къ нему не иначе какъ босоногіе и съ легкою ношею на плечахъ, въ знакъ своего повиновенія. Пизарро и духовникъ его Вал-

(*) Эта черта отстояла отъ полу на девять футовъ; комната же, въ которой должно было складывать золото для выкупа, имѣла двадцать два фута длины и семнадцать футовъ ширины.

верде посѣщали иногда придворный кругъ, посто
инку, и старались обратить невѣрныхъ въ христіа
хуальпа, ни его посѣтители не понимали доводовъ
дывавшихъ религію мира и правды съ мечемъ въ
дою въ сердцѣ.

Атахуальпа угадалъ, что Хуаскаръ не замедлит
его плѣномъ: въ-самомъ-дѣлѣ, послѣдній отпра
гонца съ предложеніемъ двойного выкупа противу
хуальпою, который, никогда не живши въ Куско, н
и какія сохраняются сокровища? Пизарру понравил
и онъ объявилъ Атахуальпѣ, что велитъ привести
хамалку, гдѣ самъ лично разберетъ споръ между
предоставитъ корону инковъ тому, кого онъ при
Пизарро хорошо понималъ необъятныя выгоды та
ства: оно предавало ему судьбу Перуанской монар
власть его на твердыхъ основаніяхъ. Но Атахуал
что для Пизарра будетъ выгоднѣе посадить на трон
скара, не говоря уже о законныхъ правахъ на ко
послалъ онъ приказъ умертвить плѣннаго брата. И
въ показаніяхъ касательно вида казни, но бо́льшая
гаетъ, что Хуаскаръ былъ зашитъ въ мѣшокъ и б
Нѣкоторые очевидцы увѣряли, что передъ смертію
порабощеніе Перу бѣлыми людьми и скорую насиль
Атахуальпы.

Получивъ извѣстіе объ убійствѣ Хуаскара, Атахуа
не только удивленнымъ, но и раздраженнымъ, и по
объ этомъ происшествіи своего побѣдителя. Пизар
рить такому извѣстію и объявилъ Атахуальпѣ, что
на него всю отвѣтственность за жизнь Хуаскара. Н
притворился чрезвычайно опечаленнымъ смертію б
всю вину на стражу, которая, опасаясь бѣгства анда
ника, при настоящихъ смутныхъ обстоятельств
умертвить его безъ вѣдома и приказа Атахуальпы
дѣлать: Хуаскара нельзя было воскресить, и П
разъисканіе этого дѣла до другого, удобнѣйшаго вр

Между тѣмъ прошло нѣсколько недѣль со дня з
вія съ Атахуальпою, и, несмотря на множество гон
сланныхъ, золото и серебро очень медленно являли
Такая медленность была естественнымъ слѣдствіемъ
сти сообщеній съ дальними мѣстами и недостаткомъ л
гихъ животныхъ, удобныхъ для перевозки тяжестей
золота и серебра состояла изъ огромныхъ сосудовъ

лыхъ вещей, вѣсившихъ часто отъ 50 до 100 фунтовъ и весьма неудобныхъ для переноски на плечахъ, которая совершалась очень медленно, подъ охраненіемъ приличнаго конвоя, по едва проходимымъ горнымъ дорогамъ.

Всѣ поступавшія для выкупа драгоцѣнныя вещи принимались самимъ Пизарромъ, аккуратно записывались въ книгу и потомъ сохранялись подъ надежнымъ карауломъ въ той самой комнатѣ, гдѣ Атахуальпа заключилъ условіе о выкупѣ. Но чѣмъ больше собиралось сокровищъ, тѣмъ сильнѣе разгоралась жадность побѣдителей, которые, не принимая въ соображеніе никакихъ затрудненій, обвиняли въ небрежности не только исполнителей повелѣній Атахуальпы, но и самого инку въ умышленномъ замедленіи. Говорили, что плѣнникъ, подъ личиною добросовѣстности, хочетъ усыпить бдительныхъ своихъ стражей, а между тѣмъ собираетъ тихомолкомъ войска для внезапнаго нападенія на испанцевъ; говорили даже, что въ городѣ Гуамачучо уже собралась значительная армія, готовая двинуться противъ бѣлыхъ людей. Но Атахуальпа на всѣ упреки Пизарра очень хладнокровно отвѣчалъ, что безъ его приказанія ни одинъ перуанецъ не осмѣлится взяться за оружіе, и что онъ готовъ заплатить собственною жизнію за вѣроломство съ своей стороны. «Я въ вашихъ рукахъ — говорилъ инка испанцамъ — а слѣдовательно весь Перу повинуется вамъ; вы сами знаете, какъ затруднительны дороги черезъ горы, особливо при осторожности необходимой для доставки огромныхъ и тяжелыхъ золотыхъ вещей; но если вы хотите удостовѣриться въ прямотѣ моихъ дѣйствій, то пошлите въ Куско собственныхъ уполномоченныхъ для наблюденія за сборомъ выкупа и для удостовѣренія, что нигдѣ не готовится непріятельскаго движенія.» Противъ такихъ рѣчей возражать было нечего; но такъ-какъ между тѣмъ безпрерывно доходили слухи о сборѣ вооруженій дружины въ Гуамачучо, то Пизарро послалъ туда брата своего Эрнандо съ отрядомъ пѣхоты и двадцатью всадниками. Тамъ все оказалось въ спокойствіи и порядкѣ, и Эрнандо, по приказанію брата, пошелъ далѣе къ Пачакамакъ, городу, знаменитому храмомъ божества того же имени. Инки, покоривъ Перу, нашли тамъ поклоненіе Пачакамаку (Создателю міра), такъ сильно укоренившееся у туземцевъ, что, не противодѣйствуя ему, ограничились построеніемъ храма солнца рядомъ съ храмомъ Пачакамака. Храмъ древняго божества уважался во всемъ Перу гораздо болѣе, чѣмъ всѣ храмы солнца, и славился дивнымъ оракуломъ: городъ Пакачамака былъ у перуанцевъ тоже, что́ у грековъ Дельфы или у мусульманъ Мекка. Здѣсь собирались богомольцы изъ цѣлаго Перу и обогащали храмъ усердными приношеніями; поэтому Пизарро, руководствуясь личнымъ совѣтомъ инки и опасаясь проти-

водѣйствія жрецовъ, послалъ туда брата своего Эр
шаго сбора огромнаго количества золота и серебра
храмѣ и назначенныхъ теперь для пополненія о
выкупа.

Путь былъ самый затруднительный: двѣ трети
между горъ и во многихъ мѣстахъ перерѣзывались
бинами скалистыхъ вершинъ. Къ счастію, остальн
всѣмъ другого вида, и, по словамъ самого Пизарро
ская дорога не могла сравниться съ нею въ красот
была часть большой государственной дороги, вел
устроенной перуанскими инженерами въ самомъ ос
несмотря на едва преодолимыя затрудненія мѣстна

Повсюду на пути встрѣчались города и деревни,
долюбивымъ народомъ, преимущественно занимав
ніемъ земли. Здѣсь ясно видны были успѣхи раціо
лія, воздававшаго пахарю сторицею за его трудъ. I
дородіе и разнообразіе растительныхъ произведеній
приводили испанцевъ въ нѣмое удивленіе и п
перенесенію всевозможныхъ трудностей для овладѣ
страною:

Благодаря заблаговременнымъ повелѣніямъ ин
почтенію къ таинственнымъ чужестранцамъ, явив
ный примѣръ своего могущества плѣненіемъ Атаху
вездѣ были принимаемы съ изъявленіемъ покорно
къ услугамъ. Не только вездѣ находили они готовое
лучшіе съѣстные припасы, но еще постоянный ра
Жители городовъ выходили къ нимъ на-встрѣчу съ
цами, провожая, выставляли постоянно по нѣсколь
сильщиковъ, для переноски багажа чужеземцевъ до
вала, или мѣста отдыха.

Путешествіе Эрнандо, несмотря на все содѣйств
телей, продолжалось нѣсколько недѣль, пока усталы
гли до цѣли ихъ экспедиціи, Пачакамака, одного и
и значительнѣйшихъ городовъ Перуанской монарх
храмъ состоялъ изъ цѣлаго ряда каменныхъ зданій
кругомъ подножія кон [illegible] морѣ п
пость, чѣмъ на дом [illegible] рел
дамъ. Стѣны был
ша была соломен
небо постоянно
ныхъ лучей и пы

Перуанскіе жрецы, оберегавшіе входъ храма, не хотѣли-было впу-
ить Эрнандо, явившагося въ главѣ вооруженнаго отряда; но испан-
пришли не за тѣмъ, чтобы спорить съ жрецами о правахъ на по-
щеніе ихъ святилища: стража священнаго зданія была смята подъ
ытами конницы. Главное святилище, окруженное множествомъ
гихъ храмовъ, стояло на верху упомянутой нами конусообразной
ы; двери его были изъ золота и украшены изумрудами и корал-
ми. Здѣсь хотѣли-было жрецы вновь противиться чужеземцамъ,
съ вдругъ, въ то самое мгновеніе, какъ Пизарро коснулся двери,
гнула земля и древнія циклопическія стѣны потряслись на ихъ
витномъ основаніи: индѣйцы, полагая, что ихъ оскорбленное бо-
ство хочетъ наказать святотатцевъ и погребсти ихъ подъ развали-
и оскверненнаго святилища, бѣжали опрометью; испанцы же,
мнясь отъ перваго страха, сочли подземный ударъ изъявленіемъ
ва духа тьмы, котораго капище видѣло себя во власти христіан-
ъ рыцарей. Съ знаменіемъ креста и крикомъ: *во имя Санъ-Яго*,
улись они внутрь святилища, но, вмѣсто ожидаемыхъ сокровищъ,
дѣли себя въ темномъ помѣщеніи, похожемъ на пещеру, гдѣ цар-
овало нестерпимое зловоніе, отъ множества гніющихъ труповъ
твъ, лежавшихъ передъ идоломъ. Кинувшись къ истукану, кото-
о считали золотымъ, увидѣли, что онъ былъ деревянный и изо-
жалъ получеловѣческое подобіе съ чрезвычайно безобразнымъ
омъ; только глаза были изумрудные да подножіе идола было
то тонкими золотыми листами; всѣ прочія драгоцѣнности были
лаговременно вынесены и спрятаны жрецами. Изъ устъ этого де-
яннаго идола исходили оракулы, пользовавшіеся славою во всей
еріи и даже у окрестныхъ народовъ.

Обманутые въ надеждѣ на богатую добычу, испанцы вытащили
ла изъ его темнаго святилища и разрубили въ щепы; потомъ, очи-
въ храмъ, воздвигли тутъ на прежнемъ мѣстѣ языческаго исту-
а большой каменный крестъ, который остался неприкосновен-
мъ даже въ то время, когда впослѣдствіи испанскіе колонисты ра-
рали камни изъ стѣнъ храма для кладки фундаментовъ собствен-
ъ жилищъ.

Индѣйцы, видя, что поруганное ихъ божество не мстило свято-
твеннымъ пришлецамъ, которые не только осквернили храмъ,
истребили самого идола, вскорѣ пришли къ убѣжденію, что
... не сами боги, то вѣроятно посланники божества, го-
ъ разрушенный идолъ. Жители Пачакамака
на европейцевъ съ таинственнымъ ужа-
екословно повиноваться. Они согла-
ъ Богу, хотя очень немного по-

водѣйствія жрецовъ, послалъ туда брата своего Э
шаго сбора огромнаго количества золота и сереб
храмѣ и назначенныхъ теперь для пополненія
выкупа.

Путь былъ самый затруднительный: двѣ тр
между горъ и во многихъ мѣстахъ перерѣзывали
бнями скалистыхъ вершинъ. Къ счастію, остал
всѣмъ другого вида, и, по словамъ самого Пизарр
ская дорога не могла сравниться съ нею въ крас
была часть большой государственной дороги, в
устроенной перуанскими инженерами въ самомъ
несмотря на едва преодолимыя затрудненія мѣстн

Повсюду на пути встрѣчались города и деревн
долюбивымъ народомъ, преимущественно занима
ніемъ земли. Здѣсь ясно видны были успѣхи раці
лія, воздававшаго пахарю сторицею за его трудъ.
дородіе и разнообразіе растительныхъ произведен
приводили испанцевъ въ нѣмое удивленіе и
перенесенію всевозможныхъ трудностей для овлад
страною:

Благодаря заблаговременнымъ повелѣніямъ и
почтенію къ таинственнымъ чужестранцамъ, явив
ный примѣръ своего могущества плѣненіемъ Атах
вездѣ были принимаемы съ изъявленіемъ покорн
къ услугамъ. Не только вездѣ находили они готово
лучшіе съѣстные припасы, но еще постоянный
Жители городовъ выходили къ нимъ на-встрѣчу с
цами, провожая, выставляли постоянно по нѣскол
сильщиковъ, для переноски багажа чужеземцевъ до
вала, или мѣста отдыха.

Путешествіе Эрнандо, несмотря на все содѣйст
телей, продолжалось нѣсколько недѣль, пока устал
гли до цѣли ихъ экспедиціи, Пачакамака, одного
и значительнѣйшихъ городовъ Перуанской монар
храмъ состоялъ изъ цѣлаго ряда каменныхъ зданій
кругомъ подножія конусообразной горы, и скорѣе
пость, чѣмъ на домъ, посвященный молитвѣ и ре
дамъ. Стѣны были сложены изъ большихъ тесаных
ша была соломенная: въ странѣ, гдѣ дождь поч
небо постоянно ясно, крыша служитъ только защ
ныхъ лучей и пыли.

Перуанскіе жрецы, оберегавшіе входъ храма, не хотѣли-было впустить Эрнандо, явившагося въ главѣ вооруженнаго отряда; но испанцы пришли не за тѣмъ, чтобы спорить съ жрецами о правахъ на посѣщеніе ихъ святилища: стража священнаго зданія была смята подъ копытами конницы. Главное святилище, окруженное множествомъ другихъ храмовъ, стояло на верху упомянутой нами конусообразной горы; двери его были изъ золота и украшены изумрудами и кораллами. Здѣсь хотѣли-было жрецы вновь противиться чужеземцамъ, какъ вдругъ, въ то самое мгновеніе, какъ Пизарро коснулся дверей, дрогнула земля и древнія циклопическія стѣны потряслись на ихъ гранитномъ основаніи: индѣйцы, полагая, что ихъ оскорбленное божество хочетъ наказать святотатцевъ и погребсти ихъ подъ развалинами оскверненнаго святилища, бѣжали опрометью; испанцы же, опомнясь отъ перваго страха, сочли подземный ударъ изъявленіемъ гнѣва духа тьмы, котораго капище видѣло себя во власти христіянскихъ рыцарей. Съ знаменіемъ креста и крикомъ: *во имя Санъ-Яго*, ринулись они внутрь святилища, но, вмѣсто ожидаемыхъ сокровищъ, увидѣли себя въ темномъ помѣщеніи, похожемъ на пещеру, гдѣ царствовало нестерпимое зловоніе, отъ множества гніющихъ труповъ жертвъ, лежавшихъ передъ идоломъ. Кинувшись къ истукану, котораго считали золотымъ, увидѣли, что онъ былъ деревянный и изображалъ получеловѣческое подобіе съ чрезвычайно безобразнымъ лицомъ; только глаза были изумрудные да подножіе идола было обито тонкими золотыми листами; всѣ прочія драгоцѣнности были заблаговременно вынесены и спрятаны жрецами. Изъ устъ этого деревяннаго идола исходили оракулы, пользовавшіеся славою во всей имперіи и даже у окрестныхъ народовъ.

Обманутые въ надеждѣ на богатую добычу, испанцы вытащили идола изъ его темнаго святилища и разрубили въ щепы; потомъ, очистивъ храмъ, воздвигли тутъ на прежнемъ мѣстѣ языческаго истукана большой каменный крестъ, который остался неприкосновеннымъ даже въ то время, когда впослѣдствіи испанскіе колонисты разбирали камни изъ стѣнъ храма для кладки фундаментовъ собственныхъ жилищъ.

Индѣйцы, видя, что поруганное ихъ божество не мстило святотатственнымъ пришлецамъ, которые не только осквернили храмъ, но даже истребили самого идола, вскорѣ пришли къ убѣжденію, что бѣлые люди если не сами боги, то вѣроятно посланники божества, гораздо сильнѣйшаго, чѣмъ разрушенный идолъ. Жители Пачакамака и даже сами жрецы смотрѣли на европейцевъ съ таинственнымъ ужасомъ и готовы были имъ безпрекословно повиноваться. Они согласились поклоняться пославшему ихъ Богу, хотя очень немного по-

нялн изъ проповѣди, которую недавно Эрнандо считал
вать имъ, убѣждая идолопоклонниковъ, ради спасе
обратиться въ христіанство при первомъ прибытіи ми
сіонеровъ.

Впрочемъ Пизарро не ограничился проповѣдями и с
ной цѣли экспедиція — сборѣ золота. Съ прискорб
онъ, что повсюду бóльшая часть сокровищъ была пр
цами, и дѣйствительно впослѣдствіи часто вырывали
закопанныя въ землю при первомъ извѣстіи о прибли
людей. Многіе изъ жрецовъ совсѣмъ ушли изъ Пачака
собою самыя драгоцѣнныя украшенія храма. Конечн
много золота, котораго не успѣли или не могли спрят
и хотя цѣнность этого золота простиралась до 80 тыс
новъ (*), но для жадности испанцевъ не только эта су
всѣ сокровища Перу казались недостаточнымъ вознаг
понесенные ими труды и опасности.

Въ вознагражденіе за спрятанное и унесенное золо
зарру сдѣлать находку, которая такъ же чего-нибудь стои
шить испанцевъ, все-таки недовольныхъ такъ дешево д
ліонами. Во время пребыванія въ Пакачамакѣ, узнал
перуанскій полководецъ Чаликучима стоялъ съ значит
въ Хаухѣ (Хаиха), укрѣпленномъ городѣ, находившем
Этотъ близкій родственникъ инки былъ искуснѣйшим
ломъ и вмѣстѣ съ Квицквицомъ (жившимъ тогда въ Ку
славныя побѣды, доставившія Атахуальпѣ пурпурную
въ цѣломъ Перу не могъ сравниться съ нимъ значите
славою, опытностью и способностями, такъ-что Чал
первымъ вельможею въ Перу и послѣ инки пользовался
уваженіемъ и властію. Эрнандо чувствовалъ, какъ важ
стоящую минуту имѣть этого человѣка въ своихъ рука
послалъ пригласить его на свиданіе; но перуанецъ отк
къ испанскому полководцу. Тогда рѣшился Эрнандо
поступокъ, смѣлости, или, лучше сказать, дерзо
трудно даже повѣрить: онъ немедленно пошелъ съ св
кимъ отрядомъ въ Хауху, чтобы взять Чаликучима въ
собственнаго его лагеря и цѣлаго перуанскаго войска !.

Такъ-какъ у испанской конницы подковы соверше
а многія лошади совершенно расковались, то надобно
похода въ Хауху, пособить этому горю. Желѣза не был

(*) По тогдашней цѣнѣ золота, безъ малаго на полтора милліо
бровъ; въ наше время золото сдѣлалось почти вчетверо дешевле
чемъ упоминали объ этомъ въ нашей второй статьѣ.

пришлось ковать лошадей серебромъ, что́ весьма ловко было исполнено перуанскими кузнецами, или, скорѣе, серебренниками; серебряныя подковы выдержали тяжелый путь до Хаухи, а этотъ путь былъ еще труднѣе, чѣмъ дорога въ Пачакамакъ.

Хауха былъ очень большой и многолюдный городъ, имѣвшій, по увѣренію нѣкоторыхъ очевидцевъ, болѣе ста тысячъ жителей. Недалеко отъ Хаухи, посреди широкой равнины, былъ раскинутъ лагерь, въ которомъ стоялъ Чаликучима съ 35-тысячнымъ войскомъ. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, согласился перуанскій полководецъ на свиданіе съ Эрнандо, и послѣдній вѣжливо передалъ ему небывалое приказаніе Атахуальпы немедленно явиться въ Кахамалку. Съ самого плѣненія инки такимъ страннымъ образомъ, неизвѣстно откуда явившимися таинственными пришлецами, и притомъ, несмотря на окружавшее инку многочисленное, побѣдоносное войско, правильный ходъ мыслей и обыкновенная рѣшимость Чаликучима пришли въ явное разстройство; онъ не только не имѣлъ обдуманнаго плана къ освобожденію Атахуальпы, но даже не зналъ, угодно ли будетъ инкѣ, чтобы полководецъ его взялся за подобное дѣло, безъ особыхъ наставленій своего повелителя, а потому охотно принялъ предложеніе Пизарра ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ инкѣ, полагая, что тѣмъ самымъ исполнитъ волю своего монарха. Такимъ образомъ Эрнандо достигъ своей цѣли не только безъ кровопролитія, но даже безъ малѣйшаго насилія.

Чаликучима отправился въ путь съ большою свитою и вездѣ былъ встрѣчаемъ съ знаками глубочайшаго уваженія къ его роду и сану. Но, прибывъ къ жилищу плѣннаго государя, онъ вошелъ къ нему босоногій, съ ношею на плечахъ, сталъ на колѣни и, обливаясь слезами, цаловалъ руку своего повелителя. «Еслибъ я находился при тебѣ въ рѣшительную минуту — говорилъ онъ плѣннику — то не въ тюрьмѣ, а на тронѣ видѣлъ бы тебя.» Но, несмотря на слезы и увѣренія въ преданности стараго полководца, инка принялъ его, повидимому, очень холодно и не обнаружилъ при этомъ свиданіи ни радости, ни другого душевнаго волненія; несмотря на свое несчастное положеніе, онъ считалъ себя до такой степени выше самаго славнаго изъ своихъ подданныхъ, что всякое изъявленіе взаимныхъ дружескихъ чувствъ было бы неумѣстно. Самые знатные вельможи, сдѣлавъ какой-либо ничтожный поступокъ, являлись предъ лицо инки съ явнымъ трепетомъ, потому-что строгій повелитель часто безъ всякаго суда и за самую малую вину могъ приказать лишить виноватаго жизни. Несмотря на плѣнъ монарха, подданные его нимало не утратили своего обыкновеннаго къ нему уваженія и страха.

Самъ инка велъ въ плѣну жизнь, по наружности, совершенно по-

добную обыкновенной жизни перуанскихъ государе
времени, когда игралъ въ кости или въ шахматы с
царями, научившими его этимъ играмъ. Онъ былъ
ту постоянно окруженъ любимыми женами и налож
емномъ его покоѣ находилась постоянно толпа прид
шихъ повелѣній монарха. Этикетъ двора нисколько
инка кушалъ на золотѣ и носилъ свои драгоцѣнныя
которые испанцы ему оставили. Тѣнь величія п
нимъ, несмотря на то, что онъ слѣпо повиновался в
дителей.

Вскорѣ по возвращеніи Эрнандо, прибыли трое
дившихъ въ Куско. Они исполнили данное имъ пору
лучше. Благодаря приказаніямъ инки и страху, все
людьми, ихъ встрѣчали повсюду съ особливыми почес
дорогу до Куско въ носилкахъ, назначенныхъ для пр
можъ; впрочемъ путь былъ здѣсь самый удобный,
ставлялъ одну изъ четырехъ большихъ государств
пересѣкавшихся въ Куско. Со всевозможнымъ удобс
они тысячу верстъ, отдѣлявшихъ Кахамалку отъ К
встрѣчены самымъ торжественнымъ образомъ, по
тельство въ великолѣпныхъ дворцахъ, снабжены
прислугою и вообще поставлены въ возможность вест
ную жизнь и удовлетворять всѣмъ удобоисполнимым

Несмотря на то, что пизарровы посланники прож
ли въ Куско, они не успѣли осмотрѣть всѣхъ его дос
ностей. Слышанные ими разсказы о богатствѣ и на
оказались истинными и скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣ
Великій храмъ солнца былъ внутри *обитъ золотомъ*,
смыслѣ этого слова: внутри храма муміи умершихъ в
сидѣли неподвижно на ихъ золотыхъ тронахъ. С
Атахуальпы, эти драгоцѣнные для Перу трупы и зо
лища остались неприкосновенными, но испанцы по
бовали, чтобы все прочее золото храма было снято
Кахамалку. Послѣ долгаго спора, жрецы согласились о
святотатствомъ, покоряясь волѣ инки. Жители стол
ужасомъ на такое беззаконное грабительство и оскор
но почти безпрекословно обдирали золотыя украшенія
щественныхъ зданій, потому-что здѣсь не страдало
чувство. Золото, украшавшее храмъ и дворцы, оказало
превосходнаго качества, тогда-какъ украшенія други
зданій были сдѣланы изъ сплавка, содержавшаго
стаго золота.

Внутреннія стѣны храма доставили около семисотъ золотыхъ листовъ, или досокъ; но золотой карнизъ, обвивавшій храмъ съ наружной стороны, такъ былъ крѣпко вдѣланъ въ гранитную стѣну, что, несмотря на всѣ усилія, нельзя было его вынуть. Но и безъ него добыча золота была несмѣтная: не включая серебра, собрано двѣсти ношъ, изъ которыхъ каждую несли четыре человѣка, часто смѣнявшихся. Этотъ транспортъ значительно пополнилъ выкупъ Атахуальпы и, хотя масса собраннаго золота еще не достигла до назначенной высоты, но можно было предвидѣть скорое выполненіе обязательства инки.

Посланные въ Куско испанцы были простые солдаты и принадлежали къ самому низкому классу людей. Не получивъ никакого образованія и чуждаясь благородныхъ чувствъ, они считали почести имъ оказываемыя справедливою данію ихъ личнымъ достоинствамъ и безпрерывно употребляли во зло власть, которою облекъ ихъ инка. Они не только позволяли себѣ оскорблять благороднѣйшихъ перуанцевъ, обращаясь съ ними самымъ унизительнымъ образомъ, но, забывъ всякое благочиніе, проникнули силою въ жилище дѣвъ солнца и обезчестили многихъ изъ нихъ, принадлежавшихъ къ числу близкихъ родственницъ инки. Такими поступками они до того раздражили перуанцевъ, что только одно уваженіе къ повелѣнію Атауальпы, именемъ котораго дѣйствовали пришлецы, спасло ихъ отъ справедливаго негодованія жителей Куско.

Между тѣмъ Альмагру, при неусыпныхъ трудахъ и усиліяхъ, удалось вооружить три корабля и набрать отрядъ изъ 150 пѣхотинцевъ и 50 человѣкъ конницы, весьма хорошо вооруженныхъ. Съ ними прибылъ онъ въ бухту св. Матѳея и, не получивъ здѣсь никакихъ о Пизаррѣ извѣстій, пустился съ знаменитымъ кормчимъ Руйцомъ въ трудное плаваніе до Пуэрто Віехо (Puerto Viejo); но такъ-какъ и здѣсь не было слуха объ участи Пизарра, то бо́льшая часть изъ спутниковъ Альмагра хотѣла возвратиться назадъ въ Панаму и отказаться отъ предпріятія. Къ счастію, дошла до нихъ вѣсть объ основаніи колоніи Санъ-Мигуэля, куда Альмагро прибылъ въ декабрѣ 1532 года, спустя цѣлый годъ послѣ отъѣзда изъ Панамы. Здѣсь узналъ онъ о походѣ Пизарра черезъ Анды, о плѣненіи инки и объ огромномъ выкупѣ, предложенномъ за его освобожденіе. Разсказы эти онъ поневолѣ считалъ въ половину баснословными и послалъ къ Пизарру въ Кахамалку довѣренное лицо, чтобы узнать истину. Несмотря на казни близкихъ къ нимъ людей [illegible] Альмагро обошлись самымъ дру[illegible] [illegible] всякіе расчеты обижен[illegible] [illegible] для достиженія ве-

Пизарро самымъ убѣдительнымъ образомъ п
прибыть къ нему какъ можно скорѣе въ Кахамалку
пришелъ въ половинѣ февраля 1533 года и былъ в
дружескимъ, братскимъ образомъ. Оба предводител
ссоры, и все войско праздновало день соединенія от
великаго торжества.

Одинъ только Атахуальпа съ неудовольствіемъ
бытіе новой толпы чужеземцевъ, новаго стада сара
стошать его несчастную монархію. Въ это время о
случай повергнулъ его почти въ безнадежное состо
небѣ показалось дивное явленіе, которое лѣтописць
теоромъ, но бывшее вѣроятно явленіемъ блестящей
хуальпа долго смотрѣлъ на небесное знаменіе и
ніемъ воскликнулъ: *«Передъ смертію Уайна Капа*
же явленіе; теперь я вижу, что смерть моя близка
сетъ меня.» Прежняя надежда на скорое освобожде
стливой будущности смѣнились безмолвнымъ созна
ности.

Прибытіе Альмагра совершенно измѣнило мысли
ковъ, такъ и подчиненныхъ. Пизарро видѣлъ въ это
средство къ дальнѣйшимъ наступательнымъ дѣйствія
отложить въ сторону всякую умѣренность въ требо
же, дождавшись прибытія золота изъ Куско, не хо
лить раздѣломъ добычи и ожидать скопленія всего ко
ченнаго для выкупа инки. Для этого приводили разн
ныя (если не убѣдительныя) причины, но истинною
нетерпѣніе узнать долю каждаго и получить въ свое р
слыханную сумму денегъ, о которой никому изъ ни
снѣ не снилось. Но на самого Пизарра особенно подѣ
деніе, что безъ овладѣнія столицею нельзя думать о
дычествѣ надъ новооткрытою монархіею, а для похо
жно предварительно раздѣлить награбленное золото и
дому средства обезопасить свою долю. На этомъ осн

(*) Прескотъ говоритъ: *можетъ быть то была комета*,
чѣмъ своего мнѣнія. Справившись съ кометными каталогами,
такое предположеніе весьма вѣроятно. Мы читаемъ въ біотовом
видѣнныхъ въ Китаѣ съ 1230 по 1640 годъ, описаніе кометъ,
вая въ созвѣздіи Близнецовъ, а вторая въ созвѣздіи Возничаго
времени, какъ Атахуальпа находился въ плѣну у Пизарра. Пе
хвостомъ въ 10 градусовъ, находилась около начала 1533 года
и могла быть очень хорошо видима въ то время въ Перу. (Co
mètes observées en Chine depuis 1230 jusqu'à 1640 de notre è
Biot. Въ Connaissance des Temps pour l'an 1846, Additions, etc

ѣшился приступить къ раздѣлу, не ожидая прибытія остальной части выкупа.

Золото, собранное въ Кахамалкѣ, было въ видѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ: здѣсь находились кубки, вазы, умывальники, осуды всѣхъ формъ и величинъ, подносы, доски, полосы, шары, стуканы, изображенія животныхъ и растеній, многоразличныя крашенія дворцовъ, храмовъ и общественныхъ зданій. Золото, изъ отораго были сдѣланы эти предметы, было различной чистоты, и отому Пизарро приказалъ сплавить всѣ эти предметы и привести хъ въ куски однообразнаго вѣса и пробы, чтобы сдѣлать возможымъ правильный раздѣлъ. Сперва отдѣлили въ счетъ королевской оли нѣсколько интереснѣйшихъ и красивѣйшихъ издѣлій, которыя олжны были служить въ Европѣ образцами художественности и бразованія покореннаго народа и дать понятіе о важности пизарова завоеванія. Пятую часть всѣхъ сокровищь, и въ томъ числѣ образцовые предметы перуанскаго искусства (цѣною въ 100 тысячъ ервонцевъ), назначено было немедленно отправить въ Испанію съ рнандомъ Пизарро, который, для врученія этихъ сокровищь, обязанъ былъ испросить особую аудіенцію у императора, при чемъ, азсказавъ о подвигахъ своего брата и другихъ спутниковъ, долженъ ылъ ходатайствовать о подкрѣпленіи войскомъ и о пожалованіи завоевателямъ новыхъ титуловъ и отличій. Это порученіе было назнаено Эрнандо, сколько по причинѣ способности его къ успѣшному ыполненію, столько и для упрежденія всякихъ непріятностей съ льмагромъ, къ которому Эрнандо питалъ давнее нерасположеніе и е скрывалъ этого при удобномъ случаѣ.

Плавленіе золотой посуды и другихъ вещей было поручено индійскимъ серебренникамъ, которые такимъ образомъ должны были азрушать собственную свою работу. Они трудились неутомимо немъ и ночью, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, и едва успѣли кончить ъ этотъ срокъ: такъ велико было число вещей, назначенныхъ для плава. Золото было приведено въ одну пробу и потомъ отлито небольшими плитками (или, какъ у насъ говорятъ, языками), которыя ывѣшивались особо назначенными Пизарромъ довѣренными людьми. сего золота, назначеннаго въ раздѣлъ, оказалось 1,326,539 *пезо де* о, что́, судя по цѣнѣ золота въ началѣ и первой половинѣ XVI столѣтія, составляетъ около трехъ съ половиною милліоновъ фунтовъ терлинговъ или слишкомъ двадцать два милліона рублей серебромъ!! Серебра сплавлено 51,610 марокъ, или около 740 пудовъ. Исторія не представляетъ намъ другого примѣра подобной добычи чистыми деньгами или драгоцѣнны и притомъ пріобрѣ- ной горстью искат

Все это золото, равно и другія массы его, внос
ныя испанцами въ Перу, такъ же какъ и все серебр
въ Испанію, которая теперь, три вѣка спустя,
бѣднѣйшая изъ христіянскихъ державъ.

Когда дошло до раздѣла, то возникло странно
спутники Альмагра, числомъ равнявшіеся спутника
участвовавшіе въъ ихъ подвигахъ и опасностяхъ,
равной доли изъ награбленной добычи, состоявшей
въ выкупѣ инки. Конечно мы не брали въ полонъ
воины Альмагра—но мы помогали стеречь его съ об
ною и теперь даемъ вамъ средство итти впередъ и
тое завоеваніе, чтó безъ насъ было бы невозможно.
со всѣми его опасностями и послѣдствіями есть общ
потому всѣ и должны имѣть равное право на добыч
ровы солдаты отвѣчали, что они терпѣли велича
подвергались страшнымъ опасностямъ, пока овладѣл
скаго монарха, что плѣнъ его есть ихъ дѣло, и что
чилъ онъ условіе о выкупѣ, а потому только тот
имѣетъ право на награду трудовъ. Наконецъ, пос
ровъ, было рѣшено, что альмагровы спутники буду
долю въ будущей добычѣ, а что теперь они получ
бóльшую сумму въ видѣ подарка.

По устраненіи всѣхъ споровъ и препятствій, I
пилъ къ торжественному раздѣлу добычи. Королевс
отдѣлена прежде всего и немедленно послана въ И
слѣдовало вотъ какое распредѣленіе:

Пизарру, начальнику экспедиціи, 57,222 пезо зо
рокъ серебра; сверхъ того золотой тронъ инки, цѣн
25,000 пезо ([1]).

Эрнанду Пизарру—31,080 пезо золота и 2,350 ма

Де Сото — 17,740 пезо золота и 724 марки сереб

Всадникамъ по 8,880 пезо золота и по 362 марк
ловѣка ([4]).

Пѣхотнымъ воинамъ въ половину противъ кон
не всѣ всадники и пѣхотинцы получили
слугѣ, одинъ получилъ болѣе, а другой

Сверхъ того назначено:

([1]) Около полутора милліона рублей

([2]) Около шести сотъ тысячъ руб.

([3]) Слишкомъ 320 тысячъ руб. се

([4]) Слишкомъ 160 тысячъ руб. се

Церкви св. Франциска, первому христiянскому храму въ Перу, ,220 песо золота (1).

Спутникамъ Альмагро, въ видѣ награды, 20,000 песо золота (2).

Гарнизону колонiи Санъ-Мигуэль 15,000 песо золота (3).

Въ актѣ о раздѣлѣ добычи, составленномъ королевскимъ нотаiусомъ, ничего не упомянуто объ Альмагрѣ, Лукѣ и третьемъ участникѣ въ снаряженiи пизарровой экспедицiи — лиценцiатѣ Эспинозѣ. Конечно патеръ де Лукъ не могъ уже имѣть никакихъ претензiй на долю въ раздѣлѣ добычи, потому-что не дождавшись конца кспедицiи, умеръ въ Панамѣ, не за долго до послѣдняго отъѣзда льмагра. Что же касается до этого послѣдняго и Эспинозы, имѣвшихъ, по договору, право на равную долю съ Пизарромъ, то хоть бъ этомъ не осталось никакихъ свѣдѣнiй, но вѣроятно лица эти олучили достаточную сумму денегъ, потому-что никогда и никѣмъ е было по этому поводу приносимо жалобъ, и вообще всѣ остались овольны справедливостью Пизарра, при раздѣлѣ добычи.

Послѣ этого раздѣла оставалось итти въ Куско; но что было дѣлать съ Атхуальпою? Выпустить его значило дать свободу человѣку, оторый однимъ словомъ могъ подвинуть противъ испанскаго отряа всѣ силы обширнаго государства. Несмотря на подкрѣпленiе, приеденное Альмагромъ, и испытанную храбрость испанцевъ, малочиленный отрядъ легко могъ быть истомленъ непрерывнымъ многоневнымъ боемъ противъ сотенъ тысячъ индѣйскихъ воиновъ: при акой несоразмѣрности силъ, никакая храбрость и превосходство вооруженiя не могли быть приняты въ разсужденiе. Держать Атахуальпу въ плѣну было не меньше опасно, особливо въ продолженiи тыячеверстной дороги въ Куско. Вопросъ — *что дѣлать*, былъ постинѣ очень затруднительный.

А между тѣмъ Атахуальпа громко требовалъ освобожденiя. Конечно выкупъ его не вполнѣ былъ заплаченъ, и сомнительно, чтобы ри неохотѣ и сопротивленiи жрецовъ къ опустошенiю храмовъ, олное количество золота, обѣщанное инкою, было въ скоромъ времени собрано. Жрецы прятали украшенiя храмовъ, чтобы не выдать ихъ на жертву жаднымъ чужеземцамъ. При всемъ томъ, большая часть выкупа уже была доставлена испанцамъ, и ежедневно при[illegible] транспорты съ золотомъ, такъ-что инка смѣло могъ [illegible] въ нетерпѣнiи.

Рыцарь де Сото, подружившійся съ Атахуальпою ходатаемъ у Пизарра; но полководецъ не хотѣлъ да тельнаго отвѣта, потому-что самъ не зналъ, на что р нецъ, послѣ долгихъ соображеній, онъ приказалъ со которому освобождалъ инку отъ внесенія остальной но вмѣстѣ объявлялъ, что безопасность испанцевъ бовала продолжать плѣнъ Атахуальпы до прибытія но Европы. Этотъ актъ былъ торжественно прочитанъ строй воинамъ и формально объявленъ плѣннику, ка рѣшеніе его побѣдителя.

Въ это время, неизвѣстно съ какого повода, нач пространяться слухи о затѣваемыхъ будто бы перуа ніяхъ. Говорили, что многочисленное войско уже со — родинѣ Атахуальпы, и ждало только, для выступл прибытія подкрѣпленія изъ тридцати тысячъ караи шестнадцатаго вѣка по произволу перемѣщали карам части Америки въ другую и называли такъ всѣ дикія рыхъ хотѣли представить людоѣдами и особенно сі нами.

Трудно объяснить причину такихъ слуховъ. На что въ испанскомъ лагерѣ находилось много индѣйцев сторону Хуаскара и потому дѣйствовавшихъ постоянн хуальпы; но главный врагъ плѣннаго инки былъ пере пилло. Этотъ молодой человѣкъ влюбился въ одну Атахуальпы и успѣлъ соблазнить ее. Инка, узнавъ об ко жаловался Пизарру на такое оскорбленіе, кото скимъ законамъ наказывалось не только смертію винс истребленіемъ всѣхъ родственниковъ преступника. Ф кожъ былъ слишкомъ необходимъ для завоевателей, в нихъ званіи переводчика, да и вина его казалась извин тому-что сами испанцы не разъ позволяли себѣ подоб и, если вѣрить современнымъ писателямъ, то оба Пи монились даже въ присутствіи Атахуальпы съ его люб ницами (*). А потому Фелипилло отдѣлался легкимъ в который сталъ смертельно ненавидѣть бывшаго своег при каждомъ удобномъ случаѣ возстановлять противъ

Чаликучимъ и самъ инка положительно утверждал нюдь не приказывали дѣлать вооруженій, и что распр слухи сущая ложь. На всѣ обвиненія Пизарра они от

(*) E le habian tomado sus mugeres è repardidolas en de ellas de sus adulterios. (Oviedo, Hist. de las Indias VIII, cap. XXII.

койнымъ хладнокровіемъ, свидѣтельствовавшимъ объ истинѣ ихъ словъ. Инка ничего не приказывалъ, а безъ воли инки кто могъ осмѣлиться поднять оружіе? Но, при этихъ объясненіяхъ, Атахуальпа, казалось, предчувствовалъ свой печальный конецъ: по примѣру брата, Хуаскара, онъ зналъ, что жизнь плѣнныхъ государей никогда не бываетъ долга!

Несмотря на всѣ увѣренія инки, слухи о возстаніи и вооруженіи перуанцевъ распространялись съ новою силою: утверждали, что въ Гуамачучо, верстахъ въ полуторастѣ отъ Кахамалки, собралась многочисленная армія, нападенія которой слѣдовало ежеминутно ожидать. Пизарро не совсѣмъ тому вѣрилъ, однакожь принялъ всѣ нужныя предосторожности: караулы были удвоены, лошади осѣдланы, половина людей постоянно вооружена, и Пизарро самъ обходилъ каждую ночь рондомъ всѣхъ часовыхъ. Солдаты не жаловались на тяжелую службу, потому-что всякой сторожилъ цѣлость богатой добычи, доставшейся на его долю.

Но зато солдаты единодушно были озлоблены противъ инки, котораго считали причиною безпрерывныхъ безпокойствъ и ежеминутной опасности. Особливо возставали противъ несчастнаго плѣнника спутники Альмагра, получившіе очень небольшую долю при раздѣлѣ выкупа и горѣвшіе желаніемъ итти впередъ и грабить. Такъ же чиновники индѣйскаго совѣта, прибывшіе съ Пизарромъ изъ Кастиліи и имѣвшіе въ виду только одну добычу, громко обвиняли Атахуальпу въ заговорѣ противъ кастильскаго короля, котораго инка былъ будто бы вассаломъ. Монахи требовали истребленія главы язычниковъ. Словомъ, всѣ кричали и настаивали, чтобы Атахуальпа былъ казненъ, ради общаго блага и спасенія.

Пизарро сначала не хотѣлъ вѣрить виновности плѣннаго монарха въ мнимыхъ заговорахъ и въ этомъ случаѣ раздѣлялъ мнѣніе рыцаря де Сото, считавшаго инку совершенно правымъ. Чтобы однакожь положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, де Сото отправился съ небольшимъ отрядомъ въ Гуамачучо для обозрѣнія на мѣстѣ предполагаемаго сближенія войскъ. Однакожь послѣ отъѣзда де Сото, умы не только не успокоились, но волненіе увеличилось, до того, что Пизарро принужденъ былъ подвергнуть дѣло плѣннаго монарха суду особой коммиссіи. При этомъ соблюдены были всѣ формы испан[illegible] судопроизводства: Пизарро былъ президентомъ, а Альмагро [illegible]ша; были такъ же наряжены лица, замѣ[illegible] адвоката обвиненнаго.

[illegible]чія по двѣнадцати различнымъ

[illegible]

[illegible]ницъ инковъ у Хуаскара.

2. Онъ убилъ плѣннаго брата.

3. Онъ самовольно расточалъ доходы Перу, со
инки принадлежащіе испанцамъ.

4. Онъ, несмотря на многократныя убѣжденія пр
скую вѣру, не хотѣлъ отказаться отъ идолослуженія

5. Имѣя постоянное плотское совокупленіе со м
нами, онъ совершалъ грѣхъ прелюбодѣянія.

6. Онъ замышлялъ измѣннически истребить испа
на нихъ многочисленныя арміи.

Остальные пункты были подобны пятому обвин
ту: они основывались на мнимой преступности мѣсти
обычаевъ. Третій и четвертый явно стремились огран
волю Атахуальпы, а первый и второй не подлежали
Одинъ только шестой пунктъ могъ относится до них
трудно было доказать взводимое этимъ пунктомъ п
виненіе, то остальные были подобраны для прикрыті
ности незаконнаго и впередъ условленнаго рѣшенія.

Для формы, выслушаны были нѣсколько перуанск
и отвѣты ихъ были переданы переводчикомъ Фелипп
противно настоящему смыслу свидѣтельскихъ показа
завязался жаркій споръ не о виновности Атахуальп
уже впередъ было положено найти его виновнымъ
вредѣ отъ казни перуанскаго государя. Смертный при
санный судьями и доминиканскимъ монахомъ Валв
плѣннаго инку погибнуть на кострѣ. Казнь положен
ту же ночь на главной площади Кахамлки. Рѣшили д
возвращенія де Сото, изъ показаній котораго впроч
всего лучше убѣдиться въ винѣ или невинности плѣн

Въ этомъ беззаконномъ и безсовѣстномъ судилн
кожь люди съ прямою душой, которые считали взвс
обвиненія недоказанными и даже отвергали право суд
лицу кромѣ кастильскаго короля, котораго вассаломъ
Но такъ-какъ большинство (десять противъ одного) тр
находя инку виновнымъ, то немногіе честные судьи
удовлетвориться подачею безсильнаго протеста.

Хотя инка давно чувствовалъ, что ему нечего ж
испанцевъ, но объявленіе приговора поразило ег
какъ-будто онъ не могъ предполагать такого исхода,
ніемъ ломалъ онъ руки и кричалъ уходящему Пизарр
я тебѣ и за что ты приготовилъ мнѣ такую ужасную
нялъ тебя, какъ гостя и брата,
хъ спутниковъ была въ моих

ебѣ вдвое больше золота, чѣмъ ты получилъ, если только дашь мнѣ ремя собрать его! Я готовъ представить тебѣ какое хочешь ручаельство за твою безопасность, и за жизнь послѣдняго испанца буду твѣчать тысячами головъ благороднѣйшихъ сыновъ Перу! Спаси еня и дѣлай съ моимъ государствомъ, что́ хочешь; я буду тебѣ поорнымъ слугою!

Пизарро видимо поколебался отчаянными моленіями плѣнника, о видя, что теперь невозможно перемѣнить однажды рѣшенное, пѣшилъ уйти отъ инки. Видя безполезность просьбъ, Атахуальпа спокоился и сталъ ждать смерти съ стоическимъ мужествомъ инйскаго дикаря.

Приговоръ плѣннаго государя былъ объявленъ всенародно на лощади, при трубномъ звукѣ, и тотчасъ же начали складывать тамъ остеръ. Два часа спустя по захожденіи солнца, собрались на плоади всѣ испанцы съ факелами, дабы присутствовать при казни сужденнаго. Инка явился скованный по рукамъ и по ногамъ и съ еревкою на шеѣ; подлѣ него шелъ одинъ изъ его палачей — доминиканецъ Винценте де Валверде, стараясь обратить въ католицизмъ ертву, осужденную имъ безвинно на мучительную казнь. Во все ремя узничества Атахуальпы, онъ безполезно пытался убѣдить его ъ святости папскихъ буллъ, и самолюбіе католика страдало отъ малоуспѣшности его проповѣдей. Привели Атахуальпу, стащили веревою на костеръ, привязали къ столбу и обложили сухимъ хворостомъ щепою. Страшная минута приближалась, и патеръ Валверде, съ акеломъ въ одной рукѣ, а съ крестомъ въ другой, подошелъ къ нечастному. Крестись, и казнь твоя смягчится, повторялъ онъ ему и едленно то приближалъ, то удалялъ факелъ отъ сухого дерева. Въ редсмертномъ бореніи обратился осужденный къ Пизарру и, получивъ отъ него подтвердительный отвѣтъ, рѣшился признать владычество папы: это было для Валверде всего важнѣе. Доминиканецъ оржественно благословилъ новообращеннаго, назвавъ его Хуаномъ е Атахуальпа; потомъ объявилъ ему, что въ награду за такой подвигъ инка будетъ не сожженъ, а удавленъ. Собственноручно завязалъ мъ на шеѣ его глухую петлю и продѣлъ между шеей и веревкой свою рость: тутъ явился палачъ и, сильно повернувъ палку, раза три ли четыре, задушилъ жертву.

Уже стоя на кострѣ и ожидая смерти, просилъ Атахуальпа своихъ учителей, чтобы тѣло его было отослано въ Квито и похоронено вмѣстѣ съ предками по материнской линіи. Потомъ сталъ онъ молить Пизарра о принятіи подъ покровительство малолѣтнихъ дѣтей, ...ъ слезы лились ручьями по лицу связаннаго инки. Видя, что ...ращаетъ вниманія на его послѣднія слезныя моленія.

Атахуальпа съ стоическою твердостью протянулъ слѣдній инка умеръ позорною смертію низкаго разбойника.

Это происходило 29 августа 1533 года.

Мы уже говорили о наружности и внутренни зненнаго инки. Онъ былъ высокаго росту и краси глаза его имѣли дикое выраженіе; смѣлъ, горд жестокъ противъ враговъ, но справедливъ и щед для окружавшихъ его. Всѣ знавшіе его лично ут гласно, что онъ былъ одаренъ весьма быстрымъ рымъ умомъ; храбрость его не разъ была испыта женій.

Трупъ казненнаго пролежалъ всю ночь у поз кострѣ, и только на другой день утромъ отнесен Францыска, гдѣ отпѣваніе его было совершенн большою торжественностью. Всѣ испанцы присутс номъ нарядѣ. Но панихида была прервана страшнь давшимся у дверей храма: Пизарро приказалъ отво стая толпа женщинъ — жонъ и родственницъ умерш его трупу. Онѣ кричали, что не такъ слѣдуетъ хор да, и что онѣ хотятъ умереть на его трупѣ; но пате инка умеръ христіяниномъ, и велѣлъ насильно вы неутѣшныхъ женщинъ, при чемъ не обошлось без Возвратившись въ свои жилища, многія изъ жонъ А жили на себя руку, въ надеждѣ послѣдовать за свои велителемъ въ блестящій чертогъ солнца.

Трупъ инки не былъ отправленъ согласно его п но похороненъ на кладбищѣ близь церкви св. Фра малкѣ. Увѣряютъ, будто бы индѣйцы, вырывъ его перенесли въ Квито: это вѣроятно думаютъ потому слѣдствіи искатели кладовъ разрыли могилу Атахуа шли тамъ ни сокровищъ, ни даже костей схороненна

Дня черезъ два послѣ описанной нами казни, во то съ вѣстію, что нигдѣ не замѣтно даже малѣйши станія, и что Атахуальпа, судя по всему, не питалъ цевъ никакихъ дурныхъ намѣреній. Де Сото ужас узнавъ о казни инки, котораго считалъ совершенн притомъ, даже въ случаѣ виновности, подлежащимъ суду кастильской короны. Пизарро старался оправд всю вину на монаховъ и коронныхъ испанскихъ чино загорѣлся такой споръ, что судьи наговорили другъ колкихъ словъ. Должно признаться, что начиная отъ

ики до его кончины, испанцы поступали съ нимъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Захвативъ обманомъ человѣка, оказавшаго имъ щедрое гостепріимство, они ограбили его и, вмѣсто обѣщанной свободы, замучили самымъ злодѣйскимъ образомъ. Казнь Атахуальпы не можетъ даже извиниться политическою необходимостью, потому-что если съ одной стороны инка былъ опасный для храненія плѣнникъ, зато онъ служилъ своимъ тюремщикамъ вѣрнымъ залогомъ повиновенія цѣлой страны, избавляя ихъ отъ необходимости насилія и жестокостей. Но мы увидимъ впослѣдствіи, что человѣколюбіе было извѣстно завоевателямъ только по слуху: въ ихъ душахъ гнѣздилась жажда къ золоту да религіозный средневѣковой фанатизмъ.

Г. Прескотъ на нѣсколькихъ страницахъ разсматриваетъ обстоятельства казни Ахтуальпы и приходитъ къ заключенію, что испанцы были въ этомъ случаѣ кругомъ виноваты. Напрасно доказывать длиннымъ рядомъ доводовъ то, что́ ясно само собою; поэтому мы избавимъ нашихъ читателей отъ длинныхъ разсужденій американскаго историка, который въ этомъ мѣстѣ своего труда является настоящимъ казуистомъ: казнь инки была новымъ свидѣтельствомъ небеснаго правосудія; Провидѣніе смертію Атахуальпы наказало убійство Хуаскара и мученическую смерть его семейства.

Въ государственномъ устройствѣ Перу, инка пользовался самою неограниченною властію, былъ источникомъ всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ и основаніемъ общественнаго порядка и благоустройства. Поэтому можно себѣ представить, какой ужасный безпорядокъ и неурядица разлились по цѣлой монархіи; тронъ опустѣлъ, прямого наслѣдника не было, да и самый видъ смерти послѣдняго государя ясно указывалъ на конецъ владычества дѣтей солнца и на воцареніе новой, высшей власти. Царствовавшая въ теченіи вѣковъ гармонія теперь нарушилась, и народъ, жившій долгое время подъ гнетомъ самыхъ строгихъ узаконеній, не видя надъ собою грозы, предался необузданному своеволію и безчинствамъ: грабили на дорогахъ, жгли дворцы и храмы, раззоряли города и деревни. Перуанцы, видя, какъ дорого бѣлые люди цѣнили золото и серебро, стали жадно стремиться къ пріобрѣтенію этихъ металловъ, съ неразборчивостію средствъ, такъ обыкновенною въ людяхъ, вкусившихъ только начатки образованія. Благородные металлы, служившіе прежде для украшенія храмовъ и дворцовъ да для роскошныхъ утварей и убранствъ высшаго сословія, похищались грабительскою рукою черни и скоплялись грудами, спрятанными въ глубины горныхъ пещеръ или на днѣ лѣсныхъ овраговъ, подъ землею или въ кучѣ хвороста и валежника. Масса золота, составлявшая выкупъ Атахуальпы, по собственному сознанію многихъ ин

ковъ, была каплею въ морѣ, однимъ зерномъ въ
такъ богатъ былъ Перу золотомъ. Главная масса
талловъ была спрятана жрецами и дворянами
нію, послѣ смерти инки. Едва успѣли предать земл
монарха, какъ всѣ гражданскія и политическія у
государство въ одно стройное цѣлое, разорвались:
ласти отлагались, и всякой старался извлечь наибо
ную пользу изъ совершавшагося переворота; стары
щей разрушился, а новый еще не былъ устроенъ.

Тотчасъ послѣ казни Атахуальпы, Пизарро, не о
хамалки, озаботился назначеніемъ преемника прес
чувствовалъ, что гораздо легче управлять государс
по возможности прежнія формы, чѣмъ прямо и н
образомъ устроивать новый порядокъ вещей. Закон
престола былъ второй сынъ Уайна Капака, Манко
Хуаскара; но Пизарро мало зналъ этого принца, а
челъ ему Топарку, брата Атахуальпы. Этотъ юнош
блескомъ борлы, согласился быть покорнымъ слуг
тотчасъ же былъ провозглашенъ государемъ Перу.
нованія было совершено со всѣми подобающими об
мѣрѣ, какъ позволяли обстоятельства; дворъ казнен
присягнулъ новому инкѣ, и Пизарро собственноруч
борлу.

Теперь не оставалось болѣе препятствій къ поход
да испанцы двинулись въ началѣ сентября; у Пиза
500 человѣкъ войска, и въ томъ числѣ треть конни
нетерпѣніемъ видѣть сокровища столицы. Пизар
расчитывали удвоить ими долю, доставшуюся при р
а воины Альмагро — вознаградить невыгоды перваго
инка и старый полководецъ Чаликучимъ слѣдовали
бѣдителей, сохраняя по наружности блескъ, приличн

На этомъ пути Пизарро не встрѣтилъ другихъ п
положенныхъ самою природою: дорога, прекрасная
и для легконогой льямы, была часто едва проходи
испанской кавалеріи. Только приближаясь къ Хаухѣ
мостъ, перекинутый чрезъ широкую рѣку, былъ ра
сторону потока долина была усѣяна индѣйскими вои
думали недолго, и конница бросилась въ воду; ужас
анцы, считавшіе рѣку непроходимою преградою,
разныя стороны; но всадники преслѣдовали ихъ
сколько сотъ человѣкъ бѣглецовъ.

Проходя чрез богатый и многолюдный город Хауху, Пизарро нялся грабительством сокровищ, а Валверде — превращением ама солнца в христiанскую церковь. Местоположенiе Хаухи дало изарру мысль основать здесь испанскую колонiю, весьма выгодю в стратегическом отношенiи; с этою целiю он отослал де ото с шестидесятью всадниками для обозренiя окрестностей года. Этот рекогносцировочный отряд встречал на пути безпреывныя затрудненiя и везде ощущал присутствiе близкаго, хотя и видимаго врага: деревни были сожжены, мосты разрушены, а доги завалены деревьями и обломками скал. Наконец в одном рном ущелiи он встретил врагов и хотя остался победитем, но потерял трех человек убитыми: потеря важная только тому, что испанцы отвыкли встречать сопротавленiе со стороны руанцев.

Перейдя через широкiй поток Апуримак и приближаясь к ерре Вилкаконга, Сото услышал, что многочисленная толпа ийских воинов ждет его в близком оттуда, едва проходимом рном ущельи. Несмотря на то, рыцарь смело пошел на-встречу асности, но едва достигнул средины ущелья и стал взбираться утесистую крутизну, как вдруг тысячи вооруженных перуцев высыпали из-за скал, утесов, пещер и с страшным инским кликом бросились на истомленных усталостью всадниов. Мужество и превосходное вооруженiе горсти испанцев не гли устоять против отчаяннаго натиска такого многолюдства: ысячи камней, дубин, дротиков и других метательных орудий иались сверху на ряды латников, тогда-как сотни рук хватали зу лошадей за ноги и старались повалить их, вместе с всадками. Де Сото видел, что все погибло, если ему не удастся доться до горной поляны, разстилавшейся в нескольких стах агах впереди, и потому энергическим возгласом ободрил смевшихся всадников сделать последнее усилiе, от котораго зависа их участь. Со всесокрушающим отчаянiем рванулись кони, оняемые острыми шпорами; мечи рубили вправо и влево, и накоц, хотя с непомерным трудом, выбрались наши смельчаки поляну.

Здесь битва остановилась на минуту. Испанцы напоили в близкущем горном ручье запыхавшихся лошадей, и, не дав перуцам времени опомниться, опять ударили на них. Но индейцы с кою храбростiю встретили этот напор, и многолюдство начало е одолевать выбившихся из сил рыцарей, когда внезапно нагнившая тропическая ночь положила полусуточную преграду битв и спасла испанцев от верной смерти.

Непріятели, разлученные ночнымъ мракоı ночлегомъ въ полуверстѣ другъ отъ друга. Инд увѣренности побѣды надъ врагомъ, до тѣхъ пор съ нетерпѣніемъ ждали восхода солнца, чтобы д ніе бѣлыхъ людей. Впервые встрѣтивъ такое м тивленіе, испанцы потеряли часть самоувѣренно лахъ; къ тому же многіе изъ нихъ были ранены, убиты. Потеря лошадей, которыхъ доставка в страны была чрезвычайно затруднительна, каза важною. Многія раны свидѣтельствовали о крѣ оружія и силѣ рукъ имъ владѣвшихъ; такъ, напр царь палъ съ разрубленною до шеи головою: п раздвоилъ шлемъ и кости черепа. Вообще въ нап была замѣтна особаго рода тактика и военная дис влявшая думать, что перуанцы были предводимы з цквицомъ, пришедшимъ изъ Куско.

Де Сото старался внушить мужество своимъ о никамъ и обѣщалъ имъ помощь, на которую са впрочемъ счастливый случай осуществилъ на эт чемъ не основанныя обѣщанія испанскаго вождя. З начала экспедиціи необыкновенныя приготовленія сопротивленію, Сото увѣдомилъ о томъ Пизарро саясь за малочисленность посланнаго отряда, въ наго нападенія многочисленнаго перуанскаго войска гра съ оставшеюся конницею на подкрѣпленіе де С къ роковому ущелію вечеромъ того самого дня, как дила схватка, онъ получилъ извѣстіе объ опасност ковъ и, несмотря на близкую ночь, рѣшился спѣ мощь. Когда Альмагро достигнулъ до входа въ уще непроницаемый мракъ одѣвалъ окрестную природу, попасть въ станъ враговъ и не зная гдѣ найти одн онъ приказалъ трубить, чтобы дать испанцамъ вѣст ближеніи. Эти трубные звуки были восхитительнѣ для истомленнаго отряда де Сото, который тотчасъ отвѣчать трубами изъ своего лагеря, и вскорѣ оба от общій бивуакъ.

Восходящее солнце показало удивленнымъ перуан сло враговъ ихъ таинственнымъ образомъ въ течен чѣмъ удвоилось: суевѣрный страхъ одолѣлъ бѣдны не привыкшихъ сражаться съ людьми, почерпавшим выя силы и умножавшими число своихъ воиновъ, ка изволу. Не сомнѣваясь болѣе, что бѣлые люди прин

лу обыкновенныхъ смертныхъ, перуанское войско не хотѣло обновлять сраженіе и, пользуясь туманомъ, одѣвавшимъ еще отэсти горнаго ската, спѣшило ретироваться, оставивъ свободными овыя дефилеи. Альмагро и де Сото спѣшили воспользоваться мъ обстоятельствомъ, и, выведя отрядъ изъ опасной горной ущеы, расположили его близь дороги, ведущей въ Куско, гдѣ и рѣнись ожидать прибытія Пизарра съ остальнымъ войскомъ.

Пизарро, получивъ извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ, былъ нь недоволенъ духомъ сопротивленія, развивавшимся между наэніемъ Перу. Изъ многихъ обстоятельствъ можно было заклюь, что Квицквицъ предводительствовалъ нападавшими перуанцаи потому Пизарро потребовалъ отвѣта отъ Чаликучима, угрожая му послѣднему смертію на кострѣ, если перуанцы не положатъ едленно оружія. Чаликучимъ отвѣчалъ съ большимъ хладнокроіъ, что онъ съ своей стороны не входитъ ни въ какія сношенія Квицквицомъ, и что въ настоящемъ своемъ положеніи онъ ничего можетъ сдѣлать къ обезоруженію перуанскаго войска. На всѣ еки Пизарра онъ отвѣчалъ этими простыми доказательствами ей невинности и безсилія, а угрозамъ противопоставилъ молчаніе гоическое терпѣніе. Раздраженный Пизарро поклялся, что велитъ сжечь, какъ только возвратится Альмагро, а до тѣхъ поръ прикаь заковать Чаликучима въ тяжелыя желѣза и содержать подъ огимъ карауломъ.

Передъ самымъ выступленіемъ Пизарра изъ Хаухи умеръ скоостижно инка Топарка, возведенный имъ на тронъ по смерти хуальпы и отличавшійся преданностію и повиновеніемъ волѣ эевателей. Смерть Топарки была для Пизарра новымъ неожиданіъ ударомъ и онъ, приписывая ее враждѣ Чаликучима, поклялся, индѣйскій полководецъ заплатитъ за всѣ преступленія перуанъ противъ бѣлыхъ людей, ихъ законныхъ властителей.

Чтобы не подвергать награбленныхъ сокровищъ случайностямъ и въ непріятельской землѣ, Пизарро оставилъ ихъ въ Хаухѣ ъ охраненіемъ сорока человѣкъ воиновъ, оставленныхъ тамъ для изона, и выступилъ съ остальными людьми для соединенія съ магромъ. На этомъ пути не встрѣтилось ничего особеннаго, а рѣ соединенныя силы испанцевъ достигли цвѣтущей равнины ихагуама (Xaquixaguama), въ пяти лигахъ отъ Куско. Въ этомъ lестномъ мѣстѣ, служившемъ для лѣтняго мѣстопребыванія пескаго двора, остановился Пизарро и раскинулъ станъ побѣдоаго войска для отдыха людей и поправленія лошадей. Всѣ удоблагерной стоянки дополнялись здѣсь близостію большихъ госутвенныхъ запасовъ провіанта и другихъ вещей.

Первымъ дѣломъ, по устройствѣ лагеря, бы
кучимомъ, если только можно назвать судомъ пус
человѣкомъ заранѣе осужденнымъ. Правъ или
дѣйскій полководецъ, мы не знаемъ, да и не со
свѣдѣній о подробностяхъ вопроса (*); извѣстно
кучимъ былъ осужденъ на сожженіе. Патеръ Вал
спутникъ Пизарра, самъ отвелъ несчастную жер
послѣдней минуты пытался обратить невѣрующа
Но всѣ проповѣди доминиканца падали на камени
кучимъ погибъ въ пламени, среди долгихъ, жес
испустивъ ни одного крика, и съ истиннымъ муж
встрѣчалось много примѣровъ между сѣверо-амер
ми. Испанцы заставили собственныхъ слугъ Ч
дрова для костра, который разжигали очень мед
длить мученія страдальца.

Братъ Хуаскара, Манко былъ прямымъ наслѣ
и, несмотря на совѣты окружавшихъ его вельможъ
тивопоставить силы оружія наступающей горсти
рыхъ считалъ непобѣдимыми. Молодой принцъ, к
вольствію вельможъ, отправился торжественнымъ
зарровъ лагерь и просилъ вождя бѣлыхъ людей
тронѣ дѣтей солнца. Пизарро, довольный покорнос
слѣдника престола, любимаго народомъ больше, ч
альпы, обѣщалъ молодому инкѣ свою защиту и ми
дился увѣрить индѣйскаго принца, что бѣлые люди
ру только для возстановленія на тронѣ законной дин
похитителя престола.

Между долинами Хаквихагуама и городомъ Кус
кое ущеліе, въ которомъ собралось множество индѣ
для сопротивленія бѣлымъ людямъ. Пизарро, пола
толпы однимъ присутствіемъ индѣйскаго принца,
бою; но тѣмъ не менѣе произошла жаркая схватка, в
анцы сражались весьма мужественно и хотя были р
лали испанцамъ не мало вреда. Пройдя ущеліе, Пиза
болѣе непріятелей, потому-что въ открытомъ по
смѣли подумать сражаться противъ бѣлыхъ. На гор
освѣщенной лучами заходящаго солнца, разстилался
рый теперь жадно устремились глаза пришлецовъ.
лись передъ самымъ городомъ, при наступленіи ночи

(*) Можно не безъ основанія думать, что дѣйствительнаго
тельскихъ показаній вовсе не было, такъ-какъ судъ надъ Чали
стою проформою.

ее утро отложенъ былъ торжественный въѣздъ въ столицу такъ евѣроятно завоеваннаго царства.

Ночь подъ стѣнами Куско была проведена въ постоянномъ безокойствѣ и ожиданіи ежеминутнаго нападенія, такъ-что никто изъ оиновъ не снималъ на ночь панцаря; но дѣло обошлось безъ треоги. Наконецъ блеснуло солнце 15 ноября 1533 года, и Пизарро галъ готовиться къ въѣзду въ столицу.

Испанцы вошли въ городъ тремя отрядами и подвигались по линнымъ улицамъ среди густого населенія, стекшагося изъ города всѣхъ его окрестностей. Съ ужасомъ смотрѣли индѣйцы на бѣыхъ людей, покрытыхъ блестящимъ вооруженіемъ и при звукѣ рубъ стремившихся на главную площать, обстроенную дворцами, рамами и другими общественными зданіями, гдѣ испанцы расположились постояннымъ лагеремъ.

Хотя полуограбленный Куско не былъ Эльдорадомъ, о которомъ ечтали восторженные испанцы, однакожъ величіе и богатство города се-таки поразили завоевателей. По преданію, въ самомъ городѣ читалось до двухъсотъ тысячъ жителей и по-крайней-мѣрѣ столько же въ четырехъ предмѣстьяхъ, и всѣ эти люди отличались между обою по провинціямъ разноцвѣтными одеждами и головными уборами. Здѣсь было мѣстопребываніе роскошнаго двора и богатаго ворянства, средоточіе всѣхъ искусствъ и богатствъ Перу. Множетво каменныхъ зданій, украшенныхъ даже снаружи лѣпною, скульптурною и живописною работами, придавали городу много красоты и еликолѣпія. О циклопическомъ зданіи крѣпости мы уже упоминали прежде; она, вмѣстѣ съ дворцомъ инки, была поистинѣ монументальнымъ зданіемъ. Длинныя, хотя и узкія, но прямыя и правильныя улицы были хорошо вымощены цвѣтнымъ кварцомъ. Протекавшая черезъ городъ рѣка такъ же была одѣта гранитомъ (*). Въ рамахъ и другихъ зданіяхъ, хотя уже ограбленныхъ для выкупа нки и еще прежде самими перуанцами, оставалось еще много драоцѣннаго. Хотя Пизарро строго запретилъ всякое насиліе и грабиельство, но испанцы не замедлили заняться хищничествомъ сокровищь, заключенныхъ въ разныхъ зданіяхъ. Нарушали миръ гробовъ ограбили царскія муміи въ храмѣ Кариканча; пытали несчастныхъ рецовъ и надзирателей дворцовъ, заставляя ихъ открывать мѣста, дѣ были спрятаны золото и изумруды. Несчастныхъ жарили на орячихъ угольяхъ, клали на раскалѐнные золотые листы, варили ъ водѣ и маслѣ, закапывали живыхъ въ землю, сдирали кожу, вытягивали жилы, рѣзали носы и уши, ломали руки и ноги. Множество

(*) По современнымъ описаніямъ, эта гранитная набережная должно быть очень ыла похожа на ту, которая одѣваетъ лѣвый берегъ Невы въ Петербургѣ.

золота и серебра было наградою такихъ безчи
тельствъ. Въ одной пещерѣ нашли четыре золо
надцать женскихъ статуй въ натуральную величи
золота и серебра; въ домѣ одного вельможи нашл
серебра, каждая въ 20 футовъ длиною, одинъ фу
дюйма толщиною. Всѣ собранныя драгоцѣнности
одно мѣсто, какъ въ Кахамаркѣ, и такъ же приведе
наковой пробы; потомъ вся добыча была раздѣле
панцами, на томъ же основаніи, какъ былъ сдѣланъ
Касательно цѣнности добычи не сохранилось то
мы только знаемъ, изъ того, что отдѣлено на часть
роля, что добыча была никакъ не менѣе (вѣроятно
580 тысячъ песо золота (¹) и 215 тысячъ марокъ с

Такое огромное богатство, доставшееся на долю
ныхъ бродягъ, не получившихъ никакого образов
шихся самыми грубыми правилами, не могло остатьс
слѣдствій. Страсть къ игрѣ, и безъ того уже общая у
лучила здѣсь пищу для развитія въ самыхъ колосс
рахъ. Въ полчаса простой солдатъ проигрывалъ им
золота могщее сдѣлать его богатымъ, независимымъ
въ Европѣ. Притомъ же чрезмѣрное накопленіе благо
ловъ отразилось въ цѣнности вещей: за десть бума
руб. сер., за бутылку вина вшестеро дороже, а поря
нельзя было купить меньше *двадцатипяти тысячи
рамъ!* Въ Куско все сдѣлалось непомѣрно дорого, і
золота да изумрудовъ: эти драгоцѣнности, такъ высок
другихъ мѣстахъ, сдѣлались въ столицѣ Перу такъ обі
что составляли тамъ самые дешевые предметы.

Въ слѣдующей статьѣ мы разскажемъ слѣдствія зав
и вражду испанскихъ выходцевъ съ кастильскою корог

(¹) Около 10 милліоновъ руб. сер.

(²) Слишкомъ 8 милліоновъ руб. сер., по тогдашней торговой

V.

КАРТИНЫ МИССИСИПИ.

СВѢТЛЫЯ И ТЕМНЫЯ СТОРОНЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

III.

СЕМЬ ДНЕЙ НА АМЕРИКАНСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

«31-го іюля, въ десять часовъ утра, отходитъ отъ Леве́ (*) въ «Сенъ-Луи быстрый и крѣпкій пароходъ *Оцеаникъ;* шкиперъ г. Вилькенсъ. О цѣнѣ за поклажу и переѣздъ можно узнать на самомъ пароходѣ, или у агентовъ Смита и Рейхфіельда.

«Кестомхаузъ-стритъ, № 52, Нью-Орлеанъ.».

Это объявленіе было напечатано въ Коммерческой газетѣ Нью-Орлеана, за 29 іюля 184.., вмѣстѣ съ 20-ю подобными, объ отходѣ разныхъ пароходовъ, назначенныхъ частью плыть по Миссисипи, частью по Редрейверъ, Миссури, Арканзасу, Огіо, Иллинойсъ, или даже въ Мексиканскій заливъ.

На Леве́ кипѣла толпа; на пароходъ торопливо переносили сундуки, чемоданы, картонки, постели и другую домашнюю утварь; изъ двухъ страшныхъ трубъ валилъ густой черный дымъ; первый звонокъ уже прозвонилъ, и капитанъ, расхаживавшій на палубѣ, объявилъ нѣсколькимъ пассажирамъ, что Оцеаникъ отходитъ черезъ полчаса. Безпрестанно прибывали драи (**) съ сахаромъ, кофе, сыропомъ, хлопчатой бумагой и крупною солью, и такъ же скоро исчезали въ огромной внутренности парохода. Множество маленькихъ лодокъ

(*) *Леве́*, по собственному значенію — насыпь на берегахъ Миссисипи, для предупрежденія наводненій; въ настоящемъ случаѣ — пристань для пароходовъ.

(**) Двухколесныя телѣжки, употребляемыя во всѣхъ штатахъ для перевозки товаровъ.

скользили между пароходами, и особенно около
вы были отплыть. Фрукты и провизія, навал
этихъ лодокъ, сбывались путешественникамъ.

Живописное зрѣлище представляли маленькі
ныя лодки, въ которыхъ гребъ смуглый испане
рокополой соломенной шляпѣ и съ черными ба
его были навалены въ красивомъ безпорядкѣ ан
гранатные яблоки, бананы и кокосовые орѣхи;
хаживалъ попугай, приглашавшій путешествен
ныхъ фруктовъ; а на носу лодки качалась обезья
на всѣ мимо проѣзжающія лодки, изъ которыхъ
ками и орѣховой скорлупой.

Звонокъ раздался во второй разъ; со всѣхъ
новые пассажиры, желая попасть на пароходъ пр
ѣзда; многіе изъ нихъ несли тяжелые чемоданы
свои ноги подъ неимовѣрною ношею; одинъ даже
и замахалъ имъ, чтобъ только быть замѣченнымъ.

Капитанъ, отвернувшись въ сторону, улыбнул

Между тѣмъ все еще прибывали нагруженныя
скались новые товары во внутренность парохода, к
трети были наполнены; а дымъ поднимался изъ т
нѣе, какъ вѣрное доказательство скораго отплытія

Уже три парохода отплыли въ Сенъ-Луи; многі
ли, что Оцеаникъ отличается скоростію хода, и пото
ждать полчаса, надѣясь скоро догнать отплывшіе п

Колокольчикъ раздался въ третій разъ; громко
онъ; наступило время отъѣзда, и все еще прибыв
жиры и новые товары, и пароходъ все еще держ
берега.

— Капитанъ, когда же мы отъѣзжаемъ? спроси
Миссисипи, пославшій въ городъ своего негра, з
тою вещію.

— Well, сэръ, отвѣчалъ тотъ: — едва ли пре
поклажа еще не прибыла.

— Хорошо, хорошо, сказалъ плантаторъ: — мнѣ
ко такъ спросилъ. Успѣю я сходить въ Сенъ-Чарлс

— Конечно, конечно, отвѣчалъ вѣжливо капита
ходъ пойдетъ раньше вечера, то я пошлю за вами.

Плантаторъ отправился медленно и спокойнымъ
стинницѣ.

Едва успѣлъ онъ отойти отъ судна, какъ подбѣж
бѣдный переселенецъ, нѣмецъ, находившійся съ

средней каютѣ, и спросилъ его ломанымъ англійскимъ языкомъ, успѣетъ ли онъ еще сбѣгать на берегъ, закупить для семейства нѣкоторыя необходимыя вещи, такъ-какъ, услышавъ утромъ звонъ колокола, онъ боялся опоздать къ отходу парохода и не успѣлъ запастись всѣмъ необходимымъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ капитанъ, утомленный длинною рѣчью: — только живѣе; черезъ полчаса мы ѣдемъ, а васъ я ждать не могу.

Торопливо побѣжалъ нѣмецъ въ городъ, спѣшилъ отъ одного мѣста къ другому, давалъ за все требуемую цѣну; по прошествіи получаса прибѣжалъ на пароходъ, до-смерти измученный, и, къ удивленію своему, нашелъ пароходъ въ такомъ же спокойномъ положеніи, какъ и прежде.

Такимъ образомъ прошелъ полдень; отъ пристани отходилъ послѣдній пароходъ, назначенный въ Сенъ-Луи, и многіе пассажиры согласились бы ѣхать на немъ, если бы вещи ихъ не находились на Оцеаникѣ. Но теперь они должны были ждать, а штурманъ объявлялъ всѣмъ, что капитанъ еще на берегу и едва ли придетъ раньше утра.

Многіе пассажиры бранились, бо́льшая же часть ихъ казались равнодушны.

Жара была нестерпимая, и жители города, кромѣ дѣловыхъ людей, прятались въ своихъ домахъ; тѣ же изъ нихъ, которые отправляли и принимали поклажу, расхаживали по Левé съ открытыми зонтиками, желая сколько-нибудь предохранить себя отъ невыносимаго зноя.

Между разложенными на берегу товарами лежало болѣе сотни мѣшковъ съ кофе; они были сложены отдѣльными кучками, смотря по тому, назначались ли въ Сенъ-Луи, Цинциннатъ, или Питтсбургъ. Около мѣшковъ толпились женщины и дѣвушки, прилежно занимаясь подбираніемъ въ ручныя корзинки выпавшихъ изъ мѣшковъ кофейныхъ зеренъ. Многія изъ нихъ тайкомъ прорѣзывали диры въ мѣшкахъ и сыпали кофе въ свои корзины; по большой части это были нѣмки.

Люди, которымъ принадлежалъ кофе, зная хитрости этой сволочи, по временамъ бросались на женщинъ съ длинными арапниками; но чуть стража удалялась, промышленницы снова нападали на раненые мѣшки, какъ хищныя птицы на добычу.

— Бѣсъ возьми этихъ промышленницъ! кричалъ штурманъ Оцеаника, весь въ поту возвращаясь на палубу послѣ тщетной попытки отогнать сволочь отъ мѣшковъ: — бѣсъ бы ихъ побра́лъ! Я бы хотѣлъ знать, зачѣмъ существуютъ нѣмцы, ирландцы и москитосы! чтобъ бѣсить насъ, что́ ли?

— А развѣ не мы дѣлаемъ всю работу? спј
другого корабля: — развѣ не ирландцы съ нѣм
лы, мостятъ улицы, обработываютъ землю?...
это скажете?

— Ступай работать, Патъ! закричалъ шт
судна: — что ты тутъ болтаешь и ничего не дѣ.
дѣти! несите вещи!

Солнце начало западать, и движеніе закипѣлс
того улицахъ. Изо всѣхъ концовъ хлынули пестры
прогуляться по насыпи. Кандитерскія наполни
группы хорошенькихъ цвѣточницъ начали мельк
ми, иныя изъ нихъ помѣстились у входовъ гост
родъ будто пробудился отъ душной и тягостной д

Напротивъ того, на пароходѣ все утихло. Кон
лубѣ, матросы и почти вся прислуга съѣхала на (
на ней только сторожевыхъ, которые медленно бр
тясь только, какъ бы прогонять отъ себя тучу на
тосовъ.

Наконецъ тишина воцарилась и въ городѣ; ог
ныя и трактиры были заперты, и только на рынкѣ
тились окна подобныхъ же заведеній, гдѣ молоден
почти изъ нѣмокъ, разносили во всю ночь гостям
чай, пирожки и холодную содовую воду, смотря
Хорошенькія группы ихъ пріятно отдѣлялись сред
и спокойствія.

По тихимъ улицамъ раздавались сигналы сторо
желыхъ палокъ о мостовую. Группы гуляющихъ с
кофеенъ, выпивали свою чашку кофе или чаю и, зап
хомъ и пѣніемъ спѣшили въ другую улицу или дру
цѣлію провести душную ночь подъ открытымъ неб
броситься въ утомленіи на постель и проспать часа

Около полуночи привалила на нижній рынокъ то
тросовъ и съ шумомъ потребовала себѣ кофе.

— Послушай, Томъ, сказалъ наконецъ одинъ
буйному изъ товарищей: — не ори такъ громко;
ночь въ калебузѣ.

— Боюсь я твоей калебузы! отвѣчалъ пьяный: -
будь проклятый негръ... я бѣлый! кто смѣетъ посад
бузу! Вотъ, дѣвушка, возьми деньги, сказалъ онъ, с
ленькой нѣмочкѣ, которая подбирала чашки, опасая
разбили: — вотъ разъ, два, три, четыре, пять,
шекъ — вотъ половина доллара; довольно?

— Вамъ слѣдуетъ пикаюну сдачи, робко сказала дѣвушка.

— Оставь у себя твою пикаюну, я хочу за нее тебя поцаловать
у, подойди, дурочка!

— Оставьте меня, я позову часового.

— Позови, коли хочешь, мнѣ что́ за дѣло?

Онъ попытался схватить дѣвушку, но едва успѣла она громко закричать, какъ уже появился сторожъ, въ грубомъ темномъ сюртукѣ, ъ каскообразной клеенчатой шапкѣ, съ жолтымъ нумеромъ впереи, — оттолкнулъ пьянаго и велѣлъ ему замолчать.

Напрасно старались трезвые матросы удержать подгулявшаго тоарища, который бранилъ сторожа во все горло и, ухвативъ съ земли а лку, непремѣнно хотѣлъ его ударить.

Въ это время задребезжала трещетка сторожа. Онъ снова подскоилъ къ пьяному, схватилъ его за воротъ и закричалъ: ты мой арегантъ! Остальные отскочили съ испугомъ, но въ ту же минуту все обраніе было окружено десятью или пятнадцатью хорошо вооружеными сторожами.

Пьяный покорился судьбѣ, между тѣмъ какъ остальные частью азсыпались въ разныя стороны, частью отправились по другимъ андитерскимъ выпить еще чашку кофе или съѣсть пирожокъ.

Вдругъ сверкнулъ на востокѣ первый свѣтъ утра, на Оцеаникѣ робудилась жизнь.

Сторожевой разбудилъ кочегаровъ и матросовъ; первые начали, акъ и наканунѣ, подбрасывать дрова подъ котелъ, а вторые мыть мести палубу парохода, которая съ первыми лучами солнца лоилась и блестѣла какъ зеркало.

Завтракъ былъ конченъ; снова начали подъѣзжать телѣжки съ оварами и поклажею, опять завертѣлись маленькія лодки съ фруктаи, и снова колоколъ парохода чисто и звонко задребезжалъ посреди ородского шума.

Мальчики съ газетами, другіе съ фруктами и корзинками, наполенными книгами, для развлеченія во время переѣзда, молоыя негритянки и мулатки, живописно обвязавъ свѣтлыми платами свои курчавыя головы, держали въ рукахъ оловянныя кружки ъ молокомъ, сливками и масломъ. Вся эта толпа бросилась къ докамъ, соединяющимъ берегъ съ пароходомъ, стараясь продать свои овары.

Двѣ осьмнадцатилѣтнія молочницы, мулатка и негритянка, стройыя и хорошенькія, побранились за что́-то на пароходѣ и, сошедши а берегъ, продолжали шумѣть. Слово за слово, мулатка, утомивись отъ долгой брани, поставила наконецъ молочную кружку на емлю, засучила рукава и, ставши въ ловкую позитуру боксёра, вы-

зывала на бой свою соперницу. Въ-мигъ сто.
нихъ пароходовъ, составили кружокъ около
ощряли ихъ мужество одобрительными возгла

Негритянка въ свою очередь засучила ру
первый ударъ жолтой соперницы.

— Браво, Мери! кричалъ на-угадъ кто-то:
еще! между тѣмъ какъ съ другой стороны раз
брительные крики: — Въ глаза, Дженни, въ гл
еще одинъ — такъ — еще одинъ.

Такъ поощряли амазонокъ многочисленные

Въ эту минуту какой-то плантаторъ пробил
схватилъ мулатку за руку, желая увлечь ее съ н

— Оставь ее, оставь ее! кричали въ одно вре
совъ: — равный бой, равный бой, дай ей конч

— Она моя невольница, сказалъ новопришед
рознять дѣвушекъ.

— Вотъ, что выдумалъ, невольница! закрич
матросъ, отталкивая плантатора: — убирайся!
дерутся.

— Да! дайте имъ кончить! кричала вся толп
вольницы долженъ былъ покориться, опасаясь,
лотили самого.

Обѣ соперницы кончили кулачный бой и вцѣ
въ курчавые волосы. Платья ихъ превратились
боролись онѣ нѣсколько времени, когда негрит
шись оплошностію соперницы, схватила ее обѣ
и ударила своимъ лбомъ по виску съ такою сило
мяти грянулась на землю.

— Ай да чернушка! радостно закричала шум
но, малютка, молодецъ-дѣвушка! мужа твоего
подобныя привѣтствія раздавались со всѣхъ стор
разступилась и дала дорогу дѣвушкѣ, которую ж
бои госпожи за разорванное платье. Между тѣм
нялъ мулатку, бросилъ ее на стоявшую вблизи те
везти къ своему дому. Въ двѣ минуты толпа разс

Оцеаникъ, казалось, не шутя началъ готов
Снова густой и черный дымъ началъ подниматьс
лый паръ со свистомъ прорывался сквозь боков
чезалъ въ свѣтломъ утреннемъ воздухѣ. Колокол
два раза, цѣпи были сняты, пароходъ держался т
натахъ, и колеса его съ шумомъ вертѣлись прот

выслалъ на берегъ двухъ матросовъ, чтобы, по данному знаку, вязать канатъ отъ желѣзныхъ береговыхъ колецъ.

Наконецъ раздался послѣдній звонокъ; всѣ приходившіе на пароходъ проститься съ путешественниками, спѣшили перейти по доскѣ на берегъ; другіе съ берега бросались на пароходъ; канатъ былъ развязанъ, штурманъ стоялъ наверху у колеса въ маленькомъ своемъ домикѣ, съ огромными окнами; оба матроса перебѣжали по доскѣ на пароходъ и перевернувшись отдернули доску. Человѣкъ двадцать длинными шестами отодвинули пароходъ отъ берега, носъ былъ ободенъ, рулевой дернулъ за колоколъ, машинистъ отвѣтилъ угимъ звонкомъ, и огромный пароходъ, извергая клубы дыму и разсѣкая волны, прочистилъ себѣ дорогу между быстро скользившими по сторонамъ лодками. Черезъ нѣсколько секундъ пароходъ мчался вольно на широкой рѣкѣ, раздѣлялъ волны сильными взмахами колесъ, такъ-что только брызги летѣли, а отставшія лодки высоко качались со стороны на сторону.

Но какой-то человѣкъ бѣжитъ на левѐ съ дикою поспѣшностію, машетъ платкомъ и шапкой, кричитъ, въ утѣху окружающихъ, машетъ руками и, наконецъ, совершенно обезсилѣвъ, садится въ отчаяніи на корабельный баластъ, взваленный на берегу. Пароходъ уходитъ все далѣе и далѣе, вся поспѣшность запоздалаго пассажира пропала.

То былъ бѣдный нѣмецъ, прибывшій за три дня передъ тѣмъ изъ своего отечества и намѣревавшійся отправиться съ семействомъ въ Миссури; на пропадающемъ въ туманной дали пароходѣ находится его семейство: беременная жена съ тремя малолѣтними дѣтьми и дряхлой матерью, которую не хотѣли одну оставить на родинѣ. Многіе спрашиваютъ, отчего онъ плачетъ, многіе смѣются надъ нимъ, нѣкоторые жалѣютъ; онъ самъ сидитъ и безсмысленно смотритъ на рѣку, — онъ не понимаетъ англійскаго языка и слѣдовательно ни вопросовъ, ни насмѣшекъ, ни участія; онъ понимаетъ только, что онъ одинъ, покинутъ и брошенъ среди незнакомаго города и быть можетъ никогда не увидитъ тѣхъ, къ кому привязано его сердце.

Едва увидѣла жена несчастнаго, что пароходъ отходитъ, она бросилась на палубу, умоляя матросовъ подождать мужа.

Бѣдная женщина, она въ первый разъ находится на американскомъ кораблѣ, ей можно простить ея мольбы, она не знаетъ, что нѣтъ жалости въ груди ея новыхъ соотечественниковъ!

«Ничего не понимаю», отвѣчаютъ ей на мольбы, быть можетъ съ прибавкою какого-нибудь словца, если она нечаянно помѣшаетъ при навертываніи каната; наконецъ услышалъ ея вопли нѣмецкій

матросъ. Прибѣжавши къ рулевому, онъ п
несчастной.

— Ступай къ капитану! мнѣ некогда;
дураку опоздать! отвѣчаетъ рулевой. Матр
тану и разсказалъ ему, въ нѣсколькихъ сло

— Поздно, поздно, говоритъ капитанъ,
было довольно времени, вольно же ему опозд

— Но капитанъ, жена и дѣти его одни н
ютъ говорить по-англійски.

— Жалко, жалко! я не могу помочь, нел
разъ и сдѣлать лишнія двѣ мили, чтобы п
средней палубы», хоть онъ и опоздалъ къ от

Пароходъ съ быстротою мчится чрезъ
что всѣ рѣчи его напрасны; онъ сходитъ къ
ее утѣшить, а она съ воплями и стономъ во
дѣтямъ и оплакиваетъ потерю мужа!

Здѣсь будетъ кстати короткое описаніе
довъ, внутреннее устройство которыхъ вѣро
читателю.

Американецъ, во всѣхъ своихъ предпріят
скорѣе собрать возможный барышъ, и этого
вездѣ и во всемъ. Эту же истину доказываетъ
скихъ пароходовъ.

Желая употребить внутренность парохода
съ тѣмъ избѣгая потери мѣста, гдѣ бы мож
число пассажировъ, онъ переноситъ машин
надъ нею ярусъ каютъ, съ различными удо
пассажировъ и офицеровъ парохода.

Середину палубы занимаетъ машина, гдѣ
дятся котлы, на маленькихъ пароходахъ один
отъ трехъ до восьми. Оцеаникъ имѣлъ пять
чаются пароходы съ двумя машинами, котор
одно колесо, или же работаютъ обѣ за одни
придѣланнымъ къ задней части парохода. За
чти третью часть пространства, находится мѣ
жду-палубныхъ пассажировъ, которое мы по
робнѣе, такъ-какъ намъ придется въ теченіи
сколько разъ въ это пространство.

Къ передней части, или, лучше сказать,
парохода, пространство это открыто; по об
дятся койки для спанья, изъ необтесанныхъ
довольно широкія, чтобы въ случаѣ нужды

ятъся на нихъ; они отдѣляются короткими перекладинами. Въ нѣ описаннаго нами пространства находится огромная печь, *междy-палубные* пассажиры варятъ себѣ пищу, такъ-какъ они лучаютъ обѣда во время путешествія. Печь эта всегда окруже-лною людей, готовящихъ кушанье, которые, особенно въ лѣт-ной, еще болѣе увеличиваютъ духоту. Здѣсь же лежатъ чемода-щики и постели палубныхъ пассажировъ, а сзади виситъ при-нная шлюбка, для спасенія въ случаѣ бури и для перевоза пас-ровъ.

Налѣво отъ руля находится кухня, съ примыкающею къ ней кла-ю, гдѣ обыкновенно устроивается страшной величины печь, въ рой стряпается пища для сотни пассажировъ, офицеровъ и ра-иковъ парохода.

Надъ всѣмъ этимъ возвышается каюта, къ которой подымаются вумъ маленькимъ лѣстницамъ.

Центръ каюты занятъ длинною столовою, по обѣимъ сторонамъ рой тянутся маленькія спальни съ стеклянными дверями изъ таго литого хрусталю; въ каждой двѣ постели, одна надъ дру-
Впереди устроены маленькія каюты для капитана, рулевыхъ, миста и бухгалтера; подлѣ этихъ каютъ находится обыкновен-маленькая кофейная, особенно красивая на Оцеаникѣ. Между ееными графинами, бутылями съ цвѣтными ликерами красуются оны, апельсины, ананасы и цвѣты.

Въ серединѣ этого амфитеатра, въ восемь футовъ ширины и ть въ длину, блестѣла и поражала глаза бѣлая картонная доска, рамкѣ и подъ стекломъ, на которой колоссальными буквами было исано: «No credit» — нѣтъ кредита. Пассажиры такимъ обра-ъ избавляются отъ напрасныхъ вопросовъ по этому предмету.

Кофейная и столовая были обвѣшаны гирляндами и разводами разноцвѣтныхъ вырѣзанныхъ бумажекъ. Кромѣ того, стѣны ловой были украшены картинками изъ жизни Наполеона и нѣ-лькими изображеніями знаменитѣйшихъ пароходовъ, въ числѣ орыхъ красовался, какъ и слѣдуетъ, Оцеаникъ.

Тотчасъ за столовой слѣдовала дамская каюта, отдѣленная отъ ловой только большою стеклянною дверью съ красными занавѣс-и; каюта эта по внутреннему своему устройству очень походила столовую; спальныя койки были украшены со вкусомъ развѣ-ными занавѣсками, внутренность ихъ облѣплена была гравюра-и картинами; въ серединѣ стояло нѣсколько качающихся кре-ь.

Крыша, покрывающая всѣ эти каюты, снабжена была во всю ну стеклянным верхомъ, служащимъ въ тоже время и полом

третьему этажу, или гуррикандеку, покры
краски, для того, чтобы падающія изъ тру
здѣсь въ хорошую погоду собираются межд

Надъ этимъ-то этажемъ, между двумя
личины трубами, стоитъ маленькое помѣщен
со всѣхъ сторонъ стеклами, чтобы предохра
отъ суровой погоды и давать ему возможност
лей, подводныхъ деревьевъ и камней. Изъ
канаты въ нижнюю часть парохода, а оттуда
канаты эти замѣнены проволочными веревка
случай пожара.

Ознакомившись съ устройствомъ парохо
чтобы познакомиться съ пассажирами.

Около двадцати мужчинъ столпились въ
той каюты, откуда можно было свободно вид
пути судна живописныя береговыя плантаціи.

Плантаторъ изъ Миссиссипи, продававшій
чатую бумагу, равнодушно смотрѣлъ на крас
нувъ свои ноги на палубныя перила. Онъ б
Подлѣ него сидѣлъ, совершенно свѣсивъ ноги
руки на толстомъ брюшкѣ, маленькій жирны
вольною улыбкою оглядывалъ мелькающія м
хлопчато-бумажныя плантаціи; онъ самъ имѣ
фельсѣ въ Луизіанѣ и отправлялся теперь въ (
порядокъ какія-то дѣла по наслѣдству. Онъ ра
дымъ, стройнымъ человѣкомъ, въ простомъ те
тукѣ, который, прислонясь къ перилам, ино
сухимъ остротамъ маленькаго собесѣдника; нес
его была какая-то худо скрытая горесть.

Это былъ одинъ изъ обитателей Виргиніи;
ный взглядъ его, высокій, темными волосами
выразительными бровями, составляли разите
ность съ блѣднымъ лицомъ и потупленнымъ в
правой стороны, стройнаго и худощаваго чело
выражали глубокую и тягостную задумчивость
едва обращалъ вниманіе на прекрасные бере
только изрѣдка подымалъ глаза, чтобы дико
окружающіе его предметы.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ маленькій п
къ виргинцу, который передъ этимъ хохотал
кой: — я самъ называюсь Симмонсомъ; а вы?

Грей, отвѣчалъ молодой человѣкъ, въ коричневомъ сюртукѣ, цe улыбаясь и слегка поклонившись плантатору.

- Итакъ, мистеръ Грей, продолжалъ Симмонсъ: — говорите, отите, а я не могу сердиться на ирландцевъ, несмотря на всѣ еловкости.

— Но, мистеръ Симмонсъ, отвѣчалъ Грей: — въ этомъ отноше- і нисколько съ вами не спорю. Ни въ одной націи не находилъ я ько юмору, здраваго смысла и остроумія, сколько въ ирланд-

— Послушайте, что̀ третьяго дня вечеромъ случилось со мной въ -Орлеанѣ, сказалъ Симмонсъ: — я былъ въ гостяхъ, мы под- ; быть можетъ и я хватилъ лишнюю рюмку сладкой ананасовой аки, только, какъ бы то ни было, почувствовалъ я себя не со- ъ здоровымъ; я взялъ шляпу и вышелъ на улицу освѣжиться... по... вотъ я и прошелся по двумъ или тремъ улицамъ и почув- валъ себя гораздо лучше. Хочу воротиться, но какъ ни ищу, улицы похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды, и я не могъ ть дома, изъ котораго едва вышелъ. Я забылъ и проклятое фран- кое названіе, а ужь было за полночь, — я рѣшился воротиться ою гостинницу Сенъ-Чарлсъ. Но такъ-какъ я не зналъ туда до- , то обратился къ первому сторожу, предлагая ему долларъ, онъ возьмется отвести меня въ Сенъ-Чарлсъ.

— Пойдемте, сказалъ онъ мнѣ, и по этому слову узналъ я въ немъ ндца. Мы пошли рядомъ; пройдя нѣсколько, онъ остановился дъ маленькимъ домикомъ съ зелеными занавѣсками и предло- ь мнѣ войти.

— Но, любезный, сказалъ я ему: — вѣдь это не Сенъ-Чарлсъ, я въ гостинницу Сенъ-Чарлсъ.

— Не твое дѣло разсуждать, сказалъ онъ грубо: — развѣ это не ульня и не сынъ матери моей привелъ тебя сюда.

— Однако, что̀ же я сдѣлалъ, за что̀ же сажать меня въ карауль- сказалъ я ему, досадуя и смѣясь въ одно время.

— Это что̀? закричалъ онъ, изумленный до-нельзя моею дерзо- : — ничего не сдѣлалъ? а не ты ли хотѣлъ подкупить меня?

Я покатился со смѣху; ирландцу это не понравилось, и прежде, ъ я успѣлъ прійти въ себя, онъ толкнулъ меня въ открытую ь, гдѣ меня приняли двое другихъ, для дальнѣйшей передачи.

Я не шутя началъ протестовать и объяснять свое дѣло, но, къ не- тію моему, привели цѣлую толпу пьяныхъ.

— Мнѣ некогда выслушивать каждаго буяна, сказалъ мнѣ кара- ый чиновникъ: — прочь его, и черезъ нѣсколько минутъ я са-

дѣлъ на жосткой доскѣ за рѣшеткой, въ пріяти
никовъ, пьяницъ и негодяевъ.

— И вы всю ночь просидѣли въ караульной
кой виргинецъ.

— Да; вы думаете, что выпустили меня
другого утра? Рекордеръ чуть не лопнулъ со см
день я, въ присутствіи сторожа, разсказалъ ему
и самъ впрочемъ противъ воли смѣялся: не б

— Не можете ли вы мнѣ сказать, сэръ, обр
очень хорошо одѣтый господинъ: — водится ли
стяхъ дичь? Мнѣ кажется, что вы здѣшній, а я
Нью-Йорка для одной охоты; мнѣ бы хотѣлось на
чтобы не даромъ жечь порохъ.

— Ну, сэръ, сказалъ Симмонсъ, пожимая п
мы не можемъ похвастаться; оленей здѣсь мало
всѣ перевелись.

— Однако индѣекъ здѣсь много? спросилъ нез

— Около рѣки ихъ не видно, за тѣми холмами
да и то рѣдко.

— Боже мои, сказалъ съ испугомъ обитател
въ Новой Англіи мнѣ толковали другое. Тамъ вс
здѣшнія болота такъ и кишатъ дикими звѣрьми, о.
ками, а буйволы стоятъ на берегу и пьютъ воду
не боясь проходящихъ пароходовъ.

— Ну, ждите же, сказалъ смѣясь Симмонсъ:
рошо охотиться; нужно однако имѣть зоркій глазъ,
буйвола на берегу Миссисипи.

— А въ Миссури лучше охота? спросилъ жи
упавъ духомъ: — я бы охотно отправился въ скали

— На нынѣшній годъ вы опоздали, сказалъ ви
компаніи, снаряженныя въ скалистыя горы, изъ А
пенденса, отправляются перваго мая.

— Остановись пароходъ! закричалъ капитанъ
лубы.

Оцеаникъ приближался къ правому берегу, чт
плантаціи нѣсколькихъ пассажировъ. Два сильныхъ
маленькую лодку и съ быстротою принялись грести
минутъ шлюбка пристала къ мѣсту, гдѣ ждали ее,
нѣсколько кавалеровъ и дамъ.

Негры принесли изъ ближняго дома сундуки и к
пристала, одинъ кавалеръ и двѣ дамы вскочили въ н

и въ лодку. Въ это время пароходъ пріостановился и сталъ медно двигаться по теченію.

— Впередъ! закричалъ капитанъ штурману, наблюдая за приженіемъ шлюбки.

Когда она подъѣхала, ее втащили на бортъ, и пароходъ, снова высывая клубы дыму, съ прежнею скоростью полетѣлъ вдоль беа.

Молодой мулатъ началъ обходить палубу, звоня колокольчикомъ, означало приближеніе обѣда. Длинный столъ былъ накрытъ, дался второй звонокъ; капитанъ, высокій, стройный и изящно тый мужчина отворилъ дамскую каюту и подвелъ женщинъ къ кнему концу стола, гдѣ онѣ и усѣлись. Самъ капитанъ занялъ ду дамами первое мѣсто, передъ огромною жареной индѣйкой, того, чтобы съ этого конца видѣть весь столъ и отвѣчать на бованія гостей; на другомъ концѣ стола сидѣлъ бухгалтеръ; мальи, мулаты и негры, съ курчавыми головами и въ чистыхъ рукахъ, разносили между гостями маленькія блюда, разставленныя всему столу.

По американскому обычаю, обѣдъ прошелъ скоро, безъ долгихъ говоровъ, а послѣ подали черный, крѣпкій кофе въ маленькихъ ікахъ.

Послѣ обѣда Симмонсъ и Грей опять сидѣли на палубѣ, и Симсъ, вытягиваясь и зѣвая, увѣрялъ всѣхъ, что онъ наѣлся до ота и ни къ чему болѣе не годенъ.

— Гумбо, любимое кушанье здѣшнихъ французовъ, сказалъ вирецъ: — вовсе не по моему вкусу; эта слизистая и тягучая масса нравится моему сѣверному желудку. Одного краснаго перцу, коымъ его начиняютъ, довольно, чтобы заставить здороваго челоа подавиться отъ кашлю.

— Да, да! сказалъ смѣясь Симмонсъ: когда я переселился въ тъ край, то со мной было тоже самое, и жена моя долго не смѣла авать эту смѣсь на столъ; а теперь я такъ привыкъ къ ней, что ь красный перецъ какъ сахаръ.

— Здѣсь еще можно ѣсть, сказалъ блѣдный и изнуренный молочеловѣкъ, прибывшій наканунѣ пьянымъ на пароходъ: — но ъ, около Ватерлоо, гдѣ я живу съ годъ, я самъ видѣлъ, какъ наяли гумбо совами, ястребами и воронами.

— Гм, это невкусно, замѣтилъ Грей.

— Совы и вороны, сказалъ смѣясь Симмонсъ: — я столько ѣлъ, если съ пароходомъ случится сегодня несчастіе, и это неудиельно, мы летимъ изо всей силы, и вотъ уже третій пароходъ ос-

тался за нами, — я столько ѣлъ, что о плаваніи
мать; я пойду ко дну какъ камень.

— Вы думаете, сэръ, что съ пароходомъ може
счастіе? испуганнымъ голосомъ спросилъ пожилой
бывшій передъ тѣмъ на пароходъ съ двумя дамами.

— Ничего, сказалъ смѣясь Симмонсъ: — если
то мы ничего не замѣтимъ; мы какъ разъ надъ ни
на тотъ свѣтъ въ одно мгновеніе.

— Стало быть опасность на самомъ дѣлѣ так
мнѣ разсказывали во Франціи? спросилъ блѣднѣя
динъ.

— Нисколько! съ вѣжливой улыбкой прервалъ
дѣйствительно, иногда бываютъ несчастія отъ неосм
безпечности машинистовъ; но намъ нечего опасаться
кенсъ степенный и умный человѣкъ; онъ не ста
опасности жизнь столькихъ пассажировъ, да еще и съ

— Благодарю, сэръ, за ваше любезное объяснені
тиво французъ: — я самъ хочу успокоить дамъ, к
хали на пароходъ не безъ боязни. Съ этими словами о
и отправился въ дамскую каюту.

— Я бы желалъ знать, сказалъ Симмонсъ: — есть л
цуза life preserver (*); меня очень удивило бы, если о
такая толстая, не взяли съ собою предохранителей жи

— О, всегда! сказалъ Симмонсъ: — немногіе капи
ся въ путь безъ предохранителя; мнѣ кажется однак
нуждается въ немъ: ея 200 фунтовъ жиру вѣрно подде
водою. Будь я капитанъ, она заплатила бы за вѣсъ;
причаливаетъ, чтобы принять дрова; я думаю, намъ бы
шало прогуляться по берегу.

Съ этими словами онъ всталъ и пошелъ съ нью-йор
емъ и другими на берегъ, потому-что пароходъ въ т
ставалъ къ плантаціи.

— Дрова носить, дрова носить! кричалъ голосъ
между-палубномъ пространствѣ, гдѣ находились койки
дрова носить, ребята, дрова носить! и изо всѣхъ угло
работники и пассажиры, спѣшившіе переносить на па
сваленныя на берегу.

(*) Life preserver — предохранитель жизни, круглая подушк
каемой матеріи, которая надувается воздухомъ. Она такъ устро
быть надѣта и укрѣплена подъ мышками и такимъ образомъ не
скатыся глубже въ воду.

Между тѣмъ штурманъ тщательно разсматривалъ всѣ койки между палубами, чтобы убѣдиться, всѣ ли пассажиры, обязанные за переѣздъ свой платить ношеніемъ дровъ, исполняютъ свою обязанность.

Плата пассажировъ устанавливалась по этому; обыкновенная цѣна за проѣздъ отъ Нью-Орлеана до Сенъ-Луи 5 долларовъ, безъ пищи и постели; въ этомъ случаѣ пассажиръ не занимается носкою дровъ; если же онъ платитъ не болѣе 4-хъ или $3^1/_2$ долларовъ (отъ Нью-Орлеана до Сенъ-Луи около 1,200 англійскихъ, или 300 нѣмецкихъ миль), то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ носить дрова на пароходъ, когда судно приставало къ берегу.

Каютные пассажиры не имѣютъ дѣла съ этою работою и платятъ 20—25 долларовъ, съ пищей и постелью.

— Эй, пріятель! закричалъ штурманъ плечистому дѣтинѣ, сидѣвшему въ углу и притворявшемуся спящимъ: — носишь ты дрова?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ отрывисто.

— Покажи-ка билетъ — квитанцію.

Тотъ, къ которому относилась рѣчь, вынулъ изъ кармана смятую бумагу и подалъ ее штурману.

— Какъ?! закричалъ штурманъ: — ты говоришь, нѣтъ! вѣдь ты не заплатилъ!

— А зачѣмъ вы меня спрашиваете, ношу ли я дрова, когда я сплю, сидя въ углу?

— Вонъ, вонъ! и прахъ тебя побери! кричалъ раздосадованный штурманъ.

— Ну, ну! кричалъ смѣясь дѣтина, вставая и вытягиваясь: — я еще успѣю, — и онъ медленно пошелъ къ носу корабля.

— Эй! носите дрова? спросилъ штурманъ, обращаясь къ кучкѣ нѣмецкихъ крестьянъ; едва прибывшихъ изъ старой родины и не понимавшихъ, чего хотѣлъ штурманъ; они качали головой, или не понимая, чего онъ хочетъ, или объясняя, что не носятъ дровъ.

— Ничего не знаю, сказалъ съ досадой штурманъ, стараясь передразнивать нѣмецкій выговоръ бѣдняковъ: — do... you... wood (*), между каждымъ словомъ, произносимымъ медленно и съ разстановкой, какъ-будто его легче поймутъ, онъ махалъ руками и старался мимикой передать имъ свою мысль.

— Чего хочетъ этотъ дуракъ? спросилъ одинъ изъ переселенцевъ.

— Я право не знаю, отвѣчалъ другой. — Посмотри, какія онъ дѣлаетъ рожи.

(*) Носите — вы — дрова.

— Не понимаемъ, закричала женщина надъ у
мана, вѣроятно думая, что онъ лучше пойметъ.

Нѣмецъ, одинъ изъ пассажировъ, понимаі
скій языкъ, объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, и
лись носить дрова, сложили завтракъ въ большоі
имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комодомъ для платья, а
дѣвая изношенную зеленую куртку, сказалъ съ д
ману: «мы идемъ.»

— Ja — Ja! сквозь зубы отвѣчалъ тотъ.

У берега была навалена куча дровъ; матрось
пассажиры и кочегары занялись дѣятельною і
чрезъ полчаса дрова находились на пароходѣ, а
свистомъ и пыхтѣніемъ скользилъ по жолтым
сипи.

Ночной сумракъ спустился на «отца водъ»,
называютъ Миссисипи; штурманъ отдалилъ пар
чтобы не наткнуться на подводные камни; на об
равномъ разстояніи горѣли огни, показывавшіе
складовъ.

Обязанность поддерживать эти огни лежитъ на
роходъ пристаетъ и принимаетъ дрова, то для поо
чаютъ отъ господина четверть доллара. Но какъ
бѣдняжка съ жосткаго ложа, на которое онъ броси
работою, зажигаетъ костеръ, полчаса ждетъ пароход
ближается и медленно проѣзжаетъ мимо. Обманут
бѣдный негръ тушитъ огонь, лѣзетъ подъ одѣяло,
все тѣло, чтобы сколько-нибудь избавиться отъ м
шенія москитосовъ.

На правомъ берегу пылалъ костеръ; передъ ни
ловѣкъ махали горящими головнями, въ знакъ то
ждутъ пассажиры. Оцеаникъ приблизился къ берег
бку и, принявъ пассажировъ, снова помчался по
сти воды.

Каютные пассажиры между прочимъ предались
нятіямъ: Грей игралъ въ шахматы съ другимъ м
комъ; Симмонсъ съ тремя пассажирами занялся па
бомой игры американцевъ; а блѣдный молодой ч
шій съ Симмонсомъ на палубѣ, занимался съ кѣмъ-
а въ 11 часовъ всѣ отправились спать.

(*) Азартная игра, которая позволена въ Штатахъ, меж
другія запрещены.

На второй день, около шести часовъ по полудни, пароходъ приближался къ городу Натчецъ. Не доѣзжая полъ-мили, капитанъ велѣлъ звонить, для объявленія пассажирамъ, что онъ намѣренъ пристать къ берегу. Принявъ нѣсколько ящиковъ съ товарами и созвавши запоздалыхъ путниковъ, онъ приказалъ ѣхать далѣе.

— Эй, пустите меня! закричалъ голосъ на палубѣ, и среди общаго хохота пассажировъ протѣснился впередъ маленькій толстый человѣкъ съ свѣтло-русыми волосами, бѣлой шляпой и необыкновенно-красным лицомъ: — держите, держите пароходъ! Это былъ одинъ изъ жителей города, зачѣмъ-то пришедшій на пороходъ.

Но было уже поздно: пароходъ летѣлъ. Штурманъ взглянулъ на капитана, расхаживавшаго наверху и бывшаго свидѣтелемъ всей сцены; но видя, что тотъ улыбается, не обращая вниманія на мольбы маленькаго человѣчка, онъ продолжалъ свою работу, между тѣмъ какъ невольный пассажиръ перебѣгалъ отъ одного къ другому и самымъ жалкимъ образомъ объяснялъ свое положеніе, бранился и умолялъ, чтобы его высадили.

— Любезный господинъ капитанъ, сказалъ онъ, обращаясь къ матросу, смотрѣвшему ему хладнокровно прямо въ глаза: — велите остановить пароходъ: я долженъ быть сегодня вечеромъ въ Натчецѣ, а вы берете меня Богъ знаетъ куда. — Остановитесь, Бога ради, кричалъ онъ къ настоящему капитану: — стойте, я не принадлежу къ пароходу, я хочу вытти!

Но все было напрасно; никто не сожалѣлъ о немъ; маленькій человѣчекъ въ отчаяніи и бѣшенствѣ бѣгалъ по палубѣ, проклиная капитана, пароходъ, Миссиссипи, Натчецъ и наконецъ свою собственную оплошность, заставившую его, какъ онъ самъ выразился, ногою ступить на этотъ гнусный и скверный пароходъ.

— Однако до какого мѣста довезете вы меня? спросилъ онъ наконецъ штурмана, стоявшаго у руля и равнодушно смотрѣвшаго на его смѣшное бѣснованіе.

— До первой складки дровъ, отвѣчалъ хладнокровно штурманъ.

— А гдѣ же первая складка дровъ?

— Неизвѣстно, лаконически отвѣчалъ морякъ.

— И мнѣ придется провести цѣлую ночь въ какой-нибудь хижинѣ на берегу Миссиссипи и у меня нѣтъ сѣтки противъ москитовъ? Бестіи съѣдятъ меня! плачевнымъ голосомъ вопіялъ маленькій господинъ.

— Можетъ быть, сказалъ штурманъ.

Похищенный пассажиръ испустилъ глубокій вздохъ, покорился судьбѣ и успокоился.

И уже онъ ничего не могъ сдѣлать; никто на н
вниманія; онъ сидѣлъ одинъ въ углу и съ подавл
ствомъ ждалъ первой складки дровъ. Около одиннад
чера пароходъ присталъ къ берегу, однимъ прыжкомъ
ловѣчекъ очутился на берегу, провожаемый хохотом

Симмонсъ опять игралъ съ своими друзьями въ
забавлялъ все общество своими разсказами; а по ок
партіи игроки отправлялись къ буфету и пили на с
шаго.

Г. Смитъ и обитатель Нью-Йоркскаго штата сѣли
свою партію; Грей же стоялъ на палубѣ, наклонивши
ву къ перекладинѣ и вглядываясь въ темный лѣсъ, ми
проѣзжали. Въ ночной темнотѣ сверкали миріады б
вачковъ и жуковъ, будто искры, свѣтившіяся по вов

Казалось, печальныя мысли наполняли его голову
молодого пассажира повисла слеза, и тяжелый вздох
стѣсненной груди.

— Грей, Грей! закричалъ весело Симмонсъ. —
сло? что́ вы одни бродите по сырости? идите къ н
проигралъ и долженъ угостить, какъ мы играли н
всѣхъ», а къ нимъ принадлежите и вы.

— Я не могу пить: у меня болитъ голова.

— Вотъ вздоръ—головная боль! отвѣчалъ Симмон
же на палубу: — пойдемте, выпейте хотя стаканъ л
вы должны во всякомъ случаѣ. Съ этими словами
Грея къ ярко освѣщенному буфету.

— Водки и сахару! закричалъ онъ: — а вы что́
силъ онъ молодого Грея.

— Стаканъ мадеры, сказалъ Грей.

— Ну, Вильсонъ, теперь вы можете ещё отыграть
горячитесь въ игрѣ. Что вы пьете, мистеръ Смитъ, и в
какъ васъ зовутъ?

— Блумфильдъ, сэръ, отвѣчалъ нью-йоркецъ: —

— Итакъ, г. Блумфильду пуншу, а г. Смиту gin co

— Такъ! сказалъ онъ весело, проглотивъ напиток
опять за работу, пока снова не захочется пить.

Они сѣли за столъ, между тѣмъ какъ Смитъ и Блу
же сѣли за свою партію, а Грей снова вышелъ на от
духъ.

(*) Смѣсь полынной водки, сахару, воды, мяты и горькой эссен
нныхъ штатахъ: gin cock tail.

Въ Натчецѣ, между другими пассажирами, вошелъ на пароходъ ысокій, стройный и плечистый мужчина, одѣтый въ легкое лѣтнее латье; онъ почти до этой минуты не принималъ участія въ игрѣ и очти все время, никѣмъ не замѣченный, сидѣлъ въ одномъ углу, лѣдя за игрою, особенно обращая вниманіе на партіи Блумфильда и мита. Онъ всталъ, вошелъ на палубу къ Грею, и положивъ ему ру у на плечо, вѣжливо назвалъ его по имени.

— Сэръ! сказалъ Грей, будто проснувшись.

— Васъ зовутъ, Греемъ, если не ошибаюсь? Извините меня, казалъ онъ, легко поклонившись: — если я помѣшалъ вамъ. Я такъ едавно на пароходѣ, что не желалъ бы начинать ссоры, но между ѣмъ мнѣ бросается въ глаза вещь, въ истинѣ которой я желалъ бы бѣдиться. Блѣдный молодой человѣкъ, котораго вы, если не ошибаюсь, называли Смитомъ, фальшиво играетъ. Онъ обыгрываетъ а-вѣрную своего партнера, который и не подозрѣваетъ незаконной гры противника.

— Это очень можетъ быть, сказалъ про себя Грей.

— Воротимся туда и станемъ наблюдать за ходомъ игры.

— Вы играете въ шахматы? спросилъ Грей.

— Немного.

— Хорошо, подъ этимъ предлогомъ мы сядемъ къ тому же голу.

Вскорѣ оба сидѣли у того же стола за шахматами, внимательно лядя на руки блѣднаго человѣка, который въ этотъ вечеръ казался томленнѣе обыкновеннаго.

Около получаса они напрасно старались поймать его, хотя передъ ѣмъ игра его была очень подозрительна

— Нѣтъ, я больше не играю, сказалъ наконецъ Блумфильдъ: — вчера проигралъ сорокъ долларовъ, а сегодня болѣе пятидесяти: нѣ совсѣмъ не везетъ; чуть у меня три туза или три короля, то у асъ въ рукахъ навѣрное четыре десятки или четыре валета.

— Попробуйте еще немного, сказалъ Смитъ: — можетъ быть и ъ вамъ придетъ счастье. Онъ началъ мѣшать карты, и Грей ясно амѣтилъ, какъ вмѣсто пяти хитрый игрокъ сдалъ семь картъ, изъ оторыхъ двѣ, ему не нравившіяся, уронилъ на колѣни.

У Блумфильда были четыре дамы и тузъ; онъ положилъ на столъ динъ долларъ, Смитъ — двумя долларами больше. Блумфильдъ бросилъ на столъ бумажку въ десять долларовъ. Смитъ удвоилъ сумму. Блумфильдъ прибавилъ столько же. Когда закладъ сравнялся, они открыли карты: у Смита было четыре короля и валетъ.

— Довольно на сегодня, сказалъ Блумфильдъ, вставая.

Смитъ протянулъ спокойно руку къ деньгамъ слѣдившій за ходомъ игры, вскочилъ, закрылъ перегнувшись черезъ столъ, закричалъ громовымъ

— Сэръ, вы сплутовали.

Мошенникъ посинѣлъ; губы его дрожали отъ б

— Лжецъ! какъ смѣете вы? закричалъ онъ, гнѣва....

Но онъ не окончилъ своей рѣчи, Грей перескочи и сильнымъ толчкомъ сбилъ шулера съ ногъ. Карты рукавомъ Смита, вылетѣли на полъ. Онъ вскочилъ и тилъ пистолетъ изъ кармана, взвелъ курокъ и выстр прежде чѣмъ тотъ успѣлъ замѣтить движеніе его ру нѣкогда цѣлиться: пуля только зацѣпила воротникъ вѣка, который снова хотѣлъ на него броситься. Гос немъ сюртукѣ удержалъ его

— Остановитесь, мистеръ Грей: не марайте рук отъ висѣлицы не уйдетъ!

— Пусть онъ по-крайней-мѣрѣ воротитъ деньги, пересиливая свою горячность.

— Пускай у себя оставитъ и убирается куда хочет Блумфильдъ: — за такой урокъ можно дать девянос Пустите его; въ эту минуту я ни за что въ мірѣ не хо въ его шкурѣ.

— Выпьемте друзья, сказалъ Симмонсъ, прибѣжав ми на шумъ: — выпьемъ и забудемъ негодяя: досад вредить намъ, если мы не запьемъ ея; къ тому же я Водки и сахару, сказалъ онъ, обращаясь къ буфетчику

И всѣ послѣдовали его примѣру, не обращая внимав который тихо и съ подавленнымъ бѣшенствомъ удалил Во время ночи ничего особеннаго не случилось, кром берегъ и пріема пассажировъ.

На другое утро пароходъ присталъ къ Фиксбургу, шло на него цѣлое семейство со всѣми пожитками, для п Сенъ-Луи.

Два пассажира были высажены, и одинъ изъ них крайней-мѣрѣ полчаса свой чемоданъ. Капитанъ прос разспросилъ всю прислугу, но не было и слѣда пропавш какъ вдругъ штурманъ подошелъ къ разстроенному спросилъ его, не была ли на чемоданѣ мѣдная дощ вою С.

— Точно такъ, сказалъ съ живостію пассажиръ, пре достной надеждѣ получить свою собственность.

— Ну, такъ я головой ручаюсь, что Смитъ укралъ его: онъ вышелъ на берегъ съ этимъ чемоданомъ.

— А гдѣ онъ вышелъ на берегъ? спросилъ съ живостію пассажиръ.

— Около десяти или пятнадцати миль отъ Фикобурга, на берегу расивой плантаціи.

— Не знаете ли вы имени плантатора?

— Я не знаю; можетъ быть лоцманъ знаетъ.

И несчастный отыскалъ лоцмана, но и тотъ ему ничего не могъ казать опредѣлительнаго.

Съ отчаяніемъ вышелъ бѣдняга на берегъ, вѣроятно потерявши ъ чемоданомъ все свое имущество, и поклялся отмстить обманщику і вору.

Пароходъ продолжалъ свой путь, когда подъѣхала къ нему лодка, а которой, махая руками, сидѣло нѣсколько человѣкъ.

— За ними другая лодка, Билль! закричалъ лоцманъ: — въ передней сидитъ молодая дѣвушка съ мужчиной; зови капитана.... скорѣй!....

Штурманъ бросился въ каюту и донесъ капитану о лодкахъ.

— Остановить пароходъ! закричалъ капитанъ, взглянувъ на рѣку. - Стой!

Лоцманъ зазвонилъ, и машина остановилась. Первая лодка подошла между тѣмъ довольно близко; въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ, оторый напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы уйти отъ преслѣдующей го лодки и достигнуть парохода.

Во второй лодкѣ сидѣлъ пожилой господинъ съ двумя неграми, оторыхъ онъ безпрестанно поощрялъ словами и угрозами, подымая рапникъ; другой рукой онъ махалъ платкомъ, показывая тѣмъ, то хочетъ пристать къ пароходу. Молодая дама изъ другой лодки одавала такіе же знаки.

— Посмотрите-ка, мистеръ Грей, сказалъ капитанъ, передавая олодому человѣку зрительную трубку: — посмотрите, какую страшую рожу корчитъ старикъ во второй лодкѣ. Я головой ручаюсь, го впереди ѣдутъ двое влюбленныхъ, а старикъ съ арапникомъ хъ преслѣдуетъ. Бѣда молодому человѣку, если его поймаютъ!

— Ужели вы ихъ выдадите? съ безпокойствомъ спросилъ Грей у апитана.

— Никогда! отвѣчалъ тотъ: — только я боюсь, что имъ не дадутъ доѣхать до насъ; они всего шаговъ за пятнадцать другъ отъ руга.

— Пустите имъ на-встрѣчу нашу шлюбку, я Грей, повидимому принявшій большое участіе въ бѣглецовъ.

— Это ни къ чему не послужитъ, а вотъ я луч пароходъ въ ту сторону, сказалъ капитанъ и вому, чтобы дать приказаніе.

Между тѣмъ Грей выбралъ легчайшую лодку, тѣхъ поръ, пока не изнемогъ отъ усталости. Не каемые немилосердымъ господиномъ, употреб ственныя усилія, догоняя бѣглецовъ, которые лежду.

Голосъ сердитаго старика слышенъ былъ на Ог

— Остановись, проклятый воръ, кричалъ онъ — стой или убью тебя какъ собаку!

Онъ вынулъ пистолетъ изъ кармана и взвелъ человѣкъ, обращенный къ нему лицомъ, ничего не должалъ грести, печально поглядывая на свою мо которая въ отчаяніи ломала руки.

Пароходъ пришелъ въ движеніе и медленно приб вой лодкѣ: палуба его была усѣяна пассажирами, с дѣвшими на усилія бѣглецовъ. Наконецъ вторая ло вую; старикъ, съ пистолетомъ въ лѣвой рукѣ и ара вой, хотѣлъ уже пройти между неграми къ носу, чт чокъ, но въ это время нога его поскользнулась, и он негра, который, самъ перевалившись, выпустилъ лодка, воспользовавшаяся этой минутой, подлетѣ лятьдесятъ рукъ протянулись въ одно время и торж ну..и на бортъ молодыхъ бѣглецовъ.

— Впередъ! раздался голосъ капитана.

Пароходъ перемѣнилъ направленіе. и обѣ лодк сторонѣ отъ него.

— Стой, пароходъ, кричалъ въ бѣшенствѣ стари ноги. — Стой, стой!

Крики его терялись въ отдаленіи, потому-что лучивъ свою прежнюю скорость, полетѣлъ какъ стр какъ тигръ нападъ на своихъ негровъ, арапникомъ в някахъ свою ярость.

Почти на рукахъ понесли бѣглецовъ въ каюту, г ли дѣвушкой, окружили ее и поздравляли, какъ-буд знакомы всю жизнь.

Грей взялъ молодого человѣка въ каюту и далъ е Симмонсъ же принесъ огромный стаканъ водки с

прежде хотѣлъ отстать отъ новаго пассажира, какъ заставивши его осушить стаканъ, хотя тотъ увѣрялъ и клялся, что никогда не пьетъ водки.

— Да чтожь вы, сэръ, кричалъ Симмонсъ: — или вы умереть хотите? вы мокры какъ кошка—и не пьете водки? Грей, слышали ли вы когда-нибудь подобное? гребъ изо всей силы, велъ себя молодцомъ — и не хочетъ пить водки!

Молодой человѣкъ, улыбаясь, отпилъ немного изъ стакана.

— Нѣтъ, сказалъ Симмонсъ, взявъ его за руку: — нѣтъ, извольте-ка все выпить.... вотъ такъ! это согрѣетъ; а теперь я и молодой дамѣ снесу стаканчикъ: ей нужно выпить, чтобъ оправиться отъ испуга.

И добрый Симмонсъ со стаканомъ въ рукахъ отправился къ буфету, собираясь привести въ исполненіе свое благодѣтельное намѣреніе.

Въ Фиксбургѣ между прочими пассажирами вошелъ на пароходъ старый миссурскій переселенецъ; онъ по дѣламъ провелъ нѣсколько недѣль въ штатѣ Миссисипи и теперь возвращался въ свое владѣніе.

По нѣкоторымъ разсужденіямъ его о стрѣльбѣ и дичи, можно было принять его за любителя охоты. Блумфильдъ сдѣлался неразлучнымъ его спутникомъ; онъ не переставалъ осаждать старика вопросами о западной части Соединенныхъ Штатовъ, о тамошней охотѣ и о странностяхъ ея. Фермеръ Стюартъ съ удивительнымъ терпѣніемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы Блумфильда и, казалось, не истомлялся его безконечными разспросами. Симмонсъ слушалъ долгое время; наконецъ онъ всталъ и ушелъ, досадуя на болтовню Блумфильда.

— Нѣтъ, сказалъ онъ Грею, который сидѣлъ задумавшись передъ каютой: — головой отвѣчаю, если этотъ господинъ въ кожаной охотничьей курткѣ не методистъ; у него христіянское терпѣніе доведено до высшей степени; можно съ ума сойти отъ однихъ его вопросовъ.

— Да, да, отвѣчалъ Грей: — Блумфильдъ не даетъ ему покоя. Однако замѣтили вы? Стюартъ все время улыбается; кажется мнѣ, что онъ намѣренъ съиграть шутку съ нью-йоркцемъ.

— Какую шутку? замѣтилъ Симмонсъ: — просто, бѣднякъ отъ души слушаетъ эти разспросы. Онъ терпѣливъ.

— Ну, что, Симмонсъ, скажете вы о сегодняшней нашей охотѣ? спросилъ его Грей.

— Я чуть не задохнулся въ ту минуту, какъ старикашка хотѣлъ перескочить въ другую лодку. Если бы въ то время у меня

въ рукахъ была винтовка, я въ состояніи былъ бы уб
валъ.

— Дѣвушка упала въ обморокъ, когда дамы повели
сказалъ Грей.

— Немудрено, сказалъ Симмонсъ: — ей со своимъ
лоно приходилось.

— А видѣли вы, какой арапникъ былъ у старика в

— Мистеръ Далтонъ, сказалъ Грей: — показалъ м
которымъ онъ хотѣлъ застрѣлиться, если бы старику
мать ихъ, и онъ бы выстрѣлилъ.

— А что́ сталось бы съ дѣвушкой? съ досадой с
монсъ: — вѣрнѣе бы убить старика.

— Отца невѣсты? спросилъ Грей съ удивленіемъ.

— Это плохой отецъ, замѣтилъ Симмонсъ. — Вп
залъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, обращаясь к
торый въ это время пристально и грустно смотрѣлъ въ
обижайтесь моимъ вопросомъ, и съ вами что-то случил
готитъ что-то? скажите мнѣ; я старше васъ, и хотя мы
комы, но я успѣлъ полюбить васъ душою; быть можетъ
пособить вашему горю.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ, сказалъ Грей, гру
ясь и крѣпко пожимая руку маленькаго, толстаго добря
го, ничего.... я.... я иногда бываю дуракомъ.

— Это что́! вы отклоняетесь отъ вопроса, закричал
— нѣтъ, изъ этого ничего не выйдетъ; я еще вчера в
дѣлъ, когда повелъ васъ въ каюту, какъ слезы капали
вашихъ; я тогда же хотѣлъ съ вами поговорить объ это
помѣшалъ шулеръ.

— Я впрочемъ не знаю, вдругъ сказалъ Грей, взявъ
руку: — зачѣмъ скрывать отъ васъ то, что́ гложетъ
Повѣсть проста и коротка, но въ тоже время довольно гр
гостна. Здѣсь однако не мѣсто для подобнаго разсказа;
нью-йоркецъ, пойдемте на верхнюю палубу.

Съ этими словами они отправились наверхъ и сѣли п
огромной трубы. Нѣсколько минутъ Грей молчалъ и заду
трѣлъ въ зеленую чащу, тянувшуюся по берегу; потомъ
шись, онъ провелъ рукой по лбу и началъ говорить, как
мимъ собою, и будто забывая посторонняго слушателя.

«Я родился въ Виргиніи; отецъ мой былъ шотландецъ
ся тамъ лѣтъ за шесть до моего рожденія; онъ познакоми
молодой нѣмкой, полюбилъ ее и женился на ней.

«Мать моя скоро умерла, оставивъ отцу двухъ дѣтей, въ томъ числѣ и меня.

«Неутомимыми трудами и заботами отецъ насъ воспиталъ, сколько могъ; потомъ дѣла его устроились, состояніе увеличивалось съ каждымъ годомъ, такъ-что по прошествіи немногихъ лѣтъ купилъ онъ одну изъ прекраснѣйшихъ плантацій Виргиніи, съ восемьюдесятью неграми. Въ одной мили отъ насъ, находилась плантація одного богача, по имени Тайлора; у него дѣтей не было; онъ воспитывалъ одну сироту, которую любилъ какъ родную дочь. Всякой день мы съ братомъ ее видѣли и играли съ нею.

«Старый Тайлоръ умеръ, оставивши все свое имущество девятилѣтней Целестѣ, подъ опекою брата своего, которому на смертномъ одрѣ поручилъ надзоръ надъ дѣвушкой и ея имѣніемъ.

«Братъ этотъ передъ тѣмъ возвратился изъ Мексики, гдѣ онъ, какъ носились слухи, содержалъ большой игорный домъ, пріобрѣтая деньги не очень честнымъ образомъ.

«У него былъ сынъ моихъ лѣтъ. Негодяй рѣшился готовить Целесту для своего сына, чтобы такимъ образомъ обѣ плантаціи доставить своему наслѣднику.

«Планъ этотъ впослѣдствіи принялъ видъ необходимости: онъ потерялъ бо́льшую часть своего имѣнія въ неудачныхъ спекуляціяхъ и вслѣдствіе несостоятельности должниковъ. Мы между тѣмъ выростали, Целестѣ минуло 16 лѣтъ, мнѣ — 22 года, и тогда онъ догадался, что ребяческая дружба сосѣдей легко могла обратиться въ любовь.

«Онъ увезъ Целесту въ Цинциннати, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ дать ей приличное воспитаніе, на самомъ же дѣлѣ, чтобы разлучить насъ.

«Онъ опоздалъ! мы начали писать другъ другу; и то, о чемъ мы прежде и не думали или по-крайнѣй-мѣрѣ о чемъ никогда не говорили, высказали мы другъ другу въ своихъ письмахъ.

«Одно изъ этихъ писемъ попалось въ руки старику. Онъ распечаталъ и прочелъ его; взбѣшенный открытіемъ, онъ тотчасъ же отправился въ Цинциннати, чтобы поправить дѣло; но уже было поздно: воспитанница его любила меня всею душою.

«Онъ ждалъ безпрекословнаго послушанія, но, встрѣтивши твердость и рѣшительность въ дѣвушкѣ, заключилъ, что одни лишь строгія мѣры могутъ произвести перемѣну.

«Онъ передалъ плантацію смотрителю, переѣхалъ въ Георгію; я поѣхалъ за нимъ.

«Оттуда онъ отправился въ Алабаму, но и тамъ нашелъ я слѣдъ и сблизился съ Целестой.

«Сынъ его, противный, напыщенный глупецъ, с волосами и зелеными глазами, каждый день доводил лесту до отчаянія своими неотвязчивыми любовными

«Я письменно просилъ стараго Тайлора выдать за безъ именія, говоря, что не нуждаюсь въ приданомъ. же не отвечалъ мне, вероятно посовестившись уде девушки; потомъ переехалъ онъ въ Нью-Орлеанъ.

«Онъ принялъ меры, чтобы скрыть отъ меня свою п что я было уже собрался ехать въ Техасъ, но по счасті лесты застало меня передъ самымъ отправленіемъ. Тот нилъ я планъ и прибылъ въ Нью-Орлеанъ двумя днял лесты.

«Но тутъ я заболелъ. Все доктора признали мое пол дежнымъ. Я пролежалъ несколько недель въ бреду го дившей до сумасшествія.

«Крепкое сложеніе мое одержало верхъ; едва могъ я гахъ, какъ уже полетелъ къ дому, где ожидалъ найти Ц за два месяца передъ темъ она уехала съ дядей, и уеха зналъ куда: иные говорили — въ Техасъ, другіе — въ М гіе уверяли, что старикъ отправился въ Нью-Йоркъ, др зывали, что онъ поселился въ Цинциннати.

«Я воротился домой и жилъ у отца, собираясь по со востановленіи здоровья возобновить свои поиски.

«Нынешней весной получилъ я по почте известіе. Тайлоръ женился на Целесте и отправился съ нею въ Ан возстановить ея здоровье, пострадавшее въ Нью-Орлеан

«Это известіе разрушило все мои слабыя надежды; с нымъ сердцемъ бросился я снова въ суетныя светскія з

«Я занялся устройствомъ плантаціи и неутомимо пом стараясь забыть свое горе.

«Въ іюне месяце былъ я въ Нью-Орлеане, по свои посудите, любезный Симмонсъ, о моей горести, когда дней тому назадъ, старая мулатка принесла мне письм Целестой, въ то время, какъ я лежалъ въ ужаснейшей г писала мне, чтобы я последовалъ за нею въ Сенъ-Луи вырвать ее изъ рукъ мучителей, говоря, что она лишитъ с если ее не освободятъ отъ ненавистнаго жениха.

«Письмо тогда не дошло до меня, а теперь, теперь, ког дно, умоляющій голосъ ея зоветъ меня и растравляетъ ст ти излечившіяся, но все еще болезненныя раны».

— И вы едете въ Сенъ-Луи? тихо спросилъ Симмонс стіемъ следившій за разсказомъ молодаго человека, м

акъ Грей отворотился, скрывая двѣ свѣтлыя слезы, выступившія а глазахъ его.

— Да, я ѣду въ Сенъ-Луи; я хочу угнать судьбу Целесты; быть ожетъ она и счастлива съ своимъ мужемъ; въ такомъ случаѣ я ъумѣю перенести то, чему нельзя пособить.

Онъ наклонилъ голову на руку, потупилъ глаза, и оба собесѣдника молчали нѣсколько времени

Сильный туманъ спустился на рѣку, и рулевой, державшійся берега, сколько того позволяла безопасность, могъ едва различать верхушки деревьевъ.

— Готовьтесь пристать къ берегу! кричалъ лоцманъ: — туманъ се гуще и гуще, и кажется мнѣ, что пароходъ идетъ намъ на-стрѣчу.

Молодой Дальтонъ, ввѣривши свою невѣсту попеченію дамъ и надѣвши бѣлье Грея, подошелъ къ двумъ друзьямъ и прервалъ ихъ есѣду.

— Я боюсь, что намъ придется остановиться, сказалъ онъ послѣ ороткаго и дружескаго поклона; туманъ сгущается каждую минуту как разъ передъ нами рѣка круто поворачиваетъ. Тутъ мели, подводные камни, и кромѣ того, если два парохода здѣсь встрѣтятся, они югутъ столкнуться.

— Нашъ лоцманъ остороженъ, сказалъ Грей. Я думаю, что онъ очетъ выйти изъ фарватера и пристать къ берегу или бросить якорь.

— Берегитесь, эй вы, на пароходѣ! раздались голоса, и въ тоже время посреди тумана обозначился корпусъ другого стимера, который шелъ по теченію. На палубѣ его раздался звонъ колокола.

Оба судна летѣли на-встрѣчу другъ другу съ страшною быстротою. Одно мгновеніе продолжалось мучительное, ужасное молчаніе, и другъ передняя часть Оцеаника наѣхала на носъ встрѣтившагося парохода. Трескъ, громъ и крики раздались съ неистовою силою.

Трое нашихъ собесѣдниковъ, держась за желѣзныя цѣпи и притаивъ дыханіе, ждали, чѣмъ все это кончится. Скоро убѣдились они, что опасность грозила не имъ, а встрѣчному судну, которое было енѣе размѣромъ. Грей сбѣжалъ внизъ успокоить невѣсту, другіе ке бросились помогать бѣдѣ.

Оцеаникъ, какъ мы сказали выше, наѣхалъ переднею частью своею на носъ «Мазепы» (такъ назывался встрѣтившійся стимеръ) и по счастію не причинилъ ему важнаго вреда; капитанъ Мазепы велѣлъ тотчасъ открыть люки, осмотрѣлъ внутренность парохода и нашелъ только небольшую течь. Это обстоятельство успокоило пассажировъ, которые по большой части перебѣжали на Оцеаникъ.

Симмонсъ, опытный въ пароходствѣ, сл
пригласилъ его въ каюту успокоить тамошни
вошли въ столовую парохода, гдѣ кипѣла стра
Оцеанника напоминала вавилонское столпотв
французы, нѣмцы и англичане бѣгали, суетил
житки, чемоданы, шляпныя картонки и прочі
цуженка, вошедшая на пароходъ съ пожилымъ
гой дамой близъ Натчеца, была напугана почти
лосы ея были въ безпорядкѣ, лицо покрыто смер
на ней былъ надѣтъ страшной величины «life
дама забыла напустить воздуху въ подушку эт
только болтался по сторонамъ; она бѣгала по
каждому спутнику и кричала дурнымъ англій
дуйте меня! надуйте меня!

Между тѣмъ Оцеанникъ отдалили отъ Мазеп
вно уже мирно стояли у берега, выжидая времен
сѣется.

— Однако скажите, капитанъ Дункасъ, спро
ника другого капитана: — что́ заставило васъ
ѣхать такъ тихо, что мы не слыхали вашего пр

Капитанъ Мазепы оправдывался тѣмъ, что
нудила его бросить якорь, что́ онъ и собирался
кнулся съ Оцеанникомъ. Потолковавъ нѣсколькс
Мазепы далъ своимъ людямъ приказаніе держат
никъ, въ свою очередь, пустился плыть по ст
Пассажиры, оправившись отъ недавней тревоги,

Общество за обѣдомъ было чрезвычайно вес
кновенія американцевъ, собесѣдники смѣялись,
ныя сцены, происходившія во время мнимой о
изъ пассажировъ отъ всей души смѣялся надъ
нимъ собою.

(Окончаніе въ слѣд

ИСТОРІЯ РАСТИТЕЛЬНОСТИ БРИТАНСКИХЪ
слѣдованія гг. Форбса, Уатсона и Мартена. Въ
дѣленія растеній на земной поверхности сущест
одно говоритъ, что растенія первоначально про
мыхъ мѣстностяхъ, гдѣ мы ихъ и теперь встрѣча
тивъ, утверждаетъ, что первоначально растенія
нѣкоторыхъ мѣстахъ земной поверхности и по
лись отъ этихъ центровъ, подобно человѣку и др

въ кажется, что и то и другое одинаково возможно, и безъ сомнѣ-
и появленіе и распространеніе растительнаго царства совершалось
ымъ и другимъ образомъ; по-крайней-мѣрѣ нѣтъ никакой необхо-
мости и никакого достаточнаго основанія принять, чтобъ одно изъ
данныхъ обстоятельствъ исключало другое. Намъ кажется так-
в что *фактически невозможно доказать*, что именно тотъ, а не
гой способъ распространенія существовалъ дѣйствительно. Одна-
жь стремленіе рѣшить вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ за-
вило изучать въ распредѣленія растеній ихъ связь съ геологиче-
ми свойствами страны, климатомъ и другими вліяніями. Много
красныхъ результатовъ были плодомъ такихъ изысканій, хотя не
смыслѣ разъясненія вопроса о *первоначальномъ* образѣ распо-
женія растеній и появленія ихъ въ разныхъ странахъ. Мы сооб-
щимъ теперь сущность изслѣдованій Мартена (Martins), Уатсона
atson) и Форбса (Forbes) о флорѣ великобританскихъ острововъ
глін съ Шотландіей и Ирландіи) и группъ маленькихъ острововъ
экадскихъ, Шотландскихъ, Феррейскихъ). Пользуясь данными ге-
гіи о *прошедшемъ* нашей планеты и изслѣдованіями физической
графіи и метеорологіи о ея *настоящемъ*, распредѣленіе раститель-
хъ семействъ и родовъ не представляется естествоиспытателю
итомъ отрывочнымъ, безъ *предшествующаго* и *послѣдующаго*. Онъ
итъ въ немъ слѣды послѣднихъ переворотовъ, совершавшихся на
шей планетѣ, и открываетъ въ нихъ дѣйствіе тѣхъ же многочи-
енныхъ и разнообразныхъ причинъ, которыя и теперь то способ-
ствуютъ, то препятствуютъ распространенію растеній. Такого
да изслѣдованія начались очень недавно, elles datent d'hier, но,
едлагая ихъ результаты тѣмъ, кого занимаютъ успѣхи человѣка,
какой бы сферѣ ни совершались они, мы надѣемся показать ихъ
жность. Въ-самомъ-дѣлѣ, появленіе теперь существующихъ расте-
й на землѣ почти непосредственно слѣдуетъ за появленіемъ мате-
ковъ и острововъ, *за отдѣленіемъ суши отъ морей*. Это въ нѣко-
ромъ смыслѣ послѣдній актъ *геологической исторіи* земного шара;
томъ является человѣкъ, и съ нимъ начинается *преданіе*.

Ботаники давно замѣтили, что нѣкоторые острова обладаютъ со-
ршенно *особою*, имъ свойственною, растительностію; на другихъ,
противъ, встрѣчаются совершенно *тѣже* растенія, какъ на сосѣд-
хъ материкахъ. Британскіе острова представляютъ послѣдній слу-
й, и это превосходно изслѣдовано естествоиспытателями, кото-
ыхъ мы назвали выше. Ихъ изслѣдованія показали, что на Бри-
нскихъ островахъ нѣтъ ни одного растенія, которое бы не встрѣ-
лось на материкѣ Европы; но не всѣ происходятъ изъ одной и той
части материка, такъ-что гг. Уатсонъ и Форбсъ отличаютъ нѣ-

сколько растительныхъ переселеній, совершавшихся
но и составляющихъ флору Британскихъ острововъ. Б
годаря умѣренности ея зимъ, сохранились остатки
ва: на юго-западѣ Ирландіи есть 12 дико-растущих
стренныхъ сѣверной Испаніи. По изслѣдованіямъ Ф
древнее переселеніе, заставляющее предполагать, ч
когда совершилось оно, было иное распредѣленіе су
температурныя условія въ этихъ частяхъ Европы,
Ниже мы покажемъ, на чемъ онъ основываетъ свое

На юго-западѣ Англіи и на юго-востокѣ Ирландіи
гая растительность, *типъ норманскій*, необыкновенн
стительностью Бретани и Нормандіи, что давно за
ками. Тѣже роды, которые встрѣчаются по западно
діи и тянутся до Шербурга, находятся въ Девоншир
и въ графствахъ Коркъ и Уатерфордъ. Эти растител
нія изъ Нормандіи невольно напоминаютъ переселе
норманновъ подъ предводительствомъ Вильгельма-зав
ко колоніи растительныя, остановленныя суровостью
лись на югѣ Англіи; а для людей это не составляетъ

На горахъ Шотландіи и Кумберланда открывается
совершенно отличная отъ растительности, встрѣчающ
нахъ Англіи. но совершенно сходная съ растительно
скихъ Альпъ, и еще болѣе съ растительностью Лапла
и Гренландіи: это *типъ сѣверный*.

Но болѣе всего въ флорѣ Англіи преобладаетъ *ти*
Онъ составляетъ ея главную основу. Это тѣже расте
свойственны сѣвернымъ частямъ Франціи и Германіи
подобно англо-саксамъ, завладѣли всей почвой Британі
флора, съ теченіемъ вѣковъ, сдѣлалась преобладающ
такъ-что большая часть англійскихъ ботаниковъ назь
танскою. Нѣкоторые роды, принадлежащіе къ герм
перешли въ Ирландію, но многіе остались только въ
что растенія, очень обыкновенныя на англійскомъ бере
Георгія, вовсе не встрѣчаются на ирландскомъ. Замѣти
логія съ своей стороны обладаетъ фактами совершен
тамъ, гдѣ преобладаетъ германская флора, встрѣчаю
тѣже роды животныхъ, какъ и въ Германіи: заяцъ,
соня, куница; но ихъ нѣтъ въ Ирландіи; изъ 22 род
принадлежащихъ Бельгіи, мы находимъ въ Англіи 11,
только 5.

Въ распредѣленіи морскихъ растеній и животныхъ за
же самыя отношенія. Только около южныхъ береговъ

ландіи встрѣчаются тѣже морскія растенія, водоросли и лишаи, тѣже роды рыбъ, которые свойственны Гасконскому заливу и западнымъ берегамъ Испанскаго полуострова: это водные представители *астурійскаго* и *норманскаго типовъ*. Напротивъ, около восточныхъ и сѣверныхъ береговъ подъ тою же широтою, гдѣ живутъ растенія германскаго типа, являются треска, сельди. Наконецъ, представителями *типа сѣвернаго*, въ царствѣ Нептуна, являются большія китообразныя — киты, сѣверные дельфины, кашалоты; они никогда не переходятъ тотъ предѣлъ, который отдѣляетъ сѣверный типъ шотландской и англійской растительности отъ растительности Корнуалиса и южной Ирландіи.

До сихъ поръ на эти распредѣленія органическаго міра, растительнаго и животнаго, смотрѣли только какъ на неизбѣжное слѣдствіе всемогущихъ вліяній *климата* и *почвы*. Если — говорили естествоиспытатели — въ Ирландіи встрѣчаются нѣкоторые виды, свойственные Астуріи, то это *только* потому, что тамъ зима такъ же умѣренна, какъ на Иберійскомъ полуостровѣ, а теплота ирландскаго лѣта достаточна для полнаго созрѣнія ихъ плодовъ; точно такъ же въ Шотландіи встрѣчаются растенія глубокаго сѣвера потому, что они находятъ на скалахъ, на отлогостяхъ, на болотахъ Шотландіи тоже незнойное лѣто, ту же продолжительную зиму и тотъ же снѣжный покровъ, какъ и въ странахъ полярныхъ.

Гг. Форбсъ и Уатсонъ не остановились на этомъ: они стараются объяснить самый *образъ появленія* этихъ отдаленныхъ типовъ на Британскихъ островахъ и въ распредѣленіи ихъ видятъ слѣды другого, теперь несуществующаго порядка вещей, видятъ указанія, что было другое распредѣленіе суши и моря, другіе климаты, болѣе теплые и болѣе холодные, нежели теперь. Послѣдуемъ за ними въ ихъ остроумныхъ и ученыхъ изысканіяхъ. Пробивая новые пути, они могли впасть иногда въ заблужденіе; но они могучею рукою связываютъ прошедшее нашей планеты съ его настоящимъ и въ подтвержденіе своихъ идей приводятъ согласныя свидѣтельства всѣхъ трехъ царствъ природы: уже въ томъ ихъ заслуга для естествовѣдѣнія, что они уничтожаютъ воображаемую преграду, поставленную *учеными* и *преданіемъ*, между настоящимъ состояніемъ нашей планеты и періодами геологическими.

Въ главахъ Форбса, 12 видовъ астурійскаго типа, живущіе въ Ирландіи, суть остатки самой древней эпохи: отдаленность Ирландіи отъ Испаніи, огромное пространство моря, ихъ раздѣляющее, различіе въ климатѣ, незначительное число видовъ этого типа, сохранившихся въ Ирландіи,— все показываетъ, говоритъ онъ, что нѣкогда обстоятельства были совершенно иныя, нежели теперь. Что-

бы открыть, въ чемъ состояло различіе, Форбсъ в
эпохѣ, когда бо́льшая часть южной Европы и сѣвер
ла покрыта моремъ, и когда на днѣ этого моря пр
ніе послѣднихъ третичныхъ почвъ. Существовані
казывается тѣмъ, что безчисленное множество ра
тѣхъ же родовъ и видовъ встрѣчаются и на Гречес
въ южной Франціи. Третичныя почвы, поднявшис
сти моря, образовали огромный материкъ, вмѣщавш
лидію, часть сѣверной Африки, острова Азорскіе и
перь не существующій уже въ такой цѣлости. Къ э
когда Ирландія и Англія были частью одного бол
Форбъ относитъ появленіе тамъ типовъ астурійскаг
Южный характеръ ихъ заставляетъ предполагать су
мата болѣе умѣреннаго, нежели теперь, — одинмъ сло
какой теперь свойственъ Астуріи и Норманділ.

Потомъ, многія части этого огромнаго материка
подъ поверхностью моря, остались только немногіе
трова, торчавшіе изъ воды съ высокими кряжами го
періодъ *ледовитый*. Тогда температура въ тѣхъ част
но понизилась; она была ниже настоящей; растенія
періода уцѣлѣли въ небольшомъ типѣ, что кой-гдѣ (
діи), но зато явились растенія *типа сѣвернаго*, изъ Г
пландіи, Исландіи. Вотъ какія доказательства мож
подтвержденіе того, что это дѣйствительно такъ б
часть Британскихъ острововъ покрыта наноснымъ с
верныхъ частяхъ Англіи и Ирландіи и во всей Шо
наносный пластъ содержитъ остатки животныхъ, к
живутъ только въ Ледовитомъ океанѣ, по берегамъ Ис
ландіи; довольно назвать остатки китообразныхъ, еди
валовъ) и наконецъ огромное количество раковинъ, ко
живутъ въ названныхъ сейчасъ мѣстахъ. Итакъ, въ
ріодъ Англія была отчасти покрыта моремъ, котораго
была такая же, какъ теперь въ Ледовитомъ океанѣ
равнины Англіи и отлогости горъ составляли дно и бер
ря; въ этотъ періодъ Англія и Шотландія не составля
ной суши, но состояли изъ множества мелкихъ острово
климатъ былъ такой же, какъ теперь на Исландіи: в
были такъ же покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, какъ те
Геклы, и ледники спускались по ущельямъ до самого м
теченія, плавающіе льды занесли сюда растенія, свойст
ландіи, Исландіи, Лапландіи, и они, находя родной
чимались тутъ и составили *сѣверный типъ* растител

перенесеніе растеній не произвольная гипотеза: плаватели по полярнымъ морямъ часто видѣли, какъ льдяныя массы несли съ собою большіе пласты земли съ растеніями. Этотъ сѣверный типъ растеній сохранился и теперь въ горахъ Шотландіи и Кумберланда, гдѣ климатическія условія остались прежними. За этимъ ледовитымъ періодомъ начались новыя измѣненія: Британскіе острова опять начали медленно выдвигаться изъ-подъ поверхности моря, и теперь по берегамъ ихъ видны террасы, уступы, обозначающіе прежнее очертаніе береговъ. Это поднятіе не ограничивалось только поднятіемъ береговъ, но и все дно моря поднималось; это-то поднятіе опредѣлило настоящую форму Британскихъ острововъ и глубину прилежащихъ морей, такъ-что послѣдняя, вообще, уменьшилась. Одновременно съ этими поднятіями измѣнились и температурныя отношенія: климатъ сдѣлался теплѣе. Все это имѣло существенное вліяніе на распредѣленіе морскихъ животныхъ: отъ возвышенія температуры въ морѣ, оно стало обитаемо для тѣхъ видовъ, которыхъ мы *теперь* встрѣчаемъ около береговъ; напротивъ, животныя сѣверныя исчезали въ этихъ мѣстахъ, и только тамъ, гдѣ отъ чрезвычайной глубины измѣненія температуры нечувствительны, остались жить животныя, свойственныя періоду ледовитому: такъ Форбсъ находилъ, что на глубинѣ 100 саженъ и теперь живутъ тѣ-же моллуски, которыми населенъ ледовитый океанъ, и которыхъ остатки встрѣчаются въ наносахъ сѣверной Англіи.

Но во все продолженіе означенныхъ геологическихъ періодовъ Англія была соединена съ Франціею: Па де Кале и Ламаншъ не существовали. Что отдѣленіе Англіи отъ материка принадлежитъ къ позднѣйшимъ явленіямъ, даже можетъ быть современнымъ человѣку, въ этомъ согласны всѣ геологи. К. Прево доказалъ тожественность мѣлового слоя, лежащаго на обоихъ берегахъ Ламанша, а д'Аршіакъ изслѣдованіями надъ наносами, лежащими на мѣловомъ слоѣ, показавшими ихъ тожественность и позднее образованіе, совершенно подтвердилъ, что было время, когда Англія составляла часть материка, и что отдѣленіе ея принадлежитъ къ позднѣйшимъ геологическимъ явленіямъ. Итакъ, Англія составляла нѣкогда такой же полуостровъ европейскаго материка, какъ теперь Данія; ея климатъ, почва были тѣже, какіе она имѣетъ теперь; поэтому растенія Франціи и Германіи удобно распространялись по ней, какъ только она выдвинулась изъ моря; дремучіе лѣса, какъ нѣкогда въ Германіи, покрывали ее; въ нихъ ютились медвѣди, волки, лисицы; однимъ словомъ, тогда Англія представляла страну, совершенно сходную съ древней Германіей. Образованіе Па де Кале и Ламанша совершилось посредствомъ поднятія мѣловыхъ пластовъ, лежащихъ

теперь по берегамъ этихъ провинцій, и по мѣрѣ степенно отъ береговъ къ внутренности и Англіи материка. Такъ образовались возвышенности Англіи: ея страны значительно возвышались: древніе лѣса и исчезли, болота высохли: но все это уже дѣло рукъ доказательство того, какъ могуче его вліяніе на окружаю Отдѣленіе Британскихъ острововъ отъ материка есть геологическихъ измѣненій, имѣвшихъ сравнительно незначительное вліяніе на характеръ страны, но имѣвшій по вліянію на характеръ человѣческихъ племенъ потомъ эти острова. Если бы не было Па де Кале, составляющаго англійскую націю, безъ сомнѣнія бы такъ индивидуально, и слилось бы съ остальными шихъ, населяющихъ континентъ Европы.

Дополнимъ теперь изслѣдованія г. Мартенса то... щихъ, слѣдуя гг. Форбсу и Уатсону. Изучая растител острововъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Шотландіи, он она состояла преимущественно изъ растеній, свойствен ныхъ средней Европы и швейцарскихъ Альповъ, и нѣ довъ, свойственныхъ Гренландіи. Но такъ-какъ многі вило свойственны материку Стараго и Новаго Свѣта, рѣшить, который именно участвовалъ въ образовані сти этихъ острововъ. Г. Мартенсъ нашелъ, что больш довъ были *исключительно* европейскіе, и они раст чрезъ Англію, Шотландію, послѣдовательно по остр скихъ, Шетландскихъ, Фарерскихъ и до Исландіи: ч свойственныхъ средней Европѣ, уменьшалось въ томъ напротивъ, растенія странъ полярныхъ идутъ обратны начиная отъ Исландіи до Англіи, число родовъ ихъ постеп ляется.

Признавая вмѣстѣ съ Форбсомъ и Уатсономъ, что ность Британскихъ острововъ не произошла такъ, Мар шается объяснить появленіе ея геологическими перев слѣдовательными погруженіями и поднятіями и измѣнен тическихъ условій, какъ это дѣлаетъ Форбсъ. Онъ стара нить это причинами, которыя и теперь существуютъ. Т домъ онъ принимаетъ, что атлантическое теченіе начинающееся въ Мексиканскомъ заливѣ, поднимающееся около береговъ Америки и поворачивающее потомъ на берегахъ Шотландіи, можетъ принести съ собою сѣмен скихъ растеній, которыя, найдя благопріятныя обстоят гутъ развиться въ новыхъ мѣстахъ: такъ, говоритъ он

Ion septangulare, — растеніе, свойственное сѣверной Америкѣ, было занесено на Гебридскіе острова, гдѣ и теперь встрѣчается; тотъ же потокъ, омывая берега Шотландіи, собираетъ сѣмена европейскихъ континентальныхъ растеній, растущихъ тамъ и уносимыхъ въ море рѣками, и разноситъ ихъ далѣе къ сѣверу по островамъ Оркадскимъ. Шетландскимъ и до Исландіи. Другую причину распространенія растеній, хотя менѣе могущественную, нежели океаническія теченія, составляютъ, по мнѣнію Мартена, вѣтры и наконецъ перелетныя птицы. — «Если принять въ соображеніе — говоритъ онъ — что всѣ эти причины дѣйствуютъ вмѣстѣ въ продолженіи тысячелѣтій, то нетрудно будетъ согласиться, что результатъ ихъ долженъ быть огроменъ, и тогда только мы имѣли бы право прибѣгнуть къ объясненіямъ посредствомъ геологическихъ переворотовъ, когда объясненіе посредствомъ причинъ и нынѣ дѣйствующихъ оказалось бы невозможнымъ.» «Это правило—продолжаетъ онъ—должно примѣнять ко всѣмъ задачамъ геологіи. Прежде, въ телеологическій періодъ науки, пускались въ самыя отважныя гипотезы. Смотря по надобности, предполагали внезапные перевороты, чудесныя измѣненія, громадныя силы неизвѣстныхъ дѣйствователей, фантастическія причины. Теперь строгіе умы ищутъ объяснить геологическія событія посредствомъ тѣхъ же силъ и дѣйствующихъ въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ мы это наблюдаемъ теперь, и только тогда прибѣгаютъ къ гипотезамъ, когда дѣйствительность отказываетъ въ объясненіи.» (Bibliothèque univers. de Geneve 4-me série № 30).

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМ

I.

ПИСЬМО ИНОГОРОДНАГО ПОДПИСЧИКА ВЪ РЕД О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИ

I.

Съ удовольствіемъ получилъ я послѣднее пис вы просите меня передавать вамъ, время-отъ- читающей публики (*) нашей губерніи, сообщ она о дѣятельности вашего и другихъ журнало тѣ статьи и тѣхъ авторовъ, которые ей болѣе заслуживаетъ похвалы. Нѣсколько замѣчаній письма и тутъ же говорю о дѣятельности Совре другихъ журналовъ, такъ-какъ мнѣніе мое не къ печатанію въ Современникѣ же

Вмѣстѣ съ тѣмъ вы приглашаете меня сос отчеты о замѣчательнѣйшихъ статьяхъ, помѣ журналахъ. Берусь за это съ охотою, хотя не полноты, ни тщательности исполненія. Долго предметѣ я не въ состояніи: j'aime à marivauder, замѣчательный фельетонистъ того времени, когда тоновъ. Я до крайности способенъ начинать за упокой, по поводу журналовъ говорить о теат ввернуть нѣсколько словъ объ охотѣ и сельско пленіе вещь никогда не лишняя: часто мысль ва ное разстояніе отъ вашего предмета, и, несмотр метомъ и отступленіемъ раждается какая-то свя непонятная. Итакъ, да здравствуютъ отступле Москвитянинѣ, сверну я на стерляжью уху или р или пряжено съ лукомъ; пускай, разбирая Сын

(*) Эту просьбу мы адресовали въ нашемъ объявлені городнымъ подписчикамъ и будемъ очень рады, если в безъ вниманія.

вавилонскомъ столпотвореніи.... Развѣ сотрудники Москвитянина прославляютъ романы? развѣ они, возбуждая апетитъ своихъ читателей, не толкуютъ ежечасно о съѣстныхъ припасахъ? развѣ романы Сына Отечества, полные нѣмецкихъ оборотовъ съ глаголами на концѣ, не возбуждаютъ мысли о смѣшеніи языковъ?...

Мы всѣ любимъ читать, читаемъ безпрестанно, читаемъ больше, нежели бы слѣдовало. Образъ современной жизни, не очень богатой происшествіями, нашъ холодный и непріятный климатъ, отсутствіе живыхъ интересовъ рано заставляютъ насъ знакомиться съ несуществующими образами и вымышленною жизнью. Освободившись отъ занятій, часто утомительныхъ и скучныхъ, и охладѣвши къ развлеченіямъ, такъ же вялымъ, какъ занятія наши, мы съ удовольствіемъ беремъ въ руки новый журналъ или новую книгу и легко поддаемся интересу, не всегда достойному того, чтобъ надъ нимъ останавливаться. Но что же дѣлать? учиться поздно. читать знаменитыхъ писателей какъ-то утомительно: а просто думать.... тоже какъ-то не хочется. И переиначивъ декартову аксіому, образованный членъ общества смѣло можетъ сказать въ наше время: «читаю, слѣдовательно существую».

И чего же лучше: чтеніе такъ удовлетворяетъ нашимъ малымъ потребностямъ, нашему уму, не любящему самостоятельной дѣятельности. А воображеніе наше развито очень, какъ всегда развито оно у людей сѣверныхъ, вопреки всѣмъ избитымъ фразамъ о горячемъ воображеніи жителей юга. Человѣкъ горячаго темперамента можетъ увлечься описаніемъ воображаемыхъ событій и жизни поддѣльной; но это увлеченіе минутное; оно быстро забываетъ вычитанныя имъ идеи и происшествія, тогда-какъ прочитанное нами долго не изглаживается изъ нашей памяти. Житель сѣверной страны труднѣе увлекается, но онъ способенъ привязываться къ чтенію, ясно видѣть передъ собою жителей вымышленнаго міра, радоваться ихъ счастію и почти страдать вмѣстѣ съ ними.... Нигдѣ нѣтъ такихъ страстныхъ библіомановъ какъ въ сѣверной Германіи и Англіи; въ особенности начитанность великобританскихъ писателей приводитъ въ истинное изумленіе и во многихъ отношеніяхъ сильно вредитъ многимъ изъ нихъ. Свѣтскіе люди, въ этихъ государствахъ, читаютъ очень много, и третья доля аристократической лондонской молодежи, кромѣ достаточнаго знакомства съ отечественной и французской словесностью, весьма свѣдуща въ древней литературѣ. У насъ, въ Россіи, между образованнымъ классомъ, любовь къ чтенію не развита въ такихъ широкихъ и правильныхъ размѣрахъ. Мы читаемъ много, читаемъ въ-

торопяхъ, не придерживаясь никакой системы, и
тѣмъ, что изъ чтенія, этого богатаго источника
извлекаемъ вполнѣ того удовольствія, которое оно и

Короче сказать, мы еще не постигли вполнѣ у
чувствую, что мысль эта способна возбудить и сом
негодованіе, но я держусь своего мнѣнія, и не жела
прибавлю еще: въ Петербургѣ-то именно и не умѣю
говорю ни объ ученыхъ книгахъ, ни о философіи, ни
ратурѣ: я говорю о чтеніи ежедневномъ, чтеніи ро
журналовъ, о чтеніи простомъ, вполнѣ доступномъ дл
дей. Скажу еще болѣе: петербургскій читатель д
другимъ, оставивши столицу съ ея занятіями и удово

Случалось ли кому-нибудь изъ васъ, господа,
здоровье нелюбимою работой, или, просто, изъ эко
счетовъ, удалиться, по книжному выраженію: «в
глушь,» то есть въ ваше имѣніе, въ которой-ни
берній, и о которомъ вы почти было позабыли?
титься отъ скуки, вы берете съ собою нѣсколько сочин
вашихъ авторовъ; чтобы не отстать отъ умственнаго
подписались на русскіе и иностранные журналы. Въ
шего одиночества вамъ читать лѣнь: вы бродите по лѣ
ду, спите ночью, спите послѣ обѣда, не думаете ни о
по-малу воображеніе ваше, вся ваша нравственная с
проясняется, правильнѣе работаетъ, какъ испорченный
слѣ нѣкотораго воздержанія. Одного отдохновенія стан
достаточно, вы желаете развлеченія, и почтовый день
интересовать: вы уже поджидаете его.

Прежде всего беретесь вы за политическіе журналы,
чтò дѣлается въ Европѣ. Странное дѣло! огромный ли
прежде бросали вы, выхвативъ изъ него по кусочка
главнѣйшихъ событіяхъ, прочтенъ вами отъ доски д
чтенъ безъ усилія; вамъ досадно, что нѣтъ другого по
съ удивленіемъ замѣчаете, что мысли ваши стали яс
сдѣлались понятнѣе, дѣйствователи какъ-то оригинальн
нѣе. Въ иныхъ изъ нихъ вы принимаете особенное уч
сти и подробности возникаютъ передъ вами съ разител
вы строите предположенія, придумываете, чтòбъ вы с
стѣ того или другого лица..... вы дополняете прочитанн
литературный журналъ. Куда дѣлась ваша излишняя вз
ваша нетерпимость, ваше охлажденіе къ чтенію? Вы

чувствуете явленіе новаго таланта, слѣдите за развитіемъ или упадкомъ таланта вамъ извѣстнаго, поправляете ихъ, по временамъ увлекаетесь интересомъ. Вы дѣлаетесь и читателемъ и критикомъ и сознаетесь, что давно не испытывали при чтеніи такого удовольствія, какъ въ этотъ разъ. Послѣднія числа мѣсяца, когда получаются ежемѣсячные журналы въ провинціи, и почтовый день становятся днями торжественными и веселыми. Но къ сожалѣнію, не всегда ходитъ почта, и иногда, вмѣсто журналовъ, являются къ вамъ скучнѣйшія письма добрыхъ знакомыхъ. Вы прибѣгаете къ вашимъ когда-то любимымъ писателямъ, раскрываете романъ Гёте, драму Шекспира и тому подобныя произведенія, которыхъ не брали вы въ руки съ девятнадцатилѣтняго возраста.

И тутъ-то совершается превращеніе почти непонятное, радостное и свѣтлое. Только посреди одиночества и тихой жизни дается намъ способность понимать истинно-великихъ писателей, мыслить ихъ мыслью, видѣть передъ собою рядъ величественныхъ или граціозныхъ ими созданныхъ образовъ. Жизнь ваша распадается надвое, по временамъ вы подстерегаете въ себѣ самомъ такіе порывы, что еслибъ они случались въ другое время, вы бы не упустили случая подсмѣяться надъ собою... Въ то время, когда я пишу эти строки въ моемъ одиночествѣ, и живу такою жизнью, я со страстью читаю романъ, котораго я не могъ одолѣть въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ. Я странствую вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Мейстеромъ по стариннымъ нѣмецкимъ городкамъ, занимаюсь постановкою пьесъ на провинціяльномъ театрѣ, Миньона рѣшительно не даетъ мнѣ покою и каждую минуту является передъ моими глазами.

Вы скажете:

«Жизнь лучше сновъ, и правда выше лжи»;

противъ этого многое можно сказать, но я скажу одно только: если я наслаждаюсь, что мнѣ за дѣло, почему я наслаждаюсь, лишь бы ощущеніе не происходило отъ грязнаго источника. Если мои сны будутъ прекрасны, я готовъ спать пятнадцать часовъ къ ряду; если воображеніе мое даритъ мнѣ радостные и свѣтлые часы, я благодаренъ ему и долго еще не погонюсь за дѣйствительными радостями. На вѣсахъ нашей жизни наслажденіе значитъ все; пусть причина его будетъ мала или велика, истинная или воображаемая, я принимаю одинъ результатъ, не разыскивая ничего болѣе.

Обратимся однакожь къ наукѣ чтенія и взглянемъ, въ чемъ состоитъ великая тайна читать съ пользою и удовольствіемъ, которая почти неизвѣстна петербургскимъ жителямъ.

[illegible]

Любители чтенія, собранные въ [illegible]
и иностранныхъ [illegible]
Помимо эта [illegible]
[illegible] времени перечитать и [illegible]
чтѣ [illegible], и разбирать [illegible]
дить до революціи. [illegible] безъ состоянія [illegible]
сти, въ канцеляріяхъ, въ [illegible], и
незначительныхъ лицъ, лишенные всякаго подобія [illegible]
холодныхъ при чтеніи. Гдѣ же тутъ облуживать [illegible]
бота воображенію, изъ какихъ матеріаловъ [illegible]
эта двойная жизнь, хотя по слуху [illegible]
Нѣтъ, я готовъ всегда утверждать, что въ такомъ
тербургъ, никогда не будетъ достигнута гайн
стіемъ. Кромѣ причинъ общественныхъ, тому ес
тическая: нашъ образованный классъ отличается
точенною боязливостью и мнительностію: всѣ мы,
вемъ посреди общества, въ такомъ большомъ гор
помышлять о спокойствіи и строить воздушные
что при такомъ напряженіи духа, сталкиваясь съ
ресами, мы дѣлаемся мнительны, раздражительны
способны къ легкой и беззаботной прогулкѣ отъ
въ удовольствіямъ воображенія, отъ заботъ нело
чие возвышеннымъ... Насъ тянетъ въ двѣ ра

чаетъ у насъ силъ выбрать ту или другую. Надо отдать справедость жителямъ большихъ городовъ, расположенныхъ въ умѣренномъ матѣ. У нихъ дѣйствительность не приноситъ ущерба воображенію. вижаннинъ, на минуту оторвавшись отъ занятій, хватаетъ томикъ юго-нибудь графа Монте-Кристо, и въ ту же минуту переселяется темницу, бесѣдуетъ съ аббатомъ Оразіа, проклинаетъ гоните. Дантеса и вмѣстѣ съ узникомъ обдумываетъ планы освобожденія. Подобнаго рода умозрѣнія раждались въ моей головѣ въ половинѣ кабря, когда, нѣсколько утомленный чтеніемъ любимыхъ моихъ пи-елей, ожидалъ я съ нетерпѣніемъ новыхъ журналовъ. Журналъ ни-да не утомляетъ читателя: въ немъ всегда такъ много современ-го, близкаго къ намъ, въ немъ постоянно зацѣпляются интересы жи-е, вчерашніе, которые еще не успѣли надоѣсть. Да и кромѣ того кабрь мѣсяцъ сопровождался въ нашихъ краяхъ страшными морозаи мятелью; страшно было выйти на улицу; такъ и хотѣлось чи-ть, сидя передъ огнемъ, читать въ сласть, читать вдоволь, читать до го опьяненія, которое испытываетъ любитель сигаръ, перескочивъ ь легкихъ trabucillos къ regalia emprесa, brown brown.

Но какова же была моя досада, когда прошелъ почтовый день, и я получилъ ровно никакихъ журналовъ! Еще день, и опять ничего. іконецъ явились Отечественныя Записки и Современникъ, потомъ ять ничего не приходило. Гдѣ Библіотека? гдѣ Сынъ Отечества? гдѣ осквитянинъ? готовъ былъ я грозно спросить у нихъ болѣе исправныхъ варищей. Планы мои рушились, и мнѣ осталось только пожалѣть о кой неисправности и ограничиться отзывомъ о тѣхъ книжкахъ, ко-рыя у меня подъ рукою. Кстати наконецъ прибылъ и Москвитя-инъ, но все это такъ поздно. такъ не во-время. Поэтому статья моя детъ неполна.

А между тѣмъ декабрь мѣсяцъ обыкновенно бываетъ временемъ ной сильной литературной дѣятельности, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, ѣ, какъ у насъ, вся словесность сосредоточивается въ періодичеихъ изданіяхъ. Всѣ журналы дѣлаются интересными въ этотъ мѣ-цъ, озабочиваясь поддержаніемъ или пріобрѣтеніемъ своей извѣст-сти. Можно сказать даже, что изданія слабыя и нелюбимыя публи-ю становятся въ это время занимательнѣе остальныхъ изданій, кото-ія, обезпеченныя заранѣе, идутъ путемъ болѣе ровнымъ. Нечего и ворить, что занимательность плохихъ журналовъ чаще всего бываетъ істо отрицательная, и статьи ихъ бросаются намъ въ глаза не до-оинствомъ своимъ, а скорѣе какимъ-то отчаяннымъ усиліемъ при-кить къ себѣ вниманіе читателей. Претензіи часто смѣшива-

ются съ жалобами на успѣхъ противниковъ и
телей любимыхъ публикою. Вся эта тактика,
литературныхъ движеній, всегда способна посел
ніе: но утвердительно можно сказать, раздражи
ность болѣе и болѣе исчезаютъ между нашею пуб
чѣмъ спокойнѣе будемъ мы смотрѣть на дѣйствія
ственности, тѣмъ болѣе интересныхъ фактовъ и за
влечено нами изъ чтенія самыхъ плохихъ сочинені
справедливо: «нѣтъ ни одного бездарнаго произвед
чел бы я безъ всякой пользы.»

Но прежде чѣмъ говорить о журналахъ слѣдуе
зать нѣсколько словъ о нашихъ газетахъ. Въ прош
шихъ ежедневныхъ листкахъ замѣтили мы двѣ пер
ма утѣшительныя. Первая изъ нихъ та, что
Вѣдомости, газета, отличающаяся подробностьы
личныхъ новостей, сдѣлалась съ 1849 года болѣе
шинству читателей. До сихъ поръ она выходила не
бавленіями, которыя для многихъ изъ подписчиков
вершенно ненужными. Съ января нынѣшняго года
будутъ составлять непремѣнную принадлежность га
Петербургскихъ Вѣдомостей, заключающій въ себѣ
граничныя извѣстія, фельетонъ и ученыя статьи, н
чаемъ отъ нихъ отдѣльно за цѣну несравненно дост
улучшеніе редакціи С. Петербургскихъ Вѣдомост
благодарность всѣхъ иногородныхъ подписчиковъ.

Второе явленіе: это отсутствіе литературныхъ сп
были особенно щедры нѣкоторыя газеты, къ пр
подписчиковъ, вмѣсто новостей и живого фельетона
кую-то темную полемику. Что было поводомъ къ и
полемики, мы не можемъ объяснить; но, не зная н
менѣе радуемся результатамъ. Теперь уже самъ себѣ
поминая тѣ обвиненія и укоризны, которыя печата
задъ. Полемика эта была такова, что князь
раторъ весьма отдаленный отъ литературныхъ с
не посвятить ей самой энергической и живой стр
книгѣ о сочиненіяхъ фонъ Визина. Люди, слѣдящіе
словесности, поймутъ, о которой страницѣ говоримъ

Двѣнадцатая книжка Отечественныхъ Записокъ
во всѣхъ родахъ, но о ней нельзя сказать многаго.
ее наполняющія, составляютъ или продолженіе, или

читыхъ за нѣсколько нумеровъ прежде. Если ихъ исключить, то занимательнѣйшею между остальными статьями будетъ повѣсть г. Доевскаго, награжденная немного страннымъ и хитросплетеннымъ главіемъ: «Бѣлыя Ночи — изъ воспоминаній мечтателя.»

Основная идея «Бѣлыхъ Ночей» и замѣчательна и вѣрна. Въ малыхъ и шихъ городахъ встрѣчается цѣлая порода молодыхъ людей, которые добры, и умны, и несчастны, при всей своей добротѣ и умѣ, при ей ограниченности своихъ скромныхъ потребностей. Имъ немного обно: нѣсколько свѣтлыхъ женскихъ взглядовъ, нѣсколько денегъ карманѣ, два или три друга, съ которыми бы могли они «совершать душевныя изліянія», то есть болтать между собою чепуху, отъ торой у посторонняго слушателя приключится зѣвота. И что же? у хъ людей нѣтъ ни денегъ, ни друга, ни любимой женщины; они инокu посреди многолюдства; свѣтъ ихъ не знаетъ, и они не знаютъ эта. Отъ гордости, отъ скуки, отъ одиночества, отъ неодолимой требности привязаться къ чему-нибудь, они дѣлаются мечтателями, и привязываются къ своимъ воздушнымъ зáмкамъ, какъ безнадежй больной привязывается къ своему доктору. Одного изъ такихъ цей вывелъ г. Достоевскій въ своей повѣсти, которая, по-моему, вы- Голядкина, выше Слабаго Сердца, не говоря уже о Хозяйкѣ и нѣ-торыхъ другихъ произведеніяхъ, темныхъ, многословныхъ и скучноыхъ. Передавать содержаніе «Бѣлыхъ Ночей» я не стану, потому- голое событіе, лишенное подробностей, не передастъ пріятнаго ечатлѣнія, оставшагося во мнѣ по прочтеніи повѣсти.

Несмотря на все ея достоинство, повѣсть «Бѣлыя Ночи» читается совсѣмъ легко. Причину я прямо отношу къ поспѣшности, съ корой была она написана и слѣды которой попадаются на каждой аницѣ. Поспѣшность не вредитъ повѣстямъ, въ которыхъ дѣйствуціи лица одарены характерами рѣзкими и эффектными; но характеры, подобные мечтателю г. Достоевскаго, требуютъ строгой и продолжительной обдуманности. Ихъ нельзя создавать съ-плеча, какъ бы были удачно схвачены двѣ-три черты, ихъ обрисовывающія, какъ ни были длинны и многословны отступленія, поясняющія психогическую сторону этихъ героевъ. Тутъ надобенъ трудъ упорный и степенный, анализъ неотступный и медленный.

Мечтатель «Бѣлыхъ Ночей» лицо блѣдное, почти непонятное, поставленное внѣ мѣста и времени. Скажутъ, что онъ и долженъ быть понятнымъ; я не соглашаюсь съ этимъ. Пусть онъ самъ себя не нимаетъ, пусть онъ плаваетъ, сколько угодно, въ океанѣ неопредѣленныхъ мечтаній, но чтобы читатель понималъ его, чтобъ читатель

зналъ, какія это мечтанія? желалъ ли герой повѣ
какія его занятія и привязанности? потому-что, н
автора, я не повѣрю, чтобъ привязанности его ге
лись на домахъ около Фонтанки, на «господахъ н
«сти, занимающихъ помощника», на «рой восторгі
«граціозныхъ и нѣжныхъ, то бурныхъ и пламенныхъ
«ныхъ или томительно радостныхъ...» Да ради-Бога,
мы? изъ какихъ данныхъ онѣ почерпнуты? кто не з
самаго фантастическаго мечтателя носятъ начало св
ности, какъ повѣсть самаго туманнаго романиста до
на землѣ, между людьми, потому-что ей болѣе необ

Ежелибъ личность мечтателя «Бѣлыхъ Ночей» бы
чена, еслибъ порывы его были переданы понятнѣе,
выиграла.

Позвольте же мнѣ, утомившись отъ такихъ туман
ній, потолковать о Москвитянинѣ, который, надо отд
ливость, не столько туманенъ. Двѣнадцатый нумеръ І
чинается повѣстью: «Маркиза Луидзи». Прочитавъ
нечаянно взглянули на журнальныя замѣтки Москвит
комической сжатостью напоминающія рѣчи Альфре
Пиквикскомъ клубѣ (*), который такимъ образомъ и
шествія у какой-то лондонской заставы:

«Берегитесь заставы — страшное происшествіе.
«семейство — мать — высокая леди — дѣти — ѣд
«Кучеръ зазѣвался, — шлагбаумъ — хлопъ — высо
«вало голову. Бутербродъ въ рукѣ — некуда его кл
«ловы! Страшно! страшно!

Въ замѣткахъ этихъ, отличающихся энергическою
поминаній о Парижѣ и о цѣнѣ блюдъ въ тамошни
нашли мы слѣдующія строки: «Во всѣхъ почти Петер
«налахъ и газетахъ помѣщаютъ переводы замогил
«Шатобріана. Это полезнѣе Лукреціи Флоріани.

Я задумался, прочитавъ эту замѣтку. Какимъ же
суждалъ я, г. Погодинъ, такъ дурно отзывающійся о
лучшихъ романовъ Жоржа Санда, — г. Погодинъ, о
разъ сильно доставалось автору Валентины, р
стить въ Москвитянинѣ маркизу Луидзи, повѣсть, н
нечто иное, какъ блѣдный сколокъ съ нѣкоторыхъ

(*) Извѣстный романъ Диккенса.

ньда,—героинь отчасти двусмысленнаго поведенія. Боже насъ сохрани навинивать въ чемъ-нибудь автора этой повѣсти съ авторомъ Ораса, и сдается намъ, что издателю Москвитянина не мѣшало бы отказаться отъ одного изъ двухъ удовольствій: хулить Жоржа Санда и печатать повѣсти въ родѣ Маркизы Лунджи. Судите сами о поступкахъ этой маркизы.

Эта женщина — актриса. Молодость ея прошла посреди порока, блеска, кокетства, самаго бездушнаго. И вдругъ она раскаявается, съ ужасомъ припоминаетъ, что во всю свою жизнь никого не любила, и, чтобъ загладить жестокости своей юности, женщина эта вѣшается на шею, сама, молодому лейтенанту, котораго (замѣтьте это) она ни разу передъ тѣмъ не видала, и о страданіяхъ котораго знаетъ за глаза, отъ одного изъ старыхъ своихъ обожателей. Чтò вы объ этомъ скажете.

А я скажу вотъ чтò: если уже и пришла маркизѣ въ голову такая мысль, то слѣдовало бы ей подождать немного, выбрать другую изъ своихъ жертвъ, и не предаваться человѣку, который говоритъ такимъ высокимъ слогомъ.

«Въ этой одной рукѣ всѣ прекрасныя качества сердца.... кротость, тишина, самыя нѣжныя, неистощимыя чувства. Къ этой рукѣ не смѣетъ никто коснуться устами.... Я уничтожилъ бы того, кто въ этотъ мигъ дерзнулъ бы коснуться руки ея. (стр. 40).

Послѣ того, лейтенантъ Уранинъ, котораго «обожгло сіяніе отъ кожи Маркизы», котораго «жгли два острые луча изъ подъ бархатныхъ ея рѣсницъ» (стр. 39 и 40), возглашаетъ тако:

«Я хочу знать ее, я хочу видѣть ее насквозь, хочу осязать всѣми порами моего тѣла... дайте мнѣ ее.... ее. . (стр. 48).

Бѣдная маркиза Лунджи! Флоріани тоже вела себя не совсѣмъ согласно съ свѣтскими требованіями, но по-крайней-мѣрѣ возлюбленный ея Кароль не говорилъ тирадъ въ родѣ вышеприведенныхъ нами....

Замѣтили ли вы, что наши русскія повѣсти дѣлятся на два довольно странные разряда. Дѣйствіе однихъ происходитъ въ Петербургѣ, и — чудное дѣло! — въ повѣстяхъ этихъ незамѣтно и слѣда петербургской жизни,—жизни озабоченной и шумной, подъ часъ веселой и блестящей. Если вѣрить повѣствованіямъ, то въ Петербургѣ только и живутъ, что унылые мечтатели да бѣдняки, тѣснящіеся по угламъ и подваламъ.

Другой разрядъ: повѣсти изъ провинціальной жизни. Тутъ вы расчитываете встрѣтить колоритъ тихій и успокоительный, картину сѣверной нашей природы, сцену изъ жизни добраго и веселаго по-

мѣщанина, который ложится спать, поужинавши при зам
Ничуть не бывало — ждите ужасовъ, итальянскихъ стра
ныхъ дѣвъ, приготовьтесь видѣть какого-нибудь поэта,
признаннымъ геніемъ, юношу обаятельно прекраснаго,
несущуюся превыше житейскихъ интересовъ.... Ссылаюс
Лунджи, ссылаюсь на повѣсть Графиня Д.... которою и
Отечественныя Записки, и о которой сейчасъ скажу
словъ.

Графиня Д*** женщина вовсе не сходная съ Марін
Она истинно добродѣтельна; но сочинительница повѣст
чтобы возвеличить свою героиню и еще рельефнѣе і
добродѣтель, сдѣлала изъ ея мужа, стараго гра
то изверга. Въ этомъ старикѣ, женившемся противъ
героинѣ повѣсти, собраны всѣ пороки, даже самые н
ные, отчего графъ выходитъ лицомъ невозможнымъ. Эт
чуть дышетъ, долженъ скоро умереть — и объѣдается
трюфлями, волочится за женщинами; едва ворочаетъ язык
корбляетъ съ великой охотою жену, которая сама моетъ
впрочемъ этихъ подробностей могъ бы авторъ не выстави
всего страннѣе, молодая, девятнадцатилѣтняя женщина и
носитъ обращеніе мужа. Сочинительница вѣроятно знаетъ,
тостью совершенно совмѣстна женская гордость, и что тер
отвѣтность имѣютъ свои предѣлы, за которыми получаютъ
званіе.

Но не одна Графиня Д*** одарена такимъ запасомъ ист
вятнаго терпѣнія: въ повѣсти есть еще одинъ поручикъ
безпрестанно куритъ трубку, пуская страшные клубы дым
раго невѣжливый графъ называетъ «моя салфетка».

Отчего же не сказать молодому человѣку: «ты моя салф
онъ позволяетъ говорить себѣ въ глаза подобныя любезнос

Дѣло въ томъ, что поручикъ влюбленъ въ графиню, и.
наться, что характеръ графини. несмотря на преувеличенія
тость, въ которыхъ нельзя не винить автора, не лишенъ
тѣльности. Когда доходитъ дѣло до защиты притѣсненной
каждая женщина-писательница находитъ что̀ сказать и
дѣльно. умно, съ охотой и увлеченіемъ. Но когда приходит
вать мужчину, мужчину порядочнаго, дѣла принимаютъ д
ротъ. Не говоря уже объ иностранныхъ писательницахъ, м
ли этотъ рѣзкій недостатокъ въ повѣстяхъ г-жи Т. Ч. и в
черь въ сочинительницѣ повѣсти, которая теперь передъ

Добродѣтельный и величественный поручикъ, онъ же «моя салфетка», очерченъ далеко (тяжело это выполвить), далеко неудачнѣе, нежели лейтенантъ Уранинъ, котораго высокопарная фразеологія съ такой любовью передана авторомъ Маркизы Луиджи. Лейтенантъ Уранинъ оказывается человѣкомъ порядочнымъ во всемъ, исключая любовныхъ объясненій: онъ пьетъ Шато д'Икемъ, любитъ говорить о музыкѣ и потчуетъ виномъ бѣднаго музыканта, которому не на что купить «бархатнаго лафиту». Черезъ эти подробности, конечно довольно лишнія, фигура молодого лейтенанта кое-какъ еще обозначается передъ читателемъ, тогда-какъ поручикъ, влюбленный въ графиню Д***, отъ начала до конца повѣсти остается лицомъ вялымъ и безцвѣтнымъ: «онъ впервые узналъ гордость здоровья и душа его отъ непривычки «не совладала съ ней. Она вылилась во всѣ черты лица, во всѣ его «движенія; высоко приподняла голову, насмѣшливо глядѣла вокругъ.... «Вдругъ рука крѣпко сжала кокосовую палку: молодой человѣкъ «схватился за трубку.

Любопытно было бы узнать, что это за гордость здоровья, разрѣшающаяся потребностью закурить трубку? и зачѣмъ тутъ кокосовая палка? Потомъ мы узнаемъ, что поручикъ «въ огромныхъ клубахъ «дыма топилъ налеты незваннаго чувства».

Что-то странно, непонятно,
Вѣрить какъ-то мудрено....

Скажу я съ даровитымъ переводчикомъ либретто какой-то оперы.

Еще одно замѣчаніе насчетъ Графини Д***. Сжатость слога этой повѣсти,— сжатость неестественная и усиленная, непріятно поразила меня. Конечно, сжатость лучше многословія, но, сокращая срокъ терпѣнія недовольнаго читателя, она въ замѣнъ того возбуждаетъ неудовольствія. Нѣтъ ничего несноснѣе коротенькихъ строкъ, обрѣзанныхъ со всѣхъ сторонъ и торчащихъ передъ глазами въ видѣ стиховъ изъ Алкорана или афоризмовъ древняго мудреца. Я не стану болѣе распространяться объ этомъ предметѣ и ограничусь только однимъ совѣтомъ. Пусть сочинительница повѣсти перечитаетъ «Путевыя записки» г. Погодина: только въ нихъ можетъ она увидѣть, до какого непроизвольнаго комизма можетъ дойти слогъ, сжатый не въ мѣру

Но обратимся къ Москвитянину. Статья кн. Львова: «Разсказъ изъ народнаго быта», не оправдала ожиданій, возбужденныхъ во мнѣ своимъ заглавіемъ, хотя написана тщательно и читается легко. Есть два способа описывать бытъ простого русскаго народа: повѣствовательнымъ образомъ г. Даля и г. Григоровича. Первый изъ нихъ чрезвычайно кратокъ и сжатъ въ своихъ разсказахъ; выбравъ какое-нибудь

происшествіе, ярко выказывающее одну изъ сторонъ
человѣка, г. Даль только мимоходомъ обрисовываетъ и
подробности. У него главное въ событіи, и, надо отд
вость, событія, описываемыя имъ, схвачены ловко и
кусно. Г. Григоровичъ держится другой системы: не р
ихъ этюдовъ на отдаленныя одна отъ другой сцены, с
подробностей, изъ интересовъ, повидимому ничтожныхъ
ствіе, поражающее насъ занимательностью и художес
полненія..

Разсказъ г. Львова не напоминаетъ собою ни той,
перы: у него нѣтъ интереса внѣшняго, онъ лишенъ и
психологической. Его разсказъ — идиллія, въ котор
описаніемъ любви, страсти, которая, какъ всѣмъ извѣст
на первомъ планѣ у нашего простого народа. Авторъ не
ся съ своими героями и не жилъ ихъ жизнью; его мужи
чего не говорятъ, или отпускаютъ общія мѣста. Онъ са
что крестьянскіе разговоры неинтересны и вертятся и
ничтожныхъ; не вѣримъ этому: въ жизни все интересно,
ничего ничтожнаго. Вникните въ жизнь крестьянина,
предметы драмы поживѣе какой-нибудь натянутой любв
те украденную лошадь въ Антонѣ-Горемыкѣ. Г. Львовъ
ту маленькую слабость, что предполагаетъ въ своемъ чи
шенное незнаніе образа крестьянской жизни. Это убѣ
вляетъ его дѣлать самыя комическія отступленія. «Крес
«разговариваютъ между собою—говоритъ авторъ—о томъ,ч
«ся ихъ житья-бытья. Имъ нѣтъ дѣла до того, что твори
«нѣ и другихъ странахъ свѣта.»

Описывая сватьбу героини, авторъ разсказываетъ, ка
алъ у невѣстиныхъ дверей съ подарками. «Разумѣется,
«богатый уборъ прислалъ женихъ, а зеркальцо, роговой
т. д.

Душевно благодаримъ г-на Львова за такіе любопыт
Эти драгоцѣнныя замѣчанія какъ нельзя лучше разъясня
нами бытъ простого русскаго народа....

Но перломъ 12-го № Москвитянина, по-истинѣ, могутъ
Новыя путевыя записки г. Погодина, гдѣ онъ съ тако
энергическою краткостью, на двадцати страницахъ, предс
щенному моему взору Бѣлозерскъ, Весьегонскъ, Бѣжецкъ,
рѣчку Сить, гдѣ побиты были русскіе татарами, и дл
которой г. Погодинъ, въ глухую ночь, перебудилъ все

ялъ на ноги священника и повелъ съ собою весь причетъ на мѣсто заменитой битвы. Сцена эта напоминаетъ собою ночной пріѣздъ ичикова къ Коробочкѣ, переданный дамою, пріятною во всѣхъ отошеніяхъ: «Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдини и требуетъ: подайте, говоритъ, всѣ души, которыя умерли. Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ, я не могу продать, потому-что онѣ мертвыя. ѣтъ, говоритъ, онѣ не мертвыя; «это мое дѣло, говоритъ, знать, мертвыя онѣ или нѣтъ, онѣ не мертвыя, не мертвыя, кричитъ, не мертвыя; вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто ни его не понимаетъ, ну просто оррёръ, оррёръ, оррёръ!» (М. Д. стр. 355).

Подобнымъ образомъ отыскивалъ рѣку Сить почтенный авторъ утевыхъ Записокъ. Мнѣ стало страшно, когда я прочиталъ это мѣсто; хорошо, что за нимъ слѣдовали сцены болѣе успокоительныя. Мы объѣхали городъ (Ярославль) по всѣмъ главнымъ улицамъ. Прекрасный видъ на Волгу! Прекрасная площадь!»

Какая художественность въ описаніяхъ. «Въ Переяславлѣ, первомъ пріобрѣтеніи Москвы, были мы поздо вечеромъ. Поѣлъ въ трактирѣ свѣжихъ сельдей....»

Какъ! опять за старое? спросите вы. Опять за разговоръ о съѣстныхъ припасахъ? Успокойтесь: точно, г. Погодинъ поѣлъ сельдей и сообщилъ намъ объ этомъ, но не все высказалъ, что̀ было у него на душѣ. Онъ не сказалъ намъ, сколько заплатилъ за сельди. А я увѣренъ, что трактирщикъ за сельди запросилъ вчетверо, что авторъ Записокъ» сильно хотѣлъ подѣлиться этимъ событіемъ съ публикою, но удержался, боясь приписки. Успѣхъ! успѣхъ!

Другія мѣста изъ «Путевыхъ Записокъ» поражаютъ насъ и заставляютъ задумываться. Мы привыкли къ слогу г. Погодина, но такой сжатости, такой рѣзкой, блестящей краткости еще не запомнимъ.

«Жители (Бѣлозерска) вообще довольно набожны и привержены къ церкви. Числомъ ихъ 3000 а церквей 13 и священники довольны. Древнихъ родовъ нѣтъ, всѣ вывелись. Дворянъ много, но всѣ бѣдные.»

Кромѣ того, для любителей, въ Москвитянинѣ интересна рецензія на статью г Егунова «О торговлѣ древнѣйшей Руси.» Не берусь судить, справедливы ли замѣчанія рецензента; (*) знаю только, что статьѣ чрезвычайно неблагопріятна замѣтка г. Погодина, помѣщенная въ концѣ. Въ этой замѣткѣ сказано между прочимъ «*Статья г. Егунова*

(*) До какой степени справедливы эти замѣчанія, будетъ скоро показано въ нашемъ журналѣ въ особой статьѣ. *Ред.*

увлекаемся ею врет. » Мы не говоримъ уже о рѣзк
говора, но не можемъ не сдѣлать одного вопроса : не
голословная похвала или порицаніе, по самому сущ
раждаетъ въ читателѣ недовѣрчивость?

Но довольно о Москвитянинѣ. Стихотворенія, въ
ный, лишены замѣчательности, какъ въ положитель
отрицательномъ смыслѣ. Жаль, очень жаль, потому-чт
пріучилъ меня къ стихотвореніямъ, которыя способны
ля истиннымъ наслажденіемъ. Гдѣ, какъ не въ Моск
ли стихотворныя филиппики на мягкую мебель, на фра
скую кухню? гдѣ, какъ не въ Москвитянинѣ, можно б
званія «къ возлюбленной,» «къ ней,» отъ которыхъ ст
нію и радостно?... Въ декабрьской книжкѣ ничего
йдешь. Какіе-то поэты говорятъ о своихъ чувствія
довольно вяло:

У меня есть одинъ сосѣдъ, очень умный помѣщик
находитъ довольно трогательныхъ словъ, оплакивая гор
русской музы, — такъ онъ выражается. Этотъ любите
ній человѣкъ очень желчный: въ свою жизнь онъ много
го читалъ. Ему все надоѣло, не надоѣло только
хи. Если ему случается встрѣтить въ журналѣ громов
или стихотвореніе съ ропотомъ на непризнанное вели
описаніемъ красотъ неподражаемой дѣвы, онъ соверше
Его раздражительная и ѣдкая натура радуется при наб
жимъ безсиліемъ и самолюбіемъ, которое становится н
даетъ съ нихъ и снова, съ отчаяніемъ въ душѣ, лѣзет
которая все-таки навсегда остается недоступною. Въ
мѣсяцѣ я познакомлю васъ съ этимъ помѣщикомъ.

Я прочелъ ему стихотворенія изъ декабрьской книжк
нина; онъ началъ-было ихъ слушать съ охотою, потомъ
ніе и вдругъ разсердился. «И это называютъ стихами!»
онъ съ досадой. — Да что съ ними всѣми сдѣлалось? Та
прежде? Хотите, я вамъ прочту одну мистерію? или нѣт
те отрывокъ, изъ нея же.... около конца.» И онъ открыл
сивую книгу, изданную лѣтъ за тринадцать назадъ. «Ч
«покрываетъ все небо. Отъ земли поднимаются два с
«огненный, другой кровавый. Духи вертятся въ каждом
«столбовъ. Небосклонъ разсыпается и обломки его, по
«камъ хрусталя, падаютъ на землю.

— Постойте, постойте! перебилъ я моего сосѣда, видимо увлекшагося чтеніемъ: — да какіе же это стихи?...

— Стихи сейчасъ пойдутъ, отвѣчалъ онъ: — это только экспозиція, это только вмѣсто словъ «театръ представляетъ...» Слушайте же...

— Не хочу, не хочу! кричалъ я въ ужасѣ.

— Видите ли, говорилъ помѣщикъ, положивъ книгу: — вотъ какова проза, что́ же стихи послѣ этого.... По-моему, коли стихи писать, такъ ужь писать ихъ этакъ!

До слѣдующаго мѣсяца!

— Да! еще скажу нѣсколько словъ о Библіотекѣ для Чтенія. Вотъ уже двадцатое декабря, а мы не получили даже и *одиннадцатой* книжки этого журнала, не говоря уже о двѣнадцатой.

Это дурной признакъ. Мы не можемъ не пожалѣть о журналѣ, котораго заслуги будутъ помнить въ исторіи нашей словесности, и который, кромѣ того, до сихъ поръ замѣчателенъ отсутствіемъ журнальныхъ споровъ, скучныхъ для публики и безполезныхъ для самихъ враждующихъ сторонъ. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не сказать, что самое это холодное и неподвижное равнодушіе къ вопросамъ, занимающимъ любителей русской словесности, едва ли болѣе не согласны съ выгодами журнала, нежели самое упорное, одностороннее преслѣдованіе ложной мысли

Въ дѣлѣ изящнаго нельзя быть холоднымъ скептикомъ и безпрестанно, сознательно противорѣчить себѣ самому. Судьба Библіотеки для Чтенія можетъ служить рѣзкимъ подтвержденіемъ нашего замѣчанія. Мы всѣ помнимъ блестящій успѣхъ этого изданія, открывшаго новый путь нашей журналистикѣ. Успѣху этому журналъ столько же обязанъ былъ множеству хорошихъ беллетристическихъ статей, какъ и своему направленію, которое не лишено было естественности и оригинальности. Три четверти тогдашнихъ книжекъ Библіотеки для Чтенія наполнены были статьями русскими, взятыми изъ нашихъ матеріаловъ и нашей жизни; въ критическихъ статьяхъ проявлялось похвальное противодѣйствіе неистовой иностранной словесности, которой произведенія съ 1830 года жадно читались русскою публикою. Въ Библіотекѣ для Чтенія впервые появились статьи, въ которыхъ Бальзакъ, Гюго, Сю и прочіе идолы тогдашней публики были сведены съ своихъ пьедесталовъ. Этого мало: въ Библіотекѣ для Чтенія жарко и неутомимо преслѣдовались бездарные поэты того времени; публикѣ было ясно доказано, что послѣ Пушкина и бездарный писака можетъ скропать гладкое стихотвореніе. Колкія насмѣшки Литературной лѣтописи надъ нелѣпыми романистами и вялыми поэтами памятны намъ и до этого времени.

Таково было начало журнала Библіотека для Чтенія годы, беллестристическая часть ея была такъ же ни блика съ научленіемъ замѣтила, что критическая част вывается явно непослѣдовательною, и непослѣдовательн шей къ тому надобности. Журналъ, наполненный ху новные французскіе романы, началъ наполнять свои с піями тѣхъ же самыхъ романистовъ; въ той же самой осмѣивались бездарныя попытки стихосплетанія, пои скучныя, ничтожныя, водяныя вирши. На-ряду съ Бальзака гремѣла хула на свѣтлые, первые романы Гоголь встрѣченъ былъ насмѣшками и сдѣлался любим г. Тимофеевъ прославленъ былъ великимъ поэтомъ, а ну не хотѣла о его стихотвореніяхъ. Вотъ обстоятельства, и сли первый ударъ Библіотекѣ для Чтенія.

Это положеніе не могло укрыться отъ лицъ, завѣды наломъ. Вмѣсто того, чтобъ признать свои ошибки и с редъ судомъ публики, редакція Библіотеки для Чтенія ян какой-то странный индеферентизмъ, подъ-часъ остроуми полезный. Стали появляться такія рецензіи, изъ которыхъ узнать, превозносится ли до небесъ разбираемое сочиненіе осуждается. Сужденія, статьи правильныя и серьёзныя ста ся съ фарсами и пустозвонными тирадами. Въ одномъ ну лась статья какого-нибудь литератора и авторъ прославля въ слѣдующемъ—надъ нимъ же нещадно подсмѣивались. статьи являлись чаще и чаще, а отдѣлъ обзора иностра туры былъ на-чисто уничтоженъ. Чрезвычайно удобное ср вляться отъ противорѣчій!

Читатели простятъ намъ эту длинную диссертацію, е жемъ, что писавши это, мы имѣемъ въ виду пользу и успѣ ки для Чтенія. Прошло то время, когда періодическія издані вались одно подъ другое: въ наше время и слѣпой видит болѣе читаютъ въ публикѣ, тѣмъ больше возрастаетъ пог любителей чтенія.

Всякое, самое нерачительное литературное произведе ляетъ предполагать въ писателѣ часть убѣжденія, горячно мую, задушевную мысль. Зачѣмъ накидывать на себя ра холодность? Мы не повѣримъ, чтобы лица, стоящія въ голо нибудь журнала глядѣли на современную русскую литера а поприще для жалкихъ дѣятелей. Критикуйте насъ, опров мнѣнія, но ради Бога, чтобы у васъ была жизнь, огонь и

Словесность погибнетъ, если въ ней поселится безстрастіе, вымышленное ли, настоящее ли!

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ отчетъ мой будетъ полнѣе и вѣрно интереснѣе: вѣдь придется говорить о «первыхъ» нумерахъ журналовъ!

* * *.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Петербургскую публику обвиняютъ обыковенно въ холодности, въ недостаткѣ теплаго, живого сочувствія ко всему, что̀ только появляется у насъ въ области искусствъ и художествъ; говорятъ даже, будто она не любитъ театра. Такое равнодушіе приписываютъ избалованности, порчѣ вкуса, эстетической неразвитости и проч. Прежде чѣмъ оспаривать такое общее заключеніе, слѣдовало бы согласиться, о какой публикѣ идетъ рѣчь, и что̀ вообще привыкли называть у насъ *публикой*. Если подъ этимъ словомъ разумѣть ту щегольскую массу болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, которые ежедневно встрѣчаются въ условный часъ на Невскомъ проспектѣ, на гуляньяхъ, въ концертѣ, въ бель-этажѣ всѣхъ театровъ, — и толковать нечего, — мнѣніе разумѣется справедливо. Но, въ томъ-то и дѣло,—нельзя смѣшивать эту массу, находящуюся въ исключительномъ положеніи, отъ остальнаго народонаселенія; она не можетъ служить общею мѣркой. Избранное общество посѣщаетъ безусловно всѣ зрѣлища; ему все равно, куда ни пойти, лишь бы провести какъ-нибудь повеселѣе время; плата за удовольствіе не составляетъ тамъ большого счета; масса эта стремится всюду, гдѣ только появляется что-нибудь новенькое. Насытившись вдоволь всѣми возможными удовольствіями, приглядѣвшись ко всему, оно естественно не можетъ обнаруживать ни къ чему живого участія: ей все уже давнымъ-давно надоѣло, прискучило, любопытство ея притупилось; въ итальянской оперѣ она слушала каждое представленіе Рубини, Віардо, Тамбурини; на французскомъ театрѣ она знаетъ почти наизусть весь репертуаръ, въ Александрынскій театръ заглядываетъ она рѣдко, такъ развѣ отъ нечего дѣлать, чтобы только faute de mieux убить вечеръ. Кѣмъ же между прочимъ наполняется этотъ театръ каждый день, буквально съ верху до низу? Чтобы наполнять каждый день такую обширную залу, нужна масса, по-крайней-мѣрѣ во сто разъ значительнѣе той, которая разсѣевается кой-гдѣ по бель-этажу и первымъ рядамъ остальныхъ нашихъ театровъ. Вотъ по этой-то публикѣ, какъ самой многочисленной, и слѣдовало бы заключать о любви ея къ театру. Что̀жь привлекаетъ ее въ

театръ? Скажутъ: «да тоже, что и другую: — убить і
человѣкъ средняго круга (говоря въ общемъ смыслѣ
такъ охотно своими деньгами для одного этого; полтор
ромъ для него уже счетъ. Да что говорить, стоитъ тр
на площадь Александрынскаго театра до начала предс
убѣдиться въ любви къ нему его публики. Каретъ вы
да, очень мало, но тутъ не столько экипажи говорятъ
сколько пѣшеходы, шествующіе съ истиннымъ самоот
всѣмъ направленіямъ площади; нерѣдко встрѣчаешь иі
съ Выборгской или Петербургской, торопливо пробира
ни или морозу; ужь вѣрно не изъ одного пустого лю
еще болѣе пустой слабости себя показать и на люд
справляются иногда за цѣлый мѣсяцъ о достоинствѣ т
пьесы, забѣгаютъ къ знакомымъ, въ кофейныя, загляды
ши, сбираются, суетятся и наконецъ жертвуютъ деньг
часто скопляются по четвертакамъ да полтинникамъ. И
что происходитъ въ коридорахъ театра часамъ къ сем
среди страшнаго шума и давки слышишь то-и-дѣло от
клицанія: какъ? неужели нѣтъ болѣе билетовъ!!...»
тѣмъ раздается даже иногда что-то въ родѣ женскаго
вопля, прерываемаго голосомъ негодованія: «нѣтъ би
можетъ ли быть!.... — одолжили!!» Возьмите теперь рае
бываетъ биткомъ-набитъ; простой народъ ходитъ въ т
такъ же не потому, что затрудняется провести вечеръ. Ес
не было потребности къ благородному зрѣлищу, онъ кон
бы куда употребить свои деньги! Склонность къ театру
годомъ дѣлается замѣтнѣе въ той публикѣ, о которой
Это подтверждается фактомъ — ежегоднымъ усиливані
Александрынскаго театра. Бенефисы каждый разъ тепер
лаютъ полный сборъ. Въ прежнее время въ бенефисахъ
непремѣнно хоть одна хорошая пьеса, такая пьеса, котора
дѣлѣ заключала въ себѣ достоинства, и со всѣмъ тѣмъ
рѣдко вознаграждалъ артиста; теперь публика уже, такъ с
нулась въ театры, и что бы ни давали на сценѣ, она
разбору и въ кресла и въ ложи. Въ примѣръ можно прив
нефиса за прошлый мѣсяцъ: — бенефисъ г. Мартынова и
Чудо изъ чудесъ! въ первомъ двѣ старыя пьесы, еще б
дивертиссементъ,—и съ утра уже не было ни одного билет
старыя пьесы: *Петербургскія дачи* и *Новый Саміель*, по
второй разъ; къ тому же эти пьесы все-таки лучше мног

—ихъ старыхъ водевилей, окончательно лишенныхъ достоинства, таланта, вялыхъ, скучныхъ, безцвѣтныхъ, которыя являются ежедневно на нашей сценѣ, смѣняя одинъ другого какъ волны на морѣ. Авторы такихъ произведеній сами, кажется, очень хорошо понимаютъ незначительность своихъ трудовъ. Нельзя не отдать справедливости ихъ скромности: въ послѣднее время нѣтъ почти пьесы, гдѣ бы имя автора не замѣнялось анонимомъ или звѣздочками. Въ водевилѣ *Петербургскія дачи* есть хоть движеніе, сценическая сноровка, и если завязка и развязка стары и избиты, встрѣчаешь двѣ, три сцены довольно забавныя. Дѣйствіе происходитъ въ небольшомъ садикѣ, окруженномъ дачами. Дачи и садъ принадлежатъ отставному брандмейстеру Брызгалову. Налѣво живетъ г. Неволинъ, коломенскій франтъ, женившійся по расчету на сорокалѣтней дебелой вдовѣ. Жена ревнуетъ мужа къ кому угодно, даже къ родной племянницѣ; съ этой стороны г. Неволина могла бы однакожъ успокоиться; вкусъ г-жи Жулевой (племянницы) несравненно лучше: она влюблена въ одного кавказскаго героя (поручика или, кажется, даже капитана). Капитанъ *не пищетъ ей*, потому-что его чуть-было самого не *выключили изъ списковъ*, замѣчаетъ авторъ пьесы. Г-жа Жулева гуляетъ по саду. Является г. Рохлинъ, скучнѣйшее созданіе изо всего репертуара Александрынскаго театра. Онъ, нужно замѣтить, давно уже ухаживаетъ за дѣвушкой: ночью поетъ онъ подъ ея окнами романсы, днемъ пишетъ письмо; послѣднее его посланіе, какъ на зло, затерялось кухаркой Неволиныхъ. Увѣренный однакожъ, что записка дошла по принадлежности, Рохлинъ расшаркивается передъ г-жою Жулевой. «Подойду *ближе* — говоритъ онъ — и начну *издалека*.» «Какъ вы себя чувствуете?» «Дурно-съ.» «*Дурно — хорошо, хорошо*», шепталъ Рохлинъ, такъ однакожъ, чтобы публика не пропустила игру словъ. «Пожалуйте вашу *ручку*; да это изъ *рукъ вонъ*, она не даетъ *ручки*»: продолжаетъ острить Рохлинъ. Потомъ онъ намекаетъ вскользь о письмѣ, прибавляя, что предпочитаетъ изъясняться въ *третьемъ лицѣ*, потому что любитъ еще въ *первый разъ*, и наконецъ объявляетъ ей, что абонировался на Итальянскую оперу въ пятомъ ярусѣ, прибавляя: «*какое высокое наслажденіе!*» Не знаю, уменъ ли кавказскій герой, въ котораго влюблена г-жа Жулева, но во всякомъ случаѣ Рохлинъ долженъ быть глупѣе его. Г-жѣ Жулевой особенно не нравится то самодовольствіе, которое обнаруживаетъ Рохлинъ, произнося свои каламбуры; онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, принимаетъ каждую сказанную имъ пошлость за остроту; г-жа Жулева между тѣмъ отворачивается и надуваетъ губки. Является другой ея поклонникъ, Брызгаловъ, хозяинъ дачи.... изъ куля да въ рогожу,

изъ огня да въ полымя! Послѣдній одинокъ надежда
главная забота его въ томъ, чтобы не мяли травы въ
сдѣлайте милость, не ходите по травѣ, я завтра коси
читъ онъ, растопыривъ руки. Публика смѣется, акте
слабую сторону публики, заставляетъ Брызгалова повт
каждую минуту. Въ числѣ дачниковъ находится такъ же
рюковыхъ. Мужъ старый сутяга, изъ породы тѣхъ, кот
нанесутъ личное оскорбленіе, такъ идутъ жаловаться; к
еще и скряга; деньги предпочитаетъ жену, забывая, с
зла-то отъ злата часто происходитъ. Бирюковъ ревну
ную жену свою (г-жу Самойлову 2-ю) къ полосенскому
лину. Г. Неволина ревнуетъ мужа къ г-жѣ Бирюковой.
какъ подозрѣніе о женниной невѣрности закрадывается
рюкова, Брызгаловъ находитъ безъименную записку о
г-жѣ Жулевой, которую затеряла кухарка. «Нѣтъ сомнѣн
Бирюковъ — это отъ Неволина къ моей женѣ!» Является
лина съ другою запискою, найденною ею въ бюро мужа
мнѣнія — восклицаетъ она — это отъ Бирюковой къ м
Неволина обнаруживаетъ Бирюкову свои подозрѣнія, 1
даетъ съ своей стороны тоже самое. Обоимъ дѣлается ду
воды! помогите! умираю!» Всѣ дѣйствующія лица сбѣ
нии обоихъ супруговъ. Письмо, найденное въ бюро, пі
скому герою госпожею Жулевой; письмо, найденное Бр
отъ Рохлина къ племянницѣ г-жи Неволиной. Все объяс
рюковъ клянется не ревновать болѣе жену; Неволина с
стѣснять ни въ чемъ мужа. «Сдѣлайте же милость, не ход
я завтра косить буду!» повторяетъ Брызгаловъ, оставшій
кахъ, точно такъ же, какъ и жилецъ его отставъ Рохлинъ
герой торжествуетъ болѣе чѣмъ когда-нибудь въ сердцѣ
вой; жаль только, что бѣднажка раненъ и лежитъ въ тие
заретѣ. Водевиль оканчивается куплетомъ, гдѣ говорится,
познакомивъ публику съ *сырыми* петербургскими дачами,
лучить отъ нея не *сухое* вознагражденье, или что-то въ
Водевиль разыгранъ очень хорошо; жаль только, что г-нъ
(Рохлинъ) и г-жа Самойлова 2-я (Бирюкова) берутся за такі
всемъ желаніи умныхъ, добросовѣстныхъ актеровъ, нѣтъ
высказать въ нихъ искры таланта; играя часто роли, не
ющія, по очевидной пустотѣ своей, никакого труда, легко
къ небрежности, которая можетъ отразиться потомъ на ост
ѣъ, требующихъ всего вниманія.

Новый Самiель. Неизвѣстно гдѣ и когда, жилъ былъ старикъ Олесницкiй со своею дочкою; дочка полюбила Леона Бирбанскаго; отецъ Леона, другъ старика Олесницкаго, умираетъ. Съ горя или съ чего другого, Леонъ начинаетъ кутить во всю молодецкую удаль. Кутилъ, мутилъ, а и дошелъ до того, что долженъ былъ продать право пожизненнаго владѣнiя своего Самуилу Чертовичу, ростовщику. Получивъ деньги, Бирбанскiй прiѣзжаетъ кутить въ Варшаву и останавливается въ гостинницѣ. Судьба — индѣйка, жизнь — копейка, по мнѣнiю Леона; отправиться на тотъ свѣтъ, — вотъ задача его жизни! Къ счастiю, Чертовичъ не отходитъ отъ него ни на минуту. Старикъ Олесницкiй и его дочка остановились такъ же въ этой гостинницѣ. Дѣла старика плохи; онъ рѣшается выдать дочь за Чертовича, не подозрѣвая въ немъ негодяя. Бирбанскiй между тѣмъ кутитъ на-пропалую; докторъ, приставленный къ нему ростовщикомъ, прописываетъ ему лекарство, — онъ пьетъ шампанское; узнавъ случайно объ отлетѣ воздушнаго шара, онъ хочетъ, во что бы ни стало, летѣть за облака. Чертовичъ, видя, что жизнь Бирбанскаго въ опасности, запираетъ его второпяхъ въ комнату невѣсты, а самъ пользуется этимъ временемъ, чтобы продать другому ростовщику пожизненное право съ уступкою. Но Бирбанскiй встрѣтился уже съ старыми знакомыми: Роза любитъ его по-прежнему; Леонъ кается въ беспутной жизни и предлагаетъ ей руку. Но вотъ бѣда! Олесницкiй уже далъ слово Чертовичу. Какъ быть? что дѣлать?... Постойте, все будетъ ладно. Отецъ съ дочкой подслушиваютъ у дверей; Бирбанскiй беретъ пистолеты, увѣряя Чертовича, что тотчасъ же лишитъ себя жизни, если тотъ не откажется отъ невѣсты. Ну, чортъ съ ней! живи, только не разоряй меня!» кричалъ Чертовичъ. Дверь отворяется, Олесницкiй бросаетъ презрительный взглядъ на Чертовича, а Роза и Леонъ падаютъ въ объятiя другъ друга. Публика смѣялась очень много, хлопала еще больше; но такъ-какъ то и другое утратили уже кредитъ и ровно ничего не говорятъ въ пользу пьесы и актеровъ, не мѣшаетъ прибавить, что г. Мартыновъ (Чертовичъ) сыгралъ свою роль какъ нельзя лучше. Впрочемъ, когдажь бываетъ иначе? Г. Мартыновъ помощiю своего таланта заставитъ глядѣть съ удовольствiемъ на какую угодно жалкую пьесу. Въ одномъ развѣ можно по справедливости упрекнуть его: онъ не мастеръ выбирать пьесы для своихъ бенефисовъ. «Позвольте, позвольте, воскликнутъ его поклонники: — вотъ славно! есть изъ чего ему хлопотать, да не все ли ему равно? Что онъ ни дай въ бенефисъ, театръ все-таки будетъ полонъ, всѣ пойдутъ къ нему!!» Прекрасно, но тѣмъ не менѣе бенефисъ слабъ самъ по себѣ, слабъ для публики, ко-

торая должна же наконецъ получить что нибудь
Если бенефисы и дѣлаютъ въ послѣднее время полн
сты должны благодарить случай, или, скорѣе, возра
щость публики къ театру. Мнѣніе, что публика посѣ
имѣя исключительною цѣлію поощреніе любимаго
Она, повѣрьте, не упускаетъ ни въ какомъ случаѣ
ныхъ выгодъ. Бывали примѣры, гдѣ любимецъ не дѣ
ного сборе, если только самъ не участвовалъ въ пред
были старыя, и бенефисъ давался ему или его семейс
ществаванія. Ужели покойный Дюръ не былъ любимец
жду тѣмъ это исторія его послѣдняго бенефиса. Пор
титься къ двумъ новымъ пьесамъ г. Мартынова. *1-ое
именинника!* Оригинальная картина. Нечего сказать,
званіе для такого фарса. *1 Декабря!*... отчего
апрѣля? Право, было бы ближе къ дѣлу. Развѣ
1 апрѣля, что нашъ бенефиціантъ не обманулся въ ра
былъ полонъ?.... Дѣйствіе, вотъ видите ли, происходи
Терентьева. Кто такой Терентьевъ? Департаментскій с
етъ афиша. Ладно, чтожь дальше?... да такъ почти и
рентьеву собираются на именины гости: курьеръ, ма
рюльни, швейцаръ, писарь, хозяинъ табачной лавочки
ждаютъ жоны и дочки. Не думайте однакожь, чтобъ
этихъ лицъ была роль; всѣ они бо́льшею частію пр
свитѣ Фортинбраса или рыцарямъ Вероны, т. е. ли
Авторъ вѣрно принимаетъ слово *картина* въ буквал
не иначе. Дѣйствующее лицо одно только, Мартыновъ
Посмотримъ, какъ онъ дѣйствуетъ. Гости собрались, две
и Терентьевъ съ кренделемъ въ рукахъ брякъ со вс
полъ; крендель катится по сценѣ (взрывъ аплодиссементов
подъ хмѣлькомъ; онъ переваливается съ ноги на ног
рюмку за рюмкой. Такъ-какъ Мартынову послѣ в
рѣшительно ничего не остается дѣлать на сценѣ, онъ
спать за ширмы Терентьевъ съ-пьяна зацѣпилъ за нихъ
мы летятъ (взрывъ аплодиссементовъ). Тѣмъ бы вѣроятно
оригинальная картина, еслибъ не выручилъ г. Марковец
Ему подъ конецъ становится такъ совѣстно за Мартыно
за публику, за самого себя, что для того, чтобы какъ-н
окончить пьесу, онъ предлагаетъ руку дочери Терент
новая пьеса: *Настроилъ, разстроилъ и устроилъ.* У
дочь и фортепьяно. При дочери онъ держитъ гувернант

пьяно—настройщика Штиммера. Штиммеръ влюбленъ въ гувернантку, чика — въ г. Подобина, гувернатка такъ же влюблена, но не знаетъ це кому отдать преимущество, Штиммеру или Подобину. Сердце выбираетъ наконецъ второго. Настройщикъ между тѣмъ предлагаь ей руку. Погодите, г. Штиммеръ — говоритъ гувернантка — у ня покуда есть еще надежда на г. Подобина; онъ лучше васъ.» Но несчастію, Подобинъ знать ее не хочетъ. Чтожь мудренаго? Изъ вности, что Подобинъ промѣнялъ ее на Катиньку, она жалуется еи щу. Подобину угрожаетъ опасность разстаться на-всегда съ домомъ рнозова. «Скажите, что вы любите ее, а не меня», совѣтуетъ Катинька Подобину. «А такъ вы меня любите! восклицаетъ восхищенная гувернантка (настройщикъ между тѣмъ подслушиваетъ); дайте мнѣ письменное доказательство». Подобинъ, застигнутый въ-расохъ, даетъ ей первое попавщееся подъ руку письмо. Всѣ сбѣгаются отчаянный вопль Штиммера. Письмо читаютъ. «Экая ты, братъ, жна....» пишетъ товарищъ къ Подобину; всѣ смѣются, дѣло объясняется и гувернантка подаетъ руку настройщику. Пьесу эту слували; при доброй волѣ можно даже кой-гдѣ посмѣяться. Роль Катиньки, дочери Торнозова, играла г-жа Жулева. Три роли въ одинъ ве-ръ! г-жа Жулева недавно поступила на сцену. Въ ея игрѣ, покуда це однообразной, проглядываютъ однакожь такіе вѣрныя, естественя движенія, которыя обѣщаютъ талантъ недюжинный. Ей только какъ не слѣдовало бы брать сплошь да рядомъ всѣ роли, какія падаются подъ руку. Не имѣя времени обдѣлать и обдумать кажю изъ нихъ отдѣльно, она является вѣчно одною и тою же, тѣмъ боле, что уже самый амплуа ея самъ по себѣ нѣсколько однообразнымъ. Посмотрѣвъ на госпожу Жулеву въ трехъ роляхъ въ одинъ вееръ, вспомнишь только, что видѣлъ ее въ трехъ разныхъ костюмахъ: ѣтъ никакой возможности отдѣлить одну роль отъ другой. Бенефисъ кончился дивертиссементомъ, но о немъ упоминать не для чего. Каждый, кто хоть разъ бывалъ на вѣку своемъ въ Александрынскомъ атрѣ, конечно видѣлъ русскую пляску, исполненную г-жою Дюръ и Гольценъ, каждый слышалъ г. Петрова. Тѣ, которые любятъ ину ишнику г. Мартынова, не замѣчая въ его талантѣ другой гороны, пусть посмотрятъ *качучу*: они будутъ смѣяться до упаду. Какъ бы такъ ни было, однакожь бенефисъ г. Мартынова на столько лучше бенефиса г-жи Дюръ, что между ними сравненія даже никакого быть не можетъ. Странно, откуда въ нынѣшнемъ году такой урожай исключительно бездарныхъ пьесъ на сценѣ Александрынскаго театра? Въ первомъ бенефисѣ найдется по-крайней-мѣрѣ хоть двѣ

пьесы: *Петербургскія дачи* и *Самієль*, которыя оста
время въ репертуарѣ и займутъ публику; во вт
сѣ, кромѣ одного водевиля, нѣтъ ровно ничего. Да
какъ рѣшилась г-жа Дюръ сдѣлать такой выборъ, отк
такихъ пьесъ? Не лучше ли было бы взять два-три
только необходимо число) изъ стараго репертуара? К
это избавило бы бенефиціантку отъ излишнихъ хлопот
нѣтъ сомнѣнія, что и самая публика осталась бы бо
Пьесъ вовсе не пишутъ теперь; прекрасно! отговорі
Дюръ кругомъ права; не самой же ей сочинять! не
талантъ писателя, вмѣстѣ съ даромъ драматическимъ, ка
многіе изъ ея собратій! Пьесы, какъ напримѣръ *Ка
щица Рославская*, забываются нескоро, и ужь ко
ютъ такое впечатлѣніе, которое можетъ только повр
бенефиціанту на будущее время. Ничего не можетъ бы
разочарованія, особенно когда воображеніе сильно в
прежде въ пользу чего-нибудь. Бенефисная афиша г-
собна была возбудить любопытство не только оди
театра. Судите сами: *Калужская помѣщица Рос
въ 2-хъ дѣйствіяхъ, изъ происшествія 12 года.* 1
Сходка, 2-е *Мщеніе!* Мщеніе! уже того довольно; чт
заманчивѣе? Потомъ: *Жоко или Бразильская обезьян
трехъ дѣйствіяхъ*, съ новыми декораціями, и каким
раціями: бамбуковый лѣсъ и машина утопающаго ко
рѣшительно нѣтъ возможности устоять! Потомъ: *Свадьба
или последнее число мѣсяца*, комедія-водевиль. За тѣмъ сл
живыхъ картинъ, заглавіе которыхъ близорукій (а ихъ
много) очень легко принять можетъ за отдѣльныя пьесы
вершенно справедливо замѣтилъ сходство между бенефис
ми и иными обѣденными картами: взглянувъ на нихъ,
шійся посѣтитель приходитъ въ неописанный восторгъ,
тираетъ руки: какой славный обѣдъ! и чего тутъ нѣтъ! оди
цѣлая дюжина... и чтòжь? на дѣлѣ оказывается, что на лиц
все, чтò угодно, кромѣ того, чтò требуется и что означен
До чего же дойдутъ господа бенефиціанты? Одно изъ дв
ображеніе ихъ (которому должно отдать полную справедли
щится, или публика потеряетъ къ бенефиснымъ афишамъ
вѣріе. Другой и рѣшится наконецъ пожертвовать чѣм
своей стороны для своего бенефиса, составитъ въ самомъ
шій спектакль, — да, чего добраго, съ тѣмъ и сядетъ, зап

о за другихъ битую посуду,—бывали подобные случаи. Жилъ былъ, апримѣръ, одинъ пастушокъ, имѣвшій слабость подымать гвалтъ попустому и кричать: волкъ! волкъ! когда никакого волка не было. Кончилось тѣмъ, что когда въ самомъ дѣлѣ пришла нужда въ помощи, никто не явился, и волкъ съѣлъ овцу. Угодно ли вамъ познакомиться ъ Марьей Васильевной Рославской? — нѣтъ, — жаль! Дурное общетво имѣетъ право свои выгоды: оно показываетъ лучше всякой моали, чего должно избѣгать и что́ дѣйствительно пошло. Позвольте днакожъ указать на одну черту Марьи Васильевны, которая особено мнѣ не понравилась. Сынъ помѣщицы убитъ въ бородинской битвѣ. Іомѣщица, желая отмстить французамъ, приглашаетъ ихъ къ себѣ обѣать, умасливаетъ ихъ, во сколько хватаетъ краснорѣчія, и поомъ, когда тѣ довѣрились ей вполнѣ, взрываетъ ихъ на возухъ. Нѣтъ, такая выходка вовсе несвойственна русскому человѣку. Іодобное происшествіе случилось дѣйствительно въ 1612 году; но не олжно забывать, что героиней была какая-то освирѣпѣвшая Конратьевна или Савкина, которой разумѣется недоступна была настояцая сторона поступка. Неистовыя Матрены исключенія въ русскомъ ародѣ. Даже дикій бедуинъ или арабъ не воспользуется гостепріимтвомъ, чтобы измѣннически погубить врага своего; тѣмъ менѣе сдѣлаетъ это русской. Но г. Владиміровъ, авторъ драмы, думаетъ иначе. Онъ выставляетъ поступокъ г-жи Рославской какъ истинно геройскій, облестный подвигъ. Монологъ, гдѣ она обѣщаетъ взорвать на воздухъ остей своихъ, послѣ того, какъ обѣщала имъ защиту и убѣжище, исполненъ даже нѣкотораго лиризма. Я думаю, не одному истинному іатріоту не пришлась по сердцу такая драма. Хорошо по-крайней-ѣрѣ, что вся-то она продолжается не болѣе получаса, что́ главное я достоинство. Напрасно только г. Владиміровъ далъ волю своему вторскому самолюбію и выставилъ на афишѣ свое имя. Если ему случится написать что-нибудь порядочное, каждый, кто только видѣлъ Марью асильевну Рославскую, будетъ уже смотрѣть на новое его произведеіе съ предубѣжденьемъ и, чего добраго, пожалуй и вовсе смотрѣть е захочетъ. Можетъ статься впрочемъ, г. Владиміровъ не могъ не выгавить своего имени и на афишѣ, и въ томъ не столько виновато его обственное самолюбство, сколько самолюбіе его папеньки и маменьи, ибо авторъ пьесы, по всему видно, долженъ еще быть очень, очень олодой человѣкъ. Содержаніе пьесы: *Жоко или Бразильская обезьяна*, асказывать не стоитъ; тутъ все дѣло въ гимнастическихъ упражнеяхъ, прыжкахъ, скачкахъ самой обезьяны (главнаго дѣйствующаго ица драмы). Разговоры, лица сцены,—все очевидно склеено и сложе-

но, чтобы только осмыслить чѣмъ-нибудь прис
сценѣ. Назначеніе такого рода пьесъ быть игра
гдѣ драматическое искусство сторона и главную
стательная обстановка, декораціи, превращенія,
все, что̀ можетъ способствовать къ блистательн
наго содержанія. *Свадьба по географіи*, или
сяца, это другое дѣло; гдѣжь мѣсто водевилям
нѣ Александрынскаго театра. Слушайте. Вдова,
Ивановна никакъ не рѣшается дать слово вытти
щика Волкова, хотя, по всему видно, ей очень эт
какъ-то Волковъ является къ помѣщицѣ и застае
Косаткина (у вдовы, нужно замѣтить, сынъ Ми
Иванъ Кондратьевичъ. Здравствуйте, Петръ Григор
пожалуйста, вотъ вы ученый человѣкъ, сколько
матушка Волга? Семь. Анъ восемь! Анъ семь!!
Справляются въ Географіи Арсеньева; учитель про
выхъ. Учитель (Мартыновъ) въ отчаяніи; послѣднее
онъ только-что получилъ 10 цѣлковыхъ за уроки.
деньги! думаетъ онъ. Петръ Григорьевичъ. Ась? А
Лену можно соединить съ Волховомъ. Вотъ пустя
сколько? 50 цѣлковыхъ! Идетъ! Идетъ!! Тогда учит
помѣщицѣ, беретъ за руку помѣщика и объявляетъ
Лена уменьшительное Елены: во-вторыхъ, что такъ
Волковъ давно уже любитъ помѣщицу Елену, ни
легче соединить ихъ, и дѣлу конецъ; ай да сватьб
Бенефисъ окончился живыми картинами, хотя бы пр
дождаться съ этимъ до поста, когда уже ровно ниче
трѣть нельзя. Нѣкоторыя картины были очень мил
слѣдняя: Сатиръ и Нимфы; въ ней участвовали г-жи
Жулева, Селезнева, Колосова, Боченкова, самые хоро
жи русской труппы. За бенефисомъ г-жи Дюръ долж
вать бенефисъ Максимова, но къ несчастію онъ отлож
этого артиста. Это обстоятельство сдѣлалось виною,
Александрынскаго театра за декабрь мѣсяцъ былъ
обрѣзенъ. Бенефисъ Мартынова (1-го числа) и бенефис
повторялись почти каждый день одинъ за другимъ сл
неніями. Но что̀ до этого? Театръ былъ каждый разъ
дирекція должна же соображаться со вкусомъ публик
можно ли пѣнять на однообразіе репертуара, когда пре
сколько-нибудь возбудить любопытство, необходима бь

ръ одна новая пьеса въ недѣлю? Спектакли между тѣмъ идутъ сво-
ми чередомъ каждый Божій день. Гдѣжъ время актеру обдумать,
ить свою роль? Часто актеръ, играя въ однихъ вечеръ въ трехъ
ахъ, долженъ заботиться о другихъ трехъ, въ которыхъ онъ будетъ
ать завтра. За-границей хорошая пьеса выдерживаетъ часто 100
олѣе представленій сряду; въ это время ставится на сцену другая;
ъ отчего тамъ такая тщательность въ обстановкѣ и исполненіи.
После всего этого остается подивиться въ нашей публикѣ быстро-
переходу отъ одной крайности въ другую. Появлялись у насъ на
же сценѣ истинно блистательные спектакли, пьесы съ достоин-
омъ несомнѣннымъ, — публика оставалась равнодушною, зала была
стеховьна послѣ трехъ, четырехъ представленій; въ послѣднее вре-
репертуаръ обѣднѣлъ значительно: ни пьесъ замѣчательныхъ, ни
эктакля особенно великолѣпнаго, а публика между тѣмъ сбирается
ждый вечеръ со всѣхъ концовъ города въ театръ, не давъ даже
бѣ часто труда взглянуть на афишу. Чѣмъ объяснить это? Не
чшее ли это доказательство, что театръ дѣйствительно начинаетъ
ать потребностію петербургской публики.

Г***

БЕНЕФИСЪ ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ.

Во вторникъ 21 декабря происходило на Большомъ театрѣ одно изъ
ржественныхъ представленій, съ нетерпѣніемъ ожиданное люби-
лями балета, которые совсѣмъ начали было переводиться у
съ со времени отъѣзда Тальони. Въ этотъ день въ первый разъ
вали балетъ *Эсмеральда*, въ бенефисъ госпожи Эльслеръ. Итакъ,
жется, не для чего говорить, что въ сказанный день зала Большого
атра уже во время представленія играннаго собственно для съѣзда
блики водевиля была полна до-нельзя, и что бо́льшую часть зрите-
й составляло высшее петербургское общество.

Послѣ короткой увертюры поднялся занавѣсъ, и глазамъ зрителей
едставилась одна изъ живописнѣйшихъ картинъ, какія можно когда-
бо видѣть на сценѣ, настоящій *cour des miracles*, В. Гюго во
ей его поэтической пестротѣ, во всемъ его блескѣ и разнообразіи.
ревосходная декорація Роллера, разноцвѣтные костюмы, живопис-
сть группъ въ «*valse bohémienne*», — все это очаровываетъ съ перваго
гляда. Содержаніе балета слишкомъ извѣстно, и мы не будемъ утом-
ить читателей подробнымъ изложеніемъ хода его.... Среди этой пест-
й, бѣснующейся шайки бродягъ, вдругъ, въ этой живописной групп

мужчинъ и женщинъ. Появляется вашъ старый зна
Пьеръ Гренгуаръ (г. Перро)... У него нѣтъ денегъ,
онъ могъ выкупить свою жизнь. И Клопенъ Труйле
шайки (г. Пьюо), хочетъ повѣсить его. Если ни одна изъ
надлежащихъ къ этой шайкѣ, не согласится быть его ж
гибнетъ. — Бѣдный! Вся эта сцена, основанная не
дѣлѣ Пьера Гренгуара, передана была г. Перро въ
Натуральность всѣхъ его движеній и выразительност
мимики всѣхъ восхищала.... Пьеръ осужденъ на смерть: сцу
ніе. ни одна изъ женщинъ не хочетъ сжалиться на
вдругъ раздаются звуки тамбурина, и является Эс
Вѣнки и букеты сыплются на сцену со всѣхъ сторонъ п
рукоплесканій. Эсмеральда, добрая, очаровательная, граці
ральда, сжалилась надъ бѣднымъ Пьеромъ. Она рѣшается
рѣшается выйти за него за-мужъ.... Начинается праздни
этого брака, на которомъ является во всемъ блескѣ наш
ный кордебалетъ (*pas de truands*). Вслѣдъ за тѣмъ г-жа Э
нуетъ съ г. Перро *la truandaise*, съ граціею и легкостью и
Но вотъ раздается звонъ вечерняго колокола, проходятъ
всѣ расходятся. Сумерки покрываютъ сцену; выходятъ Кл
(*г. Гольцъ*) и Квазимодо (*г. Дидье*). Послѣдній костюмированъ
но, что вѣроятно самъ Гюго, творецъ этого чудовища, на
г. Дидье, остался бы имъ доволенъ. Фролло и Квазимодо в
появленія Эсмеральды и хотятъ похитить ее, но ночной до
начальствомъ Феба Шатопера (*г. Фредерикъ*), избавляетъ
бѣжитъ, а Квазимодо пойманъ и привязанъ къ позорному ст
начинается граціознѣйшая сцена, въ pendant которой м
жить только развѣ сцена свиданія въ лагерѣ (въ Возстаніи і
такъ несравненно переданная г-жею Тальони. Эсмеральда
Фебу свою признательность за спасеніе ее; она ласкается
любуется имъ и съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматриваетъ
пѣхи.... Эта сцена напоминаетъ сцену Эми Робзаръ съ Лей
у Валтеръ Скотта и сцену Клары съ Эгмонтомъ у Гёте.
Феба неизгладимо врѣзался въ сердце цыганки. Она лю
Фебъ, такъ же очарованный ея красотою и наивностію, даритъ
щанье свой шарфъ, на которомъ вышитъ его гербъ. Между
меральда, тронутая страданіями Квазимодо, привязаннаго
ному столбу, вымаливаетъ ему прощеніе и сама подаетъ ем
воды для утоленія жажды. Одна ея поза на ступеняхъ

столба, когда она подаетъ кружку несчастному уроду,—одна эта поза верхъ изящества!

Актъ II. (Декорація Вагнера). Комната Эсмеральды. Эсмеральда мечтаетъ о своемъ Фебѣ. Всѣ мысли ея заняты имъ. Является Гренгуаръ и, несмотря на всѣ свои любезности, увы! не можетъ добиться даже поцалуя отъ своей супруги, которая даже грозитъ ему кинжаломъ въ случаѣ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Они впрочемъ вскорѣ заключаютъ между собою дружескій союзъ. Эсмеральда объясняетъ ему его обязанности: Пьеръ Гренгуаръ долженъ всюду сопровождать ее, играть на тамбуринѣ во время ея танцевъ.... и только. Горькая обязанность для супруга! Эсмеральда танцуетъ съ нимъ *pas d'action*, которое можетъ расшевелить самаго холоднаго зрителя. Минута, когда Фанни Эльслеръ, поддерживая Перро, дѣлаетъ свои чудные, округлые *ronds de bras*, — эта минута удивительна

Гренгуаръ удаляется; Эсмеральда, послѣ краткой молитвы, ложится спать. Но едва успѣла она сомкнуть глаза, Клопенъ вводитъ Фролло и Квазимодо; Фролло будитъ Эсмеральду, сцена пробужденія и страха ея переданы г–жею Эльслеръ въ совершенствѣ. Квазимодо упокоиваетъ ее и обѣщаетъ быть ея защитникомъ.... Шумъ въ комнатѣ Гренгуара пугаетъ Фролло, и Эсмеральда, пользуясь этимъ, скрывается въ потаенную дверь.

Декорація перемѣняется и представляетъ террасу замка съ фонтаномъ.... въ отдаленіи видна панорама окрестностей Парижа и башни *Notre Dame. г. Вагнера.* На террасѣ этого замка Флеръ де Ли *(госпожа Смирнова)* ожидаетъ жениха своего Феба; Фебъ долго не является — и хорошо дѣлаетъ, потому-что въ ожиданіи его начинается премилый дивертиссементъ. *Pas de corbeilles*, подъ предводительствомъ г-жи Смирновой, танцуютъ граціозная г-жа Прихунова, очаровательная г-жа Макарова и всегда такъ живо и отчетливо танцующая г-жа Аммосова 1. 24 танцовщицы съ корзинами цвѣтовъ составляютъ *живописныя* группы. Въ этихъ группахъ участвуютъ г-жи Рюхина, Снѣткова, Мишова, Костина, Ширяева, Никулина, Амосова 2, Сергѣева, Малышева и прочія. *Solo* г-жи Смирновой, сочиненныя г. Перро, чрезвычайно оригинальны и выполнены были ею въ совершенствѣ, что нисколько не удивительно, потому-что г-жа Смирнова обладаетъ талантомъ необыкновенно замѣчательнымъ *Pas de quatre*, которое протанцовали господинъ Гюге съ госпожами Яковлевой, Никитиной и Волковой, не произвело особаго впечатлѣнія, можетъ быть потому, что оно не представляетъ ничего новаго, и вставлено вѣроятно, для того, чтобы дать отдохнуть г-жѣ Эльслеръ. За т

являются Гренгуаръ и Эсмеральда. Эсмеральда предскаж де Ли будущую судьбу ея и, по просьбѣ гостей, начи вать. Это *pas de deux* ея съ *г. Іогансономъ*, исполненно хореографическихъ трудностей, выполняется ими съ вел искусствомъ.

Эсмеральда, ободренная похвалами Флеръ де Ли и ма (*Самойлова*), хочетъ начать другой танецъ съ шарфомъ, в нуту Флеръ де Ли узнаетъ шарфъ, подаренный ею Феб жениха въ измѣнѣ.... Мать расторгаетъ ихъ бракъ и вы ную Эсмеральду.... Занавѣсъ опускается.

Актъ III. (Декорація Журделя) Комната въ гостинни Феба съ Эсмеральдой; онъ клянется вѣчно любить ее, и, ритъ либретто, *невинная дѣва природы поддается вліянію* удаляются въ другую комнату. Фролло, скрывавшійся за бѣжитъ за Фебомъ и поражаетъ его кинжаломъ, принадлеж ральдѣ. На шумъ сбѣгается народъ, стража, и бѣдная Эсме тивъ которой уликой ея собственный кинжалъ, оставленн Фролло, обвинена въ убійствѣ Феба.

Перемѣна декораціи. Театръ представляетъ видъ древня ночью, во время карнавала. Эта декорація г. Роллера превосх былъ вызванъ. Видъ берега Сены, Нѣльской башни, Pont-Neuf ныя окны домовъ, отражающіяся въ водѣ, все это вмѣстѣ пр истинно волшебную картину. Эсмеральду ведутъ на пытку, Гренгуаръ долженъ съ ней разлучиться. Всѣ грустно расходятс. звуки веселой музыки, и огромная толпа народа, въ пест тьяхъ, съ фонарями и факелами, начинаетъ оглушительную в: Это «праздникъ безумныхъ»,—а вотъ и папа ихъ (*le pape des* зимодо, въ великолѣпной одеждѣ, радостно киваетъ народу пой головою, съ высоты своихъ носилокъ, уставленныхъ факел *marche dansante* представляетъ живописнѣйшее разнообразі стюмахъ и группахъ. Изъ толпы выходитъ Фролло и прогон зимодо; между тѣмъ колокола начинаютъ звонить; пытка к Эсмеральда возвращается на сцену, сопровождаемая страж осуждена на казнь. Сцена прощанія съ Гренгуаромъ. Она об ему свою послѣднюю волю: положить съ ней въ гробъ шар Сцена эта трогаетъ до глубины души. Пьеръ Гренгуаръ (г. Пер рый являлся до этой минуты шутомъ, обнаруживаетъ здѣсь и глубокое трагическое чувство. Вамъ, кажется, слышатся его рыданія о судьбѣ великодушной его избавительницы. Но уж итти ей на казнь... все кончено. Вдругъ изъ толпы выбѣгае

и бросается къ ней. Онъ былъ только раненъ. Эсмеральду освобождаютъ, и за тѣмъ снова начинаются танцы, и все оканчивается благополучно.

Вотъ краткій очеркъ этого балета, въ которомъ талантъ г-жи Эльслеръ является въ новомъ блескѣ. Бенефисъ ея былъ дѣйствительно праздникомъ для нея и всѣхъ любителей балета. Она была вызвана безсчетно и осыпана цвѣтами. Въ этомъ балетѣ кромѣ г-жи Эльслеръ и г. Перро — нашихъ гостей, участвовали всѣ наши балетные таланты: Гг. Дидье, Фредерикъ, Іогансонъ, Гюге, Пишо, г-жи Смирнова, Яковлева, Прихунова и Амосова 1.

Музыка Эсмеральды сочинена г-номъ Пуни. Она жива и оригинальна; *valse bohémienne, truandaise, pas de deux* 2-го акта и *marche dansante des fous* весьма замѣчательны. Въ мимическихъ мѣстахъ есть такъ же очень хорошіе мотивы (напр. первое свиданіе Эсмеральды и Феба въ 1 актѣ, сцена прощанія ея съ Гренгуаромъ, исполненная акордеономъ). Однимъ словомъ, этотъ балетъ соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства и вѣроятно долго еще будетъ привлекать публику.

По окончаніи спектакля бенефиціантка вызвана была болѣе десяти разъ и въ полномъ смыслѣ слова засыпана вѣнками и букетами.

Д***.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ О МОСКВѢ.

II.

Вѣрный данному слову, посылаю тебѣ, любезный Н*, другое письмо мое, содержаніе котораго будетъ опять тоже — театръ и бенефисы. Мы съ тобою были всегда страшными любителями театра, а потому, если только ты не разлюбилъ его, я съ моей стороны готовъ говорить о немъ безъ умолку.

Въ настоящемъ письмѣ я буду говорить съ тобою только о бенефисахъ, которыхъ было три, со времени отправленія моего перваго письма къ тебѣ. Первый бенефисъ былъ 1 декабря г-жи Сабуровой 1-й, другой бенефисъ г-на Самарина 8 декабря и третій г-жи Семеновой 17-го декабря.

Бенефисъ г-жи Сабуровой былъ, по обыкновенію всѣхъ бенефисовъ очень длиненъ. Спектакль начался отдѣльными сценами изъ шекспировой, какъ сказано въ афишѣ, драматической повѣсти (!?) : Тимонъ Аѳинянинъ. Странно, почему Тимонъ названъ драматическою повѣстью. Шекспиръ всѣ свои драматическія произведенія называ

«play» и потому если Гамлетъ, Отелло названы въ пер
мами, зачѣмъ Тимонъ названъ повѣстью, тогда-какъ
драма. Но это не относится до бенефиснаго спектакля
ращаюсь къ исполненію этихъ отдѣльныхъ сценъ
Жаль, что эти сцены были такъ коротки, что о нихъ
зать нечего; хотя въ исполненіи ихъ принимали участіе
артисты, но все-таки онѣ были до того сокращены, что
дѣйствующихъ лицъ едва досталось сказать по нѣскольку
и по этому отрывку, можно смѣло сказать, что если бы
былъ поставленъ на нашей сценѣ исполненіе этого
Шекспира, по-крайней-мѣрѣ въ главныхъ роляхъ, мог
удовлетворительно. Несмотря на эту краткость сценъ
Аѳинскаго, публика наша не осталась равнодушною
прекрасному и проводила эти сцены единодушнымъ и г
лодиссементомъ, когда упалъ занавѣсъ. Потомъ дана был
куплетами Скриба, переводъ г. Соловьева, подъ названіем
кое облачко или что поссорило, то и помирило». Эта пье
тельна, хоть завязка ея ужь слишкомъ не нова. О содер
то тебѣ расказывать: это вещь второстепенная; а что
исполненія, то хорошо сыграла роль гордой маркизы де
бенефиціянтка и особенно живо и вѣрно переданъ былъ
арендаторши Жанны Шу г-жею Бороздиною 2-й. Остал
сты, участвовавшіе въ представленіи, были г. Живокини,
и г-жа Сабурова 2-я. Самыя имена ихъ ручаются тебѣ за
исполнили свои роли какъ слѣдуетъ. Только г-жа Сабурова
каетъ быть можетъ маленькій упрекъ, и то потому, что
дарованіе, за тяжелую и монотонную дикцію, которая част
при хорошей ея игрѣ полнотѣ впечатлѣнія. Больше сказат
пьесѣ нечего, развѣ еще то, что пора бы выучиться перед
говорный французскій языкъ по-русски такъ, чтобы онъ в
не искажалъ характера и положенія лица, которое его пр
Габріель, дочь гордой аристократки, по-русски объясняе
«Это я, сударь!» «Я готова просить у васъ прощенія, суд
кто такъ говоритъ по-русски, кромѣ лакеевъ!... За тѣмъ п
Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ, извѣстная тебѣ комедія, кот
ливо замѣчательна прекраснѣйшимъ исполненіемъ роли Пл
Щепкинъ) и Габріели, слѣпой его дочери (г-жа Лаврова).
пріятное пріобрѣтеніе для нашей сцены. Водевиль: У стр
волики, передѣланный съ французскаго: La tante mal gard
скимъ на русскіе нравы, вышелъ плохъ и натянутъ.

дѣйствующихъ лицъ, вывороченные съ парижскихъ на московскіе, потеряли всю живость и истину и приняли какой-то жалкій оттѣнокъ, сквозь который не просвѣчивала ни одна искра жизни и правдоподобія. Этотъ водевиль непонятенъ (потому-что французскіе нравы не всегда легко и удобно переложить на русскіе) и скученъ, хлопушки въ немъ играютъ главную роль и трескъ ихъ раекъ покрываетъ своимъ оглушительнымъ: форà! форà!... Г. Ленскій переводилъ и передѣлывалъ большею частію занимательные водевили, которые иногда даже въ передѣлкѣ на русскіе нравы выигрывали предъ оригиналомъ, но этотъ рѣшительно вышелъ неудаченъ. Еще были въ бенефисѣ г-жи Сабуровой живыя картины, составленныя изъ басенъ Крылова, но объ нихъ нечего говорить, потому-что онѣ были совсѣмъ плохи. Ты видишь, что бенефисъ г-жи Сабуровой 1-й одинъ изъ лучшихъ бенефисовъ нынѣшней зимы, и навѣрное можно сказать, что изъ ея бенефиса удержатся на нашей сценѣ *Маленькое облачко* и *Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ*, которымъ надобно даже и пожелать этого.

Другой бенефисъ былъ господина Самарина. Состоялъ этотъ бенефисъ изъ двухъ-актной драмы-водевиля подъ названіемъ: «Геройство, — разумѣется переведенной съ французскаго, и двухъ водевилей: «Бабушка и внучекъ» и «Портретъ». Геройство моряка, ужъ видно изъ самого названія драмы морского содержанія. Эти драмы, я думаю, тебѣ знакомы хорошо: онѣ всѣ большею частію одинаковы. Моряки обыкновенно народъ совсѣмъ другого рода, чѣмъ мы, обитатели суши. Морякъ и великодушнѣе всѣхъ, и безстрашнѣе, и опасности для него, чтò для насъ орѣхи. «Крикъ-кракъ», говоря словами молодого матроса Юлія, главнаго дѣйствующаго лица въ этой драмѣ, — и опасностей какъ не бывало. Притомъ же моряки не могутъ обойтись безъ сильныхъ выраженій, каковы напримѣръ тысячу морскихъ собакъ, морская собака и т. п., и это дѣлается выраженіемъ ихъ простодушнаго и добраго характера въ подобныхъ драмахъ морского содержанія. Самъ бенефиціантъ, г. Самаринъ, исполнялъ роль Юлія неудовлетворительно, чтò впрочемъ надобно перенести на самую драму, въ которой нѣтъ никакихъ характеровъ, и трудно для артиста изъ ничего сдѣлать что-нибудь. Но за чтò можно обвинять г. Самарина, такъ это за то, что онъ во многихъ мѣстахъ, особливо гдѣ онъ радуется успѣху своему надъ жестокосердымъ Берсакомъ (господинъ Леонидовъ), слишкомъ эффектировалъ жестикуляцію. Тамъ, гдѣ господинъ Самаринъ хотѣлъ пѣть и прыгать отъ радости, въ послѣдней сценѣ, его припрыгиванія съ припѣвомъ походили болѣе на какія-то странныя

кривлянья, чѣмъ за выраженіе радости молод морской драмѣ есть, какъ водится въ подобныхъ д моряка, удалая, молодецкая; но пѣніе подобныхъ удается г. Самарину, и онъ бы очень хорошо сдѣл казался однажды на-всегда пѣть подобныя пѣсни, но бый и беззвучный голосъ едва годенъ на то, чтобы воркомъ раздѣлаться съ водевильнымъ куплетомъ. Въ вод хорошо играли всѣ, особливо г. Лаврова Маделену, кре впрочемъ знатная особа, притворившаяся только вслѣд несчастій крестьянкою. Этотъ водевиль очень недур только не былъ такъ растянутъ. Вотъ дѣйствующія ли девилѣ: баронъ Нерандаль — г. Ленскій, Леопольдъ, н сецъ—г. Самаринъ, Маделена—Лаврова, и Маклёркъ, бре иннъ — г. Васильевъ. О послѣднемъ водевилѣ: «Бабушк говорить не стоитъ. Его не спасетъ ни искусное выпо шіе артисты. Это водевиль совершенно пустой; вѣр оригиналѣ ничтоженъ, а въ передѣлкѣ на русскіе нра все незанимательнымъ. Все содержаніе его въ томъ страстно любитъ своего внучка, который, научившись вѣсы дѣда пугать бабушку словомъ «застрѣлюсь», дѣла старухи все, что̀ захочетъ, выпрашиваетъ денегъ сколь и наконецъ съ помощію же бабушки перебиваетъ у отца невѣсту и самъ женится на ней. — Вотъ тебѣ сказать о бенефисѣ г. Самарина.

Третій бенефисъ былъ оперный, г-жи Семеновой; слѣ, потому-что по поводу его я хотѣлъ бы поговорит нашей оперѣ, и потому позволь это оставить до слѣду а теперь некогда: спѣшу отправить это письмо, потому-ч

Теперь вся Москва наша съѣзжается любоваться н вый и блестящій, подъ названіемъ Пахита, которы на обязана танцовщицѣ петербургскихъ театровъ дреяновой. Тебѣ знакомъ этотъ балетъ; онъ у васъ поставленъ ужь давно. Но вообрази, что по недосугам не видалъ до сихъ поръ этого балета, и потому самъ н немъ ничего сказать, кромѣ того, что здѣсь всѣ восхищ отзываются и о балетѣ и объ артистахъ съ чрезвычай Прощай, до слѣдующаго письма.

Москва,
20 декабря 1848 года.

НОВОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ, ПРОМЫШЛЕННЫЯ и проч.

Общества Сельскаго Хозяйства принесли уже не малую пользу на пути улучшеній нашего хозяйства водвореніемъ болѣе здравыхъ понятій объ основныхъ элементахъ хозяйства — трудѣ и капиталѣ, введеніемъ лучшихъ техническихъ пріемовъ. Поэтому съ истиннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь извѣстіе о послѣдовавшемъ въ 8-й день октября прош. года Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе въ городѣ Венденѣ вспомогательнаго Венденъ-вольмаръ-валкскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Вотъ главнѣйшія положенія устава этого Общества. 1) Венденъ вольмаръ-валкское Общество Сельскаго Хозяйства имѣетъ цѣлію распространеніе усовершенствованнаго, свойственнаго мѣстности, хозяйства и содѣйствіе въ этомъ Лифляндскому Экономическому Обществу. 2) Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. 3) Дѣйствительные члены избираются преимущественно изъ мѣстныхъ жителей губерніи, извѣстныхъ своими трудами и свѣдѣніями по части сельскаго хозяйства и промышленности. 4) Всѣ дѣйствительные члены Общества обязаны совокупными силами споспѣшествовать успѣхамъ Общества своими познаніями и опытностію; а потому они: а) исполняютъ порученія, Обществомъ на нихъ возлагаемыя; б) представляютъ, или письменно, или словесно, свѣдѣнія о своихъ опытахъ и наблюденіяхъ, каковыя свѣдѣнія вносятся секретаремъ Общества въ особую вѣдомость, а равно и повѣряютъ опыты другихъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ особенности же по тѣмъ изъ нихъ, развитіе которыхъ Общество предположило своею цѣлію; в) сообщаютъ Обществу извѣстія о новыхъ изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ по части сельскаго хозяйства и домоустройства, а равно доставляютъ ему въ двухъ экземплярахъ свои сочиненія и выписки по этимъ предметамъ и разсматриваютъ сочиненія, представляемыя въ Общество другими лицами; г) занимаются усовершенствованіемъ преимущественно какой-либо одной части сельскаго хозяйства, напр. усовершенствованіемъ разведенія красильныхъ, лекарственныхъ, фабричныхъ или торговыхъ растеній; д) сообщаютъ Обществу метеорологическія наблюденія и статистическія свѣдѣнія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, и[illegible] предположеніями своими о средствахъ къ усовершенствов[illegible] однимъ словомъ: они содѣйствуютъ по возможности достиж[illegible] Общества. 5) Каждый дѣйствительный членъ Общества обяза[illegible] ставлять свою библіотеку общему пользованію всѣхъ дѣйств[illegible]

членовъ: а потому всѣ эти лица сообщаютъ секрета
гамъ, назначаемымъ для общаго пользованія. 6) В
валкское Общество С. Х. находится въ постоянных
Лифляндскимъ Общеполезнымъ Экономическимъ Общ
съ своей стороны ведетъ всю внѣшнюю переписку и
отчетъ Общества Венденъ-вольмаръ-валкскаго. 7) Об
собирать въ Венденъ-вольмаръ-валкскомъ округѣ са
свѣдѣнія о состояніи мѣстныхъ отраслей сельскаго и
мышленности и включать эти свѣдѣнія въ свой ежс
Лифляндскому Общеполезному Экономическому Отщес
жаясь съ состояніемъ разныхъ мѣстныхъ отраслей се
ства и промышленности, Общество изыскиваетъ средс
шему развитію и улучшенію вообще сельскаго хозяйст
ности тѣхъ его отраслей, которыя наиболѣе свойст
Примѣчаніе. Вообще, мѣры къ развитію какой-либо отр
хозяйства могутъ состоять: а) въ изданіи сочиненій
наградныхъ задачь, имѣющихъ предметомъ хозяйствен
б) въ испытаніи и введеніи въ употребленіе усоверш
хозяйственныхъ методъ и земледѣльческихъ орудій,
особенно полезными для Венденъ-вольмаръ-валкскаго
учрежденія выставокъ земледѣльческихъ произведеній;
ваніи хорошихъ хозяевъ по тѣмъ отраслямъ сельск
развитіе которыхъ, судя по мѣстнымъ нуждамъ, Общ
болѣе необходимымъ; д) въ безденежной раздачѣ и
умѣреннымъ цѣнамъ сѣмянъ, растеній, племенныхъ жи
дій и пр.; е) въ награжденіи изъ суммъ Общества де
міями и медалями лицъ, отличившихся усовершенствов
либо отраслей сельскаго хозяйства, и въ ходатайствѣ
чальства чрезъ посредство Лифляндскаго Общеполезна
скаго Общества наградъ за особыя заслуги этого рода
Общества бываютъ обыкновенныя и чрезвычайныя. 10)
собранія происходятъ три раза въ годъ, а именно: въ я
въ Венденѣ, въ іюнѣ — въ Валкѣ, и въ сентябрѣ — въ
Чрезвычайныя собранія назначаются по особымъ уложе

— Какъ о новомъ, такъ же утѣшительномъ, явлені
сельскаго хозяйства, слѣдуетъ упомянуть о послѣдовав
тября прош. года, открытіи новой учебной фермы, на
теринославскою, на казенномъ оброчномъ участкѣ земли,
Великоанадольскимъ, въ Александровскомъ уѣздѣ Екат
губ. Положеніе этого участка на пути сообщеній нѣскс

съ Крымомъ и портовыми городами: Бердянскомъ и Маріуполемъ (отъ Бердянска 120, отъ Маріуполя 70, отъ Бахмута 100, отъ Таганрога 120, отъ Павлограда 140, отъ Ростова на Дону 170 и отъ Екатеринослава 200 верстъ), — представило особыя выгоды къ учрежденію здѣсь учебной фермы: а начатое близь этого участка, по распоряженію Министерства Госуд: Имуществъ, въ 1843 году, образцовое лѣсоразведеніе и устройство вокругъ него новыхъ селеній, для поселенцевъ изъ малоземельныхъ губерній, дѣлаютъ избранное мѣсто для фермы еще удобнѣе. Предварительныя распоряженія къ устройству новой фермы были сдѣланы въ 1845 году, и въ 1846 г. начаты постройки, а въ 1848 году окончено все на первый разъ для помѣщенія фермы необходимое, несмотря на то, что нѣкоторые матеріалы, особенно лѣсные, должно было доставлять изъ мѣстъ весьма отдаленныхъ, и что въ 1847 и 1848 годахъ повсемѣстно свирѣпствовавшая эпидемическая болѣзнь много препятствовала успѣху строительныхъ работъ. Для новой фермы возведены на первый разъ слѣдующія постройки: а) 4 дома для чиновъ и воспитанниковъ, въ томъ числѣ два изъ дикаго камня и два изъ земляного кирпича; б) два сарая: одинъ изъ дикаго камня для рабочаго скота, другой изъ земляного кирпича для складки необходимыхъ принадлежностей; в) кирпичный заводъ, г) кузница. Сверхъ того сдѣлано нѣсколько фундаментовъ изъ дикаго камня для будущихъ построекъ. При открытіи фермы, на ней состояло уже 55 воспитанниковъ изъ государственныхъ крестьянъ.

— Изъявленная правительствомъ готовность покупать шолкъ и шелковичные коконы, послужитъ, безъ сомнѣнія, къ усовершенствованію особенной вѣтви сельской промышленности — шелководства. Изъ числа разныхъ отраслей сельскаго хозяйства южнаго края, вѣроятно, нѣтъ ни одной, которая была бы такъ выгодна, такъ мало-ложна и такъ мало требовала бы предварительныхъ издержекъ, какъ шелководство. Развести тутовыя деревья можетъ всякой сколько-нибудь занимавшійся садоводствомъ; уходъ за ними не требуетъ особаго умѣнья; воспитаніе червей просто и продолжается менѣе шести недѣль; исчислено, что семейство, состоящее изъ трехъ женщинъ и трехъ мальчиковъ, можетъ выкормить до 30 четвериковъ коконовъ, въ теченіи 35 дней, изъ которыхъ въ продолженіи 22 дней требуется немного работы. Дабы устранить всякое затрудненіе развитіи этого выгоднаго промысла, правительство назначило въ распоряженіе инспекціи сельскаго хозяйства южныхъ губерній осо капиталъ, назначенный на покупку шолка и коконовъ. Этотъ капиталъ распредѣленъ между чиновниками инспекціи, и учебными сад

выми заведеніями, и желающіе могутъ обращаться
доженіемъ размотаннаго шолку и коконовъ. Цѣна
хомъ, хорошихъ, крѣпкихъ и сушеныхъ коконов
р. 50 к. до 2 р. сер ; дурные, т. е. мятые, пересу
ленные и погрызенные коконы принимаемы не буду
таннаго шолку будетъ зависѣть отъ доброты его.
ваетъ въ Крыму канцелярія инспектора сельскаго
берніяхъ Екатеринославской, Херсонской, Кіевск
въ области Бессарабской она поручена младшимъ
спектора, имѣющимъ постоянное пребываніе въ
Херсонѣ и Кишеневѣ: сверхъ того, желающіе и
могутъ обращаться въ Полтавской губерніи къ упр
тавскою Палатою Государ. Имуществъ и къ садовни
градскаго казеннаго сада; въ Екатеринославлѣ —
Екатеринославскаго училища садоводства: въ Одессѣ
Императорскаго Одесскаго Ботаническаго Сада; въ
садовнику Кишеневскаго училища садоводства.

— Въ сентябрѣ прошедшаго года (съ 8 по 14 чис
гдѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 марта
распоряженію г. министра Государственныхъ Имуще
дила первая выставка сельскихъ произведеній въ вида
усовершенствованія сельскаго хозяйства разныхъ ег
такъ же крестьянскихъ ремеслъ и промысловъ, произ
скими обывателями. По учрежденію, въ Вологодской
же участвуютъ губерніи Ярославская, Костромская
Приводимъ здѣсь нѣсколько данныхъ, относящихся
выставкѣ сельскихъ произведеній въ сѣверо-восточно
Вологодская выставка, на этотъ разъ, ограничивалась
только своей губерніи. Надобно замѣтить, что весьма д
лишила многихъ сельскихъ хозяевъ возможности пре
ставку нѣкоторые важные предметы сельскаго хозяй
сѣмя кормовыхъ травъ, клевера и тимоѳеевой травы;
ставлено потому, что они еще не выспѣли.

Всѣ предметы, на выставку представленные, разд
своему на семь отдѣленій. Въ первомъ отдѣленіи помѣ
произведенія земли въ сыромъ видѣ и на нѣкоторой с
ней обдѣлки. А. *Хлѣбъ въ снопахъ*. 1) Изъ представленн
ржи признана была лучшею государственнаго крестья
дра Прядильщикова. 2, Изъ представленныхъ пяти о
превосходилъ прочіе образцы доставленный отъ помѣ

.. подъ именемъ финляндскаго, съ сѣверной учебной фермы. 3) Ячмень .. представлено было три образца, и изъ нихъ признаны лучшими ..мѣщика Вараксина ; 4) Изъ трехъ образцовъ пшеницы признана лучшею государственнаго крестьянина Грязовецкаго уѣзда, Лагунова. .. *Хлѣбъ въ зернѣ*. 1) Изъ представленныхъ тринадцати образцовъ .ки превосходнѣе всѣхъ оказалась доставленная съ сѣверной фермы ..рвежскихъ сѣмянъ, которая отличается крупностію и чистотою зер..ы, и вѣсомъ девяти съ половиною пудовъ въ четверти. 2) Овесъ ..азался весьма хорошимъ помѣщика Межакова. 3) Ячмень, по холод..ому климату губерніи, заслуживаетъ особенное вниманіе земледѣльца ..еимущественно въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ не сѣютъ овса. Изъ ..ехъ образцовъ, представленныхъ помѣщиками, ячмень г. Ме..акова признанъ весьма хорошимъ; гималайскій ячмень помѣщика ..араксина хорошъ; но крестьянъ удѣльнаго Гладилова и государствен..аго Скороходова лучше. Крестьянина государственныхъ имуществъ ..ельскаго уѣзда Куклина простой ячмень весьма хорошаго качества. ..ъ сѣверной фермы четыре представленные образца, изъ которыхъ ..лый ячмень вѣсомъ до десяти пудовъ въ четверти, превосходятъ ..ѣ прочіе образцы. 4) Пшеница оказалась лучше, чище и зернистѣе ..урляндская, съ сѣверной фермы. В. *Горохъ*. Изъ двухъ образцовъ ..бдѣланнаго гороха лучшимъ признанъ государственнаго крестьянина ..короходова. Г. *Крупа и мука*. Выставленные государственными ..рестьянами образцы крупы овсяной, ячной муки разныхъ сортовъ ..быкновенны. Одна гречиха помѣщика Межакова замѣчательна тѣмъ, ..то она въ тамошнемъ климатѣ рѣдко вызрѣваетъ. Д. Изъ предста..вленныхъ образцовъ *льняного сѣмяни* заслужило вниманіе государ..ственнаго крестьянина Василья Филипова, по чистотѣ и вообще от..личному качеству. Е. *Два образца конопли*, представленные государ..ственными крестьянами Васильемъ Булинымъ и Осипомъ Ѳедоровымъ, ..амѣчательны по необыкновенно высокому росту: конопля перваго ..имѣла вышины четыре аршина, а послѣдняго три аршина. Это ука..зываетъ на возможность выростить коноплю здѣсь до такой необы..кновенной величины. Отдѣленіе второе. Сюда помѣщены были пред..меты и произведенія огородничества: лукъ, картофель, капуста, рѣпа, ..векла, огурцы, сахарная свекла, тыква; по части садоводства, арбу..зы, медъ въ сотахъ и очищенный; издѣлія домашняго хозяйства: ко..ровье масло, пряники, сальныя свѣчи и тому подобное. А) Карто..фель. Его представлено девятнадцать образцовъ; лучшимъ ока..зался помѣщика Межакова, удѣльныхъ крестьянъ и сѣверной фер..мы,—послѣднихъ потому, что производится не въ огородахъ, а на

полахъ, слѣдовательно больше количествомъ;
вленъ отъ однихъ только государственныхъ кре
образцахъ, весьма крупный. Прочіе овощи, каки
ные кочни капусты, морковь и огурцы представ
фермы. Такъ же весьма замѣчательны разнородныя
Межакова, особенно кормовая капуста, кормовой
извѣстная подъ именемъ исполинской, служившіе
скота: Г-ну Межакову, за представленные имъ отли
его хозяйства, какъ по части полеводства, такъ и
митетъ присудилъ серебряную медаль малаго раз
свекла, представленная грязовецкимъ купцомъ Гудко
себя особенное вниманіе комитета. Если это растен
хорошо, то, по обилію земли, введеніе посѣва свекл
ную пользу краю, и потому купецъ Гудковъ заслу
листъ отъ Комитета; г) Коровье масло, представлен
нымъ крестьяниномъ Скороходовымъ, признано
Сальныя свѣчи, представленныя, въ двухъ образц
ми купцами Скулябинымъ и Бовыкинымъ, замѣчат
въ чемъ не уступаютъ обыкновеннымъ стеариновым
III отдѣленіи занималъ первое мѣсто ленъ, какъ пре
щій одну изъ важнѣйшихъ отраслей промышленност
логодской губерніи. Здѣсь же находились пряжа, п
бѣлье, вышитые по полотну наряды крестьянокъ, зо
боты и золотое тканье, кушаки, пестряди, шерстяны
янскія сукна, шерсть овечья, валяныя издѣлья, овчин
бленаго дѣла, образцы щетины и разныя рыболов
представлено было въ снопахъ, по неудобству достав
шесть образцовъ, въ разныхъ же видахъ обдѣлки 29
разцы льна помѣщика Бобарыкина и крестьянки Кра
стотѣ обдѣлки, могли бы быть признаны лучшими,
экспертовъ, преимущественно занимающихся торговл
ныхъ браковщиковъ, многіе изъ высшихъ образцовъ,
отъ государственныхъ крестьянъ, уѣздовъ Сольвычег
скаго, Никольскаго и Тотемскаго, длиною, мягкост
волокна не уступаютъ и даже превосходятъ тѣ первы
шими изъ полотенъ признаны представленные образ
ковъ Брянчанинова и Левашева, за тѣмъ два куска
ской губерніи великосельской крестьянки Моручиной
платки заслужили вполнѣ вниманіе. Столовое бѣлье
салфеткахъ, помѣщика Волкова, превосходной отдѣлк

..ты и красныхъ узорахъ, заслужило особенное вниманіе. — Пестряди разныхъ цвѣтовъ и узоровъ изъ льну, кусками и въ остаткахъ, было 20 образцовъ; шерстяныя ткани и крестьянскія сукна были большею частію обыкновенныя. Овечьей шерсти представлено было два образца. Валяныхъ изъ шерсти издѣлій было весьма много; преимущество предъ всѣми должно было отдать удѣльному крестьянину, обучавшемуся въ ремесленномъ училищѣ, Григорью Власову, и онъ получилъ денежную премію въ 12 руб. сер. Овчинъ представлено было 25 образцовъ, простого и дубленаго издѣлія. Лучшія и, можно сказать, превосходно дубленыя овчины сѣверной фермы и государственнаго крестьянина Никольскаго уѣзда, Чачерина. Особенное вниманіе заслужили поводцы издѣлія государственнаго крестьянина Ивана Рогова, выплетенные имъ изъ льняной пряжи, и по отдѣлкѣ нисколько не уступающіе голландскимъ. — Въ IV отдѣленіи расположены были желѣзныя, стальныя, мѣдныя, золотыя, серебряныя и оловянныя издѣлія. Изъ нихъ представленныя мастеромъ удѣльнаго ремесленнаго заведенія, помѣщичьимъ крестьяниномъ Лацевымъ стальныя и желѣзныя вещи, особенно работы его замки, ножи, топоры и вѣсы безъ гирь, по чистотѣ отдѣлки, признаны лучшими, и Лацеву назначена денежная высшая премія. Особеннаго вниманія и похвалы были достойны слесарныя издѣлія, представленныя въ нѣсколькихъ образцахъ вольноотпущеннымъ Захаромъ Поляковымъ: его ружья, порошницы, пшиперы, скорификаторъ суть образцы превосходнаго мастерства, и Поляковъ заслужилъ похвалу комитета. — Въ V отдѣленіи находились столярныя, рѣзныя, живописныя работы, разныя издѣлія изъ камня и дерева, мотовилы и самопрялки, такъ же множество глиняныхъ вещей въ разныхъ видахъ. Здѣсь изобрѣтательность русскаго крестьянина видна на всякомъ шагу: такъ, представленное государственнымъ крестьяниномъ Тотемскаго уѣзда Степаномъ Кругловымъ небольшое мотовило, кромѣ чистой подъ политуру отдѣлки дерева, замѣчательно тѣмъ, что мотая на немъ пряжу, не нужно заботиться считать число нитокъ въ пасмѣ: послѣ 30 оборотовъ, устроенная машинка, щелкнувъ, напомнитъ, что нужно перевязать пасмо. Крестьянинъ Кругловъ, за изобрѣтеніе этой машинки, признанъ достойнымъ денежной преміи. Въ особомъ помѣщеніи находились въ большомъ количествѣ разные образцы глиняныхъ и муравленыхъ издѣлій въ вазахъ, домашней всякаго рода посудѣ. Особенное вниманіе заслужили по изобрѣтательности два глиняные самовара, довольно порядочной отдѣлки и такъ устроенные, что могутъ замѣнять обыкновенные мѣдные самовары. Государственный крестьянинъ Сятковъ получилъ за это небольшую

денежную премію. Въ VI отдѣленіи помѣщались земл
машины, пожарныя трубы и модели хозяйственныхъ
мѣсто занимали здѣсь земледѣльческія орудія, предста
щикъ сѣверною фермою Целлинскимъ, какъ то: плугъ
для зарытія подпочвы, косуля, распашникъ для окут
маркеръ для посадки картофеля, конная мотыка, двѣ
одна съ рѣзцами, другая безъ рѣзцовъ. Какъ земледѣль
надлежатъ къ важнѣйшимъ двигателямъ сельскаго хозяй
призналъ необходимымъ разсмотрѣть со всею внима
ставленные на выставку образцы. По отзывамъ опы
хозяевъ, бывшихъ лучшими экспертами въ этомъ дѣ
скія орудія, представленныя г. Целлинскимъ, призна
ми, и Комитетъ призналъ себя обязаннымъ присудить
какъ за это, такъ и вообще за прекрасные образцы х
нічества и лучшія дубленыя овчины, серебряную м
размѣра. — Въ VII отдѣленіи находились: кожевенны
ныя издѣлія, чемоданы, сѣдла, сапоги, ваксa, лакъ, ск
деготь, сажа, пекъ, простыя рогожи и цыновки, так
не входящіе въ разрядъ ни одного изъ первыхъ шести (
то: медвѣжьи, лисьи, куньи и другихъ звѣрей шкуры,
ты важнѣйшей промышленности сѣверныхъ жителей
Кромѣ того, во дворѣ дома, занимаемаго выставкою, п
въ балаганахъ крестьянскія телѣги, тарантасъ, сани, и
полозья и дуги. Тутъ же находился приведенный на вы
ней выкормки скотъ: быки, коровы, телушки и жереб
представителей было: помѣщиковъ 13, крестьянъ и
купцовъ 7, мѣщанъ 28, духовнаго званія 2, удѣльнаго
государственныхъ крестьянъ 229. Вологодская выставка
изведеній и промышленности, въ продолженіи шести д
тія, безъ сомнѣнія, доставила многимъ любопытнымъ се
вамъ удобный случай ознакомиться съ предметами, ни
извѣстными.

— Извлекаемъ изъ № 97 Земледѣльческой Газеты
урожаѣ хлѣбовъ и другихъ растеній въ 1848 году. Ны
хлѣбовъ, по отношенію къ губерніямъ Россіи, можно
лить на скудный и довольно хорошій. Если взять, счит
ской губерніи, край Россіи къ сѣверо-западу и сѣве
всѣ губерніи, въ этомъ краѣ лежащія, имѣли вообще
или менѣе довольно хорошій; напротивъ, почти всѣ губе
въ краѣ къ юго-востоку и къ юго-западу отъ Москов

ли урожай болѣе или менѣе скудный. Главное исключеніе состав-
ъ здѣсь Закавказье, гдѣ урожай вышелъ хорошій. Въ числѣ гу-
ній, имѣвшихъ урожай болѣе или менѣе хорошій, первое мѣсто
имаютъ губерніи: Виленская, Тифлисская и Кутайская, имѣвшія
жай очень хорошій, а за ними слѣдуютъ Архангельская, Вятская,
дненская, Енисейская, Иркутская, Ковенская, Костромская, Кур-
ская, Лифляндская, Минская, Новгородская, Псковская, Санктпе-
бургская, Смоленская, Эстляндская и Ярославская. Въ слѣдующихъ
зался урожай посредственный: въ Витебской, Вологодской, Волын-
й, Казанской, Калужской, Кіевской, Могилевской, Московской,
кегородской, Олонецкой, Орловской, Тверской и Черниговской;
чія губерніи имѣли урожай ниже посредственнаго или скудный.
ерніи Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго
ли урожай вообще хорошій. Изъ хлѣбовъ озимая рожь родилась
редственно, а озимая пшеница очень скудно; послѣдняя была зна-
ельно повреждена весною морозами, а рожь не мало сгубилъ хлѣб-
червь. Яровые хлѣба вообще родились лучше озимыхъ; но
ду самыми яровыми хлѣбами въ урожаѣ находится разница: яро-
пшеница, разводимая въ степныхъ губерніяхъ, подвергшихся
ѣ засухѣ и жарамъ, родилась количествомъ скудно, но качествомъ
а добротна и хороша: ячмень и овесъ въ сѣверо-западномъ и сѣ-
-восточномъ краѣ, отъ Москвы, родились хорошо; просо и го-
ь почти вездѣ дали урожай довольно хорошій; греча родилась
ь посредственно. Ленъ и конопля, количествомъ и добротою, ро-
ись посредственно, и сборъ ихъ полагаютъ вообще меньше прош-
дняго. Картофеля урожай былъ довольно хорошій; но онъ сталъ
иться и чернѣть ботвою еще во время роста на корнѣ. Послѣ
а, довольно значительнаго, бо́льшая часть картофелинъ стала
ь и сдѣлалась негодною къ употребленію, отчего въ иныхъ мѣ-
ъ оказался въ картофелѣ недостатокъ, и цѣны на него повыси-
. Сахарная свекла, въ степныхъ губерніяхъ, родилась худо, но
сѣверо западныхъ и Царствѣ Польскомъ довольно хорошо. Изъ
выхъ плодовъ сборъ яблоковъ посредственный, а грушъ — очень
енный; виноградъ родился хорошо, и качествомъ высокой доб-
ы.

боръ сѣна, въ нынѣшнемъ году, вышелъ умѣренный, даже и въ
губерніяхъ, которыя имѣли хлѣбный урожай хорошій; но въ
ныхъ мѣстахъ, пораженныхъ жаркою, сухою погодою, травы
шею частію посохли и погорѣли, и сѣна собраны тамъ скудные
обще недостаточные запасы. Нагулъ скота на подножномъ кормѣ

былъ худой. Прокормленіе его на зиму, по причинѣ не и соломы, представляло хозяевамъ тѣхъ мѣстъ большія опасенія; только осенніе дожди, обновивъ подножный корм пособили хозяйствамъ. Значительныхъ падежей въ скот было слышно. При такихъ обстоятельствахъ, скотъ, не н нагула, по скудости травъ, оказался въ тѣлѣ тощъ и не битьѣ скота, оказывалось въ немъ очень мало сала. значительно пострадало; во многихъ мѣстахъ, вмѣсто уни надлежало пчелу кормить; при такихъ обстоятельства она роилась мало; но даже много старой пчелы пропало. стіямъ изъ иностранныхъ государствъ, въ сѣверной Аме гріи урожай хлѣба былъ хорошъ; въ Швеціи, Даніи Германіи, Франціи и Англіи посредственный; а въ Ита ниже посредственнаго. Картофельная болѣзнь и въ нын была въ Германіи, Англіи и Ирландіи довольно сильна и портила сборъ картофеля.

Въ отношеніи къ обезпеченію внутренняго продовольс сія, сколько можно судить по дошедшимъ свѣдѣніямъ, пр хорошая надежда. Не только нынѣшній сборъ хлѣба в многихъ хозяйствахъ представляется выше мѣстной потр еще во всѣхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ находятся значи пасы хлѣба, какъ по сельскимъ имѣніямъ отъ прежних такъ и по пристанямъ на рукахъ торговцевъ. По этой п видовъ ожидать большого возвышенія цѣнъ на хлѣбъ зим бенно потому, что теперь не представляется на него сил ванія за-границу.

— Не разъ были приводимы уже примѣры невѣжеств ріи нашихъ простолюдиновъ къ столь же невѣжественной ности деревенскихъ лекарей-самоучекъ. Вотъ еще одинъ жалкихъ примѣровъ, сообщенный въ журналѣ Министерс нихъ Дѣлъ. Архангельской губерніи Онежскаго уѣзда въ зогорскомъ, крестьянинъ Васинъ, промышлявшій коновальс шедши въ домъ крестьянина Филимонова и, увидя, что у послѣдняго, годового мальчика, образовался на головѣ з зырь, взялся вылечить ребенка, разрѣзавъ ему этотъ пу тыре части. Операція совершилась; но мальчикъ, вмѣсто выздоровѣть, тотчасъ же умеръ.

— Какую прекрасную статью сейчасъ прочелъ я въ 4 Экономa. «Общій очеркъ свеклосахарнаго производства Такъ встрѣтилъ насъ один ... нихъ пріятелей, когда

ѣтили, и подалъ намъ сказанные №№ «Хозяйственной Общеполезной Библіотеки», прося насъ обратить на ту статью особенное вниманіе. Мы послѣдовали совѣту нашего пріятеля, и начали читать статью. Читаемъ, читаемъ.... ба, ба, ба! да это что-то знакомое. Эту же самую статью, слово-въ-слово, но подъ заглавіемъ: «О сахарѣ колоніальномъ и о свекловично-сахарномъ производствѣ въ Россіи», — въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Кн. IV, 1842 года, гдѣ авторъ ея подписался буквами П. П—нъ. «Такъ она перепечатана, позаимствована?» спросилъ часъ нашъ пріятель.— Объ этомъ ничего не сказано въ Хозяйственной Общеполезной Библіотекѣ.

— Финляндская мануфактурная дирекція обнародовала недавно отчетъ о состояніи фабрикъ и ремеслъ въ Финляндіи за 1844 и 1845 годы. Извлекаемъ изъ него слѣдующія свѣдѣнія относительно главнѣйшихъ фабричныхъ производствъ, превосходящихъ прочія количествомъ и цѣнностью произведеній.

1. *Бумагопрядильная фабрика* въ Таммерфорсѣ нынѣ единственный заводъ этого рода въ Финляндіи, покуда не приведется въ дѣйствіе фабрика, устроиваемая въ Або. Таммерфорская бумагопрядильня занимаетъ между финляндскими фабричными заведеніями первое мѣсто, какъ по числу мастеровыхъ, такъ и по цѣнности произведеній. Нынѣ работаетъ здѣсь 531 челов., и изъ 450 тысячъ американской хлопчатой бумаги приготовляютъ ежегодно 30 кусковъ ткани и 152 тысячи фунтовъ бумажныхъ нитокъ. На фабрикѣ въ 1845 году были въ ходу: 49 прядильныхъ машинъ съ 8956 веретенами и принадлежащими къ нимъ очистительными кардовыми и аппретурными машинами, да 209 ткацкихъ станковъ.

2) Между *фаянсовыми и фарфоровыми заводами* самый замѣчательный находится на мызѣ Суотміеми, въ кауколъскомъ капеллѣ Рейсельскаго кирхшпиля. Число мастеровъ свыше 60 человѣкъ, да сверхъ того отъ 20 до 40 человѣкъ постоянно занимаются носкою дровъ и матеріяловъ, топкою печей и другою черною работою. На немъ въ ходу 10 жерновов, 5 пестовъ, 26 форменныхъ станковъ, 1 печатный станокъ и 12 печей разнаго рода. Изъ туземныхъ сырыхъ матеріяловъ употреблялись на заводѣ: кварцъ, полевой шпатъ и известнякъ: прочія же глазурныя вещества и глина привозились изъ Россіи, а красильныя вещества изъ Швеціи. Цѣнность издѣлій показана за 1844 годъ въ 20 тысячъ рублей серебромъ, а въ 1845 году только въ 14 тысячъ руб. серебромъ.

Изъ прочихъ заводовъ того же рода значительно подвинулось впе-

редъ фарфоровое и фаянсовое производство, устроенно ныиъ и К°; остальные же заводы пришли въ упадокъ.

3. *Стеклянные заводы*. Состояніе этихъ заводовъ і послѣднихъ годовъ весьма мало измѣнилось. Обширнѣй этого рода суть: Лейстила и Еппиля въ Никирскомъ ки ность произведеній перваго показана въ 12 тысячъ, а і 15.400 рублей серебромъ.

4. *Суконныя фабрики*. Въ теченіи двухъ послѣднихъ і суконныя фабрики, или вовсе не приведенныя въ дѣйсті мавшіяся однимъ только красильнымъ производствомъ, і дарованныхъ имъ привилегій, и къ концу 1845 года от 9 суконныхъ фабрикъ. Дѣйствія на нихъ вообще усилил бочихъ людей и ткацкихъ станковъ возрасло, и цѣнность і недостигавшая въ 1843 году 55 тысячъ рублей серебро въ 1844 году до 73 тысячъ, а въ 1845 году до 98 тысячъ Обширнѣйшія изъ этихъ фабрикъ — Іокинаская въ Там Литтонаская въ Лундскомъ кирхшпилѣ. На первой число уменьшено, вслѣдстіе пріобрѣтенія большого числа маш щеннаго способа приготовленія; въ послѣдней же число і болѣе чѣмъ удвоилось. Онѣ обработываютъ русскую, фи сонскую шерсть, и цѣнность произведеній первой фабрі году простиралась до 40 тысячъ, а второй до 35 руб. се

5. Цѣнность произведеній *карточныхъ фабрикъ* прос 1845 году только до 7,800 руб. сер.

6. Производство *свѣчныхъ и мыльныхъ заводовъ* уменьши что въ 1845 году выработано на нихъ товара на 42 тысячі тогда-какъ въ 1843 году цѣнность продуктовъ достигала ! На лучшемъ изъ этихъ заводовъ — Киріольскомъ, въ Ка пеллѣ Выборгскаго кирхшпиля, приготовлено изъ финскаго сала 14 тысячъ лисфунтовъ свѣчей, цѣною въ 29 тысячъ ($^1/_3$ менѣе чѣмъ въ 1843 г.). На главной мыльной фабрикѣ количество выработаннаго мыла доходило только до 1,700 п. 4,600 руб., что не составляетъ даже и половины произво года.

7. *Механическіе заводы*. Самый значительный изъ них: въ 1844 году въ Або механиками Эриксономъ и Ковье. На водѣ въ 1845 году занималось 86 мастеровъ приготовленіемъ котловъ и механизмовъ цѣною на 6,000 руб. сер. Прочія этого рода еще менѣе значительны.

8. *Бумажныхъ фабрикъ* считается въ Финляндіи 7, и дѣйствіе ихъ ежегодно увеличивается; цѣнность ихъ произведеній въ 1845 г. превосходила 40 тысячъ руб. сер. Фабрика наслѣдниковъ книгопродавца Френкеля въ Таммерсфорсѣ одна сработала на 30 тысячъ рублей.

9. Хотя въ Финляндіи находится нѣсколько *корабельныхъ верфей*, но производство ихъ не весьма значительно. На Абовской цѣнность произведеній простиралась до 8,200 руб., а на Вазасской до 3,000 руб. сер.; на обѣихъ работало 72 человѣка.

10. Единственный *сахарный заводъ* находится на Теле, близъ Гельсингфорса. Его дѣятельность сильно увеличивается: въ 1843 г. онъ работалъ на 33 тысячи руб. въ 1844 г. на 70 тысячъ руб., а въ 1845 почти на 84 тысячи руб. сер.

11. *Табачныя и сигарныя фабрики* (числомъ 16) уменьшили свое дѣйствіе, которое въ 1843 г. доходило до 108 тысячъ руб., а въ 1845 только до 93 тысячи руб. сереб. На гельсингфорской фабрикѣ Бергстрема произведено слишкомъ на 38 тысячъ рублей, а на фабрикѣ Вазеніуса слишкомъ на 28 тысячъ рублей.

При сравненіи дѣйствія всѣхъ финляндскихъ фабрикъ и заводовъ въ 1844 и 1845 годахъ съ дѣйствіями ихъ въ годахъ предъидущихъ, оказываются слѣдующіе главные результаты.

1. Число мастеровъ, учениковъ и рабочихъ на всѣхъ финляндскихъ фабрикахъ было:

въ 1843 году. . .	1,699 человѣкъ.
1844 « . . .	1,953 «
1845 « . . .	2,058 «

2. Цѣнность ежегодныхъ произведеній этихъ фабрикъ показана:

въ 1843 году. . .	531,852 руб. сер.
1844 « . . .	627,186 «
1845 « . . .	678,409 «

Эти цыфры показываютъ общее развитіе финляндской промышленности въ теченіи 1844 и 1845 годовъ.

3. Для поддержанія упомянутыхъ заведеній выданы ссуды изъ ассигнованныхъ на этотъ предметъ суммъ:

въ 1843 году. . .	107,367 руб. сер.
1844 « . . .	121,569 «
1845 « . . .	124,506 «

Привилегій выдано Финляндскимъ Сенатомъ — въ 1844 году 3, въ 1845 г. 4. Истекъ срокъ прежде даннымъ привилегіямъ въ 1844 г 3 и въ 1845 г. 2. Сверхъ того объявлены въ 1845 г. недѣйствительными 55 прежде выданныхъ привилегій.

II.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Вотъ самая интересная литературная новость: давн *Признанія (Les Confidences)* г. Ламартина уже начали печа ветѣ г. Э. Жирардена — *La Presse*.

Вмѣсто предисловія къ своимъ «Признаніямъ» г. Лама чаталъ свое письмо къ г. Просперу Гинару, которое мы с редать нашимъ читателямъ:

.... «Теперь обращаюсь къ содержанію твоего письма. ваешь меня: что же это за *Признанія*, готовыя появиться цахъ газеты, читаемой всѣми во Франціи и Европѣ? Ты с удивляешься, что я еще заживо раскрываю страницы се вѣстной жизни моей передъ равнодушными глазами нѣско сячъ читателей фельетоновъ...

«Публичность профанируетъ все задушевное, говоришь «етоны — это книги, размѣненныя на мелочь. Что вовлек «эту ошибку? спрашиваешь ты съ суровою откровенностью «моимъ истинной дружбы. Желаніе питаться собственными «Но сдѣлавшись достояніемъ общимъ, они уже не будутъ «жать исключительно тебѣ. Желаніе славы? Но славы не б «колыбели; она озаряетъ только могилы весьма немногихъ. Из «— слава настоящей минуты; завтра для нея не существу «дѣлаешь ты это ради денегъ? Это значило бы платить за н «комъ дорого, добывать ихъ изъ глубочайшихъ нѣдръ соб «существа. Объясни мнѣ это, или остановись, если еще ес «я тутъ ничего не понимаю.»

Я объяснюсь, другъ мой. Во-первыхъ, смиряюсь и созн правъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но, склонивши пристрастно моему объясненію, ты въ свою очередь согласишься, може что и я не совсѣмъ не правъ. Излагаю голый фактъ, — это его рода признаніе, и притомъ не изъ самыхъ скромныхъ.

Помнишь ли, какъ въ молодости проводили мы, бывало, уединенномъ зàмкѣ твоей матери, въ Дофине, на холмѣ В легкою высотою поднявшемся среди долины Кремьё? Как вижу эту террасу съ аркадами винограда, ключъ въ саду по двухъ плакучихъ ивъ, посаженныхъ твоею матерью, — ихъ вѣрно осѣняютъ теперь ея могилу; позади лѣсъ, оглашаем

рамъ лаемъ твоихъ собакъ: въ салонѣ портретъ твоего отца въ генеральскомъ мундирѣ съ красною лентою временъ Бурбоновъ; наконецъ, полная книгъ башенка, ключъ отъ которой хранился у твоей матери, и которая открывалась не иначе, какъ въ ея присутствіи, чтобы намъ не попался подъ руку *дурманъ* вмѣсто *маку*, среди густой и обманчивой растительности человѣческой мысли, гдѣ цѣлебная трава растетъ подлѣ злого яда.

Ты помнишь конечно и лѣтнія поѣздки твои въ Мильи, къ моей матери, любившей тебя какъ родного сына. Ея граціозная фигура, глаза, отражавшіе нѣжность души, голосъ, проникнутый чувствомъ и пробуждающій чувство, кроткая улыбка, чуждая насмѣшливаго выраженія, — сохранилось ли все это въ твоей памяти?

— Но какая же связь, спросишь ты: — между замкомъ Бьенъ-Асси, домикомъ въ Мильи, твоею и моею матерью — и изданіемъ въ свѣтъ записокъ о твоей юности?

— Сейчасъ увидишь.

Мать моя, воспитанная въ Сенъ-Клу, съ молодости привыкла посвящать часокъ передъ отходомъ ко сну размышленію и молитвѣ, какъ мудрые посвящаютъ его отхода въ вѣчность. Когда всѣ въ домѣ успокоивались, когда дѣти ея засыпали въ своихъ кроваткахъ вокругъ ея постели, и слышно было только ихъ мѣрное дыханіе, вой вѣтра въ ставняхъ и лай собаки на дворѣ, она тихо отворяла дверь кабинета, наполненнаго учебными, душеспасительными и историческими книгами, садилась за маленькое бюро, изъ розоваго дерева съ инкрустаціями изъ слоновой кости и перламута, и доставала изъ ящика небольшія тетрадки, переплетенныя, какъ счетныя книги, въ сѣрый картонъ. Въ нихъ писала она часа по два сряду, ни разу не подымая головы, ни разу не останавливаясь въ ожиданіи слова. То былъ дневникъ домашней жизни, лѣтопись настоящей минуты, воспоминанія и впечатлѣнія, схваченныя на-лету, пока еще не умчала ихъ съ собою ночь; горе и радость, событія внутренней жизни; паденіе песку въ часахъ, остановленное на мгновеніе, изліянія грусти и опасенія, радости и признательности, теплыя молитвы, нисходившія прямо изъ сердца къ Богу, живые звуки существа, которое дышитъ, любитъ, страдаетъ, наслаждается, благословляетъ, взываетъ, покланяется, — словомъ, душа въ буквахъ.

Эти замѣтки, набрасываемыя на бумагу въ заключеніе каждаго дня, образовали наконецъ огромное и драгоцѣнное для дѣтей хранилище воспоминаній матери. Ихъ двадцать два тома. Они всегда у

меня подъ рукою, и когда мнѣ приходитъ желаніе ви услышать душу матери, я раскрываю ихъ, и она мнѣ я

Ты знаешь, привычки наслѣдственны. Увы! зачѣмъ ли не передаются такъ же изъ рода въ родъ? Привычка сдѣлалась и моею. Когда я вышелъ изъ коллегіи, она эти страницы и сказала:

«Дѣлай и ты тоже: дай жизни зеркало. Посвящай ванію твоихъ впечатлѣній, молчаливому осмотру совѣсти женія дня полезно думать, приступая къ дѣлу: «ввечеру ду его записывать, мнѣ придется покраснѣть передъ са Пріятно останавливать улетающія радости и слезы, найти черезъ нѣсколько лѣтъ, на этихъ страницахъ и подумать дѣлало меня счастливымъ! вотъ отъ чего я плакалъ!» Э етъ намъ непостоянство чувствъ и вещей, показываетъ в наслажденія и страданія, узнавать не обманчивую цѣн щей минуты, но истинную и вѣчную.

Я послушался ее, хотя и не буквально. Я писалъ н какъ она. Вихрь жизни, бури страстей, увлеченіе, отвр неспокойной совѣсти, которая заставила бы меня стыд себя, не давали мнѣ вести дневника моего жизненнаго п шагомъ, съ точностью благочестивой женщины. Но в въ часы душевнаго затишья, въ эпохи одиночества, оглядывается на исчезнувшіе образы, въ мертвые проме стнованія, когда живешь только прошедшимъ, я запис старанія, не думая, что страницы эти прочтетъ еще кто мнѣ меня), я записывалъ, говорю я, не всѣ, но главнѣй моей внутренней жизни. Концомъ пера я разгребалъ хол рачій пепелъ минувшаго. Я раздувалъ угасшіе угли мо чтобы снова на минуту освѣтить и согрѣть грудь. Я сдѣ семь или восемь пріемовъ въ продолженіи моей жизни, и связаны между собою только тождествомъ души, ихъ наб

Теперь послѣдуй за мною еще дальше и извини письмо.

Лѣтъ пять или шесть тому назадъ, желая въ тишинѣ з торіею французской революціи, я удалился лѣтомъ на ост среди Гаетскаго залива, отдѣленный отъ материка моремъ раго нѣтъ для меня мѣстности вполнѣ прекрасной: видима ность позволяетъ ощупать глазами границы времени и вдали существованіе безграничное. Но Исхія, какъ увидишь была мнѣ дорога еще по другому поводу. Она была спе

самыхъ теплыхъ воспоминаній изъ моей жизни, — одного кроткаго и мягкаго какъ дѣтство, другого—многозначительнаго, сильнаго и прочнаго какъ лѣта мужества. Человѣкъ любитъ мѣста, гдѣ онъ любилъ. Они какъ-будто сохраняютъ для насъ наше сердце и возвращаютъ намъ его непочатымъ и способнымъ снова любить.

Однажды лѣтомъ, въ 1843 году, я лежалъ въ тѣни лимоннаго дерева, на террасѣ передъ моимъ жилищемъ, хижиною рыбака; я глядѣлъ на море, слушалъ, какъ шумятъ о берегъ раковины, и наслаждался колебаніемъ воздуха отъ прибоя волнъ, освѣжавшаго меня, какъ влажное опахало въ рукахъ бѣдныхъ негровъ освѣжаетъ владѣтеля тропическихъ странъ. Наканунѣ я кончилъ разборъ и пересмотръ мемуаровъ, рукописей и документовъ, собранныхъ мною для исторіи Жирондистовъ. Матеріялы мои вышли.

Я взялся за тѣ, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка — за собственныя воспоминанія. Я принялся писать исторію Граціеллы, печальное и милое предчувствіе любви, встрѣченное мною когда-то въ этомъ же заливѣ; я писалъ въ виду острова Прокиды, въ виду развалинъ домика среди винограда и прибрежнаго сада, на который какъ-будто еще указывала мнѣ тѣнь. На морѣ появилась лодка; она шла къ Исхіи на всѣхъ парусахъ, палимая лучами солнца. Молодой человѣкъ и молодая женщина старались укрыться въ тѣни мачты.

Дверь на террасѣ отворилась, вошелъ мальчикъ, встрѣчающій на Исхіѣ вновь пріѣзжихъ, и неожиданно доложилъ мнѣ о пріѣздѣ какого-то незнакомца.

Ко мнѣ подошелъ стройный, высокій юноша; поступь его была медленна и мѣрна, — казалось, онъ несетъ мысль и боится пролить ее. Лицо его, нѣжное и мужественное, было оттѣнено черною бородою; профиль рисовался на голубомъ небѣ двумя чистыми греческими линіями, какъ лицо молодого ученика Платона, на медали, найденной въ песку Пирея. Я узналъ походку, профиль и голосъ Евгенія Пелльтана, одного изъ друзей моихъ. Это имя извѣстно тебѣ, какъ имя одного изъ писателей, страницы которыхъ освѣщены утреннею зарею будущей славы. Я люблю Пелльтана тѣмъ чувствомъ, которое привязываетъ насъ къ будущему. Я встрѣчаю его какъ друга и какъ пріятную новость. Онъ принадлежитъ къ числу людей, которые никогда намъ не докучаютъ, но помогаютъ мыслить и чувствовать.

Молодую жену свою онъ оставилъ въ домѣ на берегу. Послѣ нѣсколькихъ словъ о Франціи и объ этомъ островѣ, куда, онъ случайно узналъ въ Неаполѣ, что я удалился, онъ замѣтилъ бумагу у меня на

колѣняхъ и исписанный карандашъ въ рукѣ. Онъ дѣлаю?

— Хотите послушать, отвѣчалъ я: — пока жег дороги и сами вы отдохнете вотъ подъ этимъ апельс прочту.

И покамѣстъ солнце садилось за Эпомео, высоко я прочелъ ему нѣсколько страницъ изъ исторіи Г мѣсто, сумракъ, небо, море, ароматъ деревъ разли нымъ страницамъ и тѣнили его призракомъ неожида наго. Онъ былъ, казалось, тронутъ. Мы закрыли кни дить по острову. Онъ переночевалъ и уѣхалъ.

Я остался на Исхіи до первыхъ осеннихъ бурь тился въ Сенъ-Рояль.

Туда призывали меня важныя дѣла, — *res angusta* рить Горацій, — стѣсненныя обстоятельства, разстрой выражаемся мы, новѣйшіе.

Какъ познакомился ты съ этимъ разстройствомъ? Развѣ ты не могъ выпутаться, честно служа отечест закрывавшему для тебя карьеры?

Правда; но съ 1830 года я предпочиталъ не бы то ни было. У меня неожиданно потребова чительной суммы, занятой мною съ цѣлью купи никовъ землю и домъ моей матери, знакомый те мы столько мечтали и блуждали, когда мнѣ было тебѣ шестнадцать лѣтъ. По смерти моей матери, помѣ лось къ продажѣ; его собирались раздѣлить на пять торыхъ ни одной не доставалось на мою долю. Оно г рейти въ руки чужихъ. Сестры и зятья мои, огорчен меня, великодушно предложили мнѣ средства спасти лище нашихъ воспоминаній. Тогда я былъ богаче; я с естественное усиліе: я купилъ Мильи. Я надѣялся въ и жизнь. Тяжесть земли, послѣдній вершокъ которой на чужія деньги, долго меня давила. Но я несъ эту т лишь бы не продавать съ землею чувства. Я никогд раскаявался, — не раскаяваюсь и теперь. Наконецъ же часъ, когда я долженъ былъ или пасть, или рѣшить Я медлилъ, но напрасно. Время летитъ на крыльяхъ, — капиталъ налетаютъ съ быстротою и тяжестью вагона.

Сердце у меня надрывалось. Я рѣшался — и снова впадалъ въ нерѣшительность. Я съ отчаяніемъ смотрѣлъ на маленькую сѣрую колокольню на скатѣ холма, на кровлю дома, на вершины липъ, видимыхъ съ дороги надъ черепицами села. Я думалъ: «мнѣ уже не ѣздить по этой дорогѣ, не глядѣть въ эту сторону. Эта колокольня, этотъ холмъ, эта кровля, эти стѣны, всю жизнь будутъ упрекать меня, что я ихъ отдалъ за нѣсколько мѣшковъ денегъ! А жители, бѣдные возделыватели винограда, мои молочные братья, съ которыми провелъ я мое дѣтство, питаясь съ ними однимъ хлѣбомъ за однимъ столомъ, — что скажутъ они? что̀ станется съ ними, когда имъ скажутъ, что я продалъ ихъ луга, виноградники, жилища козъ и коровъ, и что новый владѣлецъ, не знающій и не любящій ихъ, завтра же можетъ быть измѣнитъ судьбу ихъ, пустившую, какъ и моя, корни въ эту неблагодарную, но родную почву?

И я возвращался, встревоженный больше прежняго. Роковой часъ между тѣмъ приближался. Я призвалъ одного изъ людей, уважаемаго всѣми, — одного изъ тѣхъ, которые скупаютъ помѣстья цѣликомъ, чтобы потомъ перепродавать ихъ по частямъ, и сказалъ ему: «продай мнѣ изъ Мильи столько, сколько нужно, чтобы получить сто тысячъ франковъ», или, вѣрнѣе, какъ сказалъ венеціянскій купецъ жиду: «продай кусокъ моего мяса!»

Это былъ человѣкъ съ чувствомъ. Ты его знаешь, — М***. На глазахъ у него навернулись слезы. Онъ готовъ былъ отказаться отъ собственной выгоды, чтобы избавить меня отъ сердечной боли. Но разсуждать было уже поздно. Мы пошли осматривать мѣстность и рѣшить, какая часть помѣстья удобнѣе всѣхъ можетъ быть отдѣлена и продана по частямъ сосѣднимъ покупателямъ. Но тутъ вопросъ оказался еще неразрѣшимѣе, и сердце мое сжалось еще сильнѣе.

— Вотъ, говорилъ мой спутникъ, разсѣкая рукою воздухъ: — вотъ который легко продать цѣликомъ. Вамъ останется еще довольно.

— Да, отвѣчалъ я: — только этотъ виноградникъ разведенъ отцомъ моимъ въ годъ моего рожденія. Отецъ завѣщалъ намъ хранить его, какъ лучшій участокъ помѣстья, орошенный его потомъ.

— Такъ вотъ другой, продолжалъ оцѣнщикъ: — онъ очень пригоденъ для скота, и покупщики средней руки вѣрно на него польстятся.

— Да, только его продать невозможно, отвѣчалъ я. — Тутъ рѣка, лугъ и садъ, гдѣ мы играли и купались подъ надзоромъ матери. Она ухаживала за этими яблонями, вишнями и абрикосами. Поищемъ другого.

— Ну, вотъ этотъ скатъ позади дома?

— Но онъ граничитъ съ садомъ и разстилается пр
нами фамильной залы. Можно ли будетъ смотрѣть на

— А вонъ та отдѣльная группа хижинъ съ виногра
скающимися въ долину?

— О, это домъ мужа кормилицы моихъ сестеръ и е
воспитавшей. Это все равно, что переселить ихъ на м
не переживутъ разлуки съ своимъ домомъ и виноградн

—Ну, такъ главный домъ съ флигелями, садомъ
кругъ ограды.

— Въ немъ я самъ хочу умереть, на постели отца.
но. Это было бы самоубійствомъ всѣхъ фамильныхъ чу

— Имѣете вы сказать что-нибудь противъ продажи
торой не видно изъ вашихъ оконъ?

— Ничего. Только тамъ старинное кладбище, гдѣ
ронены, когда я былъ еще ребенкомъ, малютка братъ
Пойдемте дальше. Здѣсь вамъ всюду придется изувѣчи
чувство.

Но мы проходили напрасно. Нигдѣ не нашли мы ни
который можно было бы оторвать отъ помѣстья, не от
съ нимъ и части души моей. Вечеромъ я воротился дом
и не спалъ всю ночь.

На слѣдующее утро мнѣ подали пакетъ писемъ. Од
Парижа. Адресъ былъ написанъ четкою, свободною ру
комъ быстроты, точности и твердой рѣшимости пишуща
это письмо. Оно было отъ г. Ж.....

— Г. Пелльтанъ — писалъ онъ — говорилъ мнѣ о нѣсв
ницахъ воспоминаній дѣтства, которыя вы читали ему
хотите ли прислать ихъ для *Прессы*? Вы получите за ни
торую вамъ угодно будетъ назначить.»

Я не колеблясь поблагодарилъ и отказался. «Цѣна,
журналомъ — отвѣчалъ я Ж... — выше цѣнности нѣско
чащихъ страницъ; но я не могу рѣшиться передать публ
памятники, интересные только лично для меня.

Письмо было отправлено. Дней черезъ шесть явился
составленія акта продажи Мильи. Дѣловой человѣкъ от
нецъ первый участокъ въ 50,000 франковъ, готовый най
ка. Я однимъ словомъ готовъ былъ на-всегда отдѣлить с
моихъ предковъ. Рука моя дрожала, въ глазахъ стало м
сжалось.

Въ эту минуту дверь отворилась. Вошелъ факторъ и бросилъ на столъ письмо изъ Парижа. Г. Ж... настаивалъ на своемъ желаніи. Онъ давалъ мнѣ три года сроку, чтобы свыкнуться съ мыслью. Отдаленность срока уничтожила во мнѣ всѣ затрудненія. Я не скрывалъ отъ себя, что давши обязательство подобнаго рода, я испытаю много горькаго. Я взвѣшивалъ съ одной стороны непріятность сознанія, что равнодушные взоры будутъ слѣдить за трепетаніями моего обнаженнаго сердца, — а съ другой стороны, боль сердца, отъ котораго я собственною рукою долженъ былъ оторвать кусокъ, подписавши актъ. Надо было пожертвовать или самолюбіемъ, или чувствомъ. Я закрылъ глаза рукою и спросился у сердца. Я взялъ актъ продажи Мильи, разорвалъ его, и написалъ г. Ж: «я согласенъ.» Мильи былъ спасенъ, я—связанъ. Вспомни Бьенъ-Асси и осуди меня, если осмѣлишься. Поступилъ бы ты на моемъ мѣстѣ иначе?

Успокойся. Я выдаю только себя. На этихъ страницахъ не встрѣтится ни одного имени, и разсказъ мой не оскорбитъ никого. Я встрѣчалъ въ моей жизни мало злыхъ. Я жилъ въ средѣ добродушія, ума, благородныхъ стремленій, любви и добродѣтели. Я помню только добрыхъ. Прочихъ я забываю безъ труда. Душа моя похожа на рѣшето, которымъ въ Мессинѣ зачерпываютъ изъ рѣкъ крупинки чистаго золота. Песокъ просѣчивается, золото остается. Зачѣмъ обременять свою память вещами, которыя не питаютъ, не радуютъ и не утѣшаютъ сердца?

Теперь, когда мнѣ становится больно при мысли о публичности, ожидающей мои чувства, когда я подумаю, какъ улыбнутся одни, какъ равнодушно будутъ другіе перелистывать записки, которымъ слѣдовало бы оставаться въ тѣни безвѣстности, — я приказываю сѣдлать лошадь; я ѣду шагомъ по каменистой тропинкѣ Мильи, гляжу направо и налѣво, на луга и виноградники, на крестьянъ, издали кивающихъ мнѣ головою, привѣтствующихъ меня дружескимъ жестомъ, улыбкою старыхъ знакомыхъ; я сажусь погрѣться на осеннемъ солнцѣ, въ самый отдаленный уголъ сада, откуда лучше видна отческая кровля, садъ и виноградникъ: влажными глазами гляжу я на этотъ четырехъ-угольный домикъ, на гигантскій плющъ, посаженный моею матерью, округляющій углы зданія и какъ-будто поддерживающій своими арками старыя, стѣны, готовыя разрушиться; я слушаю, какъ стучитъ заступъ крестьянъ, отдѣлывающихъ виноградъ на холмѣ, сохраненномъ для нихъ мною; я вижу, какъ подымается надъ кровлями ихъ дымъ, зовущій ихъ съ поля; гляжу на тѣни липъ, разстилающіяся при вечернемъ солнцѣ и лобзающія мнѣ, какъ-будто

изъ благодарности, ноги.... и думаю: «свѣтъ осуждает
меня не понимаютъ. Они правы! Я не могу на нихъ
Но этотъ садъ, этотъ пустой домъ, эти виноградники,
эти старики, эти женщины и дѣти ихъ благодарятъ м
мость перенести небольшой стыдъ, чтобы сохранить н
венность и счастье до часа моей смерти. Потерпимъ за
скажу объ этомъ отцу, матери, теткамъ сестеръ моихъ,
съ ними въ домѣ вѣчнаго отца. Они не осудятъ меня!
ютъ обо мнѣ и благословятъ меня можетъ быть за мой

Будь же снисходителенъ и ты, мой старый другъ. Ес
похвалить меня, то по-крайней мѣрѣ прости; подумай о
ревьяхъ, гдѣ ты старѣешь въ атмосферѣ твоихъ дѣтских
женной памятью предковъ!»

Сенъ-Шуанъ. 25 дек. 1847 г.

— **Людовикъ Михаилъ Швантaлеръ** (*Schwantaler*)—**знамен**
торъ, умеръ въ Мюнхенѣ 14 нояб. 1848 г. на 46 году отъ рожд
въ Мюнхенѣ 26 августа 1802 года. Многіе изъ членовъ е
пользовались уже въ Германіи нѣкоторою извѣстностью,
торы. Отецъ его, придворный скульпторъ въ Мюнхенѣ, отда
тываться въ мюнхенскую гимназію. Самымъ любимымъ
молодого Швантaлера сначала была философія, и, вслѣ
потомъ, когда онъ предался искусству, образованіе его
прочное основаніе. Онъ хотѣлъ-было сдѣлаться живописц
томъ уступилъ склонности болѣе опредѣленной и началъ
скульптурой, подъ руководствомъ своего отца, и наконе
жалъ учиться въ Мюнхенской академіи. Онъ оставилъ ака
въ 1825 году. Король баварскій постоянно покровитель
талантъ, и, благодаря денежному вспомоществованію, кот
талеръ получилъ отъ него въ 1826 году, онъ совершилъ п
шествіе свое въ Италію. Три года, проведенные имъ въ
искусствъ, и знакомство съ первыми художниками много
вали къ усовершенствованію его таланта. Потомъ онъ сд
профессоромъ въ Мюнхенской академіи. Швантaлеръ бы
необыкновенною дѣятельностью. Плодовитость и легкость
веденій достойны замѣчанія. Множество скульпторовъ испо
его руководствомъ огромныя работы, которыя были ему за
Кромѣ своихъ скульптурныхъ занятій, онъ набросалъ ка
множество моделей, которыя были выполнены кистью е
Поэзія Орфея, Феогонія Гезіода, трагическія драмы Эс

окла и ѣдкій умъ Аристофана,—все это доставляло матеріялы для его алланта. Король поручилъ ему между прочимъ сдѣлать 24 рисунка изъ Иліады для украшенія своего дворца. Эти различныя произведенія свидѣтельствуютъ о богатствѣ воображенія ихъ творца. Нѣкоторыя изъ его произведеній напоминаютъ знаменитаго Флаксмана. Правда, въ нихъ нѣтъ флаксмановской чистоты и отчетливости, но отъ нихъ до такой степени вѣетъ античнымъ духомъ, что ихъ очень легко можно принять за слѣпки съ этрурскихъ вазъ.

Карлъ Шванталеръ, какъ скульпторъ, пріобрѣлъ себѣ огромную и вполнѣ заслуженную извѣстность. Онъ отличался необыкновенною легкостью и обиліемъ воображенія. Для короля баварскаго, который хотѣлъ осуществить чудеса искусства въ Мюнхенѣ, который добывалъ мраморъ изъ Греціи, воздвигалъ въ одно и тоже время дорическіе памятники и византійскіе храмы и поручалъ г. Кленце выстроить дворецъ изъ кирпича по образцу дворца Питти во Флоренціи, — художникъ съ такимъ разнообразнымъ талантомъ, какъ Шванталеръ, былъ истиннымъ пріобрѣтеніемъ.

Потеря Шванталера чрезвычайно ощутительна для германскаго искусства.

— Г. Бенуатонъ де Шатонёфъ (Benoiston de Chateauneuf) изъ разбора многочисленныхъ фактовъ, обнародованныхъ относительно продолжительности жизни въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, вывелъ слѣдующіе результаты:

1) Самый естественный предѣлъ для продолжительности человѣческой жизни въ Европѣ есть девяносто лѣтъ. Въ эту эпоху изъ тысячи людей, считая съ тридцатилѣтняго возраста, останется четырнадцать человѣкъ, а считая съ рожденія, только шесть человѣкъ.

2) Извѣстія, обнародованныя въ теченіи настоящаго столѣтія, показываютъ, что есть страны, въ которыхъ число людей тридцатилѣтняго возраста, достигающихъ девяноста лѣтъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Этотъ фактъ замѣчается особенно въ Даніи, Швеціи, Норвегіи и Исландіи. Впрочемъ изъ этого нельзя заключать, что долговѣчность составляетъ исключительную принадлежность сѣверныхъ странъ, потому-что тотъ же самый фактъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Англіи, Бельгіи и южной Франціи, между 42° и 50° сѣверной широты.

3) Изъ общаго соображенія всѣхъ фактовъ выводится заключеніе, что всѣ климаты, несмотря на ихъ различія, сходны въ отношеніи

продолжительности жизни и вообще выгоды и нем
дѣльнаго климата болѣе или менѣе взаимно вознагр

4) Въ Европѣ живутъ женщины во всѣхъ періода
жительнѣе, чѣмъ живутъ мужчины.

5) Изъ пятнадцати милліоновъ умершихъ, о ко
нёфъ собралъ свѣдѣнія, по-крайней-мѣрѣ третья час
бѣдный и работающій классъ общества, и, несмотря
стигаетъ среднимъ числомъ въ годъ:

отъ 10 до	30	лѣтъ	=	0,91;
— — —	50	—	=	1.32;
— — —	$62\frac{1}{2}$	—	=	2,40;
— — —	74	—	=	4 10;
— — —	$80\frac{1}{2}$	—	=	6.55.

Испанія, Португалія, королевство обѣихъ Сицилій,
и Голландія не были приняты въ разсужденіе при
тыхъ результатовъ.

— Извѣстный бельгійскій промышленникъ г.
важныя улучшенія въ салотопенномъ и стеариновомъ
которыя хранитъ втайнѣ, предлагая продать секрет
денежное вознагражденіе. Вотъ результаты, за которы
покупателю.

1. Употребленіе винноспирта или кислоты дѣлается
ным при обработкѣ стеарина и отдѣленіи олеина: по
жи, и эти дорогіе матеріалы замѣняются другимъ, и
цѣнѣ и находящимся вездѣ подъ руками. Гидравлич
другія механическія орудія и приборы такъ же ста
ними, и вся химическая обработка производится въ о
сосудахъ, при чемъ получается всегда отличный прод

2. Олеинъ, полученный по способу г. Шанжи, с
нымъ освѣтительнымъ матеріаломъ, потому-что при
чѣмъ растительныя масла, онъ не коптитъ, не даетъ
титъ лампъ и другихъ сосудовъ, въ которые будетъ в

3. Кромѣ того этотъ олеинъ очень годится для ва
другихъ шерстяныхъ матерій, къ чему олеинъ, получ
рому способу, былъ вовсе негоденъ.

4. Изъ олеина г. Шанжи получается отличное мыло

5. Для смазыванія машинъ новый олеинъ составл
матеріалъ, ибо не содержитъ въ себѣ нисколько кислот

Г. Шанжи изъ 1,000 фунтовъ сырого сала получаетъ,
собу, 940 фунтовъ топленаго и извлекаетъ изъ него 690 фу

и 125 литровъ олеина, при чемъ прочіе матеріялы для обработки обходятся отнюдь не дороже 3 франковъ. Другіе же расходы весьма незначительны въ сравненіи съ старымъ способомъ.

Г. Шанжи предлагаетъ свои услуги русскимъ заводчикамъ чрезъ Департаментъ Мануфактуръ и Торговли. Нѣтъ сомнѣнія,что это изобрѣтеніе значительно понизитъ цѣну стеарина на европейскихъ рынкахъ.

— Французъ Еженъ Жавруа изобрѣлъ способъ приготовленія весьма твердаго вещества, которое онъ называетъ *французскимъ гранитомъ*. Составъ нѣсколько сходенъ съ асфальтомъ, но гораздо тверже и несравненно лучше выдерживаетъ вліяніе теплорода. Этотъ искуственный гранитъ съ выгодою можно употреблять для мощенія улицъ, тротуаровъ, сѣней, лѣстницъ, а такъ же и для кладовыхъ, въ которыхъ сухость составляетъ необходимое условіе. Цѣна такой мостовой или такому полу отъ 6 до 14 франковъ за квадратный метръ (*).

— Еще новое французское промышленное изобрѣтеніе! Г. Тонтенъ (Tonten), фабрикантъ изъ окрестностей Парижа, придумалъ новый способъ дубленія и выдѣлки всякого рода кожъ, несравненно въ кратчайшій срокъ и съ гораздо меньшею тратою дубильнаго вещества, чѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Приготовленіе кожъ по новому способу обходится пятидесятью процентами дешевле, чѣмъ по старому, и этотъ результатъ подтвердился на опытѣ въ заведеніи самого изобрѣтателя За сообщеніе своего секрета онъ проситъ 250 тысячъ франковъ.

— Кстати о новыхъ изобрѣтеніяхъ. Въ Гамбургѣ живетъ нѣкто Кёнигъ, слѣсарный мастеръ, занимавшійся нѣсколько лѣтъ изысканіемъ простого и дѣйствительнаго способа очищенія дымовыхъ трубъ. Наконецъ ему удалось устроить снарядъ, который, по свидѣтельству знатоковъ дѣла, вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Этотъ снарядъ имѣетъ видъ конуса съ стальными вѣтвями, сжимающимися и раздвигающимися по произволу, сообразно съ шириною трубы; на окружности конуса находятся желѣзные скребни, а на оконечности прикрѣплено металлическое ядро. Будучи вставленъ въ отверстіе трубы, снарядъ опускается собственною тяжестью до горна печи и совершенно очищаетъ трубу отъ сажи и нагару. При употребленіи этого снаряда значительно уменьшается опасность отъ пожаровъ, причиняемыхъ засореніемъ трубъ. Снарядъ Кёнига стоитъ около пяти червонцевъ.

(*) Это составитъ отъ одного до двухъ рублей серебромъ за квадратный аршинъ. Квадратный метръ равенъ почти двумъ квадратнымъ аршинамъ.

— Сырость стѣнъ зависитъ обыкновенно отъ двухъ
ны всасываютъ иногда влагу оттого, что стоятъ на
или находятся въ связи съ конюшнями, отхожими и дру
гдѣ бываетъ постоянная сырость. Иногда же самые стр
теріялы подвергаются химическому разложенію и обра
скопическія соли. Въ послѣднемъ случаѣ сырость об
преимущественно на поверхности стѣны, а середина ос
Образованіе гигроскопическихъ солей зависитъ главн
ствія на штукатурку кислорода и водяныхъ паровъ, вмѣс
раждающимися отъ животныхъ испареній или разложе
скихъ веществъ. Это вліяніе особенно губительно при ч
мѣнахъ погоды.

Когда сырость стѣнъ зависитъ отъ сырости грунта,
онѣ стоятъ, то можно съ пользою употреблять тонкіе
цинковые листы, осколки стекла, куски кирпичу или ас
фальта, которые непосредственно располагаются надъ
земли, для удержанія подымающейся влажности. Для
стѣнъ, въ которыхъ сырость зависитъ отъ образованія г
скихъ солей, должно употреблять слѣдующее средство:

Очистивъ стѣну отъ штукатурки съ наружной сторо
земли, а съ внутренней до полу, должно покрыть ее
ровныхъ частей извести и гипса, смѣшанныхъ съ небол
чествомъ столярнаго клею. Когда замазка совершенно выс
ны нагрѣваются желѣзными печами, снабженными ревер
чего гигроскопическія соли, образовавшіяся на поверхн
уничтожаются. Потомъ сильно разогрѣтую стѣну окраши
ляныммъ составомъ, который тогда довольно удобно въ
вается, до глубины $^1/_4$ дюйма; но для этого нужно нагрѣв
ней-мѣрѣ два раза и потомъ, когда смолистый составъ
никнетъ въ стѣну, должно возобновлять окрашиванье.
стѣны, окрашенной такимъ образомъ, не поглощаетъ бол
потому-что всѣ поры ея наполнены смоляною краскою.

На стѣны, подготовленныя такимъ образомъ, наклады
катурку какъ обыкновенно. (Изъ Dingler's Polytechnisch
August 1848).

— Недавно прусскому обществу поощренія промышле
представленъ отчетъ объ успѣхѣ свекло-сахарнаго прои
государствахъ германскаго таможеннаго союза за 1846 го
влекаемъ изъ этого отчета слѣдующія цыфры о числѣ зав
личествѣ изготовленнаго на нихъ сахару:

	Число заводовъ.	Изготовл. сахару.
Въ Пруссіи.	77	192,500 центнеровъ (*)
— Баденѣ.	2	15,850 — —
— Брауншвейгѣ.	2	3,285 — —
— Виртембергѣ.	2	2,975 — —
— Баваріи.	8	2,630 — —
— Курфир. Гессенскомъ. .	2	1,265 — —
— Саксоніи	1	1,040 — —
— мелкихъ княжествахъ. .	2	1,605 — —

Впрочемъ, какъ ни значительны эти цыфры, сезонъ 1841 — 1842 г. представляетъ еще благопріятнѣйшіе результаты. Вотъ они:

	Число заводовъ.	Изготовл. сахару.
Въ Баденѣ.	8	30,380 — —
— Виртембергѣ.	2	10,460 — —
— Баваріи.	11	9,740 — —
— Курф. Гессенскомъ. . .	4	2,080 — —
— Саксоніи	2	2,125 — —
— мелкихъ княжествахъ. .	4	3,165 — —
— Гессенъ Дармштадтѣ. .	4	6,000 — —
— Нассау.	2	350 — —

Въ послѣднихъ двухъ, по различнымъ причинамъ, свекло-сахарное производство послѣ 1842 г. вовсе прекратилось.

Вообще во владѣніяхъ германскаго таможеннаго союза въ 1841 г. существовало 136 свекло-сахарныхъ заводовъ, пустившихъ въ продажу слишкомъ 250 тысячъ центнеровъ сахару, а въ 1846 году только 96 заводовъ, доставившихъ торговлѣ около 225 тысячъ центнеровъ.

— Въ 1847 году выдано англійскимъ правительствомъ 740 привилегій на различныя изобрѣтенія, открытія и улучшенія, при чемъ взыскано, въ пользу казны, 32,977 фунтовъ стерлинговъ пошлины (около 200,000 руб. сер.). Въ 1846 году было выдано 760 привилегій и взыскано пошлинъ 34,103 фунта.

— Франскини въ своей новой статистикѣ Швейцаріи говоритъ, что тамъ находилось въ 1842 году 134 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, занимавшихъ 662,080 работниковъ. Тамъ спрядено въ одинъ годъ полмилліона пудовъ бумаги, изъ которой соткано до 3 милліоновъ кусковъ различныхъ бумажныхъ матерій, цѣною въ 70 милліоновъ франковъ.

— Въ началѣ 1848 года морская торговля Германіи занимала 6,806 кораблей, вмѣщавшихъ 896,401 тоннъ и имѣвшихъ 45,000 человѣкъ

(*) Центнеръ содержитъ въ себѣ около трехъ пудовъ вѣса.

экипажа. Этотъ торговый флотъ распредѣлялся слѣду
между владѣніями Германскаго Союза.

2795	шлезвигъ-голштинскихъ кораблей	въ	109,9
1501	австрійскихъ.	—	219,718
840	прусскихъ, ...	—	245,500
608	ганноверскихъ.	—	59,304
335	мекленбургскихъ	—	73,780
249	гамбургскихъ	—	67,253
246	бременскихъ.	—	91,300
104	ольденбургскихъ	—	15,424
63	любскихъ.	—	14,073

(Eisenbahnzeitung 1848, № 3

РАЗСКАЗЫ ДУРНОГО ТОНА.

Вмѣсто предисловія, отрывокъ изъ письма къ М. Е

.... Не одинъ разъ передавалъ я тебѣ разные *разсказы* которые удавалось мнѣ слышать. Ты находилъ эти ра ными и замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ полезно б напечатать, потому-что лучшее средство опредѣлить хоро вещи—представить ея дурную сторону. Вотъ почему я рѣш опыта напечатать нѣсколько такихъ разсказовъ въ Сов былъ бы очень доволенъ. если бы они показались такъ ж въ печати моимъ читателямъ, какъ показались забавны изустномъ разсказѣ.

РАЗСКАЗЪ I.

РУССКІЙ МОНТЕ-КРИСТО.

Я зналъ одного господина съ очень добрымъ сер очень дурными манерами и привычками. Онъ вѣчно *хорошемъ обществѣ и о хорошемъ тонѣ* и постоянно н накрахмаленныя манишки, шумѣвшія какъ листъ бумаги, галстухи съ пряжкой назади и съ длинными концами на торые застегивались незабудкой изъ фальшивыхъ бри ему прощалъ все — и его дѣланные галстухи и даже его только не за его доброе сердце, потому-что добрыхъ се много, а за его простодушные разсказы. Одна только эт съ фальшивыми брильянтами, признаюсь, сначала смуща сколько, но потомъ я привыкъ и къ этой незабудкѣ....

Однажды вечеромъ, когда я, по обязанности рецензента — а это очень грустная обязанность — перелистывалъ только-что вышедшій изъ типографіи какой-то *свѣтскій* романъ, герой котораго — первый петербургскій левъ, выѣзжая на балъ, *прыскалъ свои лайковыя перчатки духами*, ко мнѣ вошелъ мой господинъ съ добрымъ сердцемъ и съ незабудкой изъ фальшивыхъ брильянтовъ.

— Извините, я вамъ, кажется, помѣшалъ, сказалъ онъ мнѣ: — вы заняты.

— Нѣтъ, ничего. Сдѣлайте одолженіе, садитесь.

— А позвольте полюбопытствовать, что эта за книжечка у васъ? чтó это вы читаете?

— Да вотъ какой-то свѣтскій романъ.

— Свѣтскій? гм! это очень любопытно.

— Нисколько, потому-что романъ очень глупъ и даже не смѣшонъ.

Мой господинъ съ фальшивымъ брильянтомъ нѣсколько призадумался и потомъ произнесъ глубокомысленно :

— Знаете, и то сказать, чтó у насъ описывать-то въ свѣтскихъ романахъ? Наши богачи-то, эти свѣтскіе-то люди, просто, я вамъ скажу, жить не умѣютъ, не умѣютъ ни тону задать, ни блеснуть.... ничего.... Вы знаете Николая Ильича?

— Нѣтъ....

— Вотъ, я вамъ скажу, человѣкъ-то, такъ человѣкъ! Онъ въ пять или шесть лѣтъ сдѣлался милліонеромъ. Знаете, кому повезетъ такъ повезетъ; ну да ужъ онъ, признаюсь, и стоитъ своего счастья... Я бы нашихъ свѣтскихъ-то людей, богачей-то нашихъ послалъ поучиться у него жить.... Ужь вотъ чтó называется умѣетъ пыль метнуть въ глаза, ослѣпить... Боже мой! я вамъ скажу, какой онъ задалъ намъ балъ недавно... Ну, это просто сказка изъ тысяча одной ночи. Онъ меня пригласилъ съ женой.... Мы наняли возокъ и поѣхали; подъѣзжаемъ къ дому.... у подъѣзда плошки, бель-этажъ такъ и горитъ; входимъ въ переднюю: передняя вся биткомъ набита лакеями; мы сбросили шубы, — глядимъ, а хозяинъ ужъ и стоитъ въ дверяхъ передъ нами и подноситъ моей женѣ букетъ цвѣтовъ, да какой букетище-то я вамъ скажу, изъ камелій, рублей въ 25 серебромъ! Мы въ залу... ну, тутъ, признаться, мы съ женой такъ и обмерли... Вообразите себѣ, вся зала и другія всѣ комнаты уставлены цвѣтами и деревьями... зимой-то сирени всѣ въ цвѣту — ей-Богу не лгу — и при освѣщеніи это такой эффектъ, что просто поразительно. Лампъ однихъ въ одной залѣ было по-крайней-мѣрѣ пятдесятъ. Запахъ какой — прелесть.... кромѣ того, во всѣхъ комнатахъ накурено лоделаваномъ. Навѣрно, у него въ этотъ вечеръ одного лоделa-

ванну на куренье вышло банокъ сорокъ; но это бы
Представьте, онъ вздумалъ напустить въ комнаты
ловьевъ,—клянусь честью... они такъ вездѣ и летают
ные.... Умора! я самъ видѣлъ: сидитъ дама вся
бриллiантахъ, а соловей прилетѣлъ да къ ней на плечо...
знаете, съ дерева на дерево такъ безпрестанно и пере
просто такъ мило, что и сказать нельзя.... Возлѣ
была особая комната для дамъ.... Въ ней стояло огро
мо, я думаю въ сажень вышины, и столы, а на столах
угодно... и перчатки, и башмаки, и ленточки, и духи,
брали такъ, даромъ... вотъ и моя жена взяла двѣ пары
Духота была смертная, потому-что гостей было пр
ужасно пить захотѣлось... я и говорю оффицiанту: «Пр
жокъ, мнѣ стаканчикъ водицы,» а онъ на меня, знаете,
трѣлъ и съ улыбкой... «У насъ», говоритъ, «сударь,
водѣ нѣтъ, а шампанское, если угодно.» — А нельзя л
достать стаканчикъ лимонаду?— «Лимонадъ для дамъ,
ринъ кромѣ шампанскаго кавалерамъ не приказалъ
вать.... Дѣлать нечего, я и выпилъ стаканъ шампа
ужъ за то какъ всѣ перепились къ концу бала, — по
какой былъ.... я считалъ, считалъ блюда, да наконецъ
терялъ....

Нѣтъ, я вамъ скажу, ужъ съ Николаемъ Ильичемъ
вымъ господамъ тягаться не подъ силу. Да вотъ хоть
Мы сговорились съ нимъ ѣхать къ одному нашему общ
му; я и захожу къ нему вечеркомъ.... Застаю его....
въ гостиной и играетъ въ преферансъ... Халатъ на нем
скаго атласа въ три пальца толщины, малиновый, съ з
гурами, рублей въ тысячу по-крайней-мѣрѣ; а сзади за
минѣ двѣ японскiя вазы тысячь въ пять.... Я его спр
чемъ вы играете, Николай Ильичъ? — Да что́, говорит
тецъ, по бездѣлицѣ, это такъ мы шутимъ: по два рубл
поень. Хороша шутка! подумалъ я. — Садись-ка, говори
возлѣ меня; мы скоро кончимъ. Я сѣлъ.... карты сдали.
колай Ильичь не смотря говоритъ: покупаю! Я думалъ,
сказалъ такъ въ разсѣянiи, и дернулъ его. Помилуйте,
говорю я, вѣдь вы и картъ своихъ не смотрѣли. А онъ...
думали, что мнѣ на это? — Пошалить, говоритъ, хочу
проиграю, такъ проиграю... вѣдь надобно же куда-ни
бросать, все равно.... сосѣдъ его говоритъ: и я поку
говоритъ: и я тоже... Ну, я думаю, теперь Николай Ильи
ся,—ничуть не бывало. «Къ червямъ, говоритъ, прикупа

аже морозъ по кожѣ пробѣжалъ.... прикупилъ, да и остался безъ четырехъ взятокъ и хоть бы сколько-нибудь въ лицѣ измѣнился.... акую сумму проигралъ — и сказать страшно.... Сталъ расчитыаться, вынулъ портфель... знаете, этакой сафьянный портфель и въ его вдѣланъ миніатюръ Венера передъ зеркаломъ.... чудной работы! онъ положилъ его на столъ да и говоритъ: полюбуйтесь-ка, оспода, тутъ нарисована бабеночка-то, того....

— Портфелецъ недуренъ снаружи, замѣтилъ одинъ изъ игравшихъ съ лукавой улыбкой: — а внутри, я думаю, еще попривлекаельнѣе....

— А вотъ мы посмотримъ, что́ и внутри, возразилъ Николай Ильичъ....

Какъ онъ открылъ его, такъ у меня, просто, въ глазахъ помутилось... все серенькія и радужныя, да съ иголочки...

— Очистили вы меня порядкомъ, друзья, сказалъ онъ, расчиавшись и положивъ портфель въ карманъ: — не выпить ли съ горя шампанскаго бутылочку, другую....

И при этомъ онъ посмотрѣлъ на своего племянника и мигнулъ му. Племянникъ вышелъ....

Вдругъ черезъ минуту несутъ двѣ бутылки шампанскаго въ серебряныхъ вазахъ, съ этакими каріатидами, и розовые бокалы тончайшаго хрусталя.... Когда мы роспили эти бутылки, Николай Ильичъ обратился ко мнѣ да и говоритъ.

— Что ужъ намъ лучше не ѣхать... Останься-ка, братецъ, у меня а и поужинай.... Ужь извини, чѣмъ Богъ послалъ: ужина не говили.

Онъ мигнулъ племяннику.

Племянникъ вышелъ.

Глядь, минутъ черезъ пятнадцать два лакея несутъ серебряный односище, весь уставленный: тутъ и сардинки, и икра свѣжая съ укомъ, и пулярка, и трюфелей цѣлая груда.... чего тутъ нѣтъ!

— Ну, а вина-то что́жь?

Онъ мигнулъ племяннику.

Племянникъ вышелъ и принесъ лафитъ подъ зеленой печатью.

— Это винцо доброе, *шато розъ* (т. е. Château la Rose), замѣтилъ Николай Ильичъ наливая намъ полные стаканы: — въ Петербургѣ ужь вы ни за какія деньги не достанете этого вина. Я все скупилъ за бездѣлицу. Мнѣ бутылка-то обошлась 4½ серебромъ.... Ну да что́жь ты братецъ, не пьешь?...

— Да мнѣ докторъ, говорю я, запретилъ пить красное вино.

— Такъ что́жь ты не скажешь? Давно бы сказалъ, — или ты думаешь, что у меня нѣтъ бѣленькаго....

Онъ мигнулъ племяннику.

Племянникъ вышелъ.

Принесли бѣлое вино, — да какъ бы вы думали? Н какое-нибудь, а сотернъ подъ золотою печатью въ 4 ру ромъ....

— Ну, пей же бѣленькое. И онъ налилъ мнѣ въ стака да, такъ-что вино и потекло черезъ край.

— Помилуйте, я говорю, Бога вы не боитесь, какъ эт гоцѣнность продивать....

— Вотъ те разъ! Ахъ, ты шутъ гороховый.... Экая ность! Чтожъ ты думаешь, что у меня одна, чтó ли, буты

Такъ вотъ, батюшка, какъ живутъ! Вотъ, я вамъ скажу господамъ сочинителямъ-то, вмѣсто этихъ свѣтскихъ р описать бы этого человѣка, — такъ это было бы поинте вѣдь это Монте-Кристо въ своемъ родѣ... Этакой бы роман хватъ бы купили....

— Я тоже думаю....

— А я знаете, продолжалъ мой господинъ съ незабу фальшивыхъ брильянтовъ: — заболтался, да и не говорю, къ вамъ пришелъ....

— А чтó такое?

— Да я пришелъ васъ звать къ себѣ... пріѣзжайте-ка за черкомъ... У меня соберутся такъ кое-кто пріятели.... По пріѣзжайте *на кусокъ говядины*... Ростбифъ будетъ добрый. дете?

— Постараюсь.

— Нѣтъ, да ужь вы скажите навѣрно....

— Навѣрное-то я не могу сказать.

— Отчего же? Сдѣлайте одолженіе.... Да нѣтъ, я увѣре вы пріѣдете, когда я вамъ скажу по секрету на ушко одну

Господинъ съ незабудкой наклонился къ моему уху и про съ торжественностію:

— Вѣдь у меня будетъ бутылочка *сотерна подъ зол чатью....*

И произнеся это, господинъ съ незабудкой пожалъ мн вышелъ, твердо увѣренный въ томъ, что послѣ этого уже не быть никакихъ съ моей стороны возраженій.

VII.

Приступая къ отдѣлу модъ, мы хотимъ, по случаю Новаго года, начать этотъ отдѣлъ нѣкоторыми желаніями и совѣтами, которые послужатъ, такъ сказать, предисловіемъ къ модамъ, какія покажетъ намъ наступившій 1849 годъ. Какъ ни трудно предузнать направленіе, которое приметъ капризность этой своевольной повелительницы — моды, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ насъ пробуждаются сильныя симпатіи къ нарядамъ XVIII вѣка, съ тою только разницею, что она выбрасываетъ изъ нихъ все, что было въ нихъ преувеличеннаго, фальшиваго, и имѣетъ въ виду одно только естественное и изящное. И эта симпатія къ XVIII вѣку понятна. Никогда женщина не имѣла такого могущественнаго вліянія, никогда нарядъ не придавалъ столько силы и увлекательности женской красотѣ, какъ въ нарядахъ XVIII вѣка, -- этого остроумнаго и веселаго вѣка, который столько обожалъ женщину, что больше всего для нея хотѣлъ быть и умнымъ и знаменитымъ. Не знаемъ, возвратятъ ли его моды этихъ серьёзныхъ мужчинъ къ ихъ прежней, увы! утраченной ими остроумной любезности, къ ихъ живости ума, который ска-

лался теперь такимъ тяжелымъ и вялымъ! Можетъ бы
событія, постигшія Парижъ, измѣнятъ это направле
преобладать.... Но мы совсѣмъ не объ этомъ хотѣли го
хотѣли начать сожалѣніемъ о томъ, что дамы на
серьёзно смотрятъ на такой важный предметъ, какъ
даютъ слишкомъ большое значеніе модамъ, не обр
вниманія на то, что̀ несравненно выше всѣхъ модъ:
объ изящномъ вкусѣ въ нарядахъ. Слѣдя за модами и
маніемъ въ ихъ причудливые капризы, онѣ бо̀льшею ч
ютъ изъ виду то, что̀ должно составлять первое усл
существованія, именно постоянное, всегдашнее изящ
Это изящество состоитъ не въ богатствѣ его, не въ
моднòмъ покроѣ, а въ тонкости вкуса. Многія ли изъ
понимаютъ, напримѣръ, всю важность *хорошо* сдѣла
а въ чемъ заключается главная тайна женскаго ту
доктора запрещаютъ употребленіе корсета, такъ
прещаютъ прогулки лѣтнею ночью по озеру, моро
кій день, и проч., какъ другіе доктора-моралисты
щіе давать волю своимъ чувствамъ.... Но тѣ дурно пон
корсета, которыя думаютъ, что̀ все состоитъ въ томъ
можно крѣпче имъ стягиваться. Напротивъ, *хорошо* сд
сетъ даетъ стану изящную форму, оставляя полную
и движеніямъ, образуя спереди совершенно прямую та
что для этого нужно прежде всего пріучиться держат
потому-что въ сущности такой корсетъ помогаетъ дер
вая стану опираться на однихъ бедрахъ. Да изгонят
употребленіе крахмаленныхъ юбокъ! это употребленіе
самый дурной вкусъ. Посмотрите хотя даже на актрис
нельзя отнять вкуса, но какъ иногда у иной неумѣренн
надѣтыхъ юбокъ уничтожаетъ всякую грацію движеній,
ный костюмъ ея теряетъ всякую прелесть. Думая прида
соту своему стану, дамы наши только безобразятъ его:
перенесенъ изъ Германіи, гдѣ женщины, будучи ли
думали пріобрѣсти ее тѣмъ, что придали своей таліи
тонкость, распустивъ около нея эту противную приро
ную для глазъ полноту. Мы не находимъ довольно слов
сить нашихъ дамъ выбросить изъ своего туалета эт
предразсудокъ. Что̀ же касается до модъ собственно
смѣлость совѣтовать нашимъ дамамъ — обращаться съ
шею осторожностію. Женщина должна обдумывать
какъ поэтъ вдумывается въ свое созданіе; она должн

и моды съ своимъ лицомъ, съ его характеромъ выраженія, съ своими манерами. Ничто не можетъ быть опаснѣе для женскаго туалета, какъ буквальное слѣдованіе модамъ. Мода не должна для нея итъ чѣмъ-то обязательнымъ, непреложнымъ, роковымъ, — это орѣе *намекъ*, въ какую сторону *можно* разнообразить свой туалетъ; женщина должна соображать этотъ намекъ съ своимъ лицомъ, ормами тѣла, наконецъ съ образомъ жизни. Иначе мода вела бы ь такому скучному однообразію нарядовъ, въ которомъ уничтожилсь бы всякая поэтическая фантазія женскаго каприза.

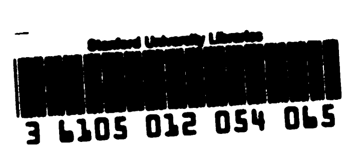
Теперь въ Петербургѣ начались маскерады; а нигдѣ женщина такъ е можетъ блеснуть вкусомъ, какъ въ маскерадѣ. Тутъ невозможно азнообразіе туалета; лицо, станъ, плечи, руки ея, волосы закрыты. Женщинѣ остается одно — придумать такую общую гармонію въ воемъ туалетѣ, чтобъ при всей строгой простотѣ его обнаруживалось его изящество. Покрой капишоновъ прежній; ихъ дѣлаютъ ерные бархатные гладкіе, — атласные съ широкими кружевами; фасонъ измѣняется по вкусу женщины: предпочитаетъ ли она дѣлать себѣ домино на манеръ мантильи или домино полный, т. е. шинный. Но ничего не можетъ быть безобразнѣе, какъ употребле-е какихъ бы то ни было шапочекъ на головѣ. Свѣтлое домино въ овершенномъ пренебреженіи. Въ маскерадахъ еще встрѣчаются два рта домино: одни бѣлыя, розовыя, голубыя, отягченныя безконечнымъ количествомъ кружевъ; надѣвающія ихъ думаютъ обратить этимъ на себя выгодное вниманіе — расчетъ ошибочный! Вся прелесть таинственности маски исчезаетъ подъ этимъ блескомъ. — Другія, напротивъ, принимая маскерадъ за мѣсто, гдѣ закрывая лицо маскою, онѣ не обязаны заботиться о своемъ туалетѣ,—являются ъ такой грубой небрежности наряда, что нѣтъ ничего удивительнаго, если всякой порядочный человѣкъ уклоняется отъ такихъ домино.

Чтó касается до бальныхъ костюмовъ, то вотъ одинъ, вышедшій на-дняхъ изъ мастерской г-жи Виртъ: свѣтло-зеленое платье неразрѣзного бархата, убранное четырьмя волонами изъ зеленыхъ блондъ; ими же убраны корсажъ и рукава. Къ такому платью идутъ бѣлыя камеліи наколокъ и у корсета. *Sortie de bal* изъ бѣлаго кашемира, на блѣдно-голубомъ атласѣ, капишонъ круглый, выстеганный е очень мелко, для завязки великолѣпныя шолковыя кисти.—Для утренняго наряда: платье изъ зеленаго гроденапля, муаре, убранное зелеными блондами на-манеръ передника; рукава гладкіе, лифъ закрытый съ круглымъ мыскомъ; мантилья изъ зеленаго бархата,

обшитая однимъ атласнымъ, зеленымъ кантикомъ,
Форма мантильи очень небольшая; концы, какъ сн
сзади, острые. Шляпа изъ неразрѣзного бархата съ
plumes de coc съ обѣихъ сторонъ, подъ шляпой тюль
теперь зеленый цвѣтъ смѣнилъ цвѣтъ синій.

Stanford University Libraries
3 6105 012 054 065

